Содержание

Гончаров И.В. Изменения в Конституции Российской Федерации – новые вехи федерализма…… 3

Коляда А.В. Взаимодействие органов внутренних дел и прокуратуры российской федерации в сфере противодействия преступности…….. 6

Исмаилов М.А. Использование традиционных институтов соглашений и примирения как инструмент разрешения конфликтов и предотвращения преступлений на Северном Кавказе…… 12

Грошев А.В. Правовые основы противодействия организованной преступности в условиях глобализации…….. 17

Небратенко Г.Г. Критика институтов современного государства и права в доктрине «исламского социализма» Муаммара Каддафи……... 26

Яхьяев М.Я. «Женский шахидизм» как террористическое превращение исламского феномена……. 29

Черепанов В.А. О голосовании в конституционном праве Российской Федерации…….. 37

Иванников И.А. Формирование государственно-правовых ценностей человека и гражданина как фактор эффективного противодействия преступности ……..... 45

Андреева Е.М. Уголовная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств (на примере бюджетных грантов) на научные исследования и проекты…… 48

Бавсун М.В., Куршев А.Х. Правовые и организационные основы предупреждения рецидивной преступности…… 54

Бакаева О.Ю., Мошкина Н.А. Противодействие неправомерным деяниям в таможенной сфере в условиях цифровизации……. 59

Батов Г.Х. Цифровизация экономики региона в системе экономической безопасности……... 62

Бзаров Р.С. Из истории противодействия преступности: институт аманатства…….. 68

Воронин М.Ю. Международно-правовые основы противодействия торговле людьми…….. 71

Гаврилин Ю.В. Формирование компетенций по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: опыт академии управления МВД России…….. 75

Гаврилов Б.Я. Об эффективности законодательства уголовно-правового комплекса в противодействии коррупции….. 80

Гирько С.И. Современная пенитенциарная преступность как вызов безопасности Российской Федерации…… 87
Гриб В.Г. Преступление в уголовном праве зарубежных стран…… 93
Гришай Е.В. Влияние деструктивного контента в массмедиа и сети Интернет на радикализацию молодежи…… 96
Гросс И.Л. Особенности профилактики семейно-бытовых преступлений…….. 102
Жукова А.В., Голяндин Н.П., Шериев А.М. Актуальные вопросы профилактики молодежного экстремизма в современных условиях…….. 107
Зайцева Е.А. Участие защитника в следственных и процессуальных действиях: пределы и целесообразность расширения……. 112
Карнаушенко Л.В. Четвертое поколение прав человека: теория и практика…….. 117
Киреев М.П., Литвинов Н.Д., Мартынов А.Н. Генезис православно-исламского движения на Кавказе…….. 123
Клименко Т.М., Тоторкулова Ф.Р. К вопросу о правовой природе понятия «малозначительность деяния» и критериев ее определения в уголовном праве…….. 133
Кобец П.Н. Совершенствование противодействия коррупции в условиях развития глобализационных процессов с учетом положительного опыта зарубежных антикоррупционных институтов…….. 137
Котенев А.Д. Социальная стабильность как фактор обеспечения экономической безопасности государства…… 146
Костюченко Н.И., Кочеров Ю.Н. Проблемы противодействия органов внутренних дел преступным посягательствам, обусловленные нарушением законов социального управления при формировании их структур (на примере информационного и аналитического обеспечения органов внутренних дел)……... 150
Ларичев В.Д. Характеристика преступлений, совершаемых с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи……... 159
Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Квалификация действий сотрудников органов внутренних дел при превышении пределов необходимой обороны, крайней необходимости, а также мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.. 168
Маликов Б.З., Линевич Я.В. Теоретические и правовые аспекты сведений о мерах государственной защиты и уголовной ответственности за их разглашение……. 173

Мамбетова Ф.А. Экономическая безопасность территории в условиях цифровой трансформации……. 178
Масалов А.Г., Масалов Г.А. Механизм противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации: понятие, структура, тенденции…… 185
Махошева С.А. Цифровая экономика и формирование новой архитектуры региональных социально-экономических систем как элемент обеспечения экономической безопасности России в условиях современных общемировых угроз……... 193
Мещерякова Е.И. Становление профессиональной идентичности курсантов в контексте формирования ценностно-смысловых доминант в образовательном процессе ведомственных вузов…… 197
Минязева Т.Ф. Пожизненное лишение свободы как средство противодействия преступности и мера профилактики….. 203
Никитенко И.В. Криминологическая характеристика взяточничества и борьба с ним……. 208
Овчинников А.И., Хажироков В.А. Противодействие коррупции с использованием искусственного интеллекта и нейросетей……... 213
Печников Г.А., Олейник Е.А. Карл Маркс о диалектической взаимосвязи формы и содержания в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношениях…….. 218
Плотников В.В. Сюжетная сторона преступления: литературно-философский аспект……... 221
Псху А.В. Моделирование криминогенности социально опасных явлений…… 225
Разгельдеев Н.Т. Противодействие преступности в природоохранной сфере в условиях глобализации……. 228
Ростокинский А.В. Границы применимости педагогической науки в органах внутренних дел……... 231
Туравец Н.Р., Тебердиева Ж.И. Поэтапный процесс развития субъектно-профессионального потенциала курсантов в образовательной организации МВД России…… 239
Фалеева Л.В., Личутина М.Г. Влияние экстремизма на молодежную среду: причины возникновения и способы противодействия…… 242
Чеджемов С.Р. Профилактика терроризма в условиях современного высшего образования…… 246
Шаповалов Ю.Н. К вопросу о признаках хищения……..… 250
Яковлева Л.В. О понятийном аппарате уголовного права… 254

Абдулатипов А.М. Основные факторы, влияющие на формирование «спящих ячеек» террористических структур….. 260
Аргунов А.К. Оперативно-разыскная характеристика проявлений религиозного экстремизма в среде мигрантов – выходцев из среднеазиатского региона…….. 272
Атабава Д.Т-А. Проблемы реализации принципа разделения властей в Российской Федерации…… 278
Бадамшин И.Д., Коломийченко Е.В. Отдельные проблемные аспекты основ соучастия……. 280
Бадзгарадзе Т.А., Бадзгарадзе Г.Д. Особенности расследования налоговых преступлений…… 283
Бачиева А.В., Светличный Е.Г. Огневая подготовка сотрудников оперативно-разыскных подразделений МВД России…….. 290
Бачиева А.В., Макарова Е.Н. Личность преступника как один из элементов криминалистической характеристики преступлений террористической направленности……. 293
Бидова Б.Б. Осознание и формулирование национальных интересов в контексте их правового обеспечения…….. 297
Билоус Е.Н., Кублова М.Г. Современное состояние наркопреступности в Российской Федерации…… 305
Богмацера Э.В. Региональные интеграционные процессы и противодействие терроризму (на примере СНГ)…… 312
Бозиева Ю.Г. Доминирующие факторы распространения терроризма в молодежной среде……..……... 318
Бокий А.Н. Актуальные вопросы обеспечения личной безопасности вооруженного сотрудника полиции……. 322
Буркова О.А. Потенциал пенитенциарной библиотечной среды как средство формирования духовно-нравственной культуры осужденных…….. 327
Бурдинский И.А. Отдельные аспекты правомерного применения оружия и специальных средств сотрудниками полиции…….. 330
Власенко В.В., Кулиев И.Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как основной специализированный субъект профилактики правонарушений…… 334
Воскобоев А.И. Актуальные проблемы подготовки сотрудников органов внутренних дел к эффективному противодействию преступности в условиях глобализации……. 340
Голяндин Н.П., Шипилов В.И. Деятельность истребительных батальонов Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны…… 344

Гонтарь В.Н. Актуальные вопросы распространения экстремистской идеологии в молодежных движениях…….. 349

Горелов С.А., Григорьева О.В., Виноградов И.Д. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел в период адаптации к несению службы по охране общественного порядка и общественной безопасности в условиях COVID-19……... 354

Белов Е.В., Коркмазов А.В. Реальная опасность современности – терроризм и экстремизм…….. 357

Боренов А.Ю. Содержание полос препятствий в процессе физической подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России……... 361

Дзагоев И.И. Особенности и профилактики экстремизма в Республике Южная Осетия…… 363

Денисенко С.В. Роль морального фактора в эффективном противодействии преступности……... 369

Ешеров А.Г., Голяндин Н.П. Деятельность подразделений органов внутренних дел Северо-Кавказского региона по противодействию экстремизму и терроризму…….. 373

Жарков С.А., Тихонов С.В. Технические средства обучения в процессе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел России……... 378

Иванова Е.С., Рязанцев Е.Н Особенности получения образцов для сравнительного исследования при расследовании преступлений против общественной безопасности……... 380

Ингушев Ч.Х. Роль образовательных организаций в противодействии экстремизму в современных условиях……. 383

Кальченко Н.В. Вопросы ограничения прав человека в условиях режима контртеррористической операции…… 388

Колбасина Е.Е. Проблемы процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением «сделки с правосудием»…… 393

Колесникова Е.В. Корни экстремизма. Социальный анализ. Проблемы религиозного экстремизма на современном этапе развития России (секты)…… 395

Кашин С.Н., Земляной А.И. О некоторых направлениях совершенствования физической подготовки сотрудников полиции……... 401

Коломиец С.Н., Середин А.Н. Необходимость и пути совершенствования средства сковывания движения «невод», состоящего на вооружении в органах внутренних дел Российской Федерации…….. 404

Конопляникова М.В. Профилактика правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения…… 410
Корзун И.Г. Взаимодействие сотрудников полиции и общественности по вопросам борьбы с преступностью…… 414
Косовский В.Б., Мартынюк С.Н. Совершенствование учебного процесса по огневой подготовке в образовательных организациях МВД России в условиях карантина……. 419
Кочиев Д.Г., Макиев Т.Ю. К вопросу о противодействии незаконному обороту наркотиков в Южной Осетии……. 422
Крыжановский Ю.С., Кан Л.В. Актуальные вопросы обучения сотрудников органов внутренних дел базовым основам огневой подготовки……... 426
Кузнецова Е.В., Грунин Д.А. Международное сотрудничество в правоохранительной сфере по вопросам противодействия экстремизму и терроризму……. 433
Лакомская М.Ю. Современные возможности применения судебной фотографии при производстве осмотра мест происшествий……. 436
Леванов Д.А., Стенина Т.В. Актуальные проблемы, возникающие при назначении и производстве судебных автотехнических экспертиз……... 439
Лопатин Д.А. Процесс физической подготовки сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический аспект…….. 444
Максимов П.В. Особенности исполнения наказания за бандитизм в довоенный период советского государства…….. 447
Малахов А.С., Бедарев К.В. Особенности выявления преступлений экстремистской и террористической направленности при помощи сети Интернет…….. 451
Малофей А.О., Москвин М.М. Актуальные вопросы огневой подготовки в части требований законодательства и практики применения оружия сотрудниками полиции…….. 456
Пеструилов А.С. Особенности организации правового воспитания в органах внутренних дел……. 462
Петренко Д.А., Смоляков Е.В. Современные требования к уровню физической подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России……... 466
Прокофьева Е.В. Особенности работы со следами крови при осмотре места происшествия…… 470
Пхешхова И.М. Социальные, теоретические и правовые предпосылки криминализации публичного распространения заведомо ложной информации (статьи 207.1, 207.2 УК РФ)…… 474

Сизова В.Н. Институт уголовной ответственности юридических лиц как системный элемент противодействия преступности……. 483
Сотников К.И. О практической значимости и теоретических подходах к созданию частных методик расследования отдельных видов преступлений…….. 488
Тарасова Л.Я. Статья 205.6 УК РФ как дополнительная мера противодействия терроризму…….. 493
Теунов М.К. Актуальные вопросы противодействия экстремистской деятельности международного религиозного объединения «Ат-Такфир валь-Хиджра» в Российской Федерации: проблемы и перспективы……. 496
Толгурова З.Х., Уянаева Х.Б. Влияние терроризма на развитие туристической отрасли Северного Кавказа……. 503
Федорченко А.В. Характеристика экономических преступлений, совершаемых в металлургическом комплексе России……. 508
Чернышев Д.Б. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: основные криминологические тенденции……... 516
Черкашин А.В. Международно-правовое сотрудничество в сфере информационной безопасности: проблемные аспекты взаимодействия…….. 519
Ураков Д.И., Сидякова Т.А. Особенности подготовки сотрудника полиции к применению оружия в современных условиях…….. 522
Фишер И.В. Огневая подготовка слушателей, обучающихся по программам профессионального обучения…….. 525
Хадисов М.Р-Б., Краснослободцев А.А. Сущность и основные направления экономической безопасности в современных условиях хозяйствования……... 528
Яицкая Е.А. Влияние глобализации на радикализацию молодежи…… 533

Гончаров Игорь Владимирович,
заведующий кафедрой
государственного строительства и права
университета Прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции,
доктор юридических наук, профессор

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – НОВЫЕ ВЕХИ ФЕДЕРАЛИЗМА

Со времени принятия Конституции Российской Федерации 1993 г.[1] на фоне происходящих социально-политических процессов, экономического, культурно-правового развития страны к 2020 году стала заметна необходимость совершенствования конституционно-правового регулирования отношений, лежащих в основе общества и государства, конституционного закрепления назревших новых основных ценностных ориентиров в государственной, социально-экономической, культурной и правовой политике. Вместе с тем из-за того, что глава 1 действующей Конституции, посвященная основам конституционного строя, не могла быть изменена, нововведения коснулись главным образом вопросов федеративного устройства и организации публичной власти.

Новейшая редакция отечественной Конституции в части трактования государственного единства имеет свою предысторию. Российская Федерация в разные периоды своего существования не может рассматриваться абстрактно. Федерация в России, на наш взгляд, это присущее российскому народу политико-этническое свойство, ее политико-правовое самоутверждение и самовыражение. На начальном этапе становления России как федерации в Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 года говорилось «о добровольном и честном союзе народов России». Российская Федерация исторически сложилась как федерация национально-территориальная. Напомним, что РСФСР сложилась не в результате объединения равнозначных суверенных государств, а в силу выделения отдельных территорий из уже существующего государства – Российской Советской Республики.

В этом плане понимание сути федерализма может иметь правовое и политическое измерение. Самое характерное в современной истории Российской Федерации состоит в том, что федерализм является преемственным феноменом. Федерализм не может быть сведен к простому изложению процессов его становления, ни к сравнению разных его форм.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

Российский федерализм нам представляется устойчивой и преемственной исторической традицией.

Конституция Российской Федерации в редакции от 12 декабря 1993 года закрепила ее статус как демократического правового федеративного государства с республиканской формой правления. Россия как федерация состоит, как известно, из республик, краев, областей, городов федерального значения, одной автономной области и автономных округов, которые как субъекты Федерации равноправны.

Важным положением является допущение приема в Российскую Федерацию новых территорий и образование новых субъектов, однако не предусматривается и не конституируется право выхода из состава Федерации. Вне полномочий Федерации указанные субъекты обладают полнотой государственной власти на своей территории. Основным принципом федеративного устройства России является ее государственная целостность, единство системы государственной власти, равноправие и самоопределение народов Российской Федерации. Коррелирующим с ним принципом является положение о том, что земля используется и охраняется в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Ранее действовавшее конституционное и нормативно-интерпретационное установление определяло, что территория России включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. По новой статье 67.1 Основного закона Российская Федерация является правопреемником СССР на своей территории, кроме того, закреплено признание преемственности в развитии Российского государства и исторически сложившегося государственного единства.

Вследствие этого зафиксировано новое понимание обеспечения защиты Россией своего суверенитета и территориальной целостности. В частности, не допускаются действия на отчуждение части территории Российской Федерации. Россия как федеративное государство в новой редакции Конституции является не только правопреемником СССР на своей территории, но также и правопродолжателем СССР в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов СССР за пределами территории Российской Федерации.

В новой редакции Конституции 1993 года важным нюансом, регламентирующим отношения в Федерации, является признание государственным языком Российской Федерации на всей территории русского языка как языка государствообразующего народа. Представляется необходимым также отметить новую концепцию государственного единства, в основу которой положен принцип многонационального союза равноправных народов Российской Федерации. Вместе с тем в новой редакции подчеркивается принцип защиты исторической культурной

самобытности всех народов и этнических общностей России и гарантируется сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Заметной новацией в концепции российского федерализма является возможность создания на территории Российской Федерации федеральных территорий на основании федерального закона. В настоящее время можно только предполагать о целях и принципах образования таких территорий на основании зарубежного опыта. Существенное уточнение получило разграничение предметов ведения между Федерацией и субъектами, входящими в ее состав. В частности, вопросом федерального значения признается организация публичной власти, научного развития, установление единых правовых основ в некоторых сферах, в частности, здравоохранения, образования, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Существенное дополнение получила статья 72 Конституции России о совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Некоторые заметные изменения внесены в действующую Конституцию в части формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в частности, существенным обстоятельством является новый официальный конституционно-правовой термин «сенатор» взамен «члена Совета Федерации», в который, как известно, входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации.

В сфере взаимоотношений властей на федеральном и региональном уровне по новой редакции Конституции 1993 года представительные органы субъектов Федерации более не согласовывают кандидатуры прокуроров субъектов Федерации, эта прерогатива отнесена к Совету Федерации. Таким образом, назначение прокурора субъекта Федерации более не согласовывается с соответствующим субъектом. Одним из самых значительных новшеств, касающихся в том числе вопросов отечественного федерализма, являются концептуальные изменения в сфере организации местного самоуправления. Прежде всего обращает на себя внимание введение нового конституционного термина «публичная власть», которая объединяет государственную власть и органы местного самоуправления, тем самым определяя единство их социально-правовой сущности.

В соответствии с новым веяниями органы государственной власти субъектов Федерации вправе участвовать в формировании муниципальных органов, ранее действия субъектов Федерации в этом направлении неоднократно подвергались критике. Таким образом, комментируемые изменения редакции Конституции Российской Федерации 1993 года осмысливаются как типологические признаки системы отечественного федерализма на новом этапе его исторического развития, как важные новшества его организационно-политической и юридической природы.

Конституция Российской Федерации является не только Основным законом нашей страны и стержневым нормативным правовым актом российской правовой системы, она является также отражением и правовым выражением уникального исторического пути развития нашего государства, отражающим его самобытный уклад. Являясь одним из самых стабильных нормативных правовых актов в нашей стране, Конституция, тем не менее, эволюционирует в соответствии с очередными вехами развития российской государственности. Новый этап ознаменовался укреплением единства Российской Федерации, официальным закреплением приоритетности положений Конституции России над международными договорами, участницей которых является наша страна, недопустимостью отчуждения территорий нашего государства. В 2020 году фундамент дальнейшего развития России по пути продолжения суверенной внутренней и внешней политики был в значительной мере усилен.

Коляда Андрей Викторович,
начальник отдела кадров
Прокуратуры Кабардино-Балкарской Республики,
советник юстиции

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Состояние преступности, ее количественные и качественные показатели оказывают значительное влияние практически на все сферы жизни общества. В условиях широкого распространения преступности невозможны стабильное развитие экономики, нормальная внутриполитическая деятельность, культурная жизнь. Противодействие преступности является одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Преступность относится к одним из наиболее сложных по своей сути негативных явлений современного мира, она многогранна, изменчива, стремительно трансформируется в соответствии с веяниями времени. В Российской Федерации, как и в большинстве других стран, противодействие преступности возложено на значительный круг правоохранительных органов, каждый из которых наделен собственной строго определенной компетенцией. Одной из ключевых особенностей борьбы с преступностью является то, что она может успешно осуществляться лишь в условиях эффективного взаимодействия и сотрудничества всех субъектов противодействия преступности. Обеспечение слаженной и согласованной

работы целого ряда правоохранительных органов, каждый из которых обладает собственным разветвленным штатом сотрудников, ведомственными нормативными актами и иными регулирующими документами и, наконец, собственным руководством, определяющим текущее направление работы каждого такого органа – это чрезвычайно сложная и в тоже время деликатная задача.

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации»[1] координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью возложена на прокуратуру Российской Федерации, что определяет ее особую организующую роль в деятельности по борьбе с преступностью. В целях обеспечения координации деятельности прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации. Именно на Генеральную прокуратуру Российской Федерации возложена реализация единого государственного статистического учета сведений о состоянии преступности, а также информации о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре. Генеральная прокуратура осуществляет федеральное статистическое наблюдение основываясь на первичной информации, предоставляемой государственными органами. В этом аспекте проявляется один из значимых моментов взаимодействия прокуратуры и органов внутренних дел Российской Федерации – сбор, анализ, обобщение и обмен информацией.

Анализ статистических данных позволяет с уверенностью судить о том, что значительная часть совершаемых в Российской Федерации правонарушений выявляется именно сотрудниками органов внутренних дел. Их силами в 2020 году выявлено почти 75 процентов общего числа преступлений, совершенных в быту. Всего в 2020 году пресечено 105,5 тысячи преступлений экономической направленности, основная часть которых задокументирована сотрудниками полиции. Завершено расследование 65 тысяч экономических преступлений, по 80 процентам из них виновные установлены сотрудниками органов внутренних дел.[2]

Таким образом, Министерство внутренних дел Российской Федерации, осуществляя сбор и анализ статистической информации и

---

[1] О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) // Текст Федерального закона опубликован в Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. № 8. Ст. 366.

[2] Расширенное заседание коллегии МВД России от 3 марта 2021 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65090 (дата обращения: 19.04.2021).

последующую ее передачу в Прокуратуру Российской Федерации, вносит значимый вклад в формирование объективной и достоверной картины динамики преступности в нашей стране, что играет важную роль в выработке путей совершенствования деятельности всей правоохранительной системы России, а также совершенствования нормативно-правовой базы в сфере противодействия преступности. Как известно, Прокуратура РФ в случае выявления в ходе своей деятельности условий, диктующих необходимость внесения в законодательство изменений с целью его совершенствования, обладает правом вносить в соответствующие органы законодательной власти (либо наделенные правом внесения законодательной инициативы) предложения по дополнению действующих нормативно-правовых актов, а также принятию новых нормативно-правовых актов или отмене существующих, если они нарушают требования нормативно-правовых актов большей юридической силы.

Ключевая роль Министерства внутренних дел Российской Федерации в вопросах выявления правонарушений и преступлений в нашей стране связана со спецификой деятельности органов внутренних дел, их задачами и широким спектром основных направлений деятельности. Многие подразделения органов внутренних дел несут свою службу в непрерывном круглосуточном режиме. Сотрудники органов внутренних дел чаще, чем представители других правоохранительных структур непосредственно контактируют с населением, что особенно ярко проявляется в работе Государственной инспекции безопасности дорожного движения, участковых уполномоченных полиций, патрульно-постовой службы полиции и ряда других подразделений системы МВД России. Это обстоятельство диктует высокие требования к тому, чтобы деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации всегда осуществлялась строго в рамках закона и установленных законом процедур. В особенности это касается деятельности, связанной с применением мер государственного принуждения, мер, ограничивающих отдельные права и свободы человека и гражданина. Именно здесь проявляется важность деятельности Прокуратуры Российской Федерации по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в рамках которой прокурор проверяет и рассматривает жалобы и иные сообщения о нарушениях прав человека и гражданина, дает разъяснения лицам, пострадавшим от подобных нарушений, о порядке защиты их прав и свобод, а также предпринимает меры по предупреждению и пресечению таких нарушений и привлечению к ответственности виновных лиц.

Следует сказать, что Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 года[1] достаточно ярко подчеркивает роль прокурора как гаранта соблюдения и защиты прав и свобод человека при реализации полицией некоторых своих полномочий. В частности, он письменно уведомляется в течение 24 часов о каждом случае, когда сотрудник полиции осуществил вхождение в жилое помещение, действуя против воли находящихся в таком помещении граждан. Кроме того, в каждом случае, когда вследствие применения сотрудником полиции физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия гражданин получил ранение либо наступила смерть гражданина, прокурор также в обязательном порядке уведомляется в течение тех же 24 часов. Действующее российское законодательство предоставляет полиции право осуществлять административное задержание. В этом аспекте проявляется еще одно полномочие прокурора, предусмотренное ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» – возможность своим решением (постановлением) освободить лицо, незаконно подвергшееся административному задержанию в результате решений, принятых несудебными органами.

Нельзя обойти вниманием такие ключевые направления деятельности органов внутренних дел как оперативно-розыскная деятельность, а также дознание и предварительное следствие, в рамках которых прокуратура не только реализует функции по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, но осуществляет надзор за соблюдением законодательно установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий и расследования, а также за законностью решений органов внутренних дел. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации устанавливает, что прокурор в ходе досудебного производства по уголовному делу уполномочен не только осуществлять надзор, проверять исполнение дознавателем требований закона, но и давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий.

Недопущение нарушений закона со стороны органов внутренних дел не только повышает общую эффективность деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и обеспечивает реализацию принципов соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина и законности, но и способствует воплощению в жизнь еще одного важного принципа – общественного доверия и поддержки граждан, нашедшего отражение, в частности, в Федеральном законе «О полиции». Законодательно установлено, что одним из официальных критериев

[1] О полиции: федер.закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 900.

оценки эффективности работы полиции является мнение общества, что абсолютно обоснованно, поскольку невозможно в полной мере обеспечить эффективное противодействие преступности в условиях, когда граждане страны не готовы доверять сотрудникам органов внутренних дел, сотрудничать и взаимодействовать с ними, сообщать им открыто или анонимно о правонарушениях и преступлениях, очевидцами которых они становятся.

Одним из ключевых аспектов взаимодействия является профилактика правонарушений. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1] указывает, что субъектами профилактики правонарушений являются федеральные органы исполнительной власти, в том числе органы внутренних дел Российской Федерации, а также органы прокуратуры Российской Федерации. Следует отметить, что именно профилактике и предотвращению преступлений отводится ведущая роль в таких сферах противодействия преступности, как борьба с терроризмом, противодействие экстремизму, антикоррупционная деятельность. Следует сказать, что и органами внутренних дел, и Прокуратурой Российской Федерации накоплен достаточно богатый опыт проведения профилактических мероприятий, направленных на борьбу с различными видами преступлений. Важную роль играет правовая пропаганда и правовое просвещение населения, которыми занимаются органы внутренних дел и прокуратура РФ, когда они проводят совместные мероприятия с различной целевой аудиторией, такой, например, как несовершеннолетние лица.

В целях недопущения нарушений антиэкстремистского законодательства сотрудниками ЦПЭ МВД России готовятся материалы, по которым органами Прокуратуры и Министерства юстиции в адрес общественных объединений и религиозных организаций могут вноситься соответствующие предостережения. В настоящее время, особенную актуальность приобрела деятельность органов внутренних дел и прокуратуры по противодействию преступности в киберпространстве. В последние годы организованная преступность, экстремистские организации, террористические группировки активно переносят свою деятельность в сеть Интернет. Катализатором этого процесса стало распространение новой коронавирусной инфекции, сдерживание которой потребовало введения ряда ограничительных мер. Как результат, граждане Российской Федерации стали больше времени проводить в киберпространстве, где для них все больше возрастает риск стать

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собр. законодательства РФ от 27 июня 2016 г. № 26 (часть I) ст. 3851.

жертвами преступников, взявших на вооружение самые передовые технологии обмана, мошенничества, манипулирования.

Прокуратура Российской Федерации может осуществлять не только надзорную деятельность, но и методическую поддержку деятельности органов внутренних дел, подготавливая рекомендации по совершенствованию деятельности тех или иных подразделений системы МВД России, обеспечивая их научной и справочной литературой, ориентированной на практическое применение в деятельности по противодействию преступности.

Наконец, обращаясь к тексту Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] можно обратить внимание, что осуществление государственного надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о службе в органах внутренних дел возлагается на Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Прокуратура Российской Федерации, с одной стороны, обладает надзорными полномочиями в отношении различных аспектов деятельности органов внутренних дел. С другой стороны, осуществление прокурорского надзора не является самоцелью, его основополагающая и конечная цель – обеспечение законности, правопорядка и защита прав и свобод человека и гражданина. Любое воздействие прокуратуры на работу различных подразделений органов внутренних дел должно быть не только законным и обоснованным, но также должно влиять на качество результатов работы органов внутренних дел, успешное выполнение ими возлагаемых на них задач.

Органы внутренних дел представляют собой то важное звено правоохранительной системы России, на котором лежит значительная часть нагрузки по обеспечению безопасности граждан, предотвращению, пресечению, выявлению и раскрытию преступлений. Именно органы внутренних дел способны оказывать активное и действенное влияние на состояние преступности в Российской Федерации и на обеспечение повседневной безопасности граждан России. Без успешного выполнения органами внутренних дел своих задач любые усилия прокуратуры Российской Федерации по координации деятельности по борьбе с преступностью будут безрезультатны.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что решение любой сколько-нибудь сложной комплексной правоохранительной задачи требует

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства РФ от 5 декабря 2011 г. № 49 (Ч. I) ст. 7020.

согласованной и качественной работы целого ряда правоохранительных структур. Особая роль Прокуратуры РФ в координации деятельности по борьбе с преступностью, а также лидирующее место органов внутренних дел в деле выявления и предупреждения правонарушений диктуют необходимость их активного и системного взаимодействия, основанного на взаимной помощи, доверии и неуклонном следовании рамкам определенной законом компетенции.

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович,
заведующий научно-исследовательской лабораторией
обычного права Юридического института
Дагестанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ СОГЛАШЕНИЙ И ПРИМИРЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ остается регионом, где наряду с правом как наиболее универсальным регулятором общественных отношений, по-прежнему сильны исторические традиции, обычаи, а также нормы религиозного характера. Они пронизывают всю ткань отношений, возникающих у местных народов и отрицать их влияние на жизнь населения этого региона невозможно.

Если возникнут некоторые проблемы, связанные с конфликтами и тяжбами, то практически у каждого народа, даже самого малочисленного, найдутся разнообразные нормы и методы не только их разрешения, но и предупреждения, а также те, которые регулировали, да и ныне регулируют многие стороны современной правовой политической и конфессиональной жизнедеятельности[1]. Несмотря на региональную привязку и культурные особенности, институты соглашений и договоров были у многих народов. Особенно ярко они проявлялись в жизни народов Северного Кавказа, где пестрая мозаичная структура расселения многочисленных этносов, родов диктовала необходимость поиска и успешного применения способов разрешения вопросов о совместном сосуществовании.

Заключая соглашения, различные местные общины могли устанавливать единообразную форму и степень ответственности за нарушения интересов договаривавшихся сторон. Важным аспектом

[1] Гаджиев Д.М. Религиозный экстремизм: проблемы и некоторые пути решения // Взаимодействие государственных и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Махачкала 2004. С. 114.

гарантии соблюдения таких соглашений выступало обязательное присутствие значительного числа свидетелей, что накладывало на договаривавшиеся стороны повышенную ответственность, даже в случае, если само соглашение имело письменную форму.

В то же время соглашения нередко служили источниками новых социальных норм, действующих на территории договаривающихся сторон. Адаты касались широкого круга вопросов: совместных выступлений в случае опасности, пользования пастбищными горами, ответственности за те или иные преступления и т. д.[1] Характерной чертой таких соглашений было то, что их субъектом чаще всего выступала вся местная община. Открытый и гласный способ принятия решений придавал им значительную силу, обеспечиваемую общественной поддержкой. Принимаемые в рамках общих собраний всех членов джамаата соглашения и адаты, когда каждый представитель местной общины обладал правом равного голоса с остальными, уважались и соблюдались строго и неотступно, поскольку это решение не навязывалось извне, а принималось добровольно и осознанно. В качестве примера таких соглашений можно привести «Соглашение между ратлубцами и гидатлинцами», в рамках которого жители селений Гидатлинского общества и селения Ратлуб заключили договоренность об объединении и совместной деятельности, а также распространении регулирующего действия некоторых адатов Гидатлинского общества на жителей селения Ратлуб.

Другим примером использования такого института является «Соглашение жителей селений Ансуб и Исиниб», которое было составлено представителями двух селений, входящих в состав Аваристана и другими лицами в качестве свидетелей в 1666 году. Предметом согласия жителей соседних сел являются условия и методы примирения сторон в форме наказания виновного в совершении некоторых уголовных преступлений.

Даже спустя несколько веков практика заключения соглашений на Северном Кавказе сохранила свою актуальность. Так, 6 февраля 2014 года Правительством Республики Дагестан, администрацией муниципального района «Унцукульский район», администрацией сельского поселения «село Гимры» и общественностью сельского поселения «село Гимры» было подписано четырехстороннее совместное заявление по «Обеспечению взаимодействия в сфере противодействия экстремизму и терроризму, а также осуществлению мер по социально-экономическому развитию района». Исходя из содержания этого соглашения, не только на правоохранительные органы, органы государственной власти субъекта РФ и местное самоуправление возлагалась обязанность противодействия экстремизму и терроризму, но и сама местная община брала на себя обязательства по проведению профилактической и разъяснительной

[1] Гаджиев В.Г. Адаты народов Северного Кавказа «Отдельный оттиск». Махачкала, 1985. С. 12.

работы среди жителей села о преступной сущности идеологии экстремизма и терроризма, созданию на территории села народной дружины, а также реализации ряда других мер, направленных на искоренение преступности и обеспечение мира и порядка.

Это стало примером попытки разрешить сложную кризисную ситуацию мирным путем, с применением мер социально-экономического характера, как альтернатива силовым методам. О необходимости такого подхода наряду с силовыми методами говорили многие эксперты, занимающиеся проблемами конфликтов в Дагестане.

В.Н. Гурба в своей работе, посвященной терроризму в регионах адатных культур, вынес на защиту следующее положение «…В адатных обществах, основанных на примате кровнородственных связей, легитимизация терроризма основывается на акцентировании имманентности террористических методов и целей социокультурным основаниям общества...»[1].

Далее, конкретизируя свой тезис, автор уточняет, что «…Такие нормы адатного регулирования, как кровная месть, отсутствие формально обособленных от потерпевшего структур суда, следствия и исполнения наказаний, расширительное толкование субъекта вины и ответственности (все сообщество, весь родственный клан), отсутствие сроков давности на кровомщение определяют специфическое отношение к терроризму, отличающееся от юридических категорий западно-модернистского сознания…»[2]. Здесь мы затронули еще один традиционный для Северного Кавказа институт – маслаат (маслиат). Сам этот термин арабского происхождения и может переводиться на русский язык как «примирение, общее благо, выгода в интересах сторон».

Ф.И. Леонтович характеризует маслаат как «первичную форму образования адатов», «первичную стадию в процессе образования адатов». Однако некоторые исследователи обычного права не согласны с подобной трактовкой, считая маслаат лишь «первичной стадией судебного процесса, предшествовавшей собственно адатскому суду»[3].

Можно предположить, что подобный плюрализм мнений связан с тем, что изначально маслаатные решения становились своего рода аналогом судебного прецендента и могли использоваться в качестве образца при разрешении схожих ситуаций. Однако в дальнейшем маслаат утратил свою прежнюю роль и трансформировался в один из способов примирения конфликтующих сторон. Подобный аналог третейского суда не являлся постоянно действующим органом и зачастую не обладал какой-

[1] Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Гурба Владимир Николаевич. Новочеркасск, 2011. 505 с.

[2] Гурба В.Н. Там же.

[3] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса. Вып. 1. 1881.

либо силой принуждения. Поэтому, когда стороны обращались за помощью в разрешении конфликта к посредникам, то они брали на себя обязательства признать принятое таким образом решение и добровольно исполнять его.

Маслаат был востребован не только в случае кровной вражды, но также при разрешении разного рода тяжб. В этом процессе основную роль играют не только участники конфликта, но и посредники – в основном наиболее уважаемые и авторитетные старейшины.

Примечательно, что сложившаяся несколько столетий назад практика примирительного правосудия, существовавшая у народов Северного Кавказа, оказалась бесценным инструментом разрешения конфликтов и замирения враждующих семей в 20 веке. Особенно яркое выражение это нашло в Чеченской Республике, где в рамках мирного строительства и возвращения этого субъекта Российской Федерации к мирной жизни органы государственной власти республики и местное духовенство использовало традиционный у вайнахов институт примирения, прекратив сотни кровных конфликтов, длившихся на протяжении многих лет и служивших одним из мощных факторов нестабильности в указанной республике. На Северном Кавказе сильно выражены кровнородственные связи и взаимные обязательства людей, принадлежащих к одному роду. Убийство одного из членов семьи здесь до сих пор многими рассматривается не только как покушение на жизнь одного конкретно взятого человека, но и как нападение на весь его род, которое оставлять без возмездия в глазах горцев недопустимо. Причиной кровной мести может стать не только насильственная смерть, но и оскорбление, резкое проявление неуважения и попрание интересов другого рода. Однако на практике кровная месть часто не только не способствовала исчерпанию конфликта, но и переводила его в хроническое состояние, длительное противостояние, сопровождающееся вендеттами, что влечет за собой рост числа тяжких и особо тяжких преступлений.

Похожая проблема получила свое воплощение и на территории Республики Дагестан в период проведения на территории Северо-Кавказского региона контртеррористических операций, когда на восстановление конституционного порядка в ряде населенных пунктов уходило длительное время, а общественные отношения в этот период не были урегулированы российским законодательством, оставшимся без защиты со стороны правоохранительных органов.

Изучая опыт использования примирительных процедур в Республике Дагестан, Д.А. Курбанова приводит данные соцопроса, в котором в частности, предлагалось ответить на вопрос: «Какую роль в разрешении военных конфликтов летом и осенью 1999 г. сыграло миротворчество?». Ответы респондентов распределились следующим образом: роль миротворчества в разрешении военных конфликтов оценили как отрицательную – всего 4%, как никакую или незначительную – 2%, как

положительную и очень важную в данном вопросе – 72% опрошенных. Однако при этом ими было замечено, что это было бы невозможно без поддержки из центра и без участия солдат[1].

Повышение регулирующей роли адатов можно рассматривать как явление временное, но нельзя отрицать, что использование примирительных традиционных институтов имеет значительный профилактический потенциал не только в Дагестане, но и других республиках Северного Кавказа. Своевременное замирение конфликтующих сторон, использование в качестве посредников авторитетных и уважаемых представителей местных общин и представителей духовенства способно не только прервать череду взаимных нападений на почве мести, но и предотвратить такие тяжкие последствия, если соответствующие меры будут приняты безотлагательно и своевременно.

В деле обеспечения безопасности, правопорядка и согласия в обществе государство может использовать не только современные достижения правоохранительной деятельности, но и опираться на исторически сложившиеся формы и методы разрешения конфликтов, которые в некоторых ситуациях могут быть даже более эффективны, особенно в условиях сохранения традиционных родоплеменных связей.

Примечательным является также тот факт, что Российская Федерация сумела использовать подобный опыт применения традиционных форм соглашений и примирений в Сирийской Арабской Республике, где Российскому центру по примирению враждующих сторон удалось без использования военной силы, оперируя местными историческими традициями и обычаями, убедить враждующие между собой племена, селения и отдельные семьи добровольно отказаться от насилия и взять на себя обязательства поддерживать мир и безопасность на территориях своего постоянного проживания, не позволяя при этом действовать на этих территориях различным террористическим группировкам.

Российская Федерация в последние десятилетия продемонстрировала миру уникальный по своей сути опыт использования традиционных институтов соглашений и примирения не только на собственной территории, но и сумела перенести подобный опыт на Ближний Восток, что может стать рациональным примером для других государств этого региона, где по-прежнему сохраняются очаги напряженности и конфликтов.

---

[1] Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Курбанова Джанетта Айнудиновна. М., 2011. 218 с.

Грошев Александр Васильевич,
профессор кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одной из характерных особенностей и тенденций современной преступности является ее глобализация. Это проявляется во многих структурных элементах преступности как социального явления и прежде всего в ее организованных формах. В связи с этим современная преступность все более принимает транснациональный и международный характер. Соответственно в структуре национальной преступности практически любого государства активно развивается сравнительно новый чрезвычайно опасный криминальный сегмент – транснациональная организованная преступность.

В литературе отмечается, что в настоящее время транснациональная организованная преступность претерпевает существенные изменения. Наряду тенденцией количественного роста криминальная среда характеризуется качественной трансформацией: «повышается преступный профессионализм членов преступных организаций, улучшается материально-техническая и информационная оснащенность преступных элементов, участвующих в подготовке и проведении криминальных операций; рассматриваемая разновидность преступности, будучи высокоорганизованной и транснациональной, системно интегрируется в общество, глобализируется»[1].

Организованная преступность как сложное негативное социально-правовое явление требует системного подхода в борьбе с ней[2]. Основой системного подхода в борьбе с организованной преступностью служит наличие соответствующей законодательной базы, регламентирующей весь правовой механизм противодействия данному виду преступности и связанным с ней иным криминальным явлениям. Во многих странах правовой основой противодействия организованной преступности служит специальный закон о борьбе с ней. Подобный закон имеется в

[1] См.: Табаков А.В. Современное состояние и основные тенденции развития транснациональной организованной наркопреступности: моногр. СПб.: СПбГАСУ, 2018. С. 4.

[2] Белоцерковский С.Д. Комплексный закон в системе правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 6. С. 266–268.

большинстве стран СНГ и других государств на постсоветском пространстве[1]. Однако в РФ такой закон до сих пор не принят, несмотря на официальное признание факта существования организованной преступности на законодательном уровне[2].

Как известно, одной из причин отсутствия в России данного закона являлась официальная политика бывшего союзного государства (СССР), длительное время (вплоть до конца 80-х гг.) не признававшего факта существования в стране организованной преступности. Особенностью социально-экономического развития общества в данный период были массовые приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов народно-хозяйственного развития. Это касалось и официальной статистики преступности в стране. Многочисленные факты укрытия преступлений от учета маскировали ее действительные масштабы и тенденции роста, появление новых опасных форм преступной деятельности.

В отношении организованной преступности это выразилось в отрицании факта ее существования при социалистическом строе как социального явления, поразившего экономическую и иные сферы общества, и поддержании мифа о ней как явлении, присущем лишь капиталистическому обществу. В соответствующих формах статистических учетов преступления, совершенные организованными группами и преступными сообществами, регистрировались как проявления групповой преступности[3]. Однако распространение (начиная с середины 80-х гг.) теневых форм экономической деятельности обусловило возникновение на этой основе нового криминального явления – рэкета (организованного вымогательства). Это свидетельствовало, что преступность принимает новые опасные формы, не контролируемые государством ввиду отсутствия необходимых ресурсов, становится все более организованной.

---

[1] См.: например: Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью»; Закон Украины от 30.06.1993 г. № 3341-XII «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью»; Закон Кыргызской Республики от 29 мая 2013 года № 82 «О противодействии организованной преступности»; Закон Республики Молдова от 22 марта 2012 года № 50 «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью»; Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2013 года, № 1038 «О борьбе с организованной преступностью»; Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэкете» (по состоянию на 18.04.2018 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: федер. закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Российская газета. 2019. 3 апреля.

[3] Специальная норма об ответственности за совершение преступления организованной группой была введена в УК РСФСР 1960 г. лишь в 1994 г. (ст. 17.1 в ред. Федерального закона от 01.07.94 № 10-ФЗ // Российские вести. 1994.№ 123.

Первым на изменение характера преступности отреагировало МВД СССР, издав ряд закрытых ведомственных приказов, нацеленных на борьбу с ее организованными формами (в частности, с рэкетом и иными проявлениями консолидации преступной среды)[1]. На политическом уровне декларативные заявления о недостатках в работе правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью и необходимости усиления борьбы с ней были отражены в Постановлении СНД СССР от 9 июня 1989 г. № 39-1 «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР»[2]. Позднее официальное признание наличия в стране организованной преступности состоялось в декабре 1989 г. на очередном Съезде народных депутатов СССР, который принял специальное постановление об усилении борьбы с организованной преступностью[3].

В данном постановлении, помимо оценки критического состояния организованной преступности в стране и политических призывов по усилению борьбы с ней, предусматривался комплекс целевых мер организационно-правового характера, в частности: внесение изменений в уголовное и процессуальное законодательство, направленных на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности организаторов и участников организованных групп и преступных сообществ; разработка общесоюзной программы борьбы с преступностью, предусматривающей комплекс мер, направленных против организованной преступности; улучшение технического оснащения правоохранительных органов, соответствующего современным требованиям борьбы с организованной преступностью; создание специальных межведомственных региональных подразделений по борьбе с организованной преступностью; сотрудничество с правительствами зарубежных стран и международными организациями по проблемам борьбы с организованной преступностью; комплексные исследования проблем организованной преступности и разработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по борьбе с ней.

В дальнейшем был принят специальный Указ Президента СССР от 4 февраля 1991 г. № 1423-УП «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами»[4]. Этим

---

[1] Приказы МВД СССР от 17 июня 1985 г. «Об усилении борьбы с организованными группами» и «Об усилении борьбы с деятельностью лидеров уголовно-преступной среды»; от 15.11.1988 № 0014 «О создании управления по борьбе с организованной преступностью» (официально не опубликованы).

[2] Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 3. Ст. 52.

[3] См.: Постановление СНД СССР от 23.12.1989 г. «Об усилении борьбы с организованной преступностью» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 576. Следует отметить, что впервые официальное заявление о росте в стране организованной преступности и необходимости активизировать борьбу с ней было закреплено в постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 222.

[4] Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 7. Ст. 180.

указом предусматривалось создание Главного управления МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом, а также завершение формирования межрегиональных и региональных подразделений по борьбе с организованной преступностью (образование которых предусматривалось постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1990 г. № 496).

После распада СССР в связи с резкой активизацией в РФ различных проявлений организованной преступности руководством страны был принят ряд нормативных актов, в которых выражалась озабоченность стремительным распространением и резким повышением общественной опасности данного криминального явления, и предусматривались отдельные меры, в основном организационного и процессуального характера, по его минимизации и устранению. Одним из первых нормативных актов, посвященных отдельным вопросам борьбы с организованной преступностью, является Указ Президента РФ от 8 октября 1992 г. № 1189 «О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью»[1], в котором, в частности, предусматривались такие меры: организация специализированных подразделений по борьбе с коррупцией и организованной преступностью; создание в структуре Главного управления по организованной преступности МВД РФ специальных подразделений быстрого реагирования (СОБР), задачей которых являлось, в частности, предупреждение и пресечение деятельности вооруженных преступных групп; заключение соглашений с заинтересованными странами СНГ и другими государствами о координации мер по борьбе с преступностью, включая проведение совместных операций по пресечению деятельности вооруженных организованных групп.

Во исполнение данного указа Президента было принято постановление Правительства РФ от 29 ноября 1992 г. № 914-63 «Об организационных мерах по обеспечению борьбы с организованной преступностью», в соответствии с которым в структуре МВД РФ были созданы Главное управление по организованной преступности МВД РФ (ГУОП) и региональные управления в субъектах Федерации[2]. В 1998 г. данное подразделение было преобразовано в Главное управление по борьбе с организованной преступностью МВД РФ (ГУБОП). Во исполнение данного постановления Правительства РФ был издан приказ МВД РФ от 1 января 1993 г. № 01 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с вооруженными организованными преступными группами», в

[1] Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 15. С. 1157.
[2] Там же.

соответствии с которым ГУОП и его региональные подразделения были усилены специальными отрядами быстрого реагирования[1].

Последовавшим за этими актами постановлением Съезда народных депутатов РФ от 14 декабря 1992 года № 4081-I «О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией»[2] на Верховный Совет РФ была возложена реализация следующих мер: утверждение основ государственной уголовно-правовой политики, которыми следовало руководствоваться в дальнейшей законодательной деятельности; разработка и принятие законодательных актов о борьбе с организованной преступностью, бандитизмом и терроризмом, об ответственности за легализацию доходов от преступной деятельности, а также за создание незаконных вооруженных формирований и участие в них и др.

Важным этапом создания правовой основы борьбы с организованной преступностью явилось принятие Указа Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»[3], которым были значительно расширены процессуальные и оперативно-розыскные полномочия служб и подразделений, осуществляющих борьбу с организованной преступностью. В частности, предусматривались чрезвычайные меры (не вполне согласованные с УПК РСФСР) по расширению процессуальных полномочий и средств доказывания по уголовным делам данной категории, проведению проверочных и следственных действий, специальных операций в отношении организованной преступности, продление срока задержания по подозрению в совершении указанных преступлений до 30 суток и др.

На основании данного указа Президента был принят ряд ведомственных нормативных актов, направленных на совершенствование деятельности следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов, осуществляющих выявление и раскрытие преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями[4]. Предусматривалось, в частности, создание совместных следственно-оперативных групп (бригад) для разоблачения бандитских и

---

[1] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 51. Ст. 3018.

[3] Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 804.

[4] См.: Указание Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ России от 24 июня 1994 г. «О порядке реализации норм Указа Президента РФ № 1226 от 14 июня 1994 года «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности»; Приказ Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, ДНП РФ от 22.05.1995 № 32/199/73/278 «Об утверждении положения о совместных следственно-оперативных группах (бригадах) органов прокуратуры, внутренних дел, безопасности и налоговой полиции для пресечения и расследования деятельности организованных преступных групп» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

других организованных преступных формирований, специализация на этом направлении следователей прокуратуры и органов внутренних дел, разъяснялись признаки банды и совершения преступления организованной группой, особенности документирования организованной преступной деятельности и т. п.

В связи с активизацией проявлений организованной преступности в отдельных городах и регионах страны был принят специальный Указ Президента Российской Федерации от 10 июля 1996 г. № 1025 «О неотложных мерах по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в г. Москве и Московской области»[1]. Данный указ, с одной стороны, основывался на предыдущем Указе от 14 июня 1994 г. № 1226, с другой – существенно дополнял его в части введения дополнительных мер борьбы с организованной преступностью и расширения соответствующих полномочий правоохранительных органов.

В результате осуществления указанных мер в отношении организованной преступности криминогенная обстановка во многих регионах страны постепенно стабилизировалась. Были выявлены и привлечены к уголовной ответственности многие организаторы и участники наиболее опасных преступных формирований. Однако в середине 90-х гг. ситуация в борьбе с организованной преступностью резко осложнилась в связи с возникновением и расширением вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. Ввиду распространения такого чрезвычайно опасного проявления организованной преступности, как терроризм, основные усилия государства в данный период были направлены на борьбу с террористической и сепаратистской деятельностью незаконных вооруженных формирований, действовавших в Чечне и других регионах Северного Кавказа[2]. Следует отметить, что впоследствии меры, реализуемые в соответствии Указом Президента от 14 июня 1994 г. № 1226, стали предметом парламентского разбирательства и были оценены как находящиеся в прямом противоречии со многими статьями

[1] Собрание законодательства РФ1996. № 29. Ст. 3480.

[2] См.: Указы Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики»; от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и зоне осетино-ингушского конфликта»; постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа»; постановление Государственной Думы от 13 января 1995 г. «Об укреплении российской государственности и о мерах по выходу из кризиса, возникшего в связи с ситуацией в Чеченской Республике».

Конституции РФ, а также с целым рядом статей действующего УПК РСФСР[1]. Президенту РФ было рекомендовано «воздержаться» от применения Указа от 14 июня 1994 года № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» до приведения его в соответствие с Конституцией РФ.

В 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс РФ, вступивший в силу с 1 января 1997 г., в котором содержались нормы, с одной стороны, определяющие организованные формы соучастия в преступлении (ч. 3–5 ст. 35), с другой – предусматривающие уголовную ответственность за конкретные проявления организованной преступной деятельности (ст. 208, 209, 210). В последующем круг данных составов преступлений был расширен путем включения в УК РФ новых норм (ст. 282,1, 282.2, 205.4). Тем самым правовая основа борьбы с организованной преступностью была полностью унифицирована и переведена в законодательное русло. В связи с принятием УК РФ Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 был признан утратившим силу[2]. Как следствие стабилизации криминогенной обстановки были упразднены подразделения по борьбе с организованной преступностью, а их полномочия переданы во вновь образованные службы в структуре МВД РФ[3].

Следует отметить, что стремительное ухудшение основных показателей преступности в стране в начале-середине 90-х гг. активизировало научные разработки проблемы организованной преступности, в том числе правовых основ борьбы с ней. В этот период сотрудниками НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, ФСИН России были подготовлены два законопроекта о борьбе с организованной преступностью[4]. Общее руководство межведомственной группой по подготовке законопроекта осуществляла заведующая отделом проблем борьбы с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ А.И. Долгова.

---

[1] О защите конституционных прав и свобод граждан при осуществлении мер по борьбе с преступностью: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.06.1994 N 141-1 ГД // Собр. законодательства РФ. 1994. № 12. Ст. 1369.

[2] О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации»: указ Президента РФ от 14.06.1997 № 593 // Российская газета. 1997. 19 июня.

[3] О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 // Собр. законодательства РФ. 2008. № 37. Ст. 4182.

[4] См.: Проект Федерального закона № 94800648-1 «О борьбе с организованной преступностью» (принят ГД РФ в редакции согласительной комиссии 22.11.1995 // Ведомости ФС РФ. 1995. № 34. Ст. 1580); проект Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» Организованная преступность-3.М., 1996.).

Данные законопроекты дважды принимались Государственной Думой и получали одобрение Совета Федерации (после их доработки в редакции согласительной комиссии), но всякий раз отклонялись Президентом РФ по мотиву их противоречия действующему законодательству[1]. В связи с этим постановлением Государственной Думы РФ была создана согласительная комиссия для преодоления возникших разногласий относительно содержания данного законопроекта[2]. Позднее рабочая группа представила переработанный проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» от 10 декабря 2007 г.[3], однако он был снят с рассмотрения Государственной Думой по тем же мотивам (протокол № 1337 от 7 апреля 1998 г.).

В дальнейшем новых попыток продвижения данного проекта на законодательном уровне не предпринималось. Таким образом, в рассматриваемой сфере уголовной политики возобладала концепция борьбы с организованной преступностью на основе отдельных законодательных актов внутригосударственного и международного характера.

Другая причина отсутствия целевого комплексного закона о борьбе с организованной преступностью, на наш взгляд, кроется в недостаточной теоретической разработке данной проблемы на доктринальном уровне. В последнее десятилетие защищено несколько докторских и целый ряд кандидатских диссертаций, посвященных отдельным аспектам противодействия организованной преступности. В них представлены различные подходы к пониманию криминологической природы и понятийной характеристики данного криминального явления, а также основных направлений и мер его предупреждения. Однако отсутствие единой законодательной основы не позволяет сформировать и развить унифицированные подходы к противодействию организованной преступности по ключевым вопросам как законодательного и правоприменительного, так и организационно-методического характера.

Прежде всего, на официальном уровне не принята стратегия борьбы с организованной преступностью, без которой невозможно решить задачу по созданию эффективного механизма правового регулирования этого процесса в национальных масштабах. Кроме того, это препятствует принятию согласованных мер в области международного сотрудничества в данном направлении уголовной политики.

---

[1] См.: Письмо Президента РФ от 22.12.1995 № Пр-1851 «Об отклонении Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» // Российские вести. 1996. № 4.

[2] См.: Постановление ГД ФС РФ от 20.03.1996 № 183-II ГД «О согласительной комиссии по Федеральному закону «О борьбе с организованной преступностью» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 13. Ст. 1300.

[3] См.: Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011.

В настоящее время правовую основу борьбы с организованной преступностью составляет многоуровневая система действующих правовых актов, включающая: 1) международные акты (соглашения, конвенции) в области противодействия данному виду преступности как транснациональному явлению; 2) национальное (федеральное) законодательство, регламентирующее вопросы криминализации соответствующих преступлений, а также деятельность различных субъектов, осуществляющих уголовное преследование и предупреждение в отношении организованной преступности (федеральные законы и подзаконные акты); 3) законы и подзаконные акты субъектов Федерации и органов местного самоуправления, направленные на решение локальных вопросов в данной сфере. На глобальном уровне основополагающим документом является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (и дополняющие ее протоколы)[1]. Кроме того, действуют различные международные соглашения (конвенции) и иные акты (резолюции, рекомендательные акты) по борьбе с отдельными преступлениями международного и межгосударственного характера, входящие в структуру транснациональной организованной преступности. В качестве примера можно привести Панамскую декларацию о международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом и организованной транснациональной преступностью, принятую на 2-й конференции министров стран-участниц в Панаме, 26–29 мая 2008 г. Интерес также вызывает Рамочное решение 2008/841/ПВД Совета Европейского Союза от 24 октября 2008 г. «О борьбе с организованной преступностью» (Люксембург), являющееся источником уголовного права Европейского Союза в данной области международного сотрудничества[2]. На региональном уровне стран-участниц СНГ основополагающим документом является Рекомендательный законодательный акт «О борьбе с организованной преступностью», принятый на восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 8-9 от 2 ноября 1996 г.)[3]. Данный рекомендательный акт направлен парламентам государств-участников Межпарламентской Ассамблеи для использования при разработке национального законодательства.

На национальном уровне правовую основу противодействия данному виду преступности составляет уголовное, процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, позволяющее осуществлять

[1] Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

[2] Journal officiel de l'Union européenne. L 300 du 11.11.2008, p. 42 (Официальный журнал Европейского Союза).

[3] Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1997. № 12.

уголовную превенцию организованной преступной деятельности и уголовно-исполнительную ресоциализацию ее субъектов. В 2009–2019 гг. было принято несколько федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ в части усиления уголовной ответственности за организованную преступную деятельность[1]. Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении негативных тенденций организованной преступности, с другой – об активизации уголовной политики государства в данном направлении. Однако эти меры носят эпизодический характер, и не отражают системный подход к решению данной проблемы на национальном уровне. Кроме того, они не учитывают транснациональный характер организованной преступности, борьба с которой ведется на основе отдельных международных соглашений государств о совместной борьбе с отдельными ее видами (наркотрафик, торговля людьми, незаконная миграция, коррупция и др.). Они преимущественно отражают зарубежный опыт криминализации в данной сфере и в меньшей степени учитывают собственную национальную доктрину и стратегию борьбы с организованной преступностью. Восполнить односторонность уголовной политики в этом отношении призван целевой федеральный закон о противодействии организованной преступности.

Небратенко Геннадий Геннадиевич,
профессор кафедры
теории и истории государства и права
Южно-Российского института (филиала)
управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте России, Южного федерального университета,
доктор юридических наук, профессор

КРИТИКА ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ДОКТРИНЕ «ИСЛАМСКОГО СОЦИАЛИЗМА» МУАММАРА КАДДАФИ

В 1969 г. в результате военного переворота к власти в Ливии пришел полковник Каддафи, управлявший государством до 2011 г., когда в результате «арабской весны» и военной агрессии вооруженных сил НАТО был уничтожен физически, не получив без суда и следствия даже установленного места захоронения. Не касаясь его деятельности на посту главы государства, следует отметить, что Муаммар Каддафи был видным

[1] См.: Федеральные законы от 03.11.2009 № 245-ФЗ; 02.11.2013 № 302-ФЗ; от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теоретиком, в 1976–1979 гг. подготовившим и издавшим собственную доктрину, объединенную в рамках так называемой «Зеленой книги». Данный труд состоит из трех частей, изданных в разное время (по мере написания). Первая часть «Зеленной книги» была посвящена проблемам организации публичной власти и их разрешению (1976); вторая – экономическим вопросам (1978), третья – общественному развитию ливийцев (1979)[1].

В своем учении Каддафи резонно обращал внимание на недостатки капитализма и социализма, пытаясь сформулировать «Третью всемирную теорию». Развиваемые им идеи по своему содержанию логичны и были апробированы на практике в течение нескольких десятилетий, во время которых в Ливии было построено социальное государство, претендующее на международное региональное значение в панарабских и панафриканских государствах. Кроме того, в Джамахирии сформировался национальный стандарт соотношения частных и публичных интересов, закрепленный в «Великой Зеленой Декларации Прав человека в Эпоху Масс»[2].

Формулирование «Третей всемирной теории» было направленно на строительство социального государства в рамках так называемого «исламского социализма», приемлемого для экспортирования в некоторых арабских и африканских странах. В первой части «Зеленой книги» в адрес институтов современного государства и права резонно помещены критические высказывания, касающиеся реальных проблем обеспечения демократии. Ведь, как считал автор, в настоящем виде она является «выхолащиванием власти народа», поскольку представительство населения при помощи парламентов, политических партий или даже референдумов является иллюзорным. Поэтому Каддафи отрицал любое представительство, осуществляемое от имени народа, и в тексте «Зеленой книги» были предложены концепты, направленные на преодоление «проблем современной демократии».

Научные суждения полковника Каддафи, конечно, не бесспорны, но заслуживают отдельного, более тщательного анализа, поскольку, невзирая на давность их высказывания, не утратили актуальности, что позволяет отнести «Третью всемирную теорию» к разряду классических, достойных изучения в рамках истории политических и правовых учений. В философско-правовом стиле автор предлагал построить «народное республиканское государство», получившее наименование Ливийская Джамахирия, а с 1986 – Великая Социалистическая Народная Ливийская

[1] Муаммар Каддафи. Зеленая книга. Триполи, 1987. 184 с. Автор научных тезисов выражает благодарность Юрию Борисову за доступ к первоисточнику.

[2] Текст Великой Зеленой Декларации Прав человека в Эпоху Масс от 12.06.1988. URL: http://www.kaddafi.ru/z-declar.html (дата обращения: 24.07.2020).

Арабская Джамахирия[1]. Впрочем, многие идеи Муаммара Каддафи уместны для воплощения только у арабских и африканских народов, исповедующих ислам, и малопригодны для прочих, имеющих иную юридическую и культурную ментальность. При этом во второй и третьей части «Зеленой книги» развиваются идеи строительства «исламского социализма», и эти части работы не имеют критического уклона, обладая созидательным.

Таким образом, доктрина «исламского социализма» Муаммара Каддафи направлена на разработку и реализацию на практике модели государственного устройства суверенной Ливии, способной предложить соседним регионам оригинальный путь преодоления постколониальной экономической и даже продовольственной зависимости. Она (доктрина) все-таки дискуссионная, но с научной точки зрения приемлема для дальнейшего более углубленного изучения. Внесудебная расправа над автором «Зеленой книги» нисколько не нивелируют его научного таланта и дара государственного управленца, ибо свержение Каддафи имело характер «антиливийского сговора». Применение военной силы с целью «принуждения к демократии» не принесло народу никаких благ, но вместе с Джамахирией ливийцы утратили социальное государство, получив длящуюся более десятка лет гражданскую войну, бедствия и разорение. Впрочем, как предсказывал Каддафи, международная интервенция дорого обошлась ее участникам: «…Вы бомбите стену, не пропускавшую поток африканской миграции в Европу, стену, останавливавшую террористов «Аль-Каиды». Этой стеной была Ливия. Вы разрушаете ее. Вы – идиоты. За тысячи мигрантов из Африки, за поддержку «Аль-Каиды» гореть вам в аду. И так оно будет»[2].

[1] Небратенко Г.Г. Государственно-правовая доктрина Муаммара Каддафи: взгляд в будущее // Государство и право. 2021. № 2. С. 114.

[2] Последнее слово Каддафи: вы бомбите стену, не пропускавшую беженцев в Европу. URL: https://gilljan.livejournal.com/1468884.html (дата обращения: 09.05.2021).

Яхьяев Мухтар Яхьяевич,
декан факультета психологии и философии
Федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования
Дагестанский государственный университет,
главный редактор журнала «Исламоведение»,
доктор философских наук, профессор

«ЖЕНСКИЙ ШАХИДИЗМ» КАК ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ФЕНОМЕНА

Шахидство и шахидизм в исламе в последние десятилетия стали одними из самых обсуждаемых тем, по которым накопился солидный массив публикаций, правда, не столько научного, сколько публицистического и комментаторского характера. В большинстве популярных публикаций эти исламские феномены сопрягаются с войнами, террором, «живыми бомбами», суицидальным поведением и прочим негативом. В научном исламоведении они все еще рационально не осмыслены и не выражены в понятийной форме, что потребует от нас некоторых предварительных пояснений.

Как известно, одними из основных категорий диалектической методологии, играющих роль всеобщих познавательных инструментов, являются категории содержания и формы, которые отражают взаимосвязь сторон любой реальности. Содержание – это определенным образом упорядоченная совокупность частей, компонентов, внутренних и внешних связей между ними, образующих конкретное целое. А форма – это способ существования и выражения различных модификаций содержания, порядок внутренней организация содержания и его внешнее выражение. Во взаимодействии содержания и формы определяющая роль принадлежит содержанию, что не является отрицанием относительной самостоятельности формы, ее активного воздействия на содержание. Взаимодействие содержания и формы имеет диалектический характер, они могут находится в относительно гармоничном единстве, между ними могут возникать противоречия и конфликты. Активное воздействие формы на содержание может способствовать развитию содержания, а может и приводить к искажению, деформации содержания. Несоответствие между содержанием и формой восстанавливается, как правило, разрушением старой и возникновением формы, соответствующей новому содержанию.

В социальных процессах изменения, которые происходят в форме под влиянием внешних условий, факторов и связей, могут привести к таким трансформациям содержания, которые существенно меняют изначальное содержание. Для обозначения формы, которая трансформировалась сама и активно воздействует на содержание, искажая

и деформируя его, в диалектической методологии используется категория «превращенная форма». «Превращенная форма» предстает типом таких социальных отношений, где форма их существования приобрела самостоятельное значение и обособилась от исходного содержания. Иначе говоря, «превращенная форма» – это качество, отличное от исходной формы, в котором она уже выступает вне связи с подлинной сущностью явления. В ней место адекватной содержанию формы занимает квазиявление, которое существует вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Спецификой превращенной формы, таким образом, становится новая «содержательная» роль, основанная на искажении действительной сущности.

Превращенная форма существует как новая онтологическая реальность, особенность которой заключается в том, что она является продуктом искажения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Отличительная черта превращенной формы состоит в объективной устраненности изначальных содержательных моментов: форма проявления получила самостоятельное «сущностное» значение, обособилась, содержание в явлении заменилось иными отношениями, которые заняли место действительных отношений. И такая видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренних связей, начинает играть роль самостоятельного механизма в реальных процессах, а связи действительного происхождения оказались «снятыми» в ней. Еще раз подчеркнем, что особенностью превращенной формы является действительно существующее извращение исходного содержания или такая его переработка, что оно стало неузнаваемой. Но сама эта косвенная фигурация выступает как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет. В своем самостоятельном существовании превращенные формы – это такие же абсурды, как и жареные логарифмы, но, в отличие от последних, они – часть нашей реальности.

На основе сказанного мы можем вывести, что превращенная форма исламского явления – это форма существования, которая искажает, восполняет и замещает исламское содержание, и в которой исходные, собственно исламские звенья «сжимаются» в особое состояние и порождают новое качество, новую действительность. И такие формы уже ведут самостоятельную, не связанную с исламом жизнь, но продолжают восприниматься общественным сознанием как реально исламские феномены. В качестве таких превращенных форм исламских феноменов мы можем привести исламизм, джихадизм, шахидизм и др. В силу ограниченности времени я не могу предложить вам детальную характеристику всех этих явлений, остановлюсь только на рассмотрении «женского шахидизма» как террористического превращения исламского феномена.

Шахидство – это понятие, выражающее возможность перехода мусульманина в статус шахида. Шахидом ислама становится тот мусульманин, который уже обменял свою земную жизнь на вечное существование на пути джихада. Здесь важно не сводить джихад исключительно к газавату или священной войне, которую при определенных условиях должны вести мусульмане против иноверцев или неверующих. Глубинная сущность джихада заключается в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий отдельного верующего, всей уммы в целом на укреплении веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры, а также подчинении личной и общественной жизни всем правилам и требованиям исламской религии[1].

На посмертный статус шахида может претендовать только тот мусульманин, который в сложившихся конкретных условиях, по объективной необходимости, оказался готовым пожертвовать своей жизнью, но при этом важно то, что он сознательно не искал смерти и не обрекал на смерть других людей. Преследование каких-либо экономических, финансовых, политических, коммерческих, иных меркантильных целей и ценностей, смерть в погоне за мирскими благами не является шахидством и не возносит усопшего в состояние шахида. Террорист-смертник ни при каких условиях не может претендовать на статус шахида по той простой причине, что уже одной только своей смертью, не говоря об убийстве других людей, случайных жертв теракта, он не только не укрепляет веру, не способствует улучшению или увеличению уммы, а напротив, расшатывает и ослабляет умму, отвращает людей от ислама.

Исламское шахидство находит свое проявление в самых различных формах и видах. «Женский шахидизм» является одной их разновидностей шахидизма как превращенной формы исламского явления. Первые проявления женского шахидизма как террористического превращения обнаруживаются в религиозных процессах двух последних десятилетий прошлого столетия, когда самые различные террористические организации по всему миру стали активно вовлекать в свою разрушительную деятельность женщин в качестве «живых бомб». Так, первая известная акция с участием женщины-смертницы была проведена 9 апреля 1985 года, когда ливанка Сана Хайадали на грузовике с взрывчаткой подорвала израильский военный конвой. Другим громким проявлением женского терроризма стало убийство Раджива Ганди смертницей тамильского повстанческого движения «Тигры освобождения Тамил-Илама» в 1991 году. За последующее десятилетие, по различным данным, по всему миру было проведено уже около 240 террористических атак, почти 40% которых

[1] Более подробно о понимании джихада см.: Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение. 2020. № 4. С. 81–94.

(а, по мнению отдельных авторов, – до 70%) были осуществлены женщинами-смертницами[1].

Оккупация Ирака США и их союзниками в середине 2000-х гг. привела к небывалому всплеску терроризма с использованием «живых бомб». Так только в одном 2005 году было совершено 478 акций смертников, а в 2007 – 442. Всего в Ираке за пять лет террористы-смертники провели около 1700 террористических акций. Подобная же террористическая активность с 2006 года наблюдалась и в Афганистане, где в среднем ежегодно происходило примерно по 140 акций, проводимых смертниками, среди которых выделялись женщины[2].

В это же время тактика использования женщин-смертниц для проведения террористических акций получила широкое применение и в Палестинской организации «ХАМАС». Так, 14 января 2004 года 22-летняя Рим аль-Рейяши, которая оставила дома 3-летнего сына и годовалую дочь, произвела у израильского блок поста самоподрыв 5-килограммового взрывного устройства, начиненного болтами и гайками. С тех пор именно Палестина стала ассоциироваться в мировых средствах массовой информации с терроризмом женщин-смертниц. В силу того, что иракские, афганские и палестинские смертницы были мусульманками, в политико-публицистическом обороте широкое распространение получили термины, напрямую увязывающие самоубийственные акции, проводимые женщинами, с исламской религией: «женский шахидизм», «шахидки», «исламские смертницы», «невестки Аллаха», «черные вдовы» и т. п.

В новом тысячелетии террористические акции, проводимые женщинами-смертницами, произошли уже почти в двух десятках стран мира, в том числе и в России. Как женщина-смертница, которая первой в России произвела самоподрыв, обычно называется Хава Бараева, подорвавшая в июне 2000 года 27 военнослужащих российских частей специального назначения. В массовом порядке женщины - «живые бомбы» в России проявили себя в 2002 году. Среди террористов, захвативших Дом Культуры на Дубровке в Москве, было 18 смертниц. По некоторым данным только с июля 2000 года по май 2005 года смертницы участвовали в 22 из 27 террористических акциях, совершенных на территории России. С. Чудинов долю женщин среди «живых бомб» в России оценивает в 43% (47 из 110 человек)[3]. По другим данным количество взрывов,

---

[1] Schweitzer Y. Suicide Bombing: The Ultimate Weapon? 2002, 7 August. URL: http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373; Zedalis D.D. Female suicide bombers. 2004. URL: www.carlisle.army.mil/ssi/pdffiles/00373.pdf (дата обращения: 19.03.21).

[2] Schweitzer Y. Suicide Bombing: The Ultimate Weapon? 2002, 7 August. URL: www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373; Zedalis D.D. Female suicide bombers. 2004 URL: www.carlisle.army.mil/ssi /pdffiles /00373.pdf (дата обращения: 19.03.21).

[3] Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М.: Флинта: Наука, 2010.

осуществленных женщинами-смертницами в тот период, составляло 3% от общего количества совершенных терактов, но на них приходилось 48% всех жертв террористических акций[1].

Такое распространение практики женского суицидального террора требует объяснения ее природы, идейных оснований, мотивации, особенностей психологии и т. д. Тем более что даже в самих исламистских террористических организациях проявились расхождения в вопросе о ее допустимости с точки зрения ислама и шариата. Многие авторитетные мусульманские правоведы обращали внимание на то, что женщина не может не то что быть смертницей, она не имеет даже права появляться на улице одна, без сопровождения мужчины – мужа или родственника. Еще в 1996 году авторитетный исламский теолог, ливанский шейх Обейд заявлял: «Ислам запрещает женщинам участвовать в джихаде за исключением случаев самообороны и тогда, когда отсутствуют мужчины. В присутствии же мужчин джихад женщинам не разрешен»[2].

Имам итальянской мусульманской общины шейх Абдул Хади Палачи говорит: «Что касается женщины, то ее грех самоубийства по сравнению с мужчиной удесятеряется, ибо, идя на смерть, она лишает милосердия и милости Всевышнего не только себя, но и всех своих родных по женской линии»[3]. Подобные высказывания различных авторитетных деятелей ислама находятся в русле позиции исламской ортодоксии, однозначно запрещающей использование женщин в качестве «живых бомб» и осуждающей любые осознанные самоубийства. Ведь по исламу самоубийца не может претендовать не только на попадание в рай, он не может быть даже похоронен на кладбище рядом со своими родственниками.

К использованию женщин-самоубийц как средства достижения каких-бы то ни было целей негативно относится не только исламская религия, но и традиционная культура многих народов мира. Место женщины в обществе и ее функции как хранительницы домашнего очага строго зафиксированы и в предписаниях ислама, и в нормах обычного права, и в адатах и традициях народов. Иначе говоря, самоубийственные акции, проводимые террористами, как мужчинами, так и женщинами находятся не только вне религии, но и вне традиционной культуры. Но почему же тогда так называемый «женский шахидизм» как практика использования женщин-самоубийц для проведения террористических акций получила и в мире, и у нас в России столь широкое распространение?

---

[1] Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // «НГ- религии». 2009. 16 сентября.
[2] Ас-Сафир, 1996, 28 июля.
[3] Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1.

В ответе на этот вопрос мы и подходим к пониманию женского шахидизма как террористического превращения исламского явления, которое осуществляется не только усилиями радикальных исламистов, стремящихся использовать в своих военно-политических целях отдельных мусульман. Подобная трансформация происходит еще и стараниями некоторых представителей западной исламистики, изначально враждебно настроенной ко всему исламскому. Но в любом случае важно то, что превращение шахидства в шахидизм осуществляется путем искажения многих положений Корана и Сунны, игнорирования духа Ислама, его установок на то, что забота о своей жизни, как и о жизни других людей, является важнейшим предписанием религии. Ислам всегда осуждал как самоубийства, так и лишение жизни другого человека, квалифицируя их как тягчайший грех, сравнимый с ширком, то есть нововведениями.

В этом плане показательна позиция руководства организаций ХАМАС и «Исламский джихад», которое первоначально было категорически против того, чтобы женщины участвовали в террористических действиях, так как они должны оставаться дома, играть традиционные роли матерей и жен, носить исламскую одежду, не появляться на людях без сопровождения. Но уже в 2002 г. Ясир Арафат в своей знаменитой речи «Армия роз» стал призывать женщин наравне с мужчинами бороться против Израиля. В тот же день палестинка Вада Идрис стала смертницей[1].

Подобную же трансформацию претерпела и позиция духовного лидера ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, который раньше осуждал акции с участием женщин-смертниц, но в 2004 году уже заявил об акте женского террора как о «значительном шаге вперед в развитии нашей веры», добавив: «Так как мужчины встречают больше препятствий, мы решили использовать женщин, которым легче достичь намеченных целей»[2]. Он же предложил и вовсе нерелигиозное оправдание террористического поведения женщин. По его мнению, мусульманки, принимающие решение стать «живыми бомбами», вовсе «не нуждаются в религиозных правилах для совершения самоубийства»[3].

Изменения в оценках женского терроризма произошли и с известным исламским теологом Юсуфом Кардави, который заявил: «Женщина призвана участвовать в джихаде точно так же, как и мужчина… Я думаю, что у женщины есть право на свою роль в джихаде, как и на то, чтобы она добровольно приняла мученичество»[4]. Как видим, исламисты не только

---

[1] Victor B. Army of roses: Inside the world of Palestinian women suicide bombers. – N.Y.: St. Martin’s press, 2003.

[2] Toameh Kh. A. [Islam] Women may be terror suicide bombers. Muslim scholarrules item 3421. 2003. 26 May. // URL: ReligionNewsBlog.com (дата обращения: 24.04.2021).

[3] Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1. С. 130.

[4] URL: www.palestine=info.info (дата обращения: 19.04.2021).

вовлекают женщин в террористическую деятельность, но и придают джихаду превращенную форму джихадизма, т.е. вооруженной борьбы с неверными. При этом они тут же позволяют себе откровенничать об излишности каких-либо религиозных правил, регламентирующих суицидальное поведение женщин.

Таким образом, предпринимаемые вождями-вдохновителями терроризма усилия по обоснованию правомерности и оправданности вовлечения женщин в качестве смертниц в террористическую практику стало одной из фундаментальных причин появления и распространения «женского шахидизма» как превращенной формы исламского явления. Только шокирующие акции, совершаемые смертницами, имеют своей целью не решение религиозных вопросов, а оказание психологического давления на органы власти, порождение массовых социальных страхов и ужасов, способствующих, по мнению их организаторов, деморализации противника и склоняющих его к выгодному для вдохновителей терроризма компромиссу. Тем более что средства массовой информации уделяют в восемь раз больше внимания терактам, в которых участвуют женщины, чем тем, что совершены только мужчинами[1].

Благодаря такой публичности, которая легко обеспечивается использованием возможностей современных информационных технологий, организаторы акций смертниц нередко достигают своих целей. Объектами же атак женщин-смертниц чаще всего оказываются наиболее слабо защищенные места современного общества, такие как больницы, школы, детские сады, дома культур, вокзалы, подземные переходы, частные домовладения и пр.

Каковы же непосредственные причины, которые заставляют оболваненных террористической пропагандой женщин становиться «живыми бомбами»? Очевидно, что религиозная вера не может быть такой причиной уже потому, что ислам осуждает любое самоубийство. Среди причин распространения проявлений «женского шахидизма» экспертами чаще всего называются простота подготовки акций с использованием женщин-смертниц, легкость проникновения смертницы на место совершения самоподрыва, отсутствие необходимых затрат на планирование путей отхода, на обеспечение отхода от места совершения терактов и т. п. А если к этому прибавить героизацию смертницы, тиражирование в СМИ и СМК ее образа как мученицы веры, то становится понятной привлекательность проведения таких акций и для вождей-вдохновителей терроризма, и для организаторов акций смертниц, и для самих смертниц.

---

[1] Блум М. Bloom M. Female suicide bombers. A global trend // Daedalus. – Cambridge, 2007. Vol. 136, № 1. P. 100.

Для организаторов акций смертниц, «живые бомбы» – это товар однократного использования, когда решается самый сложный для организаторов вопрос – как подготовить пути отступления и покинуть место совершения подрыва. А то, что женщинам легче, не привлекая внимания, добраться до места совершения акции и тем самым обеспечить внезапность, неожиданность атаки, позволяет расширить практику их применения в террористических атаках, пусть даже и вопреки традиционным мусульманским запретам. А. Артюшкин указывает еще и на то, что почти все смертницы, совершившие теракты в России, находились под воздействием психотропных препаратов, а фанатичная религиозная составляющая у террористок-смертниц, если и присутствует, то лишь в малой степени[1].

Во многом идентичны и психологические особенности женщин-смертниц, выделяемые исследователями. Они отдают себе отчет в том, что идут на смерть, более того, личная смерть для них становится непременным условием успешности своей миссии. Им свойственно дихотомическое мышление, низкий уровень эмпатии, неспособность адекватной идентификации себя с окружающими, неуверенность в себе и за свое существование, наличие акцентуации или психопатизации личности, повышенная внушаемость, размытые границы между реальностью и фантазией, формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей[2]. Большинство экспертов сходятся и в том, что женщину проще зомбировать, чем мужчину, проще принудить употребить психотропные и наркотические вещества и тем самым нацелить на совершение самоподрыва.

В заключение отмечу, что легче всего в «живые бомбы» превращаются молодые девушки, потерявшие в тех или иных конкретных обстоятельствах своих близких и желающие отмщения (черные вдовы); подвергшиеся физическому и психическому насилию и опасающиеся оглашения их позора; перманентно испытывающие чувство вины за те или иные собственные поступки; подвергшиеся психической обработке и внушению и т.д.

Мотивами самоубийственного поведения женщин-смертниц могут стать и стремление участвовать в борьбе за национальное освобождение; и желание отомстить за любимого человека, погибшего в ходе вооруженного конфликта; и стремление вырваться из сферы личной и обрести равноправный с мужчиной гражданский статус; и желание искупить совершенные грехи, караемые с точки зрения шариата; и воздействие

[1] Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1. С. 136

[2] Бакин А.А., Липский Н.А. Террористки-смертницы (психолого-психиатрический и криминологический анализ) // Ученые записки Санкт-Петербургского университета имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 1 (57). С. 110.

наркотиков, манипуляция или индоктринация; ну и, конечно же, экономическая мотивированность, упование на получение ее семьей определенной компенсации.

В любом случае причинная мотивация поведения женщины-смертницы находится далеко за гранью религиозного, в нем нет ничего собственно исламского и это становится основной особенностью содержания «женского шахидизма» как террористического превращения исламского феномена.

Черепанов Виктор Алексеевич,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления и права
Ставропольского государственного аграрного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН

О ГОЛОСОВАНИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В теории конституционного права термин «голосование» употребляется в различных значениях: как институт, как процесс голосования, как стадия различных форм непосредственного народовластия[1]. Формат нашего обсуждения не позволяет рассмотреть весь спектр взглядов, связанных с интерпретацией данного понятия, поэтому, не претендуя на всеобъемлемость и окончательную завершенность, полагаем возможным предложить рабочее определение, основные параметры которого отмечаются многими авторами и образуют некоторый инвариант значения термина «голосование».

Голосование (народное голосование) – это прямое императивное выражение воли народа в ходе опроса граждан, проводимого органами публичной власти в целях приведения лица к должности, его отстранения от должности, принятия решения по вопросам государственного или местного значения.

Предложенное определение, на наш взгляд, не является «очередной игрой в дефиниции» и содержит необходимые и достаточные существенные признаки рассматриваемого понятия, в числе которых выделим следующие.

[1] Подробнее об этом см.: Комарова В. В. Народные голосования в Российской Федерации М. Берлин, 2014; Она же. Референдумный процесс Российской Федерации. М., 2014.

1. Голосование – это прямое народное волеизъявление, в процессе которого народ сам, без посредников выражает свою волю. Тем самым прямое народное голосование отличается, например, от голосования депутатов в представительном органе, посредством которого выражается воля народа.

2. Голосование – это императивное народное волеизъявление, результаты которого, являясь окончательными и обязательными, не нуждаются в дополнительном утверждении. Тем самым голосование отличается от консультативных опросов населения, имеющих рекомендательный характер, поскольку право принятия решения на их основе остается за самой властью, по поводу действий которой выясняется общественное мнение[1].

3. Голосование – это народное волеизъявление в ходе опроса граждан, в связи с чем здесь применимы теоретические основы проведения социологических опросов, некоторые из которых будут рассмотрены чуть позже.

4. Голосование – это народное волеизъявление в ходе опроса граждан, проводимого органами публичной власти. Тем самым голосование отличается от опросов, организованных иными лицами: социологических опросов, голосования по общественной инициативе с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» и др.

5. Голосование – это императивное народное волеизъявление в ходе опроса граждан, проводимого в целях приведения лица к должности, его отстранения от должности, решения вопросов государственного (местного) значения. В связи с таким целеполаганием можно выделить три основных вида голосования:

– выборы (проводятся для приведения лица к должности);

– отзыв выборного лица (проводится для отстранения от должности);

– референдумное голосование (проводится в целях решения вопросов государственного или местного значения).

При этом под референдумным голосованием считаем возможным понимать прямое императивное волеизъявление российского народа или его части, проживающей на территории субъекта РФ (муниципального образования), в ходе опроса граждан по решению вопросов государственного (местного) значения, которое обязательно для применения и утверждению не подлежит.

В рамках нашего обсуждения речь пойдет о референдумном голосовании на федеральном уровне, особенности его проведения на

[1] Так, например, ст. 31 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ для выявления мнения населения муниципального образования проводятся опросы граждан, результаты которых носят рекомендательный характер.

региональном и местном уровнях нуждаются в отдельных исследованиях и специальных публикациях. Необходимо подчеркнуть, что в процессе постсоветского становления российской государственности конструировались различные законодательные модели референдумного голосования, которые получали при этом разное наименование. К ним относятся:

– референдум;
– всенародное голосование по проекту Конституции 1993 года;
– общероссийское голосование по одобрению конституционных изменений 2020 года.

Таким образом, голосование – это общее, родовое понятие, которое охватывает различные виды и формы народного волеизъявления, сложившиеся в конституционной практике.

В отличие от устоявшихся терминов «выборы» и «отзыв» предлагаемое здесь выражение «референдумное голосование» не выглядит столь понятным и однозначным и нуждается в детальном рассмотрении в разрезе различных форм на разных этапах постсоветского становления российской государственности.

Начнем с референдума, нормативное закрепление которого берет свое начало с Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 года и Закона РСФСР от 16 октября 1990 г. № 241–I «О референдуме РСФСР». Итак, референдум РСФСР назначался Съездом народных депутатов (Верховным Советом) РСФСР по их инициативе, а также по требованию не менее чем одного миллиона граждан, имевших право на участие в референдуме, и не менее одной трети от общего числа народных депутатов РСФСР. Президент России назначать и инициировать референдум был не вправе. Решение считалось принятым, если его одобрили более половины участников, при условии, что явка составила не менее 50 % граждан, внесенных в списки участников референдума. При проведении референдума по принятию, изменению и дополнению Конституции решения считались принятыми, если их одобрили более 50 % граждан, внесенных в списки участников референдума. Решения, принятые на референдуме, считались обладающими высшей юридической силой, обязательными на всей территории России и утверждению не подлежали[1].

При подготовке Конституции 1993 года возникла проблемная ситуация, поскольку ее принятие относилось к исключительному ведению Съезда народных депутатов, деятельность которого была прекращена Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400. В этой связи для правовой легитимации новой Конституции как внутри страны, так и на международной арене, возникла необходимость получить ее народное одобрение.

[1] О референдуме РСФСР: закон РСФСР от 16.10.1990 № 241-I.

Однако провести референдум по этому вопросу не представлялось возможным поскольку, во-первых, его назначение находилось в компетенции упраздненных Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Во-вторых, получить поддержку более 50% граждан, внесенных в списки участников референдума, необходимую по действовавшему Закону о референдуме, при сложившемся в то время значительном расколе общества, представлялось практически нереальным.

Для разрешения сложившейся ситуации была сконструирована и закреплена Указом Президента новая правовая конструкция – всенародное голосование по проекту Конституции, которое обладало всеми сущностными чертами референдума, поскольку являлось прямым народным волеизъявлением, результаты которого обладали высшей юридической силой, считались обязательными и утверждению не подлежали[1].

Вместе с тем такое голосование отличалось от установленной на тот момент законодательной модели референдума по следующим параметрам:

– порядок его проведения определялся Указом Президента, а не законом;

– всенародное голосование назначалось Президентом, а референдум подлежал назначению Съездом народных депутатов или Верховным Советом;

– Конституция считалась принятой на всенародном голосовании при ее поддержке более 50% принявших участие в голосовании, в то время как при голосовании на референдуме для ее принятия понадобилось бы одобрение более 50% граждан, внесенных в списки для участия в референдуме.

Однако эти отличия в то время существенными не считались, поскольку главным было получить правовую легитимацию новой Конституции от самого народа в ходе его прямого волеизъявления. Вопрос о форме такого волеизъявления – референдум или всенародное голосование – для правящей российской элиты, как, впрочем, и для мировой демократической общественности, принципиального значения не имел. Во всяком случае Венецианская комиссия Совета Европы в Заключении о Конституции 1993 года пришла к следующему выводу: «Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., не вызывает серьезных вопросов о ее соответствии принципам демократического правового государства и

[1] О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации: указ Президента РФ от 15.10.1993 № 1633.

уважения прав человека»[1]. Обратим внимание на то, что в Заключении Венецианской комиссии «всенародное голосование» считалось «всероссийским референдумом», не оценивалось как антидемократическое и нелегитимное.

В современном российском законодательстве «всенародное голосование» и «референдум» закреплены Конституцией и Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации», в котором они рассматриваются как идентичные по своей правовой природе. В научной печати эти две формы прямого императивного народного волеизъявления нередко не получают своего различения и именуются всероссийским референдумом[2]. Вместе с тем они отличаются по целевому назначению и порядку проведения.

Референдум Российской Федерации, законодательно определяемый как всенародное голосование по вопросам государственного значения, назначается Президентом по инициативе не менее чем двух миллионов граждан, имеющих право на участие в референдуме. Решение признается принятым при тех же условиях, что и на всенародном голосовании – если его одобрили более половины участников, при условии, что явка составила более 50% от общего числа российских граждан, внесенных в списки участников референдума[3].

Всенародное голосование может быть назначено Конституционным Собранием, которое созывается для рассмотрения вопроса о необходимости разработки новой Конституции. На всенародное голосование выносится проект Конституции как единый целостный документ, а не отдельные изменения конституционного текста. Конституция считается принятой, если ее одобрили более половины проголосовавших, при условии, что в голосовании приняло участие более половины всех избирателей[4].

Двигаясь дальше, отметим, что при принятии в 2020 году пятой по счету поправки к Конституции (так же, как и в 1993 году) возникла необходимость в правовой легитимации новых конституционных положений самим народом в ходе прямого народного волеизъявления. Закрепленные действующим законодательством и уже рассмотренные

---

[1] Заключение Венецианской комиссии о Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018, № 6. С. 29.

[2] См. например: Комарова В.В. Народные голосования в Российской Федерации. С. 87–91; Она же. Референдумный процесс Российской Федерации. С. 41–44.

[3] Статьи 1, 14, 80 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации».

[4] Статья 135 Конституции Российской Федерации; часть 1 статьи 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации».

нами две формы референдумного голосования («всенародное голосование» и «референдум») для этого не подходили: референдум – по причине громоздкости и длительности процедуры его инициирования российскими гражданами, а «всенародное голосование» – в связи с конституционно закрепленной возможностью проведения всенародного голосования исключительно для принятия новой Конституции, а не отдельных изменений конституционного текста.

В этой связи была разработана новая правовая конструкция – «общероссийское голосование», которое обладало всеми сущностными чертами референдума и всенародного голосования, поскольку являлось прямым народным волеизъявлением, результаты которого имеют высшую юридическую силу, обязательны для исполнения и утверждению не подлежат. При этом общероссийское голосование (в отличие от референдума и всенародного голосования) представлялось реально применимым для одобрения конституционных изменений, поскольку назначалось Указом Президента во исполнение Закона РФ о поправке к Конституции от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

Что же касается точки зрения о том, что общероссийское голосование, поскольку оно не предусмотрено Конституцией, является неконституционным, то это из области искусственно тиражируемых мифов. Конституция, закрепляя основные нормативные положения, оставляет много вопросов, которые регулируются текущим законодательством. Отсутствие в Конституции того или иного правового института, устанавливаемого иным нормативным актом, отнюдь не означает его неконституционность. Наиболее близким примером являются нормативные положения о принятии любого закона, в том числе и Закона о поправке к Конституции в трех чтениях. Это положение не закреплено ни в Конституции, ни в федеральном законе, ни в Указе или распоряжении Президента. Оно установлено всего лишь Регламентом Государственной Думы. И ни у кого, в том числе у Конституционного Суда, который при рассмотрении многих дел опирался на эти, всего лишь регламентные нормы, никогда не возникало вопроса об их неконституционности.

Общероссийское голосование, будучи закрепленным Законом РФ о поправке к Конституции, который по своей юридической силе рассматривается как законодательный акт конституционного ранга, снимает все вопросы о якобы неконституционности общероссийского голосования. Конституционный Суд в Заключении по поводу Закона о поправке к Конституции сформулировал четкую и однозначную правовую позицию о том, что общероссийское голосование имеет особую юридическую природу. Представляя собой форму непосредственного народного волеизъявления, общероссийское голосование как таковое не заменяет собой действия Федерального Собрания и органов

законодательной власти субъектов Российской Федерации по принятию конституционной поправки в порядке статьи 136 Конституции. Поэтому конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию, прямо не предусмотренному действующим правовым регулированием для принятия конституционной поправки[1].

Заключение Конституционного Суда окончательно и обжалованию не подлежит. Однако анализ общероссийского голосования был бы неполным без рассмотрения присущих ему проблемных вопросов, среди которых выделим три основных, подлежащих обсуждению в рамках настоящей статьи.

Первый вопрос. Чаще всего критикуется порядок, согласно которому на голосование был вынесен весь комплекс конституционных изменений без возможности высказать свое отношение к конкретным из них. При юридическом рассмотрении данный вопрос представляется надуманным, поскольку голосование по каждому из 110 конституционных изменений попросту нереально. Кстати, и мировая практика идет по аналогичному варианту пакетного голосования при вынесении конституций на народное рассмотрение (Конституция Франции 1958 г., Конституция Казахстана 1995 г. и др.). Действующая Конституция Российской Федерации также принималась всенародным голосованием в 1993 году как единый целостный проект без возможности голосовать по конкретным статьям, главам, разделам. Однако такой порядок принятия Конституции не вызывал подобной критики ни внутри страны, ни на международной арене.

Второй вопрос заключается в том, что исключительно важное, можно сказать определяющее значение для адекватного выражения воли граждан имеет сама формулировка вопроса, который был вынесен на голосование: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?» с двумя возможными ответами («да» и «нет»).

Исходя из положений социологической науки такая формулировка является не уравновешенной, поскольку в самом вопросе присутствует только один из возможных ответов, в данном случае положительный, что способствует выбору именно этого ответа. В итоге происходит смещение результатов голосования в сторону положительного ответа. С психологической точки зрения вопрос звучит внушающим образом в сторону положительного ответа: «Ну, Вы ведь одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации. Не так ли?».

Кроме того, при двух возможных альтернативных ответах при пакетном голосовании на каждого человека возлагается достаточно

[1] Пункт 2.1. мотивировочной части Заключение Конституционного Суда от 16.03.2020 № 1-З.

сложная задача осуществить взвешивание всех «за» и всех «против» отдельных поправок. Далеко не всегда люди в состоянии проделать такую большую умственную работу, в результате чего адекватность выражения их воли вызывает серьезное сомнение[1]. Для недопущения такого искажающего влияния более приемлемой выглядела бы несколько иная формулировка, например: «Как Вы относитесь к предложенным изменениям в Конституцию Российской Федерации?» с тремя, а не двумя вариантами ответов: «Одобряю», «Не одобряю», «Затрудняюсь ответить». Автор этих строк, будучи экспертом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, вносил такие предложения, которые, однако, учтены не были.

И, наконец, третий проблемный вопрос связан с отсутствием порога явки на общероссийском голосовании в отличие от референдума, который считается состоявшимся, если в нем приняло участие более 50% граждан, внесенных в списки участников референдума. Очевидно, что при низкой явке неизбежно возникает вопрос о правовой легитимности результатов, что, однако, не произошло, поскольку в общероссийском голосования 1 июля 2020 года приняли участие 67,97% граждан, имевших право принимать в нем участие.

С учетом изложенного считаем возможным полагать, что общероссийское голосование может проводиться и в дальнейшем по многим другим важнейшим вопросам государственного значения по инициативе главы государства. Однако при этом возникает необходимость в институционализации данной правой конструкции в рамках такого законодательного акта конституционного ранга, как Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». Тогда все упреки в неконституционности общероссийского голосования, на наш взгляд, оказываются полностью снятыми. Как и должно быть в современном демократическом государстве.

[1] См. об этом: Рабочая книга социолога. М., 2015. С. 354–355; 363–364.

Иванников Иван Андреевич,
декан юридического факультета
Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Веками ведется борьба с преступностью, но побороть это негативное явление человечество не в состоянии. Можно лишь рассуждать о причинах снижения или роста преступности в определенные периоды развития общества и государства. Цель статьи – доказать, что формирование государственно-правовых ценностей человека и гражданина является эффективным фактором противодействия преступности.

Еще древние отмечали, что «…праздность и ничегонеделание ищут порочности и влекут ее за собою…»[1]. Одержимые идеей сделать лучше свою жизнь, жизнь близких, соотечественников, не равнодушных к публичной власти и законам своей страны не ведут праздной жизни, а занимаются самосовершенствованием. Публичная власть и право становятся для человека ценностью лишь тогда, когда он их познает и принимает. В XXI веке люди стремятся к свободе, ценят свободу и не мыслят свою жизнь без свободы выбора вариантов поведения. Мой бывший студент верно отметил, что «современный период развития учения о ценностях свободы, праве, правосознании, юридической ответственности связан с реализацией на практике идеи правового государства и оптимального ограничения свободы деятельности органов публичной власти законом»[2]. Оптимальным должно быть и ограничение свободы индивидов и их объединений правом. Как можно достигнуть такой гармонии? Только в процессе правового воспитания и положительного восприятия государственно-правовых ценностей. Воспитанное на ценностях социалистического государства и права население России и государств, возникших на территории бывшего СССР, вымирает. Им на смену пришло поколение, выросшее в период формального признания в стране правового государства. В чем суть проблемы? Социалистические государственно-правовые ценности периода сталинизма часто виделись как противоречивые, так как теория и практика

[1] Гиппократ. О благоприличии // Этика и общая медицина. М.: Мир книги, 2007. С. 43.

[2] Иванников А.И. Аксиология юридической ответственности. М.: «Юрлитинформ». 2020. С. 107.

государственно-правового строительства иногда не совпадали. Искусственно создавались и национально-территориальные образования, которые могли быть ликвидированы, а потом восстановлены. Несправедливо не восстановленной осталась лишь Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Эти и другие явления свидетельствуют о непоследовательности национальной политики советской правящей элиты.

Развал СССР, отказ политических элит от социалистических ценностей в новых признанных и непризнанных государствах способствовали росту правового нигилизма. Официальное признание ценностей правового и социального государства новыми политическими элитами не означало, что они приняты обществом, в котором не было даже предпосылок для построения государства нового типа. В ряде государств, возникших на территории бывшего СССР, нет доверия к публичной власти и созданному ею праву. Этот вакуум часто заполняют представители религиозных конфессий, отдельных политических партий. Если этого нет в стране проживания, то население уезжает в поисках гармонии в другие государства мира, либо участвует в протестных мероприятиях, нарушает действующее законодательство, которое не представляет для него ценности, или соблюдает его только из-за чувства страха быть наказанным за правонарушение, легко идет в обход закона.

Развал СССР (территории исторической России) привел к возникновению непризнанных государств: Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Южной Осетии, Республики Арцах. Их появлению предшествовали гражданские войны, межнациональные и религиозные конфликты в некоторых национально-территориальных образованиях. По прошествии трех десятилетий некоторые непризнанные государства стали непризнанными частично, с полным или неполным контролем над своей территорией. Появились частично непризнанные, частично признанные и абсолютно непризнанные государства.

После государственного переворота февральских событий 2014 года в Украине на ее территории возникло два непризнанных государства – Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). 14 мая 2014 года была принята Конституция Донецкой Народной Республики, а 18 мая 2014 – Конституция Луганской Народной Республики. В преамбуле Конституции ЛНР сказано, что Народный Совет Луганской Народной Республики, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исходит из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, заявляет об обеспечении благополучия и процветания Республики. В статье 1 закреплено, что Луганская Народная Республика является демократическим, правовым, социальным государством, а территория ЛНР является единой и неделимой. Однако формальное закрепление положения о том, что

государства являются социальными и правовыми, еще не означает, что они таковыми являются.

Правовые системы непризнанных или частично признанных государств неустойчивы, зависят от изменения международных отношений и подстраиваются под правовые системы тех государств, которые могут защитить их суверенитет. При этом в некоторых из них население обладает высокой правовой культурой, активно участвует в политических акциях и выражает поддержку правительств. Это особенно проявляется в Приднестровской Молдавской Республике.

Правовое воспитание, включающее правовое образование, навыки реализации права и законопослушное поведение, будут иметь успех лишь тогда, когда законы будут признаваться справедливыми большей частью населения страны.

Итак, государственно-правовые ценности, усвоенные человеком, оказывают влияние на его поведение. Поэтому формирование государственно-правовых ценностей человека и гражданина должно быть одной из функций государства. Сформированное уважение к определенным государственно-правовым ценностям обеспечит их защиту от нарушений со стороны граждан, что явится эффективным фактором противодействия преступности в целом.

Деятельность правоохранительных органов – это всегда борьба с последствиями неэффективного процесса воспитания правосознания, государственно-правовых ценностей человека и гражданина. Причина преступного поведения заключается в отсутствии правовой культуры, ее низком уровне у личности, правовом нигилизме, сформированных государственно-правовых ценностях, которые диаметрально противоположны ценностям страны пребывания.

Формирование государственно-правовых ценностей возможно при проведении государственной политики по правовому воспитанию и противодействию преступности при участии в этом процессе общественных организаций, учебных заведений и учреждений культуры. Противодействие преступности – это в большей степени не профилактическая деятельность правоохранительных органов, а целенаправленная работа по формированию системы ценностей человека, которые влияют на поведение человека. Правовое воспитание с целью формирования государственно-правовых ценностей в перспективе способствует предупреждению преступности. Там, где нет условий для формирования государственно-правовых ценностей, уместно реагирование на преступления посредством функций правоохранительных органов. Принудительное воспитание ценностей и правосознания возможно в местах лишения свободы.

Андреева Елена Михайловна,
и.о. заведующей кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ГРАНТОВ) НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОЕКТЫ[1]

Понятие «бюджетные гранты», также как и «бюджетные гранты на научные исследования и проекты» отсутствует в законодательстве. Однако легальная основа для существования данных видов грантов в российском праве имеется. Так, слово «гранты» встречается во многих нормативных правовых актах, среди которых нас в первую очередь интересуют Бюджетный кодекс Российской Федерации[2] и Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[3]. В БК РФ гранты рассматриваются как бюджетные ассигнования, которые предоставляются организациям, индивидуальным предпринимателям и просто физическим лицам в форме субсидий (статьи 78, 78.1 БК РФ). Из чего можно сделать вывод, что бюджетные гранты – это: 1) гранты, выдаваемые за счет бюджетных средств; 2) они являются видом субсидий. В то же время во втором упомянутом нормативном документе – Законе о науке – дается определение грантов как понятию, применяемому в данном законе. Так, в ст. 2 Закона, указано, что гранты - это денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями. Из чего приходим к заключению, что такие гранты можно назвать «грантами на научные исследования и проекты». Если сравнить два названных определения, то видно, что гранты на научные исследования и проекты по кругу грантодателей, а также по предмету гранта шире чем бюджетные гранты. Последние предоставляются только публично-правовыми образованиями и могут иметь исключительно денежную форму. Однако в двух прокомментированных выше документах прямо указывается на безвозмездный и

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

[2] Собрание законодательства РФ, 1998, № 31, ст. 3823.

[3] Собрание законодательства РФ, 1996, № 35, ст. 4137.

безвозвратный характер указанных средств. Объединив все, изложенное выше, дадим следующее определение бюджетных грантов на научные исследования и проекты. Это денежные средства, получаемые организациями и отдельными гражданами из бюджетов публично-правовых образований на безвозмездной и безвозвратной основах на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований.

Поскольку бюджетные гранты являются бюджетными средствами, перейдем к анализу норм Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященных ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, выделенных на научные исследования и проекты. Уголовной ответственности за данное деяние в УК РФ не предусмотрено. Тем не менее в нем имеется два состава преступления, которые будут общими по отношению к рассматриваемому в публикации случаю. Так, в УК РФ предусмотрена статья 285.1. «Нецелевое расходование бюджетных средств» и статья 285.2 «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Обе названные статьи являются относительно новыми для уголовного законодательства. УК РФ был дополнен ими в 2013 году согласно положениям Федерального закона от 08.12.2003г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1]. В целях настоящей публикации будут проанализированы элементы первого состава, так как гранты на научные исследования выделяются именно из бюджетов. Как видно, в составе также отсутствует ответственность за нецелевое использование «бюджетных, научных» грантов, тем не менее объективная сторона состава 285.1 УК РФ включает в себя данное деяние, поскольку сформулирована шире.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления может быть выражена в форме как умысла, так и неосторожности. Родовой объект посягательства – государственная власть. Видовым объектом посягательства, как следует из названия главы 30 УК РФ, являются интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Непосредственный объект можно сформулировать как средства бюджетов. На самом деле это преступление, по мнению автора, должно быть помещено в раздел VII «Преступления в сфере экономической деятельности» главы 21 «Преступления против собственности», поскольку в данном случае нарушаются интересы собственника бюджетных средств – соответствующего публично-правового образования.

[1] Собрание законодательства РФ, 2003, № 50, ст. 4848. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Объективной стороной является расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенные бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств. Квалифицирующими признаками являются крупный размер – сумма нецелевого использования должна превышать 1 500 000 руб. и особо крупный размер – более 7 500 000 руб. (за что установлена более строгая ответственность по ч. 2 той же статьи). Документы, в которых могут быть установлены цели расходования бюджетных средств, перечислены в статье неисчерпывающим образом. В дополнение можем указать, например, распоряжение Президента РФ (Правительства РФ) о выделении гранта из резервного фонда Президента РФ (Правительства РФ) тому или иному лицу.

На данном этапе рассмотрения грантовых отношений возникает два вопроса, требующих исследования. Во-первых, соотношение терминов «расходование» и «использование». Во-вторых, можно ли применить ст. 285.1 УК РФ, если исполнителем были нарушены условия получения грантов, но сам грант не имел целевого назначения? Попробуем разобраться. По первому вопросу укажем, что термин «расходование» в законодательстве не детализируется. Однако, поскольку речь идет о расходовании средств бюджетов, для правильного понимания данной категории обратимся к БК РФ. Так, из него следует, что под расходованием понимаются отношения, обслуживающие оплату принятых денежных обязательств. К ним можно отнести отношения по составлению платежных и иных документов; санкционированию оплаты денежных обязательств; непосредственному списанию денежных средств с единого счета бюджета в пользу физических и юридических лиц[1]. Расходование осуществляется лицом, действующим от имени бюджета, а не получателем средств бюджета. В то время как термин «использование бюджетных средств», по мнению автора, имеет более широкое значение, хотя также не расшифровывается в законодательстве. Если заглянуть в БК РФ, то кодекс достаточно часто апеллирует к термину «использование». Например, в ст. 28 кодекса говорится об «эффективности использования бюджетных средств», в ст. 38 БК РФ, как известно, постулируется принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, который там же поясняется как доведение бюджетных ассигнований … до конкретных получателей бюджетных средств *с указанием цели их использования*. Есть и другие примеры. Отсюда предложение – для устранения юридических неточностей, в статье 285.1 УК РФ слова «расходование бюджетных средств» заменить на «использование бюджетных средств».

[1] Андреева Е.М. Дисс… на соискание ученой степени доктора юрид. наук. М., 2018. С. 256.

Второй вопрос также крайне сложен. В буквальном смысле не нецелевое расходование означает активные действия по использованию средств не на те цели, на которые такие средства предоставлены. Например, ученому выделен грант на закупку специального оборудования, сопутствующих материалов для проведения научных исследований, который он истратил на отдых с семьей. Однако, чаще всего научные гранты могут использоваться без назначения, например, Постановлением Правительства РФ от 27.04.2005 № 260 установлены Правила предоставления грантов в форме субсидий в области науки из федерального бюджета для государственной поддержки молодых российских ученых[1]. В данных правилах отсутствуют цели расходования грантов, но указаны результаты предоставления гранта. Так, согласно п. 21 Правил, ими являются научное исследование, количество научных публикаций, докладов и сообщений на конференциях, учебных курсов, результатов интеллектуальной деятельности, подготовленных диссертаций. В этом и большинстве других грантов не важно, куда ученый направил средства гранта, однако имеется характеристика научного результата, которого он должен достигнуть. Таким образом, на взгляд автора, при расходовании средств гранта нецелевое расходование средств возникает только тогда, когда по условиям его предоставления грант должен быть направлен на конкретные цели (приобретение оборудования, организацию научной экспедиции, проведение научной конференции). Однако в большинстве правил предоставления грантов не предусмотрено целевое назначение грантов, а значит не может быть нецелевого расходования бюджетных средств. Тем не менее во всех случаях возможно невыполнение задач, достижение которых грант стимулирует. Из чего следуют выводы о том, что, во-первых, в отношении средств научных грантов статья 285.1 УК РФ применима не во всех случаях. Во-вторых, необходимо ввести уголовную ответственность за недостижение установленных в грантовом соглашении результатов получения научного гранта, предоставленного за счет бюджетных средств. По поводу субъекта ответственности порассуждаем ниже. В дополнение скажем, что можно рассмотреть возможность привлечения к уголовной ответственности за аналогичное нарушение в отношении частных грантов.

Субъект преступления по этому составу – специальный – должностное лицо получателя бюджетных средств. И здесь также хотелось бы остановиться на двух спорных моментах. Первый спорный аспект комментируемого элемента состава состоит в том, что не предусмотрена ответственность по данной статье физических лиц – получателей грантов.

[1] Постановление Правительства РФ от 27.04.2005 г. № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых - кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2005, № 18. Ст. 1686.

В некоторых случаях, гранты предоставляются непосредственно ученым, которые также должны нести ответственность за их нецелевое использование.

В-вторых, требует оценки категория «должностное лицо получателя бюджетных средств». Легальное определение «получатель бюджетных средств» содержится в статье 6 БК РФ. В ней также установлен исчерпывающий перечень таких субъектов. К ним, собственно, относятся две группы субъектов – 1) органы публичной власти – органы государственной власти и местного самоуправления и пр.; 2) казенные учреждения, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета. Соответственно, круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по данной статье, сужен должностными лицами публичных органов, а также казенных учреждений. Однако в ст. 78, 78.1 БК РФ в качестве получателей грантов в том числе указаны частные организации (коммерческие и некоммерческие), индивидуальные предприниматели и просто физические лица, в нашем случае – ученые. Тем не менее, анализ судебной практики показывает, что уголовные дела по ст. 285.1 УК РФ возбуждаются и в отношении должностных лиц бюджетных учреждений, которые не являются получателями бюджетных средств. Например, в 2018 году возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 285.1 УК РФ в отношении генерального директора ФГБУ «…» (авт. – федеральное государственное бюджетное учреждение) ввиду того, что им были оплачены работы, выполненные ООО «…» по Контракту «…» на общую сумму 2,7 млн рублей за счет средств целевой субсидии, которые У.В.В. умышленно неправомерно израсходовал на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным Порядком предоставления из федерального бюджета субсидий федеральным государственным бюджетным и автономным учреждениям[1]. В данном деле не идет речь именно о нецелевом расходовании субсидий в форме грантов, тем не менее пример весьма показательный. Сказанное приводит автора к заключению о том, что в этой части статья 285.1 УК РФ также должна быть изложена в ином виде. Так, вместо слов «должностным лицом получателя бюджетных средств» целесообразно использовать слова «должностным лицом получателя бюджетных средств или субъекта, которому предоставляются бюджетные средства» и тем самым расширить круг потенциальных нарушителей. Примечательно, что в ст. 78 БК РФ говорится о том, что предоставление субсидий оформляется соглашением, заключаемым между получателем бюджетных средств, предоставляющим субсидию, и юридическим лицом,

[1] См. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.09.2020 № 10-16890/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2021).

которому предоставляется субсидия. Соответственно, в ныне действующей редакции ст. 285.1 УК РФ к уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств можно привлечь только первого субъекта – должностное лицо, выступающее от имени публичного субъекта, выдающего субсидию (т. е. должностное лицо органа государственной власти, либо местного самоуправления, являющегося главным распорядителем бюджетных средств), но нельзя привлечь должностное лицо субъекта, отвечающего за использование бюджетных средств. Ситуация виновности представителя грантодателя может возникнуть тогда, когда гранты предоставляются по окончании выполнения задания, которое грант финансировал. Тогда вина может состоять в ненадлежащей проверке представленных грантополучателем документов, подтверждающих целевое расходование средств гранта. В случае, если грант (частично или полностью) предоставлялся авансовыми платежами, к уголовной ответственности должно привлекаться должностное лицо грантополучателя. Затронутая нами проблема выходит за рамки расходования бюджетных грантов на научные исследования, тем не менее актуальна и в отношении данных средств.

Дополнительным аргументом в поддержку нашей позиции выступает новая редакция ст. 15.14 КоАП РФ «Нецелевое использование бюджетных средств»[1], по которой административная ответственность наступает именно за нецелевое использование бюджетных средств, выразившееся в том числе в направлении средств, полученных из бюджета, на цели, не соответствующие целям, определенным договором (соглашением) либо иным документом. При этом в качестве субъекта ответственности может быть любое должностное лицо, совершившее данное деяние.

На основании изложенного, приходим к следующим выводам. Во-первых, преступление, предусмотренное ст. 285.1 УК РФ, целесообразно поместить в раздел VII «Преступления в сфере экономической деятельности» главы 21 «Преступления против собственности». Во-вторых, для устранения юридических неточностей в объективной стороне той же статьи кодекса следует заменить слова «расходование бюджетных средств» на «использование бюджетных средств», а также вместо слов «должностным лицом получателя бюджетных средств» указать «должностным лицом получателя бюджетных средств или субъекта, которому предоставляются бюджетные средства». В-третьих, необходимо ввести уголовную ответственность за недостижение установленных в грантовом соглашении (договоре) результатов получения научного гранта, предоставленного за счет бюджетных средств. В качестве субъектов преступления предусмотреть

[1] О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 31. Ст. 4191.

как должностных лиц, так и физических лиц, получивших научные гранты. Также, можно рассмотреть возможность привлечения к уголовной ответственности за аналогичное нарушение в отношении частных грантов. Аргументация представлена выше.

Бавсун Максим Викторович,
заместитель начальника
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
полковник полиции;

Куршев Альберт Хасанович,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации
сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В уголовном праве рецидив определяют, как повторное умышленное совершение преступления лицом, ранее уже его совершившим. Это, как правило, влечет за собой усиление мер уголовной ответственности. Различают такие виды рецидива, как общий (лицо совершает разнородные преступления) и специальный (лицо совершает однородные преступления). Но осужденный может совершить преступление и в местах лишения свободы и это носит название «пенитенциарный рецидив». В случае если преступник совершил преступление по неосторожности или же ранее был судим за это, то в уголовно-правовом смысле рецидив не может образовываться[1].

Ч. 4 ст. 18 УК РФ указывает на то, что к категории рецидива не относится:

– если лицо, совершившее умышленное рецидивное преступление, ранее было осужден за преступление небольшой тяжести, но если оно совершило умышленное повторное преступление небольшой тяжести после такого же аналогичного преступления, то это рецидив;

[1] Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 32–37.

– если лицо, совершившее преступление будучи несовершеннолетним, осуждается за вновь совершенное преступление, но уже после достижения 18 лет;

– если предыдущая судимость погашена или снята, так как с юридической точки зрения они не существуют.

Рецидивом считается, если на момент совершения преступления судимость была не погашена, а не на момент вынесения судебных решений[1].

Рецидив классифицируется как простой, опасный и особо опасный. Простой рецидив предусматривает совершение повторного преступления любой категории лицом, совершившим аналогичное преступление ранее, при условии, что оно не было характеризовано как опасное или особо опасное.

При опасном рецидиве, лицо, совершившее ранее два или более преступлений средней тяжести и получившее реальный срок, вновь совершает тяжкое преступление.

Особо опасным рецидив считается тогда, когда лицо было осуждено за два тяжких преступления и отбывало реальный срок.

Задачей государства является достижение целей наказания, а также предупреждение новых преступлений. Лица, совершившие рецидивное преступление, являются асоциальными, поведение которых отличается от общепризнанных общественных норм[2]. Пенитенциарный рецидив в местах лишения свободы возникает вследствие криминальной активности осужденных и создания благоприятных условий для совершения преступления. Пенитенциарная преступность различается по группам:

- преступления против жизни и здоровья;
- преступление против собственности;
- преступление против половой неприкосновенности;
- преступление против общественной безопасности;
- преступление против порядка управления и правосудия.

По результатам различных исследований большинство осужденных росли в неполных, а также неблагополучных семьях, что провоцирует различные затруднения в развитии, деформирует представления человека о нормах поведения в семье, обществе[3]. Следовательно, он попадает в

---

[1] Артеменко Н.В., Магомедов М.А. Некоторые проблемы предупреждения рецидивной преступности в РФ // Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 1. № 2 (14). С. 48–50.

[2] Поданева Ю.С. Сравнительный анализ рецидивной преступности в России и некоторых странах СНГ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 4-6. С. 71–73.

[3] Мишухин А.С., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Предупреждение и профилактика рецидивной преступности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 213–220.

криминальные структуры, а оттуда в места лишения свободы. К сожалению, как показывает статистика, подвержены этому в большей степени несовершеннолетние граждане. Как мы знаем, ребенок не может самостоятельно познать ценности общества, попадая в криминальную среду он испытывает глубокое чувство разочарования. Так и начинают создаваться различные преступные группировки, воровские шайки. Они как бы становятся «выпавшими» из общества и составляют социальную базу преступности.

Но есть еще и такие преступления, которые совершались исключительно в местах лишения свободы. Это побег их тюрьмы или из-под ареста. И такие преступления составляли большинство пенитенциарных преступлений. Но сейчас на первом месте преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, так как они имеют значительную тенденцию к росту.

Для предупреждения рецидивной преступности, необходимо воздействие на социальном, индивидуальном, социально-криминологическом уровнях. Немаловажную роль играет педагогическое воспитание и исправление, организованное в тюрьмах. Оно преследует цель помочь осужденным изменить свое асоциальное мировоззрение, пересмотреть ценности, уважать законы страны, прививать привычку трудиться. Также в местах лишения свободы соблюдается режим, обучение осужденных в профессиональном плане, труд, воспитательная работа. Все это в совокупности призвано вернуть осужденного к социально правильной жизни после его освобождения.

Также с осужденными проводятся беседы с целью выяснения, где осужденный намеревается работать после освобождения, собирается ли он учиться, есть ли у него жилье, семья, т. е. подготавливает его к дальнейшей жизни без повторного совершения преступления. Такая работа проводится и с лицами, совершившими три и более преступлений и не собирающимися вставать на правильный путь, причем заблаговременно, даже если они отказываются от помощи. Также повышенного внимания требуют, и осужденные-инвалиды или престарелые, не имеющие собственную жилплощадь или отказывающиеся возвращаться в прежнее место жительства. Органами внутренних дел должна проводиться работа по прикрытию неблагополучных мест, где наблюдается наибольшее скопление ранее осужденных лиц, проверять условия проживания, поведение освобожденных из мест лишения свободы в быту, что составляет профилактику рецидива. Также ими должна быть разъяснена, какие последствия ожидают освобожденного при повторном совершении преступления, взять под особый контроль выявленных лиц, способных снова встать на преступный путь. Активными участниками этого процесса должны быть и участковые уполномоченные, и аппараты ОКП, тесно сотрудничая и взаимодействуя. Осуществление административного

надзора в отношении освобожденных, наблюдение за их жизнедеятельностью, локализация конфликтов играет большую роль в предупреждении рецидивной преступности. Такой надзор осуществляется за лицами, отбывшими наказания два или три раза, совершившими умышленные преступления и при этом не стремились к исправлению в периоды пребывания в тюрьме, а также «рецидивистами», которые периодически нарушает общественный порядок. Если поднадзорный не замечен в каких-либо происшествиях, имеет положительные отзывы на работе и в быту, то административный надзор прекращается. Рецидивную преступность можно еще разобрать и по характеристикам:

– кратность рецидива или количество повторных преступлений;

– коэффициент рецидива, что означает некую формулу- сравнение общего количества преступников в стране и число лиц, совершающих рецидив;

– интенсивность повторных преступлений (число рецидивов на единицу времени);

– специализация повторных преступлений, т. е. повтор аналогичных преступлений, что является показателем криминального профессионализма.

Для того, чтобы предупредить рецидивную преступность, необходимо совершенствовать систему общественных отношений, т. е. создавать комфортные условия для всех членов общества, особенно в экономическом плане, способствовать формированию положительного доминанта в обществе, а этого можно добиться только, совершенствуя механизмы социализации законопослушного населения.

Особым пунктом хотелось бы отметить рецидив среди несовершеннолетних. Это угроза развитию физически и духовно здоровой молодежи. Как правило, на несовершеннолетнем лице, уличенном в совершении преступления, очень часто висит непогашенная или неснятая судимость. Отсидев в раннем возрасте к исправительным колониям, несовершеннолетние, по достижению совершеннолетия совершают более тяжкие преступления, что является своеобразным ядром преступности. Ранее озвученный административный надзор не производит наблюдение за несовершеннолетними[1]. Причиной этому является Уголовный кодекс, в котором говорится, что при повторном преступлении не могут учитываться преступления, совершенные лицом в период несовершеннолетия. А значит рецидива нет и лицо получает наказание на общих основаниях. А административный надзор, как мы знаем, назначается только в отношении совершеннолетнего и по решению суда. Этим показана противоречивость и несовершенство уголовного права и в настоящее время проводятся дискуссии с предложением учитывать

[1] Забрянский Г.И. Рецидивная преступность несовершеннолетних // Общество и человек. 2011. № 1 (2). С. 28–29.

преступления, совершенные и в период несовершеннолетия, если преступник отбывал срок в исправительной колонии. Это еще раз доказывает необходимость пересмотра законов, внесения изменений с обязательной проработкой всех вопросов. При наличии учета преступлений, совершенных лицами до 18 лет, мы сможем выносить решения об установлении административного надзора и в отношении несовершеннолетних лиц. Это является дополнительной мерой предупреждения рецидива среди несовершеннолетних.

Все же основная роль в предупреждении рецидивной преступности отводится органам внутренних дел, их работа многоаспектна. Помимо административного надзора, необходимо закрытие притонов, где собираются лица с уголовным прошлым. Ведь они могут натолкнуть на соучастие в совершении преступления и другого человека. Не менее важен и психологический климат в обществе, а также криминологическая обстановка в стране, требующая улучшения. И полиция должна грамотно совмещать в своей работе оперативно-разыскную и уголовно-процессуальную виды деятельности.

Если говорить о применении общесоциальных мер предупреждения рецидивной преступности, мы считаем, что улучшить показатели помогут укрепление ценностей института семьи и семейных взаимоотношений, создание доверия и уважения к государству, поддержание социального порядка[1]. А с правовой точки зрения мы можем упомянуть о лучшем оснащении правоохранительных органов в техническом плане, о ведении электронного учета за преступными лицами, а также их слежении, где бы они ни находились- внутри общества или в местах лишения свободы.

Уголовное законодательство тоже требует усовершенствования. Необходимо существование исправительных учреждений для приобщения заключенных к труду, проводить работу по устранению склонностей к совершению преступлений.

Несомненно, достойно упоминания и женская рецидивная преступность. Чтобы предотвратить повторения преступления, необходимо, по нашему мнению, создание женских движений, где будут пропагандироваться нормы морали и человеческих ценностей, а не догмы феминистических движений. Также считаем целесообразным предоставление психологической помощи с целью выявления причин ранее совершенных преступлений, росли ил они в неблагополучных или неполных семьях, каковы были отношения в уже созданных ими семьях, присутствовало ли насилие и другие факторы, а также способствовать их устранению. По данным неутешительной статистике, каждый тринадцатый преступник-женщина.

[1] Батыщева И.В., Козырев В.Г. Причины и условия рецидивной преступности // Наука и современность. 2015. № 35. С. 220–223.

Приоритетная задача правоохранительных органов – предупреждение рецидивных преступлений, так как они представляют повышенную общественную опасность[1].

Бакаева Ольга Юрьевна,
профессор кафедры финансового,
банковского и таможенного права
Саратовской государственной юридической академии
имени профессора Н.И. Химичевой,
доктор юридических наук, профессор

Мошкина Надежда Александровна,
доцент кафедры таможенного,
административного и финансового права
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского,
кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНЫМ ДЕЯНИЯМ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Таможенные органы как органы исполнительной власти в современных условиях призваны обеспечивать национальную безопасность Российской Федерации, в том числе посредством предотвращения правонарушений и преступлений, совершаемых при перемещении товаров через таможенную границу.

Цифровизация экономики послужила вектором реформирования всей системы таможенных органов и отразилась на качестве и эффективности правоохранительной деятельности. Правоохранительная деятельность таможенных органов в соответствии со Стратегией развития таможенной службы до 2030 г. сосредоточена главным образом на повышении качества и эффективности мероприятий по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию неправомерных деяний в таможенной сфере.

Одной из наиболее распространенных мер противодействия преступности в таможенной сфере следует признать введение запретов и ограничений на перемещение товаров через таможенную границу (мер нетарифного регулирования), осуществляемое в целях обеспечения национальной безопасности, защиты жизни и здоровья граждан,

[1] Некрасов А.П. Борьба с рецидивной преступностью только на основе принципа законности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 160–165.

экономического суверенитета Российской Федерации. Следует отметить, что комплекс мер нетарифного регулирования не является исчерпывающим – набор применяемых инструментов зависит от множества факторов, среди которых и социально-экономическое развитие страны, ее место в мировой торговли и т.д. Однако следует согласиться, что характерной чертой современной действительности является осуществление правительствами стран протекционистской функции во внешнеторговой политике[1].

Контроль за соблюдением запретов и ограничений осуществляют таможенные органы, в полномочия которых входит принятие соответствующих мер по предотвращению незаконного ввоза (вывоза) товаров через границу. Следует отметить, что указанная деятельность осуществляется таможенными органами весьма эффективно, что подтверждается практикой. Всего в 2020 г. в ходе работы по обеспечению соблюдения запретов и ограничений таможенными органами выявлено 77 тыс. случаев представления для целей таможенного декларирования недостоверных и (или) неполных сведений о соблюдении запретов и ограничений либо недействительных разрешительных документов, подтверждающих соответствие ввозимой продукции (в 2019 году – 70 202 случая).

Для борьбы с незаконным ввозом санкционных товаров, а также иной продукции, в отношении которой установлены запреты и ограничения, контрольная деятельность осуществляется мобильными группами вблизи определенных участков государственной границы. Мобильные группы наделены правом самостоятельной остановки грузовых автомобильных транспортных средств весом более трех с половиной тонн вне зон таможенного контроля в 25 субъектах Российской Федерации. Получаемая по результатам работы мобильных групп информация используется таможенными органами в рамках системы управления рисками и при организации мероприятий таможенного контроля после выпуска товаров.

Вместе с тем следует отметить, что возложить на мобильные группы контроль за нелегальный ввоз санкционных товаров в полном объеме не представляется возможным, поскольку учитывая протяженность государственной границы Российской Федерации, факт недостаточности мобильных групп является неоспоримым. В этой связи представляется целесообразным увеличивать количество мобильных групп и вводить в эксплуатацию дополнительные спецавтомобили, укомплектованные современными техническими средствами таможенного контроля.

[1] Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. А.В. Малько. М. 2018.

В целях совершенствования деятельности мобильных групп таможенных органов возникает необходимость обеспечения таких групп высококвалифицированными кадрами. В этой связи видится обоснованным предложение о «разработке и внедрении эффективной программы обучения должностных лиц подразделения новому направлению деятельности, включающей в себя универсальную профессиональную подготовку, которая в дальнейшем способствует более успешной и результативной работе всего отдела»[1].

Внедрение в практику деятельности таможенных органов новейших цифровых технологий позволило создать национальную систему прослеживаемости движения товаров от их ввоза на территорию Российской Федерации до их выбытия из торгового оборота на основе документарной и физической идентификации, основная цель которой заключается в снижении административной нагрузки на участников ВЭД и формировании прозрачной системы внешней и внутренней торговли. Система прослеживаемости товаров представляет собой сквозной контроль товаров на территории Российской Федерации и таможенной территории ЕАЭС от их ввоза до реализации конечному потребителю с учетом информации о трансграничной торговле.

Данная система начала реализовываться в качестве пилотного проекта еще в 2016 г., когда была введена маркировка меховых изделий контрольными (идентификационными) знаками. Впоследствии обязательная маркировка была введена

с 1 июля 2020 г. – на обувь, лекарственные средства, табачные изделия;

с 1 октября 2020 г. – на духи и фотокамеры;

с 15 декабря 2020 г. – на шины и покрышки;

с 1 января 2021 г. – на товары легкой промышленности;

с 21 января 2021 г. – на молочную продукцию.

Следует отметить, если функционирование системы маркировки и прослеживаемости меховых изделий осуществляется по уже налаженному алгоритму, то в отношении иных товаров система продолжает функционировать в рамках эксперимента, срок которого продлен до 30 июня 2021 г. Следовательно, делать выводы об эффективности контроля за соблюдением запретов и ограничений посредством системы маркировки и прослеживаемости товаров пока преждевременно. Однако имеются все основания предполагать, что именно данная система позволит существенно упростить и ускорить проведение процедур таможенного контроля, а также будет способствовать устранению с рынка контрафактной продукции. Предполагается, что данная система позволит

[1] Кинсфатор С.А., Шакурова А.М. Совершенствование деятельности мобильных групп таможенных органов Российской Федерации в условиях функционирования Евразийского экономического союза // Социальные науки. 2019. № 1 (24).

сделать товарный рынок на территории Российской Федерации и ЕАЭС существенно более открытым и позволит гарантировать подлинность всех товаров, зарегистрированных в системе.

Таким образом, на сегодняшний день деятельность таможенных органов по противодействию неправомерным деяниям посредством введения запретов и ограничений и по контролю за их соблюдением осуществляется с применением современных цифровых технологий, внедрение которых в практику таможенного контроля следует признать прогрессивным шагом на пути развития таможенных органов. Использование цифровых технологий в процессе контроля за перемещением товаров через таможенную границу позволяет обеспечить сокращение временных и административных затрат при совершении таможенных операций, повысить их эффективность и качество, обеспечить бесперебойное функционирование механизма реализации запретов и ограничительных мер в сфере внешней торговли.

Батов Гумар Хасанович,
ведущий научный сотрудник
Института информатики
и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук,
доктор экономических наук, профессор

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время экономика и общество многих стран находятся в сложной ситуации. Кризисные явления, спровоцированные пандемией и падением цен на энергоносители, привели к уменьшению объемов мировой торговли. Страны встали на путь изоляции и свертывания заранее запланированных экономических и торговых проектов. Обычным гражданам также пришлось пойти на самоизоляцию, чтобы сохранить свое здоровье и здоровье своих близких. Основной формой организации труда стала работа вне офиса, работа на дому и удаленная работа. В этих непростых условиях информационные и цифровые технологии оказались основными инструментами коммуникации и организации производственной деятельности, что позволило сохранить часть рабочих мест и продолжить все жизненные процессы.

Во всем мире большое внимание уделяется развитию и использованию цифровых технологий[1]. Несмотря на высокие затраты, а иногда и низкие результаты, иногда даже отрицательные, многие компании занимаются внедрением цифровых технологий в организационные структуры и производственные процессы. Они уверены, что если не сейчас, то в будущем они будут иметь эффект «особенной платформы»[2], и с этим нельзя не согласиться.

В российских условиях использование цифровых технологий особенно полезно и необходимо для регионов, заметно дифференцированных по человеческому капиталу, сырью, состоянию основных фондов и климатическим условиям. Такое разнообразие регионов заставляет находить ту политику, которая позволит повысить уровень экономической безопасности и обеспечить устойчивое развитие. Об этом говорится в исследовании, проведенном экспертами Всемирного банка совместно с российскими экспертами по регионам России: «нельзя отрицать, что ресурсные регионы, которые остаются локомотивами экономического роста, испытывают определенные трудности в обеспечении устойчивого социально-экономического развития, включая изменение цен на энергоносители и введение санкций. Учитывая это, возникает необходимость поиска драйверов экономического роста в национальном масштабе. Выявление новых источников роста национальной экономики может осуществляться после глубокого и всестороннего анализа социальных и экономических факторов (помимо природных ресурсов), определяющих уровень развития и продуктивность региональных экономик в России»[3].

Экономическая безопасность регионов во многом зависит от технологического состояния и качества основных фондов, а также инвестиций в основной капитал. Инвестиции играют важную роль в формировании высокоэффективной технологической базы, которую необходимо постоянно обновлять и модернизировать на основе нового оборудования и новых технологий. Только в этом случае регион может быть эффективным и конкурентоспособным. В настоящее исследуемый регион развивается без существенных изменений, следуя своей

---

[1] Батаев А.В. Анализ и развитие цифровой экономики в мире. В: Материалы 31-й конференции Международной ассоциации управления деловой информацией, IBIMA 2018: Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020, pp. 61–71 (2018).

[2] Kenny M, Zisman D. Platform economy: restructuring the space of capitalist accumulation // Cambridge Journal of Regions, Economics and Society. Volume 13, Issue 1, March, 2020, pp. 55–76. URL: https://doi.org/10.1093/cjres/rsaa001 (дата обращения 20.03.2021).

[3] См.: Возможность рекартирования: максимальное использование экономического потенциала регионов России // Всемирный банк. Вашингтон (округ Колумбия). Москва, 2018. С. 5.

традиционной специализации – аграрной. В целях повышения своей экономической безопасности региону (КБР) необходимо более ускоренными темпами развивать обрабатывающую и перерабатывающую отрасли, где, производятся конечные продукты с более высокой добавленной стоимостью и являются отраслями с возрастающей отдачей. Приоритет этим отраслям отдается потому, что, как утверждает Э. Райнерт, «обрабатывающая промышленность означает сочетание технического прогресса, растущей отдачи и несовершенной конкуренции»[1]. Для исследуемого региона наиболее приемлемым вариантом является глубокая и радикальная технологическая модернизация, которая должна охватывать отрасли, которые сейчас и в будущем составят базовую основу экономики региона. Именно технологическая модернизация производства, подразумевающая ввод в эксплуатацию нового оборудования, усовершенствование существующего оборудования на основе цифровых и информационных технологий, а также «цифровизация производственных процессов»[2], позволит региону повысить уровень экономической безопасности.

В экономической литературе экономическую безопасность, как правило, рассматривают на страновом и/или региональном уровнях. Л. Абалкин предложил следующее определение экономической безопасности: «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию»[3].

По мнению группы исследователей, «экономическая безопасность региона представляет собой комплекс мер по предупреждению, минимизации последствий различных угроз. Такие угрозы традиционно делят на внешние (находящиеся за пределами территории региона и за пределами его контроля) и внутренние (на которые регион непосредственно может повлиять). К внутренним относят угрозы, возникающие в реальном секторе народного хозяйства, в социальной среде, а также угрозы продовольственного и энергетического характера. В свою очередь, угрозы реального сектора экономики представляют собой спад производства, потерю рынков сбыта и основных фондов, отказ от поддержки предприятий, снижение инвестиционной и инновационной активности, свертывание НИОКР, потерю квалифицированных кадров.

---

[1] См.: Reinert E. How rich countries got rich… and why poor countries stay poor London: Constable. 2007. С. 37.

[2] Coyle D. Do-it-yourself digital technologies: production frontiers, the productivity puzzle and economic well-being // Economica. August 19. 2018. URL: https:// doi.org/10.1111/ecca.12289 (дата обращения: 20.03.2021).

[3] Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

К угрозам, возникающим в социальной сфере, относят рост безработицы, снижение уровня и качества жизни, увеличение социальных иждивенцев, потерю трудовых ресурсов. Эти угрозы имеют колоссальное значение, поскольку основным показателем для оценки уровня экономической безопасности региона является уровень и качество жизни его населения. К угрозам, связанным с продовольственной и энергетической самостоятельностью региона, относят уровень конкуренции между отечественными и иностранными товарами, открытость рынков для импортеров, уровень диспропорции цен, падение производства энергии[1].

Наиболее часто в экономической литературе ссылаются на определение, которое дано группой авторов, «экономическая безопасность региона есть комплекс мер, направленных на устойчивое, постоянное развитие и совершенствование экономики региона, включающий механизм противодействия внешним и внутренним угрозам»[2].

Если в предыдущих определениях акцент делается на устойчивом развитии и совершенствовании воспроизводственных процессов в производственном и социальном сферах, то И. Петренко рекомендует больше внимания уделять потенциалу региона и формированию экономического пространства. Он констатирует: «состояние экономического потенциала, внутренней структуры и системы управления, обеспечивающее эффективность использования природных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов, гарантированную защищенность региона от негативных изменений внешних условий, сохранение конкурентоспособности и адаптация к меняющимся условиям и границам его экономического пространства»[3].

Для установления состояния уровня экономической безопасности используют различные методы, в том числе определение порогового значения и его сравнения с фактическим состоянием. Или же используют рейтинговое ранжирование, когда параметры экономической безопасности располагают по их значимости и на основании этого разрабатывают планы, программы, проекты, стратегии, которые позволят устранить существующие проблемы или нивелировать или упредить отдельные риски. Существуют и другие методы, в нашем исследовании

---

[1] Буянова М.Э., Аверина И.С., Кулакова А.С. Экономическая безопасность региона: оценка и механизмы обеспечения // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 3. С. 83–93. DOI: URL: https://doi.org/ 10.15688/re.volsu.2019.3.9 (дата обращения: 20.03.2021).

[2] См.: Криворотов В.В., Калина А.В., Эриашвили Н.Д., Экономическая безопасность государства и регионов. 2011. М.: Юнити-Дана. С. 126.

[3] См.: Петренко И.Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта. 2005. М.: Анкил. С. 146–147.

воспользуемся первым методом и определим состояние уровня экономической безопасности объекта нашего исследования.

Данные статистики информируют о том, что КБР не достигает пороговых значений по большинству представленных показателей. ВРП на душу населения республики составляет 29% от среднероссийского, доходы консолидированного бюджета на одного жителя на 44,6 тыс. рублей меньше, чем в среднем по РФ. Показатели удельного веса убыточных организаций, степени износа основных фондов, уровня безработицы выше пороговых значений, что также отрицательно характеризует исследуемый регион.

Еще один показатель, который рассчитывается (он не приведен в таблице) – это состояние бюджета, он профицитный, но это благодаря финансовой помощи, которую «Центр» оказывает республике.

Надежда на то, что регион сможет выйти из трудного положения, дает состояние показателя «инвестиции в основной капитал» - он выше нормативных параметров. Реализация потенциала республики возможна при правильном выборе приоритетов по использованию привлекаемых инвестиций.

Подводя итог, можно отметить, что в целом уровень экономической безопасности республики находится на низком уровне (но не на критическом). В то же время имеется некоторый потенциал, который необходимо развивать. По нашему мнению, одним из вариантов реализации возможностей региона (республики) является использование всего арсенала, связанного с процессами цифровизации.

На современном этапе развития экономики и общества цифровизация становится одним из важных инструментов повышения производительности труда и конкурентоспособности, способом трансформации и диверсификации экономики, организации новых форм управления и создания бизнес-моделей. Посредством цифровизации происходит создание новой структуры экономики[1].

Цифровизация – это не технология и не продукт. Это непрерывный процесс, требующий реакции на постоянно возникающие цифровые тенденции[2]. Это набор инструментов для оптимизации рабочего процесса за счет использования цифровых программных технологий, который «формирует уже целостные технологические среды «среды обитания» экосистем и платформ»[3].

---

[1] Schwab K.The fourth industrial revolution. From-vo «EKSMO», 2016.

[2] Digitalization: Practical recommendations for transferring business to digital technologies: Per. from English. – M.: Alpina Publisher, 2019.

[3] Mukhopadhyay S., Bouwman H. Orchestration and Governance in Digital Platform Ecosystems: A Literature Review and Trends // Digital Policy, Regulation and Governance. Vol. 21 No. 4, 2019, pp. 329–351. URL: https://doi.org/10.1108/DPRG-11-2018-0067.

Многие современные, эффективно функционирующие бизнес-модели достигли успеха благодаря цифровизации процессов, однако для этого таким компаниям пришлось создать организационную структуру, позволяющую им быстро внедрять и использовать новые цифровые разработки. С точки зрения предприятий, трансформация всех сфер и рынков под влиянием цифровизации может улучшить качество товаров и услуг при одновременном снижении затрат. Кроме того, цифровизация трансформирует цепочки создания стоимости различными способами, открывая новые возможности для увеличения добавленной стоимости и более широких структурных изменений.

Дж. Берджесс и Дж. Коннелл заявляют, что «технологии революционизируют, трансформируют и меняют отрасли, рабочие места и навыки, смещая акцент в торговле и промышленности»[1].

Примеры предприятий, фирм и компаний, которые занимаются цифровизацией показывают, что они уделяют внимание не только обновлению продуктов, но и планированию, управлению, взаимоотношениям с клиентами и поставщиками. Для этого используют такие программные продукты, как ERP, CRM, SCM и другие. Они меняют свою организационную структуру, что помогает повысить конкурентоспособность, снизить затраты и расширить географию рынка. Следующим шагом становится внедрение цифровых технологий, которые позволят эффективно планировать и управлять всеми потоками информации о сырье, материалах, продуктах, услугах и клиентах.

Примеры этих предприятий показывают, что многие проблемы повышения уровня безопасности исследуемого региона могут быть решены на основе цифровой трансформации, которая приведет к оптимизации производственных процессов, снижению затрат и появлению новых источников доходов отрасли.

По мнению Г. Литвинцевой и С. Петрова, «цифровая трансформация экономики и общества предполагает изменение технологического уклада и институциональной структуры общества, при котором необходимо учитывать взаимодействие формального и неформального, рыночных и нерыночных институтов, а также институтов, соответствующих цифровым процессам»[2].

Процессу цифровизации должно предшествовать насыщение производственных процессов инновационными технологиями. Поскольку высокотехнологичные отрасли наиболее быстро поддаются цифровизации

---

[1] Burgess J., Connell J. New technology and work: Exploring the challenges // Economic and Labor Relations Review, August 8. 2020. URL: https://doi.org/10.1177/1035304620944296.

[2] См.: Литвинцева Г.П., Петров С.П. Теоретические основы взаимосвязи цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 414. doi 10.31063/2073–6517/2019.16-3.10.

и трансформации, как указано в источнике[1]. В настоящее время переход на новый путь развития, основанный на цифровизации, – это не дань моде, а жизненная необходимость.

Реализация предложенных методов и механизмов позволит отстающим регионам перейти на более высокий уровень экономической безопасности. Выводы, полученные на основе использования данной методологии, показывают, что она (методология) может стать основой для разработки стратегии развития регионов.

Новые технологические, программные и цифровые технологии остаются важнейшими инструментами и механизмами перевода экономики субъектов округа на другой уровень, на уровень высокотехнологичного развития. Одна из задач – увеличить количество новых технологий, используемых в каждом хозяйствующем субъекте. В противном случае регион не сможет выйти из зоны депрессии и останется на низком уровне экономической безопасности. Процесс использования новых технологий остановить невозможно, поэтому нужно действовать заранее.

Бзаров Руслан Сулейманович,
заведующий кафедрой
российской истории ФГБОУ
Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова,
доктор исторических наук, профессор

ИЗ ИСТОРИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА

В конце XVIII – первой половине XIX в. аманатами назывались заложники, которых военная администрация на Кавказе требовала от местных обществ в качестве гарантии преданности России и подчинения российским законам. Институт аманатства стал одним из инструментов контроля над обществами, населявшими недавно приобретенную империей территорию, еще только требовавшую административного освоения. Эта пограничная территория к тому же долго оставалась зоной актуальных военно-политических интересов государства.

Правила, по которым брались аманаты в разных частях Кавказа, складывались на практике и изменялись вместе с военно-политическими обстоятельствами. Эти правила, различавшиеся даже в разных пунктах Кавказской линии, так никогда и не подверглись окончательной

[1] Mushio A., Chiffolilli A. What drives the ability to integrate Industry 4.0 technologies? Datafrom European research projects // Economics of Innovation and New Technologies, March 26, 2019, pp. 169-183. https://doi.org/10.1080/10438599.2019.1597413

унификации. В силу простоты самой системы состав аманатов отражал наиболее актуальные социальные связи. Аманатов брали у тех, чей вес и влияние в обществе были достаточны для административно-политического контроля. Конкретная владетельная семья или знатная фамилия время от времени сменяла своего аманата.

Недостаточная разработанность вопроса об аманатах иногда приводит к путанице в использовании этого термина. В безответственной прессе и текстах несведущих авторов встречается представление о том, что едва ли не все образованные горцы XIX в. прошли через аманатство. На самом деле институт аманатства имел ясные функции и строго очерченную сферу применения. Статус аманатов был точно определен и не имел ничего общего с положением военнопленных, поступивших на службу лиц разного звания или воспитанников светских и военных учебных заведений и т. п.

Самое известное описание аманатов принадлежит перу А.С. Пушкина. В своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» великий русский поэт описывает содержавшихся во Владикавказской крепости «резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе»[1].

Справедливости ради следует сказать, что попытки упорядочить и унифицировать практику требования и содержания аманатов делались на протяжении всего периода с конца XVIII до середины XIX в. Первая попытка упорядочить и унифицировать практику требования и содержания аманатов относится к 1786 г.[2] Еще несколько подобных попыток сделаны в первой половине XIX в. И в описанном Пушкиным Владикавказе в 1833 г. аманатам было увеличено содержание и они «помещены во вновь выстроенном удобном и прочном казенном доме, который отапливается и освещается из суммы, отпущенной на содержание»[3]. Однако сложившиеся на практике и изменяемые по обстоятельствам правила, по которым брались аманаты в разных пунктах Кавказской линии, так никогда и не подверглись окончательной унификации. Обсуждался и вопрос о том, при каких условиях использование института аманатства следует прекращать и чьих именно аманатов брать бесполезно – например, в Кабарде «от таких фамилий, кои не только известны по преданности своей, но члены их служили в Русской службе, имеют Офицерские чины и получили разные

[1] Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Художественная литература, 1975. С. 254.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366-I. Л. 13.

[3] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 186. Л. 21–22.

награды и отличия от правительства»[1]. Общим итогом активности военной администрации стал продуманный проект Положения о содержании аманатов от горских народов Кавказа, подготовленный в 1840 г. Впрочем, это Положение так и не было принято: видимо, в разгар Кавказской войны недоставало сил и средств для наведения порядка в содержании аманатов.

Если общество, которое представлял аманат (и контроль за которым был посилен для его родственников), выходило из подчинения, нарушало закон, не исполняло волю государственных органов, то аманат задерживался без права на казенное содержание, пока не восстанавливался порядок и не были удовлетворены все требования власти[2].

При этом брался новый аманат, а прежний в наказание нарушителей закона не возвращался родственникам, а поступал в полное распоряжение государства. Поскольку чаще всего аманатами были подростки и юноши, их отправляли в школу военных кантонистов в одной из внутренних губерний России. Дальнейшая судьба такого аманата – служба в армии, большинство их никогда более не вернулись на родину. Впрочем, известны и примеры успешной жизненной траектории «наказанного» аманата. Так, например, поручик из чеченских узденей Хосар Мукаев в 1850 г. сам описал свою биографию в докладной записке наместнику Кавказа: «…в 1833 году при возмущениях общих, произведенных в Чечне Кази Муллою, в числе прочих жителей Старого Атаги я взят был аманатом и препровожден в отделение Екатеринославской губернии в г. Ростов, где и принят был на общих правах военного кантониста; состоя там до 1835 года, по распоряжению начальства я назначен был в 5-й корпус резервной баталион Брестского пехотного полка, расположенный тогда в Херсонской губернии. В 1839 году дивизионным начальником назначенный в образцовый пехотный полк, куда и отправлен был я в С.Петербург, где и состоял на службе до 1845 года, среди чего в апреле месяце 1840 года при смотре полка этого блаженной памяти его императорским высочеством Михаилом Павловичем за службу мою лично произведен в унтер-офицеры; в мае месяце 1845 года по просьбе брата моего, состоящего на службе в Кавказско-конно-горском дивизионе, для совместного служения я произведен был на правах горских векелей по воле его светлости князя Варшавского в том же дивизионе; где в 1848 году произведен в первый офицерский чин»[3].

С укреплением имперской власти и развитием структуры российской администрации на Кавказе институт аманатства все менее соответствовал актуальным задачам власти. В числе критиков этого института были такие известные деятели, как главнокомандующий на Кавказе генерал Е.А. Головин, командующего войсками на Кавказской линии генерал

[1] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1132. Л. 1.
[2] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 119. Л. 5–6.
[3] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 518. Л. 17.

П.Х. Граббе, начальник Владикавказского военного округа генерал М.С. Ильинский, побывавший в должности начальника Владикавказского и Чеченского округов генерал М.А. Кундухов. «Трудно поверить тому, кто не был очевидцем, – писал М.А. Кундухов в своих мемуарах, – как ужасно, отвратительно было положение аманатов, которые пользовались тою привилегией от арестантов, что избавили их от накладывания на них колодок, кандалов и цепей и днем около своего дома могли бегать и играть под надзором солдат и с дозволения фельдфебеля»[1]. «Таковое положение аманатов одна из главных причин почему лучшие по происхождению своему горцы всячески стараются отклонить от себя выдачу оных, считая это некоторым образом наказанием и многие даже полагают, что отданные в аманаты предназначены правительством в солдаты», – докладывал П.Х. Граббе высшему начальству.

Система аманатов была по сути одной из первоначальных форм управления, примитивным и грубым рычагом административного воздействия на население, недавно вошедшее в состав Российской империи. Целью этой системы было противодействие преступности силами влиятельных местных элит под контролем российских властей. По мере утверждения позиций России на Кавказе институт аманатства играл все меньшую роль, к рубежу 50-х и 60-х гг. XIX в. он целиком исчерпал свое практическое значение.

Воронин Михаил Юрьевич,
директор Института международного права
и правосудия ФГБОУ ВО МГЛУ,
доктор юридических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

В условиях глобализационных процессов, происходящих в современном мире, многие явления, в том числе и противоправные, существенно расширяют масштабы своего распространения. Примером подобного противоправного явления выступает торговля людьми, которая в настоящее время в той или иной степени встречается в большинстве стран мира.

Важно отметить, что не все современные государства в равной степени страдают от торговли людьми: для одних регионов характерно скопление преступных группировок, которые занимаются указанной противоправной деятельностью, в других странах возникает серьезный

[1] Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2013. С. 89.

спрос на подобный товар для его использования в виде рабской силы и др., третьи государства связаны с торговлей людьми, так как они оказываются транзитной территорией при соответствующих перемещениях. Однако в условиях современной повсеместной информатизации и цифровизации гражданин любой страны может стать жертвой организованных преступных группировок, занимающихся продажей людей или их органов.

По данным Международной организации труда с 2016 года наблюдается существенный рост количества людей, ставших жертвами торговли людьми, и к настоящему моменту их уже более 90 тысяч по всему миру[1]. Экономический кризис в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) также негативно повлиял на вышеназванную статистику. Из-за ограничительных мер, связанных со свободой передвижения, которые вводятся во многих странах, современные торговцы людьми используют различные цифровые технологии и информационные площадки для вербовки и эксплуатации жертв. Среди наиболее уязвимых категорий населения следует выделить женщин и детей, которые в условиях безработицы и тяжелого материального положения их семей соглашаются на любую трудовую деятельность.

Учитывая указанные мировые масштабы негативных проявлений торговли людьми, на международном уровне достаточно давно был поднят вопрос о необходимости разработки и внедрения единых механизмов борьбы с указанной преступной деятельностью. При условии, что современная торговля людьми имеет транснациональный характер, для эффективного противодействия еще большему масштабу ее распространения необходимо объединение усилий всего мирового сообщества. В данном контексте особое значение имеет принятие международно-правовых актов, на основе которых функционируют все институциональные структуры на национальном уровне, а также осуществляется взаимодействие с внутригосударственными правоохранительными органами.

Вопросы, связанные с противодействием торговли людьми, рассматриваются в рамках деятельности многих современных международных организаций. Так, ООН достаточно часто на повестке дня поднимает проблемы распространения торговли людьми, что нашло отражение в соответствующих актах. В 2000 году была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми», и наказании за нее. Данный международный акт в настоящее время закрепляет основополагающие положения для

[1] Доклад ООН: Пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132 (дата обращения: 05.05.2021).

организации и осуществления борьбы с торговлей людьми на уровне отдельных государств посредством обязательств в виде соответствующих мер, установленных в данном Протоколе. Помимо этого, отдельное внимание уделяется вопросам международного сотрудничества по вопросам противодействия торговле людьми и способам повышения его эффективности. Значение указанной Конвенции и Протокола к ней в первую очередь заключается в том, что ООН является наиболее крупной международной организацией в настоящее время, в связи с чем нормативные положения указанных международных документов применяются многими государствами.

Существенное внимание проблемам борьбы с торговлей людьми в настоящее время уделяется со стороны региональных международных организаций, которые во исполнение установок ООН и с целью развития региональных систем борьбы с указанным преступлением приняли соответствующие международные документы с учетом региональной специфики государств-членов. Так, в настоящее время действуют следующие международно-правовые акты: Межамериканская конвенция о международной торговле несовершеннолетними (1994 г.), Конвенция Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии о предотвращении торговли женщинами и детьми в целях проституции (2002 г.), Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (2005 г.), Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (2005 г.), Конвенция АСЕАН о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми (2015 г.) и др. Указанные акты существенно различаются между собой как в подходах к понятию «торговля людьми», так и в механизмах, которые они закрепляют для организации и осуществления международного сотрудничества в рамках региональных систем противодействия анализируемому преступному явлению.

В качестве наиболее комплексного международного документа среди вышеназванных следует выделить Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми (2005 г.), которая отличается существенной теоретической разработанностью и наличием эффективных механизмов борьбы с указанной преступной деятельностью. Так, согласно указанному международному акту под торговлей людьми следует понимать осуществление в целях эксплуатации, вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод, для получения

согласия лица, контролирующего другое лицо[1]. Данное определение выступает одним из наиболее многоаспектных, что позволяет целиком и полностью учитывать все деяния, совершаемые в рамках торговли людьми. Указанный подход Совета Европы в теоретической разработке базового понятия нашел свое отражение во многих других международных актах, что свидетельствует о необходимости учета разнообразности вышеназванных деяний с целью эффективной борьбы с таким комплексным преступным явлением как торговля людьми.

Существенными достоинствами Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми являются:

1) наличие конкретных требований к уголовно-правовому противодействию торговле людьми, осуществляемому в рамках внутригосударственных систем;

2) формирование правового подхода к проблемам жертв торговли людьми и необходимости защиты их прав;

3) функционирование специального механизма мониторинга за ситуацией в регионах, в том числе в части выполнения государствами своих обязательств в соответствии с указанной Конвенцией (Группа экспертов по вопросам противодействия торговле людьми) и др.

Кроме данного договора существует выделить еще ряд актов Совета Европы, косвенно затрагивающих анализируемую проблематику, такие как: Конвенция о правовой помощи и взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.), Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (1983 г.), Конвенция об отмывании и изъятии доходов от преступной деятельности (1990 г.), а также Рекомендацию R (85) 11 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам о статусе потерпевшего в рамках уголовного права и процесса, Рекомендацию R (2000) 11 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам относительно мер противодействия торговле людьми с целью сексуальной эксплуатации.

Важно отметить, что в настоящее время существенное значение для борьбы с торговлей людьми оказывают именно региональные международно-правовые основы, так как в рамках соответствующих организаций, как правило, функционируют государства со схожими правовыми системами, что позволяет более эффективно внедрять и использовать единые механизмы противодействия конкретным преступным деяниям. Однако многообразие региональных подходов к решению указанной проблемы создает отдельные противоречия, которые наблюдаются в процессе сотрудничества государств различных регионов в

[1] Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168047cd74 (дата обращения: 05.05.2021).

рамках осуществления правовой помощи или содействия расследованию фактов торговли людьми.

Таким образом, в настоящее время в рамках деятельности универсальных и региональных международных организаций принят целый ряд международных договоров, которые закрепляют соответствующие системы борьбы с торговлей людьми. Пристальное внимание мирового сообщества к указанной проблеме имеет свои положительные результаты, так как многие современные государства существенно изменили не только внутригосударственное отраслевое законодательство, но и правоприменительную практику с целью противодействия указанному преступному явлению. Однако в настоящее время все еще актуальной является проблема нежелания отдельных государств, в том числе и тех, на территории которых активно развиваются преступные группировки, занимающиеся торговлей людьми, ратифицировать вышеназванные международные нормативно-правовые акты и принимать на себя соответствующие обязательства, что создает существенные угрозы для международного мира и правопорядка.

Гаврилин Юрий Викторович,
начальник кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОПЫТ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

Сегодня в юридической литературе и на научных форумах разного уровня очень много говорится о цифровой трансформации преступности. Цифровая трансформация преступности – это не просто фигура речи, научная абстракция. По итогам 2020 года каждое четвертое преступление в стране совершается с использованием информационных технологий. В Москве же этот показатель еще больше – почти 40%. При этом современные преступники активно применяют новейшие средства противодействия расследованию – технологии подмены телефонных номеров, IP-телефонию, совершают криминальные транзакции в цифровых валютах.

Первая тенденция выражается в развитии дистанционных способов совершения преступлений, при которых исключается непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими.

Коммуникация при этом осуществляется с использованием социальных сетей, мессенджеров, электронной почты и иных Интернет-сервисов. Результаты применения дистанционных технологий управления протестной активностью ярко видны на примере разнообразных «цветных революций», инициируемых в разных точках Земли.

Вторая тенденция касается технологий сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве. Анонимизиция направлена на подмену либо блокирование информации, позволяющей установить лицо, совершившее Интернет-соединение (прежде всего, IP-адрес и MAC-адрес) и затрудняет установление лица, совершающего те или иные действия в виртуальном пространстве, включая противоправные. Именно возможности существования некой «приватности» в Интерент-пространстве как некого «естественного права» является питательной средой, создающей впечатление о ложной безнаказанности в цифровой среде.

Третья тенденция связана с использованием криптовалют в криминальных взаиморасчетах. Зачастую сокрытие следов криминальных финансовых транзакций осуществляется посредством конвертации денежных средств в виртуальную валюту, оборот которой не подконтролен для уполномоченных государственных органов. Цифровая валюта широко используется в финансировании экстремистской деятельности, что сегодня будет наглядно представлено в докладах выступающих.

Четвертая тенденция обусловлена ростом масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использованием при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации. Дистанционные способы совершения преступлений открывают широкие возможности для причинения ущерба гражданам России с территории стран СНГ, преимущественно Украины, уровень международного сотрудничества в правоохранительной сфере с которой находится на невысоком уровне, что превращает ее в своего рода криминальный анклав, чем активно пользуются преступники в своих противоправных целях.

Пятая тенденция выражается в формировании криминального рынка противоправных услуг в информационно-телекоммуникационной сфере, связанных с предоставлением доступа к частной переписке в мессенджерах, социальных сетях и посредством электронной почты. Данные услуги открыто рекламируются в мессенджере Telegram и обсуждаются на Darknet-форумах. Там же широкое распространение получили услуги по «пробиву», то есть получению сведений об интересующем лице из закрытых источников, в том числе из баз данных операторов связи, банков, правоохранительных органов и др.

Шестая тенденция наметилась в связи с развитием технологий искусственного интеллекта и возможностями их использования в

противоправной деятельности. Уже сегодня широкое распространение приобрели интеллектуальные технологии синтезирования речи, видеоизображений, с помощью которых можно создавать аудио- и видеозаписи для манипуляции людьми, распространения фальшивых новостей и видеосюжетов. Данные технологии могут быть применены и при совершении преступлений с использованием методов «социальной инженерии».

Все обозначенные тенденции в полной мере проявляются в отношении преступлений экстремисткой направленности.

Благоприятную среду для совершения подобных преступлений обеспечивает активное развитие технологий высокоскоростного доступа в сеть Интернет, программных средств мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров), социальных сетей, и других цифровых технологий.

Однако сказанное выше не является основанием для отказа от прогресса, формирования цифровых фобий и панических настроений.

Неслучайно федеральный проект «Информационная безопасность» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает свыше полусотни мероприятий, направленных на нейтрализацию приведенных выше угроз[1].

Оптимизм вызывают сообщения о создании Росфинмониторингом специального сервиса «Прозрачный блокчейн», обеспечивающего анонимизацию транзакций в криптовалюте. Сервис обеспечивает анализ транзакций с криптовалютами и выявление тех из них, которые имеют признаки нарушения закона, в частности тех, которые совершаются для оплаты незаконных товаров и услуг, например, для покупки наркотиков, а также для отмывания денег[2].

Роскомнадзор приступил к использованию технологий искусственного интеллекта для повышения скорости и точности выявления противоправной информации в сети Интернет. Новое программное обеспечение системы мониторинга позволяет проверять около 12 млн. текстовых материалов в сутки и выявлять незаконную информацию с точностью не ниже 85%. Применение нейросетей позволяет повысить производительность работы экспертов более чем в 14 раз[3].

В этих условиях как никогда важна роль образовательных организаций, обеспечивающих подготовку кадров, способных эффективно

---

[1] Паспорт федерального проекта «Информационная безопасность». URL: https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/ (дата обращения: 01.06.2021).

[2] Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с директором Росфинмониторинга Ю.А. Чиханчиным. URL: https://www.fedsfm.ru/releases/4939 (дата обращения: 01.06.2021).

[3] Технологии искусственного интеллекта повышают оперативность и эффективность выявления незаконной информации в интернете. URL: https://rkn.gov.ru/ news/rsoc/ news73266.htm (дата обращения: 01.06.2021).

противодействовать новым вызовам и угрозам, а также разрабатывающих научно-теоретические основы противодействия киберпреступности. Обозначенное направление на протяжении ряда лет является приоритетным для Академии управления МВД России и реализуется на системной основе, включая в себя проведение всероссийских онлайн-семинаров, включение в образовательный процесс профильных учебных дисциплин, а также соответствующие научные исследования.

С 2019 года в рамках цикла «Противодействие преступности в условиях развития информационного общества» в Академии проводятся всероссийские онлайн-семинары, посвященные отдельным аспектам противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая вопросы выявления, раскрытия и расследования кибермошенничеств, дистанционного сбыта наркотиков, использования криптовалют в финансировании экстремистской деятельности и пр.[1] К проведению подобных мероприятий привлекаются наиболее авторитетные специалисты правоохранительных органов, органов государственной власти, а также негосударственных организаций – субъектов цифровой инфраструктуры, компетенции которых получили широкое признание: Лаборатория Касперского, Группа АйБи, Сбербанк и др.

С 2020 года в образовательный процесс по учебным планам магистратуры включена дисциплина «Организация противодействия преступления, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», направленная, в зависимости от направления подготовки, на формирование у обучаемых следующих компетенций:

– организация участия в формировании основных направлений деятельности органов внутренних дел в сфере киберпреступности;

– обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере;

– организация внутреннего и внешнего взаимодействия участников расследования;

– материально-техническое, ресурсное и кадровое обеспечение и др.

Существенное внимание уделяется основным направлениям государственной политики в области развития информационного общества; принятию и классификации информационно-телекоммуникационных технологий; правовому регулированию

[1] Гаврилин Ю.В., Парадников А.Г. Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием информационных банковских технологий (по итогам всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. № 2 (54). 2020. С. 123–130; Гаврилин Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 122–130.

отношений в данной сфере; уголовно-процессуальной и криминологической характеристике преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; уголовно-процессуальным, криминалистическим и организационным основам их выявления, раскрытия и расследования. Второй раздел учебной дисциплины посвящен особенностям противодействия отдельным видам преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: против личности, против собственности, экономической направленности, в сфере незаконного оборота наркотиков, экстремистской направленности и пр.

Научное обеспечение включает в себя подготовку и защиту диссертационных исследований А.А. Балашовой[1], Г.З. Гаспаряном[2], Е.П. Шульгиным[3] и др., а также проведение ряда международных научно-практических конференций: «Криминалистика и новые вызовы современности» (58-е криминалистические чтения); «Криминалистика в условиях информационного общества» (59-е ежегодные криминалистические чтения); «Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы»; «Противодействие преступлениям, совершенным с использованием Интернет-технологий: правовые, криминалистические и организационные аспекты» (61-е ежегодные криминалистические чтения); «Развитие учение о противодействии расследованию и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации преступности» (62-е ежегодные криминалистические чтения). Исследования в данном направлении активно и научный поиск ответов на новые вызовы современности активно продолжаются.

[1] Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании. Дис. … к.ю.н. по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

[2] Гаспарян Г.З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий. Дис. … к.ю.н. по специальности 12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

[3] Шульгин Е. П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате. Дис. … к.ю.н. по специальности 12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Гаврилов Борис Яковлевич,
профессор кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
генерал-майор юстиции (в отставке)

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Исследуя проблему эффективности действия норм уголовного закона в сфере борьбы с коррупционными преступлениями, следует отметить, что они традиционно призваны служить их предотвращению как посредством угрозы наказанием, так и путем установления границ противоправного поведения, подлежащего всеобщему осуждению.

На решающую роль уголовно-правового предупреждения в реализации государственной политики противодействия коррупционной преступности[1] неоднократно обращалось внимание в юридической литературе[2]. Анализ публикаций по тематике назначения уголовных наказаний за совершение преступлений данного вида позволяет указать на ряд из существующих на сегодня точек зрения.

В первой, высказывается позиция, согласно в которой критикуется «либерализм» судей. При этом, раздаются призывы к усилению уголовно-правовых санкций за преступления коррупционной направленности»[3]. Получивший широкое распространение в двух тысячных годах радикально-либеральный подход к назначению уголовного наказания, включая коррупционные преступления, был подвергнут жесткой критике

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федер. закон от 28.12.2008 № 280-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

[2] См., Борков В.Н. О новых мерах уголовно-правового антикоррупционного воздействия // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской науч.-практ. конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. Саратов, 2019. С. 77.

[3] Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003; Яни П.С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 58; Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20.

такими учеными, как А.И Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло[1], Б.Я. Гаврилов[2].

Другая точка зрения заключается в том, что «репрессивные меры к коррупционерам, в первую очередь, из числа государственных служащих должны стоять чуть ли не на последнем месте в борьбе с коррупцией»[3]. Одновременно, один из видных исследователей данной проблемы Г.А. Сатаров, не отрицая требования «силовой» войны с коррупцией, в качестве одной из мер указывает на необходимость разработки и реализации комплексной или смешанной стратегии по противодействию коррупции, имея ввиду и применение и уголовных репрессий[4].

Научный и прикладной интерес в части уголовно – правовых санкций за коррупционные преступления представляет позиция профессора С.В. Максимова, предлагающего принципиально иной взгляд на данную проблему, которая предполагает переход от преимущественного использования при конструировании правовых норм альтернативных относительно определенных санкций к преимущественному использованию альтернативных абсолютно определенных санкций (например, лишение свободы на два года или исправительные работы на срок один год)[5]. На взгляд автора, такой подход реально, с одной стороны, направлен на ограничение дифференциации уголовной ответственности, а, с другой, способен существенным образом сузить сферу судейского усмотрения.

Вместе с тем, стоит согласиться с теми авторами, которые говорят о тех негативных изменениях уголовного законодательства, началом чему положено принятием Федерального закона от 08.12.2003 №162-ФЗ[6], результатом которых стало исключение законодателем нижних границ наказания в виде лишения свободы, закрепленного в санкциях значительного числа уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность, в том числе и за тяжкие и особо тяжкие преступления, которые существенным образом расширили границы судейского

---

[1] См., Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

[2] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: моногр. М., 2008.

[3] Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы зарубежных государств: моногр. / под общ. ред. М.В. Костенкова. Домодедово, 2007. С. 5.

[4] Антикоррупционная политика: учеб. пособие / под ред. Г.А. Сатарова. М., 2004. С. 212.

[5] Максимов С.В. Коррупция, закон, ответственность. – 2-изд., перераб. и дополн. М.: ЮрИнфоР, 2008. С. 77.

[6] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 №162-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

усмотрения[1]. Наглядно это видно из содержания, принятых законодателем после 2010 г. законов, содержащих конкретные уголовно – правовые санкции за коррупционные преступления.

Например, анализ санкции, закрепленной в ч. 3 ст. 183 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, совершенное из корыстных побуждений, свидетельствует о том, что Федеральным законом от 29.06.2015 № 193-ФЗ[2] были значительно увеличены размеры такого наказания как штраф, который в настоящее время составляет до одного миллиона пятисот тысяч рублей (до внесения изменений его размер составлял до двухсот тысяч рублей), а наказание в виде лишения свободы до пяти лет не предусматривает нижнего предела наказания, размер которого в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ составляет два месяца лишения свободы. С учетом изложенного наказание за совершение данного уголовно – наказуемого деяния суд может назначить от двух месяцев до пяти лет лишения свободы. И такой приговор будет законным и обоснованным, хотя его справедливость может вызывать сомнение.

Аналогичная ситуация сложилась и с установлением законодателем санкции ч. 4 ст. 183 УК РФ, которая составляет до семи лет лишения свободы, хотя Федеральным законом от 07.12.2011 № 420[3] и была снижена (ранее она составляла до десяти лет лишения свободы также без указания на нижнюю границу).

Подобное имело место и при введении в УК РФ ст. 200[5], предусматривающей уголовную ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок[4], санкции которой за квалифицированные и особо квалифицированные составы рассматриваемого преступления содержат наказание в виде лишения свободы без указания нижних границ. Так, за совершение деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 200[5] УК РФ, установлено наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет, по ч. 3 ст. 200[5] УК РФ – сроком до восьми лет и по ч. 5 ст. 200[5] УК РФ – сроком до десяти лет.

---

[1] Гаврилов Б.Я. Российское законодательство уголовно-правового комплекса: современное состояние и пути развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 74–82.

[2] О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29.06.2015 № 193-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3984.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

[4] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23.04.2018 № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2569.

Вместе с тем, следует отметить, что законодатель, вероятно с учетом высказываемых критических замечаний, по отдельным уголовно – правовым нормам предпринял определенные меры.

Так, практически через восемь лет после исключения Федеральным законом от 25.12.2008 № 280-ФЗ[1] из санкция ч. 3 ст. 204 УК РФ, устанавливающей наказания за совершение коммерческого подкупа при наличии квалифицирующих признаков нижней границы лишения свободы, Федеральным законом от 03.06.2016 № 324-ФЗ[2] ст. 204 УК РФ была изложена в новой редакции, согласно которой в санкции части 3 данной статьи наказание в виде лишения свободы установлено от трех до семи лет.

Низкая эффективность законодательства уголовно-правового комплекса наглядно проявляется при анализе санкций, предусмотренных за взяточничество, в которых практически во всех предусмотрены сроки лишения свободы без ограничения их нижнего предела. Так, например, в санкции ч. 2 ст. 290 УК РФ в редакции Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ, закреплено наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет[3]. Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ ст. 291 УК РФ была дополнена частью третьей, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет. Более того, в санкции указанной уголовно – правовой нормы предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона пятисот тысяч рублей, также без указания его нижнего предела, согласно которого ч. 2 ст. 46 УК РФ он составляет 5 тыс. руб., что также с очевидной долей вероятности свидетельствует о возможности судейского усмотрения при назначении данного вида наказания. Так, по приговору Фокинского районного суда г. Брянска гр. Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 291 УК РФ (дача взятки) с назначением ему наказания в виде штрафа в размере 150 тыс. руб.[4], что в 10 раз ниже данной санкции.

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федеральный закон // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6235.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 №324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4257.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

[4] Приговор Фокинского районного суда г. Брянска № 1-123/2020 от 29.4.2020 по делу № 1-123/2020.

Таким образом, анализ действующего уголовного законодательства позволяет прийти к выводу об имеющих место двух тенденциях, свидетельствующих о том, что, с одной стороны, органы законодательной власти предпринимают попытки, хотя и редкие адекватно воспринимать критику со стороны научного сообщества о чрезмерно широких границах в размерах и сроках наказаний в виде штрафа и лишения свободы, а, с другой стороны, по прежнему проводят законодательную политику, позволяющую как представителям научного сообщества, так и практикующим юристам негативно о ней высказываться, поскольку, как отмечено выше, нормы уголовного закона, с применением которых государство обязано бороться с коррупционными явлениями в обществе, сами фактически позволяют говорить об их коррупционности.

Указанные факторы негативным образом сказываются на формировании судебной практики, примеры которой весьма наглядно свидетельствуют о явных несоразмерностям в размерах и сроках назначенных судами наказаний, чем нарушается уголовно-правовой принцип справедливости. Изложенное позволяет сформулировать вывод о необходимости не ужесточать уголовно-правовые санкции за коррупционные преступления, а применять их в соответствии с принципом справедливости.

Аналогичная ситуация складывается и с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы с применением ч. 1 ст. 73 УК РФ, предусматривающей назначение уголовного наказания в виде лишения свободы на срок до 8-ми лет условно, том числе за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления, что, по нашему мнению, дискредитирует уголовный закон. Примером может служить приговор Зеленокумского городского суда, которым заместитель Главы администрации данного населенного пункта гр. Н., получившая взятку в размере 400 тыс. руб., квалифицированную по ч. 5 ст. 290 УК РФ, осуждена к семи годам лишения свободы условно и штрафу 24 млн. руб.[1].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации достаточно негативная ситуация сложилась с назначением наказания за взяточничество.

Из полученных данных следует, что за преступления в виде получения взятки, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, судами в 2010–2011 гг. к лишению свободы условно ежегодно приговаривались до 70% от числа осужденных. В настоящее время число

[1] Гаврилов Б.Я. Уголовно-судебная политика назначения наказания: позиция законодателя и реалии судейского усмотрения // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 29–30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. 2018. С. 51–64.

осужденных за квалифицированные виды получения взятки к лишению свободы условно составляет третью часть от общего числа осужденных за такие преступления. Примерно каждому четвертому из числа осужденных в настоящее время судами назначается такое наказание как штраф. При этом отметим, что преступления, предусмотренные в ч. 2-4 ст. 290 УК РФ, относятся к категории тяжких, а закрепленные в ч. 5-6 – к категории особо тяжких (в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Аналогичная ситуация усматривается при анализе статистических данных о практике назначения условного осуждения к лишению свободы за совершение дачи взятки при наличии квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность преступления до категории тяжкого или особо тяжкого. Оно применялось судами с 2010 по 2019 г. ежегодно от 4 до 53,7% от общего числа осужденных за такие преступления.

При этом отметим, что приведены данные судебной практике по числу осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 291 УК РФ, относящейся к категории тяжких, и ч. 4 и 5 ст. 291 УК РФ, относящихся к категории особо тяжких. Указанные части были введены в ст. 291 УК РФ в мае 2011 г. обозначенным выше Федеральным законом № 97-ФЗ. До этого момента в ст. 291 УК РФ были две части, вторая из которых закрепляла ответственность за дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий (бездействие), относящуюся к категории тяжкого преступления. Поэтому за 2010–2012 г. Можно проанализировать только данные по числу осужденных за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291 УК РФ.

Анализ представленных данных свидетельствует о неоднородной судебной практике применения мер уголовно-правового характера за дачу взятки. До 2012 г. условное осуждение к лишению свободы за дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий (бездействие) занимало значительное место в системе мер уголовно-правового воздействия и число осужденных к этой мере составляло около 50% ежегодно.

За совершение посредничества во взяточничестве при наличии квалифицирующих признаков в среднем в настоящее время к лишению свободы условно осуждается 35–37%. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве была установлена Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ.

Приведенные статистические сведения о применении судами уголовного наказания за посредничество во взяточничестве, совершенное при наличии квалифицирующих признаков, свидетельствуют, что в первое время действия ст. 291^{1} УК РФ, достаточно часто применялся штраф. Практика назначения условного осуждения к лишению свободы за указанные виды преступного поведения занимает достаточно стабильное

место. При этом в последние годы произошло небольшое увеличение числа осужденных к данной мере уголовно-правового характера.

Анализ судебной практики относительно применения условного осуждения за совершение коммерческого подкупа при наличии квалифицирующих признаков также представляет интерес, однако следует отметить, что в настоящее время число осужденных за указанные виды преступлений невелико, в связи с чем сложно говорить о наличии каких-либо тенденций.

Таким образом, исходя из представленных данных, можно прийти к выводу о необоснованно широком применении условного осуждения к лишению свободы за такие виды преступлений как дача и получение взятки и другие виды незаконного вознаграждения, совершенных при наличии квалифицирующих признаков, что обусловливает повышение степени их общественной опасности и отнесение к категории тяжких и особо тяжких, что не позволяет реализовать весь карательный потенциал санкций за совершение указанных видов противоправных деяний, хотя в последние годы ситуацию несколько меняется.

В этой связи показательны примеры из судебной практики, отражающие принятые решения по уголовным делам, возбуждаемым в отношении глав регионов Российской Федерации, носящие политический характер. Так, например, бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин признан виновным по ч. 6 ст. 290 УК РФ и ст. 174[1] УК РФ с назначением ему наказания в виде 13 лет лишения свободы и штрафа[1]. Бывший губернатор Кировской области Н. Белых осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ к 8-ми годам лишения свободы и штрафу[2]. Бывший глава Удмуртской Республики А. Соловьев осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ за два эпизода получения взяток на общую сумму 139 млн руб. и приговорен к 9-ти годам лишения свободы и штрафу[3]. В отношении руководителей правоохранительных органов также выносятся приговоры с назначением реальных сроков лишения свободы за совершение ими коррупционных преступлений и ряд др.

Кроме того, на страницах юридической литературы справедливо отмечается, что в условиях проявления коррупции в большинстве сфер общественной жизни условное осуждение нередко воспринимается не как одна из форм воздания должного коррупционерам, а как возможность избежать фактического и нередко весьма длительного лишения свободы, а

---

[1] Александр Хорошавин получил 13 лет строгого режима. URL: https:// www.kommersant.ru/doc/3542725 (дата обращения: 08.11.2020).

[2] Суд приговорил экс-губернатора Никиту Белых к восьми годам колонии строгого режима. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/02/01/749676-sud-prigovoril-nikitu-belih (дата обращения: 08.11.2020).

[3] Рогова Е.В., Гайдай М.К. Условное осуждение как форма реализации уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 42–43.

приведенные выше примеры укрепляют такую уверенность. Хотя встречается и противоположная точка зрения, согласно которой «назначение наказания за коррупционные преступления в виде лишения свободы соответствуют общей тенденции назначения условной меры наказания»[1].

Подводя итог, отметим, что выход из сложившейся ситуации, связанной с широкими границами наказаний, закрепленных в санкциях статей, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности, связанные с дачей и получением взятки, а также связанной с необоснованно широким применением условного осуждения за их совершение, очевиден – границы уголовно-правовых санкций и правила их применения судом должны быть научно-обоснованными и вполне обозримыми как для специалистов в области уголовного судопроизводства, так и для граждан и, соответственно, российского общества. Условное осуждение к лишению свободы за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки, совершенные при наличии квалифицирующих признаков, увеличивающих их общественную опасность до категорий тяжких и особо тяжких преступлений, недопустимо.

Гирько Сергей Иванович,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ВЫЗОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Состояние «правонарушительства» в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее УИС), включая все его аспекты, связанные как с пенитенциарной преступностью, так и с криминальной активностью лиц, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, постоянно привлекает к себе внимание исследователей. Изучения и детализации, несомненно, требует феномен преступности персонала УИС.

Проблеме пенитенциарной преступности в разные годы посвятили научные труды ученые-пенитенциаристы: А.В. Абаджян[2], авторы

[1] Улезько С.И., Коновалов Д.И. К вопросу об эффективности условного осуждения за коррупционные преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2. С. 13–14.

[2] Абаджян А.В. Проблемы пенитенциарной преступности. М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 8–9.

монографии под общей редакцией руководителя УИС Ю.И. Калинина[1], А.Н. Хлыстов[2] и некоторые другие. Между тем представляется, что состояние безопасности в учреждениях УИС того времени в значительной мере отличалось от современного.

Более реальную картину, опирающуюся на особенности, привнесенные меняющимися социально-политическими условиями, в своих трудах изложили В.Г. Громов[3] и А.А. Нуждин[4], некоторые другие специалисты.

Исследования преступности в УИС проведены и автором настоящей публикации[5]. Согласно нашим выводам пенитенциарная преступность – преступления, совершенные в расположении исправительных учреждений (далее ИУ), - обладают значительной латентностью и официальные статистические данные в малой степени соответствуют реальному положению. Как нам представляется, указанный факт несет в себе вполне реальную угрозу внутренней безопасности государства, именуемой общественной безопасностью. Действительная картина состояния преступности в исправительных учреждениях корректируется искусственно различными путями, о чем автор резюмировал в своих трудах, и, как правило, выходит на поверхность при проведении специальных ведомственных проверок, осуществляемых по жалобам осужденных, и контроля надзирающих органов.

Выявляются многочисленные факты нарушений, и их результаты публикуются в открытой печати, что, несомненно, с одной стороны демонстрирует тщательно скрываемое, но тем не менее реальное состояние криминальной ситуации в УИС, а с другой – подрывает бытующий стереотип исправительного статуса учреждений.

Приведем только некоторые из них. В публикации под названием «Прокуратура выявила 130 фактов нарушений прав заключенных»

---

[1] Жеребин В.С., Морозов В.М., Меркурьев В.В. и др. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: моногр / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Владимир, 2005. С. 9.

[2] Хлыстов А.Н. Противодействие проявлениям организованной преступности в местах лишения свободы (криминологический и уголовно-правовой аспекты). Самара, 2006. С. 45.

[3] Громов В.Г. Пенитенциарная преступность. URL: https://www.sovremen-noepravo.ru/m/articles/view/%DO%9F%DO (дата обращения: 17.11.2020).

[4] Нуждин А.А. Современное состояние преступности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Вестник современной науки и практики. 2019. № 1(1). С. 31–34.

[5] Гирько С.И. Процессуальные полномочия субъектов уголовно-исполнительной системы в формате «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление». 2020. № 1. С. 12–16; Гирько С.И., Зеленов Ю.Н. Противодействие коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Современное право. № 2. 2021. С. 22–27.

читатель информируется о том, что прокурорские проверки прошли в ИУ Ярославской, Брянской, Тульской областей и Республике Мордовии, по результатам которых по фактам насилия к осужденным возбуждено 15 уголовных дел[1]. В другой – с названием «ФСИН сообщила о возбуждении девяти дел после проверки колоний Иркутской области» – пресс-служба ФСИН проинформировала о том, что по материалам, собранным сотрудниками федеральной службы в ходе проверки колоний и следственных изоляторов Иркутской области, возбуждено девять уголовных дел[2].

И, наконец, официальная информация, исходящая от Директора ФСИН России А.П. Калашникова, подытоживает «ведомственные кадровые потери» за весь прошлый год[3], в которой он называет конкретные цифры: «Возбуждено порядка 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников УИС, 170 сотрудников уволены из рядов службы, кто-то из них попал под следствие».

Чем заканчиваются подобные массовые нарушения прав осужденных в ИУ также хорошо известно – актами неповиновения администрации учреждений, насилием над персоналом колоний, захватом заложников и массовыми беспорядками, обращениями в Европейский суд по правам человека (г. Страссбург). А в целом отвлечением значительных ресурсов в целях нормализации ситуации, общественным недоверием и, как результат, имиджевыми потерями для государства, подрывом основ его безопасности. Именно о подобном развитии одной из ситуаций рассказывают СМИ в недавней публикации[4]. Но не только этим. Еще подобные акты массового неповиновения осужденных в ответ на насилие персонала заканчиваются «бунтами» и громадным материальным ущербом («сгорела промзона»)[5], а в целом – формируют реальные угрозы не только региональной, но и федеральной безопасности.

Преступления, совершаемые персоналом ИУ, представляют собой самый широкий спектр, начиная общеуголовными криминальными проявлениями и заканчивая хищениями, злоупотреблениями, вплоть до поборов у подчиненных сотрудников.

---

[1] Прокуратура выявила 130 фактов нарушения прав заключенных. URL: https://pravo.ru/news/205391 (дата обращения: 09.02.2021).

[2] ФСИН сообщила о возбуждении девяти уголовных дел после проверки колоний Иркутской области. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4704460 (дата обращения: 25.02.2021).

[3] Следователи возбудили 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников ФСИН в 2020 году. URL: https://tass.ru/obshestvo/10121205 (дата обращения: 17.02.2021).

[4] Зачистка и реформирование: почему глава ФСИН сносит своих замов. URL: https://paqsmi.ru/arhive/305702 (дата обращения: 26.03.2021).

[5] Пытки, голод и коррупция: как региональные управления ФСИН пытаются скрыть нарушения от Москвы. URL: https://pasmi.ru/arhive/302753/?utm_medium=l ive&utm_ campaiqn=deep&utm_sours=1side (дата обращения: 16.03.2021).

К величайшему сожалению в совершении преступлений изобличены не только рядовые сотрудники и начальники отдельных служб ИУ системы, но также и руководители самого высокого ранга. Так, за взятку в 710 млн рублей к 11 годам приговорен заместитель начальника УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленобласти С. Мойсеенко; по делу о мошенничестве на 263 млн рублей к 7 годам приговорен заместитель главы ФСИН О. Коршунов; за взятки на общую сумму 44 млн рублей осужден заместитель главы ФСИН Н. Баринов. Можно приводить и другие многочисленные примеры пенитенциарных преступлений подобного рода. Автором названной проблеме посвящено специальное исследование[1]. Стоит ли в этой связи специально говорить о том, что многие преступления рядовых сотрудников УИС совершены с «оглядкой» на своих руководителей? С нашей точки зрения, ответ очевиден.

Еще одна проблема, о которой нельзя не упомянуть – курс на либерализацию уголовной ответственности, взятый судами Российской Федерации. Заметим, что в этом нет ничего упречного в том случае, когда подобные действия и установки сбалансированы и укладываются в рамки единой уголовной политики государства.

В прошлогодней публикации СМИ говорится о том, что количество осужденных, подозреваемых и обвиняемых, находящихся в местах лишения свободы, достигло рекордно минимального значения (496,8 тыс. человек), и такая динамика объясняется гуманизацией судебной системы, которая теперь реже отправляет людей в СИЗО и колонии[2]. Хорошо ли это для общества или не очень? Как это обстоятельство отражается на состоянии защищенности общества от криминала – общественной безопасности государства?

Рассмотрим ближе, к примеру, что же из себя представляет категория граждан, которая избежала лишения свободы и оказалась после осуждения в среде населения России, в подавляющем большинстве продолжая проживать после вынесения приговора по своему постоянному месту жительства.

Исходя из данных статистики ФСИН России, в 2020 году на учете уголовно-исполнительных инспекций (далее УИИ) состояло 486 тыс. осужденных. Из них 256 тыс. не занимались трудом и 162 тыс. – рецидивисты. В отношении более 16,7 тыс. таких осужденных возбуждены

---

[1] Гирько С.И. Современное состояние пенитенциарной преступности в Российской Федерации, ее коррупционной составляющей: цифры и факты. «Проблемы и перспективы уголовной юстиции»: сборник материалов круглого стола / под общей редакцией главного научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора юридических наук, профессора С.Х. Шамсунова: ФКУ НИИ ФСИН России. М.: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2020. С. 41–48.

[2] ФСИН сообщила о рекордном снижении числа арестованных и осужденных. URL: https://pasmi.ru/archive/278336 (дата обращения: 15.08.2020).

уголовные дела за вновь совершенные преступления в период отбывания наказания. Очевидно, что более глубокий анализ данной категории осужденных позволит выявить уязвимые места работы с ними и, как нам представляется, он неизбежно подтвердит недостаточную обоснованность вынесения судами либеральных приговоров таким лицам. Создает ли названная судебная политика и практика угрозы безопасности государства и прежде всего отдельным его гражданам?

И, наконец, еще об одной проблеме, которая оказывает непосредственное влияние на состояние защищенности граждан и организаций от преступных посягательств, и тем самым - на безопасность государства.

В сентябре 2020 года Госдуме было предложено принять закон, согласно которому операторы сотовой связи будут обязаны блокировать номера мобильных телефонов, используемых в колониях и тюрьмах.

С чем это связано?

В публикациях СМИ отмечалось, что телефоны используются преступниками для различных целей – к ним относятся мошенничество (включая обман граждан по телефонам и снятие денег с их банковских карт – от авт.), управление преступными группами, находящимися на свободе, координация поставок в тюрьмы и СИЗО запрещенных предметов, наркотиков, оказание давления на свидетелей. Также через лицевые счета абонентов можно переводить денежные средства, за счет которых «финансируются преступления»[1].

Говоря об этой проблеме, директор ФСИН России А.П. Калашников пояснил, что без участия сотрудников ФСИН практически не могут проноситься телефоны в следственные изоляторы. «Самый неприятный способ появления мобильных телефонов, это когда сотрудники предают интересы службы и за определенную мзду тоже проносят телефоны лицам, которые находятся в учреждении»[2]. Действительно, как подтверждают многочисленные научные исследования, включая работы автора, пронос сотовых телефонов в ИУ и СИЗО сотрудниками учреждений, несмотря на очевидное предательство интересов службы, превратился для них в бизнес и возможность заработать денежные средства.

По мнению исследователя А.А. Нуждина, к примеру, «с помощью мобильных телефонов совершаются преступления, в том числе мобильные

[1] Депутаты предложили блокировать мобильные, которыми пользуются заключенные в колониях и СИЗО. URL: https://pasmi.ru/archive/254тоже649 (дата обращения: 19.08.2020).

[2] Следователи возбудили 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников ФСИН в 2020 году. URL: https://tass.ru/obshestvo/10121205 (дата обращения: 17.02.2021).

мошенничества (в 2018 г. материальный вред, причиненный гражданам, составил 24128500 рублей)»[1].

В отчете о состоянии преступности в стране за 2020 год МВД России отмечает, что наряду со значительным снижением уровня преступности по разбоям (-21,7%), грабежам (-16,2%), убийств (-3,2%) и другим видам криминальных проявлений, число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3%, при помощи мобильной связи – на 88,3%[2].

Сколько среди таких преступлений прецедентов, совершенных из ИУ и СИЗО? На этот вопрос достаточно показательно отвечает публикация о «тюремных «колл-центрах» и «корпоративах», согласно которой, по данным руководителя управления генеральной прокуратуры, к примеру, отдельный «осужденный, находясь в ИК в Рязанской области, по телефону выманил у граждан порядка 30 млн рублей, злоупотребляя их доверием. А по данным Банка России только за третий квартал 2020 года телефонные мошенники из колоний обокрали россиян на 1,6 млрд рублей»[3].

Приведенный факт, как нам представляется, не нуждается в специальных комментариях. Не вызывает сомнений, что без участия руководства ИК подобные мошеннические центры существовать и функционировать не могут и, конечно же, они усиливают социальную напряженность в обществе и тем самым формируют очередной достаточно мощный вызов общественной безопасности государства.

Очевидно, что все сказанное выше подтверждает наш вывод о том, что современное состояние преступности в УИС, даже если брать только те направления, которые упомянуты в статье, создает непосредственную опасность охраняемым законом интересам граждан и государства в целом.

---

[1] Нуждин А.А. Современное состояние преступности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Вестник современной науки и практики. № 1(1). 2019. С. 33.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года. URL: https://мвд.рф//reports/item/22678184 (дата обращения: 17.02.2021).

[3] Тюремные «колл-центры» и «корпоративы»: в ГП рассказали о преступлениях в системе ФСИН. URL: https://paqsmi.ru/arhive/296971 (дата обращения: 25.03.2021).

Гриб Владимир Григорьевич,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Института Международного права
и правосудия ФГБОУ ВО МГЛУ,
доктор юридических наук, профессор

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Уголовно-правовая система является неотъемлемой частью любого государства, поскольку именно ее элементы регулируют порядок в стране и определяют уровень безопасности государства. Правовые системы каждого государства имеют свои особенности в зависимости от национального, исторического, культурного развития страны и выбранного ею правового пути. В настоящее время сравнительное правоведение получает большее распространение среди правоохранительных систем разных стран. В статье рассмотрим соотношение понятий и видов единичных преступлений таких зарубежных стран, как Англия, Франция, США, Германия, Япония и Китай, а также проведем сравнительный анализ правовых семей данных государств.

Итак, Англия и США относятся к англо-американской правовой семье, особенностями которой служит заложенный в основе принцип «стоять на решенном», то есть при решении суда главенствующим выступает прецедент, что во многом усложняет уголовно-правовую систему. Основными правовыми источниками, определяющими развитие и становление уголовного права Англии, являются статусы или парламентское законодательство, а также, как ранее упоминалось, прецеденты. Поскольку уголовно-правовая система Англии строится на основе использования прецедентного права, то стоит отметить отсутствие в Общей части деления норм права. Именно поэтому понятия единичного преступления в уголовном праве Англии отсутствует, существует деление на статусные преступления, понятие которых содержится в статусе и преступление по общему праву, которые определяются прецедентным правом. Более общее понятие преступления в уголовном праве Англии было дано Дж. Ф. Стифеном, который определял преступление как запрещенное законом действие, под угрозой наказания. Если исходить из общего представления о преступлении, то можно согласиться с данным определением.

Уголовно-правовая система США, несмотря на формирование под гнетом Английской системы, является более сложной и имеет терминологию, непривычную для европейского права. Источниками уголовного права США выступают Титул 18 свода законов США, представляющий в целом Общую часть уголовного права, своеобразным

источником служит Примерный уголовный кодекс, не действующий ныне, но пользующийся авторитетом у правоохранительных органов страны, также каждый из штатов имеет собственный Уголовный кодекс и Уголовные законы, что существенно отличает уголовно-правовую систему США от европейских стран[1]. Принятую за основу на государственном уровне концепцию единичного преступления подтверждает Примерный уголовный кодекс США, который и дает определение данной категории[2]. Также стоит отметить, что классификация единичных преступлений происходит в зависимости от максимально возможного наказания. Проведя кодификацию и уголовного законодательства США на федеральном уровне и на уровне штатов можно, сделать вывод о господстве принципа объективного вменения вины, что позволяет говорить о стабильности правовой системы.

Франция, Германия и Япония принадлежат романно-германской правовой семье, в которой характерной отличительной чертой является четкое деление норм права на отрасли. Несмотря на принадлежность к одной правовой семье уголовное законодательство данных стран имеет ряд отличительных особенностей друг от друга.

К современным источникам уголовного права Франции относятся «Декларация прав и свобод человека», определяющая основы законодательства страны. Также важным уголовно-правовым актом Франции является Уголовный кодекс, закрепляющий основные понятия и принципы. Уголовный кодекс Франции предусматривает деление противоправных деяний на преступления, проступки и нарушения в зависимости от их тяжести[3]. Единичное преступление определяется как наиболее тяжкое, умышленное деяние, за которое законом предусмотрено наказание[4]. Стоит отметить, что деление единичного преступления в Уголовном кодексе Франции не предусмотрено, оно рассматривается как простое, а в общем, уголовное законодательство подразделяет преступление на простое и сложное, где простым выступает именно единичное преступление.

Основными источниками уголовно-правовой системы Германии выступают Уголовное уложение или Уголовный кодекс, а также Дополнительное уголовное законодательство, определяющее и

---

[1] Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. СПБ.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 87–88.

[2] Примерный уголовный кодекс (США): официальный проект Института американского права / под ред.: Никифоров Б.С. (предисл.); пер.: Никифоров А.С. М.: Прогресс, 1969.

[3] Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2018. С. 54.

[4] Уголовный кодекс Франции. М., 1992.

закрепляющее основные направления развития ФРГ в уголовно-правовом пространстве. Уголовное законодательство Германии не дает полного определения единичному преступлению, но представляет ряд признаков, которые определяют, что имеет отношение к данной категории. Преступлением выступает такое противоправное деяние, согласно Уголовному кодексу Германии[1], за которое законом предусмотрено наказание не менее одного года лишения свободы, все остальные деяния принято относить к категории проступков, что существенно разграничивает уголовное законодательство Германии с общепринятой европейской системой уголовного права. Уголовное право ФРГ производит деление единичного преступления на два вида: простое и сложное. Стоит отметить, тот факт, что сложное единичное преступление в уголовно-правовой системе ФРГ представляет собой понятие идеальной совокупности преступлений и выделяется в категорию множественности. Так можно сделать вывод об усложненности уголовно-правовой системы Германии в соотношении с рассмотренными ранее странами.

Основополагающими источниками уголовного права в Японии являются: Уголовный кодекс, Неуголовные законы и Особые уголовные законы, в совокупности определяющие общие положения развития государства в уголовно-правовой сфере. Многовековая обособленность Японии отражается в развитии ее уголовного законодательства и отличительности категорий уголовного права. Уголовный кодекс Японии не дает определения единичному преступлению, лишь из прецедентного права можно понять, что японское уголовное законодательство придерживается общего определения преступления, при этом стоит отметить наличие таких категорий, как множественность преступлений и рецидив часто встречающихся в уголовно-правовом пространстве Японии[2]. Таким образом, можно отметить, что уголовное законодательство Японии, как и уголовное законодательство России, не дает определения единичному преступлению, его разработкой занимается наука уголовного права.

Китай стоит особняком в правовой семье Дальнего Востока, тем самым определяя свое отличительное обособленное развитие и становление уголовно-правового поля. Основным источником уголовного законодательства Китая выступает Уголовный кодекс, определяющий линию развития страны в уголовно-правовом пространстве. Менталитет и особенность народного духа отражается и в правовых актах Китая, поскольку в Уголовном кодексе в ст. 13 дается полное, развернутое

[1] Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 13.

[2] Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник для магистров / под ред. Н. Е. Крыловой. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 532.

определение единичного преступления. Оно определяется как любое вредоносное деяние, за исключением малозначительных, наносящее вред государственному суверенитету, разрушающее социалистический строй, и опасное для личностного развития, жизни и здоровья граждан страны[1]. Таким образом, можно сказать об отражении национального и культурного воспитания в уголовном законодательстве республики.

Категория единичного преступления в уголовном праве зарубежных стран является важным сравнительным аспектом для изучения правовой системы в целом и ее отдельных сфер. Понятие деяния, определяющегося как преступление, в уголовном законодательстве зарубежных стран, как правило, имеет двухаспектный характер, включая в себя противоправность и наказуемость, совершенных деяний, что в целом объединяет правовые системы зарубежных стран с российским законодательством, но, тем не менее, каждая уголовно-правовая система имеет ряд достаточно отличимых особенностей.

Гришай Елена Васильевна,
профессор кафедры
специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор,
полковник полиции

ВЛИЯНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В МАССМЕДИА И СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Нормативно-правовые акты в Российской Федерации определяют молодежь как лиц в возрасте от 14 до 30 лет. В «Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» (утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014г. № 2403-р) молодежь включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях – до 35 и более лет[2].

Несмотря на имеющееся в литературе достаточное количество определений молодежи, ее можно представить как поколение людей, проходящих стадию социализации, иными словами, процесс вовлеченности человека в социальную практику, приобретения им

[1] Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2018. С. 113.

[2] Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 50. Ст. 7185.

социальных качеств и усвоения социального опыта, социальных норм и культурных ценностей конкретного общества. В итоге в обществе формируются две группы – группа принимающих опыт (молодежь) и группа передающих опыт (старшее поколение). В процессе социализации, безусловно, между двумя группами могут возникать конфликтные ситуации по причине нежелания усвоения социального опыта молодежью или отказа принятия новых прогрессивных идей и взглядов зрелым поколением. Следовательно, процесс социализации по сути носит конфликтогенный характер в силу расхождения взглядов и интересов групп. Причем конфликты могут возникать и внутри самой молодежной среды. Молодое поколение разрешает внутриличностные конфликты, связанные с собственной идентификацией, также важно учитывать и неоднородный состав данной социальной группы.

Молодежь в процессе социализации выступает не только пассивным объектом усвоения социального опыта предыдущих поколений, но и в качестве субъекта воздействия на общество, который стремится преобразовать и развить социальную практику.

По мнению ряда ученых, «становление субъектности молодежи в процессе реализации ее основных социальных функций – воспроизводственной и инновационной, сопряжено с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий»[1].

По своей сути молодежь характеризуется «неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций»[2].

Процесс самоопределения молодежи имеет неоднозначную природу. Молодой человек стремится обрести себя в группе «своих», но так же он готов отделить себя от группы «чужих», показать свою уникальность, непохожесть.

Ученые выделяют такую характерную черту, присущую молодежи, как контраверсивность. Это некий способ понимания себя через противопоставление другому (этническому, расовому, национальному).

Зачастую контраверсивность начинает преобладать и становится самостоятельным элементом, что способствует формированию собственных потребностей и интересов. В результате столкновения сформировавшихся самостоятельных интересов с «чужими» взглядами и интересами возникают конфликты, в том числе и в экстремальной форме.

Очевидно, что контраверсивность может сформировать такое свойство молодежи, как экстремальность.

---

[1] Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие. М.: Наука, 1992. С. 9–11.

[2] Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 38.

Многие ученые определяют экстремальность как стремление к крайностям (например, крайним проявлениям своих взглядов и убеждений). Вид экстремизма экстремальность обретает тогда, когда «экстремальные настроения приобретают характер самоцели, суть которой – достижение общественного резонанса. Реализация этой цели экстремальными способами сопряжена с причинением морального, физического, материального ущерба окружающим»[1]. Причем зачастую молодые люди не могут найти адекватный способ выхода из сложившейся трудной ситуации, и порождаемая агрессивность, эпатажность может вылиться не только в причинение вреда окружающим, но и во всевозможные суициды.

Постепенно агрессивность может приобрести социальный характер и форму фанатизма. Последний находит свое приложение как в спорте, так и в политике, в сфере этнонациональных отношений. Но в отличие от агрессивности фанатизм отличает крайняя нетерпимость и отсутствие своих убеждений и пр.

Экстремальность не может выступать негативным свойством молодежи, в отличие от экстремизма. Безусловно, перерастание экстремальности в экстремизм возможно в нестабильных обществах. Как правило, экстремальность молодежи находит выход в своих криминальных, насильственных формах, в условиях кризиса социума в том числе в национальном и религиозном экстремизме.

По мнению ряда ученых, «экстремизм в молодежной среде представляет собой социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодежи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, выражающегося в приверженности к крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих»[2].

Если речь идет о характере современного молодежного экстремизма, то он может приобретать как стихийный, так и организованный характер. Причем в первом случае экстремизм действительно предстает как способ непродолжительного конфликтного взаимодействия носителей различных интересов и взглядов, экстремистские установки в сознании субъектов-носителей не столь прочные. Во втором случае речь идет уже об организованном характере экстремизма, участники конфликта на почве экстремизма уже не просто конфликтуют и проявляют открытую агрессию, неприятие «чужих», но и воспринимают экстремизм как единственный способ воздействия на своих соперников, не приемлют компромиссы и ненасильственные способы разрешения ситуаций.

---

[1] Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 73.

[2] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. С. 43.

Организующим началом в процессе окончательного формирования экстремизма выступают современные средства коммуникации, в том числе Интернет. Именно сеть Интернет становится своеобразной площадкой для объединения молодых людей с похожими интересами и взглядами на ту или иную проблему. Преимущества сети интернет-сообщества сегодня очевидны. Во-первых, Интернет сегодня выполняет роль основных форвардов на рынке информационных услуг, являясь конкурентом телевидению и неэлектронным СМИ. Во-вторых, Интернет – наиболее востребованный ресурс для потребления большей частью населения контента, но также и воспроизводства нужной информации.

Интересны результаты изучения методом фокусированного интервью особенности вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, проведенного отечественными специалистами среди представителей республик Северного Кавказа[1].

Все респонденты в возрасте 18 лет и являются приверженцами традиционного ислама. Со слов опрошенных респондентов, пропаганда радикальных идей посредством Интернета становится все сильнее и сильнее. Именно для этой цели используются социальные сети и различные мессенжеры, где создаются тематические форумы. Молодые люди отмечают: «Они сразу начинают «закидывать» литературой, ссылками на видеолекции, на утверждения «ученых» и других якобы компетентных лиц. Потом смотришь, например, в google, кто этот человек, и оказывается, что это боевик, который разыскивается. Но очень сложно противостоять такому напору, когда ты один пытаешься что-то возразить»[2]. Другой респондент приводит еще пример: «Один парень имел определенные религиозные знания и убеждения, ходил в мечеть, исповедовал традиционный ислам. Он знал, кто такие ваххабиты, и говорил, что никогда с ними не согласится. Стал вступать с ними в споры и попал под их влияние. Теперь он совместно с ними распространяет эту идеологию»[3].

Для пропаганды идеологии экстремизма и терроризма посредством Интернета используется специально организованная социальная риторика, так считают большинство ученых.

«В целях формирования «экстремистского сознания» и организации информационно-психологического воздействия, направленного на

---

[1] Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 137–147.

[2] Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 143.

[3] Боргоякова Т.В. О проявлениях экстремизма и радикализма в российской молодежной среде // Аналитический вестник. 2007. № 4 (321). С. 43–56.

вовлечение молодежи в террористическую деятельность, используются технологии виртуального вирусного маркетинга, основанные на феномене психологического заражения и нацеленные на формирование социальной моды, не просто санкционирующей, но и стимулирующей соответствующее поведение»[1].

Самыми доступными для молодежи формами демонстрации, а также передачи и усвоения информации становятся блогосфера и социальные сети. К примеру, основной потенциал блогосферы – это сайты blogger.com и livejournal.com. В числе социальных сетей, которые популярны среди молодежи, можно назвать «Одноклассники», Facebook, Twitter и «ВКонтакте», «Instagram».

Именно благодаря сети Интернет у молодых людей есть возможность размещать различные видеоматериалы, давать комментарии, причем абсолютно разного содержания, без всяких финансовых затрат. Социальные сети становятся площадкой для общественных дискуссий на различные темы, включая экстремистские. Причем информация такого рода распространяется оперативно, регулярно обновляясь. Интернет создает благоприятные условия для социализации молодежи, формирования экстремистских установок у молодого поколения и развития стихийного и организованного молодежного экстремизма в дальнейшем.

С изменением типа общества и общественной структуры современные социализационные процессы приобрели вид, отличный от классического, когда большую роль в становлении человека играет вербальная коммуникация с агентами социализации всех уровней. Изменился характер общественных связей и коммуникаций в социальных пространствах. Изменились сами социальные пространства: появились сетевые структуры взаимодействия, «сотовые системы проживания», иные локационные формирования, создаваемые современным человеком для приспособления проживания в меняющемся глобальном социуме. Характер коммуникаций сложный, порой резко противоречивый. С одной стороны, расстояния не являются сегодня препятствием для общения между удаленными точками земного шара. С другой стороны, замена вербальной коммуникации на интернет-коммуникацию запускает зачастую негативные с точки зрения социализации процессы.

Самой уязвимой категорией населения в условиях усложнившейся коммуникации оказалась молодежь. С другой стороны, негативные последствия социализационных процессов кардинальным образом могут преобразовать всю систему социальных отношений в обществе, вызвав его

[1] Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 144.

трансформацию отнюдь не в сторону позитивного развития в гуманистическом направлении.

Молодежь как нестабильная социально-демографическая группа играет в обществе роль смены поколений, принимает непосредственное участие в преобразовании всех сфер жизнедеятельности социума. Характер и содержание деятельности молодежи в обществе как субъекта социального развития напрямую зависят от объективных особенностей социальной среды. Такой активный характер влияния молодежной формации на общество в целом должен стать предпосылкой для глубокого изучения современных социализационных процессов. В первую очередь их технологизации, виртуализации.

В этом контексте, можно высказать предположение, что новая революция современного молодого поколения – это революция информатизации и виртуализации сознания, наложенная на фреймовость мышления и кризисные процессы в образовательной сфере. Современный молодой человек абстрагируется от живого общения, способствующего адаптации его в социуме. Однозначно нельзя называть данный процесс тотальным, но определить его как массовый представляется возможным. Регулирование таких социализационных процессов можно было бы не выдвигать на первый план в списке проблем современного общества, если бы его поле не накладывалось на информационные поля, носящие для молодого поколения деструктивный, аномический характер. Имеются в виду проявления неприятия молодежной группой определенных явлений, выражающиеся в крайне негативной и даже агрессивной формах. Речь идет о проявлениях экстремистского и террористического характера.

В современных условиях общественного и экономического развития России одной из актуальных социально-политических проблем становится распространение молодежного экстремизма. Проблема экстремистских проявлений в Российской Федерации сегодня стоит как нельзя остро. Подтверждением тому может служить доклад Президента РФ Путина В.В. на заседании совета безопасности России 20 ноября 2014 года.

Понимание термина «экстремизм», по мнению многих отечественных ученых, лежит в междисциплинарной области. Особенно характерно это для терминологического обозначения экстремизма в прикладном аспекте.

Гросс Игорь Львович,
профессор кафедры
специальной тактики учебно-научного комплекса
специальной подготовки
ФГКОУ ВО «Московский юридический МВД России
имени В.Я. Кикотя»,
доктор педагогических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Значительная часть преступлений приходится на долю семейно-бытовых преступлений и этот факт превращает их в самостоятельный вид преступности. Данные преступления могут быть спровоцированы такими чувствами, как злость, ревность, зависть, неприязнь и т. д.[1]

Для семейно-бытовых преступлений характерны следующие признаки:

– преступления, как правило, совершаются в квартире, дома, на даче, т. е. на территории частной собственности;

– присутствует конфликт преступника с жертвой, причем он может быть, как и длительным, так и краткосрочным;

– преступление может носить насильственный характер;

– почти всегда наличествует алкогольное или наркотическое опьянение;

– преступление может быть совершено спонтанно, по неосторожности.

Как известно, преступление легче предупредить, чем предотвратить. И в связи с этим, в вопросах семейно-бытовых преступлений прежде всего необходима защита членов семьи, подвергающихся домашнему насилию[2]. Так как большинство преступлений совершается вследствие алкогольного или наркотического опьянения, необходимо бороться с этими пагубными привычками, ужесточив законы и сделав наказания за них более суровыми.

Большинство семейно-бытовых преступлений носят насильственный характер. За последнее время увеличилось число преступлений, совершаемых женщинами и подростками.

Можно отметить, что, рассматривая уголовное дело по семейно-бытовому преступлению, изучать нужно не только личность преступника, но и жертвы, так как зачастую мы сталкиваемся с провоцированием преступления со стороны преступника. Так, согласно статистике, в

[1] Варыгин А.Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 30–34.

[2] Поповичева М.В. Социально-психологическая характеристика потерпевших в сфере семейно-бытовых преступлений (виктимологический аспект) // Вестник научных конференций. 2017. № 5-1 (21). С. 97–98.

преступлении виктимного порядка жертвами выступают мужчины. Это связано с тем, что они более агрессивны и конфликтны и сами выступают в роли провокаторов. Женщины больше страдают от насильственных преступлений[1].

Преступники, как правило, ничем не занимаются, злоупотребляют спиртным, что вызывает беспричинную агрессию. В настоящее время нет практики принудительного лечения от алкоголизма, как во времена существования РСФСР. В Государственную Думу вносился законопроект только о принудительном лечении наркозависимых лиц. Это могло бы в значительной степени снизить их потребление. Также должны проводиться профилактические беседы с участниками конфликта, привлекая различные объединения, в том числе и религиозные, и общественные.

Психологическая коррекция занимает не последнее место. Поэтому должны действовать психологические центры помощи жертвам насилия. Их катастрофически мало в такой огромной стране, как Россия. Безусловно, открытие таких центров – это дополнительная трата бюджетных средств. Здесь необходимы также и правильные управленческие решения.

Наряду с этим, штатным психологам правоохранительных органов необходимо проводить подготовку участковых уполномоченных полиции по основам психологии, чтобы они могли в дальнейшем выявлять конфликтные семьи на основе проведения психологического анализа.

Большинство осужденных участников семейно-бытовых конфликтов совершили их после принятия психоактивных препаратов и впоследствии не могут вспомнить всей ситуации. Другая же группа преступников совершает преступление умышленно, заранее подготовив все благоприятные условия для его совершения. В этом случае принятие алкоголя или наркотиков придает дополнительную смелость преступнику.

Стоит упомянуть и такую категорию преступников, как хронические алкоголики[2]. Они представляют общественную опасность, так как налицо нравственная деградация. В данном случае наблюдается полное отсутствие сдерживающих механизмов, потребности становятся примитивными. Это асоциальные личности, агрессия которых ничем не оправдана.

Мы можем смело утверждать, что более 60% преступлений произошли после того, как оба участника конфликта совместно распивали спиртные напитки. Что характерно, семейно-бытовые преступления чаще совершаются в вечернее время или в праздничные дни. И следует

---

[1] Варыгин А.Н. особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 1 (39). С. 101–104.

[2] Зелик В.А., Яблочкин А.Е. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 170–174.

отметить, что хроническими алкоголиками совершаются значительное число преступлений.

Во многих зарубежных странах уже практикуется введение принудительного лечения таких людей. Они вполне осознают, что хронический алкоголик в дальнейшем социально деградирует и среди них больше рецидивистов и преступлений, совершаемых ими в большинстве случаев тяжкие.

Семья всегда была важнейшей ячейкой общества, в которой каждый член семьи должен заботиться о других членах семьи. И тем страшнее семейные преступления, где насилие – это скрытая реальность. Обычно жертвами насилия становятся более слабые ее члены (женщины, дети, пожилые люди). Отсюда вытекает множество последствий:

– повышение детской беспризорности;
– уничтожения гуманизма в семейном воспитании;
– утрата связи поколений;
– уничтожение нравственности.

В семейно-бытовых преступлениях убийства по-прежнему занимают лидирующее место, затем идет причинение тяжкого вреда здоровью, побои, угрозы убийством. Иногда насильственные действия по отношению к членам семьи совершаются систематически и являются тяжело доказуемыми в связи с родственными отношениями потерпевшего и преступника и за помощью к правоохранительным органам обращаются лишь в крайних случаях[1].

Разлады и разногласия в семье часто приводят к побоям, и пострадавшие (почти всегда женщины), не прибегают к помощи сотрудников полиции, так как не хотят огласки семейных ссор или им не хочется привлекать супруга к ответственности. И тогда, чувствуя свою безнаказанность, супруг может прибегнуть к более жестоким избиениям, что может привести и к причинению тяжкого вреда здоровью, и к убийству члена семьи. Также могут подвергаться семейному насилию и дети. Это разрушает психику ребенка, у него может даже произойти некая цепная реакция.

Рост бытовой преступности наблюдается за последние два десятка лет и этому способствуют много факторы:

– снижение безработицы в стране;
– неблагоприятные жилищные условия;
– потеря человеческих ценностей и культуры.

В семейных конфликтах чаще всего орудием убийства становится холодное оружие или предметы хозяйственного назначения, что указывает

[1] Ильянова О.И. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как разновидность семейно-бытовых преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 183–186.

на то, что член семьи совершил преступление спонтанно, т.е. оно не было запланировано[1].

Ежедневно в СМИ можно прочитать об убийствах, совершенных на почве семейных конфликтов. Возможно это объясняется распадом традиций в семье, социальной напряженностью. Семья сегодня уже не так устойчива, как раньше, разводы стали обыденностью.

В советское время государством не озвучивались семейные конфликты из-за нежелания очернять достойное имя советской семьи. Это было серьезным упущением со стороны властей, так как это привело к препятствию поисков правильных методов предупреждения подобных преступлений. В свое время не были проведены воспитательные и профилактические мероприятия. Насилие в семье часто несет немотивированный характер, поступки порой не поддаются логике и здравому смыслу. Дети, выросшие в таких семьях, становятся жестокими, что впоследствии может послужить точкой начала его вовлечения в неблагополучные компании, где их могут приучить к алкогольным или наркотическим веществам. В дальнейшем, из таких детей, в большинстве случаев, вырастают потенциальные преступники.

Правоохранительные органы постоянно должны вести непрерывную профилактическую работу по предотвращению семейно-бытовых преступлений. Это могут быть и упреждающие мероприятия, где выявляются неблагополучные семьи с систематическими бытовыми конфликтами[2]. Маленькими шагами искореняя пьянство, проводя различные профилактические беседы в общежитиях, в трудовых коллективах, мы можем говорить о каких-то успехах. Участковым уполномоченным всегда нужно выявлять людей с аморальным поведением, потенциальных нарушителей на своих участках с целью предотвращения перерастания семейного конфликта в тяжкое преступления, насилие или побои. Ведь иногда невозможно выявить систематическое насилие в семье, об этом удается узнать лишь в момент кульминации.

Правоохранительным органам следует вести непрерывную работу в противодействии семейно-бытовой преступности. Для этого придется вести наблюдение за детьми из неблагополучных семей, за семьями людей, отбывавших наказание в местах лишения свободы, за семьями, которые уже длительное время не оплачивающих коммунальные услуги.

---

[1] Полищук Е.Г. Совершенствование механизма правового обеспечения профилактики преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 55–57.

[2] Ивасюк О.Н. Современные проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 230–235.

Существуют различные стратегии, которые помогут предупредить насилие над ребенком. И среди них выделим некоторые:

– нужно подавать ребенку пример хорошего поведения, чтобы он видел, как родители справляются с чувством гнева, следовательно, он научится решать проблемы без применения силы;

– необходимы частые посещения школ, ведь если ребенок будет подвергаться нападкам, нужно вмешаться, так как это может привести к появлению у ребенка низкой самооценки;

– если ребенок увидел фильмы со сценами насилия нужно говорить, что это неправильная модель поведения и ни в коем случае нельзя это повторять;

– ребенок любого возраста нуждается в любви родителей. Необходимо повторять ему, что он любим и им гордятся;

– не нужно избегать разговоров о насилии в семье, ребенку нужна информация из уст людей, которым он доверяет. Поощрять его говорить о своих страхах. Важно быть такими родителями, которым ребенок может рассказывать обо всем, что с ним случится.

Человек, который подвергся или подвергается насилию, как правило подавлен, беспокоен и малообщителен. Преступник может обещать измениться, что такого больше не повториться. И это дает жертве призрачную надежду.

Таким образом, мы можем утверждать, что применяя жесткие законы, вынося суровые судебные решения, объясняя населению при помощи СМИ и различных профилактических мероприятий о семейно-бытовых преступлениях, доводя до сведения общества, что ни один индивидуум не должен подвергаться насилию, угрозам, побоям. Наказание должен нести тот, кто подвергает насилию, объясняя, что насилие выступает в роли оружия только в руках слабого мужчины и что этому нет никакого оправдания, общество может победить или уменьшить в разы подобные асоциальные поступки[1].

Не последняя роль в осуществлении контроля за насильственными преступлениями возлагается и на администрации регионов, учебные заведения, руководителей предприятий и, конечно же, на правоохранительные органы.

Семейно-бытовые преступления доводят многих людей до суицида, вынуждают детей совершить побег из дома, тем самым пополняя ряды беспризорников. И наша первостепенная задача - не допустить этого, применяя букву закона и наказывая виновников преступления.

[1] Кадырова Н.Н., Симбирева Н.А. Особенности предупреждения в России насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4. № 1. С. 54–59.

Жукова Алла Владимировна,
директор частного
профессионального образовательного учреждения
Северо-Кавказский колледж инновационных технологий,
доктор педагогических наук, профессор

Голяндин Николай Петрович,
профессор кафедры
специальных дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Шериев Альберд Малилевич,
старший преподаватель кафедры
специальных дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Молодежи в силу своего природного радикализма свойственно восприятие различных видов идеологии, которые связаны со стремлением изменить существующий порядок, поменять ценности и традиции, подстроить их под свои взгляды и желания. Основанием к этому служит маргинальное поведение значительной части молодых людей, которое обусловлено отсутствием социально-позитивных побуждающих факторов: поступление в престижные учебные заведения, перспективы получения интересной и высокооплачиваемой работы, создание семьи, приобретение движимой и недвижимой собственности, участие в активной общественной жизни страны и т. п.

Как отмечают специалисты, молодежный экстремизм в последнее время все чаще появляется в поведении молодых людей, взгляды которых основаны на агрессии, утверждении в своем поведении принципа силы в отношении с окружающими, применении насильственных действий, вплоть до убийства.

Так, по статистическим данным ГИАЦ МВД РФ в 2020 году на территории Российской Федерации на 16,7% увеличилось число

преступлений экстремистской направленности и на 4,3% – террористического характера по сравнению с 2019 годом[1].

Данные явления лежат в основе вовлечения молодежи различными деструктивными силами в экстремистскую деятельность.

Особое место в современном российском обществе в последние два десятилетия занимают различные социальные явления, отрицательно влияющие на деятельность по противодействию экстремизму и терроризму в стране. Среди них:

– широкое вовлечение несовершеннолетних к участию в протестных акциях под различными социально-политическими, экономическими и другими деструктивными лозунгами;

– энергичное насаждение в молодежной среде жизни по воровским понятиям с использованием криминальной субкультуры АУЕ (Арестантско-уркаганское единство или Арестантский уклад един);

– активный прозелитизм деструктивными религиозными организациями псевдорелигиозных воззрений, нетрадиционных для населения отдельных субъектов Российской Федерации и использование новообращенных адептов (неофитов) при совершении преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

Анализ протестных выступлений в Российской Федерации за последние три года свидетельствует, что стимулирование протестных акций и вовлечение в них молодежи и особенно несовершеннолетних осуществляется извне по отработанным на Западе методикам, которым обучают на различных семинарах и тренингах за рубежом. По мнению председателя комиссии Государственной думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России В.И. Пискарева: «этим методам манипулирования детьми учат на зарубежные деньги и в зарубежных организациях. Молодежь охотно идет на всевозможные тренинги, курсы и семинары. На этих мероприятиях молодых людей обучают уличной тактике и методам противодействия полиции»[2]. При этом методики вовлечения детей в митинговую деятельность основаны на высоком уровне внушаемости и несформированных ценностных ориентациях подростков, их любопытстве и импульсивном желании приобщиться к значимым событиям в жизни общества, а также неосознании ими последствий своих действий.

---

[1] Главный информационно-аналитический центр МВД России. Квартальная форма отчетности 282 – «Антитеррор». 2019–2021 гг. / Доступ из локальной сети.

[2] Комиссия ГД по противодействию и невмешательству обсудила вовлечение детей в несанкционированные акции протеста // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/news/50741 (дата обращения: 14.04.2021).

В этой связи согласно Российскому законодательству и международно-правовым нормам дети не могут привлекаться к политическим акциям, поскольку являются недееспособными[1].

Однако только в январе 2021 года за участие в несанкционированных акциях в Российской Федерации, по сообщению уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка А.Ю. Кузнецова, было задержано около 300 несовершеннолетних, из них около 70 – в Москве[2].

В этой связи мы поддерживаем инициативу депутатов Государственной думы о внесении предложения о введении уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных массовых мероприятиях[3].

Касаясь вопросов культивирования в молодежной среде деструктивных субкультур, следует отметить, что впервые тема о проникновении криминальной субкультуры в молодежную среду стала актуальной в 2010 году в связи с массовыми беспорядками в Белореченской воспитательной колонии в Краснодарском крае[4]. В 2016 году сформированные АУЕшниками подростковые банды, взимающие дань со сверстников якобы на «общак» для заключенных с лозунгами «Арестантско-уркаганское единство», выявлялись в Забайкальском крае.

В декабре 2016 года на заседании совета по развитию гражданского общества и правам человека его ответственный секретарь Я.В. Лантратова обратила внимание президента России В.В. Путина на проблему негативного влияния на детей и подростков тюремной субкультуры и назвала ее «угрозой национальной безопасности»[5].

В Челябинске 27 мая 2017 года на фестивале красок «Холи» подростки с криками «АУЕ» напали на сотрудников полиции, обсыпали краской их и служебные автомобили. Примечательно и то, что в этих массовых беспорядках активно участвовали как мальчики, так и девочки.

---

[1] В соответствии со ст. 60 Конституции Российской Федерации по достижении 18 летнего возраста гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полном объеме. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.

[2] Кузнецова назвала число задержанных на митингах несовершеннолетних / Международная информационная группа «Интерфакс». URL: https://www.interfax.ru/russia/746560 (дата обращения: 14.04.2021).

[3] См.: Козлова Н. Ребенка не вовлекать // Российская газета. 20.06.2020. № 117 (8171).

[4] Воднев А.Ю., Набиева Е.М. Криминологический аспект «АУЕ» в молодежной среде // NovaUm.Ru. 2018. № 16. С. 420-422.

[5] Путин пообещал рассмотреть меры по противодействию влиянию на детей тюремной субкультуры / Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». URL: https://tass.ru/obschestvo/3854196 (дата обращения: 14.04.2021).

В последующие годы для пропаганды криминальной субкультуры, его представители с целью вовлечения подростков в свои ряды стали активно использовать социальные сети и иные интернет-ресурсы, которые в своих названиях используют аббревиатуру АУЕ, или слова: «бандиты», «босота», «бродяга», «вор», «парни», «пацаны», «хулиган», «шпана» и т. п. Так, по ранее проведенным исследованиям в социальной сети «Вконтакте» подобные социальные группы имели от 2000 до 200000 подписчиков. Самая многочисленная группа «АУЕ. Молодежное движение» включала более 230 тысяч аккаунтов, после ее блокировки по решению суда основная часть подписчиков перешла на альтернативную площадку «Честь и достоинство» со 163780 подписчиками[1]. На май 2020 года только в одной из крупнейших российских социальных сетей насчитывается 39 тысяч групп АУЕ, в которых состоит более 6,5 миллионов пользователей[2]. По иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации 17 августа 2020 года Верховный Суд Российской Федерации принял решение о признании движения «АУЕ» экстремистской организацией.

Активный прозелитизм в целях вербовки потенциальных неофитов в экстремистские организации с псевдорелигиозной мотивацией происходит сегодня не только в Поволжье и Северо-Кавказском регионе, но распространился практически по всей стране. Неофиты представляют особенную ценность для радикальных религиозных течений. Они не выглядят подозрительно, их внешность и речь не привлекают внимание окружающих, они легко ориентируются в городах и населенных пунктах по основному месту жительства. При этом они особенно агрессивны к представителям иных религиозных и социальных групп, что является результатом их направленной психологической обработки со стороны вербовщиков.

Следует отметить, что существующая технология вербовки четко отработана и постоянно модифицируется с учетом особенностей, свойственных различным видам экстремистских сообществ. При этом наблюдается тенденция, когда новообращенные используются в качестве звеньев цепной реакции и сами активно включаются в агитационно-вербовочную работу.

В целях противодействия вовлечения молодежи в деструктивные организации и совершения ими действий экстремистского характера разработаны многочисленные методики. Спектр этих методик весьма разнообразен.

---

[1] Иванов А.В., Козлов В.Е. Феномен улично-криминальной субкультуры «А.У.Е.» среди молодежи в Республике Татарстан // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 205–208.

[2] Седов В. В России запретили движение АУЕ. // Сайт «Лента.ру». URL: https://lenta.ru/brief/2020/08/17/aue (дата обращения: 14.04.2021).

В стратегическом плане они направлены на улучшение социальной среды в целом и создание в ней конструктивного взаимодействия общества и молодого поколения по реализации социально значимых проектов и получению ими реального опыта эффективного решения социальных проблем.

В текущем (тактическом) плане это комплексы мероприятий по применению максимально результативных мер обеспечения безопасности молодого поколения, развития у них навыков критического мышления, умения оценивать возможные риски и противодействовать деструктивным манипуляциям по вовлечению к участию в протестных акциях, а также по стимулированию разными средствами у молодых людей позитивных эмоций от участия в реализации социально значимых проектов, от реального опыта решения молодежных проблем.

При этом следует учитывать фактор долгосрочности результата профилактической работы, поскольку непосредственная общая и индивидуальная профилактика не всегда сразу дает ожидаемый эффект.

В связи с этим необходимо при выстраивании системы такой деятельности опираться также на методы и формы работы, которые опосредованно оптимизируют и среду, и личность.

Важным аспектом является учет психологических особенностей молодежных групп, которые находятся в кризисном возрасте физического, полового и социального созревания.

Все потенциальные угрозы для современной молодежи становятся угрозами только при условии ее психологической уязвимости. Социально неблагополучные подростки могут оказаться в группах смерти, в экстремистских сообществах, стать жертвой вербовки радикальных исламистов, прийти в школу с оружием. Но если с самого начала формировать для молодого человека комфортную среду и вовремя выводить его из конфликтных ситуаций, то неразрешимых противоречий, которые приводят в деструктивные группы, попросту не возникнет. Поэтому социально-психологические процессы, происходящие с лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста, должны осуществляться во взаимодействии с различными специалистам: медиками, психологами, социальными педагогами и т. п.

Каждый может помочь решить подростку его проблемы, не дожидаясь, пока ему помогут те, чья помощь окажется бедой. Ведь можно сделать подростка счастливым просто пообщавшись с ним, поговорив по душам, объяснив, что в ненависти невозможно найти ответы на вопросы.

Достижение высоких показателей функционирования системы профилактики экстремистских и иных деструктивных проявлений в молодежной среде может быть обеспечено при эффективном нормативно-правовом и научно-методическом сопровождении данной системы, задача которой видится в снижении рисков вовлечения молодежи в экстремистскую, террористическую и иную деструктивную деятельность.

По нашему мнению эффективность работы по противодействию вовлечения несовершеннолетних в деструктивные организации и их

участию в экстремистской деятельности должна оцениваться не только количественными показателями проведенных мероприятий, но качественными изменениями в самой молодежной среде, о чем можно судить по следующим критериям:

– появлению у молодежи оптимистической и рефлексивной жизненной позиции;
– позитивному отношению к себе и окружающим другим;
– адекватной самооценке;
– ориентации на гуманистические ценности;
– готовности к дальнейшему саморазвитию и самовоспитанию.

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры
уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
полковник полиции

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ: ПРЕДЕЛЫ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РАСШИРЕНИЯ

Право на получение квалифицированной юридической помощи занимает особое место в системе субъективных прав в демократических государствах. Не случайно ему уделено достаточно внимания в международных правовых актах, закрепляющих стандарты в области защиты прав и свобод личности (например, п.п. b и d ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах[1], п.п. b и c ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2]). Российский законодатель имплементировал данные важные положения на внутригосударственном уровне, посвятив вопросам оказания квалифицированной юридической помощи конституционные установления и целый ряд отраслевых норм.

УПК РФ по сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР существенно расширил участие защитников в уголовном

[1] См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

[2] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судопроизводстве. При этом положения уголовно-процессуального закона в части создания надежных гарантий беспрепятственного осуществления адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве продолжают совершенствоваться, что выразилось в принятии в 2017 г. комплекса дополнений и изменений, внесенных федеральным законом № 73-ФЗ[1].

Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что существующей системы норм, регулирующих участие защитника в производстве следственных и процессуальных действий, явно не хватает. Это подтверждает дискуссия, развернувшаяся в юридической прессе по вопросу участия защитника при оформлении явки с повинной, порожденная законотворческой инициативой депутатов Госдумы А.В. Андрейченко, А.Б. Курдюмова, И.К. Сухарева, В.В. Сысоева и Д.Е. Шилкова, которые в январе 2019 г. представили в Государственную Думу проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2]. Данный законопроект был направлен на минимизацию давления на фактически задержанное лицо с целью добиться от него формальной явки с повинной. Пояснительная записка к указанному проекту № 631546-7 подчеркивает, что в современных правовых реалиях «…невозможно осуществить контроль за действиями сотрудников правоохранительных органов и обеспечить соблюдение конституционных прав граждан»[3] при оформлении явки с повинной под физическим или психическим давлением со стороны правоприменителей. Одним из действенных механизмов гарантирования добровольности явки с повинной разработчики законопроекта считали обязательное присутствие защитника при составлении протокола о явке с повинной или при даче заявления лица о явке с повинной, предлагая в качестве «запасного варианта» осуществление видеозаписи, когда лицо делает заявление о явке с повинной в отсутствие своего защитника.

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона // Паспорт проекта федер. закона № 631546-7 от 23.01.2019 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве). URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7 (дата обращения: 24.03.2021).

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федер. закона // Паспорт проекта федер. закона № 631546-7 от 23.01.2019 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве). URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7 (дата обращения: 24.03.2021)

Данная законодательная инициатива не нашла поддержки в профильном комитете Государственной Думы, специалисты которого считают, что действующее нормативное регулирование исчерпывающе регламентирует вопросы участия защитника в процедуре явки с повинной и устанавливает достаточные гарантии «защиты лица, в добровольном порядке сообщающего о совершенном им преступлении»[1]. При этом профильный комитет полагает, что введение обязательной видеозаписи «потребует дополнительного оснащения следственных органов и органов дознания средствами видеонаблюдения и повлечет затраты на техническое обслуживание указанных средств, что приведет к увеличению расходов, покрываемых за счет федерального бюджета»[2]. В связи с этим 2 декабря 2019 г. проект был снят с рассмотрения.

Очередная дискуссия развернулась вокруг проблемы участия защитника в получении образцов для сравнительного исследования[3]. Поводом для обсуждения этого непростого вопроса послужили правовые позиции Конституционного Суда РФ, зафиксированные в Определении от 23.07.2020 №1856-О[4]. Указанные правовые позиции нуждаются в отдельном анализе, что и будет предпринято нами в настоящей статье.

Конституционный Суд РФ, отказывая В.И. Самсонову в удовлетворении его жалобы на несоответствие конституционным установлениям существующего порядка участия защитника в производстве следственных действий, как позволяющего следователю получить образцы

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве): решение профильного комитета (Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) по проекту 631546-7 // Паспорт проекта федер. закона № 631546-7 от 23.01.2019 г. URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7 (дата обращения: 24.03.2021).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве): решение профильного комитета (Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) по проекту 631546-7 // Паспорт проекта федер. закона № 631546-7 от 23.01.2019 г. URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7 (дата обращения: 24.03.2021).

[3] См.: КС: Следователь вправе взять у обвиняемого образец для сравнительного исследования без адвоката. Заглавие с экрана // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-sledovatel-vprave-vzyat-u-obvinyaemogo-obrazets-dlya-sravnitelnogo-issledovaniya-bez-advokata (дата обращения: 24.03.2021).

[4] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 16, 47, 51 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 №1856-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489190.pdf (дата обращения: 26.03.2021).

для сравнительного исследования в отсутствие защитника уголовно-преследуемого лица, сослался на свое решение по жалобе К.В. Барабаша. Причем сослался, по нашему глубокому убеждению, некорректно, подчеркнув, что «… по смыслу ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 157, 164, 165, 182 и 183) требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, в том числе выемки, производство которой не приостанавливается и для явки адвоката (защитника)»[1].

Если применительно к выемке, о которой шла речь в жалобе К.В. Барабаша, доводы Конституционного Суда РФ о безотлагательности следственного действия видятся вполне резонными, то для ситуации с получением образцов для сравнительного исследования такая аргументация не подходит. Дело в том, что результативность выемки, когда она не носит добровольный характер, во многом предопределяется фактором внезапности. Безотлагательность данного действия очевидна – «ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств», как справедливо пишет высший орган конституционного нормоконтроля. Однако, что касается получения образцов для сравнительного исследования, то это действие не направлено на предотвращение «угрозы уничтожения (утраты) доказательств», т. к. оно не преследует цель получения и закрепления доказательств. Его предназначение – получить и удостоверить происхождение образцов, характеризующих то или иное человеческое существо как 1) биологическую особь (образцы слюны, волос, крови и т. д.) или как 2) члена общества (образцы почерка, образцы речи). Указанные образцы присущи данному человеческому существу, безотлагательность их получения не может быть объяснена природой самого данного следственного действия, т. к. лицо может представить образцы биологического происхождения в любое время, пока функционирует его организм. При этом желание самого субъекта для получения образцов биологического происхождения не требуется, т. к. организм воспроизводит соответствующие жидкости самопроизвольно. А вот образцы речи, походки, почерка являются результатом выработки динамического стереотипа, что требует осознанного волевого участия лица,

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 17.02.2015 № 415-О: определение Конституционного Суда РФ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предоставляющего образцы, для адекватного воспроизведения полученных навыков письма, речи, сформировавшейся походки.

Этим получение образцов для сравнительного исследования отличается от такого безотлагательного следственного действия, как освидетельствование, в ходе которого с тела человека могут быть получены следы контактного взаимодействия с окружающей средой (частицы грунта, строительных материалов), с участниками преступления (кровь потерпевшего, частицы его кожи), с орудиями преступления (следы выстрела). Эти уникальные объекты-следы невоспроизводимы, что обусловливает безотлагательность освидетельствования. Такие банальные с точки зрения криминалистики истины должны быть известны всем юристам, в особенности тем, которые выполняют важную государственную функцию в рамках конституционного нормоконтроля. С учетом этого полагаем, Конституционный Суд РФ некорректно сослался в комментируемом нами определении № 1856-О на безотлагательность производства такого следственного действия, как получение образцов для сравнительного исследования. Этой мнимой «безотлагательностью» КС РФ объяснил невозможность реализации «требования о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника)», что, по сути, неверно, так как получить образцы на час (или два-три) позже, но в присутствии защитника уголовно преследуемого лица – вполне выполнимая задача.

Закономерно возникает вопрос: а для чего, собственно, подозреваемый (обвиняемый) требовал участия защитника при получении образцов для сравнительного исследования? Ведь это же не допрос! Как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации в том же определении по жалобе К.В. Барабаша, «требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника)» распространяется на случаи, «связанные с дачей лицом показаний». По этой же причине (т. к. в ходе получения образцов показания не даются) Конституционный Суд Российской Федерации посчитал необязательным участие защитника в деле В.И. Самсонова. Здесь возникают явственные ассоциации с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, выраженными в решении по делу Саундерс против Соединенного Королевства: «Право не свидетельствовать против самого себя – это в первую очередь право обвиняемого хранить молчание. Как принято считать в правовых системах государств-участников Конвенции и в других странах, данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как то inter alia: изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного

покрова для проведения анализа ДНК»[1]. Следовательно, дача образцов (биологического происхождения) не нарушает привилегию против самообвинения, и на это следственное действие не распространяется охранительное воздействие ст. 51 Конституции РФ. Казалось бы, с учетом этого, позиция Конституционного Суда Российской Федерации в части необязательности участия защитника при получении образцов выглядит более-менее убедительно. Однако следует принимать в расчет, что, несмотря на то что в ходе анализируемого следственного действия не формируются показания как доказательства (для допустимости которых закон признает обязательным участие защитника – п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), уголовно преследуемое лицо в этот момент также нуждается в квалифицированной юридической помощи. Присутствие защитника – гарантия того, что с обвиняемым (подозреваемым) при получении образцов для сравнительного исследования не будут обращаться грубо, не станут нарушать его конституционные права, причинять ему боль или унижать (случаи незаконного воздействия на обвиняемых и подозреваемых сотрудников полиции широко известны общественности). Поэтому полагаем, именно исходя из данных мотивов, участие защитника в указанном следственном действии при требовании уголовно преследуемого лица должно быть обеспечено, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ (весьма противоречивую), выраженную в определении по жалобе В.И. Самсонова.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
начальник кафедры
теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор,
полковник полиции

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Как известно, права человека разнообразны по своему содержанию, довольно обширны, постоянно детализируются и расширяются, представляют собой достояние всех людей без какой-либо дискриминации. Права человека образуют целую систему, которая постоянно развивается и расширяется, дополняется новыми правами и детализирует уже существующие.

[1] Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 2 / под ред. проф. В.А. Туманова. М.: НОРМА, 2000. С. 314.

Довольно обширный пласт прав человека, с одной стороны значительно увеличивает возможности каждого по их реализации, но, с другой стороны, имеет ряд сложностей, обусловленных появлением новых видов прав, не находящих своего законодательного закрепления и требующих доктринального осмысления.

На сегодня доминирует теория о трех поколениях прав человека, которая сложилась на основе исторического развития общества и государства, обусловившее и эволюционирование соответствующего правового базиса, затрагивающего права человека.[1] Таким образом, в основе выделения универсальной концепции поколений прав человека лежит исторический аспект, что и обуславливает поэтапно появление одних прав человека за другими. Автором данной концепции является чешский, а в последующем французский юрист, директор Отдела прав человека и мира ЮНЕСКО Карел Васак[2], который в ее основе также использовал и лозунги Великой французской революции: «свобода, равенство, братство». Предложенная концепция, по мнению исследователей, в упрощенной форме отображает довольно сложный период развития прав человека, но представляет возможность на основе данного подхода создать систему развития прав человека[3].

Первое поколение прав человека, как известно, это личные (гражданские) и политические права, закрепленные в законодательных актах Англии, США и Франции XVII и XVIII веков. Второе поколение включает в себя социальные, экономические и культурные права, которые отражены в международных документах и на национальном уровне. Третье поколение прав человека или коллективные права (хотя существуют и иные подходы)[4], предполагает собой право на мир, благоприятную окружающую среду, равноправие народов и др. Данное поколение прав человека нашло свое закрепление в основополагающих документах международного сообщества, принятых после Второй мировой войны.

Несмотря на всеобщее принятие разработанной концепции трех поколений прав человека, тем не менее со временем, в силу социально-

---

[1] Кожура Н.А., Соболев Д.В. К вопросу о соматических правах человека // Научно-практические исследования. 2020. № 1-2 (24). С. 62.

[2] Лебединская А.С., Тишаков М.П. Четвертое поколение прав человека: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров (Симферополь, 26 апреля 2019). Симферополь, 2019. С. 434.

[3] Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений прав человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 14. С. 123.

[4] Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения права человека в эпоху цифровых технологий // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 16.

экономического развития общества, появления новых прав человека возникла потребность в ее дополнении и развитии. Особенно актуализировались данные процессы в новом тысячелетии, появились потребности в выделении четвертого поколения прав, критерии которого еще не очерчены[1], что, конечно же, порождает все новые дискуссии. Тем не менее, основная полемика разворачивается о выделении информационных и соматических прав человека в качестве следующего поколения.

Однако в отечественной политико-правовой теории в качестве нового поколения также выделяют различные права. В частности, информационные, соматические (от греч. soma – тело) права[2], духовно-нравственные права[3], экологические, биотехнологические права[4]. Указанный перечень не является исчерпывающим, постоянно расширяется и детализируется.

Перспективы признания прав нового (четвертого) поколения требуют своей теоретической обоснованности и практической реализации. Судя по предложенным вариантам, следует отметить тенденции сближения права с другими отраслями знаний (биотехнология, медицина, экономика, информационные технологии и др.).

Ввиду такого множества подходов, активных попыток обоснования «определенного» пласта правил в качестве нового поколения, их закрепление на законодательном уровне в различных государствах, наличие судебной практики, в том числе и международного характера все более указывает на значимость и актуальность выделения четвертого поколения прав человека. Неспроста, указывают исследователи, данная идея еще не является общепризнанной, так как ни одна из точек зрения не получила массового признания, в том числе и по причине отсутствия полноценной базисной аргументации[5].

---

[1] Семерикова П.В. Быть ли четвертому поколению прав человека? // Синергия наук. 2018. № 28. С. 915.

[2] Лебединская А.С., Тишаков М.П. Четвертое поколение прав человека: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров (Симферополь, 26 апреля 2019). Симферополь, 2019. С. 435.

[3] Ивентьев С.И. Четвертое и пятое поколение прав человека как основа духовного и нравственного возрождения человечества // V Забайкальские рождественские образовательные чтения: материалы научно-практической конференции (Чита, 9–11 декабря 2015), Чита, 2016. С. 120–121.

[4] Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения права человека в эпоху цифровых технологий // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 18.

[5] Пятнов А.С. Зарождение, эволюция и современное состояние идеи четвертого поколения прав человека // Современность в творчестве талантливой молодежи: сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых (Иркутск, 23 марта 2016), Иркутск. 2016. С. 174.

Потребность в выделении четвертого поколения прав человека уже очевидна для юридического сообщества, что даже порождает выдвижения пятого и даже шестого поколения прав человека. Тем не менее, появлением нового поколения прав человека является их всеобщее признание, отображение данного факта путем закрепления на международном уровне, с закреплением данного перечня прав[1].

Множество точек зрения, в рамках предмета исследования объективно не позволяют до настоящего времени выделить одну из них или говорить о доминировании одной позиции. Тем не менее, среди различных взглядов по поводу четвертого поколения прав человека наиболее проработанными и реализуемыми являются два основных подхода. Один из которых предполагает отнесение к новому поколению прав человека комплекс прав, связанных с правом на информацию, и информационные технологии, второй – с открытиями в области биологии, развития биотехнологии[2].

В первую очередь рассмотрим информационные (коммуникационные, цифровые, виртуальные) права, которые претендуют на статус четвертого поколения в силу активного развития информационных технологий. К тому же, они все более расширяются и находят свое закрепление на законодательном уровне, отражаются в правоприменительной практике.

Среди научного сообщества до сих пор идет активная полемика, каким же образом называть данную группу прав в сфере информационно-телекоммуникационных технологий – информационные, коммуникационные, виртуальные или цифровые. Наиболее приемлемым, как с теоретической, так и практической точки зрения, по нашему мнению, данные права следует обозначить в качестве «цифровых прав», учитывая, что данная норма в 2019 году нашла свое закрепление на законодательном уровне – ст. 141[1] Гражданского кодекса Российской Федерации, имеющая одноименное название.

Цифровые права являются результатом так называемой четвертой индустриальной революции. Базовым среди данной группы вполне закономерно называют право на доступ к Интернету в силу производности от него остальных прав. Однако данное право не получило однозначного

---

[1] Лебединская А.С., Тишаков М.П. Четвертое поколение прав человека: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров (Симферополь, 26 апреля 2019). Симферополь. 2019. С. 435.

[2] Белованс Е.В. К вопросу о правах человека четвертого поколения // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Иркутск, 21 мая 2019), Иркутск, 2019. С. 38.

признания на национальном уровне среди большинства государств[1], на международном уровне также не все так тождественно, хотя позитивные тенденции уже наблюдаются.

Широкие возможности интернет-пространства, всеохватывающая цифровизация, кроме значительных благ, несет в себе и риски распространения личных данных, нарушения тайны переписки, личной жизни, обуславливает появление новых видов преступлений. Закономерно, что цифровизация многих сфер общественной жизни порождает переосмысление и пересмотр уже существующих прав человека, ставит перед государством задачу не только признания, но и защиты цифровых прав и свобод человека и гражданина.

Стоит подчеркнуть, что цифровые права не сводятся только к доступу в Интернет, а предлагаются целый комплекс прав, позволяющих человеку реализовать себя как свободную личность в киберпространстве[2]. О значимости данной проблематики указывается высшими должностными лицами государства, особенно актуализировались данные вопросы в период пандемии новой коронавирусной инфекции.

Следует также отметить, в рамках рассматриваемого пласта потенциальных прав нового поколения и право на забвение, предоставляющего возможность человека требовать от поисковых сервисов удалить из выдачи ссылки на страницы с его персональными данными. Данное право еще в 2014 году было закреплено Судом Евросоюза после того, как мужчина, погасивший долг, обнаружил свои данные в поисковом запросе Google[3]. Вследствие судебного разбирательства суд обязал Google удалить все ссылки, содержащие имя бывшего должника[4]. Кроме того, в практике Европейского суда по правам человека также активно рассматриваются споры, связанные с ограничениями и нарушениями цифровых прав[5]. На существующую российскую судебную практику, в частности и постановления

---

[1] Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды института государства и права Российской академии наук. 2019. № 4. С. 22–23.

[2] Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения права человека в эпоху цифровых технологий // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 18–23.

[3] Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2014. № 9. С. 22–23.

[4] Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Новое поколение прав человека и их конституционное развитие // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования: сборник научных трудов, М. 2019. С. 80.

[5] Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения права человека в эпоху цифровых технологий // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 21.

Конституционного Суда Российской Федерации, указывают отечественные исследователи[1].

Такие случаи все более актуализируют вопросы закрепления данных прав на законодательном уровне, а не только с помощью решений судебных органов. Кроме того, положения ч. 1 ст. 55 Конституции РФ позволяют это реализовать, что также общепризнано и в международной практике.

Кроме цифровых (информационных), наиболее потенциальными правами четвертого поколения являются соматические права человека, в качестве таковых рассматриваются: право распоряжаться своей жизнью, телом, право на смерть, репродуктивные права и др.[2] Это права, которые непосредственно связанные с человеческим организмом. Текущая международная и отечественная судебная практика по поводу данной группы прав активно развивается и дополняется, особенно это касается трансплантации органов и тканей человека[3], что в последующем создает и обуславливает законодательные органы более активизировать свою деятельность в обозначенном направлении. Большинство государств уже пришло к выводу, что защиту своих граждан может обеспечить эффективно лишь само государство поэтому государствам необходимо более активно принимать участие в закреплении новых прав человека, предоставлении возможностей и дополнительных гарантий по их реализации.

Поддерживая позицию исследователей, отметим, что информационные права все же являются первичными по отношению к соматическим. Так как последующее развитие общественных институтов все же более зависит именно от уровня информационного оснащения, особенно это касается инновационных медицинских средств[4]. С практической точки зрения, подтверждением данного тезиса являются вызовы последнего времени, связанные с пандемией коронавируса. Таким образом, значимость всеобщего признания нового – четвертого поколения прав

---

[1] Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды института государства и права Российской академии наук. 2019. № 4. С. 28.

[2] Анисимов Н.Н. Новое поколение прав человека: реальное развитие и фикции // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 13 декабря 2019), Чебоксары, 2019. С. 239.

[3] Алешкова И.А., Молокаева Х.О. Новое поколение прав человека и их конституционное развитие // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования: сборник научных трудов, М. 2019. С. 77–78.

[4] Лебединская А.С., Тишаков М.П. Четвертое поколение прав человека: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров (Симферополь, 26 апреля 2019). Симферополь, 2019. С. 436.

человека, все более актуализируется как в теоретическом, так и практическом аспекте. Наиболее оптимальным вариантом является признание в качестве четвертого поколения прав человека – цифровых (информационных) прав, с закреплением таких базовых прав на международном уровне, что откроет дальнейшие возможности по его расширению и реализации вопроса о следующем поколении прав человека на основе полученного опыта.

Киреев Михаил Павлович,
профессор кафедры
управления органами внутренних дел
в особых условиях Академии управления МВД РФ,
доктор юридических наук, профессор,
полковник милиции в отставке

Литвинов Николай Дмитриевич,
руководитель Экспертного центра
«Национальной Безопасности»,
доктор юридических наук,
полковник милиции в отставке

Мартынов Александр Николаевич,
генерал-майор юстиции в отставке

ГЕНЕЗИС ПРАВОСЛАВНО-ИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

На стыке XX-го и XXI-го веков Россия превратилась в объект и территорию международной гибридной войны. Все это сопровождается невиданным всплеском коррупции, этнического национализма, антигосударственного терроризма, вымиранием значительных слоев населения, вовлечением молодежи, прежде всего Северного Кавказа, в международные террористические организации. Международная террористическая организация «Исламское государство» включило Северный Кавказ в «свою территорию» в качестве провинции «Вилаят Кавказ». Основная часть участников подполья гибридной войны «Имарат Кавказ» принесла присягу на верность лидеру Исламского государства. Несколько тысяч молодежи из республик Северного Кавказа ушли в Сирию воевать в составе «Исламского Государства» против структурных

подразделений Вооруженных сил России[1]. Основным объектом и участником этих процессов является молодежь Северного Кавказа.

В основе гибридных войн и антигосударственного терроризма всегда лежит экстремистская идея. Она формулирует цель, достижение которой возможно только путем террора. Она освобождает последователей от чувства вины за совершение самых тяжких преступлений. Ибо преступления совершаются «не корысти ради», не в личных, корыстных интересах преступника, а ради идеи! К примеру Великая Французская революция проходила под лозунгом «Свобода! Равенство! Братство!». Для реализации этого лозунга надо было полностью изменить политический режим государства, форму государственного правления, уничтожить всю государственную и этническую элиту, изменить правовое регулирование. В странах Европы, а затем и в России, в большом ходу были экстремистские идеи: о праве наций (народов) на самоопределение, социализма, коммунизма, прав человека и др.

В развитии мятежнического и террористического движения в Российской империи активно использовались религии. Религиозные идеи на протяжении веков обладают громадной целеформирующей и организационно объединяющей силой. В основе религиозной идеи лежит учение, изложенное в основном религиозном трактате данной религии. Соответственно, идеологи использования религии для развития терроризма действуют якобы от имени Божества. Каждая религия имеет свои организационно-базовые центры, храмы, костелы, монастыри, мечети, синагоги, куда по собственной воле приходят верующие люди. Здесь они подвергаются грамотной информационно-идеологической обработке профессиональными идеологами, священниками. Каждая религия имеет свой «объект ненависти и экстремизма». Как правило, это люди иной веры «неверные».

К примеру, разделение Европы и России по религиозному принципу началось «с IX века… С этого момента, если не раньше, продолжается взаимная демонизация двух цивилизаций, двух культур – восточной и западной – в рамках одного, некогда единого христианского романо-германского мира»[2]. После раздела стран и народов по линии Запад-Восток, Россия стала объектом ненависти католического Запада. Как пишут современные Российские исследователи, «католики были в этом плане более агрессивными, они называли нас восточными схизматиками, по сути, еретиками, а с еретиками разговор короткий. Если бы не наша

[1] См. Юсупов Т. Кавказ объявлен вилаятом Исламского государства. URL: http://onkavkaz.com/news/80-kavkaz-objavlen-vilajatom-islamskogo-gosudarstva.html (дата обращения: 29.03.2021).

[2] Александр Дугин: «Даже если мы упадем на колени, нам засобачат сапогом в лицо». URL: http://kolokolrussia.ru/geopolitika/aleksandr-dugin-daje-esli-m-upadem-na-koleni-nam-zasobachat-sapogom-v-lico (дата обращения: 19.04.2021).

сила и наше могущество, способность отстаивать свою истину, они просто подчинили бы нас себе»[1].

Россия изначально строилась на принципах веротерпимости. Московское княжество, расширяя свои границы, включало в свой состав территории и народы с разной религией, в том числе и мусульман. Ни на законодательном, ни на бытовом уровне не вводились какие-либо ограничения по религии. Это особо подчеркивали посланники Руси при установлении дипломатических отношений с иностранными державами.

Например, в 1584 г. Москва направила в Стамбул «посланника Благова». Он должен был проинформировать «турецких пашей» об отсутствии ограничений для ислама на территории Московского княжества, что исламская вера «на русской территории нигде не притесняется»[2]. Турецкие эмиссары, прибывшие в Россию, убедились в правдивости информации.

В своде законов Российской империи говорилось, что, «все, присягая царю на верность подданства на кресте и Евангелии или по своей вере и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания»[3]. Таким образом, Российская империя, изначально, строилась на законах веротерпимости и равноправия всех религий.

И даже в период многочисленных русско-персидских и русско-турецких войн русские солдаты не испытывали неприязни к исламу и к мечетям. Они не грабили и не разрушали исламские мечети. В истории приводится пример, когда в период очередной русско-персидской войны (1826–1828) командующий персидскими войсками Гассан-хан, проиграв сражение, хотел «предать огню знаменитый Эчмиадзинский монастырь». На что «один из старейших беков бросил горький упрек ему: «Сардарь, русские два раза были в Эриванском ханстве, два раза терпели поражение, но, уходя назад, никогда не оскорбляли магометанской святыни»[4].

В то же время мятежническая деятельность против самой России нередко развивалась на основе религий. В Европейской части России наиболее активно для борьбы с Россией использовалась католическая религия. На территории Царства Польского «все образование и интеллектуальная жизнь находились под контролем католической

---

[1] Александр Дугин: «Даже если мы упадем на колени, нам засобачат сапогом в лицо». URL: http://kolokolrussia.ru/geopolitika/aleksandr-dugin-daje-esli-m-upadem-na-koleni-nam-zasobachat-sapogom-v-lico (дата обращения: 19.03.2021).

[2] Процесс исламизации. Конфессиональные особенности Северного Кавказа. URL: http://iamruss.ru/protsess-islamizatsii-konfessionalnye-osobennosti-severnogo-kavkaza/ (дата обращения: 19.03.2021).

[3] Там же.

[4] Там же.

церкви»[1]. Католические учения активно использовались священниками католической церкви для подготовки вооруженных восстаний на территории Царства Польского, в первую очередь для мобилизации молодежи на участие в вооруженных восстаниях. К примеру, при подготовке польского восстания 1863–1864 годов основным подстрекателем выступило католическое духовенство. Представитель католической церкви ксендз Микошевский не только вошел в состав Временного национального правительства, но и осуществлял контроль за его деятельностью.

Для подготовки восстания на территории Царства Польского создавались католические штабы на базе костелов и монастырей. Как отмечают современные исследователи, «январскому восстанию предшествовал длительный и очень напряженный период религиозно-политических манифестаций, начало которому было положено духовенством. Костелы и монастыри превратились в духовные центры оппозиции. Именно здесь стали собираться все сочувствующие национальному движению для пения гимнов патриотического содержания. Очень скоро эти собрания стали носить массовый характер»[2]. Наиболее активно в подготовку восстания вовлекалась молодежь, в том числе студенты Российских вузов, молодые офицеры-католики. Католические «монастыри превращались в штабы, а позднее – в оружейные склады повстанцев»[3]. Католические ксендзы и монахи входили даже в состав карательных подразделений «жандармов-кинжальщиков» и «жандармов–вешателей», где осуществляли адресные убийства[4].

С XV-го века началось активное проникновение России на Кавказ. Инициаторами «вхождения России в Кавказ» выступили местные цари и владетели-феодалы. Кавказ был зоной жизненно важных интересов для Персии и Турции, которые разделили Кавказ на зоны влияния. Турки не столько сбывали на Кавказе товары турецкого производства, сколько вывозили значительное количество рабов, мальчиков и женщин для торговли на сексуальных рынках Турции и Ближнего Востока. Поэтому борьба за овладение Кавказом происходила вначале, между Ираном и Турцией. А затем уже, когда Россия появилась на Кавказе, начались

---

[1] Польша против Российской империи: история противостояния / сост. Н.Н. Малишевский. Минск. 2012. С. 485.

[2] Щеголев С.И. Католическая церковь в национально-освободительной борьбе 1860–1864 гг. в Царстве Польском. Автореферат…исторических наук. С. Петербург. 1999. URL: http://cheloveknauka.com/katolicheskaya-tserkov-v-natsionalno-osvoboditelnoy-borbe-1860-64-godov-v-tsarstve-polskom (дата обращения: 19.03.2021).

[3] Польша против Российской империи: история противостояния / сост. Н.Н. Малишевский. Минск. 2012. С. 470.

[4] См. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Щербатых И.М. Польское вооруженное восстание 1863–1864 гг. как спецоперация гибридной войны Запада // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 40–67.

Русско-персидские и Русско-турецкие войны снова же за Кавказ. Кавказ обладал мощнейшими криминологическими особенностями, (такими как) «набеговое производство», криминальный образ жизни горских племен и этносов. Противостоять набеговому производству не могли даже крупные ханства и царства. Вот почему, начиная с XV века, началось обращение царей и феодалов к России с просьбой о защите от криминальных набегов соседних племен.

При появлении на Кавказе Россия столкнулась с самыми разными верованиями горских этносов. Здесь были: древние верования, тотемизм, идолопоклонство и язычество, христианство, ислам[1].

Как ни парадоксально, но на Кавказе оказалось много материальных следов существовавшего ранее христианства. Христианство на Кавказе появилось за несколько веков до крещения Руси. Как отмечали дореволюционные исследователи; «христианство в прежние времена было несколько более распространено на Кавказе, чем ныне, что показывают многочисленные памятники его, встречающиеся у чеченцев, сванетов, абхазцев, а также в областях, занятых грузинскими народностями»[2]. Например, на восточном берегу Кумбалея в 40 верстах от устья, на территории ингушей, находился камень в форме параллелепипеда, высотою в 7 футов. Местное население называло его «памятником трем всадникам». На одной из граней были выбиты фигуры трех всадников, а на другой стороне - высеченное изображение фигуры Георгия Победоносца, убивающего змея. Григорий Победоносец был покровителем грузин[3].

Как отмечают исследователи, христианство греческого образца стало появляться среди народов Северного Кавказа уже с VI века. В 526 году была создана Зихская епископия. В X веке в верховьях Кубани была образована Аланская епископия[4].

И. Бларамберг, к примеру, называет разные даты обращения многих горских этносов в христианство. Со ссылкой на византийских историков он утверждает, что «кавказские аланы были обращены в христианство и что у них был свой епископ». Но потом, в 932 году, «они отказались от христианства, выгнали епископов и священников, которых им прислали из Греции»[5]. В другом месте он говорит, что осетины были обращены в

---

[1] См. Мизиев И.М. Джуртубаев М.Ч. История и духовная культура Карачаево-Балкарского народа. Нальчик. 1994. С. 108–111; Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания. Чечня и Россия: общества и государства. М. 1999. С. 41.

[2] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз. И.А. Ефрон. Т. XIIIа. СПб. 1894. С. 840.

[3] См. Бларамберг И. Указ. соч. С. 363.

[4] См. Киевская Русь и Северный Кавказ. Документальная история образования многонационального государства Российского. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М. 1998. С. 14.

[5] Бларамберг И. Указ. соч. С. 221.

христианство греческого толка после того, как Осетию, как и всю территорию от Черного до Каспийского морей, захватили войска царицы Тамары (1171–1198).

Таким образом, христианство на Кавказе было развито задолго до зарождения ислама. Россия, «входя на Кавказ», не стремились возрождать христианство там, где оно было ранее, не стремилась восстанавливать древние христианские храмы. Одновременно не вводились никакие ограничения для распространения ислама. На Кавказе России ислам существовал наравне с православием[1].

Отдельные исследователи связывают распространение ислама на доисламских территориях с использованием с набегового производства.

Когда Россия пришла на Кавказ, она столкнулась с набеговым производством как формой «экономики». Высокогорное население не знало никакого иного производства, кроме набегов на население предгорий и равнин. В том числе русское население, которое вплоть до Ростова становилось объектом набегов горских бандформирований. Для организации набегов, формирования конных отрядов не требовалось идеологическое обоснование, это были обычные формы получения прибыли. В 30-е годы XVIII века генерал-лейтенант Румянцев А.И. пытался вести переговоры с горскими старейшинами в Дагестане о прекращении набегов. На что старшины горских аулов объяснили русскому генералу, что «воровство и грабеж, наши занятия, так же, как ваши соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, и если мы оставим их ремесло, как того требуют русские, мы погибнем от голода»[2].

---

[1] Интересный пример о положении ислама на русских территориях оставил В. Немирович-Данченко. Вот рассказ горца – русского военного разведчика. Его захватили лезгины, идущие на газават и готовятся казнить. Но они хотят выяснить, как и почему он стал предателем, стал служить русским. И горец рассказывает. «Мне было десять лет, когда меня привезли в Тифлис аманатом. Когда мы ехали в заложники, наши матери оплакивали нас. Они думали, что нас зарежут на главной площади перед идолами! Прости им, Аллах, их невежество! В лучшем случае родные предполагали, что нас заставят молиться их Богу и перейти в их веру. Что же мы увидели? На Майдане, вся изукрашенная, стоит наша мечеть, другая на Авлабаре, третья - посреди русского города. Муллы почтенны, как и их священники. Ни в семье, где я жил, ни в школе, где я учился, никто не корил меня моей верой, никто не говорил о том, что русская лучше. Я ни разу не слышал предложения изменить Аллаху и его пророку, да будет имя его священно во веки веков! Я видел, что русские содержат школы для мусульман и имамы в них невозбразнно учат детей нашему закону. Я видел, что в войсках у русских служит много магометан и никто не делает разницы между ними и христианами. Я видел татар между генералами, мусульман-начальников, строго командовавших офицерами-христианами, и тогда впервые я понял, что такое русская власть, и научился уважать ее. Уезжая домой, я плакал. Когда я вернулся в горы, мне показалось, что я попал в ад» (Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости. С. 84)

[2] Каспари А.А. Покоренный Кавказ. М. 2016. С. 131.

Исследователи Кавказа XIX века также объективно оценивали горские набеги. Исследователь немец И. Бларамберг говорил о горцах, что «захват - их единственное занятие, единственный способ добыть одежду и оружие». Подобные формы «производства» он выводил это из географических особенностей места жительства, из неразвитости производства, из невозможности в этих условиях удовлетворить бытовые потребности. «Почва их гор обеспечивает их лишь скудной пищей, а их стада дают шерсть для грубых тканей, но горец хочет иметь: длинное ружье, украшенное серебром, платье, обшитое галуном, хочет купить красивую девушку, которая станет его женой, и хочет пить водку и бузу. А так как желает этого человек по натуре храбрый, привыкший с колыбели во всем себе отказывать, к тому же нищий и скупой, то он присваивает себе все то, что может захватить»[1].

Идеологическое обоснование набегов с использованием ислама началось в конце XVIII века. Организатором в использовании ислама в борьбе с русскими выступил шейх Мансур, он же итальянец Боэти, направленный Турцией для подстрекательства горских этносов на борьбу с Россией. Он использовал религиозный фактор для обоснования горских набегов на русские крепости. Шейх Мансур внедрял в сознание горского населения идею о газавате, что давало идеологическое обоснование набегов и повышало их организованность. Цель же при этом преследовалась совершенно иная – изгнание русских с Северного Кавказа и защита турецких интересов.

Как отмечают исследователи, шейх Мансур «явился, по всей вероятности, первым предводителем на Кавказе, провозгласившим объединение на религиозной основе как метод борьбы против оккупации Кавказа Россией. Он дал им (племенам – авт.) понять, что лишь через религиозную реформу пролегает единственный путь сохранить их драгоценную свободу и независимость, и этим он создал основу будущего союза и того грандиозного движения горцев - мюридизма, которое потом в течение столетия, год за годом, десятилетие за десятилетием подтачивало могущество России»[2].

Следующий многолетний этап войны горских этносов с Россией также был связан с использованием ислама. Организатором принудительного распространения ислама среди горских этносов Дагестана и использования его для организации мятежей стал Гази-Мулла. Он использовал зарубежные, «Восточные» учения суфийского ордена Накшбандийа и мюридизма для принудительного распространения ислама

---

[1] Бларамберг И. Указ. соч. С. 28.

[2] Мухадин Кандур. Мюридизм. История Кавказский войн. 1819–1859. Нальчик. 1996. С. 50. (Шейх Мансур провел несколько крупных вооруженных стычек с русскими войсками и почти всех их проиграл. В конечном счете будучи разбитым на территории Чечни, он бежал к туркам. Но и там его достали русские. Шейх Мансур оказался в русском плену и был отправлен в столицу империи, С. Петербург. Письма русской императрице с просьбами о помиловании шейх Мансур писал на итальянском языке).

среди горского населения. Разрабатывая идеологические основы мятежа на основе мюридизма, он сформировал и «образ врага»[1]. «В конце 1829 года, собрав вокруг себя всех представителей соединенных им народов, он объявил им: «Бог послал меня спасти вас... Во имя Его и Его Пророка призываю вас к газавату. Газават – русским, газават – всем, кто забыл веру и шариат»[2].

То есть в объект ненависти мюридов превращались русские, как представители иной национальной и религиозной принадлежности, и соплеменники, горское население, «кто забыл веру и шариат». Особенность последнего объекта состояла в том, что ислам в этом ханстве был развит слабо. А о шариате не знали даже местные владетели. Именно горские владетели обращались к России с просьбами о помощи и о защите от военных набегов Персии, Турции, криминальных набегов соседей. Местные владетели были включены в систему местного управления, получали должностные оклады и деньги на содержание владетельств. Естественно, они не хотели поддерживать подстрекательские призывы Гази-Муллы, воевать с русскими. А потому были превращены в объект уничтожения[3]. «Истинные магометане, – говорилось в призывах мюршида Хаджи-Исмаила, – не могут быть под властью неверных, потому что присутствие их заграждает путь к престолу Аллаха. Молитесь и кайтесь, но прежде всего ополчитесь на газават – без него один шариат не приведет к спасению»[4]. В данном случае понятие «неверные» относилось в значительной мере к местным владетелям.

Начиная с Гази-Муллы, ислам активно использовался в подстрекательстве горцев к мятежу. Суфийский орден Накшбандийа, мюридизм и учение о тарикатах не были Кавказскими структурами и идеологиями. Исследователи Кавказской войны пытались понять целеформирующую и организационно объединяющую функции ислама. Христианские заповеди: не убий, не обмани, не укради противоречили самому образу жизни горских этносов, для которого грабежи были формой жизни. Но значительные слои горского населения восприняли ислам, который обосновывал их право на грабежи и убийства «иноверцев». К числу которых относились и русские, и местные «богатенькие буратино». Исследователи пришли к выводу, что «исламизм берет

---

[1] Перевернутый мир бесконечной войны / Родина. 1994. № 3-4. С. 22.

[2] См. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М. 2001. С. 57.

[3] Стремление Гази-Муллы превратить местных феодалов-владетелей в объект уничтожения натолкнулось на противодействие значительной части горского населения. По словам В. Дегоева, призыв Гази-Муллы «свергнуть законную власть шамхалов за то, что они…плохие мусульмане», привел горцев в смятение. «Уверенность горцев преступном характере этой затеи удержала многих из них от присоединения к имаму, заметно ослабив его социальную базу в Дагестане» (Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 63).

[4] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М. 2001. С. 41.

человеческую природу, как она есть со всем ее светом и со всею ее грязью, благословляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение, умственное и невозмутимое довольство самим собою. Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает вновь, чему примером служит Кавказ. Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы - разнузданности страстей, зверства, фанатизма»[1].

На наш взгляд, наблюдается недооценка и недопонимание роли мюридизма в истории Северного Кавказа. Мюридизм на Кавказе чаще всего рассматривается, как идеология мятежнического движения, под руководством Гази-Муллы, Хамзат бека, имама Шамиля[2]. Между тем, мюридизм – это революция в горах, это смена политических режимов, формы правления этносами. В ходе мятежнического движения Гази-Мулла ликвидировал десятки местных ханов, осуществлявших управление подконтрольными этносами. Одновременно менялось правовое регулирование жизни горских этносов; на смену горским адатам насаждался шариат. Правоприменительная практика по горским адатам принадлежала местным владетелям: ханам, уцмиям, иным феодалам. Правоприменительная практика по шариату переходила к муллам и кадиям. Тем самым горские феодалы лишались и рычагов воздействия на местное население, и доходов от вынесенных приговоров. Все это переходило к служителям ислама. Что резко, за короткий промежуток времени, повысило роль ислама, и ослабило роль местных владетелей, взаимодействовавших с Российской военной администрацией. Ислам оказался востребованным даже там, где не было местных владетелей у чеченцев.

На наш взгляд, в исторической литературе наблюдается недооценка роли имама Шамиля на Северном Кавказе. Он рассматривается чаще всего как организатор и лидер мятежнического движения на основе ислама. Между тем имам Шамиль произвел революцию в горах: он заложил основы государственности среди тех этносов, которые никогда не знали государственности и даже не имели этнической элиты. В горах, среди горских племен, не знавших даже власти вождей, Шамиль создал теократическое государство тоталитарного характера, имамат. Создал органы государственного управления, вооруженные силы, полицию, суды, ввел налогообложение и пр. Как писал американский исследователь Джон

[1] Фадеев Р.А. Кавказская война. М. 2003. С. 39.
[2] См. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. М. 2016. С. 308.

Мильтон Макки, Шамиль «организовал такое общество, в котором все эти разнородные элементы были приведены к гармонии. Там, где раньше были племена, теперь существует Государство; там, где раньше было множество воинственных предводителей и наследственных вождей кланов, теперь - один верховный правитель; обычаи и традиции сменила власть закона и порядка…»[1].

После подавления мятежнического движения и ареста имама Шамиля имамат прекратил свое существование. Но горское население уже знало, что такое государство, как оно функционирует, какие обязательства налагает на своих подданных. Что значительно облегчило установление Российской государственности в горах.

Несмотря на то, что Кавказские мятежи под руководством Гази-Муллы, Хамзат бека, имама Шамиля проходили на основе ислама, в России не вводилось никаких ограничений по исламу. Крымско-татарский просветитель И. Гаспринский после поездок по Европе так оценивал положение мусульман в России: «Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы»[2].

Прекращение Кавказской войны положило начало мощнейшей цивилизаторской политике России среди горских народов Кавказа. Но прекращение Кавказской войны не привело к прекращению международных геополитических битв за Кавказ, которые принимали самые разные формы. Кавказ продолжал оставаться зоной геополитических интересов Турции, Англии, Франции, Германии. Турция разработала идеологическое учение, панисламизм, которое активно насаждалось среди исламского населения в России. Суть этого учения состояла в объединении российских мусульман под эгидой Турции.

После распада Российской империи применительно к Кавказу были многочисленные попытки построения «Горских федераций». Естественно, под контролем Турции и Запада. Затем родилась идея построения «Кавказского дома». Вопросы построения «Кавказского дома» активно обсуждались в Грозном 4-5 сентября 1992 г.[3]. В настоящее время за установление влияния над Кавказом сражаются Европа, Турция, Иордания и др.

---

[1] Цит. По: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М. 2001. С. 94.

[2] Процесс исламизации. Конфессиональные особенности Северного Кавказа. URL: http://iamruss.ru/protsess-islamizatsii-konfessionalnye-osobennosti-severnogo-kavkaza/ (дата обращения: 19.03.2021).

[3] См. Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ / под общ. ред. Малашенко А. и др. М. 1997. С. 160–163.

Клименко Таужан Микаиловна,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
юридического института
Северо-Кавказской государственной академии,
доктор юридических наук

Тоторкулова Файзура Рамазановна,
магистрант
юридического института
Северо-Кавказской государственной академии

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОНЯТИЯ «МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ» И КРИТЕРИЕВ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Уголовный закон Российской Федерации всегда четко дифференцировал феномен «преступление», т. е. общественно опасное противоправное деяние, причиняющее либо создающее реальную угрозу причинения существенного вреда основным объектам уголовно-правовой охраны (по действующему Уголовному кодексу РФ – личности, собственности, обществу или государству)[1] от малозначительности деяний, посягающих нате же объекты[2].

Казалось бы, все закономерно – если есть, хотя бы, угроза причинения существенного вреда охраняемым Уголовным законом объектам, то деяние следует квалифицировать как преступление. Если же вред несущественный, то и само деяние малозначительно, т. е. оно не признается преступным. Однако если бы это действительно было так, то и у ученых, и у правоприменителей не возникало никаких вопросов. Однако дискуссии по поводу дефиниции «малозначительность деяния» и критериев ее определения на протяжении длительного периода времени являются актуальными. Более того, в последнее время данному институту уделяется все большее внимание, как со стороны законодательного органа, так и со стороны представителей судебных органов и органов исполнительной власти.

Рамки статьи не позволяют подробно проанализировать все точки зрения ученых на рассматриваемую проблему, поэтому остановимся только на наиболее актуальных, по нашему мнению, моментах.

И начнем, естественно, с законодательного отграничения преступления от иного правонарушения. Понятие и признаки

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: задачи УК РФ. Ч. 2. Ст. 2. М., 2021.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: понятие преступления. Ч. 2. Ст. 14. М., 2021.

преступления указаны в ч. 1 ст. 14 УК РФ, а в ч. 2 данной статьи обозначены признаки, отличающие преступление от иного правонарушения: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»[1].

Указанное определение ч. 2 ст. 14 УК РФ изложено в редакции Федерального закона от 25.06.1998 г. №92-ФЗ, но на момент принятия УК РФ 1996 г. оно имело несколько иной вид: «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, т. е. не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству»[2].

Практически то же самое определение, но тем не менее исключающее указание на объекты уголовно-правовой охраны (личность, общество или государство) вызывает обоснованные дискуссии по поводу целесообразности подобного изменения. И, более того, добавило дискуссий в части, как определения понятия (дефиниции), так и определения критериев «малозначительность деяния».

Можно согласится с позицией ученых, что действующая редакция ч. 2 ст. 14 УК РФ имеет ограничительное толкование, т. к. данная формулировка не позволяет определить степень индивидуальной общественной опасности конкретного противоправного деяния[3].

Так, на данный момент исследователи не пришли к единому мнению касательно правовой природы малозначительности деяния и ее критериев в уголовном праве.

Обобщая позиции ученых на правовую природу малозначительности деяния, в теории уголовного права можно выделить две основные точки зрения. Так, по мнению некоторых ученых малозначительность следует отнести к одним из обстоятельств, исключающих юридическую ответственность[4], другие, напротив, считают этот институт основанием для

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: понятие преступления. Ч. 2. Ст. 14. М., 2021.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: понятие преступления. Ч. 2. Ст. 14. М., 1996.

[3] См., например, Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис … канд. юрид. наук. 12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. М., 2019. С. 3 и др.

[4] См., например, Якименко Н.М. Оценка малозначительности деяния: учеб. пособие. Волгоград, 1987. С. 8 и др.

непривлечения лица к уголовной ответственности[1]. Отсутствие единой позиции исследователей, в свою очередь, неизбежно приводит и к проблемам при правоприменении.

Как известно, любая правовая норма, а особенно уголовно-правовая норма, должна быть единообразно изложена и удобна при ее правоприменении. К сожалению, российские нормативные правовые акты в настоящее время используют разные конструкции норм о малозначительности правонарушений, т.к. в одних из них обязывают компетентных лиц не привлекать виновного к уголовной ответственности, а в других – правоприменители наделены правом освобождать лиц от уголовной ответственности.

Мы также должны признать, что существуют определенные формы «малозначительности деяния», которые, хотя и являются незаконными в соответствии с законодательством, признаются международным гуманитарным правом.

Верховенство закона связано не только с правами человека, но и с демократией. Демократия связана с вовлечением людей в процесс принятия решений в обществе; человек права стремится защитить людей от произвольного и чрезмерного вмешательства своими свободами и защищать человеческое достоинство. Закон направлен на ограничение и независимый анализ осуществления публичных правонарушений. Верховенство закона способствует демократии, устанавливая подотчетность тех, кто наделен государственной властью, и защищая права человека, которые защищают меньшинства от правил произвольного большинства.

Контекстные элементы верховенства закона не ограничиваются правовыми факторами. Наличие (или отсутствие) общей политической и правовой культуры внутри общества и отношения между этой культурой и правовым порядком помогают определить, в какой степени и с какой степенью конкретности различные элементы верховенства закона должны быть четко изложены в писаном законе. Так, например, национальные традиции в сфере разрешения споров и разрешение конфликта повлияет на конкретные гарантии справедливого судебного разбирательства. Важно, чтобы в каждом государстве прочная политическая и правовая культура поддерживала определенные механизмы и процедуры верховенства закона, которые следует постоянно проверять, адаптировать и улучшать.

Одним из важных контекстуальных элементов является правовая система в целом. Источники права, закрепляющие правовые нормы, тем самым обеспечивая правовую определенность, не идентичны во всех

[1] См., например, Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис … канд. юрид. наук. 12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Тюмень, 2005. С. 4 и др.

странах. Некоторые государства в основном придерживаются статутного права, тогда как другие включают соблюдение общего права.

Таким образом, оценивая критерии малозначительности деяния, следует рассматривать две его разновидности. С одной стороны, при формальном сходстве с преступлением либо содержащем, либо не содержащем признаки иного правонарушения или проступка. Например, при отграничении преступления от административного правонарушения либо иных проступков, включая любое девиантное поведение лица[1].

С другой стороны, сложнее квалифицировать деяние, как малозначительное при отсутствии четких критериев, отграничивающих его от социально нейтрального поведения лица.

Большинство представителей уголовно-правовой науки согласны с законодателем в том, что малозначительное деяние не подпадает под какой-либо состав преступления. Так, по мнению И.С. Самощенко, «…проступки, которые формально подпадают под признаки деяний, запрещенных правом, но не имеют общественно вредного характера, не могут считаться противоправными»[2]. Можно согласиться с тем, что такие действия могут считаться проступками, но тогда, по мнению И.С. Самощенко, «они противоправны в смысле административного, трудового и др. права»[3].

Кроме того, не до конца ясен вопрос о том, на какой стадии уголовного судопроизводства (приготовление, покушение или оконченное деяние) допускается применение норм о малозначительности общественно опасного противоправного деяния, а также при его совершении в группе.

Так, например, Ч.М. Багиров считает, что «таким образом, законодатель изначально ограничил сферу применения нормы о малозначительности деяния. Малозначительными, исходя из буквального толкования, могли признаваться только оконченные формы преступного поведения. А случаи соучастия в преступлении, покушения на преступление и приготовления к последнему формально являлись преступными, несмотря на незначительность вреда, причиненного деянием лица»[4].

Что касается еще одного критерия, отграничивающего преступление от иного правонарушения, а именно - общественная опасность деяния. Если рассматривать данный критерий с позиции объективности, то

---

[1] См., например, Лобанова Л.В., Рожнов А.П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6.

[2] См., например, Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 96.

[3] Там же.

[4] Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 22.

буквальный вариант его толкования имеет право на существование только благодаря тому, что логично именно объективное понимание общественной опасности преступления. Однако такое понимание общественной опасности совершенно не подходит для применения нормы о малозначительности.

С другой стороны, отсутствие общественной опасности проявляется в совокупности как объективных, так и субъективных признаков того или иного состава преступления, а также других обстоятельств его совершения. Кроме того, при определении совокупности оснований признания деяния малозначительным не учитываются и обстоятельства, характеризующие личность виновного. Мы полагаем, что при признании деяния малозначительным необходимо учитывать обстоятельства, относящиеся не только к преступлению, но и к признакам, характеризующим личность виновного.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: малозначительность преступного деяния – наименее формализованное основание освобождения от юридической ответственности, дающее возможность не привлекать лицо к определенному виду юридической ответственности в тех случаях, когда это не отвечает ее целям, способствуя тем самым реализации принципов справедливости и гуманизма.

Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
полковник полиции

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ С УЧЕТОМ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ

Актуальность рассматриваемой проблематики выражается в том, что процессы глобализации имеют не только позитивные черты, но и несут огромные противоречия, которые наиболее отчетливо начинают проявляться в период обострения мировых финансово-экономических кризисов[1]. Первые шаги нового тысячелетия запомнились значительными трансформационными подвижками, которые по большей части не только

[1] Краснова К.А., Никонов П.В. О разрушительном влиянии коррупции на экономический рост // Вестник Юридического института МИИТ. 2020. № 4 (32). С. 72–78.

сделали более сложным восприятие и интерпретацию целого ряда процессов и явлений, но и создали условия для очень затруднительного прогнозирования дальнейших событий в мире. Глобализационные процессы характеризуются стиранием ранее существовавших границ экономического, политического и культурного характера, которые ранее казались незыблемыми и разделяли не только страны и народы, но даже и континенты, и цивилизации[1]. По этой причине происходящие мировые перемены, обусловленные глобализационными процессами, требуют принятие российским руководством мер оперативного реагирования, связанных с нейтрализацией, локализацией и устранением коррупционных угроз и вызовов возникающих и постоянно трансформирующихся в эволюционных процессах генерируемых современной системой глобальных взаимоотношений[2].

В настоящее время важнейшей функцией любой страны мира остается обеспечение защиты граждан от возникающих явлений, связанных с различными угрозами, подрывающими основы внутренней безопасности государства. В условиях начала нового тысячелетия активно стали проявляться множественные приметы, указывающие на кризисные явления в общественной безопасности, в основе которых находится коррупционная преступность. Исследование различных моделей антикоррупционных институтов за рубежом, генезиса законодательных основ противодействия взяточничеству[3], а также их правовых антикоррупционных механизмов[4] в период развития глобализационных процессов позволит отечественным правоохранительным органам более эффективно противодействовать коррупции.

В этой связи, постараемся охарактеризовать наиболее эффективно функционирующие зарубежные модели антикоррупционных институтов.

Гонконгская независимая комиссия по борьбе с коррупцией НКБК (далее – ICAC Гонконга). ICAC Гонконга была учреждена губернатором сэром Мюрреем Маклехоз 15 февраля 1974 г., когда Гонконг находился под британским правлением. Его главная цель состояла в том, чтобы

---

[1] Кобец П.Н. О месте общественных организаций в борьбе с коррупцией в Российской Федерации начала третьего тысячелетия // Научные труды международной научно-практической конференции ученых РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, 24-25 июня 2014 года. М.: Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, 2014. С. 83–85.

[2] Кобец П.Н. Международное сотрудничество «Группы двадцати» по предупреждению коррупции: диалектика развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 94–105.

[3] Кобец П.Н. Генезис законодательных основ противодействия взяточничеству в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 533–544.

[4] Краснова К.А. Правовые антикоррупционные механизмы Европейского Союза: уголовно-правовой аспект // Право и безопасность. 2015. № 2 (50). С. 42–46.

очистить эндемичную коррупцию во многих департаментах правительства Гонконга с помощью правоохранительных органов, профилактики и просвещения общественности[1].

НКБК Гонконга предложила населению сообщать о случаях коррупции, которые привели к всплеску сообщений о ней. Ситуация в банковском секторе была наиболее плачевной и затронула многих банковских служащих. Он также показал, что проблема коррупции глубоко укоренилась в этом секторе, даже в некоторых крупных банках. Коррупционные проблемы замалчивались и игнорировались. Кроме того, после сообщения о случаях коррупции управленческая команда в банковском секторе начала соблюдать правила борьбы с коррупцией, которые превратили профилактику в их «внутреннее дело»[2].

В рамках подготовки к передаче суверенитета Гонконга в 1997 г. Всекитайское собрание народных представителей Китайской Народной Республики (далее – КНР) приняло в 1990 г. «Основной закон Гонконга», предусматривающий создание «Комиссии по борьбе с коррупцией»[3]. Опыт КНР также заслуживает отдельного внимания[4], но в рамках данной работы достаточно полно раскрыть его не представляется возможным. Таким образом, НКБК Гонконга существует, как конституционно санкционированный орган. НКБК Гонконга имеет три отдела: оперативный, по связям с общественностью и по предупреждению коррупции. Оперативный отдел является самым крупным на сегодняшний день, имея 72% персонала. Лицо, ответственное за оперативный отдел, назначается главным исполнительным директором, а не комиссаром[5]. НКБК Гонконга содержит небольшое специализированное подразделение (R4), которое с 1998 г. осуществляет операции связанные с высоким риском для жизни, в том числе принудительное проникновение, защиту свидетелей и др.[6]

---

[1] Трунцевский Ю.В., Молчанова М.А. Борьба с коррупцией в Гонконге // Международное публичное и частное право. 2017. № 5. С. 42–47.

[2] Hong Kong’s ICAC at risk of losing its independence. URL: ttps://www.scmp.com/business/markets/article/1987202/hong-kongs-icac-risk-losing-its-independence (дата обращения: 14.04.2021).

[3] Краснова К.А., Никонов П.В. Экономический подход к противодействию коррупции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С. 113–118.

[4] Кобец П. Н. Особенности противодействия коррупции в Китае // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 25–32.

[5] Challenge facing ICAC's new chief. URL: http://www.thestandard.com.hk/news_detail.asp?pp_cat=&art_id=49029&sid=&con_type=1&d_str=19990630&sear_year=1999 (дата обращения: 14.04.2021).

[6] ICAC Post, Issue 1, May 2006. URL: https://www.icac.org.hk/tc/home/index.html (дата обращения: 14.04.2021).

Сингапурское Бюро по расследованию коррупции (далее – СБРК). СБРК правительственное учреждение в Сингапуре при канцелярии премьер-министра. СБРК уполномочено расследовать любые акты или формы коррупции в государственном и частном секторах Сингапура, а также любые другие преступления, предусмотренные любым писаным законом[1].

СБРК созданное в 1952 г., является одним из старейших антикоррупционных агентств в мире. Прорыв произошел в 1959 г., когда Сингапур обрел внутреннее самоуправление[2]. СБРК является единственным учреждением, уполномоченным расследовать коррупционные правонарушения в соответствии с Законом «О предупреждении коррупции» (1960 г.) К другим законодательным актам о взяточничестве относится глава 224 «Уголовного кодекса» Сингапура, которая содержит положения, направленные против государственных должностных лиц. Закон Сингапура «О коррупции, незаконном обороте наркотиков и других тяжких преступлениях (конфискация льгот)»[3], глава 65А, представляет собой соответствующий закон, предусматривающий конфискацию льгот, полученных, в частности, в результате коррупционных правонарушений[4].

СБРК является правительственным учреждением при Канцелярии Премьер-министра, действующим с функциональной независимостью и возглавляемым директором, который подотчетен премьер-министру. СБРК также использует усилия по просвещению общественности и информированию общественности для распространения антикоррупционного послания. У него есть ряд инициатив, направленных на то, чтобы охватить студентов, правительственные учреждения, предприятия и широкую общественность, чтобы обучить их борьбе с коррупцией[5]. В апреле 2019 г. СБРК сообщило, что оно получило 358 сообщений о коррупционных проявлениях и зарегистрировал 107 новых случаев для

---

[1] A Singapore Government Agency Website https://www.cpib.gov.sg/about-cpib/roles-and-functions (дата обращения: 14.04.2021).

[2] Кобец П.Н. О формах коррупции и их дифференциации по степени общественной опасности // Актуальные проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под ред. Л.Ф. Костриченко. Воронеж: Воронежский ЦНТИ (филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России), 2012. С. 134–138.

[3] Corruption, Drug Trafficking and other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act». URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/CDTOSCCBA1992 (дата обращения: 14.04.2021).

[4] Kobets P.N. Criminal-Legal and Criminological Features of the Prevention of Corruption Crime in the Republic of China in the middle of the second decade of the XXI century // Russian Journal of Legal Studies (Moscow). 2017. Vol. 4. N. 3. P. 167–175.

[5] Кобец П.Н. О роли международного нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в современном мире // Право и наука в современном мире: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 13 марта 2020 года). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 110–115.

расследования. Дела, связанные с частным сектором, по-прежнему составляли большинство, или 88%, всех новых дел, зарегистрированных для расследования КПИБ в 2018 г. Уровень привлечения к уголовной ответственности за коррупцию, оставался высоким, составляя в среднем 98% в 2014–2018 гг. СБРК решительно борется с коррупцией, совершенствования разведывательную и следственную поддержку.

Обозначенные органы вдохновила создание аналогичных учреждений на всех континентах.

Независимая комиссия по борьбе с коррупцией в Новом Южном Уэльсе, Австралия (далее – СБРК в Новом Южном Уэльсе). СБРК в Новом Южном Уэльсе независимое учреждение правительства Нового Южного Уэльса, отвечает за борьбу и расследование с коррупционной деятельности и укрепление целостности государственного управления в штате Новый Южный Уэльс, Австралия. Комиссия была создана в 1989 г. в соответствии с «Законом о независимой комиссии по борьбе с коррупцией» (1988 г.) (Новый Южный Уэльс), по образцу СБРК в Гонконге[1].

Она возглавляется главным комиссаром, назначаемым на пятилетний срок. Главный комиссар обязан представлять доклад о деятельности Комиссии парламенту Нового Южного Уэльса, и будучи независимым от политики правительства, неофициально отчитывается перед премьер-министром нового Южного Уэльса. В обязанности комиссии входит информирование органов государственной власти, должностных лиц и представителей общественности о коррупции[2]. Инспектор СБРК в Новом Южном Уэльсе является независимым должностным лицом, роль которого заключается в надзоре за деятельностью и поведением СБРК с целью обеспечения того, чтобы она соблюдала закон и не злоупотребляла значительными полномочиями, которыми ее наделил парламент[3].

СБРК в Новом Южном Уэльсе обладает юрисдикцией над государственными и местными органами власти в Новом Южном Уэльсе. Любой желающий может передать дело в комиссию. В 2014 г. было подсчитано, что менее одного процента из примерно 3000 жалоб ежегодно приводят к публичным слушаниям. Комиссия обладает принудительными полномочиями Королевской комиссии и может принуждать свидетелей к даче показаний. Общественные слушания призваны выступать в качестве превентивной меры против коррупции. В тех случаях, когда СБРК в Новом

---

[1] ICAC explained: Why it was established, who has been grilled by it, what the future holds. URL: https://www.abc.net.au/news/2016-11-16/what-is-icac-and-why-is-everyone-talking-about-it/8029550 (дата обращения: 14.04.2021).

[2] ICAC under threat of being silenced. URL: https://www.watoday.com.au/opinion/icac-under-threat-of-being-silenced-20140418-36wg0.html (дата обращения: 14.04.2021).

[3] См.: The Inspector of the Independent Commission Against Corruption. URL: https://www.oiicac.nsw.gov.au (дата обращения: 14.04.2021).

Южном Уэльсе устанавливает, что, если должностное лицо действовало коррумпировано, обвинения передаются в систему уголовного правосудия для рассмотрения Генеральным прокурором для предъявления уголовных обвинений[1].

Несмотря на всю сложность состояния дел в странах латиноамериканского региона, они не перестают оставаться важнейшими партнерами в двусторонних взаимоотношениях с нашей страной, что неоднократно выражалось в реальных действиях и ситуациях. Поэтому необходимо кратко осветить деятельность латиноамериканских коллег по противодействию коррупции. Данный анализ возможно будет полезен для использования в деятельности МВД России по противодействию коррупционной преступности.

В условиях нового десятилетия XXI столетия в Латинской Америке активизировалась борьба с коррупцией. Высокопоставленные политики были признаны виновными в коррупции в Гватемале и Бразилии, и волна судебных исков против лиц, виновных в грандиозной коррупции, прокатилась по всему континенту, включая расследование Лава-Джато, или «Операция Автомойка», в Бразилии[2]. Это дает реальную возможность для борьбы с коррупцией в регионе. Коррупция продолжает занимать первые полосы газет в Латинской Америке. От схемы укрытия активов, просочившихся по документам в Панаму, до скандалов с Одебрехт, которые распространились за пределы Бразилии, до восьми бывших губернаторов мексиканских штатов, которым предъявлены обвинения или которые были осуждены, регион получил свою долю экономических и политических последствий от коррупции[3]. Латиноамериканцы проявляют все больше признаков недовольства и требуют, чтобы их правительства более агрессивно боролись с коррупцией.

Невзирая на историческое сходство находящихся в латиноамериканском регионе государств, для всех этих стран характерны индивидуальные особенности и собственный путь эволюционирования. Впрочем, в сегодняшнем латиноамериканском регионе вследствие действий различных региональных блоков и объединений, к примеру Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (далее -

---

[1] NSW Government's Independent Commission Against Corruption Overhaul Passes Parliament. URL: https://www.parliament.nsw.gov.au/Pages/PageNotFoundError.aspx?requestUrl=https://www.parliament.nsw.gov.au/prod/parlment/hanstrans.nsf/V3ByKey/LA19880526/$file/491LA009.PDF (дата обращения: 14.04.2021).

[2] Кобец П.Н., Ильин И.В. Основы государственной политики Федеративной Республики Бразилия в сфере предупреждения политической коррупции в государственном аппарате // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2(50). С. 23–29.

[3] Кобец П.Н., Никитенко И.В. Противодействие коррупции в современной Бразилии: криминологический обзор // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 1(50). С. 44–50.

СЕЛАК), Союз южноамериканских наций (далее – УНАСУР) и др., наблюдается устремленность к осуществлению одинаковых подходов к процессам, связанным с международным порядком. Но при этом различные политические подходы и процессы в странах латиноамериканского региона зачастую переполнены разнообразными поворотами, что очень выразительно происходит в самых ключевых государствах латиноамериканского региона, которые по большей части задают направления и тенденции развития в целом на континенте[1].

Коррупцию трудно измерить, но различные показатели восприятия коррупции коррелируют довольно сильно. По этим различным показателям Латинская Америка и Карибский бассейн находятся на одном уровне с другими странами с формирующейся рыночной экономикой, но их положение существенно хуже, чем в странах с развитой экономикой[2]. В то же время средние показатели по регионам маскируют значительные различия между странами. Восприятие коррупции в некоторых странах, таких как Чили и Уругвай, аналогично уровню, наблюдаемому в странах с развитой экономикой. Интересно отметить, что Чили и Уругвай также хорошо оценивают другие институциональные и управленческие показатели, и имеют относительно более высокий уровень дохода на душу населения[3].

Крупнейшая региональная международная межправительственная организация – Африканский союз не только работает во имя мира, безопасности и стабильности для народов этого континента, но располагает положительным опытом законодательных основ противодействия коррупции на африканском континенте.

В условиях начала 2020-х гг. нового столетия многие страны испытывают различные степени коррупционных проявлений. Государства-члены Африканского Союза, в том числе, не являются исключением. Неоспоримым фактом является и то, что коррупцию нельзя рассматривать только, как проблему, характерную для конкретной страны Африканского Союза или региона, поскольку это гораздо более широкое явление. Однако во всем мире растет движение за осуждение коррупции, происходит отстранение некоторых лидеров от занимаемых должностей и ряд других процессов и явлений.

---

[1] Кобец П.Н. О роли органов государственной власти и местного самоуправления государств Латинской Америки в противодействии коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 2. С. 43–47.

[2] Кобец П.Н. Роль гражданского общества Федеративной Республики Бразилия в противодействии коррупции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 13–16.

[3] Кобец П.Н., Ильин И.В. О противодействии коррупции как одной из важнейших проблем государств латиноамериканского региона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 68–73.

Управление (директорат) по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями в Ботсване – (далее – УБКЭ). Коррупция в Ботсване в основном расследуется УБКЭ. Именно благодаря ему Ботсвана может оставаться на относительно низком уровне коррупции. Это объясняется тем, что директорат по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями добивается высоких показателей судебного преследования[1]. Чтобы помочь в борьбе с коррупцией, Ботсвана также является членом Восточной и Южной группы по борьбе с отмыванием денег[2].

Нынешний президент Ботсваны, активно способствует борьбе с коррупцией в своей стране. На региональной конференции, посвященной борьбе с коррупцией на Африканском континенте, он выступил с речью в качестве почетного гостя. Он отметил, что для борьбы с коррупцией необходимы сильные правоохранительные институты. Президент Ботсваны также объяснил различные методы, которые его страна применяет в борьбе с коррупцией. Они включают создание специализированного суда только для уголовных коррупционных деяний, а также ряд различных правовых актов, среди которых «Закон об осведомителях» и «Закон о доходах и орудиях преступления[3].

Что касается других правовых рамок и актов, принятых для борьбы с коррупцией в стране, то наиболее известным и действенным является «Закон о коррупции и экономических преступлениях 1994 г.»[4]. Этот законодательный акт заложил основу для всех будущих антикоррупционных законов, разработанных Ботсваной. Однако главным аспектом этого закона стало создание Управления по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями. Рассматриваемый закон дает директорату по коррупции и экономическим преступлениям ту власть, которой он сейчас обладает. Однако «Закон о коррупции и экономических преступлениях 1994 г.» также имеет ряд других полномочий, включают в себя многочисленные защиты осведомителей.

Особенности коррупционной преступности в различных странах не перестают волновать исследователей этой непростой проблематики по

---

[1] 2011 Investment Climate Statement Bureau of Economic, Energy and Business Affairs March 2011. URL: http://www.state.gov/e/eeb/rls/othr/ics/2011/157825.htm (дата обращения: 14.04.2021).

[2] Eastern and Southern Anti-Money Laundering Group. URL: https://www.esaamlg.org (дата обращения: 14.04.2021).

[3] Botswana is a shining beacon of hope in the fight against corruption in Africa. URL: https://www.uneca.org/stories/botswana-shining-beacon-hope-fight-against-corruption-africa (дата обращения: 14.04.2021).

[4] Corruption and Economic Crime Act, 1994. URL: https://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Botswana_Corruption%20and%20Economic%20Crime%20Act_1994_EN.pdf. (дата обращения: 14.04.2021).

всему миру[1]. И несмотря на то, что различные проблемные вопросы данной темы исследованы достаточно обстоятельно, ученые и практики не перестают исследовать все новые области проявлений коррупционной преступности[2]. При этом, необходимо отметить, что невзирая на то, что зарубежный опыт противодействия коррупционной преступности весьма неплохо был исследован и продолжает исследоваться дальше, научных работ, специально посвященных криминологическому анализу проявлений коррупционной преступности с учетом положительного опыта зарубежных моделей антикоррупционных институтов в отечественной и зарубежной юридической литературе, ранее не было.

В заключении необходимо отметить, что борьба с коррупцией занимает одно из первых мест в повестке дня многих правительств и международных организаций[3]. В заключении важно отметить, что развитие глобализации приводит к унификации сознания, понижению роли национальных государств и соответственно их суверенитетов, при этом происходит утверждение межгосударственной системы, которая становится основой все мировых социально-экономических процессов. В сложившихся условиях сегодня происходит выбор внешнеполитических и социально-экономических векторов развития нашего государства. И поэтому исследование различных моделей зарубежных антикоррупционных институтов может позволить отечественным правоохранительным органам совершенствовать свою деятельность по борьбе с коррупцией.

[1] Кобец П.Н. Латиноамериканское гражданское общество – важнейший субъект противодействия коррупционной преступности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 24–27.

[2] Кобец П.Н. Об основных направлениях по исследованию, разработке и внедрению инструментария противодействия коррупции в сфере предпринимательства и бизнеса на международном уровне // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 12 (80). С. 3279–3287.

[3] Кобец П.Н., Никитенко И.В. Международные правовые основы противодействия коррупции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3 (52). С. 47–52.

Котенев Александр Дмитриевич,
профессор кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
доктор экономических наук, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Проблематика стабильности в настоящее время имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение. Для простого обывателя стабильность ассоциируется с социально-экономической и политической неизменчивостью текущего курса. Однако, термин «неизменчивость» имеет иную природу от «стабильности». Говоря о социальной стабильности, следует выделить ее культурную, политическую, экономическую, историческую основы. Несмотря на многоаспектность изучаемого явления, следует отметить ее влияние на уровень экономической безопасности государства. Так, нарушение целостности социальных систем способно спровоцировать в обществе необратимые процессы, влияние которых на экономику сложно переоценить.

Анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике позволил выявить значительное количество разработок, имеющих как прикладной, так и теоретический характер. Однако вопросам социальной стабильности как составляющего компонента экономической безопасности государства уделяется недостаточное внимание. Целесообразным является разделение рассматриваемых публикаций исходя из их тематической направленности, следующим образом: проблемы обеспечения социальной стабильности общества нашли отражение в работах таких авторов как – С.Н. Барейко, В.Н. Бобков, Н.П. Купрещенко, Л.С. Ржаницына, А.Е. Сидоровой, Е.А. Смирновой, А.Ш. Руди, и др.; достижению требуемого уровня экономической безопасности государства в рамках социального общества посвящены работы И.В. Караваевой, А.Б. Мельникова, Л.А. Смирновой, Г.Е. Крохичевой, Э.Л. Архипова, П.Н. Широва, В.И. Трысячного и др.

Принято считать, что социальная стабильность имеет три уровня: внутреннюю стабильность социальных систем (стабильность сектора экономики, отдельных отраслей и т. д.); стабильность социальных институтов (потеря контроля правительства в любой сфере, несомненно окажет негативное влияние в другой); стабильность всего общества, включающая социально-экономическую, культурную, политико-правовую стабильность. На наш взгляд, стабильным признается общество, не только

сохраняющее длительное время свою устойчивость к изменяющимся условиям, но и демонстрирующее определенную динамику позитивного развития. С учетом указанных уровней социальной стабильности следует выделить группы факторов (экзо- и эндогенного характера), оказывающих как позитивное, так и негативное воздействие. К числу факторов внутреннего содержания относят профессионализм сотрудников, наличие техники и технологии, внутренние резервы, культурные и исторические особенности. Факторы внешнего содержания представлены положением участников рынка, политической ситуацией в мире.

Характеризуя социальную стабильность необходимо отметить роль государства в ее обеспечении. Так, по мнению ведущего эксперта-экономиста Центра Управления Финансами Т.Г. Ошурковой обеспечение стабильности, наряду с укреплением российской государственности, а также развитием отношений органов местного самоуправления и федерального центра представляет собой двуединый процесс – социальный диалог и социальное противостояние[1].

Рассматривая социальную стабильность Н.П. Купрещенко указывает на необходимость баланса уровней доходов и жизни всего населения государства, а также отсутствие бедности. Кроме того, им выделены экономическая и социальная сторона такого явления, как «бедность». Важнейшим условием обеспечения стабильности является формирование так называемого среднего класса, имеющего устойчивые доходы, способствующие свободе выбора направлений деятельности[2].

В свою очередь С.Н. Барейко указывает на необходимость развития инновационной активности, как ключевого фактора, влияющего на социальную стабильность в обществе. С целью обеспечения экономического роста целесообразным является реализация качественных продуктивных мер, в числе которых улучшение предпринимательского и инвестиционного климата, создание благоприятных возможностей для развития предпринимательства, применение наукоемких технологий. По мнению автора, следует прибегнуть к таким мерам как: снижение налогового бремени, осуществление декриминализационных мероприятий, установление жесткой ответственности за нарушение хозяйственных договоренностей и др.[3]

---

[1] Сайт Центра Управления Финансами сети Интернет: https://center-yf.ru/data/economy/rol-gosudarstva-v-obespechenii-socialnoy-stabilnosti.php (дата обращения: 29.04.2021).

[2] Купрещенко Н.П. Феномен бедности в современной России как угроза социально-экономической стабильности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 287–290.

[3] Барейко С.Н. Развитие малого и среднего предпринимательства в России как один из ключевых факторов экономической и социальной стабильности // Национальная безопасность / Nota bene. 2019. № 1. С. 49–55.

Стабильность развития общества, по мнению А.Е. Сидоровой возможна путем выработки институтами социального управления требуемой социальной политики, с целью создания приемлемых условий для самореализации человека. Роль государства в вопросах социального управления зависит от масштабности реализуемых мероприятий. Следует отметить, что важнейшим препятствием на пути к социальной стабильности выступают проблемы экономического характера, а потому их решение, а также их последующее недопущение в связке с контролем за соблюдением законности являются обязательными элементами социального управления. Также автор указывает на необходимость разработки доступных для понимания целевых показателей, характеризующих уровень социального благополучия[1].

В условиях сокращения мирового ВВП на фоне коронавирусной инфекции, а также в рамках разгоревшейся торговой войны Запада с Востоком, основными пострадавшими выступят не крупные финансовые корпорации, а прежде всего мелкие предприниматели, а также лица занятые в бюджетной сфере. С целью преодоления кризисных ситуаций, а также сохранения имеющегося человеческого и финансового капитала А.И. Попов указывает на необходимость увеличения объема инвестиций в социальные проекты. Он считает, что на местах возможно делегирование части функционала органов государственной власти крупным организациям[2].

Отмечая важность сохранения социальной стабильности в обществе Е.А. Смирнова и А.В. Салимова указывают на финансовую безопасность в качестве ее основы. Так, характеризуя ее уровень, авторами выделены важнейшие показатели, среди которых дефицит объема инвестиций в процесс обновления основного капитала, уровень закредитованности нефинансового сектора, рост числа банковских должников[3].

По мнению сопредседателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» А.В. Данилова-Данильяна стабильность, прежде всего, зависит от наличия (отсутствия) альтернативы. Так, по его мнению, при построении прогнозов изменения социально-экономических показателей, а также формулировке соответствующих моделей встает

---

[1] Сидорова А.Е. Социально-управленческие механизмы формирования социальной стабильности современного общества // Преподаватель XXI век. 2011. № 2. Т 2. С. 366–371.

[2] Попов А.И. Инвестиции в социальную стабильность – актуальный вектор социальной политики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-2. С. 227–229.

[3] Смирнова Е. А., Салимова А. В. Анализ основных индикаторов финансовой безопасности Российской Федерации // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 6. Т. 1. С. 109–118.

вопрос об исполнителях и их мотивации. Автор заявляет о возможности назначения ведомства или организации в качестве исполнителя и результативности их деятельности. И действительно, порой возникает ситуация безальтернативности при использовании государственных сил и ресурсов. Особенно отчетливо это проявляется в условиях действия санкционных ограничений, введенных рядом иностранных государств в отношении России. Таким образом, возникает вопрос о возможности и главное, желании, частного бизнеса участвовать в финансировании ряда инвестиционных программ, имеющих социальную направленность, результативность которых, как правило, на порядок ниже[1].

Таким образом, социально стабильным является общество не только сохраняющее свою устойчивость под воздействием как внутренних, так и внешних раздражителей, но и способное к своему развитию. Важнейшим условием обеспечения стабильности выступает сохранение баланса безопасности, то есть допустимых отклонений от намеченного курса развития общества в рамках налаженного механизма взаимодействия всех его субъектов.

[1] Данилов-Данильян А.В. Стратегия для России: для начала надо убрать старые барьеры // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 227. Т. 1. С. 137-151.

Костюченко Николай Иванович,
профессор кафедры
административного права
и административной деятельности
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Кочеров Юрий Николаевич,
доцент кафедры
административного права и
административной деятельности
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНОВ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИХ СТРУКТУР (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО И АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)

Исследование проблем противодействия органов внутренних дел преступным посягательствам является актуальным и имеет существенное значение для обеспечения охраны правопорядка в нашем государстве, который обеспечивают ОВД РФ.

Вклад органов внутренних дел и других правоохранительных органов в дело противодействия преступным посягательствам достаточно весомо. Вместе с тем в процессе этой деятельности правоохранители неизбежно сталкиваются с возникновением новых проблем. Это предполагает установление причин их возникновения и определение путей их преодоления, что является основой для совершенствования правоохранительной деятельности ОВД РФ.

К числу проблем, которые имеют непосредственное отношение к обеспечению ОВД противодействия преступным посягательствам, относится и проблемы формирования и оптимизации структуры ОВД. Их наличие существенным образом влияет на эффективность выявления и пресечения ОВД преступных посягательств, имеющих место в государстве.

Наличие проблем связанных с формированием структуры ОВД неоднократно отмечалось как в научных, так и в учебных изданиях, посвященных теории и практике управления.

Например, в учебнике «Организация управления органами внутренних дел», изданном ДГСК в 2018 г., констатировалось, что: «Несмотря на принятие Федерального закона «О полиции», отсутствует действенный механизм формирования организационных структур территориальных органов МВД России, учитывающий специфику условий их функционирования во внешней среде. Не разработаны научно обоснованные и реально выполнимые нормы нагрузок для сотрудников подразделений данного звена системы МВД России, учитывающие масштабы и темпы роста криминальных проявлений»[1].

Ф.Ф. Анюров, И.Ю. Захватов, А.М. Кононов, М.Н. Никитин, М.А. Ульянов и др. отмечали, что в настоящее время: «ведется активный поиск путей коренного улучшения правоохранительной деятельности, повышения эффективности органов внутренних дел, оптимизации их структуры, модернизации механизма управления в системе МВД России»[2].

О наличии этих проблем почти 20 лет назад говорили Ю.Е. Аврутин, А.И. Александров, Н.В. Бугель, В.П. Сальников и др.[3], однако, как показывает практическая деятельность ОВД, оптимальных решений для их преодоления так и не нашлось.

Анализ научных работ, связанных с деятельностью органов внутренних дел, свидетельствует, что к проблемам оптимизации структур обращались и многие ученые, поскольку отсутствие механизма формирования и оптимизации структур приводит к функциональному дублированию в оперативно-служебной деятельности. Эта ситуация обусловлена тем, что отсутствие оптимальной структуры ОВД существенным образом влияет на эффективность деятельности ОВД по обеспечению правопорядка в целом и противодействию преступным посягательствам в частности.

Отсутствие оптимальной структуры ОВД, создающейся субъектами управления, как правило, на эмпирической основе и без учета законов теории управления, приводит к функциональному дублированию деятельности в ОВД, что наглядно подтвердили социологические исследования Ф.В. Лидер, которые показали следующее:

– 70% респондентов отметили наличие дублирования функций и полномочий;

– 42% – наличие неоправданной перестройки организационных структур;

---

[1] См.: Организация управления органами внутренних дел: учеб. 2-е изд., переработанное и дополненное / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.М. Кононова и кандидата юридических наук, доцента И.Ю. Захватова. М.: ДГСК МВД России, 2017. С. 57–58.

[2] Там же. С. 38.

[3] Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, Щит-М, 2002.

– 47,6% – отсутствие четкого функционального разграничения;

– 57,7% – необходимость ревизии имеющихся функций[1].

Другими словами факт 70% дублирования функций, по сути, констатирует, что эффективная деятельность сотрудников ОВД могла составлять только 30%», что, безусловно, предполагает необходимость совершенствования существующей структуры.

Негативные последствия эмпирического создания структуры социальных систем без учета закона детерминации их элементов (цель – задача – функция – структура) отмечали многие ученые. Так, Н.И. Глазунова констатировала: «Цели (задачи) организации обусловливают функции, а функции определяют структуру органа. Обусловленность структуры функциями (а не наоборот, как это порой бывает: создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом «придумываем» виды занятий) определяет целесообразность названия изучаемой подсистемы госуправления именно как функционально-структурной»[2].

Другими словами Н.И. Глазунова вела речь о нарушении закономерности создания в социальной системе государства структурных элементов (подсистем) на основе общей функции «управления». Применительно к этой функции таким структурным элементом должна являться подсистема управления государством. Характерно то, что, по сути, подсистема управления государством и подсистема управления ОВД как виды социальных систем отсутствуют до настоящего времени.

В ряде случаев авторы полагали, что система ОВД и система управления органами внутренних дел имеют одну и ту же структуру – совокупность органов внутренних дел. Это означает, что система ОВД и система управления ОВД это одно и то же. Однако ставить знак «равенства» между этими системами вряд ли возможно, поскольку диалектика и теория систем определяют, что основной признак существования самостоятельной социальной системы это «цель», во имя которой она создается.

Рассматривая эти системы с этой точки зрения, можно видеть, что основополагающая цель системы ОВД – это охрана правопорядка. В то время как целью системы управления является обеспечение управления органами внутренних дел. Различие целей предполагает различие задач, функций и структуры. Это в свою очередь дает основание утверждать, что в данном случае мы имеем дело с разными видами социальных систем, а

---

[1] Лидер Ф.В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел. Социологический аспект: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата социологических наук. 12.00.08 г. Академия управления МВД России. М., 2012.

[2] Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. М.: Муниципальный мир. 2004. С. 144.

значит и разными структурными элементами (подразделениями), которые, как известно, являются результатом реализации функций системы.

Таким образом, система ОВД и система управления органами внутренних дел в силу различия целей должны иметь разные структуры, которые, как это было отмечено выше, должны формироваться только на основе закона детерминации элементов социальных систем – «цель – задача – функция – структура».

Кроме того, необходимо отметить, что в упомянутой выше ситуации, Н.И. Глазунова рассматривала частный случай реализации общей функции социальной системы «функции управления»[1] в качестве структурного элемента в системе государства. Это предполагает, что такое структурное образование в соответствии с законами социального управления необходимо рассматривать как подсистемное образование социальной системы государства – орган управления функционированием государства, как вид социальной системы.

В связи со сказанным в соответствии положениями диалектики, теории систем и теории управления субъектам управления необходимо иметь в виду следующие обстоятельства:

− любой орган внутренних дел, являясь подсистемным структурным элементом, одновременно представляет собой и вид социальной системы;

− функции являются неотъемлемыми элементами любых социальных систем и их структурных, подсистемных образований;

− в составе функций социальной системы (и ее подсистем) присутствуют конкретные и общие функции. Первые обеспечивают достижение целей системы. Вторые – достижение целей управления функционированием системы;

− в составе общих функций присутствуют функции управления: анализа, планирования, контроля, информационная и т. д., которые свойственны как социальной системе, так и любой из ее подсистем[2].

Сказанное предполагает, что все функции социальных систем и их подсистем (конкретные и общие) должны реализовываться соответствующими структурными элементами – подразделениями или должностями. В нашем случае на основе информационной и аналитической функций должны создаваться информационные и аналитические подразделения, либо отдельные должности.

---

[1] Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: моногр. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – 352 с.

[2] Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: моногр. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – 352 с.; Костюченко Н.И. Система функций социальных систем (на примере ОВД): моногр. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2018. – 284 с.; Костюченко Н.И. Проблемы теории и практики управления социальными системами Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – 158 с.

В настоящее время такие структурные элементы, как правило, отсутствуют, либо создаются на эмпирической основе, на что обращала наше внимание Н.И. Глазунова[1]. Сначала создаются «министерства» (структурные подразделения), а потом определяются виды их деятельности. В соответствии с диалектикой и теорией систем виды деятельности являются результатом реализации функций системы. Такой подход нарушает законы управления, поскольку структурные подразделения должны создаваться на основе функций.

В результате можно утверждать, что мы имеем дело с ситуацией, когда на протяжении многих лет учеными и практиками управления констатируется, что действующие структуры государственных органов, в том числе и органов ОВД, требуют реформирования. При этом попытки реформирования и оптимизации этих структур не приводят к желаемым результатам, поскольку они осуществляются вопреки законам управления.

В справедливости приведенных тезисов относительно проблем формирования структуры ОВД, которые существенным образом влияют на их эффективность противодействия (органов внутренних дел) преступным посягательствам, можно убедиться, рассмотрев эту ситуацию на конкретных примерах.

Для этого целесообразно обратиться к примерам формирования структуры, систем информационного и аналитического обеспечения, поскольку без информации и ее анализа реализация функции противодействия преступным посягательствам вряд ли возможна.

Проблемы формирования структуры этих систем начинаются уже с определения этих элементов системы ОВД.

Понятие систем информационного и аналитического обеспечения ОВД употребляется многими авторами. В тоже время информационное и аналитическое обеспечение не рассматриваются ими как виды социальных систем. Это приводит к тому, что эти системы существуют только «на бумаге» и не имеют материальной реализации в практической деятельности. Как следствие, вопросы формирования структуры упоминаемых систем даже не рассматриваются. В результате информационное и аналитическое обеспечение органов внутренних дел РФ в практике управления рассматриваются только как виды деятельности.

В итоге такие подходы являются основной причиной отсутствия эффективного информационного и аналитического обеспечения и приводят к многочисленным нареканиям со стороны субъектов управления и ученых.

---

[1] См.: Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов М.: Муниципальный мир. 2004. С. 144.

Таким образом, рассмотрение информационной и аналитической деятельности как результата реализации одноименных функций, а процесса их первого этапа реализации в системе ОВД как создания подсистемных образований, обладающих соответствующей структурой, позволит более детально исследовать эти проблемы. Это, в свою очередь, позволит обеспечить основу формирования систем информационного и аналитического обеспечения в ОВД.

Для этого необходимо:

− конкретизировать проблемы формирования структуры ОВД на основе общих функций социальных систем;

− установить причины их возникновения;

− определить пути их преодоления.

Как известно, информационно-аналитическое обеспечение деятельности ОВД имеет особое значение для успешного функционирования органов внутренних дел, поскольку информация это один из основных компонентов, присутствующий во всей деятельности органов. Без информации не сможет функционировать ни одно из подразделений ОВД и обеспечивать полноценную реализацию их функций, в том числе и функцию противодействия преступным посягательствам.

В подтверждение этого тезиса о значении информационно-аналитического обеспечения можно привести мнение А.А. Крылова: «Исследования показали, что в противодействии криминализации экономики сегодня особенно актуально информационно-аналитическое обеспечение»[1].

При этом, рассматривая эффективность информационно-аналитической деятельности, А.А. Крылов и Э.А. Васильев констатировали, что: «На практике оперативный сотрудник часто просто «утопает» в информации. Обилие «информационного мусора», незнание адресов и ключей доступа, полезных для оперативно-разыскной деятельности информационных ресурсов, неумение пользоваться специальным инструментарием для поиска и обработки информационных ресурсов – все это сильно снижает криминологическое значение информационно-аналитической работы в ОВД»[2].

Наличие проблем информационно-аналитической деятельности рассматривалось еще в 2014 г. на Первой всероссийской конференции, где на повестку дня был вынесен вопрос «Аналитика развития и безопасности

---

[1] См.: Крылов А.А. Информационно-аналитическое сопровождение деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности // Микроэкономика. 2015. № 3. С. 97–101.

[2] Крылов А.А., Васильев Э.А. Мониторинг экономической безопасности в системе выявления и предупреждения экономической преступности // Научный портал МВД России. 2014. № 2. С. 66–70.

страны: реалии и перспективы». В процессе обсуждения было отмечено, что: «Современное состояние аналитической деятельности в России оставляет желать лучшего. Имеет место глубокая ведомственная разобщенность и отсутствие координации при выработке различных принципиальных и общезначимых решений»[1].

В этом контексте относительно аналитической деятельности будет уместно привести еще одно мнение. Так, группа авторов, Ю.А. Болт, А.А. Вишневский, А.А. Крылов и А.Г. Сачек отмечали, что: «Неэффективно используется российский национальный аналитический потенциал. В аналитической работе доминирует применение зарубежных технологий, методик и оценок. Это создает условия для влияния аналитических институтов зарубежных стран на отечественные аналитические структуры, парализует возможности развития отечественных аналитических технологий и научных школ, что в итоге подрывает национальную и экономическую безопасность страны»[2]. При этом авторы отмечали, что одна из важных проблем «современного состояния информационно-аналитической работы в ОВД – это «Отсутствие аналитических сотрудников в территориальных подразделениях или, как принято говорить, «на земле». Здесь информационно-аналитическое обеспечение работы оперативного сотрудника – это его собственная проблема» поскольку должностей аналитиков «в территориальных подразделениях не предусмотрено штатным расписанием»[3].

Проблема информационно-аналитического обеспечения неоднократно отмечалась и в учебной литературе. Например, Ф.Ф. Анюров, И.Ю. Захватов, А.М. Кононов, А.Д. Ульянов и др. констатировали: «Важным направлением совершенствования управленческой деятельности является качественное улучшение информационно-аналитической работы. Однако, несмотря на принимаемые меры, этому участку работы уделяется недостаточное внимание: не всегда обеспечиваются своевременный сбор и анализ информации о процессах и явлениях, влияющих на состояние, уровень и динамику преступности, выработка на этой основе управленческих решений. Также существуют тенденции к составлению

---

[1] См. Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы: материалы Первой всероссийской конференции. М.: ООО «Агенство печати «Столица», 2014. С. 17.

[2] См.: Крылов А.А., Болт Ю.А., Вишневский А.А., Сачек А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2017. С. 12.

[3] См.: Крылов А.А., Болт Ю.А., Вишневский А.А., Сачек А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2017. С. 16.

громоздких аналитических материалов, до крайней степени перегруженных статистическими данными. В силу нечитаемости и стандартного описания заведомо известных вещей такие «аналитические» справки обречены на отсутствие эффективности»[1].

Относительно существования проблем информационно-аналитического обеспечения можно привести мнения многих авторов, но уже на приведенных примерах видно, что тезисы о наличии проблем в управлении связанных с информационно-аналитическим обеспечением, носят обоснованный характер.

В то же время даже на основе приведенных высказываний можно видеть, что авторы ограничиваются только констатацией существования проблем информационно-аналитического обеспечения. При этом данные проблемы не исследуются с точки зрения теории и практики управления социальными системами. В результате вне зоны внимания авторов и субъектов управления остаются ключевые проблемы реализации функций и формирования структуры социальных систем. Сказанное в полной мере относится и к реализации информационной и аналитической функций.

Так, говоря о системе информационно-аналитического обеспечения, мы видим, что, по сути, она должна формироваться на основе двух общих функций социальных систем – информационной и аналитической. При этом в соответствии с законом детерминации элементов социальных систем (цель – задача – функция – структура) они должны реализовываться разными структурными элементами (службами, отделами, должностями), которые должны обеспечивать обособленную реализацию названных функций, причем на всех структурных (подсистемных) уровнях любой социальной системы.

Последнее обусловлено тем, что общие функции свойственны любой социальной системе и ее подсистемам. В нашем случае – всем подразделениям внутренних дел от министерства до группы. Таким образом, в любом органе внутренних дел закономерно присутствие структурных элементов, призванных реализовывать информационную и аналитическую функции (вплоть до отдельной должности).

В этом случае, с одной стороны, проблема отсутствия должностей информационных и аналитических работников «на земле» будет решена однозначно в пользу их присутствия. С другой стороны, совокупность созданных на основе подразделений, должностей и их взаимосвязей позволит создать в ОВД подсистемы информационного и аналитического обеспечения.

---

[1] См.: Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е издание, переработанное и дополненное / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.М. Кононова и кандидата юридических наук, доцента И.Ю. Захватова. М.: ДГСК МВД России, 2017. С. 57–58.

Таким образом, следуя закону детерминации элементов социальных систем «цель – задача – функция – структура», мы должны на основе общей цели информационного и аналитического обеспечения ОВД конкретизировать цели для каждого структурного уровня системы ОВД (центрального, регионального, городского, районного). В нашем случае конкретизация будет связана с обеспечением процессов противодействия преступности.

На основе общих и конкретных целей определяются задачи, которые нам необходимо решить для достижения этих целей, и на их основе формируется система функций, которые при своей реализации обеспечат нам достижение поставленных целей.

В свою очередь эти функции при своей реализации послужат основой для создания структуры социальных систем информационного и аналитического обеспечения ОВД. Причем на первом этапе реализации функций будет создана структура этих систем (структурные подразделения и их взаимосвязи), на втором этапе эти структурные подразделения обеспечат реализацию функций для достижения целей системы[1].

Таким образом, совокупность структурных подразделений и их взаимосвязей образует системы информационного и аналитического обеспечения ОВД.

Такой подход на основе реализации законов управления социальными системами позволит разрешить все существующие проблемы не только информационного и аналитического обеспечения ОВД в части эффективного противодействия преступности, но и проблемы функционирования системы ОВД в целом.

[1] Проблемы формирования и оптимизации структур, в том числе связанные с информационно аналитическим обеспечением ОВД, подробно рассмотрены в работах: Костюченко Н.И. Классификация социальных систем и их подсистем управления как основополагающих элементов теории и практики управления: моногр. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2020. – 209 с.; Костюченко Н.И. Аналитическое обеспечение как структурный элемент социальных систем, в том числе системы органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России № 1 (56). 2021. С. 164–168.; Костюченко Н.И., Петрожицкая И.А. Проблемы управления системой органов внутренних дел Российской Федерации, обусловленные латентной реализацией информационной функции системы (системно-функциональный аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50) С.130–135.; Журавленко Н.И., Костюченко Н.И. Информационно аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб.-метод. Пособие. Симферополь: Кф КрУ МВД России. 2020. – 327 с.

Ларичев Василий Дмитриевич,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 3
Федерального государственного казенного учреждения
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УСИЛЕННОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

В последнее десятилетие физические и юридические лица на фоне бурного развития информационно-цифровых технологий активно переходят от использования бумажного документооборота на электронный. При этом при совершении различных гражданско-правовых сделок и иных юридически значимых действий используется усиленная квалифицированная электронно-цифровая (или электронная) подпись (далее – УКЭП, ЭЦП или ЭП соответственно), которая выступает одним из обязательных реквизитов документа, придающих ему юридическую силу[1].

Становление и развитие информационных технологий привело к тому, что в настоящее время нет ни одной сферы человеческой деятельности, где бы не использовались технические и программные средства сбора, обработки и выдачи информации.

Криминальные структуры также активно используют современные технические достижения, в том числе, сеть Интернет, для осуществления своей противоправной деятельности. Анализ криминогенной обстановки в 2019-2020 году свидетельствует о росте зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных (IT) технологий. По данным МВД России, в 2020 г. количество IT-преступлений увеличилось на 75%[2]. Такой стремительный рост преступности обусловлен не столько последствиями коронавируса, из-за которых многие сферы социально-экономических отношений переместились в интернет-среду, сколько появлением новых способов совершения таких преступлений.

Отмечается и рост преступлений, связанных с использованием электронной цифровой подписи. В то же время указанные преступления широкого распространения не получили. Однако, учитывая развитие

[1] Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 20-ФЗ), далее – ФЗ № 63-ФЗ, ФЗ «Об электронной подписи» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] В МВД назвали долю преступлений в сфере IT в России. URL: https://iz.ru/1083976/2020-11-07/mvd-nazvalo-doliu-prestuplenii-v-sfere-it-v-rossii (дата обращения: 23.01.2020).

системы электронного документооборота, можно предположить увеличение количества преступлений данной категории.

Данные преступления совершаются в несколько этапов. На первоначальном из них создаются фиктивные организации, которые в правоохранительной деятельности получили название фирм-однодневок, фирм-прокладок, подставных фирм, лжефирм, фирм-невидимок, фирм-помоек и др.), то есть юридических лиц, которые создаются без намерения осуществлять законную предпринимательскую деятельность. С использованием этих фирм в дальнейшем осуществляются различные финансовые операции. Чаще всего это незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, квалифицируемых по ст. 173.1 УК РФ.

С этой целью преступники, намеревающиеся создать такую юридическую фирму, подыскивают людей, готовых за вознаграждение предоставить свои паспортные и иные документы (СНИЛС, ИНН) для создания на их имя юридического лица, стать в них учредителем и директором и подать необходимые документы в налоговые органы. Нередко потенциальные преступники с этой целью обращаются к своим родственникам и знакомым. Зачастую злоумышленники в сети Интернет размещают объявления о поиске таких лиц.

Инспекция ФНС России на основании поданных документов принимает решение о государственной регистрации – внесении в единый государственный реестр юридических лиц (далее ЕГРЮЛ) сведений о создании юридического лица[1]. После регистрации инспекцией ФНС данного юридического лица присутствуют все признаки совершения преступлений, квалифицируемых по ст. 173.1 УК РФ.

За 2019 год подразделениями ЭБиПК выявлено 2809 таких преступлений, по ним возбуждено 2 275 уголовных дел, 23 уголовных дела прекращено за отсутствием события или состава преступления. За 2020 год эти данные выглядят следующим образом: выявлено 2956 преступлений, возбуждено 2 322 преступления, прекращено – 16[2].

Всеми правоохранительными органами в 2019 году выявлено 5 082 уголовных дела, расследовано уголовных дел – 1 856, уголовных дел направленных в суд с обвинительным заключением либо обвинительным актом – 766. В 2020 г. выявлено 5805 преступлений, расследовано

[1] О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за 2019, 2020 годы. Форма ГИАЦ МВД РФ 495 КН.102.

уголовных дел – 2 088, направленных в суд – 815[1] (в дальнейшем эти же формы будут использованы для характеристики других видов преступлений).

Уголовная ответственность предусмотрена и для подставных лиц, предоставляющих документы, для незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ). При этом такое лицо должно осознавать, что оно предоставляет документ, удостоверяющий личность, для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице и желает это совершить.

Если «подставное лицо» не знает о том, что от его имени будет создано или реорганизовано юридическое лицо – состав преступления отсутствует.

За 2019 год согласно данным ГИАЦ МВД России по данной статье выявлено 3 367 преступлений, возбуждено 2 290 уголовных дел, 14 уголовных дел прекращены за отсутствием события или состава преступления. В 2020 г. эти сведения выглядят следующим образом: выявлено – 3 417, возбуждено – 2 189, прекращено – 11.

Всеми правоохранительными органами в 2019 г. выявлено 5 397 преступлений, возбуждено – 4 853, прекращено – 1 978. В 2020 г. выявлено 5 943, возбуждено – 5 228, прекращено – 1 984.

Таким образом, из представленных данных видно, что преступления, квалифицируемые по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ, не такое уж редкое явление, хотя при введении этих уголовно-правовых норм в действие отдельные авторы прогнозировали слабую эффективность данных норм[2].

В дальнейшем осуществляется использование незаконно созданного юридического лица для совершения иных преступлений. Но для того чтобы осуществлять управление такой фирмой-однодневкой, подставные лица осуществляют открытие расчетного счета в банках, получение электронных ключей, банковских карт с ПИН-кодами, электронных носителей информации системы «Банк-Клиент», одноразовых смс-паролей, направляемых банком по номеру телефона, указанному клиентом в договоре с банком на открытие расчетного счета, которые передают лицу, намеревающемуся создать такую юридическую фирму.

---

[1] См.: Сборник по России «Единый отчет о преступности» за 2019, 2020 годы. Форма ГИАЦ МВД РФ 491 КН.5.

[2] См., например: Васильева Е.Г. Проблемы пресечения и уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьями 173.1 и 173.2 УК РФ // Противодействие преступлениям в сфере экономики: материалы Межд. научн.-практ. конференции (Москва, 24 апреля 2015 г.). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 86, 89; Рожавский З.Д. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение. Автореф. дисс. … канд. юр. наук. Саратов, 2018. С. 5–6, 13–14, 16, 24, 30, 32–33 и др.

Имея эти сведения, злоумышленники с использованием усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи без посещения банка и иных учреждений посредством использования сети Интернет осуществляют управление этими расчетными счетами.

Преступления, совершаемые с использованием УКЭП, достаточно разнообразны. Их можно классифицировать на несколько групп:

преступления против собственности;

преступления в сфере экономической деятельности;

иные преступления.

Среди преступлений против собственности можно выделить ряд направлений (приемов) незаконного использования УКЭП. Одним из них являются доверительные отношения с другими лицами, которые передают злоумышленникам электронную подпись, либо факты небрежного хранения ЭП и нарушение правил ее использования, что влечет за собой неправомерное использование ЭЦП другими лицами. Другим приемом является незаконное использование УКЭП при смене генерального директора организации.

Еще одним направлением является получение электронной подписи посторонними лицами, как правило, организованными преступными группами, на вымышленных лиц. С использованием ЭЦП, полученных таким образом, в большинстве случаев совершается мошенничество[1].

Также для преступлений против собственности характерно использование фирм-однодневок. Так, гр-н М. путем обмана сотрудников налогового органа и незаконного возмещения налога на добавленную стоимость пытался похитить из бюджета Российской Федерации денежные средства в особо крупном размере в сумме около 3 млн рублей.

М. являясь учредителем и директором ООО «Г., создал подконтрольные ему организации на подставное лицо для последующего использования ее реквизитов для составления фиктивных договоров о якобы имевшем место выполнении работ, с отражением указанных взаимоотношений в налоговой декларации по НДС в обоснование суммы, заявленной к возмещению из бюджета РФ. При этом М. понимал, что работы, указанные в договоре, и оплата по ним проводиться не будут. Суд

[1] Подробнее об этом см.: Ларичев В.Д. Характеристика преступлений, совершаемых с использованием усиленной квалифицированной подписи // Общество и право. 2020. № 2. С. 15–20; Он же. Особенности мошеннических действий в отношении имущества граждан и юридических лиц, совершенных путем подделки или неправомерного использования усиленной квалифицированной электронной подписи // Борьба с криминальными рынками в России: законодательные и правоприменительные проблемы реализации положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (28 апреля 2020 г.) М., 2020. С. 105–112.

признал М. виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30, частью 4 статьи 159, частью 1 статьи 173.1 УК РФ[1].

Среди преступлений в сфере экономической деятельности наиболее часто с использованием УКЭП совершается такой вид преступления, как незаконная банковская деятельность, то есть деятельность без получения лицензии на осуществление банковских операций, предусмотренных ч. 1 ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности[2]. Достаточно часто среди этих преступлений осуществляется обналичивание денежных средств.

Данные операции осуществляются посредством безналичных переводов денежных средств клиентов по расчетным счетам созданных фиктивных организаций и подконтрольных организаций[3] с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) с целью их последующего обналичивания. При этом злоумышленники используют доступ к системе дистанционного банковского обслуживания и созданные сертификаты ЭЦП фиктивных руководителей либо подконтрольных организаций для подписания первичных бухгалтерских документов по бестоварным операциям.

Поскольку банковские операции могут осуществлять только кредитные организации, при осуществлении обналичивания преступники нарушают требования Федеральных законов, Положений и указаний Банка России, в частности, от 9 декабря 2019 г. № 5348-у «О правилах наличных расчетов».

Не имея специального разрешения (лицензии), предусмотренного Федеральным законом на осуществление банковских операций, лица, осуществляющие обналичивание денежных средств, совершают незаконные банковские операции по осуществлению расчетов, переводов денежных средств.

В 2019 г. территориальными подразделениями ЭБиПК выявлено 183 таких преступления, всеми правоохранительными органами – 220, а в 2020 г. – 153, правоохранительными органами – 174.

Другим видом преступлений, совершаемых с использованием фиктивных фирм, является использование незаконно созданного юридического лица для осуществления неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ). В нарушение Положения о правилах осуществления перевода денежных средств, утвержденного Центральным Банком Российской Федерации от 19.06.2012 № 383-П, в соответствии с

---

[1] См.: Приговор по делу № 1-80/2019. Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 18 апреля 2019 г.

[2] О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Подконтрольное лицо (подконтрольная организация) – юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица, в данном случае правонарушителя.

которым перевод денежных средств осуществляется банками в рамках применяемых форм безналичных расчетов, злоумышленники нарушают установленный порядок обращения платежных документов, используя при этом реквизиты и расчетные счета незаконно созданного юридического лица либо подконтрольных юридических лиц. Таким образом они сбывают фиктивные платежные документы от имени созданных ими юридических лиц с указанием фиктивных оснований платежа.

Кроме того, неправомерный оборот средств платежей может осуществляться и подставными лицами, которые получают в банках электронные ключи, электронные средства и электронные носители информации системы «Банк-Клиент» и передают их лицам, незаконно создавшим юридическое лицо, по которым те могут осуществлять расчеты, то есть совершать незаконный оборот платежей. Тем самым подставное лицо осознает, что после передачи этих документов и средств злоумышленник может осуществлять прием, выдачу, перевод денежных средств по расчетным счетам от имени вновь созданного им юридического лица.

В 2019 г. всеми правоохранительными органами выявлено 842 таких преступления, в 2020 – 1 346.

Наряду с отмеченным с использованием незаконно созданного юридического лица могут совершаться и валютные преступления, в частности, предусмотренные ст. 193 и 193.1 УК РФ.

Особенностью этих статей является требование валютного законодательства о возврате в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за не ввезенные в Российскую Федерацию товары, невыполненные работы, не оказанные услуги и др.

В этом случае при переводе за границу денежных средств заключается фиктивный договор на поставку товара зарубежного производства, исполнителю переводятся валютные средства нередко с использованием УКЭП. Однако контракт не выполняется, в Россию не поставляются никакие товары, а злоумышленник не принимает никаких мер для возврата перечисленных валютных средств.

Так, гр-н В., выполняя функции исполнительного органа и являясь конечным бенефициаром и действуя от имени юридических лиц, оформленных на персональные данные гр-н К., М., С. и др., фактически не осведомленных о преступных намерениях гр-на В., убедил последних в законности и правомерности заключения внешнеэкономических контрактов с нерезидентами, в результате чего ими был подписаны контракты на поставку товаров. В случае не поставки товара возврат денежных средств «продавцом» осуществляется в течение 90 дней со дня истечения срока поставки товара.

Затем, в целях реализации своего преступного умысла гр-н В., используя полученное средство доступа к системе дистанционного банковского обслуживания клиентов «Банк-Клиент» банка, для управления счетами этих организаций посредством персонального компьютера и глобальной сети Интернет в рамках исполнения обязательств по контракту произвел с расчетных счетов 126 платежей в долларах США.

Далее, согласно ведомостям банковского контроля по паспортам сделки, оплаченный товар в Российскую Федерацию фактически не ввезен, а денежные средства в случае непоставки товаров, в соответствии с условиями контракта не возвращены.

Действия гр-на В. были квалифицированы по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 193 УК РФ[1], хотя по совокупности преступлений следовало бы дополнительно вменить п. «г» этой статьи.

По данным ФТС России по зарубежным контрактам участниками внешнеторговой деятельности в январе-сентябре 2019 года не возвращено из-за границы 24 млрд рублей, что на 2 млрд больше, чем в 2018 году. Это наглядно свидетельствует о росте неисполнения требований по репатриации денежных средств[2].

В 2019 году сотрудниками подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России выявлено 94 преступления, в 2020 – 20 (-78,7%) преступлений, предусмотренных ст. 193 УК РФ.

Также предусмотрена уголовная ответственность за перевод нерезидентам валютных средств, содержащих недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода.

Например, была привлечена к уголовной ответственности за такие действия организованная группа в составе гр-н Г., К. и Ш. Преступление совершено при следующих обстоятельствах: гр-н Г. вступил в преступный сговор с гр-ми Ш. и К., направленный на совершение валютных операций по переводу валютных средств, в нарушение порядка, установленного Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле».

Гр-н Г. предложил гр-нам Ш. и К. использовать для совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте на банковские счета нескольких нерезидентов реквизиты ранее образованного по его указанию юридического лица, гражданами С. и Т., неосведомленными о противоправной деятельности гр-на Г.

---

[1] См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 11901400013000743, возбужденному 22.03.2019 г. СУ УМВД России по Центральному району г. Санкт-Петербурга.

[2] См.: Ждут на родине. Комментарий о результатах валютного контроля первого заместителя руководителя ФТС России Руслана Давыдова // Известия. 07.11.2019. URL: www.iz.ru (дата обращения: 18.03.2020).

Гр-н Г. осознавал, что фактически товары от указанных иностранных фирм в адрес юридического лица поставляться не будут. При этом в качестве документов, связанных с проведением данных операций, в кредитную организацию, обладающую полномочиями агента валютного контроля, предоставлялись скан-копии внешнеторговых контрактов, якобы заключенных от имени ООО с вышеуказанными иностранными коммерческими фирмами, а также инвойсов[1], якобы составленных последними, содержащие заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода[2].

По данным Банка России, объемы незаконного вывода денежных средств за рубеж в 2020 году составили 52 млрд рублей, сократившись по сравнению с 2019 годом на 21,2%[3].

Несмотря на то, что по данным Банка России отток капитала из страны сокращается, количество преступлений рассматриваемой категории с каждым годом растет. Если в 2017 году по ст. 193.1 УК РФ всеми правоохранительными органами было выявлено 337 преступлений, то в 2020 – 423 преступления (+25,5%).

Помимо данных преступлений в ряде случаев совершаются и иные преступления. Так, в 2019 году в ходе совместных мероприятий МВД по Республике Марий Эл и УФСБ России по Республике Марий Эл задокументированы преступления, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ. В данном случае речь идет о стратегически важных товарах и ресурсах или культурных ценностях либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсах.

Суть преступлений заключалась в том, что генеральный директор одного ООО подал в Марийский таможенный пост Нижегородской таможни таможенные декларации в электронном виде, подписанные его электронной подписью, и содержащие заведомо недостоверные сведения об изготовителе товара, а также о документах, подтверждающих его приобретение, на вывоз из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику лесоматериалов в объеме 1219.64 куб. м. на общую сумму 3 млн 445 тыс. 570 рублей.

---

[1] Инвойс (англ. invoice) – в международной коммерческой практике документ, предоставляемый продавцом покупателю и содержащий перечень товаров и услуг, их количество и цену, по которой они поставлены покупателю, формальные особенности товара (цвет, вес и т. д.), условия поставки и сведения об отправителе и получателе.

[2] См.: Приговор по делу № 1-24/2019, вынесенному Октябрьским районным судом г. Краснодара 13 марта 2019 г.

[3] См.: В ЦБ оценили незаконный вывод денег за рубеж через банки в 2020 году URL: https://russian.rt.com/business/news/833839-cb-vyvod-sredstva (дата обращения: 05.04.2021).

Имеет также место совершение преступлений, квалифицируемых по ст. 171.2 УК РФ[1], по ст. 176 УК РФ[2], а также других преступлений, в частности предусмотренных ст. 322.1. УК РФ[3].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что усиленная квалифицированная электронная подпись используется для совершения различных преступлений против собственности, в сфере экономической деятельности, преступлений против порядка управления и других.

[1] См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 41802880010000027, возбужденному 20.03.2018 г. по признакам преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 171.2 следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Республике Марий Эл.

[2] См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 11701040048040763, возбужденному 03.10.2017 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ, ч. 1 ст. 176 УК РФ СЧ ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю.

[3] См.: Приговор, вынесенный Вахитовским районным судом г. Казани от 23 июля 2019 г. в отношении Б. обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 322.1, части 1 статьи 173.1 УК РФ.

Майорова Елена Ивановна,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции

Яковлева Лариса Владимировна,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
полковник полиции

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ, А ТАКЖЕ МЕР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ни одно государство в мире еще пока не построило общество, в котором не совершаются преступления. Даже в самых передовых, экономически развитых и относительно благополучных странах Запада преступления систематически совершаются. Наша страна не является каким-то исключением в этом общем правиле. Переход от социалистической формы правления к демократии не привел к уменьшению количества совершаемых преступлений. В период 90-х – 2000-х годов количество преступлений даже выросло. В настоящее время количество совершаемых преступлений заметно снизилось, однако работа в этом направлении не должна прекращаться, наоборот, она должна только усиливаться с целью защиты наших граждан.

В борьбе с преступностью на сотрудников органов внутренних дел в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О полиции» и рядом других нормативно-правовых актов, регламентирующих их деятельность возложен довольно широкий спектр обязанностей. В числе прочих за ними закреплены функции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, а также иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности. Для их осуществления сотрудники наделены довольно широким кругом властных полномочий. Вся совокупность этих

полномочий говорит о том, что сотрудники органов внутренних дел обладают особыми правоохранительными прерогативами. В том числе с ним относится возможность применения ими в случае необходимости физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Нередко сотрудники органов внутренних дел, оказываясь в ситуациях необходимой обороны, крайней необходимости, а также применения мер, необходимых для задержания преступника, стараются избегать применения табельного огнестрельного оружия, использования специальных средств и физической силы при пресечении правонарушений, а также задержании преступников, ссылаясь на неоднозначную трактовку положений статей уголовного кодекса, закрепленных в главе 8. Такие действия со стороны сотрудников ОВД при агрессивном поведении правонарушителей создают опасность как для жизни и здоровья самих сотрудников, так и окружающих лиц, что ни в коем случае нельзя признать допустимым.

Крайне негативное влияние на сотрудников ОВД оказывают участившиеся в последние годы факты необоснованного возбуждения в их отношении уголовных дел следователями Следственного Комитета Российской Федерации в связи с применением ими оружия, специальных средств и физической силы.

Проведенный анализ следственной, а также судебной практики позволил выявить наличие ряда проблем уголовно-правовой оценки действий сотрудников органов внутренних дел, связанных с причинением вреда правонарушителю в результате применения оружия, специальных средств и физической силы. В числе прочих к ним можно отнести:

неверную оценку сотрудниками органов внутренних дел обстоятельств, пресекаемого ими правонарушения (преступления) и задержания правонарушителя, в ходе которых ими осуществлялось применение оружия, специальных средств и физической силы;

недостаточно полный учет следствием и судом всей совокупности факторов, при которых сотрудники ОВД применяют оружие, специальные средства и физическую силу.

В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на необходимость соблюдения условий правомерности применения оружия, специальных средств, физической силы[1].

В тех случаях, когда сотрудники органов внутренних дел объективно превышают пределы необходимой обороны, а также меры, которые необходимы для задержания преступника, они подлежат привлечению к уголовной ответственности по совокупности статьи 286 УК РФ

[1] Каплунов А.И. О правомерности реализации сотрудником полиции права на применение огнестрельного оружия как способа принудительного воздействия, предусмотренного ФЗ «О полиции» // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 22–27.

«Превышение должностных полномочий» и статьи о причинении вреда жизни или здоровью в зависимости от фактических обстоятельств содеянного[1].

Вместе с тем уголовная ответственность для сотрудников органов внутренних дел исключается, если отсутствовал умысел на причинение вреда. Например, по приговору Зеленоградского районного суда г. Москвы от 30 марта 2015 года Н. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Н., занимая должность инспектора ДПС, при выезде по указанию дежурного ОБ ДПС ГИБДД, в связи с поступившей от последнего информацией о вскрытии банкоматов, прибыл совместно с сотрудником ДПС П. в помещение офиса ОАО «Сбербанк России», где находились С., Э. и Л. Данные лица были ими задержаны и по указанию Н. легли на пол. Н., явно выходя за пределы своих полномочий, без надлежащих на то оснований применил насилие, выразившееся в нанесении ранее задержанному, не оказывающему сопротивления гражданину С. двух ударов ладонью правой руки в область затылочной части головы, от которых тот ударился лицом о пол, причинив своими действиями С. физическую боль и телесные повреждения, повлекшие легкий вред здоровью. На основании этих фактов Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда вывод суда первой был признан не соответствующим фактическим обстоятельствам дела, поскольку Н. по прибытии на место происшествия увидел, что у С. и Э. при себе имеются предметы, внешне похожие на пистолеты, и являются ли они огнестрельным или иным оружием, сделать вывод на тот момент Н. не мог. При этом прибывших изначально сотрудников полиции было двое, предполагаемых преступников, трое, кроме того, сотрудники полиции не имели при себе спецсредств – наручников в количестве, необходимом для применения ко всем троим задержанным. Применение Н. физической силы в отношении С. было признано оправданным.

Учитывая указанные обстоятельства, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда пришла к выводу об отсутствии в действиях Н. состава преступления, предусмотренного п. «а»

[1] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.12 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11; О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

ч. 3 ст. 286 УК РФ, отменила обвинительный приговор и прекратила уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ[1].

В приведенном примере объективно сотрудник органов внутренних дел действовал так, как требовала этого создавшаяся обстановка, в соответствии с которой у него были основания полагать, что на тот момент совершалось общественно опасное деяние. Помимо этого, обстоятельства, при которых все это происходило (место, время, а также количество сотрудников полиции и задерживаемых лиц, наличие оружия у последних давали ему основание считать, что в случае неприменения либо промедления в применении физической силы к правонарушителю, а также учитывая характер поведения последнего в момент задержания, имеется непосредственная угроза его жизни и здоровью, а также иным сотрудникам полиции.

Довольно часто сотрудники органов внутренних дел привлекаются к уголовной ответственности в случаях, когда физическая сила и (или) специальные средства применяются ими с нарушением определенных законодательством оснований, условий, а также пределов их использования. Это происходит по причине того, что далеко не всегда они действуют с учетом сложившейся обстановки[2]. Примером таких ситуаций, повлекших привлечение сотрудников органов внутренних дел к уголовной ответственности, может быть следующий:

Мурманским областным судом в 2019 году старший сержант полиции Г. был осужден по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Г., прибыв в подъезд многоквартирного дома для проверки сообщения о возможном совершении В. действий, нарушающих общественный порядок, умышленно, осознавая, что В. фактически находится в беспомощном состоянии в виду сильного алкогольного опьянения, неправомерно применил в отношении него специальное средство – служебное электрошоковое устройство – автономный искровой разрядник «АИР-107У», дважды нанеся удары электрическим током по телу В., причинив ему физическую боль и телесные повреждения.

В приведенном примере видно, что потерпевший не оказывал какого-либо сопротивления сотрудникам органов внутренних дел, не вел себя агрессивно, не создавал для них опасности. Никаких законных оснований для применения в отношении него физической силы или специальных средств не имелось[3].

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.05.2016 по делу № 10-6422/2016 // СПС»КонсультантПлюс».

[2] Никуленко А.В., Смирнов М.А. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2020. № 11. С. 32–36.

[3] Карабанова Е.Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. 2020. № 11. С. 48–52.

Одним и важнейших условий применения оружия сотрудниками органов внутренних дел является минимизация причиненного ущерба задерживаемому лицу. В противном случае, с учетом всех обстоятельств дела, в отношении них может быть возбуждено уголовное дело.

По смыслу ст. 37–38 УК РФ лицо, находящееся в состоянии необходимой обороны либо задерживающее преступника, не должно своими действиями причинить какой-либо вред третьим лицам. Если же это происходит, то действия сотрудника органов внутренних дел с учетом всех обстоятельств могут быть оценены как правомерные, то есть подпадающие под положения ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость».

Как показало проведенное исследование, такие случаи на практике встречаются редко, поскольку сотрудники ОВД в подавляющем большинстве случаев соблюдают требования законодательства и применяют оружие, специальные средства и физическую силу непосредственно в отношении правонарушителей, а интересы третьих лиц нарушаются вынужденно, когда опасность не может быть устранена иными средствами. В этом случае деяние невозможно признать преступным, но только при условии, что сотрудником не было допущено превышения пределов крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Сотрудник полиции, находясь в состоянии крайней необходимости, может причинить вред только в том случае, если возникла и существует угроза личности и правам данного лица, либо иным лицам, охраняемым законом интересам общества или государства. При этом такую угрозу сотрудник полиции в сложившейся ситуации не может устранить иными средствами, кроме совершения тех действий, которые формально подпадают под признаки деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Источники угрозы (опасности) при крайней необходимости могут быть крайне разнообразными. Это могут быть различные неисправные машины и механизмы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, радиоактивные материалы и т. п., стихийные силы природы, животные, деятельность человека и др.

Анализ приговоров показал, что сотрудники правопорядка, действуя в состоянии крайней необходимости, в подавляющем большинстве случаев не выходят за допустимые пределы, действуя в рамках действующего законодательства. Ситуации крайней необходимости, как правило, могут возникать в случае отражения нападения животных и остановки транспортного средства.

Изучение следственной и судебной практики показало, что сотрудники органов внутренних дел в большинстве случаев соблюдают условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление, правильно применяют физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в

соответствии с требованиями ст. 18–24 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О полиции»[1], избегая их применения в случаях, оговоренных в данном законе (ч. 1 и 2 ст. 22, ч. 5 и 6 ст. 23).

Особенно важным моментом в данной работе представляется тот факт, что с целью максимального снижения количества возникновения ситуаций, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов правопорядка, целесообразно активно продолжать работу, направленную на всестороннее повышение правовой культуры населения нашей страны. Во всем многообразии средств массовой информации необходимо систематически пропагандировать обязательность соблюдения законов гражданами, а также правопослушного поведения в целом. Учитывая все большую вовлеченность наших граждан во всемирную паутину Интернет, особенно важное значение приобретает работа в этом направлении именно в данном секторе средств массовой информации.

Маликов Борис Зуфарович,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО
Уфимский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Линевич Ян Владимирович,
преподаватель кафедры
профессиональной подготовки ФГКОУ ВО
Уфимский юридический институт МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ РАЗГЛАШЕНИЕ

Понятие уголовно-правовой охраны сведений о мерах государственной защиты физических лиц, отражает сложную и важную проблему механизма обеспечения правопорядка, правосудия и управления в системе организации государственной власти. Выступая в качестве уголовно-правовых средств госзащиты, конфиденциальные сведения являются предметом преступлений в составах ст. 311 и 320 УК РФ. Криминализация этих деяний отражает объективную реальность опасности разглашения таковых. Ведь завладение ими в целях воздействия на лиц,

[1] Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

взятых под госзащиту, создает риск устранения активного их участия в процессах правосудия, правоохраны и порядка управления. В теории уголовного права и уголовном законодательстве предмет преступления выступает как правовое явление для ряда составов преступлений, являясь значимым объективным признаком. В отмеченных составах преступлений он выступает в качестве информации – «ключа» в реализации других криминальных замыслов. Ведь сами по себе «сведения» о защищаемых государством лицах без их криминального использования никакого социального значения не имеют. В качестве элемента механизма госзащиты они обретают свойство официального атрибута правоохраны, предмета уголовно-правовой защиты и ответственности. Тем самым доступ к ним предельно ограничивается. В «закрытом» формате они обеспечивают функцию госзащиты. В правовом и организационном режиме ограниченного доступа они нейтральны.

Механизм госзащиты включает в себя комплекс мер безопасности, решение организационно-практических процедур охраны, конспирации, специальных процедур жизнеобеспечения, семейного уклада и профессиональной деятельности, включение конкретной личности в ином социальном формате в информационные системы, базы данных, в документальный гражданский оборот, технологии услуг и социального обеспечения. Все это в процессе мер госзащиты обретает информационную основу содержания конфиденциальных сведений. Содержание деятельности сотрудников государственной защиты, как правило, не афишируется, а сведения о защищаемых лицах составляют профессиональную тайну для специалистов, к ним допущенным. Для иных физических лиц, обладающих ими, они носят конфиденциальный характер.

Проблемным вопросом в теории уголовного права и в правовом регулировании организации госзащиты остается вопрос о сущности и характере конфиденциальности сведений о лицах, в отношении которых приняты меры государственной защиты, как предмета преступления, а также о сущности и характере процедурно-функционального аспекта такой специальной деятельности.

Конфиденциальные сведения федеральное законодательство относит к категории профессиональной (официальной) тайны. Они не все подпадают под режим уровня ограниченности (секретности), процедур защиты, установленных для государственной тайны (ст. 9 Федерального закона от 25.04.1995 г. ФЗ-45)[1]. Согласно норме ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 20.08.2004 г. ФЗ-119 государственная защита осуществляется с

[1] О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20.04.1995. № 45-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/10104593 (дата обращения: 24.04.2021).

соблюдением специальных процедур работы со сведениями о защищаемом лице и мерах защиты, если такие сведения законодательством Российской Федерации не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну[1]. Результаты нашего исследования механизма обеспечения конфиденциальности сведений показали, что он достаточно громоздкий, сложный и процедурно в полной мере не отлажен. Это повышает риски утечки информации по халатности, в силу недостаточной полноты официальных мер секретности и конспирации (Постановление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705). Кроме того, в механизме обеспечения конфиденциальности сведений не в полной мере учтен, как нам представляется, обостренный интерес к «сведениям» посторонних лиц. Кроме того, этот интерес к ним может иметь провокационный и завуалированный характер. Реальный доступ к сведениям и обладание ими посторонних лиц лишает всю систему госзащиты ее сущностного предназначения. Более того, позволяет причинять значительный вред системе власти и управления, правосудия, правоохраны, жизни и здоровью физических и должностных лиц, имуществу граждан и организаций.

Учитывая отмеченные выше обстоятельства, наука уголовного права в интересах обеспечения охраны «сведений», как значимого элемента госзащиты и предмета преступления в механизме уголовной ответственности, должна решить проблему теории о более эффективной законодательной их встроенности в специальные составы преступлений, процессы правосудия, управления и правоохраны, дать точную оценку сущности, степени и характера их конфиденциальности, способов и мер сохранения их такого качества и должной степени недоступности.

Сведения о мерах безопасности составляют конкретную информацию конфиденциального характера, либо, относящуюся к государственной тайне. Конфиденциальная информация – информация, владение которой ограничено пределами строго конкретного круга лиц, защищенная от разглашения процедурными мерами работы с ней, а также видами правовой ответственности за ее разглашение. Она составляет тайну в сфере правоотношений по организации государственной защиты физических и должностных лиц в области правосудия и правоохраны, деятельности контролирующих органов. Функционально конфиденциальность как правовое явление равнозначно понятию тайны и ее целям. Понятие тайна сведений, которую субъект стремится скрыть любыми способами от огласки (доступности к ней других лиц), может касаться любых аспектов жизни человека, семьи, профессиональной деятельности, интимных отношений, состояния здоровья, имущественного

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004. № 119-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12136633 (дата обращения: 24.04.2021).

положения, дохода, правонарушений, пристрастий и др. Поэтому в социальной сфере различают виды тайн: адвокатскую, банковскую, врачебную, государственную, коммерческую, церковно-религиозную (исповеди), информационную, личную, профессиональную. Конкретные виды тайн обеспечиваются различными формами и способами защиты. Наиболее полно и обстоятельно обеспечиваются защитой сведения, предметы и объекты, несущие в себе информацию уровня государственной тайны. Все остальные сведения, несущие в себе иные виды тайн, отнесены к категории конфиденциальных. Это положение отражено в перечне сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года № 188.

Российское законодательство не содержит четкого определения понятия «конфиденциальная информация». В ранее действовавшем, но утратившем силу федеральном законе № 24-ФЗ, было нормативно определено, что конфиденциальная информация – документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации. В настоящее время действующий федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ не содержит понятия «конфиденциальная информация». Однако в нем определяется сущность «конфиденциальности». Конфиденциальность – обязательное требование для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, не передавать ее третьим лицам без согласия «инициатора» ее объективирования – первоначального обладателя. Согласно этому же закону «информация» – сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления. Однако закон «Об информации» разрешает обладателю таковой относить ее к категории конфиденциальной самостоятельно. Данное обстоятельство позволяет считать, что официальный перечень сведений конфиденциального характера является открытым.

Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» к сведениям, составляющим государственную тайну, относит сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах деятельности по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения, а также отдельные сведения об указанных лицах. Государственная тайна имеет свою систему защиты, степени режима секретности и виды ответственности: государственная измена (ст. 175 УК РФ) и шпионаж (ст. 176 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1. УК РФ).

Таким образом, анализ правовой природы сведений о мерах госсзащиты относятся к информации, составляющей государственную тайну, а другая – к конфиденциальным сведениям. Подобная разнородная правовая природа сведений о госзащите обнаруживает определенное несовершенство законодательства в области обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, что ведет и к проблемам квалификации преступлений, поскольку уголовным законодательством предусмотрена ответственность не только за разглашение сведений о мерах безопасности, но и за жизнь и здоровье конкретных физических лиц, сохранность их имущества.

Как нами было отмечено выше, обязательным признаком рассматриваемых составов является предмет преступления в виде сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса, судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также их близких. В соответствии с Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства к «сведениям», подлежащим защите, относится любая информация об осуществлении государственной защиты и о защищаемом лице. В Правилах содержится их перечень, источники их наличности и ресурсы хранения. Конфиденциальные сведения, содержащиеся в них, подлежат блокированию в целях предупреждения их несанкционированного распространения.

Режим конфиденциальности «сведений» имеет срочный характер, – действует с момента принятия решения компетентным органом об осуществлении мер государственной защиты: безопасности либо социальной поддержки. Таким компетентным органном выступают суд (судья), начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, либо материалы контролирующего, либо правоохранительного органа.

Важное значение в процедуре квалификации деяний за разглашение конфиденциальной информации имеет формальное нормативное определение круга субъектов, допущенных к ее обладанию. Все остальные лица, не входящие в круг таких лиц, признаются посторонними, а сам факт получения таковыми лицами конфиденциальной информации является результатом общественно опасного деяния – разглашения таковой. Анализ законодательства об организации госзащиы позволяет определить временные границы разглашения конфиденциальных сведений. Предмет преступления возникает с момента начала принятия решения компетентным органом о применении мер госзащиты. Объективным основанием для принятия такого решения считается момент выявления наличия угрозы безопасности. Такая угроза может иметь место: а) до возбуждения уголовного дела; б) в период после возбуждения уголовного

дела в период проведения процессуальных процедур. Угрозы должны быть адресованы заявителю, очевидцу или жертве преступления либо иным лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления, а также близким родственникам в целях склонения к отказу от сотрудничества с органами правосудия. Момент утраты конфиденциального качества сведений о мерах госзащиты связан с окончанием действия решения о применении мер безопасности. Это зависит от характера конкретно применяемой меры (совокупности мер) в отношении защищаемого лица. Если эта мера связана, например, с личной охраной, охраной жилища и имущества, то она прекращается в любое время, если в ней отпала необходимость.

Тайна о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, должна обеспечиваться соответствующими мерами и способами с учетом того, что она как таковая сама по себе представляет по своей сущности и содержанию. Тем самым конфиденциальность сведений является функциональным элементом механизма госзащиты. Обладатели такой информации становятся субъектами специальных пассивных уголовно-правовых правоотношений, обязанными к сохранению ее тайны под угрозой уголовной ответственности.

Полагаем, что уголовно-правовой механизм защиты конфиденциальных сведений от разглашения физическими лицами, не связанными с правоохранительной деятельностью, в обязательном порядке, должны подлежать предупреждению об этом в письменной форме. Это положение должно найти отражение в уголовном законе, что придаст основаниям уголовной ответственности четкие правовые рамки в части оценки вины.

Мамбетова Фатимат Абдуллаховна,
ведущий научный сотрудник
отдела экономики инновационного процесса
Института информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук,
доктор экономических наук, доцент

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Происходящая в настоящее время цифровая трансформация социально-экономических систем наряду с кризисными явлениями в мировой экономике диктует необходимость кардинального пересмотра приоритетов стратегического развития как на уровне государства, так и на уровне регионов страны. Цикличность мировых кризисов и нагрянувшая в

2020 году пандемия ускорили процесс цифровой трансформации в экономике большинства государств, при этом различный уровень развития цифровой среды социально-экономических систем предполагает использование различных подходов к созданию цифровой экономики, адекватной и конкурентоспособной в современных условиях.

В рамках обозначенной проблемы приведем существующие в современных исследованиях трактовки категорий «цифровая экономика», «экономика знаний», «технологическая трансформация» и других определений, присущих новой парадигме знаний о современных социально-экономических системах, пришедших на смену индустриальному типу производственных отношений. В развитых мировых экономиках уделяют большое внимание системным элементам, формирующим и развивающим цифровую экономику. В целях формирования цифровой экономики и общества знаний принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1632 от 28 июля 2017 года)[1]. В настоящее время весьма важно и необходимо проведение эффективной трансформации социально-экономических систем различного уровня в цифровую.

Переходя к пониманию цифровой трансформации как научной категории, отметим, что она эволюционирует вместе с развитием технологий: от перевода и хранения в цифровом формате до разработки и быстрого внедрения процессов, связанных с цифровизацией.

В настоящее время нет единого определения цифровой трансформации, и мы поддерживаем мнение ученых о том, что цифровая трансформация определяется развитием технологий, и соответственно ее определение не может быть единым и четко однозначно устойчивым во времени. Однако сейчас есть необходимость внесения определенности в понимание сущности цифровой трансформации с учетом происходящих изменений на данном этапе с целью очерчения ее основных направлений.

Понятие «цифровая трансформация» включает в себя такие термины, как: «оцифровка», представляющая собой преобразование информации путем ее переноса с физических носителей на цифровые, тогда как «цифровизация» – это создание инновационного продукта в цифровом формате, потребительские свойства которого совершенно новые[2]. «Оцифровка» предполагает развитие механизма бизнес-процессов,

[1] «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ № 1632 от 28 июля 2017 года. 88 с. URL: https://www.static.government.ru›media/files/….pdf (дата обращения: 19.03.2021).

[2] Коптелов А. Готов ли ваш бизнес к цифровой трансформации? URL: https://www.executive.ru/management/itforbusiness/1985479-gotov-li-vash-biznes-k-tsifrovoi-transformatsii (дата обращения: 19.09.2007).

которые могут быть отнесены к 5-му технологическому укладу, отнесенному к 1970–2010 гг., тогда как посредством цифровизации можно значительно повысить конкурентные преимущества и осуществить рывок в развитии социально-экономических систем, что свойственно 6-му технологическому укладу. В английском языке нет разграничения при определении «оцифровка» и «цифровизация», используется один термин – «digitization». Проведенные исследования понимания «digital» различными иностранными компаниями выявило неоднозначную трактовку этого понятия, а именно одни относят к «digital» все процессы, приводящие к технологическим инновациям, другие воспринимают «digital» как ИТ, третьи – как инвестиции, интегрирующие технологии в бизнес, и т.д. Что касается понимания категории «цифровизация» в нашей стране, то до сих пор существует такое восприятие данного процесса, как современная автоматизация и информатизация и как цифровизация основных процессов. В связи с этим необходимо определить термин «…Автоматизация – одно из направлений научно-технического прогресса, использующее саморегулирующие технические средства и математические методы с целью освобождения человека от участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов, изделий или информации, либо существенного уменьшения степени этого участия или трудоемкости выполняемых операций»[1]. Вместе с тем «…Цифровизация – это процесс, направленный на оцифровку всех информационных (и даже материальных) ресурсов (создание цифровых копий) и формирование сетевых платформ взаимодействия, с целью получения прогнозируемого и гарантированного результата на любое управляющее воздействие с использованием средств автоматизации»[2].

В связи с тем, что цифровизация как процесс имеет такие субъекты социально-экономической системы, как человек, предприятия, отрасли, государственные сектора, существует необходимость системного изучения цифровой трансформации как процесса.

Цифровая трансформация предполагает не только использование современных программных продуктов и оборудования, а также подразумевается новое мышление, т. е. новые подходы к управлению, к культуре ведения бизнес-процессов как внутри компании, так и во внешней среде, что повысит производительность работника, конкурентоспособность и поможет стать прогрессивной компанией,

[1] Капустин Н.М. Автоматизация производственных процессов в машиностроении: учеб. для вузов / под ред. Н.М. Капустина. М.: Высшая школа, 2004. – 415 с.

[2] Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. URL: http://Medium.comCEMI-RAS. Ноябрь. № 11. 2017.

ориентированной на создание бизнес-процессов нового поколения в аспекте цифровой экономики[1].

Как мы видим, цифровая трансформация меняет среду каждого человека, компании, при этом необходимо отметить, что цифровая трансформация это не простая замена физического ресурса на цифровой, но данная трансформация ведет к новой формации потребления и предоставления услуг, что приводит к ведению диалогов в онлайн-формате, причем между сторонами, у которых раньше не было такого формата общения. Если компания эффективно автоматизирует процессы, ей также необходимо нацелиться на новую формацию ведения бизнеса, то есть использование новых технологий в производстве и предоставлении услуг. Это не цель новой формации бизнес-среды как цифровой экономики, это средство для перестройки их операционной деятельности, продукции, маркетинга, культуры и целей для будущего роста.

Новый формат деятельности субъектов социально-экономической системы всех уровней в условиях трансформации в цифровую экономику предполагает определение стратегических приоритетов и эффективных методов их достижения. Понимание цифровой трансформации приводит нас к выводу о том, что каждому региону как мезоуровню социально-экономической системы государства для успешного развития в новой среде необходимо переориентировать стратегические приоритеты, позволяющие максимально адаптироваться к цифровой экономике путем ускоренного внедрения технологий нового поколения во все аспекты бизнес-процессов социально-экономической системы региона. Использование новых технологий позволит трансформировать принципы ведения бизнеса, создания новых продуктов и услуг, культуру. При этом необходимо постепенно отказаться от устаревших методов ведения бизнеса, технологий, что может затормозить процесс трансформации и привести к затяжному кризису региональную социально-экономическую систему. Субъекты региональной социально-экономической системы должны четко осознавать, что использование новых технологий во всех сферах жизнедеятельности должны привести к переосмыслению функционирования компаний, органов управления и т. д. и ее взаимодействия с окружающей средой, то есть цифровая трансформация – процесс, который адаптирует все уровни социально-экономической системы от мирового до уровня человека к новой формации и условиям цифрового общества, по сути кардинально меняются предпочтения потребителя и создаются новые бизнес-модели и их формы взаимодействия, под новый формат мышления.

[1] Грибанов Ю.И., Репин Н.В. Перспективы IT-аутсорсинга в цифровой экономике. Россия 2025: от кадров к талантам. URL: http://www.erej.ru/Articles/2018/Gribanov_Repin.pdf (дата обращения: 19.03.2021).

Определение сути цифровой трансформации позволяет перейти непосредственно к проблеме реализации данного процесса на уровне региона и определении стратегических приоритетов, позволяющих адаптироваться к новой формации – цифровой экономике – обеспечить опережающее развитие.

Одним из ключевых элементов цифровой трансформации и стратегическим приоритетом для субъектов региональной социально-экономической системы должна стать замена старых процессов взаимодействия цифровыми на современные технологии. Эти изменения происходят для адаптации к новой модели цифрового потребителя. Так, субъекты социально-экономической системы, эффективно адаптирующиеся к новым моделям работы, становятся конкурентоспособными в условиях новой формации. Как пример, большие данные и современная аналитика позволяют быстро и точно решать такие разные задачи как производственный ремонт, или предотвращение мошеннических операций[1]. В данной ситуации ключевой проблемой цифровой трансформации может стать формирование новой модели корпоративной культуры и организация бизнеса, предполагающая адаптивный подход и риски. К данной формации в настоящее время готов мелкий и средний бизнес, при этом крупный консервативен и менее гибок с устоявшимися подходами к управлению.

Вторым стратегическим приоритетом развития социально-экономической системы на уровне региона, как представляется, должно стать формирование, а в некоторых регионах Российской Федерации восстановление высокотехнологичного производства, адаптированного к новой формации экономики.

Третьим стратегическим приоритетом развития социально-экономической системы на уровне региона, на наш взгляд, является трансформация системы государственного управления на уровне региона и муниципалитета с учетом новой формации и модели бизнес-процессов.

При оценке современной ситуации и уровня цифровой трансформации в мире и в России, отметим, что существуют существенные различия в реализации цифровой трансформации развитых мировых экономик и экономики России, и, собственно, сами стратегии цифровизации. Стратегии цифровизации в развитых странах кардинально отличаются друг от друга, на наш взгляд, это правильный подход, каждая развитая экономика определяет свои приоритеты развития. Так, в Германии используется новый подход к повышению конкурентоспособности продукции на основе использования «киберфизических систем» в производственных процессах. Эта так

[1] Сумина Е.В., Зябликов Д.В. Технологические приоритеты стратегического развития региона в условиях цифровой индустриализации // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 3. С. 1535–1554.

называемая новая формация взаимодействия интеллектуального оборудования и средств производства.

Переходя к анализу степени цифровизации в Российской Федерации, с учетом реализации национальной программы «Цифровая экономика РФ», отметим, что Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» на основе собственной методики расчета индекса «Цифровая Россия» составили рейтинг субъектов Российской Федерации за 2018 год. «Данный индекс отражает состояние процессов цифровизации в субъектах РФ, а именно: уровень использования в регионе потенциала цифровых технологий во всех аспектах народно-хозяйственной деятельности, бизнес-процессах, продуктах, сервисах и подходах к принятию решений с целью модернизации социально-экономической инфраструктуры субъектов РФ»[1].

«…Расчет проводился по 100-балльной шкале, и интервал разрыва показателей индекса «Цифровая Россия» в первом полугодии 2018 года снизился от 37,2 до 75,14 баллов с 26,06–70,01 в 2017 году, что означает снижение разрыва между лидерами и отстающими субъектами РФ».

Лидерство среди субъектов РФ занимает город Москва, с 2012 года реализующая программу «Информационный город», данный субъект также активно работает и входит в экспертные группы, созданные при АНО «Цифровая экономика», также направления развития субъекта предусмотрены в федеральной программе «Цифровая экономика России».

Разрыв между лидерами и отстающими субъектами составил в среднем 80,93%, однако по всем субъектам РФ наблюдается положительная динамика роста индекса, прибавив в среднем 54,80% к показателям прошлого года.

По результатам расчета и построения рейтинга федеральных округов мы видим, что уменьшения разрыва между лидерами и отстающими не происходит при росте значения самого индекса. Лидером в 2018 году является Уральский федеральный округ с 68,34 баллами. Второе место занял Приволжский округ, а третье – Центральный округ.

Цифровая трансформация, приводящая к формированию безопасной цифровой экономики, в отличие от инновационной экономики, более сложная и всеобъемлющая стадия развития, так как новая формация выдвигает новые требования к инновациям и результативности социально-экономических систем на уровне региона. Кризис, побудивший ускоренную цифровую трансформацию, выявил проблемы стратегического планирования в таких высокотехнологичных сферах страны, как биотехнологии, медицина, цифровые технологии и т. д. Усугубление

[1] Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО. Индекс «Цифровая Россия». URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 19.03.2021).

экономического кризиса (прогнозируемого многими экспертами), спровоцированного достижением пределов производительности появившимся в 2020 году коронавирусом, вынудило ускорить цифровую трансформацию. Спад мировой экономики, в том числе и российской, может ускоренно подготовить ее к структурной трансформации, готовой воспринять базисные инновации с соответствующим мультипликативным эффектом, приводящим к росту.

Как мы понимаем, определение стратегических приоритетов как на уровне страны, так и ее регионов, для создания безопасных условий функционирования экономики может быть в нескольких направлениях:

1. Импорт технологий с отечественным развитием определенных направлений исследований и разработок совместно с зарубежными учеными;

2. Лидирование по избранным направлениям научно-технологического развития возможно по новым продуктам, технологиям и услугам, еще не занятым нишам на рынках, и на этой основе формирование единой инновационной системы.

Выявление стратегических приоритетов развития региональных социально-экономических систем предполагает два подхода: первый – в рамках догоняющего развития с адаптацией имеющихся новых технологий в производство; второй – стратегия опережающего развития на основе создания новых производств и формирования новых высоко-технологичных отраслей.

В рамках новой формации и цифровой экономики второй вариант наиболее предпочтителен, так как ориентирован на систему долгосрочных технологических приоритетов и опережающего развития. Данный подход предполагает создание соответствующих организационных условий с формированием инновационной системы с кадровыми ресурсами и инфраструктурой с реализацией нового механизма управления, позволяющего достигнуть технологическое развитие социально-экономической системы региона.

Масалов Александр Григорьевич,
профессор кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
доктор политических наук, профессор

Масалов Григорий Александрович,
студент 3 курса магистратуры
Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ

В процессе организации российским государством противодействия терроризму и экстремизму формируется устойчивая совокупность взаимодействующих органов государственной власти и общественных формирований, называемая «государственно-правовым механизмом противодействия экстремизму и терроризму».

При лингвистическом анализе термина «государственно-правовой механизм противодействия экстремизму и терроризму» особое внимание обращается на ключевой термин «механизм», заимствованный из механики, где в узком техническом смысле используется для обозначения внутреннего устройства машины, прибора, аппарата, приводящего их в действие[1]. Вместе с тем, юридические науки применяют термин «механизм» в описаниях обладающей свойствами целого интегрированной совокупности частей (элементов), каждая из которых занимает свое место в обществе и при выполнении собственных функций упорядоченной передачи какого-либо вида энергии другим частям (элементам) механизма участвует в их совместной реализации целей и задач, определенных создателем этого механизма. В такой трактовке термина явление, называемое механизмом, обладает свойствами целого, интегрированные структурные части (элементы) которого осуществляют упорядоченное взаимодействие для достижения конкретной цели.

Следовательно, государственно-правовой механизм противодействия экстремизму и терроризму представляет собой совокупность организованных государством общественных формирований, которые взаимодействуют в соответствии с законодательством и иными социальными нормами в целях противодействия экстремизму.

[1] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 283.

Структурно-функциональный анализ этого механизма обнаруживает в его структуре три части, обладающих признаками подсистемы – институциональную, нормативно-правовую и коммуникативную, каждая из которых согласно своим полномочиям и общим целям – организованного противодействия экстремизму и терроризму, выполняет собственные функции. Так, институциональная часть (подсистема), состоящая из публичных органов власти – органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также иных институтов гражданского общества, придает системность, структурированность и организованность механизму, нацеливает государство и общественные формирования на противодействие экстремистским и террористическим организациям и отдельным лицам, совершающим действия террористического и экстремистского характера; нормативно-правовая часть (подсистема) регламентирует формы и методы самостоятельного и совместного функционирования элементов институциональной части (подсистемы), создает правовые основы целеполагания и функционирования всего механизма и его структурных элементов; коммуникативная часть (подсистема) интегрирует структурные элементы механизма постоянными, периодическими или единичными коммуникациями, обеспечивающими более или менее устойчивыми межэлементными связями-отношениями, совокупность которых обеспечивает консолидацию и взаимообусловленное функционирование всех элементов механизма в большой зависимости от выполнения каждым из них собственных функций.

Таким образом, для обеспечения высокой эффективности противодействия экстремизму и терроризму соответствующий механизм и его части должны обладать системностью, то есть способностью перестраивать их структуру и перераспределять функции в ответ на изменения условий общественной жизни, подвергаемых воздействию социально опасной деятельности организаций, занимающихся экстремистской и террористической деятельностью.

Определения, приведенные в федеральном законодательстве об экстремизме и терроризме, содержат квалифицирующие признаки преступлений и правонарушений экстремистского и террористического характера. Однако развитие технической и научно-технологической основ деятельности экстремистских и террористических организаций приводит к тому, что некоторые новые методы и методики антиобщественной деятельности, особенно в информационно-коммуникативной сфере[1], не попадают под содержащееся в законе описание квалифицирующих признаков конкретного преступления и правонарушения экстремистского

[1] Бортников А.В. В соцсетях действуют несколько сотен тысяч аккаунтов террористов. URL: https://tass.ru/politika/4615150 (дата обращения: 12.03.2021).

характера, содержащееся в закрытом перечне закона, что позволяет экстремистам уклоняться от ответственности за антиобщественные деяния. Такие «пробелы» законодательства, по нашему мнению, можно устранять подобно тому, как в антинаркотическом законодательстве перечни запрещенных препаратов оперативно дополняются новейшими наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами, выявленными в сфере их незаконного оборота.

Очевидно, устранение «пробелов» в законодательстве может способствовать конкретизации целей государственно-правового механизма противодействия экстремизму и терроризму.

Структура институциональной части механизма противодействия экстремизму и терроризму, а также функциональные обязанности ее основных элементов, действующих на федеральном уровне, определены Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»[1] и Федеральным законом «О противодействии терроризму»[2], которые законодательно закрепляют руководящую роль в этом механизме Президента РФ, определяющего основные направления государственной политики в области противодействия экстремистской и террористической деятельности, устанавливающего компетенцию федеральных органов исполнительной власти в противодействии экстремизму и терроризму.

Правительство РФ, входящее в структуру федерального уровня механизма, определяет компетенцию и полномочия федеральных органов исполнительной власти в области противодействия экстремизму и терроризму, организует разработку и осуществление мер по предупреждению экстремистской и террористической деятельности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий их проявлений, обеспечивает федеральные органы исполнительной власти необходимыми силами, средствами и ресурсами[3].

Как следует из Федеральных законов «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», структурными элементами механизма противодействия экстремизму и терроризму, помимо федеральных органов исполнительной власти, также являются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, которые участвуют в противодействии экстремизму и терроризму в пределах их компетенции.

Для координации антиэкстремистских и антитеррористических мероприятий федеральных органов исполнительной власти, органов

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 г. № 114-Ф. URL: http://www.base.garant.ru/12127578 (дата обращения: 11.03.2021).

[2] О противодействии терроризму: федер. закон от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840 (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Там же.

исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и общественных объединений формируются координирующие органы из представителей указанных органов и иных лиц. Решения таких органов могут оформляться актами (совместными актами) органов, имеющих своих представителей в координирующем органе[1].

В структуре институциональной подсистемы механизма важные функции выполняют правоохранительные органы государства, которые выявляют и пресекают незаконную деятельность экстремистских и террористических организаций и отдельных граждан. Во взаимодействии с ними действуют общественные формирования правоохранительной направленности, участвующие в профилактике экстремизма, которая, согласно Федеральным законам «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», является приоритетным направлением противодействия экстремизму и терроризму. Профилактическая работа включает воспитательные, пропагандистские и иные меры, направленные на предупреждение экстремизма и терроризма.

Механизм также имеет региональный и местный уровни. Их структура и распределение функций между соответствующими элементами аналогичны федеральному уровню механизма.

В профилактической работе участвуют коллективы образовательных организаций и другие коллективы, которые могут включаться в структуру местного уровня государственно-правового механизма противодействия экстремизму и терроризму.

Нормативно-правовую часть (подсистему) государственно-правового механизма противодействия экстремизму и терроризму составляют Конституция РФ, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1] и Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[2], а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая среди основных угроз государственной и общественной безопасности России выделяет деятельность террористических, экстремистских организаций, иных радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 г. № 114-Ф. URL: http://www.base.garant.ru/12127578 (дата обращения: 11.03.2021).

[2] О противодействии терроризму: федер. закон от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840 (дата обращения: 15.03.2021).

инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1].

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз[2].

В статье 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» определены следующие основные принципы противодействия экстремистской деятельности: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремизму; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности. А в статье 3 закона указаны следующие основные направления противодействия экстремизму: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц[3].

В соответствии с указанными принципами и направлениями должен функционировать государственно-правовой механизм противодействия экстремизму и терроризму.

Деятельность некоторых органов государственной власти дополнительно регламентируют специальные нормативные акты. Например, правовые основы организации и деятельности межведомственных органов, координирующих антиэкстремистскую работу исполнительных органов РФ, помимо Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» составляют Указ Президента РФ и подзаконные акты министерств и ведомств. Так, при

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_191669/942772dce30cfa36b67 1bcf19ca928e4d698a928 (дата обращения: 12.03.2021).

[2] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденная распоряжением Президента РФ 28.11.2014 г. № Пр-2753. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_194160 (дата обращения: 14.03.2021).

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 г. № 114-Ф. URL: http://www.base.garant.ru/12127578 (дата обращения: 11.03.2021).

организации взаимодействия с другими федеральными органами в сфере антиэкстремистской деятельности МВД России руководствуется Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1], Указом Президента РФ от 17 февраля 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации»[2], Положением о МВД России, Типовым положением о территориальном органе МВД России[3], ведомственными нормативными актами, согласно которым, в Министерстве созданы Главное управление по противодействию экстремизму МВД России и Центр по противодействию экстремизму, а в региональных органах МВД России – центры по противодействию экстремизму[4].

Часть 16 статьи 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязывает полицию осуществлять противодействие деятельности экстремистских организаций в соответствии с федеральным законом путем реализации мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций и отдельных граждан[5].

Согласно Положению о Главном управлении по противодействию экстремизму МВД России[6], например, на это управление, являющееся головным оперативным подразделением Министерства в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму, и подведомственные ему структурные подразделения территориальных органов МВД России возложены функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому

---

[1] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_110165 (дата обращения: 14.03.2021).

[2] О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: указ Президента РФ от 17.02.2016 г. № 64. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/40532 (дата обращения: 12.03.2021).

[3] Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699. URL: www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 209309/4d6318309226e8d4705bba486d099ee622aa8a3f (дата обращения: 14.03.2021).

[4] Главное управление МВД России по Ставропольскому краю. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/ struktura (дата обращения: 14.03.2021).

[5] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_110165 (дата обращения: 14.03.2021).

[6] Положению о Главном управлении по противодействию экстремизму МВД. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_ po_ protivodejstviju_j (дата обращения: 14.03.2021).

регулированию, а также правоприменительные полномочия в области противодействия экстремистской деятельности и терроризму[1].

Действия правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму также регламентируют Правила определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей, утвержденные постановлением Правительства РФ от 6 августа 2015 г. № 804[2] и другие нормативные правовые документы, в соответствии с которыми структурные элементы механизма формируют коммуникативную часть, обеспечивающую вертикальное, горизонтальное или функциональное иерархично организованное взаимодействие всех элементов механизма, обеспечивающих его целенаправленность, целостность, работоспособность, функциональность.

Многоуровневая многофункциональная структура исследуемого государственно-правового механизма призвана обеспечивать комплексное решение проблем противодействия экстремизму и терроризму. Однако Президент России В.В. Путин неоднократно указывал, что «серьезную озабоченность вызывает рост преступлений экстремистской направленности – почти на 15 процентов... экстремисты отравляют общество ядом воинствующего национализма, нетерпимости и агрессии. К чему это может привести, мы хорошо знаем по примеру соседней страны - Украины»[3].

Криминологический анализ преступности за последующий период показывает, что указанные Президентом России угрозы экстремизма и терроризма сохраняются на высоком уровне, о чем свидетельствуют статистические данные[4], а в деятельности государственно-правового механизма противодействия экстремизму и терроризму имеются существенные недостатки, вследствие чего возникает необходимость в его

---

[1] Главное управление МВД России по Ставропольскому краю. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/ struktura (дата обращения: 14.03.2021).

[2] Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей: Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 г. № 804. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184122 (дата обращения: 14.03.2021).

[3] Расширенное заседание коллегии МВД 4 марта 2015 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47776 (дата обращения: 14.03.2021).

[4] Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: https://minjust.ru/ru/ node/243787 (дата обращения: 11.03.2021).

постоянном мониторинге и досконально структурно-функциональном анализе, для которых может быть использован представленный в настоящей статье теоретико-методологический подход.

Таким образом, экстремизм и терроризм остаются значительной реальной угрозой национальной безопасности России, требующей консолидации усилий всего общества для повышения эффективности государственно-правового механизма противодействия экстремизму по следующим направлениям:

– формирование у граждан России, особенно молодежи, устойчивого мировоззрения, системообразующими компонентами которого должны являться национальная система культурных ценностей и патриотизм;

– широкая практика программно-целевых методов реализации созидательного потенциала молодежи, обладающей высокой социальной мобильностью и коммуникабельностью, активностью и новаторскими способностями;

– развитие сотрудничества правоохранительных органов государства с институтами гражданского общества правоохранительной направленности по выявлению и пресечению деятельности лиц, взаимодействующих с экстремистскими организациями;

– более активное стимулирование деятельности ученых, занимающихся проблемами научно-методического обеспечения проблем противодействия экстремистским организациям, изучающих феномен экстремизма и разрабатывающих методики решения актуальных задач выявления и пресечения противоправных действий общественных объединений и лиц, занимающихся экстремистской деятельностью.

Государство и гражданское общество должны противопоставить идейно-политической работе экстремистских и террористических организаций современные высокотехнологичные методы работы правоохранительных органов, поддерживаемых всем обществом.

Махошева Салима Александровна,
заведующая отделом Экономика знаний
и опережающее региональное развитие
Институт информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
доктор экономических наук, профессор

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕМИРОВЫХ УГРОЗ[1]

В условиях поиска оптимальных вариантов развития территориальных экономических структур особое значение представляет развитие цифровой экономики и формирование новой архитектуры региональных социально-экономических систем как элемента обеспечения экономической безопасности России в условиях современных общемировых угроз. В настоящее время в наиболее экономически развитых странах осуществляется поэтапный переход от традиционной модели экономического роста к постиндустриальной парадигме развития, в рамках которой основной приоритет отдается ценностям гуманитарного порядка, прежде всего человеку, поскольку творческий потенциал, его способность генерировать инновации являются одними из основных ресурсов экономического роста. Существующая стратегия управления цифровой безопасностью в регионах не в достаточной мере нацелены на решение первоочередных задач, которые непосредственно связаны с формированием новой архитектуры региональных социально-экономических систем. Поиск решений, обеспечивающих устойчивость развития социально-экономической системы, связан с необходимостью разработки методов инновационного развития и управления данной сферы.

Современный этап развития российской экономики характеризуется необходимостью форсирования экономического роста, обеспечения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности предприятий. Основным фактором в решении обозначенных задач является использование инновационных технологий, освоение наукоемкой продукции, внедрение в производство новых организационных форм и разработок. Инновационные формы развития позволяют экономическим субъектам освоить более выгодные рыночные сегменты, обеспечить себя конкурентными преимуществами, участвовать в региональном разделении труда.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00766.

Решение вопросов, связанных с переходом общества и экономики на новую парадигму, требует создания инновационной системы, которая должна охватывать всю национальную экономику. Средства, которые выделяются на развитие национальной цифровой безопасности, необходимо направить, в первую очередь, на основание и построение инновационной инфраструктуры. Для решения вопросов, связанных с организацией функционирования новой инновационной инфраструктуры цифровой экономики, нужно знать, какие инновационные процессы протекают на микро-, мезо- и макроуровнях.

Конструктивную базу цифровой экономики должны формировать предприятия, которые, в отличие от существующих в настоящее время типов, будут иметь высокотехнологичные и высокоавтоматизированные основные фонды, высококвалифицированных специалистов и работников рабочих профессий, настроенных на постоянное пополнение своих знаний и настроенных на внедрение инноваций и научных разработок в производство. Основная задача, которую предстоит решить, состоит в том, чтобы подготовить предприятия к новым условиям функционирования, найти наиболее приемлемую организационную форму, подготовить необходимые кадры, создать соответствующую производственную базу. Ясно, что предприятие может быть «игроком» в инновационной экономике в том случае, если будет обладать определенным инновационным потенциалом.

Существующая реальность показывает, что инновационная активность предприятий в России невелика. Удельный вес предприятий, разрабатывавших и внедрявших новые либо усовершенствованные продукты и технологические процессы, в промышленности составляет 10,3%. Это значительно ниже, чем в Португалии (26%) и Греции (29%), отличающихся минимальными показателями инновационной активности среди стран Европейского союза. Разрыв же с лидирующими государствами, такими, как Нидерланды (62%), Австрия (67%), Германия (69%), Дания (71%) и Ирландия (74%), достигает 10–12 раз[1].

Анализ инновационной активности предприятий промышленных отраслей страны показывает, что она находится на низком уровне, причем это характерно для всех видов деятельности, развитие которых должно быть связано именно с инновациями. Как известно, процесс инновационного развития в большой степени связано с технологическими процессами, технологическим обменом. Однако большинство предприятий не участвуют в приобретении новых технологий, их менее тысячи, а в передаче технологий участвуют несколько десятков. Наибольшую

[1] Salima A. Makhosheva, Natalia Y. Rud, Marina M. Kandrokova, Magamed V. Israilov, Fatimat B. Shinahova The paradigm of sustainable development and innovation in the region. Espacios. 2018. Т. 39. № 47.

активность проявляют сырьевые отрасли, которые располагают свободными финансовыми ресурсами. К ним относятся электроэнергетика, машиностроение и металлообработка. У них основными источниками финансирования инновационных процессов являются собственные средства, которые занимают 80–90% затрат предприятий.

Одним из наиболее существенных элементов системы инновационного процесса является инновационный потенциал, отражающий способность к усовершенствованию или обновлению системы и определяющий техническое лидерство. Под инновационным потенциалом мы будем понимать системный показатель, характеризующий уровень готовности экономической системы выполнить задачи, обеспечивающие достижение поставленной инновационной цели или программы инновационных стратегических изменений. Существует большое количество определений инновационного потенциала[1]. По нашему мнению, инновационный потенциал – это не только вероятность создания чего-то нового, воплощение в экономику новшеств, но и возможность использовать инновации для поступательного и динамического развития.

Важным аспектом является величина инновационного потенциала, которым располагает предприятие, ибо он позволяет оценить возможности инновационной деятельности предприятия, скорректировать свое поведение на рынке. Правильная оценка инновационного потенциала позволяет более четко и точно определить стратегию инновационного развития, принимать управленческие решения, реализовать выбранную стратегию инновационного развития.

Предлагается несколько расширить понятие инновационного потенциала – это не только наличие у предприятия интеллектуальных и финансово-экономических ресурсов, сюда необходимо включить и другие факторы: кадровые, правовые, организационные, управленческие, информационные и материально-технические, а также инфраструктуру инновационной системы. Существенной становится задача определения основных показателей инновационного потенциала.

В соответствии с международными стандартами, инновацию определяют как «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, усовершенствованного технологического процесса в практической деятельности и в новом подходе к социальным услугам».

[1] Gurtuev A., Derkach E., Makhosheva S., Ivanov Z. (2020) A Bayesian approach to investment in innovation projects with the presence of fake innovators. Heliyon, Volume 6, Issue 11.

Наиболее функциональным кажется определение И.В. Бестужева-Лады, которое дает возможность ввести понятие нововведения в контекст соотношения форм конкретизации предвидения и управления[1]. Сданной точки зрения, нововведение можно определить как разновидность управленческого решения, вследствие которого совершается трансформация процесса, явления экономического, политического, социального и т. д. Предлагаемое определение активно тем, что четко вводит нововведение в ряде положения форм конкретизации управления с причислениями его к особому подклассу текущих управленческих решений.

Суть инновационных процессов определяет отечественный футуролог В.С. Дудченко как «обновление, перестройка, развитие всех аспектов нашей жизни», и что «ростки нового порождаются в противоречиях, преодолении тупиков и разрывов в процессе всей человеческой жизни. В фокусе социальных инноваций не только процесс, но и человек с его способностью и развитием мыслительных процессов»[2].

Таким образом, инновации в целом и цифровая экономика в частности выступают основным и доминирующим фактором формирования новой архитектуры региональных социально-экономических систем не только с точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности, но и в контексте современных общемировых угроз.

[1] Бестужев-Лада И.В. Исследования будущего: проблемы и решения. Russian Futures Studies Academy. 2000 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 28.08.2006. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2633 (дата обращения: 25.03.2021).

[2] Tumenova S.A., Kandrokova M.M., Makhosheva S.A., Batov G.H., Galachieva S.V. Organizational knowledge and its role in ensuring competitiveness of modern socio-economic systems // Espacios. 2018. Т. 39. № 26.

Мещерякова Елена Ивановна,
старший научный сотрудник
Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил
Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
доктор педагогических наук, профессор

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Исследование проблем, связанных со становлением профессиональной идентичности сотрудников силовых структур в период их профессиональной подготовки в ведомственных вузах, сохраняют свою актуальность и требуют вдумчивого исследования представителями различных научных областей – философии, социологии, психологии, педагогики и др. Одну из важнейших причин этого мы видим в том, что поддержка становления профессиональной идентичности – это процесс, неразрывно связанный с превенцией антипода этого личностного феномена, а именно профессионального марганализма. О том, насколько важно предупредить профессиональный маргинализм сотрудников силовых структур, свидетельствуют статистические данные, а также результаты исследований ученых-философов (М.К. Мамардашвили, В.С. Мартьянов, С.В. Оболкина, Ю.Н. Солонин и др.), социологов (И.П. Попова, С.П. Гурин, О.А. Корнилова, Л.И. Кемалова и др.), психологов (С.Н. Вайтулевич, Е.П. Ермолаева, А.И. Калашников, С.А. Минюрова, С.Э. Полякова, Н.А. Сайнакова и др.).

Несмотря на актуальность, своевременность и значимость для общества, государства, личности, актуальные проблемы, связанные с превенцией профессионального маргиналима как антипода профессиональной идентичности сотрудников силовых структур, в исследованиях отечественных ученых в настоящее время должного отражения еще не получили. В то же время зарубежные исследователи изучают проблемы, связанные с профессиональной идентичностью и профессиональным маргинализмом, начиная с середины прошлого века, когда понятие «идентичность» было подробно исследовано и охарактеризовано выдающимся немецким социологом Э. Эриксоном. Для него идентичность – «это не доспехи», «не нечто статичное и неизменное», а человек – не археологический курган, где история расположена пластами, а существо, которое по мере взросления делает свое прошлое

частью будущего, а любую прошлую среду, с которой он взаимодействует, частью своего настоящего окружения»[1].

Что касается отечественных исследователей, то основы изучения проблемы профессиональной идентичности были заложены в работах Л.Б. Шнейдер, которая определяет профессиональную идентичность как «многомерный и интегративный психологический феномен, обеспечивающий человеку целостность, тождественность и определенность», феномен развивается «в пространстве процессов самоопределения, самоорганизации и персонализации, а также обусловливается развитием рефлексии»[2]. Взгляды Л.Б. Шнейдер развиваются в работах Е.П. Ермолаевой, Н.Л. Ивановой, Т.В. Мищенко, Ю.П. Поваренкова, У.С. Родыгиной и др. Анализ работ указанных и других исследователей позволил нам прийти к выводу о том, что профессиональная идентичность должна характеризоваться применительно к сообществу профессионалов – представителей определенной профессии. В связи с этим мы определяем профессиональную идентичность сотрудников органов внутренних дел как «многокомпонентное интегративное психологическое образование, отражающее: 1) принятие субъектом избранной им профессиональной деятельности как способа самореализации в профессии; 2) осознание своей тождественности с представителями сообщества профессионалов, для которых главное – обеспечение законности и правопорядка; 3) восприятие доминирующих в профессиональном сообществе ценностей, правил, норм и традиций как личностно значимых и определяющих оценку и самооценку субъектом процесса и результатов его участия в осуществлении правоохранительной деятельности»[3].

Утверждения о том, что профессиональный маргинализм – антипод профессиональной идентичности, мы находим в работах С.Н. Вайтулевич, Е.П. Ермолаевой, А.И. Калашникова и С.А. Минюровой и др. Так, Е.П. Ермолаева приходит к обоснованному выводу о том, что профессиональный маргинализм является «поведенческим и концептуальным антагонистом профессиональной идентичности»[4]. По результатам проведенных нами исследований мы определяем профессиональный маргинализм сотрудников органов внутренних дел как состояние и личностную позицию связанной с разумом (ментальной) непринадлежности к профессиональной морали сообщества

[1] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 3.

[2] Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М., 2001. С. 21.

[3] Мещерякова Е.И., Панферкина И.С. К вопросу о реализации воспитательного потенциала правовых дисциплин для становления профессиональной идентичности // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. № 2 (44). 2020. С. 9.

[4] Ермолаева И.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья 1) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 59.

профессионалов, для которого характерны либо утрата, либо отсутствие нравственных ценностей профессиональной правоохранительной деятельности, а также деформация профессионального самосознания, отражением которой становятся: несоответствие профессиональным эталонам, искаженное представление о себе, своем профессиональном настоящем и будущем, несоотнесение своей профессиональной деятельности с Я-концепцией и др., однако при этом сохраняется внешняя формальная причастность к профессии. Именно профессиональный маргинализм как опасный психологический феномен, который может стать условием развития различных девиаций, находящих проявление в девиантном поведении сотрудников органов внутренних дел, важно предупредить в процессе профессиональной подготовки курсантов в образовательном процессе ведомственных вузов.

Одним из аспектов педагогической проблемы превенции профессионального маргинализма становится, по нашему мнению, обеспечение становления профессиональной идентичности курсантов посредством формирования ценностно-смысловых доминант в образовательном процессе ведомственных вузов. Ведь ценностно-смысловые доминанты – это «ведущие, господствующие идеи, определяющие мысли, чувства и поведение человека»[1], где под идеей понимается мысленный прообраз действия, в котором находят отражение его главные и существенные черты.

Для того чтобы идеи стали ценностно-смысловыми доминантами для курсантов, получающих образование в ведомственных вузах, они должны быть не только доведены до них в процессе обучения, воспитания, личностного развития, но и восприняты ими в качестве личностно значимых, определяющих, регламентирующих, направляющих предстоящую им профессиональную деятельность. Именно от того, насколько восприняты курсантами те идеи, которые становятся для них ценностно-смысловыми доминантами, зависит эффективность педагогической деятельности преподавателей, воспитателей, командиров, способствующей становлению профессиональной идентичности и предупреждению профессионального маргинализма выпускников ведомственных вузов. К ценностно-смысловым доминантам, которые должны быть сформированы у курсантов в образовательном процессе ведомственных вузов в целях становления профессиональной идентичности и превенции ее антипода – профессионального маргинализма, мы относим «такие важнейшие характеристики духовности и нравственности как: патриотизм и верность служению Отчизне, честь и достоинство, государственность и гражданскую ответственность,

[1] Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. М., 2006. С. 98.

преданность своему народу и осознание профессионального долга, доблесть и храбрость»[1], а также строгое соблюдение правых норм, регламентирующих правоохранительную деятельность, гуманизм, эмпатию.

Формированию ценностно-смысловых доминант как основы становления профессиональной идентичности курсантов способствует разработка и реализация в образовательном процессе ведомственных вузов комплексной педагогической программы, объединяющей в целостную систему следующие элементы, обеспечивающие ее комплексный характер: цель, для достижения которой разрабатывается программа, система мероприятий, связанных между собой по содержанию, формам и методам, срокам, месту и средствам проведения, этапам и видам деятельности, осуществляемой в процессе обучения, воспитания, личностного развития курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза.

Комплексная педагогическая программа формирования ценностно-смысловых доминант курсантов в русле становления профессиональной идентичности будущих специалистов органов внутренних дел должна включать следующие разделы:

1) пояснительная записка, представляющая возможности реализации программы для обеспечения формирования ценностно-смысловых доминант будущих специалистов;

2) первый раздел, содержащий информацию о цели, задачах и планируемых результатах реализации программы (цель – обеспечить становление профессиональной идентичности в единстве с превенцией профессионального маргинализма сотрудников органов внутренних дел; задачи – способствовать становлению позитивного отношения курсантов к профессиональной правоохранительной деятельности; обеспечить формирование ценностно-смысловых доминант правоохранительной деятельности; развить личностно- и профессионально значимые качества курсантов, связанные с достижению ими необходимого уровня готовности к эффективной правоохранительной деятельности; планируемые результаты – достижение курсантами преимущественно высокого уровня сформированности профессиональной идентичности по всем компонентам этого психологического феномена);

3) второй раздел, в котором представляются ведущие направления деятельности по реализации программы (учебное направление – проведение аудиторных занятий по гуманитарным, правовым и специальным дисциплинам, включающим темы и вопросы,

[1] Мещерякова Е.И., Еремин А.В. Ценностно-смысловые доминанты воспитания будущих офицеров в образовательном процессе военного вуза // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: материалы XI Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием) / отв. ред. Л.Н. Макарова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 286.

связанные с формированием профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел, и др.; учебно-воспитательное – на аудиторных занятиях и в ходе внеаудиторной работы формирование убежденности будущих специалистов органов внутренних дел в важности, общественной значимости: избранной профессии, единства и слаженности совместной профессиональной деятельности членов профессионального коллектива, следования установленным и сложившимся нормам, правилам и традициям профессионального сообщества сотрудников органов внутренних дел и др.; дисциплинарно-правовое направление – последовательное формирование правосознания и правовой культуры курсантов, их дисциплинированности и ответственности и др.; морально-психологическое направление – поддержание требуемого уровня морально-психологического состояния курсантов и их готовности к осуществлению профессиональной правоохранительной деятельности; культурно-досуговое направление – организация и проведение мероприятий культурно-досуговой работы с курсантами;

4) третий раздел, содержащий мероприятия программы в соответствии с установленными направлениями и формы их проведения: аудиторные занятия (лекции, семинары, практические занятия), проводимые в традиционных и инновационных формах; включение в рабочие программы тем и акцентирование на учебных занятиях внимания курсантов на вопросах, целенаправленно обеспечивающих становление их профессиональной идентичности; организация и проведение тематических обзоров периодической печати, правового информирования, круглых столов и диспутов о важности, необходимости и целесообразности соблюдения дисциплинарных требований, мероприятия по ее поддержанию; просмотр художественных. документальных, кино- и видеофильмов, способствующих становлению государственно-патриотического мировоззрения, с последующим их обсуждением; психодиагностика курсантов для установления их индивидуальных особенностей и склонностей, потенциальных возможностей их профессиональной адаптации, выявления возможных причин нарушений, требующих психокоррекции; психопрофилактика соблюдения моральных требований правоохранительной деятельности; спортивные и культурно-массовые мероприятия, развивающие и поддерживающие физическое и психологическое состояние курсантов, посещение театров, выставочных залов и др.

5) четвертый раздел, отражающий методы организации взаимодействия субъектов в образовательном процессе ведомственного вуза, которые используются для проведения мероприятий программы (методы субъект-субъектного взаимодействия, используемые преподавателями при проведении аудиторных занятий, внеаудиторной работы с курсантами, организации их самостоятельной работы, –

объяснительно-иллюстративные, репродуктивные, поисковые, кейс-метод, метод проектов, метод опережающей самостоятельной работы, методы междисциплинарного обучения и ситуационного анализа практических ситуаций, методы управляющего воздействия – убеждения и принуждения и др.);

6) пятый раздел содержит средства, используемые при проведении запланированных мероприятий, а также средства, рекомендуемые для использования курсантами в ходе самостоятельной работы (нормативные правовые акты, учебники и учебные пособия, электронные ресурсы, научная, справочная, художественная литература и др., а также оборудование, тиры, спортивные залы и площадки и др.);

7) шестой раздел включает методическое сопровождение программы (методические рекомендации – преподавателям по организации и проведению занятий с курсантами, обеспечивающими достижение целей и решение задач программы; курсантам по подготовке к участию в мероприятиях, предусмотренных программой; начальникам курсов, курсовым офицерам, воспитателям по подготовке курсантов к участию в проводимых мероприятиях);

8) седьмой раздел представляет диагностический инструментарий, используемый в процессе проведения входного, промежуточного и итогового контроля сформированности профессиональной идентичности курсантов, который проводится на определенных этапах становления этого психологического феномена на первом, третьем и пятом курсах обучения в ведомственном вузе (метод экспертных оценок; методика изучения статусов профессиональной идентичности, разработанная А.А. Азбель; методика для самооценки выраженности мотивов профессиональной деятельности, разработанная А.А. Вербицким и Н.А. Бакшаевой; методика самооценки сформированности видов профессионального интереса студентов, разработанная Н.П. Костюшкиной; методика оценки уровня развития морального сознания, разработанная Ж. Пиаже и Л. Колбергом; методика оценки социально-психологической адаптированности по шкале, разработанной К. Роджерсом и Р. Даймондом, адаптированная Т.В. Снегиревой; опросник для оценки агрессивности и враждебности, разработанный А. Бассом, А. Дарки, С.Н. Еникополовым и др.;

9) разделом, где содержатся заключительные положения, подводятся итоги и делаются выводы по итогам реализации программы, приводятся предложения для продолжения успешного становления профессиональной идентичности выпускников ведомственных вузов в процессе прохождения службы и осуществления практической право-охранительной деятельности в подразделениях органов внутренних дел.

Таким образом, результаты теоретических исследований актуальной и недостаточно разработанной в современных психолого-педагогических

работах проблемы становления профессиональной идентичности в аспекте формирования ценностно-смысловых доминант курсантов в образовательном процессе ведомственных вузов позволили установить необходимость разработки и реализации комплексной педагогической программа формирования ценностно-смысловых доминант курсантов в русле становления профессиональной идентичности будущих специалистов органов внутренних дел, превенции профессионального маргинализма, чем определяется теоретическая значимость проводимого исследования. Практическая значимость исследования связана с тем, что по его результатам содержание комплексной программы структурировано, в ней выделены и наполнены содержанием отдельные разделы. Реализация в образовательном процессе ведомственных вузов комплексной педагогической программы позволяет обеспечить достижение цели содействия становлению профессиональной идентичности курсантов в единстве с превенцией профессионального маргинализма сотрудников органов внутренних дел и получение запланированного результата – достижение курсантами преимущественно высокого уровня сформированности профессиональной идентичности по всем компонентам этого психологического феномена.

Минязева Татьяна Федоровна,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Института Права и Управления ГАОУ ВО МГПУ,
доктор юридических наук, профессор

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ

Выявить конкретную причину, почему человек совершает преступление, невозможно. Как правило, это комплекс причин социального, экономического, личностного характера. Выявлять причины преступности не является целью этой статьи – она ориентирована на ситуации, когда непоправимое действие уже произошло, и человек начинает осознавать (хотелось бы в это верить) несоответствие полученной им выгоды и того вреда, который им причинен, раскаиваться и сожалеть о содеянном. Моделирование такой ситуации вполне вероятно, когда преступному субъекту предъявлено обвинение и за совершенные им действия грозит лишение свободы. Лишение виновного полной радостей жизни, изоляция его от законопослушных граждан становится для него серьезным испытанием на весь период отбывания наказания, которое в

условиях современности является не только основным средством, позволяющим противодействовать преступности, но и профилактической мерой.

Институту уголовного наказания исследователи уделяют немало внимания, и особых расхождений в его понимании нет. Для общества наказание за совершенное преступление считается вынужденной мерой и является восстановительной функцией социальной справедливости, направленной на предупреждение новых преступлений. Суть уголовного наказания заключена как в осуждении, так и порицании преступного субъекта. Оно может быть выражено в форме лишения либо ограничения прав осужденного лица.

Несмотря на то, что особых споров в отношении наказания среди авторов нет, аналогичное нельзя сказать применительно к целям наказания, относительно которых осмысленности в научных кругах еще не достигнуто, именно потому данная проблема на сегодняшний день является актуальной и требует научного объяснения. В рамках статьи предлагаем придерживаться законодательных целей назначения наказания: восстановить справедливость, исправить виновного и предотвратить совершение им новых преступных деяний. Из всех видов предусмотренных законодателем наказаний, на виновного наиболее сильное воздействие может оказать пожизненное лишение свободы, особенно если эта мера применяется к лицу впервые. А.А. Чернова пишет: «этот вид наказания не только восстанавливает социальную справедливость, но и способствует предупреждению новых преступлений»[1]. К сказанному добавим, что данному виду наказания свойственна ограниченность, проявляющаяся в том, что осужденный лишается возможности общения не только с близким ему окружением, но и родственниками в целом.

Самостоятельный статус наказания пожизненное лишение свободы имеет с 1996 г. В целом этот вид наказания является альтернативой смертной казни, которая не может назначаться женщинам и лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет впервые, а также мужчинам, которые достигли к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Наказание может быть назначено «за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста» (ст. 57 УК РФ).

[1] Чернова А.А. Пожизненное лишение свободы в системе уголовных наказаний // Вестник ПензГУ. 2019. № 1 (25). С. 36–37.

Смертная казнь на территории России не применяется с 16 апреля 1997 года. Окончательное решение по применению данного вида наказания было принято конституционным судом в 2009 г., в соответствии с Конституцией РФ и международными договорами. На сегодняшний день наказание в виде смертной казни предусмотрено в пяти статьях УК РФ, но не применяется даже как исключительная мера, заменяющаяся пожизненным лишением свободы.

Несмотря на общую статистику зарегистрированных преступлений, к пожизненному лишению свободы за последние три года было приговорено всего 174 человека (в 2018 г. – 59 чел., в 2019 г. – 49 чел. и в 2020 г. – 66 чел.)[1].

Приведенные данные позволяют видеть, что пожизненное лишение свободы в сравнении с лишением свободы на определенный срок (к данному наказанию в 2018 г. приговорено 197 189 чел., в 2019 г. – 181 833 чел., в 2020 г. – 161 492 чел.) назначается не часто.

В целом следует отметить высокий уровень криминогенной ситуации, которая не может не требовать принятия существенных мер, ориентированных на борьбу с преступностью. Но анализируемое средство противодействия преступности не является лучшим способом борьбы в данном направлении. Данное мнение принадлежит многим авторам. Л.В. Мазалева и Н.Д. Шайдулин, ссылаясь на профессора И.И. Карпеца, пишут: «это средство безнравственно и не гуманно, даже в качестве альтернативы смертной казни»[2].

Л.Б. Смирнова считает, что «как средство противодействия преступности и мера профилактики, пожизненное лишение свободы карающе воздействует на осужденного, способствуя его исправлению. Однако в реальной действительно, исправить осужденного в таких условиях сложно, а порой невозможно»[3].

Относительно профилактической меры пожизненное лишение свободы мало кем оспаривается. С точки зрения автора данной статьи анализируемое наказание не может не пресекать новые преступления, ведь человек, склонный к их совершению, изолирован от общества. У виновного нет физической возможности совершить повторно преступление, а перспектива никогда не выйти из условий изоляции в целом положительно влияет на общее предупреждение преступлений.

---

[1] Портал судебной статистики. URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/8 (дата обращения: 06.06.2021).

[2] Мазалева Л.В., Шайдулина Н.Д. Эффективность применения пожизненного лишения свободы // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 3. С. 101–105.

[3] Смирнова Л.Б. Пожизненное лишение свободы: карательные и уголовно-исполнительные аспекты // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 2. С. 75.

Сегодня пожизненное лишение свободы – это самое строгое наказание, разрушающее преступный потенциал, формирующийся в обществе[1]. Выскажем мнение, что сложно представить достижение такой цели наказания в условиях назначения виновному пожизненного лишения свободы, как перевоспитание. Но как меру профилактики преступности – пожизненное лишение свободы можно поставить на первое место в системе наказаний.

С точки зрения общественности, «если человек пожизненно приговорен к отбыванию наказания, он является монстром, который должен быть изгнан из общества и провести остаток своих дней в заточении»[2]. Полагаем, это мнение вполне имеет право на существование и в полной мере разделяется автором статьи.

Л.В. Мазалева и Н.Д. Шайдулина приводят недостатки, свойственные анализируемому средству противодействия преступности. В числе недостатков авторы указывают следующие:

– нет социальной справедливости. Содержать убийц и маньяков за счет налогоплательщиков, аморально. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что среди налогоплательщиков могут быть и те, кто пострадал от приговоренных к пожизненному лишению свободы. Получается парадоксальная ситуация: лишив жизни другого человека, виновный существует за счет средств родственников убитого;

– финансовые средства, которые тратятся на осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, могут быть направлены на развитие наиболее значимых сфер – развитие медицины, образования, спорта и др.;

– осужденные к пожизненному сроку могут оказаться на свободе через 25 лет отсидки. Например, из самой страшной тюрьмы для пожизненно осужденных «Полярная сова» (расположена за Полярным кругом, в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа) впервые за всю ее историю освободился арестант»[3]. Считаем, что продолжительный срок нахождения виновного в тюрьме не сможет его исправить. Более того, в настоящее время нет условий для освобождения таких людей. Сложно понять, каким требованиям должен соответствовать виновный, утративший связь с реальностью, чтобы оказаться на свободе. У таких людей утрачена работоспособность, они не умеют обеспечивать себя

[1] Авдеева Е.В. Особенности пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 8.

[2] Существа, непригодные для перевоспитания. Как в России живут и умирают пожизненно осужденные. URL: https://newsvo.ru/press/104151 (дата обращения: 07.06.2021).

[3] В России впервые вышел на свободу пожизненно осужденный. URL: https://spletnik.ru/blogs/govoryat_chto/154145_v-rossii-vpervye-vyshel-na-svobodu-pozhiz-nenno-osuzhdyonnyy (дата обращения: 07.06.2021).

самостоятельно, у них нет психологической устойчивости, что, как результат, может способствовать совершению ими новых преступлений. Это люди, которые не могут считаться полноценными, в условиях нарастания социальной несовместимости и возможных перспектив их существования;

– не является оправданным пожизненное лишение свободы, ни с точки зрения теории, ни практики. По факту – это «смерть в рассрочку», что более мучительно для виновного»[1].

Итогом материала, систематизированного в данной статье, является следующий вывод: пожизненное лишение свободы назначается не часто. При этом эффективность данного наказания заключена в возложении на виновного ограничений, которые оказывают влияние на всю его последующую жизнь в условиях изоляции от общества.

Выскажем мысль, не претендующую на единственно верную, но вполне заслуживающую внимание: смертная казнь в течение всего исторического периода ее существования подтверждала мысль о том, что человеческая жизнь бесценна и любой, кто на нее посягает, должен понести самое суровое наказание, являющееся платой за отнятие жизни у другого человека.

Не считаем верным законодательным решением отмену смертной казни как форму наказания. Ежегодно число преступлений, которым присущ дерзкий, циничный, показной, насильственный характер, увеличивается. Когда преступник несет заслуженное наказание за совершенное им преступление, общество испытывает моральное облегчение. Еще одним достоинством смертной казни является тот факт, что рецидив отсутствует полностью.

В условиях современности, когда проявляющаяся гуманность уголовного права превалирует, не считаем целесообразным замену смертной казни альтернативным наказанием – пожизненным лишением свободы. Это наказание хоть и является средством, позволяющим противодействовать преступности, являясь профилактической мерой, не только не способствует достижению цели наказания - перевоспитания, но и не соответствует социальной справедливости, нанося ущерб обществу, проявляющийся в необходимости содержать преступников на средства налогоплательщиков.

[1] Мазалева Л.В., Шайдулина Н.Д. Эффективность применения пожизненного лишения свободы // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 3. С. 101–105.

Никитенко Илья Викторович,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И БОРЬБА С НИМ

Взяточничество в России возникло очень давно. Оно берет свое начало еще с древности, но эта проблема остается актуальной и по сей день. Еще на Руси считалось нормой обеспечение властей общиной и это считалось вполне законным. Все чиновники жили за счет подношений народа и люди не скупились на «подарки». Существовала круговая порука как столичных, так и провинциальных взяточников. Вымогательство – новое проявление взяточничества, появилось в XVI веке. Постепенно, власть начала осознавать вред взяточничества, то, как оно способствует разложению общества и подрывает бюджет страны[1].

Начиная с XVIII века, когда чиновники стали официально получать зарплату, взяточничество стали считать преступлением. Но, как известно, обычаи искореняются с трудом и преобладают над законодательством. В современной России это стало уже системой. Современному госслужащему, как правило, сложно отказаться от «знака внимания». Государство всякий раз придумывало и издавало множество законов для предотвращения этого преступного действия, но почти всякий раз безрезультатно. Борьба с коррупцией не имела особого успеха, т. к. чиновники образовывали свой круг, неприкосновенный в своем роде, и борьба со взяточничеством носила скорее характер показательный. Она служила орудием расправы над неугодными власти людьми. Это особенно остро видится в период правления И.В. Сталина.

В постсоветский период коррупция не только не исчезла, но и расцветала буйным цветом. Конечно, официальный доход чиновников был довольно скромен, но ничто им не мешало брать взятки, ведь ни один бизнесмен не мог начать свое дело без их разрешения.

Большинство населения России по умолчанию считает взяточничество неотъемлемой частью решения многих проблем, будь то устройство на работу или открытие собственного бизнеса. Тем самым они сами способствуют процветанию коррупции.

Число коррупционных преступлений в России растет, в результате чего ухудшается криминогенная обстановка в стране, увеличивается

[1] Ермолаев Н.А. Уголовно-правовая характеристика посредничества во взяточничестве и мелкого взяточничества // Проблемы и достижения современной науки. 2018. Т. 1. № 1 (5). С. 67–71.

разделение слоев общества на бедных и богатых[1]. Также свою лепту в развитие криминогенной обстановки, вносят экономический кризис и низкая оплата труда государственных служащих. Современный чиновник этим и оправдывает свои незаконные действия.

Посредничество, как вид взяточничества, получило широкое распространение. Посредники, специфические субъекты взяточничества, как правило, передают предмет взятки, способствуя реализации определенных договоренностей, являясь исполнителем воли взяткодателя[2]. Но он может выступать посредником и по желанию обеих сторон. В связи с ужесточением законов, взяткодатель ищет обходные пути передачи денег. Нормы действующего законодательства также несовершенны, что тоже способствует стремительному развитию посредничества во взяточничестве. В обществе для многих людей взяточничество стало атрибутом их образа жизни, хоть они и понимают, что это является преступлением. Посредничество достигло таких высот, что на этой схеме взяткодатель-посредник-взяткополучатель делаются целые состояния.

Взяточничество является должностным и коррупционным преступлением. Взяткодатель и взяткополучатель занимают не равноправное положение. Это два совершенно разных преступления. Ведь дача взятки не может быть доведена до конца без получения ее вторым лицом. Но это преступление занимает особое место в статистике преступлений. Без дачи взятки, без предложения невозможно и ее получение. И это является вспомогательным деянием. В итоге «теневые» капиталы уходят на личные нужды взяткополучателя, тем самым разрушая всю систему управления государственными делами и делает невозможным ведение справедливого учета интересов страны. Также здесь прослеживается тесная связь коррумпированных госслужащих с организованной преступностью, образуя нездоровую, но эффективно функционирующую систему.

Такое негативное явление, как взяточничество, определяет рыночное общество, пронизанное коррупцией. Постепенно, становится довольно сложно противостоять этому явлению. Из-за отдельных продажных властных структур, губительно отражающихся на устройстве и управлении государства, нарушается общественный порядок в стране[3].

---

[1] Воротынцев Д.С. К вопросу о причинах и условиях, благоприятствующих развитию взяточничества в России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 16. С. 12–15.

[2] Эттель Ю.Р. Регламентация посредничества во взяточничестве в России и за рубежом // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 1. № 8. С. 33–36.

[3] Серафимов А.Л., Куликова М.С. Взяточничество как актуальная проблема современной России // Символ науки: международный научный журнал. 2021. № 2. С. 63–66.

Коррупция подрывает авторитет властных структур в глазах населения, не дает возможности решать социально-экономические и политические задачи. Следовательно, борьба с ней – одна из наиболее значимых целей в современной России.

Ежегодно в России проходят тысячи судебных разбирательств по делу о взяточничестве. Выносятся приговоры, виновные несут заслуженные наказания и это составляет позитивную динамику в борьбе с взяточничеством. Но все же в законе есть несовершенства, помогающие чиновникам укрывать свои доходы и избежать наказания.

Взятка также может проявляться в виде незаконного премирования служащего начальником.

Имущественное предоставление тоже считается одним из видов взятки. Это может выступать в роли вознаграждения за действие или бездействие и призвано побудить чиновника к использованию своего служебного положения в целях личного обогащения.

Борьба со взяточничеством является очень сложным процессом. Это не значит, что в России меньше законов по борьбе с этим недугом. Но для достижения успеха необходимо задействовать политическую волю руководства страны, где все действия должны проходить систематически и в раках закона.

Существуют такие виды взятки, как взятка-подкуп и взятка-подношение. Подношение подразумевает получение подчиненным особого к себе отношения взамен на передачу каких-то ценностей. Это и есть попустительство или покровительство по службе. И в данном случае наказание должны нести оба участника преступного действия (дающий и получающий). Но так как подарки и подношения не запрещены законом, становится довольно сложным доказать получение взятки[1]. И тут возникает вопрос об изменении законодательной конструкции получения и дачи взятки, а также о пересмотре законодательного подхода к незаконному вознаграждению.

На наш взгляд, в закон нужно включить такой пункт, подразумевающий ответственность за дачу взятки в виде денег или иного имущества без согласия должностного лица, так как это преступление может быть спровоцировано путем создания искусственных условий или шантажа. И тогда действия этого человека можно расценивать как подстрекательство к получению взятки и квалифицировать по статье 33 и 290 УК РФ. Незаконное вознаграждение должно иметь законодательное определение. Тогда можно привлекать к уголовной ответственности тех, кто так или иначе наносит вред интересам службы, действуя некомпетентно и нарушая объективный запрет. Должностное лицо

[1] Коробейников И.В., Перебейносов М.С., Лаиш Д.Д. Проблемы борьбы со взяточничеством в России // Дневник науки. 2020. № 7 (43). С. 31.

привлекается к ответственности по факту получения ценностей или денег. В момент принятия взятки преступление оказывается совершенным. И здесь нужно только доказать в суде, за что именно была дана взятка. И в период полного производственного кризиса в стране, мы считаем актуальным на законодательном уровне регулировать и контролировать этот процесс. А правоохранительные органы должны не допускать доведение преступления до конца.

Факт взяточничества может иметь различные причины:

– механизмы институтов власти сформированы недостаточно;

– нечеткое формулирование закона (двусмысленное);

– население не знает и не понимает законы, что позволяет чиновникам создавать ненужные бюрократические процедуры;

– одна и та же деятельность находится в компетенции различных инстанций, следовательно, нет единства в исполнительной власти;

– контроль над взяточничеством ослабевает по причине возникновения тайных соглашений, а также кумовства;

– политическая и эконмическая ситуация в стране не достаточно стабильны.

Как показывает практика, в стране уголовные дела в основном возбуждаются в сфере борьбы с бытовой коррупцией. Зачастую, коммерческий подкуп практикуется в сфере малого и среднего бизнеса в связи с тем, что государственная поддержка почти всегда существует на словах.

Взяточничество также можно встретить и в судебных разбирательствах. Судьи, исполняя свои властные полномочия, могут удовлетворить просьбу взяткодателя с целью собственного обогащения. Нередко также и лоббирование судьей преступных организаций.

Одним из методов борьбы со взяточничеством является регулярное распространение информации в различных учебных заведениях, систематические психологические опросы на тему пагубного влияния взятки на всю нашу государственную систему[1]. Большинство людей относятся к взяточничеству крайне негативно, но в то же время почти каждый третий давал взятки, будь то конфеты врачу, деньги инспектору ГИБДД и т. д.

Также в борьбе с взяточничеством можно использовать средства массовой информации, или те же социальные сети. Необходимо разъяснять населению, что такое социальное зло подлежит уничтожению, предоставляя им полную информацию с помощью реклам, видеороликов. И обязательно сообщать им, куда можно обращаться, если человек с этим столкнулся. И, конечно же, само общество не должно оставаться

[1] Ковалева А.Ю. Исторический аспект развития законодательства, предусматривающего ответственность за взяточничество в России // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 14–19.

пассивным и помогать государству снизить уровень преступности в этой сфере. Что же касается взяточничества во властных структурах, то здесь требуется ряд преобразований в государственной службе, а также реформирование исполнительной власти.

Недостаточно эффективно или не в полной мере используются уголовно-правовые средства. На практике не так много наказанных по делам о взяточничестве, не все участники судебного процесса получают реальное наказание. Необходимо ужесточить наказания, и в то же время с успехом их применять, доводя до участников этого преступного действия неизбежность реального срока за содеянное. Должностные лица должны осуществлять свои обязанности без «мзды», что значительно поможет в осуществлении политики борьбы с коррупцией.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем привести некоторые способы борьбы со взяточничеством:

– показательные судебные процессы с участием обеих сторон преступления с обязательным условием неизбежности наказания;

– повышение заработной платы государственных служащих;

– систематическое предоставление информации населению при помощи СМИ с целью устранения политической неграмотности, а также воспитание у общества нетерпимость к коррупции;

– включение всех структур власти, в том числе и право-охранительных органов в дело борьбы с взяточничеством;

– активная пропаганда против коррупции.

Коррупция губительна для любого общества. Государству необходимо оперативно реагировать на преступления коррупционного характера, тем самым вызывать доверие у населения и в то же время доводить до сведения участников преступления невозможность избежания наказания. Так, вкупе с использованием законов и сознательности общества можно добиться каких-то результатов, повышая в глазах населения веру, авторитет и уважение к государственной власти.

Овчинников Алексей Игоревич,
заведующий кафедрой
теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
доктор юридических наук, профессор

Хажироков Валерий Ахиедович,
начальник кафедры
физической подготовки
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а)

В современных условиях повсеместного внедрения цифровых технологий в процессы государственного управления и правоприменения нельзя «обойти вниманием» технологии противодействия преступности, базирующиеся на применении нейросетей и искусственного интеллекта.

Прежде всего, нейросети позволяют существенно упростить системы интеллектуального контроля за доходами и расходами госслужащих через механизмы привлечения технологий анализа Big Date. Существует ряд условий, при которых через массивы «больших данных» возможно с помощью средств искусственного интеллекта осуществлять антикоррупционный контроль за деятельностью должностных лиц, т.к. этот инструмент позволяет из фрагментарных данных получать общую картину системной коррупционной деятельности. Общее определение Big Date таково: «группа технологий и методов производительной обработки динамически растущих объемов данных (структурированных и неструктурированных) в распределенных информационных системах, что позволяет обеспечить организацию качественно новой и значимой информацией»[1]. Анализ «больших данных» возможен методами сбора информации с самых разнообразных источников: аккаунтов в соцсетях, операторов сотовой связи, видеокамер, «умных вещей» и так далее.

[1] Борисов А.В. Современные решения и подходы к обработке массивов неструктурированной текстовой информации в области больших данных // Проблемы Науки. 2017. № 1 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-resheniya-i-podhody-k-obrabotke-massivov-nestrukturirovannoy-tekstovoy-informatsii-v-oblasti-bolshih-dannyh (дата обращения: 02.11.2019).

Поэтому условия сбора такой информации связаны с добровольным принятием на себя ограничений, налагаемых на право частной жизни, со стороны государственных служащих. Этого пока в Российской Федерации нет, поэтому для борьбы с коррупцией предстоит внедрить множество юридических новелл. Хотя некоторые ограничения уже существуют: согласно статья 20.2. «Представление сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, на которых гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, гражданский служащий размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать, представителю нанимателя подают:

1) гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, – при поступлении на службу за три календарных года, предшествующих году поступления на гражданскую службу;

2) гражданский служащий – ежегодно за календарный год, предшествующий году представления указанной информации, за исключением случаев размещения общедоступной информации в рамках исполнения должностных обязанностей гражданского служащего. Сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, гражданский служащий размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать, представителю нанимателя представляют:

Анализ «больших данных» с помощью искусственного интеллекта позволит быстро и качественно установить совокупность признаков коррупционных преступлений и связей, которые могут помочь оперативным поздразделениям обратить внимание на преступников. Прежде всего, через «большие данные» не составит труда зафиксировать факты событий несоразмерности своим доходам в быту и повседневной жизни как самого чиновника, так и родственников. Перечень таких легко обнаруживаемых искусственным интеллектом событий очень разнообразен по содержанию. Это и приобретение дорогой недвижимости в престижных районах, а также постройка различных объектов, особенно строительство домов; получение образования детьми в образовательных учреждениях за рубежом, в престижных и дорогих школах, колледжах и вузах. Обращают на себя внимание встречи и досуг в различных дорогих ресторанах и отелях. Зарубежные турпоездки, приобретение элитных марок автомобилей, антиквариата и прочих предметов роскоши почти всегда оставляют «цифровые следы» и могут быть легко обнаружены.

Необоснованное и необъяснимое улучшение материального благосостояния семьи государственного служащего в современную цифровую эпоху обнаруживается достаточно легко. Следует указать только на законодательное установление о пятилетнем сроке после увольнения, на который распространяется анализ «больших данных» относительно уволившегося чиновника.

Систематические или периодические встречи, диалоги, контакты с представителями бизнеса, органов государственной власти, правоохранительных органов, подконтрольных сотруднику или чиновнику, также не ускользнут от аналитического контроля искусственного интеллекта. Не менее важными являются факты встреч и контактов с лидерами преступного мира, нахождение с ними в одних и тех же кафе и ресторанах, клубах и отелях также может быть отражена в «больших данных».

Для оператора системы искусственного интеллекта важно учитывать неявное использование служебного влияния и контактов при различных сделках имущественного характера. Например, покупка различных объектов недвижимости по ценам ниже рыночной стоимости, приобретение строительных материалов, ценных подарков, проживание со скидками в дорогих отелях и т. д. Исследователи обращают внимание и на «вступление с участниками уголовного процесса (подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими, адвокатами и др.) в ходе предварительной проверки либо расследования в личные или неофициальные имущественные отношения»[1]. Анализу посредством цифровых систем подлежат сберегательные книжки, мобильные переводы, лицевые счета вкладчика, документы и активы ломбардов и лавок антиквариата, счета и отчетность отелей, кафе, клубов и др. Необходимо также рассматривать все аспекты предпринимательской деятельности родственников, включая трудовую деятельность, информацию о налогах и партнерах, близких к чиновнику предпринимателей.

Активное внедрение цифровых технологий и систем искусственного интеллекта в систему реализации полномочий государственных служащих и согласования административных решений наряду с цифровыми формами коммуникации в рамках кадровой политики, сбора информации и подбора государственных служащих позволит объединить деятельность сразу разных организаций, ведущих борьбу с коррупционной деятельностью. В докладе также обращено внимание на то, что внедрение нейросетей и искусственного интеллекта ведет к трансформации форм и технологий коррупционного взаимодействия. В частности, происходит вовлечение в систему коррупционных рисков участников разработки программных

[1] Омелин В.Н., Астишина Т.В. Особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. С. 25–31.

комплексов и технических специалистов, осуществляющих загрузку данных в нейросети, что предполагает программу отбора технических специалистов для создания программно-аппаратных комплексов, учитывающая психологические, моральные, деловые качества кандидатов на эти должности, а также предусматривающая автоматический анализ связей самого оператора, загружающего данные, на предмет отношений и «пересечений» с лицами, относительно которых ведется мониторинг.

Следует иметь в виду, что система обнаружения коррупционных связей и сетевых взаимодействий должна быть основана на большом массиве данных информационного и оперативно-розыскного характера. Среди этих данных следует указать: мониторинг и анализ публикаций, сообщений, комментариев к статьям на интернет – сайтах, средств массовой информации, социальных сетей, блогов, форумов и отзывов на сайтах. Исследователи рекомендуют также вступать в личную переписку с «источниками»[1]. Следует отметить, что при использовании систем искусственного интеллекта эту работу, включая переписку, вполне может сделать и робот. Подробные рекомендации уже нашли официальное оформление в рекомендациях по поиску имущества должников, в которых авторы рекомендуют анализ различных контактов (родственники, коллеги, партнеры, друзья), фотографий (места фотографирования, окружающий интерьер, комментарии к фотографиям), представленных должниками-гражданами на интернет-страницах, что позволяет установить как имущество должника, так и его местонахождение[2]. Важны различные информационные сообщения, начиная от заявлений граждан, в том числе анонимных, о неправомерных действиях управленцев, чиновников, сотрудников полиции или других органов, заканчивая информацией о результатах проверок контролирующих и правоохранительных органов материалов от уполномоченных по защите прав предпринимателей органами, на которые возложены соответствующие обязанности: Федеральная антимонопольная служба, Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Россельхознадзор и др. Для этого в системе должен накопиться соответствующий информационный массив, интегрированный с системой анализа «больших данных».

Следует также учитывать, что выявление коррупционных сетей должно строиться на поиске особых взаимоотношений между чиновниками одной или нескольких организаций и ведомств. Необходимо обратить внимание на то, что «социальной основой коррупционных сетей

---

[1] Потапов И.Н., Бертовский Л.В. Способы совершения преступлений коррупционной направленности в негосударственном секторе экономики и методы их выявления // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 155–162.

[2] Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе (утв. ФССП РФ 30.11.2010 № 02-7) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чаще всего являются патрон-клиентские отношения», а «деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании устойчивых неформальных и нелегальных взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве»[1]. В составе коррупционных сетевых структур выделяют, как правило, следующие части: сообщества государственных чиновников, обеспечивающих принятие выгодных для «заказчиков» решений; банковские или финансово-коммерческие структуры («заказчики»), реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы, превращая их в деньги; наконец, группы правоохранительной поддержки взяточников - должностные лица из числа представителей правоохранительных, контрольно-надзорных и судебных органов[2].

Безусловно, такой механизм поиска и обнаружения коррупционных сетей, связей, преступлений предполагает особый государственный контроль в сфере сохранения гарантий персональным данным и цифровой безопасности личности. В этой связи возникает вопрос о перспективах безопасности единой системы цифровой аутентичности и идентичности человека, о доступе к этой системе различных государственных организаций и должностных лиц. Большую опасность вызывает и возможность доступа к этим системам зарубежных государственных организаций и транснациональных корпораций, что в условиях вовлечения банков в процесс биометрической идентификации населения трудно ограничить. Кроме того, данная система является важным узлом внедряемой в РФ модели электронного правительства, что представляет собой одну из задач в построении единого глобального информационного общества. Решение видится в нормативном ограничении возможности доступа к этим системам различным структурам, включая уголовную ответственность за нарушение правил работы с ними.

---

[1] См.: Римский В.Л. Влияние коррупции на качество и социального, и человеческого капитала // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России; Экономическая доктрина Российской Федерации»: материалы Российского научного экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.) М.: Научный эксперт. 2008. С. 2305–2322.

[2] См.: Еделев А.Л. Коррупция как системная угроза стабильности и экономической безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2009. № 2.

Печников Геннадий Алексеевич,
профессор кафедры
уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Олейник Екатерина Андреевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

КАРЛ МАРКС О ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Иногда в науке уголовного процесса можно встретить позицию, что отношение уголовного процесса и уголовного права есть отношение формы и содержания: уголовный процесс лишь форма уголовного права, уголовное право есть содержание уголовного процесса. Так диссертационное исследование К.В. Муравьева называется: «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона»[1]. Но ведь уголовный процесс и уголовное право являются носителями разных правоотношений и каждое из них имеет свою собственную форму и свое собственное содержание, поэтому представлять уголовный процесс в качестве формы с уголовно-правовым содержанием вряд ли это научно точно, с нашей точки зрения.

Диалектика как объективная закономерность запрещает стирать различия между противоположностями. Стало быть, нельзя подменять уголовно-процессуальное содержание уголовно-правовым содержанием, нельзя стирать различия между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями. Ведь уголовно-правовое отношение это отношение между государством и преступником, возникающее с момента совершения лицом преступления, за которое оно должно понести заслуженное наказание. Но, чтобы установить – действительно ли существует конкретное уголовно-правовое отношение, для этого необходим уголовный процесс, уголовно-процессуальные отношения. Ведь уголовно-правовое отношение может считаться установленным и подлежащим применению лишь после того как вина лица будет достоверно доказана и установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Применение же уголовной ответственности к преступнику, составляющей сущность уголовно-правового отношения, в ходе

[1] Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Омск, 2017. – 43 с.

предварительного рассмотрения фактических обстоятельств дела означало бы, что лицо начинает подвергаться уголовному наказанию за совершенное преступление, когда вина его еще не установлена и он обладает всеми гарантиями, предоставляемыми ему уголовно-процессуальным законом, процессуальными отношениями: правом на защиту, правом на презумпцию невиновности, правом на установление объективной истины по делу, что составляет содержательную основу уголовно-процессуальных правоотношений. Подмена уголовно-процессуального содержания уголовно-правовым в рамках уголовно-процессуальной формы представляется ошибочным подходом, нарушающим законные права и интересы личности в уголовном процессе, поскольку тогда обвиняемый (подозреваемый) неизбежно отождествляется с виновным (преступником).

Как подчеркнул К. Маркс: «Форма лишена всякой ценности если она не есть форма содержания»[1]. Отсюда следует, что форма и содержание у любых правоотношений неразрывно диалектически взаимосвязаны. К. Маркс в своей известной статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» наглядно показал, как депутаты ландтага при обсуждении законопроекта о краже леса всячески старались учесть своекорыстный частный интерес лесовладельцев и «внедрить» этот частный интерес в уголовное право и уголовный процесс, т. е. в уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения и тем самым изменить, исказить их государственную сущность. Маркс доказывает, что это делать нельзя – нельзя приносить государственное, публичное в жертву частному интересу.

С точки зрения К. Маркса, форма и содержание у уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений – это не пустая формальность. Так, применительно к уголовно процессуальном отношениям Маркс отмечает следующие: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности». С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право (речь идет о содержательной стороне уголовного процесса – авторы), однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения в качестве процессуальной формы неразрывно связна пытка, – подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право (т. е. форма и содержание уголовного процесса –

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 159.

авторы) так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно проявление его внутренней жизни[1]. Здесь Маркс замечательно образно демонстрирует органическую взаимосвязь формы (процедуры) и содержания в уголовно-процессуальных отношениях.

Значит, чуждое уголовно-процессуальным отношениям содержание, т. е. не уголовно-процессуальное содержание (а, например, содержание частного интереса или даже уголовно-правовое содержание) неприемлемо, недопустимо. Не может быть уголовно-процессуальной формы безразличной и своему собственному содержанию, иначе она бессодержательная форма, пустая формальность. Форма должна быть содержательной – вот в чем суть. Отсюда попытка наполнить уголовно-процессуальные отношения уголовно-правовыми отношениями, делает уголовно-процессуальную форму бессодержательной, а значит, лишенной всякой ценности.

Тогда принцип презумпции невиновности обвиняемого в уголовном процессе будет по существу неизбежно нарушен и будет являть собой противоположный принцип – принцип презумпции виновности обвиняемого, а меры уголовно-процессуального принуждения будут отождествлены с мерами уголовного наказания, если уголовный процесс мыслить как форму применения уголовного закона. Поэтому, вовсе не случайно, К.В. Муравьев исходит из того, что «меры пресечения, а также отдельные иные меры процессуального принуждения должны рассматриваться в качестве особого средства государственного воздействия на лиц, обоснованно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, в связи с высокой вероятностью назначения наказания этому лицу по приговору суда. Принятие принудительных мер в ходе уголовного процесса вплоть до лишения его свободы можно оправдать лишь тем, что существует право на наказание действительного виновника преступления, которое составляет предмет дела, и имеется достаточное основание предполагать, что обвиняемый и есть преступник. Со времени обнаружения преступления право на наказание находится в динамическом состоянии, так как его сила отраженно сказывается в уголовном процессе на отношениях, которые обусловлены не только уголовно-процессуальной, но и уголовно-правовой нормой»[2].

---

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 158.

[2] Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: автореферат диссертация докт. юридических наук. Омск, 2017. С. 18–19.

В данной позиции, здесь, с нашей точки зрения, налицо стирание грани между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, что противоречит требованиям диалектики.

В этой связи мы полностью разделяем теоретическую позицию М.С. Строговича: «Трактовка обвиняемого как субъекта уголовно-правового отношения есть серьезное нарушение законности, практически выражающееся в отождествлении понятий обвиняемого и виновного, в одностороннем обвинительном уклоне при расследовании и разрешении уголовных дел, в отказе от объективности и непредвзятости при исследовании обстоятельств дела, в подмене презумпции невиновности….. презумпцией виновности»[1].

Несмотря на тесную взаимосвязь рассматриваемых правоотношений, уголовно-процессуальные отношения не могут рассматриваться как форма уголовно-правовых отношений по тем основаниям, что: 1) уголовно-правовое отношение и уголовно-процессуальные отношения возникают в разное время и между разными лицами; 2) наличие уголовно-процессуальных отношений не предрешает существование уголовно-правового отношения; 3) уголовно-процессуальные отношения для того и возникают и развиваются, чтобы можно было с полной достоверностью установить, есть ли в данном случае уголовное правоотношение или его нет, а если есть – каково оно[2].

В противном случае, как представляется, уголовно-процессуальная форма лишена всякой ценности, если она не есть форма уголовно-процессуального содержания.

Плотников Владимир Валериевич,
профессор кафедры
философии и социологии
Краснодарского университета МВД РФ,
доктор социологических наук

СЮЖЕТНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В рамках социального знания производится осмысление протекающих в обществе процессов, их обобщение и классификация. Одним из важных направлений в исследовании общественных процессов является поиск общих принципов развития тех или иных отношений. В частности, в рамках социального знания ставится вопрос о моделях или сценариях

[1] Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 56.

[2] Там же. С. 57.

развертывания основных разновидностей социальной активности. Примером подхода, ориентированного на раскрытие сценариев социального взаимодействия, является транзакционный анализ Э. Берна[1], в рамках которого он производит типологизацию основных социальных взаимодействий, рассматривая их как формы социальной игры, имеющей определенный сценарий развития. И здесь представляет интерес методологический аспект попытки разложения всего многообразия социальных отношений на повторяющиеся элементы, выступающие в форме некоего архетипического основания практики взаимодействия. В действительности существует ограниченное количество мотивов действия, потребностей человека и, с учетом того, что действия человека детерминированы культурой – набор средств достижения цели также носит во многом ограниченный характер. Это позволяет, сохраняя в памяти то обстоятельство, что в рамках необъятного массива общественных отношений могут реализовываться самые разные сочетания обстоятельств, стимулов, потребностей и доступных средств их достижения, поставить вопрос о наличии неких общих, часто повторяющихся ситуаций, к которым может быть сведена большая часть событий определенного рода.

В рамках социального знания имеет место тенденция раскрытия проблемных аспектов общественных отношений. То, что угрожает нормальному функционированию общества, вызывает неизменный интерес в исследовательской среде, на что справедливо указал известный отечественный исследователь А. Гофман[2]. И потому одной из наиболее актуальных и востребованных в социогуманитарном знании проблем является проблема преступности, понимание специфики, оснований, механизмов развития которой может способствовать если не преодолению, то, как минимум, снижению остроты угрозы, которую представляет преступность для общества. В рамках настоящей статьи мы ориентированы на исследование преступного действия как модели, поиск в многообразии преступлений неких общих сценариев или «сюжетов», осмыслив которые можно приблизиться к пониманию того, какие принципы лежат в основе преступной деятельности.

Аналогия с сюжетом взята нами неслучайно, поскольку всякое событие имеет свою структуру, течение от предваряющих его условий и вплоть до конечной точки, в которой оно становится свершившимся фактом. Поэтому преступление может рассматриваться нами в той же

---

[1] Берн Э. Игры в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М.: Эксмо, 1964. – 411 с.

[2] Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97–167.

системе координат, что и литературное произведение, структурной основой которого является сюжетная линия. При этом мы исходим из развитой в современных гуманитарных исследованиях идеи, согласно которой, при всем многообразии литературных произведений по критериям стилистической и жанровой определенности, разновидностей сюжета сравнительно немного, и, следовательно, в большинстве произведений наблюдаются повторяющиеся в различных комбинациях архетипические элементы сюжета, выступающие тем общим аспектом литературного творчества, который не склонные к рефлексии читатели зачастую не замечают, обращая внимание на особенное – личностные характеристики героя, особенности мира и т. д.

Итак, преступление есть событие, и, как у всякого события, у преступления есть структура. Рассматривать его следует процессуально, однако было бы не вполне корректным рассматривать преступление как простую последовательность действий, поскольку, как и всякое событие, преступление имеет предпосылки, локализованные в окружающем мире и области индивидуальных обстоятельств совершающего преступление человека. Поэтому отправной точкой в рассмотрении преступления является анализ его предпосылок, что предполагает соотнесение внутренних и внешних обстоятельств субъекта преступной деятельности.

В данном случае аналогия с сюжетом литературного произведения сохраняет свой эвристический потенциал: в литературе описываются события, по мнению автора, достойные внимания, и потому выбивающиеся из общего течения жизни. Точка отсчета всякого сюжета – это переход от нормального течения событий к особенному, что и представляет собой завязку сюжетной линии. Если мы рассмотрим преступление как элемент жизни человека, очевидно, что оно является отклонением от нормы – тем самым заслуживающим внимания действием, выбивающимся из общей канвы социальной активности человека. Соответственно, и предпосылки его должны иметь особенный характер. Именно поэтому в исследовательской среде большое внимание уделяется социальным условиям, в которые погружены субъекты противоправной деятельности, а также особенностям их личности (что также можно отнести к области исходных обстоятельств). Завязка сюжета в данном случае – это мотивы и основания, толкающие человека на преступление, причем в данном случае можно подразделить совокупность преступлений, исходя из того, является ли преступление целенаправленно совершенным (в таком случае определяющее значение имеют личностные качества преступника и его мотивы), либо же совершенным случайно, либо под гнетом обстоятельств (в таком случае имеют значение внешние факторы – окружение, события, повлиявшие на действия человека, совершившего преступление и т. д.).

Развертывая структурный анализ преступления, отметим, что процесс совершения преступления (тот акт, который собственно и называют преступлением) следует непосредственно за «завязкой» и проистекает из нее – в данном случае предпосылки не менее важны, нежели сам преступный акт. Если фабула сюжета представляет собой движение из исходной точки сюжета к конечной, с поворотами, связанными с препятствиями в выполнении сверхзадачи, возложенной на действующего персонажа, то в рамках совершения преступного акта мы также наблюдаем движение от замысла к цели (если преступление совершается осознанно), либо действие под давлением обстоятельств (если речь идет о пассивной вовлеченности или случайности). Конечной точкой «сюжета» является развязка, достижение действующим персонажем цели, осознание невозможности достижения цели, его гибель и т. д. В рамках анализа преступной деятельности значение итогового состояния преступника важно, прежде всего, для понимания социальных перспектив его исправления.

На каждой из стадий совершения преступления присутствует ограниченное количество вариантов ситуации, что было продемонстрировано нами в рамках развернутого анализа многообразия «завязок сюжета» преступления. Даже если мы рассмотрим всю совокупность их возможных комбинаций, их также окажется сравнительно немного. И здесь важно понимать, что для каждого конкретного сценария развертывания преступного действия существуют свои механизмы противодействия, которые не распространяются на другие сценарии осуществления преступлений. И в данном случае развернутая типологизация отправных точек совершения преступлений, характера их течения и итогов может способствовать более глубокому пониманию основного спектра доступных методов, которые могут быть направлены на противодействие преступности.

Отдельно следует отметить, что элементы преступления как события, равно как и элементы сюжетной линии, связаны между собой, что необходимо учитывать, в том числе, в рамках осуществления правосудия, поскольку от исходных качеств и мотивов субъекта правонарушения во многом зависит его итоговое отношение к свершенному преступному действию, что носит определяющий характер применительно к перспективам его исправления.

Псху Арсен Владимирович,
и.о. директора института
прикладной математики и автоматизации КБНЦ РАН,
доктор физико-математических наук, профессор

МОДЕЛИРОВАНИЕ КРИМИНОГЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Важную методологическую роль в современной науке играют такие ее отрасли, как математика и кибернетика, а также применяемые специализированные общенаучные методологические подходы. Сегодня наблюдается тенденция масштабного привлечения классического математического аппарата для построения математических моделей и решения прикладных задач в области исследования явлений и процессов различной природы. Данные методы позволяют оценить перспективы и сформировать наилучшую стратегию как на ближайшее время, так и на дальнейшее будущее. Проектированию модели предшествует этап всестороннего математического анализа исследуемого процесса, без которого невозможно составить прогноз его динамики и развития, что характерно для большинства сложных систем. При этом метод моделирования предполагает исследование модели объекта без погружения в математическую проблематику, в результате которого определяются неизвестные ранее объективно существующие закономерности и свойства наблюдаемого явления. В качестве научной основы для проведения исследований используют имеющиеся данные и известные закономерности об объекте, которые обеспечивают проведение анализа, прогноза и помогают выработать оптимальное решение.

Применение математического аппарата в целях исследования криминогенности социально опасных явлений, в частности метода математического моделирования, поможет получить объективные знания о сущности изучаемых процессов и выработать комплекс правовых, организационных, политических, социально-экономических, воспитательных и иных мер по борьбе с преступностью.

Вопросами использования математических методов для моделирования криминогенности социально опасных явлений занимались многие ученые. О.В. Яковлев в своих работах отмечет, что ситуация, складывающаяся в области обеспечения социальной безопасности, которая является одним из компонентов национальной безопасности, требует от аналитических подразделений применения современных достижений в области системного анализа, математического моделирования, теории оптимального управления, современных информационных технологий. Проблема изучения социально опасных явлений требует проведения поэтапного исследования всех факторов, определяющих совокупность

негативных социальных явлений[1]. По мнению Т.В. Пилюгиной и Д.А. Натура, выработка эффективных мер, направленных на противодействие преступности, в современных социально-экономических условиях имеет высокую актуальность. По словам ученых, сегодня общество находится в особой зоне нестабильности, в силу чего к предупреждению и пресечению преступности необходим особый подход[2]. С.А. Колесников в своих работах отмечает, что среди многообразия детерминант преступности ключевые до сих пор не определены[3].

Основной задачей исследования является проектирование математической модели, отражающей влияние социально опасных явлений на криминальную пораженность. В результате математического моделирования будут выработаны научно-обоснованные методические рекомендации, направленные на совершенствование информационно-аналитического обеспечения работы органов внутренних дел. В качестве объекта исследования модели выступают социально опасные явления, связанные с противоправным, опасным для общества, виновным, деянием. Предметом исследования является криминогенность указанных явлений, выступающая в качестве объективной стороны социальных взаимоотношений. Воздействие социально опасных явлений в результате нарушения социального взаимодействия в различных сферах общественной жизни отражается на развитии нового социального криминогенного фактора и трансформации структуры преступности.

Для решения задачи прогнозирования социально опасных явлений используются статистические закономерности их развития за предшествующий и настоящий периоды. Влияние будущего периода учитывается посредством определения субъективных целей и объективных возможностей субъектов преступлений.

На данный момент в научных работах отмечаются два основных направления математического моделирования, используемых для исследования социально опасных явлений. Первый метод выражен уравнением множественной регрессии, второй – в матричном представлении. Огромные информационные массивы статистических данных, содержащих сотни тысяч показателей, а также применение информационно-вычислительных систем делают применение метода математического моделирования достаточно достоверным способом прогнозирования.

---

[1] Социальная напряженность и ее криминологическое значение // Вестник МВД России. 1997. № 6.

[2] Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т.11. № 1. С. 61–70.

[3] Колесников С.А. Экономико-математическая модель преступления // Вологдинские чтения. 2006. № 57. С. 25–26.

Например, моделирование такого социально опасного явления, как преступность, можно описать в виде уравнения множественной регрессии следующего вида:

$$Y = a_1 \cdot x_1 + a_2 \cdot x_2 + a_3 \cdot x_3 + \cdots + a_n \cdot x_n,$$

где Y – прогнозируемое количество преступлений; a_1, a_2, a_3 ... a_n – постоянные коэффициенты связи между криминогенными факторами и преступностью; x_1, x_2, x_3, ..., x_n – криминогенные факторы, в качестве которых могут выступать: снижение уровня жизни, рост безработицы, интенсификация миграционных процессов, рост беспризорности и другие. Способствуют снижению преступности такие факторы, как повышение уровня жизни, совершенствование правовой базы, проведение социальных программ обучения и воспитания лиц, не достигших восемнадцати лет и другие аналогичные меры.

Второе направление математического моделирования заключается в матричном представлении (в виде матрицы сопряженности) и по мнению ученых способно повысить эффективность расследования преступлений. Данный способ реализует теоретико-графовый подход решения задач анализа статистических данных. Граф – это абстрактный математический объект *G (V, E),* который состоит из множества объектов, называемых вершинами $V = (y_1, y_2, ..., yn)$, и множества связей между этими объектами – ребрами *E*. Граф может быть задан в виде изображения или матрицы сопряженности. При этом последовательность чередующихся вершин и ребер графа, которая устанавливает связь между двумя вершинами (объектами одного типа через их обоюдную связь с одними и теми же объектами второго типа) называется маршрутом. Если на основе данного подхода построить матрицы сопряженности, то с их помощью можно решить задачу анализа данных, возникающую в процессе расследования преступлений[1].

В исследованиях В.В. Баранова[2] данные модели используются применительно к анализу фактов одновременного нахождения фигурантов преступлений по установленным адресам. Похожие модели анализа рассматриваются в работах А.Н. Бецкова и З.И. Тагирова[3], которые отмечают их высокую эффективность при моделировании социально опасных явлений.

---

[1] Торопов Б.А. Аналитический метод расследования преступлений на основе матриц сопряженности. Академическая мысль. М.: Академия управления МВД России. 2018. № 2 (3). С. 51–55.

[2] Баранов В.В. К вопросу о правовой регламентации деятельности органов внутренних дел по противодействию проявлениям экстремизма в глобальной компьютерной сети // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 1. С. 56–62.

[3] Бецков А.Н, Тагиров З.И. Системы управления в чрезвычайной обстановке: международный опыт и возможности его использования в России и в государствах-членах евразийского экономического союза // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 6. С. 3–13.

Наиболее значимые количественные и качественные показатели социально опасных явлений и их коэффициенты характеризуют динамику развития исследуемого процесса в будущем и позволяют определять его позитивные и негативные тенденции, основные закономерности, а также возможности воздействия или стабилизации выявленных тенденций в сторону необходимых показателей. Необходимость рассмотренных исследований прежде всего обусловлена возможностью повышения эффективности профилактики и предупреждения социально опасных и негативных явлений на уровне субъекта.

Исследование динамики функционирования прогнозируемого объекта на перспективу, а также предположения о характере необходимых изменений, включая социальные, экономические и иные, могут оказать значительное влияние на развитие и цели анализируемой области. В следствие чего анализ настоящих и прогноз будущих сценариев развития исследуемого явления относятся к весьма значимой задаче, от решения которой во многом зависит безопасность государства, его экономическое и социальное благополучие. На современном этапе решение задач девиктимизации населения совместно с виктимологическим предупреждением преступности является необходимым условием обеспечения безопасности граждан.

Разгельдеев Назир Тагирович,
профессор кафедры
уголовного и экологического права и криминологии
Саратовского национального
исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского,
доктор юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИРОДООХРАННОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конституция РФ гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду. Окружающая среда является благоприятной, если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям, касающимся чистоты, ресурсоемкости, экологической устойчивости, видового разнообразия, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска.

Однако в последние годы в условиях глобализации, развития новых технологий на окружающую среду осуществляется колоссальная нагрузка, следствием которой является ухудшение экологии и истощение природных

ресурсов. Данное обстоятельство признается глобальной проблемой, выходящей за рамки отдельно взятого государства. Наряду с этим огромное влияние на окружающую среду оказывает и воздействие человека, выражаемое в совершении противоправных действий, которые приводят к неблагоприятным последствиям как для природы, так и для всего живого.

В этой связи в целях реализации конституционных гарантий ключевой задачей государства является разработка и применение мер противодействия преступности в природоохранной сфере (экологической преступности). В целом существование в государстве функции по охране природы означает ответственность государства перед каждым гражданином за обеспечение экологического благополучия.

Под экологической преступностью в научной литературе понимается общественно опасное, сопряженное с экологическим риском и/или влекущее вред окружающей среде и представляющее угрозу экологической безопасности общества, относительно массовое и устойчивое, социально-правовое и психологически обусловленное явление, подрывающее биологические основы жизни всего живого.

В настоящий момент главной проблемой противодействия преступности в природоохранной сфере является отсутствие в действующем уголовном законодательстве понятия экологического преступления. Единого мнения ученых по данному вопросу также нет, что может быть следствием того, что довольно длительное время преступления в природоохранной сфере не выделялись в отдельную группу, а являлись частью деяний, объектом посягательства которых были законные интересы народного хозяйства.

В связи с отсутствием единой общепризнанной легальной дефиниции, данное общественно опасное деяние трактуется правоприменителями неоднозначно, что приводит к возникновению правовых коллизий, сложности установления мер ответственности и выявления состава преступления в природоохранной сфере.

В науке встречаются различные определения, среди которых можно выделить следующую дефиницию, обладающую наиболее содержательной полнотой: «экологическое преступление – это запрещенное уголовным законом под угрозой наказания виновное, общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на окружающую природную среду и ее компоненты, а также на экологическую безопасность населения и территорий, и состоящее в непосредственном противоправном использовании природных объектов или в противоправном воздействии на них, приводящее к негативным изменениям состояния и качества окружающей природной среды»[1].

[1] Голубев С.И. Субъективные и объективные признаки экологических преступлений // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1.

Противодействием преступности в природоохранной сфере занимается множество органов исполнительной власти (Росприроднадзор, ГИМС МЧС России, Рослесхоз и др.), а также природоохранные прокуратуры. Указанные органы в целях повышения эффективности борьбы с экологической преступностью при помощи разработки и исполнения согласованных мер по своевременному пресечению, выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению экологических преступлений, ликвидации причин и условий, способствующих совершению преступлений в природоохранной сфере, координируют свою деятельность и осуществляют межведомственное взаимодействие по рассматриваемому направлению. Взаимодействие органов природоохраны осуществляется посредством проведения координационных совещаний, совместных заседаний, выездов на места, проведения контрольных мероприятий, проверок и т. д. При этом, как справедливо отмечают ученые, перечень форм взаимодействия указанных органов не носит исчерпывающего характера и может быть расширен в зависимости от конкретных задач, решаемых в процессе такого взаимодействия[1].

Рассуждая о мерах противодействия преступлениям в природоохранной сфере, следует поддержать мнение С.Т. Фаткулина, который в качестве основного направления борьбы с экологической преступностью называет изменение экологической позиции в области отношения к природе и изменение государственной политики в рассматриваемой сфере[2]. Действительно, решение проблемы экологической преступности невозможно без решения внутренних проблем государства и кардинального изменения позиции общества и индивида по отношению к окружающей среде.

В целях повышения эффективности предупредительных мер в природоохранной сфере необходимо проводить комплекс профилактических мероприятий:

Во-первых, необходимо организовать на постоянной основе проведение в школах и высших учебных заведениях профилактических мероприятий, призывающих к бережному отношению к природе страны, а также повышению правовой культуры школьников и студентов. Необходимо сформировать следующее поколение без помыслов совершать преступные деяния, в том числе в экологической сфере.

Во-вторых, представляется целесообразным сформировать особую систему правоохранительных органов в сфере охраны окружающей среды,

---

[1] Добрецов Д.Г., Игонина Н.А., Какителашвили М.М. Координация природоохранными прокурорами деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23).

[2] Фаткулин С.Т. Уголовная ответственность за экологические преступления // Законность. 2015. № 13.

в которую включить экологическую полицию, специализированные экологические суды и экологическую адвокатуру.

Безусловно, формирование указанных органов в сфере охраны окружающей среды окажет серьезную финансовую нагрузку на федеральный бюджет, однако думается, что эффект от их деятельности будет многим больше, чем ущерб, наносимый природе.

В-третьих, необходимо внедрять новые и модернизировать существующие способы расследования преступлений с учетом развития современных технологий, с целью повышения эффективности раскрываемости экологических преступлений и уменьшения их латентности.

Ростокинский Александр Владимирович,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Института Права и Управления ГАОУ ВО МГПУ,
доктор юридических наук, профессор

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Воспитание и образование в современном обществе занимают первостепенное место в становлении человека как личности. Государство по средствам конституционных обязанностей человека и гражданина закрепляет, что каждый должен получить основное общее образование[1]. Но достаточно ли этого для становления и развития личности? Несомненно, кто-то ответит, что этого более, чем достаточно, но для полноценной реализации человека как личности необходимо не только образование, но и иные факторы, образующие личностный рост. Именно педагогическая наука является основой становления личности, поскольку включает в себя совокупность образования и воспитания, а также формирование самовоспитания и самообучения личности. Педагогика включает в себя социализацию личности, становление человека в социуме. Предметом педагогической науки является педагогический процесс, который включает в себя образование, воспитание и становление личности[2]. Педагогика как наука образует систему совершенствования педагогического процесса. Стоит отметить, что любая отрасль общественных отношений не представляет своего существования без

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 02.07.2020. № 1. Ст. 4398.

[2] Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 895 с.

педагогики. В органах внутренних дел педагогическая наука занимает особое место в системе становления личности сотрудника как общественного примера. Многовековая история педагогической науки говорит о ее развитии и формировании путем множества проб и ошибок со стороны человека. На современном этапе развития общественных отношений педагогика образует прочные взаимосвязи с гуманитарными и общественными науками. Исследование границ применимости педагогической науки в органах внутренних дел необходимо для изучения проблемы значимости педагогики как науки в становлении личности сотрудника ОВД и влиянии ее методов на формирование потенциала сотрудника как примера.

Сотрудник органов внутренних дел является не только гарантом общественной безопасности и обеспечения правопорядка, но и выступает образцом для общества. Именно поэтому важно определить значение педагогической науки в ОВД как фактора, формирующего личностные и профессионально-служебные качества сотрудника[1]. Стоит отметить, что в последние годы происходит модернизация системы образования в целом и ее отдельных частей. Так происходит в связи с развитием общественных отношений, появляется необходимость развития образования и его составляющих: воспитание, культура, социализация и самовоспитание и обучение. Поэтому компетентность сотрудника органов внутренних дел напрямую зависит от уровня образования и воспитания, которые являются составляющими педагогической науки и иллюстрируют влияние педагогических факторов на личность сотрудника органов внутренних дел.

Необходимо сказать, что именно педагогическая наука выступает сферой формирования личностных и профессиональных качеств сотрудника ОВД посредством комплексного подхода к системе воспитания, что является необходимым и приоритетным фактором в работе кадрового состава сотрудников органов внутренних дел. Педагогическая наука многогранна и имеет большое количество границ применимости, но основными сферами педагогических знаний в ОВД являются воспитание и образование, которые, в свою очередь, образуют профессиональные, служебные и личностные качества сотрудника. Общие особенности педагогического процесса строятся на поиске новых путей обучения и воспитания личности. При этом педагогический процесс для органов внутренних дел образован системой преемственности поколений, то есть передачи знаний, опыта и навыков молодым сотрудникам, поступившим на службу с целью формирования личности сотрудника как

[1] Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел: курс лекций / С.Е. Борисова. Орѐл: ОрЮИ МВД России, 2011. – 160 с.

общественного примера[1]. Существует ряд основных аспектных особенностей педагогического процесса в органах внутренних дел, построенных на общих началах педагогической науки. Так, основами построения педагогического процесса в органах внутренних дел является во-первых, выявление педагогических закономерностей в деятельности сотрудников органов внутренних дел, то есть изучение и анализ используемых методов обучения и воспитания сотрудников в разных подразделениях органов внутренних дел и выявление общих закономерностей результативности действий. Во-вторых, выявление и разработка основных принципов педагогического процесса в органах внутренних дел как значимых аспектов становления профессиональных качеств сотрудника. В- третьих, анализ и разработка теоретических методов и средств педагогического процесса в ОВД и их практического применения, основанная на специализации сотрудников органов внутренних дел, то есть в зависимости от подразделения и служебных обязанностей методы педагогического процесса могут различаться по своей структуре. Также на основе имеющихся методов и форм педагогического процесса в ОВД происходит разработка и апробация новых путей развития обучения и воспитания сотрудника органов внутренних дел через призму педагогической науки. Сотрудник органов внутренних дел как государственный служащий должен обладать не только профессионально-служебными, но и личностными качествами, необходимыми для взаимодействия с разными категориями населения. Именно поэтому границы педагогической науки в ОВД определяются от начала отборочных испытаний на должность сотрудника и заканчиваются становлением личности сотрудника, а зачастую продолжаются до ухода на заслуженный отдых. Стоит отметить, что еще Демокрит писал, что хорошими людьми становятся скорее от упражнения, чем от природы, и именно воспитание перестраивает человека и создает природу[2]. Так и профессионалами своего дела сотрудники органов внутренних дел становятся не от природы, а по средствам обучения в процессе использования педагогической науки. Несомненно, существуют династии сотрудников ОВД, хорошо служащих Отечеству, когда человек рождается с определенными навыками, но без должного обучения он может стать служащим, но достичь определенного профессионально-служебного статуса не сможет. При этом обучение без воспитания в сфере становления личности сотрудника ОВД как преступление без наказания не представляет реального существования. Только при взаимодействии двух

[1] Матанова Е.А. Педагогика сегодня: проблемы и решения // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы V Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2019. С. 9–10.

[2] Павлова С.А. Роль и значение педагогических знаний для сотрудников органов внутренних дел // Novaum.ru. 2018. № 15. С. 378–379.

составляющих происходит перестройка личности в профессионала своего дела, достойного государственного служащего, способного изменить представления о системе органов внутренних дел в лучшую сторону и поспособствовать искоренению преступности. Сотрудник органов внутренних дел выступает лицом, представляющим государство, и его воспитание и его составляющая самовоспитание является важным аспектом педагогического процесса[1]. Первый этап влияния педагогической науки на становление личности сотрудника органов внутренних дел начинается с момента вступительных испытаний на должность сотрудника органов внутренних дел, при этом стоит сказать, что существует два основных способа поступления на службу. Это, в первую очередь, поступления на должность курсанта в высшие учебные заведения системы МВД, но также существует возможность поступления на службу в органы внутренних дел после прохождения срочной службы в вооруженных силах[2]. Но в любом из вышеизложенных способов существует аспект применения педагогической науки в виде вступительных испытаний, которые необходимы для определения начального уровня личностных морально-психологических качеств, необходимых для поступления на службу. Так, на этапе вступительных испытаний кандидат на службу в органы внутренних дел проходит оценку со стороны образованности и наличия самовоспитания как важных факторов влияния педагогического процесса[3]. Педагогика как наука на этапе вступительных испытаний образует первую ступень становления и развития личности сотрудника путем оценки образованности, морально-нравственных и личностных особенностей личности. Так, кандидат на службу в органы внутренних дел проходит психологические тесты для определения психоэмоциональной устойчивости в связи с особенностями службы в органах внутренних дел[4]. Также одним из этапов вступительных испытаний является прохождение полиграфа, что определяет личностные качества кандидата. Совокупность тестирований не только является первой ступенью педагогического процесса в ОВД, но и определяет уровень воспитания и, что более важно, самовоспитания кандидата и возможность его поступления на службу. При этом необходимо оценить первоначальные знания кандидата на службу в органы внутренних дел, для этого проводятся тестирования на знание

[1] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кабденов Т.К., Кильмашкина Т.Н. О категориальном аппарате педагогики ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1999. № 1. С. 31–34.

[3] Набиев Р.Ф. Подготовка кадров для ОВД: возможности использования новых технологий и перспективы решения гендерного вопроса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 530–535.

[4] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

русского языка и испытания на физическую выносливость. Это способствует на первой ступени педагогического процесса оценить личностные качества каждого кандидата и отобрать на службу только подготовленных лиц[1]. Так, первая ступень педагогического процесса способствует качественному отбору кандидатов на службу в органы внутренних дел и образует применение педагогической науки в ее общем понимании. Более того, педагогическая наука имеет обширные границы применения и после зачисления кандидата на службу в органы внутренних дел, наступает длительный этап педагогического процесса с наличием особых принципов и методов формирования личности сотрудника ОВД. Так, стоит отметить функциональную структуру педагогической науки в ОВД, которая включает в себя образование, воспитание, психологическую и моральную подготовку посредством методов педагогического процесса. Но, прежде чем выделить основные принципы и методы педагогической науки в ОВД, необходимо сказать об основных особенностях педагогического процесса в органах внутренних дел, отличительной особенности педагогических знаний, формирующих личность государственного служащего. В первую очередь, педагогический процесс в органах внутренних дел является обособленной единицей, поскольку сфера деятельности сотрудника органов внутренних дел достаточно обширна, но при этом обособлена от иных сфер общественных отношений, именно поэтому в педагогическом процессе необходимо сформировать знания, умения и навыки, необходимые при выполнении служебных обязанностей. Также отличительной особенностью педагогического процесса в органах внутренних дел выступает обучение сотрудников в ситуации, приближенной к реальной, то есть обучение происходит с применением боевого служебного оружия и с физическими нагрузками, что подготавливает личность сотрудника как с физической, так и с морально-психологической стороны. Также стоит отметить, что совершенствование профессиональных качеств сотрудника органов внутренних дел является его прямой обязанностью, именно поэтому педагогическая наука выступает основой для формирования личности сотрудника[2]. Отличительные особенности педагогического процесса в органах внутренних дел говорят о значимости педагогики как науки в

[1] Ульянова И.В., Евсеева И.Г. Система подготовки курсантов – будущих сотрудников ПДН ОВД к ведению полемики и участию в дискуссии // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 230–233.

[2] Федотов С.Н., Ульянина О.А. Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3. С. 77–82.

формировании личностных и профессионально-служебных качеств сотрудника ОВД. Большое значение в педагогическом процессе органов внутренних дел играют принципы, определяющие развитие и становление личности сотрудника как образца соблюдения правопорядка и защиты прав граждан. Только при соблюдении педагогических принципов происходит не только становление личности сотрудника органов внутренних дел, но и формирование доверительного отношения со стороны граждан. Принципы педагогической науки в органах внутренних дел определяют вектор развития педагогического процесса и образуют методологические основы педагогики. Так, в педагогической науке принято выделять пять основополагающих принципов, которые применимы как в педагогическом процессе в органах внутренних дел, как части общего педагогического процесса. Первый принцип особенно важен для личности сотрудника органов внутренних дел и заключается в объективной оценке реальности, то есть независимо от личных взглядов, предубеждений и отношений сотрудник должен следовать принципу объективизации и оценивать ситуацию со стороны реальности действий и решений. Второй принцип педагогического процесса заключается в системности, то есть ситуация должна оцениваться как система, но не сводимая к сумме элементов. Так, педагогическая наука в органах внутренних дел выступает системой образованной не только педагогическим, но также управленческим, морально-психологическим аспектами, которые не могут быть оценены с одной стороны, они служат структурными единицами целого. Третий принцип педагогического процесса в органах внутренних дел гласит о взаимодействии и взаимозависимости всех процессов и явлений – принцип детерминизма, то есть действия сотрудника органов внутренних дел, с одной стороны, напрямую зависят от его личностных качеств путем преобразования внешнего мира, а, с другой стороны, внешнее воздействие влияет на личность сотрудника. Так, данный принцип образует влияние личностных качеств на служебно-профессиональную деятельность, то есть сотрудник должен быть настолько психологически устойчив, дабы не допустить влиянием внешних факторов на его действия и решения. Четвертый принцип педагогического процесса в ОВД гласит о развитии сотрудника как личности путем изменения психики на протяжении всей его жизни. Именно поэтому существует термин в педагогической науке органов внутренних дел, определяющий изменения личности сотрудника в процессе службы - как профессиональная деформация, когда появляется особая манера разговора, поведения, оперативность принятия решений и многое другое. Пятый принцип применим не только в педагогическом процессе органов внутренних дел, но и выступает основой деятельности сотрудника, так как построен на гуманном отношении к обществу и личности путем уважения прав и законных интересов. Данный принцип

педагогической науки органов внутренних дел является значимым из-за особенностей взаимодействия сотрудника органов внутренних дел с разными слоями населения. При таком взаимодействии нельзя забывать о том, что у каждого человека есть права и обязанности, а также личностные особенности, которые сотрудник должен учитывать в процессе работы с человеком. Принципы педагогической науки в органах внутренних дел выступают гарантом профессионализма сотрудника и образуют методологическую основу педагогического процесса в органах внутренних дел. Но педагогический процесс в ОВД строится не только на принципах как основополагающих единицах, но и на методах, необходимых для воспитания и обучения сотрудников органов внутренних дел. Так, методы, применяемые в педагогической науке, подразделяются на две категории, а именно теоретические и эмпирические и собственно педагогические, то есть методы обучения и воспитания. К теоретическим и эмпирическим методам педагогического процесса, применяемым в органах внутренних дел, можно отнести такие как, анализ, синтез, моделирование, опрос, сравнение, наблюдение. Анализ представляет собой разложение исследуемого объекта на составляющие и выделение отрицательных и положительных качеств, что позволяет в ходе педагогического процесса в органах внутренних дел производить аналитические исследования, которые способствуют развитию мыслительных способностей личности. Синтез является структурной составляющей педагогического анализа и способствует суммированию выявленных фактов. При этом синтез применяется в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел при разработке форм и методов противодействия преступности. Моделирование служит одним из основных эмпирических методов педагогического процесса, применяемого в практической деятельности. Так, на практике происходит воссоздание ситуации посредством ее моделирования, что позволяет более тщательно изучить процесс уже произошедших событий и сделать вывод о личностях и их действиях. Опрос выступает наиболее часто используемым в практической деятельности методом педагогического процесса, так как не только способствует получению информации, но и развивает служебно-профессиональные качества сотрудников органов внутренних дел. Опрос служит методом, образующим такое следственное действие, как допрос, и способствует применению педагогической науки в деятельности сотрудника. Сравнение как метод педагогического процесса в органах внутренних дел осуществляется посредством определения искомого критерия и выделения факторов, необходимых к соотнесению, способствуя формированию у сотрудника абстрактного мышления. Наблюдение как значимый метод педагогического процесса в органах внутренних дел

способствует выработке терпения и рационализации действий путем невмешательства в ситуации, а лишь зрительного контакта[1]. Методы, основанные на собственно педагогической направленности, а именно выраженные в обучении и воспитании сотрудника, взаимодействуют с вышеперечисленными методами, и образуют систему педагогического процесса. Обучение как составляющая педагогической науки и педагогического процесса в органах внутренних дел начинается с момента поступления сотрудника на службу и продолжается весь период служебной деятельности. Так, в обучение сотрудников органов внутренних дел входят занятия по служебно-боевой и морально-психологической подготовке сотрудников, что способствует совершенствованию профессиональных навыков и укреплению психологических качеств сотрудника. Занятия включают в себя комплекс действий по обучению сотрудника и совершенствованию его профессиональных качеств. В образовательных учреждениях происходит подготовка кадрового состава и внедряется дисциплина «Профессиональная этика и служебный этикет»[2], которая формирует не только основы общения сотрудника правоохранительных органов с гражданами, но и способствует снижению фактора агрессивности общения, которому подвержены сотрудники органов внутренних дел в специфических условиях работы. При этом обучение не имело бы должной эффективности без педагогического воспитания, которое входит в структуру педагогической науки в органах внутренних дел. Педагогическое воспитание сотрудников органов внутренних дел строится посредством преемственности поколений и положительного примера, а также путем формирования института наставничества. Институт наставничества в органах внутренних дел имеет большое значение для педагогического процесса и становления личности сотрудника, только на положительном примере можно сформировать профессионала своего дела. Несмотря на представления о том, что педагогика как наука не имеет места в органах внутренних дел, это ошибочно, поскольку сотрудник органов внутренних дел, являясь государственным служащим, выступает примером образованности и воспитанности, формируя доверительное отношение граждан ко всей системе внутренних дел в целом.

Педагогическая наука имеет многовековую историю становления и развития от Древнегреческих мыслителей до современного представления

---

[1] Серебренникова А.В. Современные технологии в вузовском образовании / Образование и педагогика: перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 39–40.

[2] Серебренникова А.В. Современные технологии в вузовском образовании / Образование и педагогика: перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 39–40.

в сфере образовательных стандартов. Именно поэтому значение педагогической науки для сотрудников органов внутренних дел отражается в педагогическом процессе посредством основополагающих принципов и методов формирования личностных и служебных качеств сотрудника. Педагогическая наука влияет на сотрудника органов внутренних дел, способствуя становлению профессиональных особенностей, необходимых для службы в ОВД.

Границы применимости педагогической науки в органах внутренних дел достаточно обширны, невозможно четко определить, где начинается и заканчивается положительное воздействие педагогического процесса. При этом стоит отметить, что педагогический процесс в органах внутренних дел, построенный на методологических принципах и методах обучения и воспитания начинается с момента отборочных испытаний на поступление кандидата на службу и практически не имеет завершения. Это происходит для отбора лиц, готовых к тяготам службы в органах внутренних дел, и обучение, и воспитание на протяжении всей служебной деятельности способствует совершенствованию качеств сотрудника. Совершенствование педагогического процесса в органах внутренних дел и его границ обусловлено социальными и политическими требованиями в системе изменяющихся общественных отношений. Исследуя особенности применения педагогической науки в органах внутренних дел, можно прийти к выводу о ее необходимости как структурного компонента построения правового государства и совершенствования образа сотрудника ОВД.

Туравец Наталья Романовна,
профессор
Краснодарского университета МВД России,
доктор педагогических наук

Тебердиева Жамиля Исмаиловна,
адъюнкт
Краснодарского университета МВД России

ПОЭТАПНЫЙ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

Процесс развития субъектно-профессионального потенциала курсантов в образовательной организации МВД России представляет собой вхождение личности в сферу своей будущей деятельности на основе активной самореализации и саморазвития и обеспечивает интеграцию формирования личностных качеств курсантов. При осуществлении конкретной учебно-профессиональной деятельности у курсантов на

начальном этапе возникают противоречия между требованиями, предъявляемыми к личности, и довузовской подготовкой, не ориентированной на выполнение сложных задач профессиональной деятельности сотрудника полиции: меняются ценностные ориентации, эталонные модели поведения, требования, которые предъявляет личность к себе. Условием эффективной подготовки становится развитие субъектно-профессионального потенциала, что предполагает формирование способности и готовности курсантов решать самостоятельно учебно-профессиональные задачи, осуществлять выбор векторов саморазвития, при этом понятие «способность» выражает содержательный аспект развития, а понятие «готовность» свидетельствует о динамичной профессиональной направленности[1].

Основой развития курсантов становится его потенциал, или ресурсы, под которыми понимаются возможности, обладающие качественной и количественной определенностью и способствующие активации личности в предлагаемых обстоятельствах.

Понятие «потенциал» (potentia – «силы», «возможности») определяет наличие имеющихся возможностей личности, обладающей способностью к наращиванию имеющихся позитивных качеств. Потенциал личности как основа субъектно-профессионального развития предусматривает развитие и совершенствование имеющихся у личности ресурсов, способствующих повышению эффективности деятельности личности, ибо существует зависимость потенциала от стремления к самореализации. Накопление потенциальных возможностей курсантов в процессе учебно-профессиональной деятельности создает предпосылку к формированию субъектности. Анализ научных исследований[2] свидетельствует, что проблемы развития субъектного потенциала рассматриваются с точки зрения профессиональной субъектности применительно к конкретным специалистам, в частности сотрудникам полиции, которые осуществляют

[1] Мухаметзянова Ф.Г., Панченко О.Л., Хайрутдинов Р.Р. Развитие субъектного потенциала студентов в магистерском образовании // Казанский педагогический журнал. 2018. № 4 (129). С. 76–80. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Сидоренко М.Г., Казаков К.А. Развитие субъектного потенциала личности как условие повышения конкурентоспособности студентов вуза // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 5-2. С. 181–183.

[2] Арешин Д.Н. Развитие учебного потенциала курсантов военного вуза при изучении дисциплин профессионального цикла: автореф… дисс. канд. пед. наук. Омск, 2018. – 23 с. Белошицкий А.В. Становление субъектности будущих офицеров в военном вузе. Автореф. дисс. ... док. пед. наук. Воронеж, 2009. – 44 с.; Богомаз С.А., Мацута В.В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у современной вузовской молодежи // Психология обучения. Вып. 12. М.: СГУ, 2010. С. 77–88.; Туравец Н.Р., Тебердиева Ж.И. Значение развития субъектного потенциала курсантов и слушателей образовательной организации МВД России в формировании их профессиональной компетентности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 297–300.

свою деятельности в чрезвычайной обстановке, требующей самостоятельных действий.

Развитие субъектно-профессионального потенциала курсантов в образовательной организации МВД России представляет непрерывный процесс и включает адаптационный, проектировочный и рефлексивный этапы:

– адаптационный этап рассматривается с различных позиций[1]. Авторы утверждают, что адаптационный период направлен на развитие личности, которая сталкивается с трудностями окружающей среды, с необходимость приспособления курсантов к новым условиям. На первом курсе происходит вхождение курсанта в образовательную среду, преодоление сложившихся привычек и стандартов поведения, осмысление нового социального статуса, идентификация. Адаптация должна учитывать сложную структуру, предполагающую совмещение учебной и служебной деятельности;

– проектировочный этап, характеризуется познавательной направленностью учебно-профессиональной деятельности курсантов и представляет собой усвоение требований к профессиональной деятельности в современных условиях, овладение навыками первоначальной подготовки. Основное содержание данного этапа направлено на осмысление ценностей и смыслов профессиональной деятельности, способствующих реализации индивидуальных особенностей курсантов. На данном этапе особое внимание уделено самопроектированию развития субъектно-профессионального потенциала, что позволяет самостоятельно, целенаправленно, адекватно своим индивидуальным качествам, реализовать возможность саморазвития;

– рефлексивный этап является особенно значимым и выступает как механизм и способ самостроительства на основе переосмысления содержания своей деятельности. Рефлексивный этап основан на развитии субъектных качеств курсантов, способствующих осмыслению собственной деятельности, критического анализа достижений, направленных на самосовершенствование, ибо рефлексия может рассматриваться в качестве механизма ценностно-смыслового уровня саморегуляции[2].

Отметим, что на этом этапе развития субъектно-профессионального потенциала, были определены направления рефлексивной активности курсантов: а) ценностно-смысловые ориентиры профессиональной

---

[1] Рудакова С.Г. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов в вузе: автореф. дис. … канд. пед. наук. Биробиджан, 2005. – 23 с.; Скрипкина А.В., Зиборова М.М. Психолого-педагогические проблемы адаптации курсантов в процессе практико-ориентированной подготовки в вузах МВД России // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 285–288.

[2] Белошицкий А.В. Становление субъектности будущих офицеров в военном вузе. Автореф. дисс. ... док. пед. наук. Воронеж, 2009. – 44 с.

деятельности; б) осмысление личностных и профессиональных эталонов в самосовершенствовании; в) определение векторов профессионального саморазвития; г) реализация индивидуальных рефлексивных программ в процессе учебно-профессиональной деятельности.

Таким образом, достижение результативности в развитии субъектно-профессионального потенциала определяется принятием личностью внутренних профессиональных норм и ориентиров, выполняющих регулятивную функцию, свидетельствующих об активном процессе взаимодействия курсантов с окружающими людьми. На основе последовательного и системного развития субъектно-профессионального потенциала осуществляется практическая реализация индивидуальных программ личностно-профессионального саморазвития, самосовершенствования и проектирования будущего.

Фалеева Лия Владимировна,
профессор кафедры
кадровой, воспитательной
и психологической работы в УИС,
доктор педагогических наук,
майор внутренней службы

Личутина Марина Геннадьевна,
начальник кафедры
кадровой, воспитательной
и психологической работы в УИС
кандидат педагогических наук,
подполковник внутренней службы

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА НА МОЛОДЕЖНУЮ СРЕДУ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

По мнению специалистов, проблема распространения экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности. Если терроризм, бесспорно, отвергается обществом, то экстремизм воспринимается многими людьми как вполне допустимый инструмент политического противостояния.

Проведенные исследования в данной области указывают на то, что экстремизм становится самодостаточным социальным фактором, по целям и разрушительному потенциалу равным, а в определенных условиях и превосходящим террористическую угрозу безопасности государства.

Проявления экстремизма охватывают многие сферы общественной жизни, в том числе политику, межнациональные и межконфессиональные отношения, культуру и т. д.

Особому влиянию экстремизма из-за своей социальной незащищенности подвергается молодежь, составляя почти 1,2 миллиарда населения мира. Подрастающее поколение находится в духовном и ценностном вакууме, что делает их «уязвимыми» для участия в экстремистских группировках.

Основными причинами молодежного экстремизма, по мнению специалистов, являются:

– необходимость принадлежности определенной группе, а именно: молодые люди могут чувствовать себя отчужденными преобладающей культурой или могут бояться своих убеждений и своего вероисповедания, именно поэтому вхождение в экстремистскую организацию может дать им чувство идентичности, принадлежности и принятия;

– чувство безопасности, т. е. молодой человек может почувствовать себя безопаснее как член группировки, особенно если есть воспринимаемая угроза извне;

– гарантия определенного статуса, т. е. участие молодого человека в экстремистских группировках, по его мнению, дает ему ощущение, что он защищает свою семью, район, страну, религию и т. д.

В рамках объяснения указанных причин вхождения молодых людей в экстремистские организации рассмотрим представленные специалистами научные теории.

Первая – теория рационального выбора, согласно которой «молодые люди свободно выбирают свое поведение и мотивированы на избегание боли и погони за удовольствием». В этом отношении присутствует некоторая поддержка насилия и молодежь использует насилие, чтобы защитить себя в ситуациях, когда они чувствуют, что им не хватает силы. С этой точки зрения, эта теория объясняет, что наличие индивидуальных факторов риска, которые способствуют постепенному сдвигу в сторону экстремистской деятельности.

Вторая – теория экономической депривации, согласуется с гипотезой о том, что экономическое положение родителей может вызвать у молодых людей чувство разочарования, которое, в свою очередь, может быть использовано экстремистскими группами.

Заключительная теория социального обучения – процесс воссоздания новых рамок социализации вне традиционных социально-политических границ ведет к тому, что люди будут постепенно отказываться от своей обычной окружающей среды и отождествлять себя с другими воображаемыми или идеологическими сообществами.[1]

[1] URL: http://primorye24.ru/news/post/132464-pochemu-molodezh-popadaet-pod-vliyanie-ekstremistskih-i-terroristicheskih-organizaciy (дата обращения: 19.03.2021).

Рассматривая ключевые направления борьбы с экстремистскими проявлениями в общественной среде особое место необходимо уделять профилактике, особенно она актуальна в среде молодежи, так как именно молодое поколение является наиболее уязвимым в плане подверженности негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп.

Особая роль в сфере профилактики принадлежит органам исполнительной власти субъекта. Так, в Кировской области в 2020 году осуществлялось выполнение целого ряда мероприятий, направленных на предупреждение экстремизма на территории Кировской области в рамках реализации «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»[1]. Областными и муниципальными учреждениями культуры, образования в сфере культуры в области проведено 10 327 мероприятий (в том числе 5 361 очно, 4 966 «On line»), в которых приняло участие 98 9296 детей, подростков и молодежи (в том числе 20 8803 очно, 780 493 «On line»).

В целях профилактики ограничения доступа студентов профессиональных образовательных организаций Кировской области к информации, несовместимой с задачами их обучения и воспитания, в областных государственных профессиональных образовательных организациях в сфере культуры организовано обеспечение контентной фильтрации интернет-трафика, установлены антивирусные продукты Dr.Web Enterprise Security Suite с модулем SpIDer Gate и компонент «Веб-контроль» сертифицированного антивирусного программного обеспечения Kaspersky Endpoint Security 10.

Для обеспечения информационной безопасности пользователей на компьютерах в областном государственном учреждении культуры «Кировская областная библиотека для детей и юношества имени А.С. Грина» установлены фильтры, категории которых обновляются с сайтов digincore.org и shallalist.de.

Разработан и утвержден порядок работы кибердружин в образовательных организациях Кировской области, в феврале 2020 года на базе Кировского областного государственного образовательного автономного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Кировской области» организован обучающий семинар для студентов профессиональных образовательных организаций г. Кирова по выявлению сайтов, содержащих противоправный контент[2].

---

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) (ред. от 29.05.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: https://www.kirovreg.ru (дата обращения: 19.03.2021).

По информации секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева[1], число молодых людей – участников радикальных движений в России в социальных сетях уже превысило 70 тыс. человек, результатом деятельности таких сообществ, как «буллинг», «кибербуллинг», «офники» и им подобных становится формирование в образовательных организациях групп криминальной направленности, призывающих к насильственным действиям, в том числе в ходе проведения протестных акций, массовых беспорядков и экстремистских актов[2]. В связи с чем в образовательных организациях Кировской области на системной основе проводится работа, направленная на выявление обучающихся, подверженных влиянию деструктивной идеологии, в том числе криминальной субкультуры «АУЕ», посредством наблюдения классными руководителями, репетиторами и мастерами производственного обучения, работы социальных педагогов с личными делами и характеристиками обучающихся, а также психологической диагностики асоциальных установок, разработки и реализации межведомственных планов индивидуальной профилактической работы.

Муниципальными учреждениями Кировской области в сфере культуры, в целях обеспечения прав несовершеннолетних на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, заключаются муниципальные контракты и договоры на услуги по хостингу официальных сайтов учреждений, которые предусматривают размещение информации на сайте, открытие ссылок на другие сайты, рекламных блоков, только по согласованию с учреждением, а также взаимную ответственность исполнителя и заказчика на соблюдение требований законодательства Российской Федерации[3].

В целях предотвращения использования религиозного фактора в распространении экстремистской идеологии учреждения культуры, образования в сфере культуры Кировской области активно привлекают представителей общественных и религиозных организаций. За 2020 год было проведено 117 таких мероприятий с общим числом участников более 5 000 человек (в том числе «On line» – 361) – концерты духовной музыки, пасхальные и рождественские фестивали, занятия в православных клубах, встречи со священнослужителями различных религиозных конфессий, дни православной книги, литературные композиции и выставки по православной тематике, встречи с ветеранами войн и вооруженных конфликтов в рамках проведения музейных, литературных, книжных выставок, информационных часов, бесед, часов мужества, концертов.

---

[1] URL: https://ria.ru/20201030/ekstremisty-1582328974.html (дата обращения: 19.03.2021).

[2] URL: https://ria.ru/20201030/dvizhenie-1582337093.html (дата обращения: 19.03.2021).

[3] URL: https://www.kirovreg.ru (дата обращения: 19.03.2021).

В рамках соглашения о сотрудничестве и социальном служении между министерством социального развития Кировской области и Вятской епархией Русской Православной Церкви, в 2020 году совместно с настоятелями и священнослужителями церковных приходов, с целью предотвращения конфликтов по мотивам религиозной ненависти и вражды проведено 95 мероприятий по изучению традиций православной культуры, обрядов и православных праздников (посещение храмов, монастырей, святых источников), число участников мероприятий составило 1 397 человек.

Подведомственными учреждениями управления государственной службы занятости населения Кировской области за 2020 год проведено 20 медиауроков, в которых приняло участие 438 подростков, состоящих на учете в органах и учреждениях системы профилактики, по вопросам защиты от информации экстремистского характера и противодействия распространению экстремистской идеологии.

Подводя итог, необходимо отметить следующее: несмотря на принимаемые меры, пока не удается локализовать распространение радикальной идеологии в молодежной среде и достичь значительного снижения подростковой преступности, являющейся во многом следствием деструктивного влияния различных экстремистских организаций, иностранных некоммерческих и радикальных религиозных организаций, в связи с чем работу в данном направлении необходимо продолжать, разрабатывая новые методики предупреждения экстремизма среди подрастающего поколения.

Чеджемов Сергей Русланович,
юрист, почетный работник образования РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет),
доктор педагогических наук

ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В истории отечественного государства и правоотношения между органами власти – центральными и местными, а также между отдельными народами, либо органами власти и представителями отдельных народов зачастую характеризовались определенными противоречиями. Кавказ и населяющие его народы в современном общественном сознании россиян все чаще ассоциируются с национальными, региональными и социальными конфликтами, актами терроризма.

Многие современные проблемы развития государственно-правовых отношений не только уходят своими корнями в историческое прошлое, но и их решение во многом обусловливается необходимостью учета сложившейся историко-правовой традиции и национально-региональных особенностей. На острие идеологического противостояния находятся проблемы включения народов и земель так называемого Большого Кавказа, Причерноморья и Каспийского региона в политико-правовую и административно-территориальную структуру нашего Отечества, которое, как справедливо отмечает профессор Р.С. Мулукаев, сложилось естественно – историческим путем[1].

Современная Российская Федерация как правовое государство провозглашает приоритет прав и свобод человека независимо от его национальной принадлежности, расы, языка, социального происхождения, отношения к религии и, тем более вне зависимо от полученного образования. Однако все мы хорошо понимаем, что наши вузы являются тем общественно значимым социальным институтом, где формируется элита нашего общества, закладываются основы мировоззрения, которое будет впоследствии спроецировано на все слои нашего общества.

Новые поколения российских граждан и в особенности студенчество должны сохранить традиции и духовные ценности своих предков. На наш взгляд, вопросы профилактики экстремизма и терроризма теснейшим образом связаны с правовой культурой. Кавказ издавна славился не только героизмом и отвагой, но и мудростью и верностью долгу, почитанием старших и уважением к институтам и нормам права, государственной власти. От сохранения путей к истокам зависят возможности навязывания новой, чуждой молодому поколению идеологии. Важно, что бы эти идеи поддерживались дома, в семье и в учебном заведении, где проходит обучение предстатель молодого поколения. Именно от качества их совместной работы зависит конечный результат в деле формирования целеустремленной личности, работающей на благо и процветание своей малой родины, которой вместе с тем чужды террористические и экстремистские методы достижения поставленных целей.

Сегодня система высшего образования является ключевой, поскольку именно она гарантирует взаимообусловленность интересов личности и общества и должна демонстрировать чуткий механизм обеспечения интересов всех и каждого, академической науки и реального сектора экономики, в том числе и регионального.

Ныне вузы страны в количественном и качественном измерении уже не те, что были раньше и у нашего общества есть определенные серьезные претензии к ним. Общей бедой стали «вузы-пустышки», готовящие невостребованных специалистов. Однако эти вузы становятся таковыми в

[1] Мулукаев Р.С. Избранные труды. М., 2009. С. 490.

результате деятельности «горе-ученых» и «кафедр-пустышек», о чем не раз говорилось с высоких трибун, в том числе и Президентом В.В. Путиным.

Современные времена трудно назвать легкими, тем ценнее инновационные мероприятия, которые проходят вопреки условиям как экономическим, так и эпидемиологическим. Международное сотрудничество вузов стало обыденным явлением, и особого внимания заслуживает их совместная профилактическая работа по борьбе с экстремизмом и терроризмом. Необходимы слаженные действия по выявлению террористических рисков и их носителей.

К осмыслению профилактической работы в противодействии терроризму и экстремизму необходимо привлекать и студентов. Одной из страниц этой работы является сборник научных трудов конференции «Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом», проведенной на юридическом факультете нашего флагмана высшего юридического образования страны – РУДН, изданного под научным руководством доктора юридических наук, профессора О.А. Ястребова. В нем были представлены доклады студентов юридического факультета СК ГМИ (ГТУ) Ирины Губаевой «Примат международного права над законодательством Российской Федерации: нонсенс или норма?», Дианы Овасаповой «Ответственность за преступления против человечества», Арины Синьковой «Право как социокультурное явление» и Эдуарда Сокурова «Проблемы защиты прав человека»[1]. Думается, что подобные победы студентов наших вузов заставят вспомнить времена, ставшие уже далекими, когда за высокие показатели академической активности Северную Осетию называли «Горским Кебриджем».

Педагогическая система высшей школы является основой подготовки высококвалифицированных кадров, и она должна формировать систему взглядов на профилактику терроризма в условиях современного высшего образования, которая должна проводиться на основе тщательно выверенной стратегии. Качество обучения и воспитания в вузах должно соответствовать ожиданиям общества и тогда «образовательный драйв» молодежи станет мощным стимулом в развитии «информационного, гуманистически ориентированного общества»[2].

В стенах вузов формируется наиболее образованная часть общества, его интеллектуальная элита – величайшее из национальных богатств.

[1] Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом: матер. межвузовской научной конференции на базе кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН. М., 2020.

[2] Пуляев В.Т., Скворцов Н.Г. Современная Россия: переход в новое социальное качество. Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 55.

Осмысление образовательного процесса позволит защитить социально-личностный мир нашей молодежи, тем более что в настоящее время в соответствии с федеральным законом РФ об образовании за уровень качественного образования отвечает сам вуз.

В то же время очевидна необходимость пересмотра образовательных постулатов в пользу деятельностной педагогики, включающей в учебный процесс современные, в том числе и дистанционные методы и механизмы их применения.

Обучение в вузе необходимо рассматривать как длительный и многофакторный педагогический процесс обучения и воспитания при котором воспитываются гуманистические черты личности. Особое значение здесь призваны сыграть совместные формы работы с государствообразующими религиозными учениями – православным Христианством и традиционным Исламом.

Сегодня западная традиция «закона и порядка» переживает кризис, вызванный тем, что глобальной проблемой становится сегодня не проблема отдельного региона, а весь мир, в котором Запад является лишь одной из его составных частей. Положение усугубляется и тем, что это происходит на фоне общего кризиса западной традиции правосознания[1].

Оптимизация государственной политики на международной арене и во внутренних делах должно сопровождаться созданием и упрочением интеллектуальной привлекательности нашего многонационального и поликонфессионального государства – России – неотъемлемой части Европы и Азии и гаранта того, что мир не станет однополярным. Между тем терроризм является серьезной угрозой для всего нашего государства и общества и необходим поиск адекватного научно-практического ответа призванный оказать эффективное сопротивление этому явлению.

Мы полностью солидарны с мнением известного ученого, Председателя Конституционного Суда РФ профессора В.Д. Зорькина в отношении того, что в борьбе с международным терроризмом международному сообществу необходимо заключить всеобъемлющую конвенцию. Однако сделать это мешает как недостаточная юридическая проработанность проблемы разграничения терроризма и национально-освободительной борьбы, так и использование терроризма спецслужбами ряда стран в качестве инструмента борьбы со своими геополитическими противниками. Особое значение в этом вопросе имеет профилактика терроризма в условиях современного высшего образования. Для этого необходимо воссоздать системы воспитательной работы в вузах, а студентов участвующих либо поддерживающих идеологию экстремизма или участвующих в любых формах террористической деятельности даже

[1] Графский В.Г. Интегративная юриспруденция // История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 1998. С. 707.

пассивно, необходимо исключать из состава студентов без права восстановления. Считаем, что было бы наивно и, более того, непродуктивно делом отрицать определенный интегративный подход, основанный на анализе историко-политологической и социологической основы в налаживании системы воспитательной работы в вузах по преодолению идей терроризма и экстремизма.

Являясь фактически единственным государством, основанным на синтезе европейской и азиатской политико-правовой культуры и примером мирного сосуществования христианского и мусульманского вероучения, Россия накопила уникальный опыт гармонизации межнациональных отношений при бережном и уважительном отношении к политико-правовым традициям народов, вошедших в состав России.

Шаповалов Юрий Николаевич,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
и судебно-экспертной деятельности
Юридического института ФГБОУ ВО
Пятигорский государственный университет,
доктор юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ХИЩЕНИЯ

На протяжении почти всего своего развития отечественное законодательство не содержало понятие хищения, используя применительно к отдельным формам изъятия чужого имущества разные термины: татьба, воровство, мошенничество, грабеж, разбой и др. Данное родовое понятие разрабатывалось только в теории уголовного права, и только в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) оно получило свое легальное законодательное закрепление в Примечании 1 ст. 158. Данное понятие вобрало в себя результат теоретических разработок, проводившихся ведущими исследователями не одно десятилетие, однако некоторые закрепленные в нем признаки до сих пор требуют и определенных пояснений, и корректировок, в том числе в связи с динамическим развитием общественных отношений в постинформационном социуме.

Действующий УК РФ определяет хищение как совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Данное определение содержит признаки, относящиеся как к объективной, так и субъективной стороне данного состава преступления.

Итак, к признакам, характеризующим объект преступления в широком смысле этого понятия, относятся признаки предмета хищения, обозначенного законодателем как имущество, которое является чужим для виновного, и в отношении которого он не обладает никакими правами, ни действительными, не предполагаемыми. Понятие имущества является гражданско-правовым, и в этом, в частности, проявляется взаимосвязь уголовного с другими отраслями права, в отношении которых она реализует свою охранительную функцию, обеспечивая в данном случае нормальное функционирование гражданских правоотношений, в частности отношений собственности. Само понятие имущества отсутствует в гражданском законодательстве и вытекает из определения объектов гражданских прав, сформулированное в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому под имуществом понимаются вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). В уголовном праве под предметом хищения традиционно понимаются физические объекты – вещи, причем, в которые вложен труд человека и которые обладают меновой стоимостью. На это, в частности, указывает диспозиция нормы, предусмотренной ст. 159 УК РФ, определяющей мошенничество и как хищение, и как приобретение права на чужое имущество, выводя таким образом последнее за пределы предмета хищения, и используя при характеристике объективной стороны данного состава преступления термин «приобретение». Таким образом, понятие имущества, используемое в определении хищения, не соответствует гражданско-правовому смыслу этого понятия и охватывает только вещи, что обусловливает возможные корректировки в законодательном определении хищения.

К признакам объективной стороны состава хищения, вытекающим из определения данного понятия, относятся:

– изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц;

– противоправный характер таких действий;

– безвозмездность;

– общественно опасное последствие в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества.

В отношении признака, характеризующего общественно опасное деяние, необходимо указать, что хищение может быть совершено как изъятием, так и обращением чужого имущества, а также его изъятием и обращением. Представляется, что термин «обращение» является излишним, поскольку усложняет восприятие этой законодательной конструкции, а для характеристики хищения специфическим и

достаточным является именно изъятие чужого имущества, которое может быть как физическим, так и юридическим, предполагающим прежде всего перенесение на виновного или других лиц права на чужое имущество. Однако в этом случае право на имущество не входит в предмет хищения и, соответственно, оно не может быть совершено только обращением без изъятия имущества. Указание законодателем на то, что имущество поступает в пользу виновного или других лиц, свидетельствует о материальной конструкции данного состава преступления. Вместе с тем использование в определении хищения термина «в пользу» представляется не совсем корректным, поскольку не дает однозначного ответа на вопрос о моменте окончания хищения. Данный термин предполагает прежде всего приобретенную виновным или иным лицом, в интересах которого действовал виновный, возможности пользоваться похищенным. Представляется, что момент окончания хищения связан с возможностью виновного распоряжаться похищенным по своему усмотрению, в том числе путем потребления или уничтожения похищенной вещи либо путем ее передачи другим лицам. Данный смысл вытекает и из разъяснений высшей судебной инстанции, которая указывает, что кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Однако далее указываются возможные варианты этого, в том числе обращение виновным похищенного имущества в свою пользу или в пользу других лиц, распоряжение им с корыстной целью иным образом, и эти варианты представляют собой именно действия по распоряжению. Использование же возможно при совершении некоторых преступлений против собственности, не относящихся к хищениям, выражающихся во временном позаимствовании чужого имущества, в частности предусмотренного ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения». Указание в определении хищения иных лиц, в пользу которых действует виновный, представляется излишним, т.к. предоставление им возможности пользоваться похищенным обусловлено действиями виновного, который распоряжается похищенным именно таким образом.

Противоправный характер действий виновного при совершении хищения означает нарушение регулируемых и охраняемых правовыми нормами общественных связей, субъективных прав управомоченных субъектов соответствующих регулятивных правоотношений и соответствующих правовых норм.

Безвозмездность изъятия чужого имущества означает отсутствие со стороны виновного адекватного, равноценного возмещения, денежного или иного материального предоставления взамен изъятого имущества. При этом непредоставление соответствующего эквивалента должно охватываться умыслом виновного в момент изъятия чужого имущества.

Если такое предоставление происходит в дальнейшем и является вынужденным для виновного, в том числе для смягчения его ответственности, то состав хищения все равно имеет место быть.

Причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества выступает обязательным признаком объективной стороны состава хищения и означает, исходя из смысла ст. 15 ГК РФ, определяющей понятие убытков, в том числе реального ущерба, что в результате хищения владелец имущества несет расходы, которые он произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права. Таким образом, общественно опасные последствия при хищении охватывают только одну составляющую убытков – реальный ущерб, и не включают в себя упущенную выгоду. Указание на иного владельца имущества в определении хищения представляется целесообразным, т.к. общественная опасность противоправного безвозмездного изъятия имущества, которое для виновного является чужим, не зависит от того, происходит ли изъятие у собственника или у иного владельца имущества, в том числе законного или незаконного, правомерно или неправомерно владеющего изымаемой вещью. Получается, что состав хищения охватывает и случаи хищения похищенного, что представляется вполне закономерным.

Признаком субъективной стороны состава хищения, указанным в легальном определении, выступает корыстная цель. Не случайно законодатель указал именно цель преступления, а не его мотив, которые могут и не совпадать.

Цель преступления – это представление виновного о тех изменениях в объективной реальности, которые произойдут или наступят в результате совершения преступного деяния, а мотив – это внутреннее побуждение виновного на совершение на преступления. Соответственно, мотив при хищении может и не быть корыстным, а может быть обусловлен иными факторами, в том числе местью, завистью и т. п. В любом случае виновный представляет, что в результате изъятия им чужого имущества собственнику или иному владельцу будет причинен ущерб, а сам виновный приобретет возможность распоряжаться похищенным по своему усмотрению. Вместе с тем представляется, что использование термина «корыстная» не совсем удачно, поскольку корысть определяется в словарях как выгода, материальная польза. Если же виновный осуществляет изъятие чужого имущества и обращает его в пользу других лиц, то в таком случае вряд ли можно говорить о корысти. Следует полагать, что определение хищения в этой части также требует корректировки и замены корыстной цели на цель распоряжения похищенным по усмотрению виновного.

Изложенное позволяет предложить следующую формулировку определения хищения: «Хищение – это противоправное безвозмездное изъятие чужой вещи, совершенное виновным с целью распорядиться ею по своему усмотрению, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этой вещи.

Яковлева Лариса Владимировна,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
полковник полиции

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Глобализация как всеобщий процесс находит отражение в уголовном праве в криминализации деяний, являющихся преступлениями международного характера, а также международных преступлений. Нормативные акты разных стран оперируют в этих случаях одинаковыми понятиями, придавая им максимально унифицированные значения. Стремление к единообразному толкованию терминов характерно при регламентации не только указанных преступлений, но и при заимствовании уголовным правом понятий из иных отраслей права.

Уголовное законодательство, устанавливая ответственность за противоправные деяния, совершаемые в различных сферах жизнедеятельности, не может использовать только уголовно-правовые понятия. Оно должно включать и включает понятия, закрепленные в таких отраслях права, как конституционное, гражданское, налоговое, финансовое и др.

Бланкетность большинства норм уголовного права для их правильного толкования предполагает обращение к нормам в первую очередь гражданского права. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит довольно много гражданско-правовых понятий[1]. Значение некоторых из них идентично и в гражданском, и в уголовном законодательстве[2]. Однако нередки случаи, когда содержание гражданско-правовых понятий в уголовном законодательстве иное, чем в гражданском. При этом возможно как более широкое, так и более узкое их понимание по сравнению с базовым законодательством.

К понятиям, совпадающим по смыслу и содержанию в обоих рассматриваемых видах законодательства, относятся такие, как, например, сделка, договор, авторское право и др. Шире, чем в гражданском праве, в уголовном понимается имущество. В качестве примера более узкого толкования гражданско-правового понятия можно привести используемое

[1] Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и особенная части: учеб. пособие / отв. ред. А.И. Чучаев; Е.В. Лошенкова. М.: Контракт, 2014. – 320 с.

[2] Тарханов И.А., Челышев М.Ю., Хасанов Р.А. Гражданско-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 78.

в ряде статей УК РФ понятие «источник повышенной опасности». Краткий сравнительно-правовой анализ поможет подтвердить справедливость приведенного мнения.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделка – это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В УК РФ термин «сделка» упоминается в ряде статей. Он применяется для обозначения как сделок, регулируемых гражданским законодательством, так и тех, которые находятся за пределами действия гражданско-правовых норм. К последнему виду сделок относятся сделки, совершаемые по поводу объектов либо изъятых, либо ограниченных в обороте. Данное обстоятельство является поводом для признания их ничтожными. К ним следует отнести куплю-продажу человека и иные сделки в отношении него (ст. 127.1 УК РФ), незаконные сделки с наркотическими средствами и психотропными веществами или их аналогами (ст. 228.1 УК РФ), оружием, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами (ст. 222, 223.1 УК РФ) и др. Их можно признать сделками лишь формально. По сути они таковыми не являются, поскольку не порождают новых и не меняют уже установленных гражданских прав и обязанностей.

Перечень такого рода сделок достаточно широк. Верховный Суд Российской Федерации относит к ничтожным все сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ). Помимо указанных выше, к ним следует относить: «сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми»[1]. Все такие сделки признаются преступлениями. Так, например, Б. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Она продала четырех девушек с целью их последующей сексуальной эксплуатации покупателем[2]. Аналогично Г., В. и А., действуя с умыслом, направленным на торговлю людьми, используя интернет-ресурс, нашли покупателя на двух несовершеннолетних девочек и продали их ему за 400 000 рублей[3].

---

[1] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[2] Приговор Таганского районного суда от 15 марта 2015 г. по уголовному делу № 1/27/2015 (1-36/2014) // Судебная практика. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/76973.html (дата обращения: 30.03.2021).

[3] Постановление Президиума Московского городского суда от 30.01.2018 по делу № 44у-763/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Они были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» и «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ.

В иных случаях, когда сделка совершается в отношении легитимных объектов, но все же с нарушением норм законодательства (например, свободы договора), основания признания ее недействительной являются иными. Так, сделка, совершенная под принуждением, может быть признана действительной, если она не оспаривается потерпевшим, но по его иску может быть признана судом и недействительной в силу положения п. 1 ст. 179 ГК РФ[1]. Однако в уголовно-правовом смысле принуждение к совершению сделки (так же, как и к отказу от ее совершения) является преступлением, ответственность за которое установлена в ст. 179 УК РФ. Примером могут послужить материалы следующего уголовного дела.

Члены организованной преступной группы изучали объявления, размещаемые гражданами в периодических печатных изданиях и на сайтах телекоммуникационной сети Интернет о продаже долей в общей долевой собственности на квартиры (далее по тексту – доли в квартире), а также сами размещали на сайтах телекоммуникационной сети Интернет объявления с предложениями о покупке долей в квартирах у собственников, которые по каким-либо причинам не могли самостоятельно урегулировать с собственниками других долей в этих квартирах жилищные споры, связанные с пользованием и распоряжением данным недвижимым имуществом. После чего соучастники встречались с лицами, подавшими объявления либо откликнувшимися на их (соучастников) объявления, и склоняли данных лиц к отчуждению принадлежавших им долей в праве общей долевой собственности на квартиры в их (соучастников) пользу по цене более низкой, нежели рыночная цена, действующая на тот момент, убеждая этих лиц в невозможности разрешить сложившуюся ситуацию иным путем.

С целью ускорения и облегчения перехода права собственности на доли в квартирах в пользу соучастников, последние убеждали лиц, продававших им свои доли в квартирах по заниженной цене, оформить фактически совершаемые сделки купли-продажи договорами дарения, то есть притворными сделками дарения, совершение которых не требует обязательного уведомления о них собственников других долей в квартирах и получения согласия последних на их совершение. Выкупленные доли в квартирах соучастники регистрировали в установленном порядке на одного или нескольких участников организованной группы.

[1] Оленников С.М. Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. 2018. С. 392–393.

Впоследствии они вынуждали других собственников общей долевой собственности на квартиру совершить требуемую ими (соучастниками), заведомо невыгодную для этих лиц, сделку в отношении «спорной» квартиры, которую последние не планировали совершать, путем создания невыносимых условий проживания в квартире.

Участники организованной преступной группы были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «в», ч. 2 ст. 179, п. «б» и «в» ч. 2 ст. 179, п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ[1].

Обращаясь к понятию «имущества», необходимо будет отметить, что в гражданском и уголовном праве оно хоть и незначительно, но различается. Статья 128 ГК РФ к имуществу относит вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

В уголовном праве этот перечень был расширен. Сначала в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации наряду с безналичными денежными средствами появляется термин «электронные денежные средства»[2], которые рассматриваются как один из видов безналичных денежных средств. Затем в 2018 г. была криминализирована кража, совершенная в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Легальное понятие безналичных денежных средств отсутствует. Их значение выводится из ряда статей ГК РФ (например, из ст. 861 ГК РФ). Понятие электронных денежных средств закреплено в законе[3].

Именно как разновидность безналичных денежных средств в научных публикациях предлагается рассматривать электронные денежные средства хотя бы в целях уголовно-правовой квалификации, называя главным отличительным признаком наличие банковского счета, на который зачисляются и с которого переводятся денежные средства, у безналичных и отсутствие такового у электронных денежных средств[4].

---

[1] Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 мая 2019 г. по уголовному делу № 1-291/2019 (1-1521/2018) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 16.04.2021).

[2] О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7.07.2015 г. № 32 (ред. от 26.02.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9, О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ». 2018. № 2.

[3] О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[4] Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 33.

Среди изученных данных судебной практики квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ кражи, совершенной в отношении электронных денежных средств не было выявлено. Все примеры касались случаев краж с банковских счетов. При этом некоторые суды ошибочно рассматривали такого рода деяние при наличии соответствующих признаков как кражу, причинившую значительный ущерб гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ)[1].

По некоторым уголовным делам квалификация судом действий лица п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ подвергалась сомнению. Так, например, Б.Ю. украл у Б. кредитную банковскую карту, к которой знал ПИН-код. Этой картой он оплачивал товары в магазине и также снял с нее деньги через банкомат.

Государственный обвинитель просил переквалифицировать действия подсудимого Б. Ю. с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ в связи тем, что по смыслу закона квалифицирующий признак хищения «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке, регламентированном ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». По его мнению, Б.Ю. никаких действий, указанных в данном законе, не совершал, он похитил денежные средства потерпевшей путем получения наличных денежных средств через банкомат и оплачивая покупки в магазине, зная ПИН-код банковской карты. На этом основании государственный обвинитель полагал, что в действиях Б.Ю. отсутствует квалифицирующий признак хищения чужого имущества «с банковского счета»[2]. Некоторые суды квалифицировали подобные действия по совокупности п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 2 ст. 159.3 УК РФ либо только по ст. 159.3 УК РФ.

В отличие от имущества непосредственно термин «источник повышенной опасности» в УК РФ употребляется в более узком понимании, чем в гражданском законодательстве. В настоящее время отсутствует единообразное токование данного понятия. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2013 г. № 2022-О

---

[1] Определение от 22 января 2019 года. Дело № 22-41/2019 // Обзор апелляционной и кассационной практики Камчатского краевого суда по рассмотрению уголовных дел и иных материалов за 1 квартал 2019 года. URL: http:// oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2791 (дата обращения: 30.04.2021).

[2] Постановление Мариинского городского суда Кемеровской области от 4 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-42/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 15.04.2021).

указано, что положения ст. 168 УК РФ подлежат применению в системном единстве с положениями ст. 1079 ГК РФ[1].

В ст. 1079 ГК РФ под деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих понимается использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности, и др. Широкое понимание источников повышенной опасности, закрепленное в гражданском законодательстве, в уголовном законодательстве отражается в ряде статей, устанавливающих ответственность за нарушение правил обращения с ними (например, ст. 217, 218, 220 УК РФ и др.). В каждой из этих статей – свой источник повышенной опасности: огонь, опасные производственные объекты, взрывчатые, легковоспламеняющиеся вещества, ядерные материалы или радиоактивные вещества и т. д. И только в ст. ст. 168 и 261 УК РФ используется термин «источник повышенной опасности».

В этой связи можно согласиться с мнением ряда ученых, предлагающих к источникам повышенной опасности применительно, например, к ст. 168 УК РФ относить только те вещества и предметы, которые могут стремительно возгореться при контакте с огнем[2]. Такая позиция согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Об источнике повышенной опасности упоминается в двух его постановлениях. В одном из них указано, что «неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности в смысле статьи 168 … может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустраненными дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т. п.)»[3]. В другом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации также подчеркивается, что для признания деяния преступлением необходимо, чтобы результатом неосторожного обращения с огнем в лесах (ст. 261 УК РФ)

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Култыгина Николая Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 168 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 г. № 2022-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Елисеев С.А., Черноусова А.В. Спорные вопросы квалификации причинения имущественного ущерба по ст. 168 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 87.

[3] О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

стало возникновение пожара[1]. При этом следует отметить, что норма ст. 261 УК РФ является специальной по отношению к ст. 168 УК РФ.

В заключение хотелось бы отметить, что единообразное понимание терминов в уголовном и иных отраслях права – идеальный вариант, которого достичь невозможно ввиду присущей каждой из отраслей своей специфики, проявляющейся, в том числе и в понятийном аппарате, используемом ими.

Абдулатипов Абдулатип Магомедзагидович,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Юридического института
Дагестанского государственного университета,
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ «СПЯЩИХ ЯЧЕЕК» ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

В современный период терроризм представляет собой реальную угрозу глобального масштаба, отрицательно влияющую на все стороны жизнедеятельности общества. В связи с этим исследование проблем, так или иначе связанных с терроризмом, в ближайшее время не теряет своей актуальности.

Терроризм, генерируемый крупными террористическими группировками (прежде всего, «ИГ» – запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации – примечание автора) и их приверженцами, по-прежнему являет собой одну из наиболее значимых угроз современности. При этом характер и содержание террористической угрозы во многом обусловлены сменой стратегии деятельности «ИГ». Если ранее ее определяли планы создания «Халифата на пространстве от Китая до Испании», то после разгрома в Сирии и Ираке лидеры «ИГ» вынуждены были сделать ставку на точечный террор и диверсии, как в самом регионе, так и за его пределами.

В результате террористическая группировка «ИГ» трансформировалась в структуру, организованную по сетевому принципу,

[1] О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 г. № 21 (в ред. от 30.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

метастазы которой поразили обширное евразийское пространство от Ла-Манша до западных границ Китая[1].

Это подтверждает и председатель Научно-консультационного совета при АТЦ государств-участников СНГ М. Кочубей, которая отмечает, что высокую опасность для наших государств представляют, скорее, активация уже созданных «спящих ячеек» и формирование сети автономно действующих так называемых «одиноких волков», происходящее в результате пропаганды и индивидуальных вербовок[2].

Таким образом, по мнению большинства ученых и практических сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, в настоящее время наибольшая террористическая угроза для Российской Федерации исходит от сформировавшихся на территории отдельных регионов и, в первую очередь, на территории Северного Кавказа, законспирированных террористических формирований, так называемых «спящих ячеек», подконтрольных международным террористическим организациям (далее – МТО).

Как известно, при проведении научного исследования любого явления, в том числе и социального характера, прежде всего возникает необходимость изучения признаков, присущих явлению в целом, а также его элементам. Сказанное, безусловно, относится и к такому негативному феномену, как терроризм, в том числе различным его проявлениям. Это необходимо не только в научном аспекте, но и с точки зрения принятия целенаправленных превентивных мер.

В первую очередь, нас интересует смысл этих понятий в уголовно-правовом и криминологическом аспекте. Исследование показывает, что ни в одном из отраслей права либо доктринальных источников мы не встречаем определение этих понятий. В основном они используются в своей практической деятельности работниками правоохранительных органов в аналитических документах, а также представителями средств массовой информации. Нередко их можно встретить и в научных трудах и публикациях.

Безусловно в формировании этих ячеек участвует группа лиц, взаимосвязанных между собой определенным образом для достижения конкретных целей террористического и экстремистского характера.

Так, для обозначения групповых преступлений террористической направленности в уголовном праве используются такие понятия, как:

---

[1] Бочарников И.В, Гончаров С.С. «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 4.

[2] Марианна Кочубей, председатель Научно-консультационного совета при АТЦ государств-участников СНГ. «Спящие ячейки: кто и как вербует террористов». 10.02.2019. URL: https://sputnik.by/afghan/20190210/ 1039950725/Spyaschie-yacheyki-kto-i-kak-verbuet-terroristov-v-afganistan.html (дата обращения: 30.05.2021).

группа лиц по предварительному сговору или организованная группа (например, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ), террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), организация, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ст. 205.5 УК РФ), незаконное вооруженное формирование (ч. 1 ст. 208 УК РФ), вооруженное формирование, не предусмотренное законодательством иностранного государства (ч. 2 ст. 208 УК РФ), преступное сообщество (преступная организация) (ст. 210 УК РФ).

В криминологии также встречаются различные классификации преступных групп по отдельным признакам (половому, возрастному, численному составу, построенные на профессиональной основе, с использованием должностных возможностей членов преступной группы и без таких возможностей; имеющие коррумпированные и иные облегчающие преступную деятельность связи и не имеющие их, по сферам проявления, по виду преступного промысла и целям преступной деятельности и т. д. В этих классификациях также не встречаются искомые понятия.

Полагаю, что понятия террористические или «спящие» ячейки в криминологии можно применить для обозначения отдельных частей структуры, структурированной организованной преступной группы или террористического сообщества. При этом из логического смысла самих понятий вытекает, что террористическая ячейка является общим понятием, а «спящая» ячейка – его разновидностью, находящейся по разным причинам в пассивной фазе.

Уголовно-правовая сущность исследуемых понятий заключается в том, что они относятся к одному их названных выше уголовно-правовых форм соучастия в совершении преступлений террористической направленности.

Разъяснение понятия «спящие ячейки» дается и в аналитических документах АТЦ СНГ. Как отмечает представитель Антитеррористического центра СНГ В. Григорьев, важнейшим трендом трансформации террористического «ИГ» является создание так называемых «спящих ячеек» – организованных групп, члены которых целенаправленно ведут вербовку граждан государств пребывания с целью подготовки и проведения терактов. В процессе формирования подобного рода «ячеек» идет «перетекание» боевиков «Исламского государства» в различные страны и регионы мира. Взаимосвязанные и в то же время действующие автономно ячейки этой сети «расползаются» по территории и за пределы Ближнего Востока, в том числе в Европу, Юго-Восточную и Центральную Азию. Эти «спящие» ячейки присутствуют более чем в 60 странах мира, в том числе в России[1].

[1] АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах. РИА, 30.10.2018. URL: https://ria.ru/20181030/1531753522.html (дата обращения: 21.06.2019).

Таким образом, характерными признаками «спящих» ячеек являются: использование религиозного фактора, наличие сетевого характера и автономность деятельности, строгая конспиративность, режим ожидания момента начала осуществления террористической деятельности, целенаправленная вербовочная деятельность, внешнее законопослушное поведение и соблюдение нравственных норм в целях воспрепятствования выявлению на стадии формирования, направленность на сохранение высокой боеготовности и пропагандистского резерва. По форме соучастия они являются организованными группами. Юридически деяния лиц, только что вступивших в эти структуры, можно оценить как приготовление к преступлению. Но эти преступления в основном являются усеченными, и сама подготовка к их совершению по уголовному закону считается оконченным преступлением. Конечно же, в каждом конкретном случае должен быть индивидуальный подход к их квалификации, так как преступления террористической направленности носят разнородный характер и объединены правоприменителем в одну группу по террористическим целям их совершения.

В чем же причина современной реанимации террористической угрозы в современном мире?

Как отмечает Арчаков М.К., она обусловлена тем, что террористический псевдохалифат «ИГ» не был полностью уничтожен. Он был лишь выдавлен за пределы большей части территории Сирии и Ирака, сохранив финансово-экономический и организационно-технический потенциал и, соответственно, способность к осуществлению террористической деятельности. Так, в частности, по данным журнала «The Economist», террористическая группировка «Исламское государство» вывезла не менее 400 миллионов долларов из Ирака и Сирии после поражения[1].

Как показывают исследования, факторы, способствующие формированию этих ячеек, для каждого региона России могут быть специфическими. Так, на территории Республики Дагестан наиболее значимыми факторами являются:

– значительное число лиц, выехавших за рубеж для участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических организаций (по данным правоохранительных органов и спецслужб, более 50%[2] от общего числа установленных лиц данной категории на территории Северокавказского федерального округа);

– наличие непримиримых лиц из так называемой группы риска (судимые за совершение преступлений террористической направленности

[1] Арчаков М.К. Материально-техническое обеспечение исламских экстремистских организаций // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2016. № 3. С. 12–20.

[2] Данные ЦПЭ МВД по РД.

и экстремистского характера, семьи членов незаконных вооруженных формирований и международных террористических организаций, приверженцы экстремистской идеологии), которые составляют пособническую базу террористических структур и могут при тех же условиях примкнуть к террористической сети;

– активная вербовочная деятельность МТО через социальные сети;

– распространение идеологии экстремизма, в том числе в сети Интернет.

К возможным рискам можно отнести также следующие: нерешенность территориальных вопросов, возникших в процессе уточнения административной границы с Чеченской Республикой, что в дальнейшем может привести к возникновению очагов социальной напряженности и созданию возможности перерастания бытовых и земельных конфликтов в межнациональное противостояние; проблема восстановления Ауховского района и возвращения в места исторического проживания чеченцев-акинцев. Не исключено перерастание протестных настроений в дальнейшем в террористические проявления; протестные настроения, связанные с вопросами незаконного распределения земель, ростом цен и налогов, неудовлетворительным состоянием инфраструктуры и ЖКХ и другими социально-экономическими вопросами; возможность роста протестных настроений, связанных с ухудшением социально-экономической ситуации в связи с пандемией коронавируса; наличие носителей радикальных религиозных идей (представители салафитского и ваххабитского толка), представляющих потенциальную угрозу общественной безопасности и правопорядку.

Несмотря на ликвидацию в последние годы террористического подполья и устранение активных его участников, в республике правоохранительные органы и спецслужбы все еще выявляют законспирированные террористические ячейки, участники которых периодически готовят террористические акты.

Так, по данным ЦПЭ МВД по РД[1], с 2017 года на территории Республики Дагестан пресечена деятельность 34 «спящих» ячейки общим количеством около 150 человек.

В своих действиях члены групп нацелены на совершение резонансных преступлений, таких как, например, нападение на сотрудников полиции в августе 2017 г. в г. Каспийске, в результате которого один сотрудник погиб, а второй получил ранения.

Образование законспирированных ячеек сторонниками террористической и экстремистской идеологии осуществляется из числа лиц, полноценно интегрированных в общество.

[1] Данные ЦПЭ МВД по РД.

В 2019 году в Дагестане было выявлено наибольшее среди субъектов СКФО количество законспирированных ячеек МТО (19 из 30, т. е. 63%). Указанная тенденция сохранилась и в 2020 году, выявлены 4 законспирированные («спящие») террористические ячейки в городах Махачкала и Каспийск, а также на территории Хасавюртовского района.

Причем «спящие» или «замороженные» террористические ячейки могут быть представлены в иммигрантской среде, а вербовка боевиков ведется в местах компактного проживания и работы мигрантов. В целях вербовки в свои ряды у игиловцев также остался и продолжает действовать информационно-пропагандистский аппарат, который включает 4 информагентства, телеканал и журнал на многих языках мира, в том числе и на русском, видеоролики в социальных сетях[1].

Исследование показывает, что одной из основных причин вовлечения граждан в законспирированные группы является их религиозная безграмотность, слабые знания основ ислама, вследствие чего под влиянием произвольного толкования ислама опытными проповедниками и миссионерами у них формируются радикальные взгляды и фанатизм. Показания задержанных участников ячеек свидетельствует и об их сомнениях, особенно на начальном этапе вербовки, в истинности радикальных религиозных взглядов. Однако умелое продолжительное осуществление вербовщиками психологической обработки постепенно формирует у них убежденность в истинности террористической идеологии.

Благоприятную почву для криминализации молодежи и распространения террористической идеологии создают экономическая нестабильность, безработица, социальное неравенство и несправедливость.

Так, проведенное нами социологическое исследование с целью оценки основных причин формирования террористических ячеек в Республике Дагестан показало, что 77% респондентов отмечают высокий уровень безработицы, незанятость молодежи, коррупцию в органах власти, здравоохранения, системе государственного образования и др., отрицательное влияние СМИ (Интернета, телевидения, газет и др.), пропаганду идей экстремизма через социальные сети.

Среди этих причин большинство респондентов также отмечают лояльность части населения к салафитскому направлению ислама, невосприятие поддерживаемых духовным управлением мусульман Дагестана традиционных для республики суфийских течений тариката накшбандийа и шазилийа.

По мнению 89% респондентов наибольшую угрозу представляет вербовочная деятельность МТО через киберпространство, которые

[1] Бураева Л.А. «Спящие ячейки» и «дремлющие» одиночки как одна из главных технологий террористической деятельности ИГИЛ // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 263–265.

являются надежными инструментами для вовлечения пользователей в законспирированные террористические группы обучения, планирования и координации террористической деятельности сетевых структур и террористов-одиночек.

Наиболее опасным, по мнению участников исследования, является так называемый сетевой подход к вербовке, суть которой заключается в пропаганде террористических идей через интернет-блоги, социальные сети и хостинги. Она ориентирована на широкую общественность, аудитория не разбивается на отдельные сегменты. Как правило, такой метод используется в районах, где радикальная идеология вызывает интерес. Путем пропаганды идеологии терроризма, члены МТО выявляют в сети Интернет граждан, которые положительно воспринимают радикальные взгляды, одобряют их или по-иному демонстрируют свою лояльность, например, частыми просмотрами террористического контента и комментариями к нему.

Так, ряд участников нейтрализованных в Республике Дагестан ячеек начали радикализироваться после просмотра видеороликов, на которых демонстрировались действия террористов на территории Сирии и членов ранее действовавших в Дагестане террористических ячеек, призванных романтизировать вооруженную борьбу за свои идеалы, а также призывы к осуществлению джихада и прекращению якобы имеющего место «притеснения» мусульман. Основная цель таких материалов - вызвать интерес любопытствующих, а с лицами, отреагировавшими на них, проводится индивидуальная работа.

Некоторые молодые люди стали придерживаться радикальных религиозных взглядов после посещения тематических ресурсов в сети Интернет. У них формировалось чувство мести за погибших «братьев по вере» (участников террористических ячеек в республике, членов МТО в Сирии и Ираке). Так, в процессе общения они переправляли друг другу видеоролики с записями боевых действий в Сирии, казнями людей в Пакистане, инструкциями по изготовлению самодельных взрывных устройств. Ими также обсуждались вопросы выезда за границу для участия в боевых действиях на стороне МТО.

После выявления лояльных к терроризму лиц вербовщики постепенно начинают их вовлекать в свои сообщества в сети Интернет.

Для ведения информационно-пропагандистской работы в социальных сетях создаются аккаунты и профили, через которые распространяются сведения о деятельности МТО, проходит сбор средств на нужды боевиков.

Так, одной из самых востребованных у экстремистов соцсетей является информационно-новостной сервис «Twitter», выбор которого может объясняться тем, что он наиболее популярен у интернет-пользователей. Данная платформа обеспечивает высокую скорость и

целевую направленность распространяемых сообщений, а также возможность поиска интересующих данных по хэштегам. При этом примерно 75% подписчиков на twitter-аккаунты, публикующих пропагандистские сообщения, используют для коммуникации арабский язык.

Несмотря на то, что администраторы соцсетей блокируют контент экстремистского характера, сторонники МТО находят различные способы избежать его полного исчезновения из Интернета, оперативно размещая удаленные материалы в новых группах и сообществах, а также на текстовых электронных досках объявлений. Кроме того, использование технологии «swarmcast» (размножение и сохранение данных на большом количестве ресурсов) позволяет террористам распространять контент на различных платформах и формировать механизмы, реагирующие на удаление информации созданием новых аккаунтов и перенаправлением к ним подписчиков.

Помимо этого, администраторы поддерживающих МТО групп пытаются маскировать деструктивный контент. В частности, они не публикуют фотографии боевиков, их видеообращения, а также другие материалы, позволяющие сразу причислить группу к «джихадистской». Вместо этого размещаются статьи, проповеди, цитаты, выдержки из Корана, которые оправдывают действия экстремистов. Такие группы к моменту закрытия успевают набрать значительную по численности аудиторию.

Для поддержания конспиративной связи между собой сторонники различных террористических ячеек используют мессенджеры с высоким уровнем конфиденциальности, наиболее распространенным из которых является «Telegram». В дагестанском сегменте преимущественно используется социальная сеть «ВКонтакте», мессенджеры «Telegram» и «Whatsapp». Указанные ресурсы наиболее популярны среди молодежи, так как практически все имеют к ним доступ.

Для большинства членов ячеек характерно отсутствие постоянного источника дохода или низкий материальный достаток (зачастую являются безработными и находятся на финансовом обеспечении у родителей), наличие среднего образования.

Необходимо отметить, что если ранее средний возраст членов террористических ячеек составлял примерно 30 лет, то на сегодняшний день этот показатель снизился до 20–22 лет. Имеются также неоднократные примеры участия в террористических ячейках лиц, не достигших совершеннолетия.

Так, в апреле 2019 г. пресечена деятельность законспирированной террористической ячейки МТО, четверо членов которой на тот момент не достигли совершеннолетнего возраста. Участниками ячейки готовились нападения на сотрудников полиции, в том числе обеспечивающих охрану

церкви Казанской божьей матери, расположенной в г. Каспийске, в период проведения пасхальных праздников.

В этих целях членами группы посредством инструкций, полученных в сети «Интернет», было изготовлено самодельное взрывное устройство, приобретено огнестрельное и холодное оружие.

Привлекательность молодых людей для вербовщиков МТО обусловлена тем, что в молодости инстинкт самосохранения снижен и еще не сформированы социальные обязанности (ответственность за семью, детей и т. д.).

Большое влияние на радикализацию и подверженность молодежи террористической пропаганде оказывает эмоциональная возбудимость, слабое семейное, духовно-нравственное и патриотическое воспитание, отсутствие жизненного опыта, а также неустойчивое материальное положение.

При этом члены МТО умело манипулируют мнением вербуемых, используя в своих убеждениях объективные социально-экономические проблемы (безработица, коррупция, клановость власти, низкий уровень жизни).

Основной упор делается на ложные доводы о том, что власть не способна навести порядок в регионе, необходимо действовать насильственными методами, чтобы что-то изменить, и т. д.

Вербовщики используют не только метод психологического воздействия на неустоявшиеся религиозные чувства подростков и молодежи, но и манипулирование примитивными человеческими потребностями (повышение социального статуса, личной власти, жажда приключений, жестокости, насилия).

В настоящее время, как правило, предпочтение делается лицам, которые ранее не были причастны к действовавшему в республике террористическому подполью и ранее не находившимся в поле зрения правоохранительных органов.

Некоторые из членов ячеек являлись учащимися средних профессиональных учебных заведений республики (в г. Каспийске – Колледжа архитектуры и строительства, Колледжа машиностроения и сервиса им. С. Орджоникидзе; а также Дербентского медицинского колледжа им. Г.А. Илизарова).

Радикализовавшиеся лица регулярно проводили встречи и постоянно поддерживали связь друг с другом. Обычно сборы для этого осуществляли в спортивных и тренажерных залах, футбольных секциях, мечетях, молитвенных комнатах, кафе, производственных цехах (мебельные, обувные, оконные и т. д.), строительных площадках, станциях техобслуживания и т. д.

Изучение действовавших на территории республики ячеек показало, что процесс закрепления вербовки их членов составляет от одного месяца

до года. В дальнейшем их объединяют в группы, финансируют, параллельно продолжают идеологическую обработку, снабжают инструкциями и призывают к совершению терактов. Роль лидера, как правило, занимает участник ячейки, обладающий псевдорелигиозными знаниями, стремящийся к доминированию среди сверстников и склонный к авантюрным поступкам.

Выявлен случай, когда террористическую ячейку возглавлял несовершеннолетний. Так, в апреле 2019 г. в селении Рукель Дербентского района задержан главарь законспирированной ячейки МТО 2002 года рождения.

При готовности ячеек переходить к активным действиям координаторы выдают инструкции по изготовлению оружия, ориентируют по объектам устремлений и месту возможной атаки. Как правило, членов ячеек ориентируют на простые способы совершения терактов в виде нападений с применением холодного оружия или нацеливают на завладение огнестрельным оружием путем убийств сотрудников полиции.

Часть лиц, которые были ранее осуждены за преступления террористической направленности, не отказываются от радикальных взглядов, продолжают поддерживать контакты с членами МТО и вынашивают намерения по совершению преступлений.

После отбытия ими уголовного наказания остаются предпосылки рецидива. Возвращаясь к местам постоянного проживания, преступники объединяются в группы и возобновляют противоправную деятельность.

Так, в июне 2019 г. в г. Дербенте задержан главарь законспирированной ячейки, 1993 г.р., который был ранее судим по ч. 2 ст. 208 УК России по факту организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем.

Как показывает изучение показаний задержанных участников террористического сообщества и МТО, большинством из них решение о начале преступной деятельности приняли под воздействием пропаганды в сети Интернет, где они и были завербованы членами МТО.

В связи с этим, деятельность правоохранительных органов необходимо направить не только на выявление, пресечение деятельности вербовщиков МТО и блокирование материалов их пропаганды, но и на выработку дополнительных мер по нейтрализации влияния агитационного контента путем систематического мониторинга дагестанского сегмента сети Интернет.

В настоящее время появилась возможность кардинально изменить такое положение. С 1 февраля 2021 года вступили в силу изменения в Законе №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.6 Закона), который в СМИ назвали Законом о социальных сетях[1].

[1] URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/chto_sotsseti_dolzhny_pol_zomipol'zuyutsyavatelyam (дата обращения: 07.02.2021).

Принятые новые новеллы содержат серьезные рычаги воздействия на цифровые угрозы и риски, что позволят в дальнейшем снизить число террористических и экстремистских проявлений.

Законом введена обязанность владельцев соцсетей составлять правила поведения пользователей в сети, а также ответственность за их несоблюдение.

В соответствии с данным Законом, с 1 февраля 2021 года владельцы социальных сетей должны самостоятельно выявлять и блокировать в числе других незаконный контент, в том числе о призывах к массовым беспорядкам, экстремизму, терроризму и участию в несогласованных публичных мероприятиях; информацию, склоняющую детей к совершению опасных незаконных действий; информацию о способах совершения самоубийства и призывах к нему; информацию, которая в неприличной форме оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, выражает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам государственной власти и др.

В реализации антитеррористической стратегии также целесообразно использовать политику владельцев современных социальных и информационно-коммуникативных технологий.

Как отмечает Бочарников И.В., примером реализации подобного рода технологий является использование США и их ближайшими союзниками (прежде всего из так называемого «англосаксонского мира») системы глобального перехвата информации «Эшелон». Эта система была разработана в США еще в годы «холодной войны», но после резонансных терактов 11 сентября 2001 года она была переориентирована на выявление потенциальных источников террористических угроз. В систему входят лучшие технические, программные решения, предназначенные для перехвата и анализа информации. Система может распознать любой язык, который есть в ее базе и если будут обнаружены ключевые слова, то указанный объект попадет под присмотр спецслужб[1].

Особое значение в настоящее время приобретает эффективное использование возможностей местных печатных и электронных средств массовой информации при проведении мероприятий антитеррористического характера в муниципальном образовании с учетом местной специфики. Было бы целесообразно создать на уровне муниципалитетов в популярных у местной молодежи социальных сетях группы по интересам из числа активной молодежи для организации и целенаправленного проведения мероприятий, направленных на противодействие террористической и экстремистской идеологии.

---

[1] Бочарников И.В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2013. № 3 (21). С. 2–3.

В настоящее время в республике успешно применяется опыт межведомственной рабочей группы НАК с дислокацией в РД по организации совместно с АТК в РД и Минкомсвязи РД трансляции в сети «Интернет» с демонстрацией видеороликов бесед с бывшими членами НВФ и их родственниками, а также изготовлению на их основе информационно-пропагандистских материалов.

Проводимые социологические исследования и опросы в Республике Дагестан также выявляют возрастающую религиозную идентичность населения, особенно молодежи. Именно религиозная идентичность является доминирующей в системе социальных идентичностей молодежи республики.

Доминирование религиозной идентичности в светском государстве имеет и свое негативное влияние при выборе приоритета между законами государства и религиозными, зачастую архаичными, нормами.

Реальную опасность представляет экстремальность религиозного сознания учащихся и студентов образовательных учреждений.

Изучение причин формирования террористических ячеек показывает, что незанятость учащихся и студентов и бесконтрольность их поведения после учебных занятий способствует подпаданию их под влияние МТО.

Значительная часть учащихся школ помимо светского образования также получает религиозное образование, при этом качество этих знаний и их отношение с современным научным знаниям никем не оценивается.

Кроме того, наиболее частыми приглашенными в светских учебных заведениях являются исламские духовные лица, делающие упор на воспитание детей в духе исламских традиций, а не общекультурологических ценностей.

С учетом указанных причин представляется необходимым на уровне муниципальных образований вносить коррективы в организацию работы с молодежью, в том числе в общеобразовательных учреждениях, изыскивать дополнительные возможности по организации занятости учащихся после школьных занятий, более широкому их вовлечению во внешкольное время в досуговые, кружковые мероприятия с научно-познавательным уклоном.

В этих условиях целесообразно создание эффективной системы просвещения, несущей в сознание людей идеи культурного и конфессионального плюрализма, религиозной терпимости и исторического единства народов Дагестана, обеспечивающей соответствующий общеобразовательный уровень населения[1].

[1] Абдулатипов А.М. Об опыте работы правоохранительных органов Республики Дагестан по противодействию экстремизму и терроризму // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / ред.кол.: Л.В. Карнаушенко, И.В. Яблонский, Г.П. Курдюк. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2018. С. 194.

В числе вопросов, требующих повышенного внимания муниципальных органов власти, также должна быть профилактика проявлений экстремистской и террористической идеологии среди выделенной категории граждан (семьи членов НВФ, их несовершеннолетние дети, лица, осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности).

С учетом вышеуказанных причин и условий, способствующих формированию на территории Республики Дагестан законспирированных террористических групп, представляется целесообразным муниципальным органам власти обратить повышенное внимание на их выявление и устранение при осуществлении профилактических мер по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма на территории муниципального образования.

Необходимо осуществлять постоянный мониторинг ситуации, складывающейся в сфере противодействия и профилактики террористической и экстремистской идеологии в молодежной среде, а также в образовательных учреждениях всех уровней, в том числе и религиозных, выявлять среди данной категории лиц проявлений экстремальности религиозного сознания.

Аргунов Азамат Кримович,
старший оперуполномоченный по ОВД
Центра по противодействию экстремизму
Министерства внутренних дел
по Карачаево-Черкесской Республики,
майор полиции

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ МИГРАНТОВ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Средняя Азия – в определенной степени обособленный и своеобразный регион на мировой арене. В состав Среднеазиатского региона входят: Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан, Афганистан и Казахстан. Из указанных стран выход к мировому океану имеют только Казахстан и Туркменистан. Остальные страны являются внутриконтинентальными с низким уровнем жизни.

Однако, необходимо отметить, что среднеазиатский регион достаточно богат природными ресурсами. Например, в Киргизии, в достаточно больших объемах, добывают руду и уголь. Есть горнолыжные курорты. Знаменитое озеро Иссык-Куль, которое является одним из туристически значимых мест со времен Советского союза. В Узбекистане

есть залежи природного газа, добывают бурый уголь в промышленных объемах. В Туркменистане добывают нефть и газ.

Несмотря на все положительные моменты, расположение данного региона, социально-экономические проблемы, коррупция, клановая система, имеющая место во всех сферах государственного управления, создают благодатную почву для формирования преступных образований (организаций) различных направлений и сфер деятельности.

Наиболее активно, на территории Российской Федерации, представители среднеазиатского региона проявляются в таких сферах противоправной деятельности как: религиозный экстремизм и терроризм, незаконный оборот наркотиков и преступления имущественного характера. Отдельной строкой идут преступления в сфере миграции. Организация незаконной миграции -одна из разновидностей наиболее прибыльной криминальной деятельности на территории Российской Федерации. Кроме того, незаконная миграция активно используется различными преступными формированиями для пополнения кадров, что было в очередной раз доказано Д.А. Соколовым в ходе проведенного социального опроса сотрудников правоохранительных органов различных регионов Российской Федерации.

На вопрос – согласны ли вы с тем, что каналы незаконной миграции активно используются в различных криминальных целях транснациональной организованной преступностью? 95,7% респондентов ответили – «да, согласны» 4,3% не согласились с данной позицией[1].

Но в данной статье мы хотим рассмотреть характеристику противоправного поведения другой категории.

Исходя из практики и имеющегося опыта работы в правоохранительных органах, мы можем отметить, что, в большинстве случаев, выходцы из среднеазиатского региона, занимающиеся противоправной деятельностью на профессиональном уровне, если можно так выразиться, не допускают нарушений миграционного законодательства.

Они состоят в преступных группах, осуществляющих свою деятельность с соблюдением повышенных мер конспирации и строгих правил поведения. Формальные условия пребывания на территории Российской Федерации членами таких преступных формирований строго соблюдаются. Другой вопрос, что документы, имеющиеся у иностранных граждан указанной категории, часто бывают поддельными.

По нашему мнению, наибольшую угрозу для национальной безопасности Российской Федерации представляет противоправная

[1] Соколов Д.А. Криминологическая характеристика организации незаконной миграции и связанных с ней социальных процессов: моногр. М., 2019. С. 189.

деятельность выходцев из среднеазиатского региона в сферах религиозного экстремизма, терроризма и незаконного оборота наркотиков.

В указанных сферах образуются межрегиональные и межнациональные организованные преступные формирования. Которые, при необходимости, могут стать тем резервом, который будет способен нанести существенный вред национальной безопасности, а возможно, и государственной целостности Российской Федерации.

В рамках данной статьи, мы хотим привести свою характеристику противоправной деятельности выходцев из среднеазиатского региона в сферах религиозного экстремизма и терроризма, с точки зрения оперативно-розыскной деятельности.

В первую очередь нужно отметить, что Средняя Азия, как было изложено выше, довольно бедный и густо заселенный регион с глубоко религиозным населением. Что является важным фактором, способствующим широкому распространению различных панисламистских идеологий. Еще одним удобным моментом для эмиссаров различных экстремистских организаций является отсутствие языкового барьера для использования жителей Средней Азии на территории Российской Федерации, в частности, на территории Северо-Кавказского региона. Большинство населения, которого составляют мусульмане с низким уровнем материального состояния. Что, также, является одним из важнейших условий для распространения экстремистской идеологии и образования локальных групп (ячеек) различных религиозно-экстремистских организаций из числа местных жителей, исповедующих радикальный Ислам.

На территории Российской Федерации выходцами из среднеазиатского региона наиболее широко представлены организации: «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами», «Исламское движение Узбекистана», «Нурджулар», а также, ряд других сект, в том числе, пропагандирующих идеи салафизма.

Мы хотим рассмотреть деятельность двух организаций «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» и «Исламское движение Узбекистана», которые, на наш взгляд, более ярко демонстрируют идеи религиозного экстремизма.

«Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» (Исламская партия освобождения) - международная панисламистская политическая партия, основанная в 1953 году в Восточном Иерусалиме судьей местного шариатского суда палестинского происхождения Такиуддином ан-Набхани. Как известно, идеологией данной организации является: исламский фундаментализм и панисламизм. Целью организации является восстановление исламского государства и справедливого исламского образа жизни. Точное количество участников данной организации неизвестно. Но количество последователей «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» растет с каждым годом.

Представительства «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» осуществляют свою деятельность по всему миру.

Лидеры организации утвердили целью «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» создание всемирного халифата, функционирующего на законах шариата. Но достижение поставленных целей предполагается исключительно мирными методами и средствами. Однако, по всему миру известны многочисленные случаи выявления членов организации, причастных к совершению террористических и экстремистских акций различного масштаба. Только, за первый квартал 2021 года на территории Российской Федерации правоохранительными органами предотвращены несколько крупных террористических актов на территории Башкирии, Калининградской и Тверской областей, Северо-Кавказского региона[1].

Руководители организации планируют реализацию задач «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» в три этапа: создание сплоченной религиозно-политической организации, разработка и закрепление принципов организации в виде единственно правильной версии Ислама, и, впоследствии, установление халифата[2].

После признания Верховным судом Российской Федерации террористической организацией, деятельность «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» на территории Российской Федерации приняла, как и следовало ожидать, более закрытый вид (ГКПИ 03-116 от 14.02.2003)[3].

Следующим примером экстремистской организации, распространенной в Среднеазиатском регионе, и широко раскинувшей сети на территории Российской Федерации, является «Исламское движение Узбекистана» (далее «ИДУ»).

Данная организация создана бывшими членами запрещенных в Узбекистане политических партий в 1996 году. Руководителем организации стал Тахир Юлдашев, позже убитый в результате разрыва снаряда.

Идеологией данной организации является исламский радикализм и фундаментализм.

В 2016 году появилась информация, что лидер «ИДУ» Усман Гази, дал баят лидеру «Исламского Государства». И после вступления в «ИГ» последовало заявление Усмана Гази, что «ИДУ» будет «вести настоящий джихад».

---

[1] РИА новости. В Новосибирской и Кемеровской областях ликвидировали ячейку террористов. URL: https://ria.ru (дата обращения: 05.05.2021).

[2] Исламизм в Средней Азии. URL: http://kazanalytics.kz (дата обращения: 05.05.2021).

[3] Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 31 августа 2020 г.) URL: http://www.fsb.ru/fsb (дата обращения: 05.05.2021).

Директор Узбекской редакции радио «Азаттык» Алишер Сиддик отметил, что после вступления в «ИГ» «ИДУ» «могут привлечь больше новобранцев, больше радикальной молодежи»[1].

Неоднократно сотрудниками МВД и ФСБ России отмечалась активизация членов «ИДУ» на территории Российской Федерации.

Так, по данным ЦОС ФСБ России от 23.07.2020 года, в результате проведения только одной совместной операции, силами МВД, ФСБ и Росгвардии на территории Москвы, Новосибирска и Красноярского края задержано 22 члена «ИДУ», причастных к организации и осуществлению террористической деятельности. Вербовке россиян в религиозно-экстремистские организации и переправлению на территорию Сирийской Арабской Республики для участия в вооруженном конфликте в составе международных террористических организаций. В частности, в составе «Исламского государства»[2].

Заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ И.Ф. Сафаргалеев отмечает, что «на территории России, где весьма значительно количество узбеков-мигрантов, среди которых немало представителей радикальных исламских течений, прежде всего салафитов, а также просто недовольных режимом Ислама Каримова, представляет опасность в обозримом будущем с учетом предстоящих изменений верховной власти Узбекистана»[3].

Необходимо отметить, что преступные формирования указанного типа имеют две составляющие: латентную и открытую.

Соответственно, латентная составляющая направлена на реализацию экстремистских целей преступного формирования. А открытая составляющая – представляет собой, своего рода рекламу организации и ее благих целей. Выполняет роль взаимодействующего элемента с другими государственными и общественными институтами.

Непосредственно в структуре организаций или формирований, как мы обозначили, можно выделить следующие элементы: организаторы – звено формирующее идеологию преступного формирования, определяющее тактику и стратегию деятельности данной организации, организующее деятельность исполнителей.

Руководящее звено организации может быть гласным, или иметь определенных «представителей». Которые выступают в роли руководителей, но играют роль своеобразной ширмы. В основном, руководящий состав экстремистских преступных формирований выдвигает

---

[1] Что ждет Исламское движение Узбекистана? URL: https://rus.azattyq.org (дата обращения: 05.05.2021).

[2] В России задержаны 22 члена «Исламского движения Узбекистана» URL: https://eadaily.com/ru/news (дата обращения: 05.05.2021).

[3] Исламизм в Средней Азии. URL: http://kazanalytics.kz (дата обращения: 05.05.2021).

единого гласного лидера, которому подчиняется вся организация. А лицо, определяющее стратегию данной организации, обычно остается в тени. И даже, исполнители, состоящие в данном преступном формировании, могут не знать настоящего лидера своей организации.

Исполнители – звено, непосредственно, реализующее цели и задачи организации. Исполнители могут быть из числа постоянного состава организации или, так называемые «разовые». Которые используются, в основном, в ходе проведения активных акций. Например, террористических актов с использованием смертников.

Также, могут быть классифицированы по самым различным критериям, определяемым требованиями руководства организации и ее специализацией.

Мы не можем не отметить, что достаточно быстрыми темпами раскручивается деятельность экстремистских организаций в киберпространстве. Информационно-коммуникационная сеть Интернет, в настоящее время, стал мощнейшим оружием пропаганды в руках экстремистов. Все больше и больше вербовок проходит в интернет-пространстве. Очень удобно подбирать кандидатов на различных сайтах, форумах, блогах, где собираются пользователи сети по интересам.

С использованием интернет-пространства экстремистские группировки, достаточно безопасно, осуществляют вербовочную и пропагандистскую работу с широкой аудиторией.

Достаточно много случаев известно, когда посредством сети Интернет были проведены вербовочные работы с жителями России, которые впоследствии оказывались в различных террористических и экстремистских организациях.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что незаконная миграция для международных религиозно-экстремистских и террористических организаций является одним из наиболее удобных средств, а сами мигранты выступают тем самым «инструментом», который эмиссары экстремистских организаций используют для распространения радикально-исламистских идеологий, пополнения кадрового состава, решения других тактических задач.

Атабава Дагман Турпал-Алиевна,
преподаватель ФСПО ФГБОУ ВО
Грозненский государственный
нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Впервые идея о необходимости существования в цивилизованном государстве самостоятельного института власти была предложена античным философом Аристотелем, которая в последующем нашла глубокую детализацию в его научных трудах. Современное понимание данного принципа довольно-таки расходится с древнегреческим пониманием, но самое главное – суть, которая обосновывается на позиции доминирования постулата разделения властей в процессе становления и развития демократического правового государства.

В настоящее время организация и эффективность функционирования системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной властей являются фундаментальной технологией современного государственного управления в механизме реализации властных полномочий. Безусловно, доминирующее положение в концепции строительства конституционной системы органов государственной власти занимает принцип разделения государственной власти на три ветви, курирование которых отведено в круг полномочий соответствующих государственных органов. При этом данный принцип предусматривает исчерпывающий алгоритм сдержек и противовесов в процессе осуществления полномочий органов триады власти, т. е. каждая власть самостоятельно функционирует по отношению к остальным и законодательством не предусматривается авторитет одной ветви над другой[1].

Новейшая система реализации принципа разделения властей в механизме устройства современного государства (Российская Федерация) сегодня отличается наличием как теоретических, так и практических проблем. Именно поэтому очень важно сделать углубленный акцент на изучении вопроса дальнейшей модернизации института национального права с последующей постановкой конкретных проблем. Обозначенная проблема свидетельствует о существующих пробелах в нормативно-правовой базе и необходимости ее совершенствования на федеральном уровне[2].

---

[1] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник для вузов. М.: Юрист. 2014. С. 166.

[2] Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов: ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации». 2017. – 244 с.

В соответствии со статьей 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в стране осуществляется по принципу деления на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, причем организация деятельности соответствующих органов осуществляется на основах равноправия. Каждый орган власти занимается профессиональной деятельностью лишь в рамках обозначенных полномочий и ни при каких обстоятельствах не пытается доминировать над другим в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития страны в интересах его населения[1].

Более детально следует сконцентрировать внимание на вышеприведенный постулат, провозглашающий достижение баланса полномочий и воспрепятствование сосредоточения всей полноты власти в руках одного органа или должностного лица. Отметим, что методика равноправия задумана в целях достижения мирного и взаимовыгодного сосуществования всех органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, не совсем правильно утверждать мол конституционный принцип разделения властей предусматривает – разделить и все. На наш взгляд, это абсолютно не логичное суждение, лишенное всяческого научного подтверждения. Принцип разделения властей строится на симбиозе взаимосвязанных действий – это и разделение, и координация, и взаимодействие, и взаимовлияние, и взаимопомощь, и ответственность одного органа перед другим. Из чего следует, что представленная совокупность элементов служит главным рычагом в механизме обеспечения сдержек и противовесов[2].

С научной точки зрения нелегко определить логическую связь понятий «разделение властей» и «принцип разделения властей». Некоторые ученые склонны считать, что это абсолютно тождественные явления, тем самым, оправдывая частое использование на практике понятия «разделение властей» вместо понятия «принцип разделения властей». А стоит ли задуматься о современной конституционно-правовой трактовке данного вопроса? Хотя, если углубиться в далекое прошлое и сделать акцент на научных трудах основоположников теории разделения властей (Джон Локк и Шарль Монтескье), то понятие «принцип» здесь

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 13 Устав Красноярского края от 5 июня 2008 г. № 5-1777 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2008. № 29 (250). Официальный текст Конституции РФ с внесенными в нее поправками от 30.12.2008 опубликован в изданиях Российская газета. № 7. 21.01.2009 г. Собрание законодательства РФ. 26.01.2009 г. № 4. Ст. 445. Парламентская газета. № 4. 23-29.01.2009.

[2] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 2016.

практически не используется, а точнее, его и нет вообще[1]. Это объясняется тем, что теория разделения властей в последующем трансформировалась в некий «принцип» благодаря современной конституционно-правовой действительности, что явилась важной составляющей для гармоничного функционирования демократического правового государства.

Из этого следует, что проблема реализации принципа разделения властей во многом обусловлена комплексом неизученных и не решенных вопросов как современной наукой, так и практикой законотворчества. В первую очередь, на федеральном уровне следует приложить максимум усилий по модернизации новейшего законодательного понимания и трактовки принципа разделения властей. Крайне важно в целях достижения желаемого результата от реформаторских преобразований в данной области понимание принципа разделения властей Российской Федерации как системного образования, характеризуемого особой структурой и необходимости поиска особых подходов к его реформированию.

Бадамшин Ильфат Давлетнурович,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции

Коломийченко Елена Викторовна,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСНОВ СОУЧАСТИЯ

Обеспечение защиты прав и интересов граждан, общества и государства в процессе осуществления правосудия невозможно без соответствующей требованиям уголовного законодательства точной квалификации совершенных преступных деяний.

Проблемы организованной преступности в последнее время приобрели, не без помощи средств массовой информации, широкий

[1] Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.; Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

резонанс. Однако публицистический подход обусловил упрощенное понимание данного явления в общественном сознании. Наметилась тенденция к тому, что только понятие «организованная преступность» связывается с соучастием. Но организованная группа – это, прежде всего, одна из форм, рассматриваемая в рамках института соучастия в преступлении.

Несмотря на то, что за последний период проведено достаточное количество исследований в уголовно-правовой доктрине наблюдаются определенные расхождения мнений по концептуальным вопросам соучастия.

Как известно, в теории отечественного уголовного права существуют две основные точки зрения на сущность соучастия.

Первой из них является так называемая концепция акцессорной природы соучастия (от лат. Accessorium – несамостоятельный), основным тезисом которой является признание того факта, что исполнитель при совершении умышленного совместного преступления является центральной фигурой. В противовес ему, деятельность других соучастников не играет какой-либо существенной роли, и в данном случае, выступает в качестве факультативной.

Одним из активных сторонников указанной точки зрения был Н. И. Ковалев, который отстаивал позицию, что основополагающим лицом, воплощающим в жизнь преступное намерение, считается исключительно его исполнитель, в то время как его соучастники состав преступления в исполнение не приводят[1]. Н.В. Баранков, при рассмотрении данного вопроса указывает, что общественная опасность деяний соучастника напрямую зависит от характера действий исполнителя, чем и определена акцессорная природа соучастия[2].

Позиция последнего, как нам представляется, не бесспорна. Так, в случае, когда исполнитель преступления по причинам, которые не зависели от его воли, не довел преступный умысел до конца, а соучастник (например, подстрекатель), в свою очередь выполнил все действия, которые в соответствии со своей ролью в преступлении счел достаточными, нелогично утверждать, что действия подстрекателя менее общественно опасны лишь за неудачное покушение исполнителя.

Однако необходимо заметить, что проблема соотношения ответственности соучастников с непосредственным деянием исполнителя в уголовном законодательстве является достаточно сложной, чтобы ее

---

[1] Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Ученые труды. Ч. 2 / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск, 1962. С. 18–20.

[2] Баранков Н.В. Посредственное исполнение преступления: автореф. … канд. юрид. наук. СПб., 2001. 21 с. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116113/0-777374.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

рассматривать отдельно. В контексте рассматриваемого вопроса можно согласиться с мнением Н.А. Гуторовой, которая указывает, что о зависимости соучастников от исполнителя можно говорить лишь в том случае когда последний реализует преступные намерения первым, но если же ему не удается их реализация, то ответственность всех наступает за неоконченное преступление[1].

Из этого следует, что акцессорная теория природы соучастия характеризуется двумя важными явлениями: 1) соучастник привлекается к уголовной ответственности лишь в случае установления признаков преступления в деятельности исполнителя; 2) соучастник привлекается по статье, аналогичной той, по которой привлекается исполнитель.

Следующая концепция – участие в преступлении в качестве индивидуальной формы функционирования самого преступления.

В качестве примера можно отметить позицию В.А. Григорьева, указывающего на самостоятельность ответственности соучастников независимо от действий исполнителя[2]. Данная позиция имеет сходства с точкой зрения А.Ф. Зелинского, который считал, что «... каждый соучастник отвечает за совершенные им деяния, содержащие состав преступления. Их ответственность не производная, а самостоятельная»[3].

А.А. Арутюнов, в обоснование данной концепции, отмечает, что акцессорность соучастия не отбрасывает наличие общественной опасности действий соучастников, но при этом ни один из них не в силах реализовать только своей деятельностью объективную сторону состава преступления. Проблема, на его взгляд, состоит не столько в связи ответственности соучастников к ответственности исполнителя преступления, сколько в обосновании ответственности непосредственно каждого из них[4].

По нашему мнению, наиболее логичным представляется положение, при котором каждый из соучастников отвечает за собственные деяния, что и будет реализацией принципа индивидуализации ответственности. Действительно, если каждый из соучастников является субъектом преступления, очевидно, что признаки соучастия следует искать в действиях каждого из них, а не в связывании действий организатора, пособника и подстрекателя с действиями исполнителя.

---

[1] Гуторова Н.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Украины: учеб. пособ. Харьков, 1997. С. 54.

[2] Григорьев В.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации. Уфа: Уфимская высшая школа МВД РФ, 1995. С. 48.

[3] Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении: лекция. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1971. С. 31.

[4] Арутюнов А.А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2001. 21 с. URL: http://www.dslib.net/kriminal-pravo/sistemnyj-podhod-k-obwej-teorii-souchastija-v-prestuplenii.html (дата обращения: 20.04.2021).

Указанное положение вполне удачно, как нам представляется, сформулировал в своем труде Г.В. Новицкий, который отметил: «Поскольку субъектом преступления признаются как исполнители, так и все другие соучастники (организатор, подстрекатель и пособник), можно с уверенностью утверждать, что признаки соучастия необходимо устанавливать в первую очередь в действиях каждого из соучастников»[1].

Подводя определенные итоги проведенного нами обзора основных концепций юридической природы соучастия в отечественной науке уголовного права, следует отметить, что некоторые ученые пытались объединить их, или, по крайней мере, отказаться от их противопоставления. Так, В.У. Гузун отмечал: «В юридической литературе существует две точки зрения на соучастие. Некоторые определяют соучастие самостоятельной преступной деятельностью, другие – коллективной или совместной деятельностью. Причем обе точки зрения друг другу противопоставлены. В тоже время оба эти мнения имеют право на существование и нет необходимости в их противопоставлении»[2].

На наш взгляд данная позиция вполне аргументирована. Безусловно, отграничивать действия исполнителя преступления от действий других соучастников является неразумным, ввиду того, что возможна утрата той основополагающей взаимосвязи, которая определяет умышленное участие нескольких лиц в совершении преступления, как – соучастие.

Бадзгарадзе Татьяна Александровна,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Бадзгарадзе Георгий Давидович,
студент 5курса юридического факультета
Санкт-Петербургского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Постоянные изменения налогового, уголовного и уголовно-процессуального законодательства вызывают на протяжении всего периода новейшей истории Российской Федерации серьезные проблемы в расследовании налоговых преступлений и привлечении к ответственности

[1] Новицкий Г.В. Понятие и формы соучастия в преступлении. М.: Высшая школа, 2001. С. 19.

[2] Гузун В.У. Формы соучастия в преступлении: автореф. … канд. юрид. наук. М., 1975. С. 16.

за их совершение виновных лиц. Пандемия коронавирусной инфекции, сокращение числа выездных и камеральных налоговых проверок привели к реальному падению и без того отрицательной статистики в данной области. Так, еще в 2019 году привлекалось к ответственности за налоговые преступления 1012 человек, а уже в 2020 – 776. При этом вынесение обвинительных приговоров по данному виду преступлений остается на очень низком уровне (в 2019 – 576 человек или 56,9% от общего числа привлекаемых к ответственности, в 2020 – 346 человек или 44,6% от общего числа привлекаемых к ответственности). Можно было отметить, что лица освобождаются от уголовной ответственности ввиду возмещения вреда, причиненного налоговым преступлением, что в общих чертах обеспечивает на современном этапе действующую уголовно-правовую политику государства в отношении защиты интересов бизнеса. Однако среди оснований к прекращению уголовного дела в значительной степени встречаются отсутствие состава преступления (4 – в 2019 году, 53 – в 2020) и истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (243 – в 2019 году, 168 – в 2020).

Несмотря на отсутствие судебной статистики за 2021 год, мы можем предположить, что данная тенденция найдет свое отражение и в отчетах за текущий период. При этом в данном случае речь идет не о повышении качества работы налоговых органов, выраженной в повышении противодействия лицам, совершающим налоговые правонарушения и преступления (что, конечно же, также имеет место), а о ограничениях, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, вызвавшей резкое снижение количества выездных налоговых проверок. В свою очередь, результаты выявленных нарушений в ходе налоговых проверок в подавляющем большинстве случаев выступают поводом к возбуждению уголовного дела по налоговым преступлениям. А в этой связи считаем необходимым указать на пугающую проблему, связанную с высоким уровнем прекращений уголовных дел и уголовных преследований по данной категории преступлений, на которую неоднократно указывали многие ученые и практики. Так, в 2019 году из 1012 человек, в отношении которых возбуждались уголовные дела, осуждено было лишь 576 (56,92%). При этом из 436 лиц, в отношении которых были прекращены уголовные дела, 243 в связи с истечением сроков давности (55,73%), 145 в связи с назначением судебного штрафа (33,26%), 4 в связи с отсутствием состава преступления и лишь 20 в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности (4,59%)[1].

В 2020 году практика привлечения лиц к уголовной ответственности претерпела изменения в еще более худшую сторону. Так, из 776 человек,

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http:// www.cdep.ru (дата обращения: 05.05.2021).

осуждено было 346 (44,59%). Среди 430 лиц, в отношении которых уголовные дела прекращались, 53 в связи с отсутствием состава преступления (12,33%), 168 в связи с истечением сроков давности (39,07%), в связи с назначением судебного штрафа 153 (35,8%) и только 6 в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности (1,4%)[1].

Исходя из приведенной статистики, наличие проблем, выраженных в не привлечении виновного лица к предусмотренной УК РФ ответственности становится очевидной актуальность темы особенностей расследования налоговых преступлений. Именно на стадии возбуждения уголовного дела должен быть в наиболее полном объеме решен вопрос о наличии состава преступления, а проведение качественной проверки по поступившему сообщению о совершении преступления позволит в оперативном порядке привлекать виновное лицо к ответственности и обеспечить принцип неотвратимости наказания. В свою очередь, неполное или некачественное проведение доследственной проверки приводит к увеличению времени производства предварительного следствия, что ведет к возможности прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности по не объективным обстоятельствам или в связи с отсутствием состава преступления.

Именно методика расследования налоговых преступлений позволяет следователю принимать меры по привлечению виновного лица к ответственности, поскольку содержит в себе четкие рекомендации к производству процессуальных действий как на первоначальном этапе расследования, так и на последующих.

В этой связи полагаем возможным провести детальных анализ уголовного законодательства, препарировав объекты охраняемых уголовным законом отношений и выделив среди предпринимательских и экономических родовых отношений видовые налоговые правоотношения. Так, исходя из анализа главы 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) к налоговым преступлениям, исходя из совпадения охраняемого видового объекта, необходимо относить:

1. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов.
2. Те же деяния, совершенные юридическим лицом.
3. Неисполнение обязанностей налогового агента.
4. Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов.

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http:// www.cdep.ru (дата обращения: 05.05.2021).

5. Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд.

6. Те же деяния, совершенные юридическим лицом[1].

Примечательно, что долгое время в российском уголовном праве существовали лишь только первые две приведенные нормы, остальные же приведенные в настоящем списке возникли в процессе их дробления, связанного с либерализацией и гуманизацией уголовного законодательства, а также в связи с решением проблем рэкета и давления правоохранительными органами на малый и средний бизнес. В этом отношении мы разделяем позицию М.И. Орешкина и М.А. Сутурина в вопросах фактического недостижения законодателем поставленных перед собой задач в виде сокращения экономических преступлений с повышением экономического роста и недопущения криминального вмешательства в деятельность хозяйствующего субъекта, что выражается в отсутствии значимых изменений в сфере экономического роста, фактическом возрастании количества совершаемых экономических преступлений с одновременным уменьшением фактов их выявления, снижением возможности противодействия им и наличием «мертвых», неприменяемых правовых норм УК РФ[2]. Однако мы не совсем разделяем позицию авторов касаемо фактической возможности функционирования имеющихся либеральных институтов уголовного права применительно к современным вызовам, стоящим перед криминалистической наукой и особенностями имеющихся социальных проблем, связанных с лицами, совершающими налоговые преступления. На этом основании мы считаем возможным предложить вернуться к ранее существовавшим нормам уголовного права в сфере охраны налоговых правоотношений до момента изменения социальной ситуации и снижения уровня криминальной напряженности в сфере экономических отношений.

Способы совершения налоговых преступлений можно классифицировать на легальные, полулегальные и криминальные[3].

Легальные способы совершения налоговых преступлений связаны с положениями ч. 5 и 7 ст. 3 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее НК РФ), устанавливающими запрет на возложение на лицо не

---

[1] Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Российская газета. 1996. 19 июня.

[2] Орешкин М.И., Сутурин М.А. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. № 13. 2019. С. 48 (48–51).

[3] Козлов В.А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений // Владимир: Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. 2006. С. 10–11 (56).

установленных налоговым законодательством налогов, а также декларации толкования всех сомнений, противоречий и неясностей в пользу налогоплательщика[1].

Полулегальные способы совершения налоговых преступлений связаны с наличием законодательных положений, позволяющих преступному элементу, используя их, реально сокращать количество налогооблагаемой базы, и тем самым минимизировать стоимость имущества, направляемого в бюджеты России и ее внебюджетные фонды. Например, приобретение кредита налогоплательщиком в целях осуществления выплаты заработной платы сотрудником, частичной уплаты налоговой задолженности, удовлетворения специфических производственных нужд предприятия. Затем проведение экономических правоотношений с контрагентом, денежным вознаграждением за которые выступают векселя как единственная возможная форма расчетов в имеющихся гражданско-правовых правоотношениях. Последующее заключение налогоплательщиком агентского договора, предметом которого являлось частичное погашение задолженности по налоговым недоимкам, заработной плате сотрудников, расчетам с поставщиками[2]. Данный механизм позволяет предприятию оптимизировать налоговые затраты без привлечения руководства к уголовной ответственности за сокрытие имущества, за счет которого должно производиться взыскание обязательных налоговых платежей.

Криминальные способы совершения налоговых преступлений очень многообразны. В этой связи доктор юридических наук Шапиро Людмила Геннадьевна провела группировку данных способов. В первую группу, по мнению ученого, включаются преступные деяния, связанные с включениями в налоговые декларации и иные документы, связанные с определением баланса и учета имущества организации, заведомо ложных сведений[3]. В качестве примера можно привести установленные факты в ходе проведения оперативно-следственной операции Следственным Комитетом Российской Федерации (далее СКР). По ее результатам было возбуждено три уголовных дела по ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ. Следователями и оперативными подразделениями были выявлены факты сокрытия и ненаправления в бюджетную систему РФ суммы в размере 31 млн рублей. В частности были установлены факты включения в

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. 6 августа.

[2] Бадзарадзе Т.А., Лантух Э.В. Методика расследования сокрытия денежных средств либо имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов: учебно-практическое пособие // СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 39–40.

[3] Шапиро Л.Г. О способах совершения налоговых преступлений // Информационная безопасность регионов № 1 (22). 2016. С. 58.

налоговые декларации заведомо заниженных сумм доходов за вырубку леса на сумму 1,8 млн рублей, заведомо заниженных сумм за реализацию леса юридическим лицом на сумму 8,6 млн рублей и неисполнение функций налогового агента организации, осуществляющей деревообработку, производство деревянных конструкций и изделий, путем удержания денежных средств с работников предприятия на сумму 2,5 млн рублей[1].

В своем исследовании Шапиро Л.Г. указывает на необходимость определения баланса организации, ссылаясь на позицию И.Ф. Шера, утверждавшего, что использование методов его установления позволяет получить истинное представление о положении дел[2]. Однако концепции И.Ф. Шера являются не достаточно актуальными для современного социально-экономического развития общества и права, в связи с чем считаем необходимым указать на неотнесение к балансу организации арендуемого имущества и имущества, находящегося в организации на основе доверительного хранения с получением за него материального вознаграждения от поклажедателя.

Ко второй укрупненной группе способов совершения налоговых преступлений Шапиро Л.Г. относит неправомерное использование налоговых льгот; использование фиктивных юридических лиц, оперативно созданных преступным элементом для совершения одной или нескольких сделок; использование аффилированных лиц и организаций в целях создания искусственной дебиторской задолженности в целях снижения налогооблагаемой базы; использование безналичного расчета; использование векселей[3]. Мы разделяем позицию ученого о необходимости разделения и классификации способов совершения налоговых преступлений, поскольку это существенно упрощает проведение теоретико-правовых исследований в сфере противодействия налоговым преступлениям и их расследованию, однако не согласны с отнесением некоторых приведенных примеров к налоговым преступлениям. В частности, ученый отмечает существование значимой проблемы осуществления предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации в качестве управомоченного лица и относит эти действия к совершению налоговых преступлений. По нашему мнению, данные тезисы не могут находить своего подтверждения не только в

[1] В Смоленской области сотрудниками Следственного комитета РФ и налоговой службы продолжается работа по выявлению налоговых преступлений, привлечению виновных лиц к уголовной ответственности и возмещению ущерба в бюджет // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https:// sledcom.ru (дата обращения: 06.05.2021).

[2] Шер И.Ф. Бухгалтерия и баланс. М.: Экономическая жизнь. 1925. С. 435.

[3] Шапиро Л.Г. О способах совершения налоговых преступлений // Информационная безопасность регионов. № 1 (22). 2016. С. 58.

правоприменительной практике или научной доктрине, но и в нормативно установленных реалиях, поскольку противоречат ранее приводимым примечаниям к «налоговым» составам УК РФ.

Также считаем невозможным относить использование и приобретение векселя в целях осуществления инкассовых расчетов между организациями в качестве безусловного действия объективной стороны налоговых преступлений (в том числе квалифицируемых как мошенничество), на что мы указывали при рассмотрении полулегальных способов уклонения от уплаты налогов. Считаем, что данные действия носят весьма дискуссионный характер, что связано с наличием весьма тонкой грани между оптимизацией расходов организации или физического лица с использованием льгот и иных законных механизмов снижения поносимых затрат с совершением налогового преступления, при этом главным отличием между ними можно считать направленность умысла налогоплательщика.

В целом же способы совершения налоговых преступлений во многом зависят от экономической отрасли, в которой налогоплательщик осуществляет свою деятельность. Они могут быть выражены в фиктивном снижении стоимости оплаты работ и услуг (в том числе за счет включения в стоимость товара расходов, покрываемых за счет прибыли), использовании аффилированных «фирм-однодневок», зарегистрированных на подставное лицо и выполняющих функции фиктивного дебитора или кредитора организации-налогоплательщика, незаконном возмещении налога на добавленную стоимость (НДС) или уклонении от его уплаты (например, реализация товара через сеть дилеров организаций или индивидуальных предпринимателей, с возложением на них обязанности осуществления выплаты НДС при реализации товара с последующей инициацией процедуры банкротства) и во многом другом.

Особенность возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям выражена в колоссальном объеме материала, который должен быть собран с целью вынесения процессуального решения. Данный материал должен содержать в себе информацию об объекте и объективной стороне преступления, представляющую собой, как правило, документы бухгалтерского, налогового учета, сведения о контрагентах и инкассовых операциях, а также информацию о проверочных действиях налоговых органов в отношении проверяемого лица. Особое внимание при получении проверочных материалов необходимо уделить наличию в них сведений, свидетельствующих об умысле заподозренного лица.

Типичные следственные ситуации, складывающиеся в ходе предварительного следствия по делам о налоговых преступлениях, вариативны. Дифференцировать их можно в зависимости от способа формирования первичной информации о совершенном преступлении и от отношения подозреваемого (обвиняемого) лица к существу подозрения

(обвинения). В своей сущности программы расследования имеют общий алгоритм независимо от типичных следственных ситуаций, но стоит оговориться, что его первичные звенья будут комбинироваться в зависимости от них. Более того, как выявленные ситуации, так и предложенные программы расследования ввиду специфики исследуемого вопроса в некоторой степени являются условными, ввиду воздействия на ситуацию множества факторов, придающих ей исключительное своеобразие. В этой связи и предложенные программы должны быть в значительной степени конкретизированы в зависимости от каждого конкретного случая.

Бачиева Альбина Владимировна,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции

Светличный Евгений Григорьевич,
начальник кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
подполковник полиции

ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Деятельность полицейского тесно связана с экстремальными ситуациями.

По роду своей профессии сотрудник правоохранительных органов сталкивается с различными слоями населения, независимо от их социального положения, вероисповедания, рода деятельности и т. д.

Преступники и правонарушители не всегда добровольно выполняют законные требования правоохранителя. В ряде случаев полицейский сталкивается с активным противодействием выполнению своих функциональных обязанностей, вплоть до применения в отношении него физической силы, холодного и огнестрельного оружия[1].

[1] Светличный Е.Г., Жамборов А.А., Дьяченко Е.А. Формирование стрелковых навыков у обучающихся образовательных организаций МВД России на первоначальном этапе // Проблемы современного педагогического образования. Ялта. 2021. Вып. 70 (2). С. 204–206.

Качество выполнения правоохранителем своих профессиональных обязанностей тесно связано с наличием у него необходимых знаний, умений и навыков, которые он получает как в период обучения, так и в рамках профессиональной служебной подготовки по месту несения службы[1].

Одной из важных составляющих профессиональной служебной подготовки выступает огневая подготовка, в рамках которой полицейский получает важные компетенции, призванные защитить его в наиболее экстремальных ситуациях, связанных с высоким риском для жизни и способствовать максимально качественному выполнению действий по охране общественного порядка, пресечению преступлений и задержанию лиц, их совершивших.

Основным нормативным актом, регулирующим организацию огневой подготовки в органах внутренних дел, является приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»[2].

В указанном приказе содержится, наряду с другой важной информацией, порядок и условия выполнения практических упражнений из огнестрельного оружия.

Данные упражнения призваны привить навыки и умения по безопасному обращению с огнестрельным оружием, ведению огня в различных условиях (скоростная стрельба, стрельба после перемещения, в условиях ограниченно видимости, по нескольким мишеням и т. д.).

Однако все упражнения по условиям Наставления выполняются в форменной одежде, с оружием, находящимся в штатной кожаной кобуре, на поясном ремне, открыто.

В состав МВД входит ряд подразделений, которые по роду своей деятельности несут службу в гражданской форме одежды (например, оперативные уполномоченные уголовного розыска). Сотрудники таких подразделений находятся на «переднем крае» борьбы с преступностью и довольно часто подвергаются опасности противодействия преступников.

Табельное огнестрельное оружие правоохранители таких подразделений вынуждены носить скрыто, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

В ситуациях, когда полицейский предполагает возможность применения табельного огнестрельного оружия, он может извлечь и

---

[1] Челпанова М.М., Лахин О.И. Проблемные аспекты деятельности министерства внутренних дел Российской Федерации: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции «Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития» (Чебоксары, 11 мая 2020 года). Чебоксары. 2020. С. 242–244.

[2] Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.11.2017 № 880. URL: https://ppt.ru/docs/prikaz/mvd/n-880-195429 (дата обращения: 19.03.2021).

привести его в готовность заблаговременно. Но, существуют ситуации, когда такая необходимость возникает внезапно. К тому же, правоохранитель в ряде случаев вынужден сначала защищаться от нападающего при помощи приемов рукопашного боя.

Не имея специальных навыков обращения с огнестрельным оружием в таких ситуациях (в условиях противоборства с нападающим; когда оружие находится в специальном снаряжении для скрытого ношения), вероятность выхода победителем из такой ситуации резко снижается, особенно если противник физически сильнее или обладает какими-либо специальными навыками.

В рамках огневой подготовки во время обучения будущих правоохранителей в образовательных организациях МВД России, а также выполнения практических стрельб в системе служебной подготовки по месту прохождения службы, сотрудники вышеуказанных подразделений выполняют стрельбы по условиям упражнений Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации. Навыки же обращения с огнестрельным оружием, находящимся в специальном устройстве для скрытого ношения не изучаются и не закрепляются.

Такая ситуация в профессиональной подготовке негативно сказывается на обеспечении личной безопасности правоохранителей.

Необходимо разработать и внести в Наставление ряд упражнений, направленных на получение и закрепление навыков обращения с табельным огнестрельным оружием, которое носится скрыто, в специальных устройствах для этого предназначенных.

Так как применение огнестрельного оружия сотрудниками указанных подразделений происходит в основном на коротких/близких расстояниях, следует учитывать и этот фактор при разработке упражнений.

Одним из таких упражнений может выступать предлагаемый нами вариант.

Упражнение «Стрельба из пистолета на короткой дистанции в ограниченное время».

Условия выполнения:

Исходный рубеж: 5 метров.

Расстояние до мишени: 7 метров.

Количество боеприпасов: 2 шт.

Цель: поясная фигура (мишень № 2, № 2а, № 2б, № 3а).

Время на выполнение: 3 секунды.

Оружие в оперативной кобуре.

Порядок выполнения:

Стрелок по команде руководителя стрельб выполняет следующие действия:

– делает три шага назад.

– извлекает оружие из оперативной кобуры.

– приводит оружие в готовность.

– громко предупреждает нападающего о возможном применении оружия: «Полиция! Стой! Стрелять буду!».

После чего производит три выстрела в мишень.

Оценки:

Удовлетворительно – 1 попадание.

Неудовлетворительно – мишень не поражена.

В случае если время на выполнение упражнения превышено, независимо от количества попаданий в мишени, выставляется оценка неудовлетворительно[1].

Выполнение такого упражнения на занятиях по огневой подготовке позволит закрепить необходимые для оперативников навыки и умения, а также поднимет личную безопасность на качественно новый уровень.

Бачиева Альбина Владимировна,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции

Макарова Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
подполковник полиции

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Преступления совершаются людьми – достаточно тривиальное понятие, однако от этого оно не становится менее правильным. При формировании социального облика современного террориста в Российской Федерации необходимо понимать и уяснять две немаловажные детали. Во-первых, преступления террористической направленности – это преступления, крайне сложные с точки зрения своей организации. Одной из сторон такого факта является задействование в осуществлении преступных замыслов в сфере терроризма множества лиц, исполнители

[1] Светличный Е.Г., Дьяченко Е.А., Романов А.А. Совершенствование огневой и тактической подготовки сотрудников полиции, использующих устройства для скрытого ношения табельного огнестрельного оружия // Проблемы современного педагогического образования. Ялта. 2020. Вып. 69 (2). С. 153–156.

среди которых зачастую занимают даже не вторую или третью роль. Речь в данном случае идет об организаторах преступлений террористической направленности, пособниках, агитаторах и так далее. Изучив статистические данные, можно сказать, что большой процент террористов, которые имеют иностранное происхождение, и являются иностранцами. Так, в частности, лицом, осуществившим взрыв в Санкт-Петербургском метро, был узбек по национальности, уроженец Киргизии Акбарджон Джалилов. Заявленные аспекты призваны подтвердить и обосновать тезис о том, что личность современного террориста – крайне многоаспектное явление, требующее тщательного изучения и выведения общих и частных теорий, которые, при своем правильном и верном направлении, помогут определить общие закономерные тенденции в развитии личности террориста и всех преступлений террористической направленности, а, соответственно, позволят реализовывать и планировать меры превентивного характера в отношении подобного рода преступности.

В первую очередь, нужно понять причины, из-за которых люди вовлекаются в преступления данного рода, чем обусловлен рост, активность, которую можно заметить в статистических данных[1]. Действительно, особенности и характер совершенного деяния напрямую зависят от характеристики личности лица, которое решило совершить определенное противоправное деяние. В данном случае важно практически все – пол, возраст, психотип, уровень образования, социальное и имущественное положение и множество иных аспектов развития личности. Знание особенностей личности преступника дает важное подспорье для организации противодействия преступной деятельности данного лица, причем как на этапе профилактики, так и на этапе раскрытия преступления. Более того, особенности личности преступников имеют свойство повторяться и типологизироваться, что позволяет делать выводы о наиболее типичных проявлениях свойств личности преступников, совершающих различные виды преступлений. Это, в свою очередь, дает возможность организовать качественную и эффективную профилактику преступной деятельности, причем на самых ранних этапах зарождения преступных мотивов. Поэтому помимо чисто гносеологической составляющей, изучение личности преступника имеет мощный практический результат в вопросах противодействия преступности.

В криминалистике понятие личности преступника структурно входит в криминалистическую характеристику преступлений как один из основных элементов. При этом следует отметить, что помимо криминалистики личность преступника как элемент характеристики преступлений рассматривают и изучают и некоторые другие науки, такие,

[1] Хадиков Р.Ш. Особенности расследования преступлений террористической направленности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 210–218.

например, как криминология, уголовное право. Однако, изучая одинаковые элементы, каждая из наук, тем не менее, не повторяет друг друга, в противном случае ценность подобных исследований была несколько ниже. Каждая из наук, рассматривая личность преступника, отмечает какие-либо свои, специфичные черты, необходимые именно в рамках исследования данной науки. Так, уголовно-правовая наука рассматривает личность преступника с точки зрения субъекта преступления, устанавливая все признаки данного элемента состава преступления, а именно возраст, вменяемость и, при необходимости, должностное положение. Отметим, что для уголовного права не важна именно характеристика личности преступника, важна лишь констатация факта наличия или отсутствия у лица конкретных признаков субъекта отдельно взятого преступления. Криминология рассматривает психологическую составляющую личности преступника, его мотивацию, целеполагание, которые в совокупности привели к совершению преступления. Знание криминологической характеристики личности преступника в основном применяется при профилактике преступления, причем зачастую ранней. Когда же преступление уже совершено, необходимы знания о личности преступника криминалистического характера. Криминалистика как наука подходит к изучению личности преступника чисто с предметной стороны данного вопроса. Правоприменителей, в случае совершения преступления, интересует лишь один вопрос – как разыскать, задержать и изобличить преступника. Именно на данный вопрос и отвечает криминалистическая характеристика личности преступника. Иными словами, исследуя конкретные характеристики личности преступника, криминалистика дает возможность сотрудникам правоохранительных органов организовать наиболее качественный и эффективный розыск преступника и его последующее следственное изобличение.

Личность преступника в криминалистическом понимании данного элемента характеристики преступлений имеет сложную структуру, выражающуюся в наличии множества субэлементов, через призму изучения которых можно возыметь общее представление о личности преступника, в том числе и по преступлениям террористической направленности[1]. Среди ученых-криминалистов ходит множество споров, каковы пределы изучения личности преступника, какие конкретные характеристики и показатели необходимо включать в изучение данного элемента криминалистической характеристики преступлений, в том числе

[1] Кряжев В.С. Данные о личности преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности: материалы Международной научно-практической конференции. ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Восточно-Сибирский филиал; отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск: Издательство: Восточно-Сибирский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2015. С. 30–38.

и террористической направленности, а какие необходимо выносить за рамки такого изучения.

Говоря о личности преступника, совершающего преступления исследуемой категории, необходимо отметить один немаловажный факт. В отличие от большинства иных видов преступлений, даже приближенных к преступлениям террористической направленности по степени тяжести, о личности преступника-террориста нельзя сказать в однозначном порядке, приведя отдельную и конкретную типологизацию[1]. Данный факт обосновывается превалирующим групповым характером совершения подобного вида преступлений. Как правило, непосредственному совершению преступлений террористической направленности предшествует процесс сложной подготовки, зачастую невозможный при участии лишь одного человека. Более того, на сегодняшний день в мире существует множество различных видов организаций, проповедующих терроризм в качестве основного вида деятельности. Подобные организации запрещены на территории множества государств, в том числе и Российской Федерации. Террористические организации имеют ряд характерных признаков, а именно сплоченность, вооруженность, иерархичную структуру, наличие большого количества более мелки ячеек, групп и формирований, длительность существования, высокий уровень конспирации, наличие политических коррумпированных связей, наличие развитой материально-технической базы, большого количества сторонников, международный характер деятельности, наличие разветвленной сети вербовочных пунктов. Данные структуры, как правило, отличаются наличием своей собственной идеологии, как правило, религиозного характера.

Таким образом, можем сказать, что данные о личности преступника, а также механизм образования и локализации следов преступлений играет одну из важнейших ролей при определении криминалистической характеристики преступлений террористической направленности. Личность преступника, совершающего преступления террористической направленности, отличается сложной структурой и наличием большого количества различных типов и подтипов. Этим преступления террористической направленности отличаются от большинства других уголовно-наказуемых деяний, даже сопоставимых с исследуемыми по тяжести последствий, к которым приводит успешное совершение подобного вида преступлений. Конкретный вид, а, соответственно, конкретная характеристика личности преступника определяется в зависимости от того, какую роль в иерархии преступной организации как основной организационной формы террористической деятельности играет

[1] Ведерников Н.Т. О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 135–141.

лицо. При этом, чем выше роль лица, тем более он образован, имущественно благополучен и авторитетен. Механизм образования и локализации следов преступной деятельности террористов также неоднороден и зависит как от вида совершаемого преступления террористической направленности, так и от способа, посредством которого преступники реализуют свой преступный замысел. Помимо этого, значение имеет и этап совершения преступления – подготовка или непосредственное совершение.

Бидова Бэла Бертовна,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОЗНАНИЕ И ФОРМУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Непоследовательность и противоречивость процесса трансформации разных сфер жизнедеятельности всеобщего мира создала немало двусмысленностей, невнятностей и неоднозначностей в составлении стратегии национальных интересов РФ. Среди объективных аспектов можно выделить геополитическое положение государства, уровень развития экономики и социальной политики и пр. К перечню субъективных аспектов причисляются распространенные мнения, понимания и рассуждения людей, которые принимают решения о национальных интересах государства, то есть «свойственная этому социуму система ценностей»[1].

Национальные интересы и механизм их обеспечения охватывает почти весь спектр социальных отношений, среди прочего политику, экономику, социальную политику, информационную сферу, культуру и пр.

Суммируя имеющиеся в различных источниках представления и понятия об улучшении законодательства как одного из условий обеспечения реализации национальных интересов на законодательном уровне, можно привести перечень необходимых для этого мероприятий.

Проведение основных мероприятий общего свойства:

- построение действенной и обдуманной государственной политики и обеспечение гражданского единогласия касательно политико-правовой структуры страны;

[1] Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 85.

– применение принципа дифференциации властей с присутствием результативной системы сдержек и противовесов и налаживание взаимодействия разных ветвей власти на различных стадиях нормотворческого процесса и процесса реализации законов.

Проведение основных мероприятий содержательного свойства:

– четко сформулированное установление закона и всех его значимых составляющих;

– удобная и понятная законодательная конструкция (целостность, сбалансированность, наличие взаимосвязи между всеми частями структуры закона, закономерная хронология преподнесения информации); стандартизация, тождество формы, построения закона, методов преподнесения правовых указаний; содержательность, выгодность, сжатость правовых формул;

– приведение к единообразию и эталонирование нормотворческой терминологии;

– упрочение структурности законодательства.

Проведение основных мероприятий процессуального свойства:

– оценивание потребности в утверждении законопроекта;

– глубокий, развернутый анализ и принятие во внимание общественного мнения и социальных интересов на всех стадиях нормотворческой работы;

– укоренение традиции выполнения в подходящий момент и при сложившихся обстоятельствах общественных экспериментов с целью выявления наилучшего варианта правового упорядочивания тех или иных групп социальных отношений и разработки оптимально результативной формы правового влияния на такие отношения;

– улучшение правового упорядочивания процесса законотворчества: установление предмета и границ нормотворческой деятельности;

– обогащение Основного закона РФ разделом о правотворческой работе госорганов с отчетливой дифференциацией предметов ведения Госдумы и Президента, установлением полномочий каждого органа правотворчества;

– улучшение практики составления планов и прогнозов законодательства;

– устранение проявлений коррупции в законодательной системе.

Помимо этого, следует решить и другие проблемы, сопряженные с фактическим осуществлением нормативных предписаний, что подразумевает повышение результативности контрольно-надзорной работы всех ветвей власти, в особенности – исполнительной власти, осуществляющей наибольшую часть этих компетенций.

Хотя процесс развития устойчивых формальных образцов поведения государственной службы организационно многообразен, однако

профессиональная деятельность любого чиновника естественным образом совмещает в себе социальные и юридические основы, отображающие:

1) общее, свойственное социальному и правовому в каждой из разновидностей деятельности людей;

2) особенное, проявляющееся в профессиональной деятельности чиновника;

3) единичное, проявляющееся в тех или иных разновидностях, направлениях государственной службы.

Для пущей наглядности предлагаем проанализировать путь становления механизма обеспечения национальной безопасности на примере конкретных актов, имевших огромное значение в этом процессе.

Одной из самых ранних можно считать Концепцию национальной безопасности РФ от 1997 года, утвержденную Президентом РФ. В ней были закреплены главные линии государственной деятельности в сфере национальной безопасности.

Во вводной части Концепции была приведена дефиниция, собственно, национальной безопасности РФ, а именно: система воззрений на обеспечение в России безопасности человека, общества и страны от угроз, исходящих извне и имеющихся внутри государства, относящихся ко всем областям функционирования[1].

Здесь было положено начало (отталкиваясь от исследования понятия «национальные интересы») определения системы угроз безопасности страны на текущей стадии и формулирования условий их предотвращения.

В данной Концепции первый раз в российской действительности были представлены приоритеты РФ в интернационалистской сфере с принятием во внимание разного рода угроз в области внешней стратегии. Основной опасностью в числе прочих было провозглашено противодействие международной террористической деятельности. В этом был резон, учитывая недавно завершенную войну в Чеченской Республике, произошедшие взрывы жилых домов в столице, подрыв поезда и падение башен-близнецов в США в 2001 году.

Одновременно с этим, в данный документ были включены определения значимых направлений политики государства. Например, в нем содержалась дефиниция категории «национальные интересы РФ» как комплекса согласованных интересов человека, социума и страны в различных сферах жизнедеятельности государства (внутренней и внешней политике, экономике, социальной политике, информационной сфере, военном деле, пограничной области, экологии и пр.), давалась их содержательная часть сообразно тому или иному направлению. В развернутом виде были представлены нормы, касающиеся системы

[1] Трухачев В.В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 61.

обеспечения национальной безопасности, компетенций государственных структур и сил ее обеспечения, их численность и контингент, правила и регламент деятельности соответственно действующим законам. Обозначались полномочия и роль Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Совета Безопасности РФ, федеральных госорганов исполнительной власти, госорганов исполнительной власти субъектов РФ в создании и претворении в жизнь стратегии обеспечения национальной безопасности.

Рассмотрев содержательную часть этого акта, можно говорить о следующих его безусловных плюсах:

а) выделение безопасности нации в качестве ключевой проблемы в совершенствовании государственности нашей страны и всего социума;

б) помещение (в первый раз) в правовое поле категорий «национальная безопасность» и «национальные интересы РФ»;

в) выполнение всеохватного оценивания наличествующих и возможных угроз интересам нации РФ в сфере экономики, социальной политики, внутренней политики, внешней политики, экологии, военного дела, информационного сектора, духовности, пограничной жизни;

в) обозначение главных составляющих аппарата обеспечения национальной безопасности[1].

Одновременно с этим, этот вариант Концепции наделен рядом изъянов: неоднозначностью представленных дефиниций, непринятием во внимание нескольких важных угроз национальным интересам (к примеру, угроз в области демографии), уходом от вопроса дифференциации компетенций федеральных и региональных органов государственной власти относительно проблем безопасности и пр.

Оттенок насущной потребности обрела последующая детализация в актах разных уровней главных установок Концепции. Причем и в вопросах установления общих правил безопасности нации, и ее отдельных подвидов, а также аппарата обеспечения. В итоге, на смену этому документу пришла Стратегия национальной безопасности РФ[2]. Так как это первый в своем роде утвержденный документ, он требует тщательного рассмотрения его содержания. Посредством этого документа было расширено понимание безопасности. Причем это касается и объектов посягательства, и источников угроз. Также документ обозначил ряд новых задач в области регуляторного упорядочения категории «безопасность».

Документ разрабатывали с целью объединения усилий «центра» и нижних властных уровней в области гарантирования безопасности нации.

---

[1] Саркарова Н.А. Национальные интересы и национализм // Манускрипт. 2017. № 13 (86). С. 172.

[2] Саидов З.А., Бидова Б.Б. Анализ правового механизма обеспечения национальных интересов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 158.

Важно то, что Стратегия признана на законодательном уровне системой основных приоритетов, намерений и действий во внутренней и внешних направлениях, обуславливающих состояние защищенности нации и степень стабильного совершенствования государства в дальнейшем. Главная задача этой разработки заключалась в создании и сохранении усилиями государственных органов, гарантирующих национальную безопасность, внутригосударственных и международных условий, благоприятствующих выполнению стратегических приоритетов нации.

В документе в расширенном виде были представлены следующие основные понятия: «национальная безопасность», «национальные интересы РФ», «угроза национальной безопасности», «стратегические национальные приоритеты», «система обеспечения национальной безопасности», «силы обеспечения национальной безопасности», «средства обеспечения национальной безопасности».

По вполне обоснованному мнению И.Б. Кардашовой, утверждение данного документа стало эпохальным событием, поскольку знаменовало пробуждение отечественной стратегической культуры[1].

Мы полагаем, что в сравнении с предыдущей Концепцией нынешняя Стратегия:

– совершенно поменяла курс обеспечения национальной безопасности, избрав в качестве ее ориентира стратегические национальные первоочередные задачи;

– обрисовала новый вектор политики государства в сфере национальной безопасности;

– обозначила задачи, цели и ориентиры эволюционирования системы обеспечения безопасности в корреляции с описанием угроз для каждого приоритета и действиями, осуществляемыми для их предупреждения и устранения;

– создала новый механизм обеспечения объединенных усилий страны и социума и пр.

Однако по итогам рассмотрения данного документа были выявлены довольно существенные недочеты:

– не были обозначены структуры, действительно ответственные за ее исполнение;

– не были приведены целевые к 2020 году показатели по каждому из направлений;

– отсутствовало определение ресурсной базы обеспечения национальной безопасности;

– не была конкретно установлена система угроз национальной безопасности государства и их происхождение[1];

[1] Кардашова И.Б. О проблемах исследования обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 33.

– отсутствовала формулировка характеристик некоторых важных для этой сферы понятий: «государственная безопасность»; «социальная безопасность»; «энергетическая безопасность»; «экологическая безопасность»; «информационная безопасность» и пр.

Помимо этого, в этом документе, как считает автор научной работы «Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты», не исследовались обстоятельства, несогласованности, аспекты, обуславливающие то или иное положение безопасности и, как результат, не предоставлены пути выявления направлений ее роста и упрочения в ближайшем и отдаленном будущем[2].

Также стоит подчеркнуть еще один немаловажный факт: в 2014 году первый раз официально в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ было установлено, что в Стратегию введены:

– первоочередные направления, задачи и действия в сфере внутри- и внешнеполитической деятельности в части обеспечения безопасности нации РФ;

– оценка современного положения безопасности нации РФ и вероятных угроз ее безопасности в будущем;

– детерминирование национальных интересов РФ и стратегических приоритетных задач нации в части обеспечения безопасности нации РФ;

– определение задач и целей обеспечения безопасности нации РФ в разных отраслях продвижения страны и путей борьбы с угрозами национальной безопасности РФ;

– детерминирование управленческой, юридической и информационной базы обеспечения безопасности нации РФ;

– содержательная часть ключевых показателей состояния безопасности нации РФ;

– содержательная часть других положений, провозглашенных Президентом РФ[3].

Соответственно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Стратегию следует менять каждые 6 лет. Поэтому Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года гласил о закреплении новой Стратегии национальной безопасности РФ.

Этот вариант Стратегии является базисным документом составления планов на длительные сроки, важнейшим элементом регуляторной

---

[1] Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 36.

[2] Бабурин С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М.: Статус, 2014. С. 94.

[3] Беляева Г.С. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов // Вестник чеченского государственного университета. 2020. № 2 (38). С. 140.

структуры аппарата обеспечения государственной безопасности. Он формулирует интересы, задачи и цели страны в сфере внутри- и межгосударственной стратегии государства, определяет ее стратегические приоритеты текущего этапа и совокупность действий, предпринимаемых для гарантирования безопасности России. Здесь определены задачи, которые еще очень долго будут значимыми, а также определен перечень мероприятий, обуславливающих объединение усилий госорганов, местных администраций и гражданского общества с целью реализации установленных стратегических целей эволюционирования государства и обеспечения его национальной безопасности[1].

В новой редакции Стратегии приведен ряд значимых понятий: национальная безопасность РФ, национальные интересы РФ, угроза национальной безопасности, обеспечение национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты РФ, система обеспечения национальной безопасности, однако не использован термин «механизм обеспечения национальной безопасности».

Разумеется, новая Стратегия благоприятно сказывается на улучшении доктрины общей национальной безопасности РФ, ее понятийного однообразия. Среди прочего в ней дополнены, уточнены и исправлены ранее принятые на правовом уровне дефиниции, также добавлен ряд новых терминов и универсализированы разновидности национальной безопасности России.

Итак, механизм обеспечения национальной безопасности в РФ представляет собой систему создающуюся, динамичную, и ее развитие базируется на улучшении законодательной базы, ее адекватности. Но сейчас такой полновесной основы еще нет. Хотя законодательно и утверждено множество законов разных правовых уровней, но они не придают законченный вид законодательной базе, не универсализированы, поскольку находятся в поле деятельности разных отраслей права, имеют отношение к тем или иным угрозам и зачастую ориентированы на осуществление лишь узковедомственных интересов.

Исходя из этого, можно заключить, что координирования отношений в области безопасности нации и, тем самым, ее интересов посредством исключительно подзаконных актов, вовсе недостаточно. Следует принять Федеральный конституционный закон «О национальной безопасности РФ» с описанием в нем понятия «национальная безопасность», ее разновидностей и других важных категорий. В этом законе нужно обозначить меры усиления контроля за соблюдением законов при работе

[1] Беляев В.П., Беляева Г.С. К вопросу о понятии и особенностях правового закрепления национальных интересов / В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 35.

фигур механизма обеспечения национальной безопасности, функцию общественных структур в указанной сфере. Также нужно явственнее прочертить задачи, роль и компетенции госструктур разных уровней в отрасли безопасности государства и механизма ее обеспечения, упорядочить реализацию и сотрудничество госорганов в деле борьбы с разного рода угрозами безопасности государства, расширить полномочия и повысить ответственность государственного аппарата и общественных структур в сфере обеспечения безопасности государства[1].

Для построения актуальной регуляторной структуры аппарата достижения безопасности государства и, тем самым, интересов всей нации, нужно далее сделать упор на всех слабых и спорных местах (отчасти изложенных в этом исследовании), так как по-настоящему функционировать аппарат обеспечения национальной безопасности не может без адекватного юридического обеспечения.

В действующей Стратегии уточнены главные направления обеспечения безопасности государства. Среди них: оборона государства, безопасность государства и общества, налаживание жизни граждан, рост экономики, медицина; научная сфера, просвещение, духовно-культурная сфера, экосистемы и правильное управление природными ресурсами, стратегическая неизменность и равновесное стратегическое взаимодействие.

В этой Стратегии объявляются реальными проблемы, вызванные функционирующим терроризмом. По российскому опыту и опыту прочих государств, недооценка риска террористических угроз стало причиной реального их обеспечения в виде жестких действий террористических структур международного масштаба относительно РФ и на ее территориях, притом в своем наиболее мощном и беспощадном выражении.

[1] Чапчиков С.Ю. Принципы механизма обеспечения национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 6 (85). С. 70–73.

Билоус Евгений Николаевич,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

Кублова Мария Георгиевна,
оперуполномоченный
УКОН УМВД России по Вологодской области,
адъюнкт Московского Университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
старший лейтенант полиции

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Распространение наркотических средств и психотропных веществ, их потребление в немедицинских целях – одна из серьезнейших проблем, стоящих перед обществом на современном этапе, представляющих угрозу национальной безопасности России и всего мирового сообщества. В настоящее время самый распространенный способ сбыта наркотических средств и психотропных веществ – бесконтактный, при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Понятие киберпреступности и противодействие ее проявлениям во многом зависят от национальной политики по применению норм уголовного права в виртуальном пространстве[1]. Согласно основным направлениям противодействия преступлениям по линии незаконного оборота наркотиков, закрепленным в законодательстве Российской Федерации в настоящее время, поиск и применение новых, эффективных форм и методов борьбы с преступлениями, в том числе совершаемыми через сеть Интернет, – одно из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел, необходимое для обеспечения национальной безопасности России. Нейтрализация и устранение причинного комплекса незаконного оборота наркотиков, в том числе его групповых форм, имеющих доминирующий характер и указывающих на его организованность как сущностную черту, предполагают обязательное выделение четких критериев оптимальности и действенности таких

[1] Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 898–913.

мероприятий[1]. На законодательном уровне закреплен комплекс правовых норм, обеспечивающих минимизацию негативных последствий для общества и государства в целом. В 1912 году, при участии России, была принята первая международная опиумная конвенция о наркотиках. Конвенция отражала ряд принципов, послуживших основой для дальнейших международных соглашений, а также регламентировала использование наркотических средств исключительно в медицинских целях. Противодействие наркоугорозе – одно из ключевых направлений государственной политики в нашей стране. Международные нормативно-правовые акты в области антинаркотической политики нашли свое отражение в развитии законодательства Российской Федерации. Формирование законодательства в нашей стране в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ пришлось на конец 90-х годов. Важным шагом в усилении борьбы с незаконным оборотом наркотиков стало принятие Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», которым установлены правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, в том числе в области противодействия их незаконному обороту, в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности.

Стратегическое планирование в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленное на реализацию эффективной антинаркотической политики в нашей стране, определено Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 года № 733. Анализ наркоситуации, оценка источников угроз национальной безопасности – основополагающие факторы, которые определяют стратегические цели, задачи, эффективные меры и направления улучшения наркоситуации в Российской Федерации. Основными целями Стратегии являются: сокращение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, уменьшение доступа к их приобретению, а также формирование у населения нашей страны резко негативного отношения к потреблению запрещенных веществ и их распространению.

На современном этапе наркобизнес в Российской Федерации характеризуется всеми признаками организованной, высокопрофессиональной, технически развитой и транснациональной преступности. Международные преступные группировки, специализирующиеся на сбыте наркотиков, вложившие огромные финансы в развитие наркорынка, весьма

[1] Судакова Т.М., Васильева М.К. О некоторых криминологических параметрах обеспечения антинаркотической безопасности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 223–233.

заинтересованы в его расширении[1]. Давно обогнав торговлю оружием, проституцию, контрафакт алкоголя, наркобизнес занимает лидирующую позицию в списке самого доходного незаконного бизнеса в стране. Заинтересованность в получении дохода от незаконного оборота наркотиков повышает уровень изощренности и способствует появлению новых схем распространения наркотиков.

Широкому распространению наркотиков способствует развитие научно-технического прогресса и использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет: активно используются безналичные расчеты оплаты за товары и услуги, в том числе посредством электронных платежных систем, общение происходит с персональных страниц в социальных сетях, в закрытых форумах и чатах по распространению наркотиков, с использованием защищенных каналов связи в мессенджерах с кодированием передаваемой информации. Одним из самых распространенных способов сбыта наркотиков на современном этапе является бесконтактный способ, исключающий контакт между покупателем и продавцом, организатором незаконного бизнеса, оператором и курьером. Вышеперечисленные технические достижения активно используются преступниками в своей противоправной деятельности и помогают им повышать методы конспирации, расширяя границы своей преступной деятельности. Для современного наркорынка характерны сетевая модель маркетинга, доминирование продавца в системе спрос-предложение, отсутствие у потребителя достоверной информации о виде и потребительских свойствах товара[2]. Процесс приобретения запрещенных веществ через сеть Интернет в большинстве случаев происходит следующим образом: покупатель выбирает интересующий его товар на «витрине» магазина, связывается с оператором для оформления заказа и оплачивает товар.

Следует отметить, что общение покупателя и продавца осуществляется посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет в различных мессенджерах, таких как «Viber», «WhatsApp», «Telegram», «Jabber», которые значительно затрудняют работу правоохранительным органам по установлению лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков и установлению их местоположения. К примеру, обнаружившиеся сложности с блокировкой «Телеграмм», которые включают не только техническую составляющую, но и правовую неопределенность, площадку еще более привлекательную для размещения

[1] Готчина Л.В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 767–775.

[2] Клевакин А.Н. Оценка негативного влияния наркорынка на социально-экономическое развитие региона // Экономика региона. 2018. Т. 14, Вып. 1. С. 253–269.

противоправного контента и торговли наркотиками[1]. Оплата товара происходит с помощью электронной системы платежей на счета лиц, чаще всего неосведомленных о преступной деятельности. Сбыт запрещенных веществ потребителю происходит после оплаты путем сообщения последнему географических координат наркотика, заранее размещенного курьером в тайнике-закладке. Курьер – один из участников преступной группы или сообщества, непосредственно выполняющий работу по расфасовке и непосредственной доставке наркотиков в тайники-закладки, фиксирует расположение последних в точках географических координат с целью последующего сбыта. Координаты местоположения тайника-закладки с наркотиком отправляются оператору интернет-магазина, который поддерживает связь с покупателем. Использование сети Интернет позволяет не только принять повышенные меры конспирации в преступной деятельности, но и быстро, исключая личный контакт, осуществлять поиск покупателей, курьеров-закладчиков, администраторов интернет-магазинов, расширяя при этом границы преступной деятельности.

Число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в рассматриваемой сфере, согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», за январь-декабрь 2020 года составило 47,1, что на 90,7% больше, чем за аналогичный период 2019 года[2]. В связи с ростом преступлений при использовании информационно-телекоммуникационных систем, в соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030[3] годы, одним из приоритетных направлений деятельности внутренней политики определено развитие информационных и коммуникационных технологий, а также формирование информационного пространства в целом. Основной целью такого развития будет являться безопасность российского сегмента в информационно-телеком-муникационной сети Интернет, а также разработка эффективных путей противодействия преступлениям, совершаемымс с использованием IT-технологий. Особенно важной представляется защита информационной безопасности отдельных категорий граждан, которые в силу некоторых особенностей не в состоянии защитить свои права самостоятельно, к

[1] Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 5–17.

[2] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. ФКУ ГИАЦ МВД России. М., 2021.

[3] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

примеру несовершеннолетних[1]. Одним из действенных путей решения вышеуказанной проблемы будет реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой реализуется направление «Информационная безопасность». Реализация его направлена на обеспечение устойчивости и безопасности при функционировании сетей связи в нашей стране, в том числе российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет, создание таких технических инструментов связи, которые направлены на безопасное взаимодействие населения в виртуальном пространстве. Создание национально системы маршрутизации интернет-трафика будет способствовать эффективному противодействию наркопреступности в нашей стране. Это будет происходить за счет блокирования доступа к запрещенным материалам в сети Интернет, а также предоставит возможность правоохранительным органам изобличать лиц, причастных к распространению противоправного контента и осуществлению преступной деятельности, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков.

Наркотизация населения остается одной из серьезных угроз, подрывающих национальную безопасность, негативно влияет на демографию, социальную и экономическую сферы общества. Справедливо мнение, что массовая наркотизация населения отрицательно сказывается на биометрии жизнестойкости популяции людей в техногенном обществе[2]. Активная трансформация наркобизнеза с учетом современных технологий – актуальная проблема, требующая решения на государственном уровне. Особое внимание, следует обратить на то, что активно в незаконный оборот наркотических и психотропных веществ вовлечена молодежь. Так, по данным Государственного антинаркотического комитета России за 2020 год зарегистрировано 1109 несовершеннолетних лиц, потребляющих наркотики, что на 18,3% меньше чем за 2019 год. Несмотря на снижение числа несовершеннолетних потребителей наркотиков, проблема остается достаточно острой и требует комплексного подхода к ее решению. Как известно, потребление наркотиков негативно отражается на развитии и жизни личности в целом: теряются жизненные ориентиры, социальные перспективы, возрастает невозможность получения качественного образования и престижной работы, а также отсутствуют возможности для создания благополучной семьи. Распространение наркотиков и их немедицинское потребление способствует не только снижению уровня

[1] Миронова С.М., Симонова С.С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 234–241.

[2] Антонов А.Г., Агильдин В.В., Витовская Е.С. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 154–161.

жизни населения, но и увеличению дорожно-транспортных происшествий в состоянии наркотического опьянения, самоубийств, смертей от передозировок наркотиков, убийств, совершенных наркоманами, также потребление наркотиков негативно сказывается на организме человека в целом, что способствует развитию хронических заболеваний.

Распространение наркомании как результат незаконного оборота наркотиков в нашей стране, как и во всем мире, происходит быстрыми темпами. Борьба с транснациональной преступности как внутри государства, так и на международном уровне – одно из приоритетных направлений противодействия незаконному обороту наркотиков. Одним из источников подрыва национальной безопасности признана деятельность транснациональных преступных группировок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров. Противодействие незаконному обороту наркотиков, транснациональным организованным преступным сообществам, обеспечивающим международный трафик наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, является стратегической задачей в рамках обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Основными каналами поставок наркотических средств в нашу страну являются: Афганистан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан. Приоритетным направлением борьбы с наркоситуацией в нашей стране Президентом Российской Федерации определено выявление и перекрытие каналов незаконных поставок наркотических средств из Центральной Азии. В ряде российских регионов отмечается рост распространения наркотиков, изготовленных из растительного сырья и лекарственных препаратов, находящихся в свободной продаже. Нередко встречаются случаи культивирования и выращивания наркосодержащих растений, а также нарушения в области легального оборота наркотических средств.

Правоохранительными органами проводится регулярная работа по пресечению деятельности по пропаганде и рекламе наркотических средств, их изготовлению и культивированию как одному из направлений деятельности в борьбе с наркопреступлениями. Доступность информации в сети Интернет способствует увеличению подпольных нарколабораторий, в которых специалистами-химиками создаются совершенно новые психотропные вещества и наркотические средства. Высоко-квалифицированные специалисты-химики постоянно трудятся над синтезированием новых видов веществ, обладающих способностью вызывать психическую и физическую зависимость[1]. При этом данных о вреде новых наркотических средств накоплено лишь незначительное

[1] Готчина Л.В. Об истории и перспективах противодействия наркопреступности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб.: Петрополис. 2016. С. 87.

количество ввиду короткого срока их пребывания на рынке и постоянного появления других препаратов такого рода[1]. Такие наркотические средства и психотропные вещества, как яд, воздействуют негативно на организм человека, разрушают его и становятся частью метаболизма. Употребление запрещенных веществ оказывает не только мощное психическое воздействие, но и негативно влияет на деятельность внутренних органов. Наркомания формирует особую социальную среду, в которой в значительной мере деформируются ценностные ориентации личности. Помимо негативного влияния на здоровье потребителей наркотических средств, возрастает число совершаемых ими краж и грабежей, что объясняется следующим: необходимостью в денежных средствах, низким уровнем жизни и социальной ответственности, озлобленностью, чувством тревоги и страха, вызывающими агрессию. Анализ криминогенной ситуации в России, результаты социологических и криминологических исследований за последние годы свидетельствуют о нарастании и углублении негативных тенденций, связанных с распространением наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими[2].

Таким образом, анализируя уголовно-правовые нормы и современное состояние наркопреступности в нашей стране, следует отметить, что необходимо дальнейшее совершенствование антинаркотическогоо законодательства и усовершенствование технической оснащенности правоохранительных органов. Также с целью улучшения криминогенной ситуации требуется продолжить работу по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений. Особое внимание следует уделить сбору доказательной базы по линии незаконного оборота наркотиков преступными группами и сообществами, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года особое внимание отводится профилактическим мероприятиям: пропаганде здорового образа жизни, спорта, а также проведению комплекса мероприятий по недопущению немедицинского потребления наркотиков и их незаконного оборота как социально-негативного явления. Понимая социальную опасность немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, в настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации рассматриваются законопроекты об усилении уголовно-

[1] Балабанова О.Л., Шилов В.В., Лодягин А.Н., Глушков С.И. Структура и лабораторная диагностика немедицинского потребления современных синтетических наркотических средств // Журнал им. Н.В. Склифосовского Неотложная медицинская помощь. 2019. № 8(3). С. 315–319.

[2] Гордеев А.Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его противодействию // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 7А. С. 115–127.

правовых мер, в том числе за пропаганду и рекламу наркотиков. Рассматривая и сопоставляя закономерность потребления и сбыта наркотиков, следует отметить, что эффективная предупредительная работа в области незаконного оборота наркотиков имеет основополагающее значение в борьбе с наркопреступностью. Именно поэтому комплекс профилактических мероприятий, являясь одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов, требует глубокого анализа современного состояния, быстрого реагирования в постоянно изменяющихся условиях наркоситуации, в том числе в условиях цифровизации общества, как необходимое условие для продуктивной и эффективной реализации государственной антинаркотической политики.

Богмацера Эдуард Викторович,
доцент кафедры публичного права
Института государственного управления
и права Государственного университета управления,
доцент кафедры правового обеспечения
государственной и муниципальной службы
Московского областного филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
кандидат юридических наук, доцент

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ СНГ)

Современные глобализационные и интеграционные мировые процессы способствуют расширению границ межгосударственного общения, стимулируют поиск и внедрение новых форм и методов межгосударственного общения, стимулируют развитие мировой и внутринациональной экономики и т. д. С другой стороны, глобализационные процессы привели к появлению и некоторых негативных явлений, как, например, ограничение внутреннего суверенитета отдельных государств; создание условий для установления финансовой зависимости государств со слабой экономикой от более сильных партнеров или международных организаций; распространение односторонней международной санкционной политики и др.

Но, как представляется, в качестве достаточно серьезной угрозы существующему миропорядку и безопасности государств, ставшей очевидной как раз в условиях мировой глобализации и интеграции следует выделить распространение международного терроризма. И на сегодняшний

день террористическая деятельность уже не представляет собой деятельность террористов-одиночек, групп религиозных фанатиков и т. п. Терроризм сегодня – это четко организованная деятельность, выстраиваемая на четких системных принципах, имеющая внутреннюю организационную структуру, внутренние связи, территориальные подразделения и т.п., основными субъектами которой являются транснациональные международные террористические организации.

К концу XX века происходит окончательное оформление международного терроризма как социально неприемлемого феномена, а также происходит окончательная институциализация международных террористических организаций[1]. Детерминантами этого процесса явились геополитические, национально-освободительные, цивилизационно-ценностные и иные факторы, а также межгосударственное политическое и экономическое противостояние и соперничество, а также глобализационные процессы.

Ближний и Средний Восток, Северная Африка по совокупности условий и факторов являются географическим и социальным пространством, где преимущественно зародился и эволюционировал терроризм как явление, трансформировавшийся в конце XX в.

С формированием и деятельностью международных террористических организаций, включением их в систему международных общественных отношений произошло окончательное превращение терроризма в фактор мирового развития, одну из глобальных угроз безопасности современной цивилизации, ее социальному прогрессу и развитию.

Современные международные террористические организации как устойчивые формализованные объединения людей в отличие от террористических группировок, действующих в отдельных странах, обладают присущими им признаками и характеристиками, имеют свои цели деятельности, определенную организационную структуру, используют для достижения своих целей совокупность разнообразных средств, террористических приемов, способов и методов. Важнейшим признаком международных террористических организаций является то, что география и цели их деятельности распространяются на территорию не только стран, где базируются их руководящие органы, но и на другие страны, имеют региональный и даже глобальный характер.

В этих условиях распространения международного терроризма является неотъемлемой задачей мирового сообщества и противодействие

[1] См. подробнее: Бельский В.Ю., Сацута А.И. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях / под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: Юнити-Дана, 2017.

распространению данной угрозы[1]. И одним из направлений построения действенной системы противодействия терроризму является развитие регионального сотрудничества. С учетом локализации местонахождения и направлений распространения транснационального терроризма эффективным представляется развитие сотрудничества стран СНГ по противодействию терроризму.

На укрепление и развития сотрудничества в данном направлении на ежегодном заседании коллегии ФСБ[2] России 24 февраля 2021 г. указывал и Президент Российской Федерации В.В. Путин[3], что в очередной раз подтверждает остроту проблемы об установления и укрепления эффективного регионального межгосударственного сотрудничества по укреплению правовых связей в борьбе с современными угрозами национальной безопасности, включая терроризм.

Российская Федерация граничит с государствами – участниками Содружества Независимых Государств: Республикой Беларусь, Азербайджанской Республикой, Республикой Казахстан, а также Украиной. Приграничное сотрудничество правоохранительных органов сопредельных государств имеет важное значение. Современные угрозы и вызовы безопасности диктуют необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, транснациональной преступностью, обеспечения правопорядка и безопасности на объектах сопряженных транспортных систем этих стран и т. п.

В особой мере вопрос о межгосударственном сотрудничестве по противодействию распространению террористической угрозы в рамках СНГ актуализируется с учетом географического местоположения стран-участниц СНГ. И в целях реализации данного направления деятельности на уровне СНГ был разработан и принят целый комплекс международно-правовых актов. В целом стоит отметить, что треть актов, принимаемых на уровне СНГ – это акты, направленные на развитие регионального межгосударственного сотрудничества государств в правоохранительной сфере. Данные акты можно разделить на две группы. К первой группе необходимо отнести договоры и акты концептуально-стратегического характера правоохранительной направленности принятые в рамках СНГ:

---

[1] См.: Bogmatsera E.V., Zhesterov P.V., Glazkova L.V., Maltsev V.A. Problems of defining the concept of «terrorism» (Scopus) // Opcion. 2018. Т. 34. № 85. С. 1618–1627; Volkova M.A., Turkin M.M., Kuleshov G.N., Bogmatsera E.V. 2019. Correlation of the concepts of «terrorism», «terrorist act», and «act of terrorism» in obligations in the law of tort (Scopus) // International Journal of Recent Technology and Engineering, Volume-8, Issue-3, P. 7166–7170.

[2] ФСБ России – Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

[3] См.: Владимир Путин назвал приоритеты в сфере безопасности страны URL: http://guardinfo.online/2021/02/26/vladimir-putin-nazval-prioritety-v-sfere-bezopasnosti-strany (дата обращения: 05.04.2021).

– Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств-членов Евразийского экономического сообщества (от 21 февраля 2003 г.)[1]. Данный договор имеет важное стратегическое значение, поскольку 18 государств граничат с Российской Федерацией, а общая протяженность линии государственной границы России составляет почти 70 000 км., которая проходит по территории 38 субъектов РФ. Подобное положение обусловило разработку и принятие в 2020 году и другого внутринационального документа: «Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации»[2];

– Конвенция «О приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ»[3], которая была подписана в целях организации и осуществления всестороннего сотрудничества в правоохранительной сфере и обеспечения интересов развития приграничных территорий в 2008 году;

– Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы, принятую Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 28 сентября 2018 г.[4]

Вторую группу составляют специальные акты, направленные на обеспечение взаимодействия государств членов СНГ по противодействию терроризму. К числу таковых следует отнести:

– Концепцию сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма[5], которая была разработана в целях повышения эффективности сотрудничества государств-участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также для обеспечения соответствия принятым международным обязательствам и национального законодательства. Данная Концепция представляет собой систему основных направлений и форм сотрудничества в области борьбы с терроризмом и экстремизмом в рамках СНГ и определяет цели, задачи и принципы такого сотрудничества;

---

[1] Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств-членов Евразийского экономического сообщества (Москва, 21 февраля 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 6.

[2] Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р // Собрание законодательства РФ. 19.10.2020. № 42 (часть III). Ст. 6650.

[3] Конвенция «О приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ» (Бишкек, 10 октября 2008 г.) // Бюллетень международных договоров. 2010. № 1.

[4] Решение Совета глав государств СНГ «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы» (Принято в г. Душанбе 28.09.2018) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by (дата обращения: 19.03.2021).

[5] Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (Принято в г. Казани 26.08.2005) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– Концепцию сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения[1]. Эта концепция направлена на построение эффективной системы международного сотрудничества по предотвращению финансирования терроризма, которая, в свою очередь является элементом более масштабной региональной системы противодействия терроризму;

– Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом[2];

– Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников СНГ[3];

– Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием[4]. Значимость данного соглашения усматривается в том, что обеспечивает должное информационное взаимодействие правоохранительных и иных специальных органов стран СНГ по противодействию терроризму. Соглашением предусматривается проведение таких совместных мероприятий как совместные консультации, взаимное предоставление необходимых нормативных правовых актов и др. В качестве первоочередного звена региональной информационной системы по противодействию терроризму определен Специализированный банк данных Антитеррористического центра государств – участников СНГ (СБД). Доступ к нему компетентных органов государств Содружества обеспечивается в режиме реального времени. Это способствует более тесной и оперативной координации работы по формированию,

---

[1] Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (утверждена Решением Совета глав государств СНГ от 11.10.2017) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by (дата обращения: 19.03.2021).

[2] Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 9.

[3] О ратификации Протокола об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств: федер. закон от 02.04.2004 № 15-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.04.2004. № 14. Ст. 1252.

[4] Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием (подписано на заседании Совета глав правительств СНГ 03.11.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 28.02.2017 (дата обращения: 19.03.2021).

эксплуатации и функционированию СБД, своевременно проводить необходимые консультации и переговоры, направленные на повышение эффективности совместной работы по пресечению фактов терроризма и иных насильственных проявлений экстремизма.

Данный перечень можно продолжать, поскольку на уровне СНГ принято около полутора десятка специальных актов антитеррористической направленности, что в конечном итоге свидетельствует о должном стремлении государств-участников СНГ к конструктивному диалогу в рассматриваемой сфере. В подтверждение данного тезиса стоит добавить, что сотрудничество государств-участников СНГ обеспечивается не только разработкой правовых регуляторов, но и организацией и проведением многочисленных совместных мероприятий антитеррористической направленности.

Начиная с 2000 года, под эгидой Антитеррористического центра СНГ (далее – АТЦ) проводятся Сборы руководящего состава антитеррористических подразделений органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ, практической составляющей которых являются совместные антитеррористические учения. Так, в период с 2001 по 2019 гг. было проведено 16 совместных антитеррористических учений государств-участников СНГ[1].

Основная цель таких учений – отработка алгоритмов согласованных совместных действий по предупреждению и пресечению террористических актов и повышение готовности органов безопасности, специальных служб и других силовых структур совместно противодействовать терроризму.

Начиная с 2010 года, Центром внедрена новая форма подготовки сотрудников органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ к выполнению практических задач в ходе проведения учений – совместных командно-штабных тренировок (тренингов).

Ежегодно Центром проводятся Совещания руководителей (начальников штабов) национальных антитеррористических центров государств-участников СНГ. С 2011 года на базе Отделения АТЦ СНГ по Центрально-Азиатскому региону (г. Бишкек, Кыргызстан) ежегодно проводятся Региональные экспертные консультации представителей практических подразделений по борьбе с терроризмом органов безопасности и спецслужб стран Содружества Центрально-Азиатского региона, с участием делегаций всех государств СНГ.

Проведенный анализ в целом свидетельствует, что Региональные интеграционные процессы, протекающие в рамках СНГ, направленные на укрепление и расширение политического, экономического, культурного сотрудничества во многом поспособствовали созданию и дальнейшему развитию достаточно эффективной региональной системы

[1] По материалам официального сайта Антитеррористического центра государств-участников Содружества независимых государств. URL: https://www.cisatc.org/1289/133/161 (дата обращения: 19.03.2021).

противодействия терроризму. Полагаем, что данный положительный опыт необходимо распространять и на другие регионы мирового сообщества, где террористическая угроза является достаточно высокой. Но для это, безусловно, необходимо достигнуть, прежде всего, политического и экономического компромисса, что в условиях нынешней международной обстановки сделать весьма непросто.

Бозиева Юлия Геннадьевна,
доцент кафедры
товароведения, туризма и права
ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарского
государственного аграрного университета
имени В.М. Кокова,
кандидат юридических наук

ДОМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Терроризм, выступая в роли серьезной и устойчивой угрозы, проявляющейся многоаспектно, для достижения своих целей использует различные националистические и религиозные противостояния, чтобы воспрепятствовать развитию гражданского общества, обострить конфликтность в обществе и продемонстрировать угрозу национальной безопасности. Сложившийся сегодня в обществе климат благоприятствует возникновению противоправных посягательств, в частности распространению идеологии экстремизма и ее реализации[1].

Вместе с тем, царящий в мире кризис, обусловленный социально-экономическими, политическими, экономическими, демографическими, экологическими и гуманитарными проблемами, поставил под угрозу существование человечества на планете в целом. Современный человек достиг предельно допустимых значений дисбаланса с окружающей средой, игнорируются морально-этические нормы и ценности. В целом человечество демонстрирует разобщенность перед лицом глобальных проблем.

В нашей стране молодежный терроризм воспринимается чем-то чуждым и нетипичным, а вместе с тем, «не пользующимся никаким влиянием в обществе и существующим лишь благодаря финансовой поддержке из-за океана»[2], притом, что данное явление в России имеет

[1] Гедгафов М.М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163–165.

[2] Репин Р.О. Распространение экстремизма и терроризма в сети интернет // В сборнике: Актуальные вопросы современных научных исследований: материалы Международной (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. 2019. С. 222–226.

давние корни, восходящие к дворянской политической оппозиции Радищева и декабристов. Однако, изучен он довольно слабо.

Проблема терроризма сквозь призму глобализации начала свою эволюцию под воздействием трех важнейших факторов: геополитических, социально-экономических и идеологических.

С геополитической точки зрения в общемировом масштабе XX век ознаменовался противоборством двух общественных идеалов – либерального и социалистического, каждый из которых преследовал целью достижение универсализма и стирание национально-культурных особенностей.

В нашей стране глобализация пошла по пути социализма, возложив на него надежды на спасение, в то время как либеральный путь был избран странами англосаксонского происхождения, и он показал большую жизнеспособность. Ведущую роль в либеральной глобализации сыграли Соединенные Штаты, которые продвинули указанные идеалы посредством создания международных организаций – Лиги Нации, ООН, ЮНЕСКО, проведения ежегодного мирового экономического форума в Давосе. Таким образом, эффектом глобализации стало жесткое геополитическое противостояние, приведшее к обострению радикальных взглядов у людей, что в руках Соединенных Штатов превратилось в средство давления на геополитических противников. Ряду государств была определена роль «покровителей радикализма» – Ираку и Ливии, где за экономическими санкциями последовали информационно-идеологическая дискредитация, поддержка внутренней оппозиции, а, напоследок, под предлогом установления демократического режима, было спровоцировано военное вмешательство. Отсюда, посредством отпора подобным «врагам демократии», укрепился военно-политический авторитет США[1].

Сегодня мы живем в таком мировом пространстве, в котором происходит активное навязывание идеологии политкорректности и толерантного отношения к религиозным и мировоззренческим догмам. Причем образу врага стали соответствовать «группы террористов, фашистов, сексистов, гомофобов, ксенофобов и прочих представителей разного рода мракобесия, а также некоторые государства, обычно не во всем склонные следовать навязываемым правилам глобальной экономической и политической игры»[2].

---

[1] Дешина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети интернет социально-демографическая группа // Обзор. НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54–61.

[2] Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // В сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи: сб. статей XI Международной науч.-практ. конф. 2020. С. 115–117.

Говоря об идеологическом аспекте терроризма, следует отметить, что происходит он путем эксплуатации подсознательных потребностей молодых людей, у которых в первоочередном порядке отсутствуют четкие представления о религии, когда каждому индивиду внушается способность оказывать влияние на общество. Однако на самом деле происходит следующее: радикально настроенная молодежь исповедует не саму религию, а идеологию.

Как мы указывали выше, молодежный терроризм идеологически и материально поддерживается прозападными странами, ее идеи пропагандируются в глобальном информационном пространстве, где данному явлению придается положительное реноме для привлечения в свои ряды еще большего количества молодых людей. Большей частью здесь речь идет о молодых людях, у которых ослаблены навыки к адаптации в условиях реальной жизни, деформирована система ценностей и неокрепшая психика, поддающаяся деструктивному влиянию. Вместе с тем, потребность молодых людей в новых «острых» ощущениях и их удовлетворении неминуемо приводит к плачевному результату, который в самом радикальном аспекте приводит к нетерпимому отношению к лицам иной национальности, расы и религии.

Обосновывая причины, по которым именно молодежь становится носителем радикальных идей в эпоху глобализации, следует обратить внимание на группу факторов.

Стирание национальных и культурных границ, как это ни прискорбно звучит, приняло по большей части негативный окрас. Нынешнее поколение молодых людей выросло на американизации культуры с присущей ей вестернизацией, когда любое неформальное течение и субкультура находит восприятие в незрелых умах в роли экшна. Таким образом, молодежь осуществляет выход за пределы серых будней, реализует экстремальные формы самовыражения. И если даже молодые люди официально еще не состоят в радикальных субкультурах, многих из них можно считать потенциальными террористами, так как они выражают готовность признать, одобрить, а в случае необходимости и участвовать в террористических мероприятиях. Увлекаются они идеей о своей исключительной роли в осуществлении радикальных политических проектов[1].

Отсутствие у молодежи стабильных социальных позиций, политических и экономических ориентиров, ценностных и культурных идеалов, критического восприятия событий является благодатной почвой для их рекрутирования в ряды террористов под лозунгами вершителей крупных социальных событий.

---

[1] Гокунь Ю.С. Факторы, обуславливающие распространение терроризма и экстремизма посредством использования сети интернет // В сборнике: Инновационные процессы в науке и технике XXI века: материалы XVIII Международной науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, ученых, педагогических работников и специалистов-практиков. Тюмень, 2020. С. 308–312.

Следующим фактором, формирующим радикальное настроение у молодежной публики, является конфликт поколений, который чаще всего происходит на фоне социально-политических, экономических и культурных трансформаций, в результате чего происходит переосмысление опыта предшествующих поколений. В этом случае молодежь склонна подвергать негативной оценке опыт предков, которые, как они считают, выбрали для страны неверный путь развития. В результате формируется резко отрицательное отношение к предшествующему социально-культурному опыту, что является строительным материалом для радикальных мировоззренческих позиций.

Третью группу факторов возникновения и распространения терроризма среди молодежи составляют социально-политические мотивы. Поскольку, как объект государственных интересов, стратегический кадровый и трудовой ресурс общества, молодежь подвергается воздействию оппозиционных и деструктивных сил, то внимание к ее потребностям в участии в политической и общественной жизни страны должно обеспечиваться контролируемыми государственными структурами, которые готовы предоставить возможность для социальной самореализации и политической самоорганизации. В противном случае молодежь, испытав разочарование, перестанет доверять власти, политическим партиям и движениям, что найдет выход в демонстрации радикальных взглядов, что собственно и случилось в недавнем прошлом на Ближнем Востоке, где повсеместно прошли «цветные революции», свергнувшие легитимную власть[1].

И, наконец, к четвертой группе факторов распространения идеологии терроризма в молодежной среде следует отнести возросшую криминогенность. Прежде всего, речь идет о таких явлениях, как правовой нигилизм, недостаточный уровень правосознания, негативное отношение к государственным и правоохранительным структурам, социальное неравенство, неблагополучное социальное положение семей, высокий уровень безработных, рост беспризорных и безнадзорных детей, возросшее социальное сиротство, напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях. Вместе с тем, не следует сбрасывать со счетов и такой фактор, как коррупция в различных сферах общественной и государственной жизни, что также выступает мотивационной основой

[1] Молоков В.В. Распространение идей экстремизма и терроризма с использованием сети интернет и технологии противодействия этому явлению // В сборнике: Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части XII специализированного форума. 2016. С. 44–49.

распространения радикальных настроений и притока новых участников в различного рода радикалистские субкультуры[1].

В заключение еще раз обобщим доминирующие факторы распространения терроризма, которые проявились в радикализации молодежи и детерминировали проблемы социально-экономического, политического, экономического, демографического, экологического и гуманитарного характера, приведшие к мировому кризису. Вместе с тем, интеграция мирового пространства и стирание национальных и культурных границ приняло также негативный окрас, когда любое неформальное течение и субкультура нашли выход в проявлении радикальных настроений среди молодежи.

Бокий Александр Николаевич,
начальник кафедры
физической подготовки и спорта
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВООРУЖЕННОГО СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

На сегодняшний день наиболее остро стоит вопрос сохранения жизни и здоровья вооруженного сотрудника органов внутренних дел при совершении им потенциально опасных действий, связанных с возможностью использования или применения табельного оружия. При этом важнейшими задачами являются обеспечение сотрудниками как собственной безопасности, так и безопасности окружающих лиц, а также выполнение возложенных на полицию функций.

В соответствии с законодательством каждый сотрудник полиции должен иметь высокий уровень физической и огневой подготовки[2]. Однако только при комплексном подходе в процессе обучения подготовка сотрудника полиции к действиям в экстремальных ситуациях может быть эффективна. Анализ ведомственных нормативных документов, регламентирующих физическую, огневую и, отчасти, тактико-

[1] Камергоев Б.М., Магомедов М.Н. О причинах возникновения международного терроризма в условиях глобализации общества // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 137–138.

[2] О полиции: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 19.03.2021).

специальную подготовку сотрудников органов внутренних дел[1], позволяет говорить о наличии определенных недостатков в этой сфере.

В последнее годы в учебный процесс ведомственных образовательных организаций активно внедряются комплексные дисциплины, имеющие междисциплинарную направленность. Описание задач, связанных с ограничением подвижности в Наставлении по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации содержит определенный перечень действий с использованием табельного огнестрельного оружия и его применение при наличии законных оснований. Среди последних, различные способы наружного досмотра под угрозой применения специального средства или оружия. Однако именно порядок выполнения указанных вариантов вызывает сомнения в их безопасности, прежде всего, для вооруженного сотрудника, выполняющего наружный досмотр задерживаемого лица.

Также считаем, что существенным недостатком существующих программ является отсутствие целенаправленной подготовки к действиям сотрудника по использованию или применению оружия в экстремальных ситуациях, в частности при осуществлении противоборства с задерживаемым лицом. Ведомственные нормативные документы дают расплывчатое описание применения оружия в подобных ситуациях. Например, в Наставлении по организации физической подготовки определено, что после выполнения защиты от ударов сотрудник действует по ситуации (выполняет ответные действия: наносит удар (серию ударов) в уязвимое место рукой или ногой, проводит болевой прием на руку или бросок, разрывает дистанцию, использует специальное или подручное средство и наносит удар или извлекает оружие и ограничивает свободу передвижения ассистента с угрозой его применения или применяет его на поражение)[2].

Считаем необходимым разработку и внедрение в учебный процесс и процесс профессиональной подготовки сотрудников полиции рациональных и наиболее безопасных способов наружного досмотра с использованием табельного оружия, а также четких алгоритмов действий сотрудника полиции с оружием при осуществлении противоборства с правонарушителем.

---

[1] Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.07.2017 № 450 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.07.2017 № 450.

Для выполнения функций, возложенных на полицию, законодательством предусмотрены действия, связанные с обнаружением и изъятием различных предметов, несущих потенциальную опасность либо являющихся орудием совершения противоправных деяний. В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет именно наружный досмотр. В зависимости от складывающейся ситуации, наружный досмотр одежды правонарушителя проводится незамедлительно или в тот момент, когда появится возможность получить помощь от других сотрудников полиции либо от граждан. В ходе данного действия сразу изымаются потенциально опасные предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления либо других противоправных действий[1].

Наружный досмотр представляет собой достаточно сложное и комплексное действие, требующее от сотрудника высокий уровень физической, огневой и тактической подготовленности. По мнению многих практиков и специалистов, осуществляющих профессиональную подготовку сотрудников полиции, выполнение наружного досмотра с одновременной угрозой специального средства либо оружия не только сложно в техническом плане, но и небезопасно.

В ведомственных документах в основном описаны лишь общие требования к проведению наружного досмотра. Более четкая регламентация данного вида досмотра содержится в уже упомянутом Наставлении (п. 63). Среди приведенных видов наружного досмотра выделяют наружный досмотр под угрозой применения оружия (специального средства) в положении стоя у стены и лежа.

Очевидно, что перечисленные способы наружного досмотра не отвечают требованиям ни безопасности, ни эффективности. По результатам исследований отдельных специалистов 11% из общего числа нападений на сотрудников полиции осуществляется правонарушителями при их досмотре. Для сравнения, 35% из числа нападений на сотрудников органов внутренних дел происходит в процессе задержания правонарушителей[2].

На практике, в деятельности сотрудников органов внутренних дел существует негласное правило – проведению досмотра задерживаемого

[1] Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции»): приказ МВД России от 29.01.2008 № 80. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75673 (дата обращения: 19.03.2021).

[2] Действия подразделений (нарядов) органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера: учеб.-метод. пособие / Ворожцов М.А., Мельничук Б.И., Сологуб Ю.И. и др. М.: ЦОКР МВД России, 2009. С. 105.

лица обязательно предшествует применение средств ограничения подвижности. Данный порядок описан и в специальной литературе[1].

Полностью соглашаясь с указанным мнением добавим, что выполнение наружного досмотра под угрозой оружия является крайне небезопасным. В ходе проведенного нами эксперимента среди обучающихся ведомственного учебного заведения исследовалась возможность оказания сотруднику активного сопротивления при осуществлении досмотра с использованием оружия. В ходе эксперимента осуществлено по 100 попыток проведения досмотра с использованием оружия в положении «стоя у стены» и в положении «лежа». Полученные данные позволили сделать вывод, что указанные способы досмотра не исключает полностью вероятность активного сопротивления.

В положении «стоя у стены» только в 27% случаях сотрудники полностью справились с задачей. В остальных случаях опасности подверглись досматриваемые или третьи лица, когда сотрудник произвел «выстрел» при достаточно спорных основаниях в задержанного, либо в произвольном направлении (28%). Кроме того, в отдельных случаях задержанному удалось захватить руку досматривающего и активно сопротивляться (20%), воспользоваться огнестрельным оружием, находящимся у него (7 %), применить спрятанное холодное оружие или опасный предмет (6%). В 12% случаях сотрудник разрывал дистанцию и продолжал угрожать табельным оружием.

В положении «лежа» в 68% случаях сотрудники полностью справились с задачей, что дает основание считать данный способ более эффективным и безопасным. Однако наблюдались случаи произведения «выстрела» при достаточно спорных основаниях в задержанного, либо в произвольном направлении (6%). В данном положении также у досматриваемого лица в некоторых случаях появляется возможность активного сопротивления и борьбы за оружие (18%), воспользоваться спрятанным огнестрельным оружием (3%), воспользоваться спрятанным холодным оружием (5%).

Таким образом, указанные варианты наружного досмотра, не исключают случаев активного и опасного сопротивления со стороны задерживаемого правонарушителя. Мы считаем, что выполнение наружного досмотра под угрозой оружия является потенциально опасным и недопустимым на практике действием. Гарантией обеспечения безопасности вооруженного сотрудника, безусловно, будет предварительное ограничение подвижности потенциально опасного правонарушителя, когда возможность активного сопротивления сведена к минимуму либо и вовсе исключена.

---

[1] Поезжалов В.Б., Черненко И.Н., Газизова О.В. Особенности несения службы нарядами полиции при охране общественного порядка: учеб.-метод. Пособие. М., 2016. С. 49–59.

Следующим немаловажным аспектом исследуемой проблемы считаем возможность применения табельного огнестрельного оружия в условиях противоборства с правонарушителем. Существенной проблемой в деятельности полиции на сегодня является не столько неправомерное применение оружия, сколько его неприменение в условиях, когда есть такая необходимость и, главное, все законные основания.

Как было сказано выше, существенным недостатком ведомственных программ обучения является отсутствие специальной подготовки сотрудников к применению табельного оружия в условиях нападения либо активного сопротивления. Расширение определенного перечня тем и добавления соответствующего раздела в ведомственные документы, регламентирующие специальную подготовку позволит в значительной степени восполнить данный пробел. Необходимым является формирование умений и навыков использования и применения оружия в таких ситуациях служебной деятельности.

На наш взгляд, перечень боевых приемов борьбы должен быть дополнен действиями по использованию либо применению (при наличии законных оснований) сотрудником полиции оружия при:

– нападении злоумышленника со средней или дальней дистанции;

– нападении злоумышленника с близкого расстояния;

– осуществлении злоумышленником обхватов и захватов, в том числе захватов табельного оружия;

– нанесении ударов, в том числе, холодным оружием или опасным предметом.

Внедрение предложенных изменений, связанных с совершенствованием тактико-технических действий вооруженного сотрудника при осуществлении досмотра задерживаемого лица, а также в условиях противоборства с правонарушителем, позволит существенно повысить уровень профессионализма сотрудников полиции и в большей степени обеспечит их личную безопасность в экстремальных ситуациях служебной деятельности.

Буркова Оксана Александровна,
старший научный сотрудник учебного отдела
ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России,
майор внутренней службы

ПОТЕНЦИАЛ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СРЕДЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ОСУЖДЕННЫХ

Согласно п. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Для достижения этой цели с осужденными проводится, в том числе, воспитательная работа.

Воспитательная работа с осужденными – это система психолого-педагогических мер, способствующих позитивной корректировки личности осужденных, их интеллектуальному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения.

Воспитательная работа с осужденными в исправительных учреждениях (далее – ИУ) осуществляется путем воздействия на осужденных работниками пенитенциарного учреждения, представителями государственной и муниципальной власти, общественных объединений и религиозных организаций. Одним из направлений данной работы является духовно-нравственное воспитание, понимаемое как целенаправленный, определенным образом организованный процесс, способствующий формированию нравственных качеств, чувств, поведения личности, облика, позиции и т. п. Существенную роль в этом в учреждениях уголовно-исполнительной системы имеет библиотечная среда, которая понимается нами как совокупность условий предметного и духовного характера, а также ресурсное, интеллектуальное, нравственное окружение, положительно влияющее на осужденного.

Библиотека, в целом, является частью института образования и института культуры, призвана сохранять и транслировать духовность как важное свойство и функцию культуры[1]. Одной из основных задач библиотеки исправительного учреждения является воспитание у осужденных информационной культуры, любви к книге, культуры чтения, умения пользоваться библиотекой.

Перечень рекомендуемых для комплектования библиотек учреждений УИС Российской Федерации книг представлен в указании

[1] Арасланова С.С. Феномен библиотеки в пространстве элитарной и массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (107). С. 220–223.

ФСИН России от 12.02.2020 № исх.-03-8924. Это и русская классика, и российская (советская) литература XX века, современная российская проза, зарубежная литература. Кроме того, библиотечный фонд исправительных учреждений (далее – ИУ) должен быть обеспечен книгами со шрифтом Брайля для чтения лицами с ограниченными возможностями. Комплектование книжных фондов должно осуществляться и художественными произведениями классиков национальной литературы стран Средней Азии и Закавказья (Азербайджан, Грузия и Армения), литературный фонд в учреждениях должен составлять достаточное количество экземпляров книг (из расчета 10% экземпляров книг от общего количества осужденных-иностранцев). Согласно указанию ФСИН России от 23.02.2020 исх. № 15-18740 также в библиотеках ИУ должны быть организованы уголки литературы и правовой информации на тему помощи осужденным, освобождаемым от отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

По состоянию на конец 2020 года количество библиотек в исправительных колониях России (далее – ИК) составило 572 с книжным фондом 3318789 экземпляров, в числе которых 2504163 (76%) – художественная литература, 498091 (15%) – литература религиозного содержания, 78483 (24%) юридическая литература, 238052 (7%) – иная литература. В 4488 учреждений библиотек не имеется совсем, а это 88% от общего количества исправительных колоний России.

Пополнение книжного фонда библиотек ИУ, как правило, осуществляется за счет гуманитарной помощи издательств, общественных, благотворительных и религиозных организаций, организаций с различной формой собственности, меценатов, писателей, предпринимателей, а также из списанного фонда библиотек, учрежденных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления и т. д. В соответствии с ч. 5 ст. 95 УИК Российской Федерации литература в количестве, превышающей 10 экземпляров книг и журналов, сдается осужденными на хранение либо с его согласия передается библиотеке ИУ в пользование.

Так, количество периодических изданий, поступивших в библиотеки ИК в четвертом квартале, составило 76508, из них 47930 (62%) выписано лично осужденными.

Однако в связи с формированием книжного фонда в основном за счет гуманитарной помощи некоторые ИУ недостаточно укомплектованы, наблюдается износ книжного фонда. Кроме того, весь книжный фонд, включая книги, имеющиеся во временном распоряжении осужденных, проверяется начальником отряда на предмет наличия в них экстремистских материалов. Так, каждое издание должно иметь идентификационный штамп об отсутствии признаков принадлежности к экстремистской литературе.

На базе библиотек проводятся литературные вечера, книжные выставки и другие мероприятия воспитательного характера.

Так, ежегодно в ИУ в целях совершенствования воспитательной работы с лицами, осужденными к лишению свободы, повышения роли самодеятельного художественного творчества, нравственно-эстетического воспитания осужденных, формирования устойчивых положительных моральных качеств, проводится смотр-конкурс художественной самодеятельности, библиотек и наглядной агитации.

Значительная роль в организации и проведении смотровых концертов художественной самодеятельности среди осужденных, тематических и литературных вечеров отводится клубам и библиотекам.

По состоянию на конец 2020 года количество читальных залов в ИК составило 451, в 45 (9%) учреждениях читальные залы отсутствуют.

С целью усиления роли библиотечной среды в духовно-нравственном воспитании осужденных проводятся литературные вечера, книжные выставки, чтения стихов и любимых произведений, сценические постановки по сюжетам книг. Однако при планировании воспитательной работы в ИУ вопросам, отнесенным к приобщению осужденных к чтению, формированию книжного фонда, уделяется недостаточно внимания. Причины мы видим в следующем:

– отсутствие достаточного количества кадрового состава (воспитательную работу планирует и организует лишь начальник отряда);

– первостепенность задач по надзору и соблюдению режима в ИУ (безопасность лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, организация контроля установленного порядка исполнения и отбывания наказания – одни из самых главных задач пенитенциарных учреждений);

– недостаточность финансирования;

– слабая оценка роли книги в жизни человека;

– недостаточное стимулирование осужденных к чтению.

Для решения данных вопросов необходимо не только их рассмотрение, но и выработка конкретных указаний в данном направлении.

Например:

– использование в библиотеках электронных носителей информации (художественной, научной литературы), не запрещенных к использованию в исправительных учреждениях;

– разработка методических рекомендаций по организации работы библиотек исправительных учреждений с учетом требований режима отбывания наказаний;

– стимулирование осужденных путем поощрения, занесения записи в личное дело.

По нашему мнению, уделение пристального внимания пенитенциарной библиотечной среде, увеличение количества библиотек,

проводимых культурных мероприятий (встречи с писателями, литературные вечера), регулярное пополнение библиотечного фонда, приобщение к культуре чтения осужденных, позволит повысить духовно-нравственную культуру осужденных, добиться максимального положительного воспитательного эффекта, а, следовательно, помочь достичь основную цель – исправление.

Бурдинский Игорь Анатольевич,
заместитель начальника
кафедры огневой подготовки
Воронежского института МВД России,
полковник полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Полиция – орган публичной власти, который в соответствии со своими полномочиями имеет право ограничивать основные права и свободы человека и гражданина согласно действующему российскому законодательству. Кроме того, силовые способы, составляющие деятельность органов внутренних дел, требуют наиболее четкого и грамотно сконструированного нормативного регламентирования и обязательного контроля со стороны не только органов прокуратуры, но и социума в целом.

Нормативно-правовую базу использования сотрудником внутренних дел огнестрельного оружия составляют множество норм международного права. Данные нормативные акты устанавливают основные обстоятельства, согласно которым сотрудники, обеспечивающие правопорядок, имеют право применять огнестрельное оружие, однако их действия в обязательном порядке должны быть направлены на минимизацию причинения вреда, а также реализовываться с учетом предупреждений, которые необходимо огласить перед производством выстрела; в заключение необходимо составить отчет о применении огнестрельного оружия сотрудником полиции при исполнении своих служебных полномочий в процессе обеспечения охраны правопорядка.

Кроме того, общественные отношения, складывающиеся в области прохождения службы в ОВД, базируются на основном законе Российской Федерации – Конституции РФ, а также федеральном законе «О службе в ОВД РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», федеральном законе «О полиции» и иных нормативно-правовых актах.

В ст. 23 ФЗ № 3 перечислены основания применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Однако следует учитывать факт, свидетельствующий о том, что сотрудники органов внутренних дел зачастую обязаны осуществлять деятельность негативным образом для своих собственных интересов при решении профессиональных задач или же реализации приказа, но при всем этом, действовать согласно букве закона[1].

Исходя из ч. 4 ст. 18 ФЗ № 3, каждый сотрудник полиции должен проходить специальную подготовку, а также проверку на профессиональную пригодность к ситуациям, требующих своевременного и успешного применения физической силы, специальных средств или же огнестрельного оружия.

В случае же применения огнестрельного оружия надлежит указать на то, что изначально, чтобы не развить из конфликтной ситуации сам конфликт, сотруднику полиции необходимо обладать существенной выдержкой, позволяющей действовать наиболее обдуманно, взвешенно, четко и законно. Положение ч. 3 ст. 19 ФЗ № 3 указывает на то, что сотрудник полиции в своих действиях должен исходить сугубо из ситуации, которая сложилась на определенный период времени, степень общественной опасности и характер противоправных действий лица, в отношении которого планирует применить огнестрельное оружие, специальные средства или физическую силу, учитывать характер и силу сопротивления, однако стараться как можно тщательнее минимизировать или вовсе устранить вредоносность от их использования. Целесообразно отметить, что по мнению знаменитого ученого-правоведа А.А. Батурина, осуществить рассмотренные условия в соответствии с действующим российским законодательством является весьма затруднительным, так как зачастую конфликтная ситуация развивается достаточно быстрыми темпами, что вполне может повлечь за собой реконцентрацию в процессе противодействия общественно опасному и противоправному поведению правонарушителя, невозможность своевременно предсказать дальнейшие действия противника. Также судебная практика ясно указывает на разногласия в точках зрения ОВД и следственных органов по поводу производства оценки законности использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел[2].

На основании результатов, представленных в исследовании И.В. Медведева, в 2019 году в Белгородской области были опрошены более 150 сотрудников полиции: участковые уполномоченные полиции,

---

[1] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Батурин А.А. Проблемы и правовые основы порядка применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел РФ // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 290.

сотрудники дорожно-патрульной службы, сотрудники патрульно-постовой службы, оперативные работники. Из данного числа более 70% стараются не использовать огнестрельное оружие. Детерминантами подобных позиций могут являться совершенно различные обстоятельства. Например, страх стать правонарушителем в результате неправомерного применения огнестрельного оружия или же иметь недостаточные знания в нормативно-правовой базе, регламентирующей обстоятельства, исключающие общественную опасность действия[1].

Однако из данного количества силовиков более половины являлись действительно опытными сотрудниками, имеющими стаж работы свыше пяти лет, хотя все же придерживались мнения о том, что не стали бы использовать огнестрельное оружие в своей профессиональной деятельности.

По материалам официальной отчетности, каждый год в Российской Федерации при исполнении своих должностных полномочий погибают сотрудники полиции. Статистика смертности сотрудников полиции России и уволенных сотрудников, которые умерли в течение 1 года после увольнения, представлена следующим образом: за 2016 год погибли и умерли в период прохождения службы 638 сотрудников, получили тяжелые увечья 4 174; за 2017 год – умерли 548 сотрудников, получили тяжелые увечья 4 037 сотрудников; за 2018 год – умерли 477 сотрудников, получил тяжелые увечья 3 631 сотрудник; за 9 месяцев 2019 года – умерли 117 сотрудников, получил тяжелые увечья 601 сотрудник. Но, несмотря на такой страшный показатель, как смертность, общество не понимает, почему сотрудники должны выходить на пенсию через 20 лет после работы. Не видят причины того, что в таких тяжелых условиях, в условиях постоянного прессинга – как со стороны криминалитета всех уровней, так и со стороны собственного руководства, сотрудники не выдерживают. Мало того, средства массовой информации также постоянно оказывают давление на сотрудников, делая их виновниками без суда и следствия при всех спорных случаях. Прогноз, который МВД России делает на 2020–2021 годы: Прогнозируется гибель или смерть в период прохождения службы – 1 002 человек, получение инвалидности – 242 человека[2].

Зачастую сотрудники полиции погибают в результате осуществления задержания преступников или же при нападении на сотрудников полиции с целью завладения их огнестрельным оружием. Ключевой проблемой является то, что имеют место быть четко сформулированные методики в

[1] Медведев И.В. Перспективы и направленность изменений наставлений по организации огневой подготовки в ОВД РФ и условий применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // МНКО. 2020. № 6 (85). С. 5.

[2] Смертность сотрудников органов внутренних дел. URL: https://zen.yandex.ru/ (дата обращения: 18.04.2021).

области огневой подготовки направленные лишь на разрешение некоторых задач, регулирующие верное обращение с оружием и усвоение материала по технике производства выстрела.

Служебно-боевая подготовка, осуществляемая в МВД России, основывается на выполнении упражнений по стрельбе, однако не разъясняются специфические особенности производства задержания или осуществления тактических действий в бою при нахождении в общественном месте. То есть, всегда подразумевается то, что правонарушитель не оказывает какого-либо сопротивления, конфликтная ситуация не является динамичной. Именно поэтому подобные проблемы требуется разрешить путем обязательного подбора приемов, методов и средств организации процесса обучения сотрудников правоохранительных органов, в частности, сотрудников полиции, действенными условиями служебно-боевой деятельности.

Хотелось бы отметить, что эффективным способом подготовки сотрудников ОВД выступает метод разрешения ситуативных задач. Понимается следующее: создание наиболее приближенной ситуации в служебно-боевой деятельности сотрудников полиции, базу которых составляют последовательность, структурированность, наглядность, активность. Под ситуативной задачей понимается практический образ ситуации служебно-боевой деятельности сотрудника полиции, направленный на отражение типичных случаев, которые могут возникнуть в результате противодействия правонарушителя сотруднику полиции.

В процессе конструирования случаев служебно-боевой деятельности руководителю занятий требуется воспитать и обучить сотрудников органов внутренних дел верной оценке возможных действий преступника, особое внимание уделяя невербалике, так как именно подобные сигналы способны в достаточной степени передать дальнейшие действия правонарушителя – нападение на сотрудника полиции, а также мерам личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Более того, рассматриваемые ситуативные задачи можно построить таким образом, чтобы психическое состояние сотрудника полиции было как можно более тождественным реально сложившемуся случаю противодействия преступника со всей напряженностью, стрессом, страхом и рядом иных эмоций и состояний. Посредством представленного метода у сотрудника полиции со временем выработается своеобразный иммунитет на эмоциональную составляющую, которая оказывает достаточно весомое влияние на фактор правомерного использования огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях, развивает и закрепляет технику применения оружия и тактику производства выстрела, совершенствует профессиональные навыки, значительно уменьшает время адаптации к выполнению своих служебных обязанностей, увеличивает продуктивность принимаемых решений.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что эффективность осуществления служебно-боевых задач, стоящих перед сотрудниками полиции, зависит от их навыков в обращении с оружием, производства анализа своих действий, оценки возможности действий своего противника, контроля психического состояния, уверенности в применении огнестрельного оружия на основе правомерности и законности.

Власенко Владислав Владимирович,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Кулиев Инал Борисович,
преподаватель кафедры
специальных дисциплин
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВНОЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Профилактика правонарушений – одна из центральных проблем криминологии, на разрешение которой направлены абсолютно все криминологические исследования. Она является именно той «базовой идеей, на которую работают результаты анализа преступности, ее причин и личности преступника…»[1]. Как верно замечает Б.С. Волков, профилактика преступлений «… именно то звено, на котором замыкаются и испытываются на прочность все проблемы данной науки (криминологии – авторы), ее теоретические выводы и положения»[2].

Долгое время в нашей стране отсутствовал рамочный закон, определяющий правовые и организационные основы профилактики правонарушений, хотя о его необходимости речь шла еще в советский

[1] См.: Государственная система профилактики правонарушений и место в ней органов внутренних дел: учеб. пособие / М.Ю. Воронин и др. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 21.

[2] Волков Б.С. Основные проблемы криминологии в СССР и других социалистических странах: учеб. пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1988. С. 49.

период. Так, в частности, на VI Конгрессе криминологов социалистических стран (Москва 1987 г.) было заявлено о необходимости принятия закона, в котором бы в комплексе были размещены все вопросы, связанные с определением общего направлении деятельности государственных органов и общественных организаций по предупреждению правонарушений[1]. В этой связи, можно назвать достижением, знаковым событием принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[2] (далее по тексту – Закон о профилактике РФ), который представляет собой комплексный нормативный правовой источник, закрепляющий систему, основные понятия, принципы, направления профилактики правонарушений, меры профилактического воздействия, а также компетенцию субъектов и участников такой профилактики. Принятие данного Закона устранило существовавшие серьезные пробелы в правовой регламентации профилактической деятельности соответствующих органов. Следует отметить, что разработчиком и инициатором принятия этого Закона выступало именно МВД России. Некоторые авторы справедливо связывают появление приведенного Закона с окончательным оформлением, зарождавшейся ранее новой отраслью отечественного права – криминологического права, предметом регулирования которой выступают общественные отношения, обусловленные процессом предупреждения преступности. Как следует из названия рассматриваемого Закона и его содержания, профилактике подвергаются не только преступления, но и административные правонарушения, что видится абсолютно обоснованным в силу социально-правовой близости этих видов правонарушений.

В доктрине традиционно выделяют общесоциальную и специально-криминологическую профилактику. Общесоциальная профилактика – это система мер правового, политического, экономического, социального и культурного характера, реализуемых государственными и общественными институтами, не имеющими своей целью профилактику преступности, но в целом положительно влияющими на устранение ее детерминантов (улучшение материального благосостояния населения, например). Специально-криминологическая профилактика преступлений – система специальных мер, осуществляемых уполномоченными субъектами в целях устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений. На основании этого можно прийти к выводу, согласно которому Закон о профилактике РФ регламентирует вопросы, связанные с осуществлением исключительно специально-криминологической профилактики.

---

[1] Волков Б.С. Основные проблемы криминологии в СССР и других социалистических странах: учеб. пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1988. С. 58.

[2] См.: Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3851.

Согласно п. 2 ст. 2 Закона о профилактике РФ профилактика правонарушений представляет собой «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Профилактика структурно состоит из таких элементов как: объекты профилактики (на что она воздействует), субъекты профилактики (кто ее осуществляет) и содержание профилактики (система приемов, методов, мер, посредством которых она осуществляется).

В соответствии со ст. 15 этого же Закона, профилактика правонарушений делится на два вида: общая и индивидуальная профилактика. Общая профилактика правонарушений «направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан». В свою очередь, индивидуальная профилактика правонарушений заключается в оказании воспитательного воздействия на следующих лиц:

– безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних;

– отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы;

– занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;

– несовершеннолетних, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия;

– лиц, без определенного места жительства;

– иных категории лиц, предусмотренных законодательством РФ, в том числе лиц, прошедших курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию, а также лиц, не способных самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия. Также индивидуальная профилактика призвана устранять факторы, негативно влияющие на поведение перечисленных лиц, а также оказывать помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

В Законе о профилактике РФ обособлено не выделяется такой известный теории вид профилактики как виктимологическая профилактика[1], однако исходя из содержания рассмотренных определений,

[1] Виктимологическая профилактика направлена на снижение уровня виктимности в обществе и создание условий для девиктимизации населения путем устранения или нейтрализации факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение, а также оказания предупредительного воздействия на лиц с потенциальным виктимным поведением (См.: Государственная система профилактики правонарушений и место в ней органов внутренних дел: учеб. пособие / М.Ю. Воронин и др. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 67).

можно сделать вывод, что она подразумевается, причем как общая, так и индивидуальная. В частности, это прослеживается в понятии индивидуальной профилактики, в котором сказано об «оказании помощи потерпевшим от правонарушений либо подверженным риску стать таковыми».

Учитывая рассмотренные нормативно закрепленные определения общей и индивидуальной профилактики, можно выделить их объекты. Так, объектами общей профилактики будут выступать:

1) причины, порождающие правонарушения;
2) условия, способствующие совершению правонарушений;
3) условия, облегчающие совершение правонарушений;
4) правовая грамотность граждан;
5) правосознание граждан.

Соответственно, объектами индивидуальной профилактики являются:

1) лица, перечень которых был приведен выше;
2) факторы, негативно влияющие на поведение этих лиц;
3) лица, пострадавшие от правонарушений;
4) лица, подверженные риску стать пострадавшими от правонарушений.

Принципиально важный элемент профилактики правонарушений – это субъекты профилактики правонарушений, которые выполняют организационно-управленческие функции в осуществлении профилактики. В качестве субъектов профилактики правонарушений законодателем определены: федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета РФ, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления (ст. 5 Закона о профилактике РФ).

Как видно, органы внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – ОВД) отдельно как субъект профилактики не выделены, однако, это обстоятельство никоим образом не опровергает тот факт, что именно ОВД в силу возложенных на них полномочий является основным специализированным субъектом[1] профилактики правонарушений. Можно с уверенностью сказать, что в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[2], реализация любого направления деятельности (ст. 2), выполнение любой обязанности ОВД (ст. 12) непосредственно связаны с профилактикой правонарушений. Помимо этого, основные направления профилактики правонарушений,

[1] Специализированный субъект профилактики правонарушений – это такой субъект, для которого профилактика выступает одной из основополагающих (профилирующих) функций, в то время как для неспециализированного субъекта профилактика она является лишь одной из множества функций.

[2] См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

предусмотренные в ст. 6 Закона о профилактике РФ, претворяются в жизнь прежде всего соответствующими подразделениями и службами ОВД. Именно ОВД обладают теми знаниями, силами и средствами, которые способны эффективно организовывать и проводить комплексную профилактику правонарушений. Министр внутренних дел В. Колокольцев постоянно отмечает, что важнейшим направлением деятельности ОВД является именно профилактика правонарушений[1].

ОВД активно взаимодействуют в вопросах профилактики правонарушений с другими ее субъектами (органы прокуратуры РФ, следственного комитета РФ, подразделения Росгвардии, федеральной службы безопасности, федеральной службы исполнения наказаний, федеральная противопожарная служба МЧС и иные), а также лицами, участвующими в ней (народные, казачьи дружины, общественные организации правоохранительной направленности и т. д.). На региональном уровне особое значение придается взаимодействию с органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, в особенности в рамках реализации государственных региональных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений (п. 3 ч. 2 ст. 6 Закона о профилактике РФ).

В своей профилактической деятельности ОВД, кроме Закона о профилактике РФ и других федеральных законом, руководствуются прежде всего Приказом МВД России от 17 января 2006 № 19 (ред. от 28 ноября 2017 г.) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»)[2], в котором закреплены правовые основы организации и проведения профилактики правонарушений ОВД, в том числе на региональном уровне (в рамках конкретного субъекта РФ). Региональные ОВД в своей деятельности также следуют положениям законодательства субъектов РФ, регламентирующего профилактику правонарушений и устанавливающего ответственность за совершение административных правонарушений.

Профилактика преступлений ОВД по масштабу осуществления имеет многоуровневый характер. Так, можно выделить четыре следующих уровня:

1) общероссийский уровень (профилактическая деятельность ОВД в масштабах всей страны);

2) межрегиональный (профилактическая деятельность ОВД в рамках нескольких субъектов РФ или федерального округа);

---

[1] См.: В Москве состоялось расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19641761 (дата обращения: 10.06.2021).

[2] См.: СПС «Консультант Плюс».

3) региональный (профилактическая деятельность ОВД на территории конкретного субъекта РФ);

4) местный (локальный) уровень (профилактическая деятельность ОВД на территории муниципального образования либо нескольких муниципальных образований).

Организация и проведение ОВД профилактики правонарушений на региональном и местном уровне имеет свои особенности, обусловленные, в первую очередь, специфическими криминогенными факторами субъекта и, соответственно, муниципального образования. И такие факторы напрямую связаны с географическими, климатическими, экономическими, этническими, конфессиональными, социально-культурными особенностями того или иного территориального образования РФ. Как верно указывает Е.С. Ефремова, этими обстоятельствами также обусловлен «перенос центра тяжести решения проблем, связанных с преступностью, на региональный уровень»[1]. Немаловажную роль в этом вопросе имеет и то, насколько отлажено функционирует организационно-управленческий механизм региональных ОВД по профилактики правонарушений.

Последним элементом профилактики является ее содержание как система определенных приемов, методов, мер, посредством которых она осуществляется. Многие из них закреплены в Законе о профилактике РФ (к примеру, формы профилактического воздействия (ст. 17–28), а также в положениях административного, оперативно-розыскного, уголовно-процессуального и иного отечественного законодательства.

[1] Ефремова Е.С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 22.

Воскобоев Александр Иванович,
доцент кафедры
тактико-специальной подготовки
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ЭФФЕКТИВНОМУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация преступности является прямым следствием экономической, политической, технологической, культурной глобализации. Распространение взаимозависимости между странами в сфере хозяйственных отношений, кредитно-банковской деятельности, политических и культурных взаимодействий, а также рост сотрудничества в технической и технологической сферах влечет за собой и закономерное воспроизведение в них криминальных практик. Результатом глобализации преступности является усиление институциональной зависимости локальных (внутригосударственных) ячеек преступной деятельности от общемировых тенденций криминализации.

Транснациональная преступная деятельность характеризуется следующими криминологическими признаками: а) имеет организованный характер; б) соучастники преступления действуют в различных государствах. При этом непосредственное физическое пересечение границ является необязательным. Распространение телекоммуникационных технологий открывает широкие возможности для перемещения информации, ресурсов средствами электронной связи; в) общественно опасные последствия наступают за пределами страны-местонахождения преступника. Соответственно – транснациональные преступления подпадают под юрисдикцию двух и более государств при условии, что в каждой из стран они определены как таковые на основании национального закона об уголовной ответственности.

Характерной особенностью глобализации преступности конца XX – первой четверти XXI в. является институциональная интеграция политической и экономической транснациональной преступности. Центры концентрации крупного финансового капитала (транснациональные корпорации, промышленно-финансовые, банковские группы и тому подобное) частично перебирают на себя функции политического регулирования, снижая при этом степень контроля со стороны государств и международных организаций как за их функционированием, так и общественным развитием в целом. Деятельность указанных центров,

направленная преимущественно исключительно на получение прибыли, не основывается на мировоззренческих основах социального либерализма, принципах демократизма, гуманизма и бережного отношения к природе, составляет угрозу национальным интересам стран, окружающей среде. Попытки оказывать сопротивление внешней политико-экономической экспансии со стороны таких субъектов (их групп) приводят к применению по отношению к суверенным государствам как формального (юридически определенного, очевидного), так и неформального (юридически не определенного, неочевидного, скрытого) экономического, политического, информационного и военного влияния. Оно реализуется через систему преступлений против основ национальной безопасности, общественной безопасности, авторитета органов государственной власти, избирательных прав, против мира и безопасности человечества, военных преступлений и тому подобное. Актуальной проблемой в этом аспекте остаются злоупотребления международным правом.

В этих условиях основным инструментом противодействия данного рода преступлениям остаются органы внутренних дел в лице их сотрудников, которым приходится осуществлять служебную деятельность с учетом мер, разрабатываемых специально для противодействия проявлениям транснациональной криминализации.

Первым пунктом будет являться изучение международного права. В образовательных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации была введена соответствующая дисциплина. Также в рамках общеправовых дисциплин происходит изучение опыта деятельности правоохранительных органов зарубежных странах по противодействию преступности, проводится сравнительный анализ с целью определения таких положительных моментов, которые могут быть применены в российских условиях.

Немаловажным аспектом в подготовке сотрудников правоохранительных органов к деятельности по противодействию преступности в условиях бурной глобализации является изучение особенностей взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств[1]. В число таковых входит Центр по международному предупреждению преступности, целевая группа по финансовым мероприятиям по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), группа старших экспертов «Большой восьмерки» по транснациональной организованной преступности (Лионская группа), Международный уголовный суд. Особое значение среди глобальных международных организаций, осуществляющих борьбу с международной преступностью, занимает Международная организация

[1] Нудель С.Л., Ильин И.В. Противодействие финансовой преступности (международный аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2018. № 4 (44). С. 225–230.

уголовной полиции (Интерпол). При расследовании преступлений сотрудничество с Интерполом осуществляется главным образом в целях обмена информацией; идентификации и проверки лиц, предметов по учету Интерпола и иностранной полиции; проведения международного розыска по каналам Интерпола, обеспечения выдачи; оказания содействия в процессуальных действиях в рамках международного сотрудничества. Другой важной организацией, с которой осуществляется международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью, является Европейское полицейское управление или Европол[1].

Европол представляет собой специализированный орган, принадлежащий Европейскому союзу. К ее задачам относятся: координация действий полиции и других компетентных органов Европейского союза; сбор, анализ и обмен информацией о преступлениях и лицах, их совершивших; задачи, связанные с выявлением и раскрытием преступлений, носящих международный характер. Это подразделение уполномочено проводить мероприятия, направленные на противодействие организованной преступности, терроризму и иным формам особо тяжких преступлений, к которым также относятся разнообразные формы финансового мошенничества, затрагивающие два или более государств-членов[2].

Таким образом, существующие тенденции глобализации преступности свидетельствуют об активном привлечении Российской Федерации к процессам транснациональной криминализации и, прежде всего, экономического и политического характера. Это представляет угрозу для национальной безопасности и обусловливает необходимость интеграции криминологической, правовой, экономической, внешней и безопасностной политики, активизации международных усилий по противодействию факторам и эффектам глобализации преступности. Все это оказывает непосредственное влияние на процесс подготовки кадров тех подразделений, которым придется столкнуться с подобными проявлениями «лицом к лицу».

В настоящее время постоянно развиваются коммуникационные технологии, автоматизируются общество и сферы обслуживания, преступники перевооружаются с точки зрения технического оснащения — все это предпосылки для столкновения сотрудников полиции со многими нестандартными ситуациями. Их разрешение напрямую зависит от профессиональных действий представителей правоохранительных органов в строгом соответствии с законом, основанных на имеющихся у

[1] См.: Современные образовательные технологии в подготовке специалистов правоохранительных органов: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. М, 2015. С. 206.

[2] Грибовская Н.Н., Шалягин Д.Д. Практика взаимодействия МВД России и Европола // Законодательство. М, 2007. № 1. С. 79–84.

них навыках и знаниях, формирование которых должна обеспечивать эффективная система профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации[1]. Вопрос подготовки кадров для правоохранительных органов становится своего рода стратегической задачей. Связано это с прогрессирующим ростом преступности в России. В настоящее время одним из направлений политики должно являться реформирование силовых структур, направленное на создание условий, при которых личность, общество и государство будут надежно защищены и от преступных посягательств, и от внешних угроз. Сегодня ставится вопрос не просто об улучшении работы с кадрами полиции, а о серьезном обновлении всей кадровой политики как действенном инструменте влияния на развитие всех сфер демократического общества. Основными стратегическими направлениями реализации кадровой политики мировых правоохранительных структур должны являться комплектование правоохранительных органов квалифицированными и компетентными сотрудниками, развитие современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, повышение эффективности профессионального обучения личного состава. Сегодня решение данной проблемы предполагает использование современных методик организации учебного процесса, введение эффективного контроля за уровнем знаний обучаемых и улучшение системы обучения кадров руководящего звена. Чтобы развивать и совершенствовать отечественную систему профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, необходимо сформировать облик специалиста в области правоохранительной деятельности, который будет отличаться высоким интеллектом и мышлением, будет способен восстановить авторитет и доверие граждан к полиции в целом и ее сотрудникам, в частности.

[1] Кучмезов Р.А. О некоторых способах совершенствования сотрудников полиции при противодействии современным вызовам в условиях глобализации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 2. С. 299–303. URL: http://e-koncept.ru/2017/570063.htm (дата обращения: 21.03.2021).

Голяндин Николай Петрович,
профессор кафедры
специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Шипилов Валерий Иванович,
член Союза писателей Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для охраны предприятий и учреждений от деятельности диверсантов в прифронтовой зоне и во исполнение постановления Советом Народных Комиссаров СССР 24 июня 1941 года[1] и согласно приказу НКВД СССР от 25 июня 1941 г. № 00804 года при городских, районных и уездных отделах наркоматов внутренних дел создавались истребительные батальоны, численностью от 100 до 200 человек из проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием. Возглавляли батальоны оперативные сотрудники НКВД и милиции[2].

Первые упоминания о создании истребительных батальонов в Кабардино-Балкарии прозвучали на заседании бюро Кабардино-Балкарского областного комитета партии, где было решено в соответствии с поступившими из Москвы указаниями «… поручить отделу кадров обкома ВКП(б) и НКВД, …в соответствии с решением Совета народных комиссаров СССР представить свои соображения на бюро обкома ВКП(б)»[3].

16 октября 1941 года в постановлении бюро обкома ВКП(б) «Об увеличении состава истребительного батальона и обеспечении его вооружением» отмечалось:

1. Довести состав истребительного батальона в городе Нальчик не менее (чем до) 500 человек, главным образом за счет коммунистов и комсомольцев.

---

[1] О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе: постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1738-746сс. ГАРФ, Ф. Р-5446, оп. 106, д. 20, л. 186–187.

[2] О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе: приказ НКВД СССР от 25.06.1941. № 00804 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 77–79.

[3] УЦДНИАС КБР, ф. 1, оп. 1, д. 332, л. 4.

2. Утвердить командиром истребительного батальона т. Билибина и комиссаром т. Афанасьева, секретаря горкома ВКП(Б).

3. Поручить горкому ВКП(б) рассмотреть и утвердить персональный состав истребительного батальона.

Срок оформления определить не позднее 20 октября.

4. Поручить т. Филатову[1] принять необходимые меры по обеспечению истребительного батальона вооружением»[2].

Этот ставший актуальным вопрос борьбы с немецко-фашистскими захватчиками обсуждался и на 7-м пленуме Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б), проходившем через некоторое время – 27 ноября 1941 года – на котором был рассмотрен вопрос «О задачах партийной организации в связи с докладом товарища Сталина от 6 ноября 1941 года».

В докладе секретаря высшего руководящего органа республики З.Д. Кумехова прозвучало требование, адресованное общественности, руководству районных и городских партийных организаций, а также республиканских органов и подразделений внутренних дел: «…Надо укрепить в городе и районах конные истребительные батальоны. Всячески следует укреплять охрану промышленных объектов и общественных имуществ и строений от возможных диверсионных актов…»[3].

В соответствии с поставленными и остро стоящими в это время задачами на заседании Нальчикского комитета обороны, состоявшемся несколькими днями позднее, также было принято решение, обязующее конкретные организации и предприятия города к передаче истребительному батальону НКВД Кабардино-Балкарской АССР 63-х лошадей и 17 мотоциклов[4].

Однако по неустановленным причинам произошла непонятная задержка выполнения пришедших из союзного центра и принятых на местах решений по формированию и материально-техническому оснащению этого истребительного батальона. Возможно, что попросту в них не ощущалось надобности в 1941 году, так как враг был еще далеко от административной территории Кабардино-Балкарской АССР.

Работа по формированию истребительного батальона возобновилась лишь на основании очередного требования, вытекающего из

---

[1] Филатова Степана Ивановича – полковник государственной безопасности, с 20 июля 1941 года Народный комиссар внутренних дел КБ АССР, с 14 апреля 1943 года по июнь 1944 года – нарком государственной безопасности КБАССР, с июня 14 октября 1944 года – нарком госбезопасности Кабардинской АССР.

[2] Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: сборник документов и материалов. Авторский коллектив. Нальчик: Эльбрус. 1975. С. 77–78.

[3] УЦДНИАС КБР, ф. 1, оп. 1, д. 268, л. 33.

[4] Там же, ф. 26, оп. 1, д. 2, л. 15–16.

постановления № 59 Нальчикского Комитета Обороны, вышедшего в свет 23 мая 1942 года, в котором указывалось:

«… В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 мая 1942 года Нальчикский комитет обороны постановляет:

1. Обязать секретарей районных и городских комитетов ВКП(б) совместно с начальниками районных отделений Народного комиссариата внутренних дел в пятидневный срок закончить формирование истребительных батальонов.

2. Утвердить количественный состав истребительных батальонов по Кабардино-Балкарии в числе 1650 человек...

4. Организовать регулярную учебу по 100 часовой программе, обратив особое внимание на тактическую и боевую подготовку...

7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на Народный комиссариат внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР»[1].

На другой день, 24 мая 1942 года – в спешном порядке был издан приказ № 51 Наркома государственной безопасности КБАССР «О формировании истребительных батальонов в Кабардино-Балкарской АССР», в котором строжайшим образом предписывалось:

«1. Всем начальникам районных отделов НКВД в соответствии с предъявляемыми требованиями в 3-дневный срок закончить формирование истребительных батальонов.

2. Представить на утверждение (списки) командиров и комиссаров истребительных батальонов в НКВД в вышеуказанный срок.

…6. Начальникам районных отделений НКВД обеспечить силами истребительных батальонов и групп содействия из местного населения наблюдения за воздухом, направляя главное внимание на своевременное обнаружение и ликвидацию парашютных десантов противника…»[2].

31 июля 1942 года был назначен и утвержден по всем районам республики руководящий состав этих военизированных формирований, состоящий из сотрудников Управления милиции[3].

Основной задачей этих военизированных формирований из числа гражданского населения, возглавляемых сотрудниками Управления милиции республики, в соответствии с уже упомянутой директивой НКВД СССР от 13 сентября 1942 года являлось:

– постоянное наблюдение за воздухом с целью своевременного обнаружения вражеских самолетов и выброски парашютистов;

– наблюдение за местами, возможными для высадки и выброски авиадиверсионных групп (узлы железных дорог, нефтехранилища, элеваторы, опушки лесов, лесные поляны, овраги и балки, пересеченные и

[1] УЦДНИАС КБР, ф. 26, оп. 1, д. 3, л. 32-33.
[2] ОСФ и РЖПР ИЦ МВД по КБР, ф. 14, оп. 1, д. 15, л. 65.
[3] Там же. Л. 77–78.

горные местности, окраины населенных пунктов, хлебные массивы и поля);

– организация разведывательной работы по выявлению диверсантов-парашютистов, немедленное уничтожение парашютных десантов в воздухе и на земле;

– оказание помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью и охране общественного порядка.

В то же время, следует отметить, что деятельность по комплектованию истребительного батальона проводилась в спешке, так как враг продвигался к границам республики. В основной массе в батальоны на местах зачислялись неподготовленные молодые люди. Об этом свидетельствуют результаты проверки Прохладненского батальона, проведенной Наркоматом внутренних дел КБАССР 16 июля 1942 года, в которых отмечалось, что «истребительный батальон в оперативной проверке не используется… Учебный сбор показал полную растерянность и неорганизованность командования и штаба батальона. При раздаче оружия бойцы не знали, как заряжать его. Сбор батальона проходил в течение 2,5 часов, собралось всего 54 человека вместо 211 человек, что составляет 26%. Вторая рота, расположенная в железнодорожном поселке станции Прохладная, несмотря на вызов, совершенно не явилась…».

Аналогичная картина наблюдалась и в поселке Майском, где «на место сбора прибыли 18 человек из 54 по штату (34%), которые также были совершенно не подготовлены к ведению военных действий и элементарному обращению с боевым оружием»[1].

По немногочисленным дошедшим до нас документам можно с некоторой осторожностью констатировать, что на долю этих истребительных подразделений в основном выпала работа не столько по борьбе с гитлеровцами в непосредственных боевых столкновениях и их парашютными десантами, сколько по оказанию определенной, в большинстве своем эпизодической, помощи сотрудникам милиции при проведении ими мероприятий по охране общественного порядка. В исключительных случаях члены истребительного батальона привлекались для участия при задержании отдельных преступных элементов, членов вооруженных бандитских групп и дезертиров.

За 15 дней до оккупации гитлеровскими войсками г. Нальчик на заседании бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) от 13 октября 1942 года были переведены на казарменное положение истребительные батальоны НКВД в Эльбрусском, Чегемском, Нальчикском, Урванском,

[1] Приказ Народного комиссариата внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР № 57 от 18 июля 1942 года // ОСФ и РЖПР ИЦ МВД по КБР, ф. 14, оп. 1, д. 15, л. 73–74.

Хуламо-Безенгийском, Лескенском районах общей численностью 430 человек»[1].

В результате резко обострившейся военной обстановки и вынужденного отступления частей Красной Армии перед превосходящими силами противника члены истребительного батальона республики в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков участия не принимали.

После освобождения территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских захватчиков в январе 1943 года истребительные батальоны на местах были восстановлены.

Результаты их деятельности нашли отражение в материалах заседания бюро Курпского райкома ВКП(б) от 6 января 1944 года, протокол № 39: «…Истребительный батальон при районном отделе Народного комиссариата внутренних дел за период с августа 1943 года по январь 1944 года свое назначение оправдал.

В частности, бойцами… было задержано дезертиров 10 человек, спекулянтов и мешочников 95 человек, из них не имеющих документов - 55 человек. Наряду с этим бойцами истребительного батальона неслась охрана селений и райцентра, кроме того, бойцами истребительного батальона принималось неоднократное участие в проведении облав и засад»[2].

В целом после освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков истребительные батальоны при НКВД КАССР и их объединенный штаб были расформированы на основании приказа НКВД КАССР от 21 октября 1944 года[3]. В заключение следует отметить, что деятельность истребительных батальонов на территории Кабардино-Балкарии оказала определенное позитивное влияние на обеспечение охраны особо важных народнохозяйственных объектов, сохранности государственной и общественной собственности, а также в определенной степени на результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел территориального образования по борьбе с преступностью и охране общественного правопорядка и стабилизации криминогенной ситуации в Кабардино-Балкарии.

Кроме того, сам факт участия в деятельности этих военизированных формирований, в дальнейшем стал одним из определяющих факторов в привлечении проверенных кадров на службу в органы внутренних дел.

[1] УЦДНИАС КБР, ф. 1, оп. 494, д. 1, л. 3.
[2] УЦДНИАС КБР, ф. 51, оп. 1, д. 9, л. 1.
[3] ОСФ и РЖПР ИЦ МВД по КБР, ф. 14, оп. 1, д. 20, л. 6.

Гонтарь Владимир Николаевич,
заместитель начальника кафедры
тактико-специальной подготовки
и оперативного планирования
Всероссийского института
повышения квалификации МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
полковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЯХ

Групповой молодежный экстремизм – противоправная деятельность организованной группы физических лиц в возрасте от 14 до 25 лет, объединенных по принципу расовой, национальной, религиозной, политической, социальной или иной ненависти либо вражды. Проведя анализ деятельности молодежных экстремистских организаций, действующих на территории России, в зависимости от направленности деятельности их можно классифицировать по следующим основным течениям:

1) националистическо-расистской направленности;

2) религиозной направленности;

3) политизированной направленности.

В политическом аспекте экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытаясь подорвать их стабильность, как правило, силовыми методами[1].

Для этого экстремистские организации организуют беспорядки, акции гражданского неповиновения, террористические акции, используют методы партизанской войны. При этом они придают исключительно большое значение общественному резонансу, вызываемому их действиями.

Рост экстремизма вынуждает государство защищаться против усиливающегося организованного давления на него. Основной же линией выступает стремление государства защититься от угроз со стороны экстремистов за счет расширения сферы действия запретов, применения санкций на более ранних этапах возможных противоправных действий[2].

---

[1] Шогенов Т.М., Бураева Л.А. Экстремизм – актуальная угроза национальной безопасности российской федерации: понятие и проявления / Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 409–411.

[2] Гонтарь В.Н., Токбаев А.А. Противодействие террористической и экстремистской деятельности в молодежной среде / В сборнике: Актуальные вопросы взаимодействия образовательных организаций и практических подразделений правоохранительных органов России в ходе профессионального обучения: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 52–55.

Для решения вышеназванных задач была принята новая редакция Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 148-ФЗ) Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Ст. 3447, существенно расширившая круг противоправных деяний, квалифицируемых как экстремистская деятельность и влекущих за собой соответствующие меры реагирования со стороны государства, в лице его уполномоченных органов[1].

Согласно «Стратегии национальной безопасности» одной из основных угроз государственной и общественной безопасности является деятельность террористических и экстремистских организаций. Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма.

Процесс радикализации молодежи в Интернете – это глобальное и многогранное явление, в котором социальные медиа используются в качестве стратегического инструмента для подстрекательства к насильственному поведению. Роль таких социальных сетей следует рассматривать не изолированно, а в контексте как других коммуникационных платформ, так и значимых социальных факторов, таких как политические, социальные, культурные, экономические и психологические причины.

Недостаточно исследований, в которых эффективно рассматривалась бы роль коммуникации в укреплении или противодействии подстрекательству к радикализации в сторону насильственного экстремизма. Однако исследования подтверждают, что многие виды использования социальных сетей экстремистами направлены на то, чтобы посеять страх среди пользователей Интернета в целом и поляризовать общество.

Кроме того, это стремление включает в себя подстрекательство и вербовку отдельных лиц для присоединения к их делу и участия в насилии. В то же время, фактический прием и влияние усилий по радикализации в Интернете требует гораздо большего изучения. Попытки борьбы с интернет-аспектами насильственной радикализации молодежи не доказали своей эффективности, но ясно, что они могут нанести ущерб онлайновым

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

свободам, особенно свободе выражения мнений, свободе информации, неприкосновенности частной жизни и праву на ассоциацию[1].

Международные стандарты законности, необходимости, соразмерности и законной цели имеют важное значение при рассмотрении любых ограничений средств массовой информации, включая социальные сети.

Необходимо продолжить изучение и исследование того, как можно использовать как онлайновые, так и оффлайновые платформы для мобилизации молодежи на разработку нарративов мира, поощрения инклюзивности, равенства и межкультурного диалога.

Необходимо подчеркнуть важность достоверной информации, такой как профессиональная и независимая журналистика, как фактор противодействия подстрекательским нарративам, которые мобилизуют ложь для достижения своих целей.

Для достижения поставленных целей на межгосударственном уровне можно рассмотреть следующие меры:

1. Укрепление сотрудничества с международным сообществом и всеми соответствующими субъектами в целях объединения усилий по предотвращению радикализации молодежи и борьбе с насильственным экстремизмом во всех его формах.

2. Разработка и осуществление всеобъемлющих эффективных мер по предотвращению радикализации, ведущей к насилию, и разработка национальной политики и/или планов действий, направленных на достижение этой цели.

3. Укрепление глобального диалога о соразмерных позитивных действиях по противодействию радикализации и помещение его в сферу действия принципов универсальности Интернета Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (права, открытость, доступность и участие многих заинтересованных сторон), которые поощряют подход, основанный на правах человека, и сохраняют перспективу подавляющих преимуществ Интернета в то же время как смягчение злоупотреблений.

4. Усиление общих мер реагирования сектора образования на насильственный экстремизм, в том числе посредством программ глобального гражданского образования на основе прав человека и подготовки преподавателей и других молодежных посредников.

5. Поощрение и оценка стратегии, признавая, что новые технологии также являются инструментом, который может быть использован для: предотвращения насильственного экстремизма; поощрения встречных и альтернативных нарративов, развития гражданского образования и развития критического мышления.

---

[1] Токбаев А.А. Современные тенденции развития экстремизма в социальных сетях / Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 109–112.

6. Учет и поощрение участия молодежи в процессах принятия решений в соответствии с резолюцией 2250 Генеральной Ассамблеи ООН и наделение ее полномочиями по руководству новыми цифровыми проектами в интересах мира, терпимости и взаимопонимания.

7. Признание меняющегося статуса женщин как субъектов и целей радикализации в Интернете, и поддержка более широкого представительства женщин (и молодежи) в соответствующих исследовательских проектах.

8. Углубление взаимодействия с организациями гражданского общества, соответствующими местными общинами и неправительственными субъектами, признавая их роль в содействии повышению эффективности осуществления национальных планов и стратегий борьбы с терроризмом.

9. Оказание поддержки научно-исследовательским учреждениям и ученым в изучении насильственной радикализации в Интернете в более широком контексте других измерений, в более широком масштабе и более качественном, а также через региональные и глобальные сети [5].

Средства массовой информации и интернет-посредники могли бы рассмотреть возможность:

1. Обеспечить профессиональное и чувствительное к конфликтам журналистское освещение путем предоставления поддающейся проверке информации и обоснованного мнения и осведомленность о языке и нарративах, которые могут способствовать расколу, ненависти и насильственной радикализации.

2. Повышение чувствительности средств массовой информации в Интернете и оффлайне, чтобы избежать ловушек страха, стереотипов, предвзятости подтверждения, фальшивых новостей и создания «медиа-паники», а также подтверждение важность этики средств массовой информации перед лицом радикализации молодых людей для насильственного экстремизма.

3. Разработка условий предоставления услуг в социальных сетях на основе консультаций с тем, чтобы обеспечить правовую и соразмерную основу для действий, особенно в отношении правительств или других третьих сторон, направленных на отслеживание, раскрытие или обмен информацией о молодых пользователях, а также на удаление контента, направленного на подстрекательство к радикализации в сторону насильственного экстремизма.

4. Определение и управление проявлениями ненависти без ущерба для прав на свободу выражения, опираясь на принципы, изложенные в Рабатском плане действий, разработанном Верховной Комиссией ООН по правам человека.

Гражданское общество и пользователи Интернета могли бы рассмотреть возможность:

1. Активизировать усилия организаций гражданского общества по использованию социальных сетей для стимулирования формулирования и распространения мирных сообщений, альтернативных и контр нарративов, которые бросают вызов экстремистской пропаганде и разжиганию ненависти.

2. Поощрять организации гражданского общества в качестве сторонников расширения прав и возможностей для борьбы с нарративами и создания общин, основанных на мирных ценностях.

3. Поддерживать семейные сети онлайн и офлайн наряду с родительским влиянием и инвестировать в социальную структуру, которая может умерить чувство отчуждения среди молодежи.

4. Поощрять грамотность, способствующую ненасильственному урегулированию конфликтов и формированию культуры мира.

5. Информировать пользователей Интернета об этическом поведении в Интернете, проблемах конфиденциальности и рисках, связанных с раскрытием персональных данных и другой потенциально конфиденциальной информации (через социальные сети), а также о том, как распознавать и отмечать незаконный контент/деятельность и террористические злоупотребления в социальных сетях.

Горелов Станислав Александрович,
начальник кафедры
деятельности ОВД в особых условиях,
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат психологических наук,
подполковник полиции

Григорьева Ольга Викторовна,
старший преподаватель кафедры
деятельности ОВД в особых условиях,
Санкт-Петербургского университета МВД России,
подполковник полиции

Виноградов Игорь Дмитриевич,
преподаватель кафедры
деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России,
майор полиции

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ К НЕСЕНИЮ СЛУЖБЫ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Одной из основных задач, стоящих перед сотрудниками органов внутренних дел, является охрана общественного порядка и общественной безопасности. Стоит отметить, что условно обучение курсантов можно разделить на две части – теоретическую и практическую. Если повседневный образовательный процесс требует сбалансированного подхода к теории и практике, а ряд специалистов делает уклон именно на теоретическую часть образования, то существующие современные реалии говорят нам о необходимости увеличения именно практических занятий с обучаемыми.

Стоит отметить, что до последнего времени неоднократно ставился вопрос о том, не слишком ли много часов выделяется на подготовку курсантов к действиям в особых условиях, подготовку к пресечению массовых беспорядков. Не раз и сами курсанты задавали вопрос, зачем им боевое слаживание в общем строю, со специальными средствами, в средствах индивидуальной защиты, когда они обучаются по направлениям оперативно-разыскной деятельности, следствия, дознания, и иным специализациям, напрямую не связанным с работой в общем строю.

Многие специалисты были уверены, что такой работой занимаются исключительно представители Росгвардии и полков патрульно-постовой службы полиции.

Ответы на данные вопросы нашлись сами собой. Занятия по пресечению массовых беспорядков обучаемым необходимы, причем количество часов, выделяемых на данную тематику, особенно по направлению обеспечения личной безопасности в условиях пресечения массовых беспорядков, необходимо увеличивать, и проводить совместные занятия с представителями факультетского звена. Повышение социальной напряженности в обществе и протестные движения, прокатившиеся по стране, потребовали от офицерского состава факультетов, а также от курсантов, адъюнктов университета не просто знаний по действиям в подобных ситуациях, но и организации слаженной работы, организации взаимодействия между курсами, взводами и факультетами, работы в общем строю и под единым руководством.

В связи с привлечением большого количества сотрудников из числа постоянного и переменного состава к несению службы по обеспечению общественного порядка и безопасности, с целью недопущения противоправных действий и пресечения провокаций и массовых беспорядков, руководство университета поставило задачу перед кафедрой деятельности ОВД в особых условиях осуществить практическую подготовку личного состава, в том числе курируемых кафедрой взводов, к действиям в условиях, связанных с риском для жизни. На протяжении двух предшествующих мероприятию дней практически всем личным составом кафедры на площадках университета были проведены занятия по подготовке к несению службы. Поставленная задача была выполнена в полном объеме. Кроме того, весь аттестованный состав сотрудников кафедры был привлечен к непосредственному несению службы по охране общественного порядка совместно с подготовленным сводным отрядом университета, что положительно отразилось на моральном духе обучаемых, впервые привлеченных к выполнению задач подобного рода. А представители кафедры в тесном взаимодействии с территориальными органами на своих участках эффективно осуществляли руководство подразделениями, что обеспечило выполнение оперативно-служебных задач на закрепленной территории в полном объеме.

Одной из важнейших задач в обучении курсантов и слушателей является их адаптация к служебной деятельности. С этой целью обучающиеся проходят практику в территориальных органах полиции, а также участвуют в несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Именно такой бесценный практический опыт и удалось получить наиболее подготовленным курсантам в конце января, начале февраля этого года. Благодаря постоянному взаимодействию руководства нашего

университета с Главным управлением МВД России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области обучающиеся смогли принять участие в мероприятиях по обеспечению общественного порядка совместно с представителями территориальных органов полиции.

Руководил несением службы и всесторонним обеспечением деятельности курсантов заместитель начальника университета полковник полиции Игнатов Василий Михайлович.

Лучшие курсанты со всех факультетов нашего университета, подготовленные выполнять поставленные задачи, были задействованы в охране общественного порядка. С целью повышения эффективности действий привлекаемых сил и средств, а также с целью оказания практической помощи курсовому звену факультетов, совместно с нарядами службу несли сотрудники кафедры деятельности ОВД в особых условиях, а также ряд преподавателей других кафедр практической направленности, обладающих значительным практическим опытом действий в условиях обеспечения общественного порядка и безопасности.

На местах несения службы сотрудниками кафедры для личного состава был проведен дополнительный инструктаж по мерам личной безопасности. При несении службы преподавателями совместно с курсовым звеном факультетов был определен порядок службы, организовано взаимодействие с территориальными органами полиции, а также проведены мероприятия по организации обогрева и отдыха личного состава факультетов.

Пример преподавателей и курсовых офицеров позволил курсантам адаптироваться к условиям несения службы. В то же время возможность обогреться и отдохнуть позволила снизить влияние стрессовых факторов на молодых сотрудников полиции.

Результатом грамотного руководства, а также организации взаимодействия факультетов с преподавателями-практиками, стало выполнение всех поставленных перед университетом задач в полном объеме.

Белов Евгений Витальевич,
заместитель начальника
Всероссийского института повышения квалификации
МВД России по организации службы,
полковник полиции

Коркмазов Алим Викторович,
преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института
повышения квалификаций (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, майор полиции

РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ – ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

В современном мире существует глобальная проблема, которая посягает на жизнь и здоровье граждан всего мира, подрывает основы национальной безопасности, оказывает негативное воздействие на социально-экономическую сферу многих стран. Это проблема существования мирового терроризма и экстремизма.

Терроризм – (фр. terreur- «страх», «ужас») это политика насилия, направленная, главным образом, против гражданского населения, политика разрушения, убийств, захвата заложников. Целью терроризма является запугивание, развития чувства страха за свою жизнь и жизнь родных людей у граждан, подавление морального духа противников, а также насильственное навязывание своих мировоззрений[1].

Терроризм в недавнем прошлом (XX–XXI вв.) показал себя на высоком организационном уровне. Во многих странах произошли масштабные террористические акты, унесшие множество человеческих жизней, пролилась невинная кровь. Такие насильственные действия являются недопустимыми в современном обществе.

Экстремизм, в свою очередь, оправдывает терроризм и его деятельность: вызывает национальную, расовую, социальную и религиозную рознь; занимается пропагандой превосходства либо ущербности человека в зависимости от его национальности, расовой, религиозной принадлежности, а также от его социального положения в обществе. Экстремистская деятельность выступает против конституционного строя страны и посягает на территориальную целостность России.

[1] Коркмазов А.В. Актуальные вопросы деятельности сотрудников полиции по предупреждению правонарушений экстремистской направленности // В сборнике: Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 71–72.

Для понимания данной проблемы необходимо понять причины, способствующие возникновению терроризма и экстремизма, и кто составляет социальную базу данных незаконных организаций.

Причинами возникновения терроризма и экстремизма служат, в первую очередь, неблагоприятное социальное положение в стране, социальное неравенство населения, рост числа безработных. В результате растет социальное напряжение в обществе и, как следствие, растет количество криминала. Также, немаловажной причиной, является большой приток нелегальных мигрантов. Среди нелегальных мигрантов складывается благоприятная среда для проведения террористической пропаганды и вербовки. Каналы нелегальной миграции используются террористами для перемещения боевиков из Сирии и Ирака, которые прибывают под видом мигрантов для вербовки и подготовки терактов в Европейских странах. Все это создает благоприятную почву для реализации своих идей иностранными и международными организациями, которые признаны террористическими организациями судом Российской Федерации. Это хорошо известные всем организации группировки «Хамас», «Исламское государство», «Аль-Каида», «Джабхад аль Нусра», «ИГИЛ», «Боко Харам», «Талибан», а также многие другие.

Вышеуказанные запрещенные в РФ группировки являются хорошо организованной структурой, которая спонсирует террористические формирования разных стран мира, а также обеспечивают их оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами (естественно, добытые незаконными путями), для дальнейшего использования их против мирных граждан и государств. Для такого рода спонсирования террористическими организациями необходимы колоссальные деньги. Львиную долю дохода данных организаций составляет наркоторговля. Кроме того, они занимаются продажей поддельных товаров, ограблением банков, контрабандой исторических ценностей и артефактов, им добровольно оказывают помощь многие организации. Другим источником дохода является «черное золото».

Существует множество форм экстремизма. Экстремистская деятельность, в экономической сфере, направлена на дестабилизацию социально-экономических основ общества, устранение конкуренции путем незаконных насильственных действий криминальных группировок; в политической сфере, экстремизм проявляется в отношении власти и государственного строя; националистический экстремизм, в свою очередь, под лозунгами защиты интересов «своего народа» наносит вред представителям других национальностей, проживающих на одной с ними территории; религиозный экстремизм выражается в непризнании других вероисповеданий; также экстремизм касается многих других сфер нашей жизни (экологическая форма экстремизма, духовная и др.)

Для вербовки террористы и экстремисты используют сеть «Интернет». Они, без опаски быть пойманными, находясь в другой стране или даже на другом континенте, активно используют социальные сети в своих интересах для поиска потенциальных террористов. Также с помощью сети «Интернет» они по всему миру распространяют идеи экстремизма, они публикуют пособия о том, как стать одним из них, как совершать хакерские атаки аккаунтов пользователей, устраняя при этом тех, кто препятствует их деятельности. Ими взламываются, с помощью новых технологий различные мессенджеры. Бороться с ними во всемирной сети Интернет очень тяжело.

В 2020 году в период пандемии по всему миру сократилось количество массовых мероприятий, были закрыты государственные границы большинства стран мира, что, конечно же, затрудняет деятельность террористических группировок. Но, все же, радикалы решили использовать глобальную нестабильность в своих целях. По мнению экспертов, спад экономики в мире из-за пандемии способен трансформировать в долгосрочной перспективе рынок наркотиков. В период пандемии многие люди сидя дома на самоизоляции стали больше времени проводить в социальных сетях, что идет на пользу пропагандистам радикальных идей.

Законом Российской Федерации запрещается распространение, производство и хранение с целью распространения на территории РФ материалов, содержащих экстремистскую идеологию.

В Российской Федерации компетентными органами осуществляется работа по обеспечению общественной безопасности, одним из приоритетных направлений, осуществляемой ими работы, является борьба с угрозой мирового терроризма и экстремизма[1]. В России существует общегосударственная система противодействия террористическим и экстремистским организациям, которая занимается обеспечением проведения единой государственной политики в данной сфере. В соответствии с Федеральным законом РФ «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 года №35-ФЗ, основные направления государственной политики в данной области определяет Президент РФ; Правительство РФ определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти в области противодействия терроризму и осуществляет руководство их деятельностью; федеральные органы исполнительной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий осуществляют деятельность по предупреждению террористических актов, устранению причин и условий, способствующих их совершению, а также

[1] Мацкевич И.М. Преступность в условиях глобализации (Доклад в Hongkong city university в апреле 2008 г.).

по раскрытию и расследованию уже совершенного террористического акта, и минимизации и (или) ликвидации его последствий.

Эффективная борьба с незаконными террористическими и экстремистскими организациями не возможна без проведения целенаправленной работы по профилактике причин, способствующих их возникновению. Для реализации мер профилактического характера органами исполнительной власти проводится работа по предупреждению граждан, в частности молодого поколения, о том, как не попасть в сети экстремистских и террористических организаций[1].

Разрабатываются памятки для населения о том, что делать, если вам предложили вступить в ряды запрещенных в России террористических и экстремистских организаций и куда обращаться в случае поступления таких предложений. Гражданам необходимо проявлять сознательность, понять всю серьезность данной проблемы и помочь сотрудникам правоохранительных органов в пресечении такого рода действий незаконных организованных формирований. Старшее поколение, в свою очередь, должно передать свои знания молодежи, с целью обезопасить его от нежелательных ошибок, потому как, молодое поколение, в силу своего юного возраста, своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки наиболее подвержено негативному влиянию извне. Органами исполнительной власти граждане предупреждаются об уголовной ответственности за экстремизм и терроризм в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Правоохранительными органами разрабатываются памятки для населения о правилах поведения заложников, с целью минимизации потерь среди гражданского населения в том случае, если не удалось предотвратить террористический акт.

Органами исполнительной власти граждане предупреждаются об уголовной ответственности за экстремизм и терроризм в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

[1] Гедугошев Р.Р. Актуальные вопросы противодействия пособничества терроризму // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9 (111). С. 99–100.

Боренов Алим Юрьевич,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
капитан полиции

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛОС ПРЕПЯТСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Одной из главных задач образовательных организаций высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации является подготовка квалифицированных специалистов, способных эффективно выполнить комплекс оперативно-служебных задач. Высокий уровень требований к физической подготовке сотрудников полиции обусловлен спецификой их профессиональной деятельности. В совокупности компонентов, обеспечивающих целевой уровень профессиональной готовности, базовой является способность оказывать противодействие действиям правонарушителей и преступников. Силовое и огневое противоборство с правонарушителем, как правило, осуществляется в процессе столкновения, его преследования и последующего силового задержания. Высокий уровень готовности в таких условиях деятельности возможен только при сформированности и методически грамотной интеграции различных элементов подготовки курсантов и слушателей в рамках учебного процесса по физической подготовке[1].

В проведенных нами исследованиях определялись наиболее согласованные теоретические и методические положения концепции применения комплексов специальных упражнений в процессе профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников силовых ведомств России.

В результате было установлено, что применение и использование сотрудниками различных полос препятствий является основным средством такой подготовки, а преодоление ими специальных полос препятствий одним из универсальных инструментов, используемых для формирования профессиональных навыков у сотрудников силовых ведомств и специальных служб. Универсальность данного подхода определяется тем, что применение специальных полос препятствий позволяет:

1. Эффективно интегрировать различные стороны подготовленности.

[1] Глущенко Д.В., Овчинников В.А. Актуальные проблемы профессионально-прикладной подготовки сотрудников органов внутренних дел России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1. С. 160–163.; Овчинников В.А., Якимович В.С. Физическая подготовка: учеб. Волгоград: ВА МВД России, 2014. – 552 с.

2. Моделировать типичные ситуации, характерные для практической деятельности оперативных сотрудников полиции.

3. Обеспечить высокий уровень мотивации и активности курсантов и слушателей.

4. Эффективно управлять процессом формирования целевого уровня подготовленности.

К наиболее согласованным теоретическим положениям концепции применения специальных упражнений в процессе профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников силовых ведомств нами отнесены:

1. Учет специфики выполнения оперативно-служебных задач является основой для выбора специальных упражнений на полосе препятствий.

2. Профессиональная деятельность требует интегрального проявления физических качеств и двигательных способностей.

3. Целевыми характеристиками подготовленности являются: умение быстро ориентироваться на незнакомой местности в скоротечно изменяющейся оперативной обстановке; способность к быстрому передвижению, что возможно при соответствующем сформированном техническом оснащении специальными двигательными навыками; способность преодолевать препятствия городского, естественного, штурмового, специального и полевого типа днем и ночью, в условиях ограниченной видимости; способность к реализации силового потенциала и координационных возможностей; способность противостоять физическому и психоэмоциональному утомлению; способность применять табельное оружие и спецсредства в условиях психического напряжения, значительного физического утомления и действия различных сбивающих факторов; высокий уровень психической устойчивости; способность действовать в условиях коллективной деятельности.

4. Служебные действия сотрудников ОВД России в различных экстремальных условиях осуществляются по схеме: поиск – преследование (передвижение с оружием) – силовое задержание (или огневое поражение).

Наиболее согласованными методическими положениями концепции профессионально-прикладной физической подготовки являются следующие:

1. Формирование готовности должно происходить поэтапно.

2. Преодоление специальных полос препятствий предполагает моделирование экстремальных условий деятельности.

3. Целесообразна широкая вариативность изменения обстановки и условий выполнения упражнений.

4. Необходимо формировать условия для выполнения упражнений на фоне утомления.

5. Применение нестандартных элементов на полосах препятствий обеспечивает формирование требуемого уровня подготовленности.

6. Структурными элементами специальных полос препятствий (городского типа) являются: проволочное заграждение; «горка»; «завал»; подземный лаз (или труба-тоннель); «рукоход»; вертикальный шест (или канат); горизонтальный шест (или канат); «полка»; стенка из цепей; тоннель; подвесная лестница; канатный (подвесной мост); ров; лабиринт; забор; разрушенный мост; разрушенная лестница; стена; колодец; траншея, гимнастические брусья; автомобильные покрышки; полос препятствий естественного типа: горки; холмы; ямы; спуски; каменистая, песчаная, вязкая, скользкая, заснежанная поверхность земли; подвижная и неустойчивая опора; водные преграды; чаща леса; бурелом; туман, пылевые бури и т. д.

Проведенные исследования позволяют сделать следующее заключение. Профессиональная подготовленность сотрудника ОВД России предполагает обязательное владение им следующими двигательными навыками: защита от ударов правонарушителя ножом (предметом); защита от угрозы правонарушителя огнестрельным оружием (коротким, длинноствольным); стрельба из табельного оружия из различных исходных статических положений и в движении; проведение обезоруживания и задержания правонарушителя. Физические упражнения, формирующие способность к эффективному владению перечисленными навыками, в условиях значительного физического утомления и действия сбивающих факторов должны являться базовыми структурными элементами специальных полос препятствий.

Дзагоев Инал Исакович,
инспектор по особым поручениям
Совместного информационно-координационного центра
органов внутренних дел,
полковник милиции

ОСОБЕННОСТИ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

В мае 2020 года Президентом Республики Южная Осетия А.И. Бибиловым подписана ратификационная грамота, подтверждающая проведение югоосетинской стороной внутригосударственных процедур по присоединению Республики Южная Осетия к Конвенции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по противодействию экстремизму. Ранее, в марте того же года, Парламент Республики Южная Осетия ратифицировал Закон Республики Южная Осетия «О присоединении Республики Южная Осетия к Конвенции Шанхайской организации по противодействию экстремизму». На основании статьи 30 Конвенции к ней могут присоединяться государства, не входящие в ШОС.

В Конвенции закреплены фундаментальные положения об опасности экстремизма как подспорья терроризма, о ведущей роли компетентных органов государств в противодействии экстремизму и терроризму, необходимости соблюдения международного права и Устава ООН, уважения принципов суверенитета и равноправия государств, невмешательства во внутренние дела стран, осуждения идеологии и практики экстремизма во всех его проявлениях и недопустимости публичных призывов и подстрекательств к экстремистским действиям. Документом обозначен перечень деяний экстремистского характера, за совершение которых страны, ратифицировавшие Конвенцию, обязуются установить уголовную ответственность, в том числе за финансирование экстремизма. Регламентирован Конвенцией и порядок выдачи осужденных и взаимной помощи правоохранительных структур для противодействия экстремизму.

Следует отметить важность и обоснованность решения властей Республики Южная Осетия о присоединении к указанной конвенции. Ведь экстремизм – это вид преступности, носящий разрушительный характер для государства и общества в целом. Он воздействует на политические, социокультурные и другие общественные процессы. Современный экстремизм, обладая внушительными финансовыми и экономическими возможностями, не контролируется ни государством, ни его институтами. У него есть своя система внутреннего управления и противодействия государству в интересах достижения различных целей. При этом, наблюдается сращивание экстремизма с организованной преступностью. Для достижения своих целей, экстремисты используют финансовые средства, получаемые от преступной деятельности. Это и продажа наркотиков, и незаконный оборот оружия, работорговля и т. д.

Деятельность экстремистских организаций (групп) довольно-таки разнообразна: некоторые из них действуют как исполнительные органы освободительного движения, другие выделяются при внутригосударственных или международных конфликтных ситуациях. Указанные радикальные группы весьма различны по своему составу, целям и способам действия. Неоднородны их идейно-политические основы, однако обобщающей характеристикой является террор и насилие как способ реализации преступных планов.

Факты экстремистского (террористического) характера в Южной Осетии активизировались в период вооруженного конфликта с Грузией и особо проявлялись до августа 2008 года, когда организованные грузинскими спецслужбами диверсионно-террористические акты на территории юга Осетии были нередким явлением. К примеру, в центре города Цхинвал, у домов лидеров народного ополчения взрывались самодельные взрывные устройства, подрывались пригнанные с территории Грузии автомашины, мобильные телефоны и другие устройства.

Взрывались даже продукты питания по привозу их на территорию РЮО. Все эти взрывы сопровождались многочисленными жертвами. Совершенные грузинскими спецслужбами на территории Южной Осетии террористические акты свидетельствовали о политике государственного терроризма, проводимой режимом Саакашвили. Совместными усилиями местных и Российских спецслужб удалось свести практически к нулю террористическую активность на территории РЮО. Сегодня, когда Южная Осетия обрела независимость, обстановка в Республике нормализовалась. Однако учитывая, что Грузия не отказывается от своих территориальных притязаний, угроза проявления актов экстремистского характера со стороны закавказской республики сохраняется.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности в Республике Южная Осетия действует Закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 60 от 20 апреля 2005 года, в котором определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление.

Одним из распространенных видов экстремизма в мире является религиозный экстремизм. Не обошло стороной это явление и Южную Осетию, правда не в таком радикальном виде, как в Северо-Кавказских республиках и странах Ближнего Востока. С развалом Советского Союза в республике, как и в других постсоветских территориальных образованиях, активизировались всевозможные религиозные течения и группы. В особенности их деятельность стала уверенно набирать обороты в местах локальных конфликтов и войн, ставших следствием центробежных тенденций на просторах бывшего СССР.

Во время военных событий начала 90-х годов 20-го века и после в Республике Южная Осетия стала возрождаться православная община, но параллельно появились и эмиссары различных нетрадиционных религиозных объединений и сект. В основном это представители осетинской национальности, переехавшие из Грузии в Южную Осетию и ставшие лидерами упомянутых организаций. Среди них: «Пятидесятники» «Свидетели Иеговы», «Баптисты», «Адвентисты седьмого дня». Очевидно, что внедрение сект проходило целенаправленно, а факт того, что в то время на территории Юго-Осетинской автономной области не было ни одной действующей православной церкви упрощало такое внедрение. Отсутствие своего законодательства, которое регулировало бы правоотношения в области религии, побудило Парламент РЮО принять Закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

В 1998 году образован Комитет по делам религии при Правительстве Республики Южная Осетия, который впоследствии был реорганизован, после чего Указом Президента РЮО введена должность Уполномоченного

по делам религии при главе государства. В настоящее время в Министерстве юстиции республики не зарегистрировано ни одно религиозное объединение нетрадиционного толка. Деятельность таких объединений противоречит югоосетинскому законодательству, и их статус не вписывается в действующее правовое поле. Закон запрещает религиозным объединениям, которые не зарегистрированы соответствующим образом, осуществлять свою деятельность в республике. Что касается количества сектантов в Южной Осетии, то точных данных о них нет. Обусловлено это закрытостью их функционирования и принципами вероучений. Следует отметить, что с 1998 года по 2008 год наблюдалась определенная тенденция к росту числа сектантов, что в находящейся в условиях войны небольшой стране вызывало тревогу. После августовской войны 2008 года количество сектантов заметно уменьшилось. Примечательно, что на первых этапах религиозные объединения в основном состояли из пожилых людей, а сегодня их возраст помолодел. Это связано с особенностями в вероучении нетрадиционных религиозных объединений, связанными со стремлением вовлечь в свои ряды целые семьи. Здесь важно указать, что в соответствии с пунктом 6 статьи 3 Закона «О свободе совести и религиозных объединениях в РЮО» запрещается вовлечение малолетних детей в религиозные объединения, а также обучение вопреки их воле и без письменного согласия родителей или лиц, их заменяющих.

Государство вправе отказать в регистрации религиозным объединениям в случаях, если их цели, задачи и деятельность противоречат Конституции и законодательству РЮО. Например, служба в армии – обязанность каждого гражданина, но некоторые религиозные организации, в частности «Свидетели Иеговы», призывают своих единомышленников к пацифизму. Нарушением закона является также отказ от принятия медицинской помощи в случае опасности для жизни и здоровья. Именно членам объединения «Свидетели Иеговы» запрещено прибегать к переливанию крови в критических ситуациях, когда это необходимо. Как следствие, по инициативе Генеральной прокуратуры Верховный суд РЮО 6 октября 2017 года признал деятельность незарегистрированного религиозного объединения «Свидетели Иеговы» экстремистской. В список запрещенных организаций в Южной Осетии также вошли признанные в России террористическими «Джебхат ан-Нусра» «Правый сектор» «ИГИЛ» и «Аль-Каида».

В целях совершенствования механизмов противодействия экстремистской деятельности с использованием общественных и религиозных объединений Парламентом РЮО 30 марта 2018 года принят Закон «О внесении изменений в Закон Республики Южная Осетия «О противодействии экстремистской деятельности». Изменения предусматривают ограничение прав для лиц, ранее уже являвшихся

руководителями или членами руководящего органа общественного или религиозного объединения, в отношении которых принято вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Лицам данной категории запрещено в дальнейшем создавать общественные и религиозные объединения. Поправки в закон обозначили, какие организации считать экстремистскими. Определена и символика, которая относится к разряду экстремисткой. В целом этот закон призван защитить граждан от негативного влияния радикальных религиозных течений. Кроме того, впредь за незаконные собрания предусмотрены штрафные санкции, а руководители организации могут быть привлечены к уголовной ответственности.

В настоящее время Южную Осетию можно считать мононациональным государством, где осетины составляют около 90% всего населения. Кроме осетин как большим численным составом в республике представлены грузины, русские и армяне. Все эти национальности исповедуют христианство и каких-либо разногласий между ними в религиозной сфере не происходит, не говоря уже о экстремистских настроениях. Осетины также исповедуют и традиционную религию предков, которая мирно уживается и не идет в противовес христианству. Однако иногда появляются деструктивные силы (политики, блогеры), которые в угоду своим личным интересам и амбициям искусственно пытаются ставить вразрез две защищенные ст. 33 Конституции РЮО религии, но обычно дальше полемики в социальных сетях дело не идет. Но все же такие с виду малозначительные факты должны настораживать правоохранительные органы РЮО и становиться объектом пристального внимания.

Серьезную угрозу для общества представляет политическая форма экстремизма, направленная на уничтожение существующих государственных устоев. Политический экстремизм – это в основе своей антиконституционная деятельность, а его конечной целью является приобретение власти, необходимой для установления режима монопольного правления силы, которая изначально отвергает любую оппозицию и будет непримирима к оппонентам. Политический экстремизм сегодня становится явлением, представляющим реальную угрозу национальной безопасности государства, жизненно важным интересам личности и общества. Этот вид отличается от других форм экстремизма (национального и религиозного) тем, что его основными составляющими элементами выступают субъекты политической деятельности, сама политическая деятельность, ориентированна на достижение публичной власти. При этом методы достижения поставленных целей могут носить и насильственный характер.

Повышенный интерес общества в Южной Осетии к политической жизни в республике обычно проявляется в период проведения выборов различного уровня, плебисцитов и референдумов, а также других важных преобразований в органах государственной власти. Именно тогда активизируются сторонники и противники действующей власти, оппозиционно настроенные политики, а в интернет-пространстве – блогеры. Однако правоохранительным органам РЮО удается контролировать эти процессы, выявлять и пресекать нарушения закона в процессе политической борьбы.

Статистика показывает, что проявления фактов экстремизма за последнее время гражданами Республики Южная Осетия незначительны. Так, по статьям экстремисткой направленности уголовного кодекса Российской Федерации с 2015 года по настоящее время возбуждено всего лишь одно уголовное дело по обвинению 2-х граждан РЮО по ст. 275 (государственная измена), 278, ч. 2 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 282, ч. 1 (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) УК РФ. Незначительно и количество совершенных общеуголовных преступлений в республике, в квалификации которых присутствует мотив политической, национальной, расовой и религиозной ненависти (мотивы, которые указывают на экстремистский характер преступления).

Важно указать, что в настоящее время экстремистская деятельность переносится в виртуальное пространство и осуществляется путем публикаций в интернет – ресурсах и изданиях. Не всегда открытую пропаганду против действующей власти, возбуждение ненависти или вражды в социальных сетях можно отследить и доказать экстремистский характер публикаций. В этой связи хочется отметить роль созданного в г. Цхинвал постоянно действующего межгосударственного правоохранительного органа – Совместного информационно-координационного центра органов внутренних дел РФ и РЮО (далее – Центр). Одним из направлений деятельности Центра является мониторинг информационного пространства и публикаций различных изданий на предмет наличия материалов экстремистского характера. Публикуемые на интернет-платформах материалы, связанные с общественно-политическими процессами, вызывающие общественный резонанс, исследуются и анализируются. Кроме того, на штатную должность в Центр прикомандирован эксперт-лингвист для проведения исследований письменного или устного текста по решению вопросов смыслового понимания, назначаемых правоохранительными органами в рамках предварительного расследования по уголовным делам экстремистской и террористической направленности для сбора доказательной базы, скорейшего и качественного расследования процессуальных материалов и направления их в суд. В настоящее время лингвистическая лаборатория отдела криминалистических учетов и

экспертиз Центра проводит текущие актуальные экспертизы, назначаемые правоохранительными органами Южной Осетии, а также органами предварительного расследования дислоцированных в республике 4-й военной базы Министерства обороны и Пограничного управления ФСБ России.

В некоторых случаях проводятся консультации с представителями уполномоченных органов республики о необходимости или нецелесообразности проведения лингвистической экспертизы. Ведется профилактическая работа с молодежью и с этой целью специалистами Центра проводятся лекции в Юго-Осетинском государственном университете.

В завершение хотелось бы отметить, что одним из основных звеньев в общей системе предупреждения и пресечения экстремизма являются органы внутренних дел. И конечно, эффективность их деятельности в борьбе с экстремизмом во многом зависит от уровня подготовки сотрудников правопорядка.

Денисенко Снежана Валентиновна,
доцент кафедры
философии и политологии
Омской академии МВД России,
кандидат философских наук,
полковник полиции

РОЛЬ МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В ЭФФЕКТИВНОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Моральная реальность человечества в современный период разнообразна и многомерна. Плюрализм, толерантность и лояльность глобального мироустройства пронизывают субкультуры и моральные системы. Во всеобщем разнообразии и противоречиях моральных оценок сохраняется несколько эпицентров солидарного отношения, в числе которых состояние преступности.

Общечеловеческая негативная моральная оценка преступности выражается повсеместно, преступления отождествляются с абсолютным мировым злом. Зло как абстрактный и собирательный образ концентрирует социальный негатив, а преступность являет миру максимум пренебрежения.

В негативной оценке всех видов преступности человечество действительно активно единодушно. Очевидно, что этот моральный потенциал следует задействовать должностным лицам, занятым поддержанием правопорядка.

Интересна связь морального фактора с реальностью, продуцирующей преступность. Ею стали процессы, активно развивающиеся в социальной среде мегаполисов. Исследователь урбанистической реальности Г.В. Горнова исследовала мегаполис как особый феномен культуры. Она утверждает, что самая крупная форма расселения человека в мире, имеет много преимуществ для комфортной жизни, но создает не меньшее количество проблем. Городская среда – искусственная среда обитания, порожденная человеком природа, в которой реализуются все социобиологические, психологические и философско-антропологические качества человека, общества[1]. Взаимоотношения жителей мегаполисов несут в себе сущность глобальной культуры и тех противоречий, которые приводят к преступности, к большинству ее современных видов.

Мегаполисы создают не только разнообразную преступность, но и особый стиль противостояния ей. Самое важная стилевая черта, это постоянная направленность общества и специалистов на опережение и профилактику преступности, работа с социальными группами, способных дать прирост одного или нескольких видов преступности. Чаще всего это возрастные социальные группы: подростки, молодежь, пенсионеры и т.д. Партнерская стратегия полиции и общества развивается в полицейской среде с конца XX века как стратегия морального единства с населением в целях противодействия преступности. Усилия правоохранительных органов, общественных организаций в городском пространстве нейтрализуют часть криминогенных источников, но лишь часть, на месте которых появляются новые.

С ростом городов усиливается анонимность существования, которая представляет собой не только анонимность в толпе, но и многообразный мир вещей, материальную среду, окружающую каждого человека. Моральные факторы переплетаются с психологическими: более высокая тревожность, показывает уровень общей невротизации общества и готовность горожанина к встрече с опасностью, а значит, способность агрессировать практически по любому поводу.

В мегаполисе социум быстро трансформируется, приобретая новые черты, соотвествующие времени и научно-техническому прогрессу. По мнению Горновой Г.В. моральной стороной жизни мегаполиса является то, что горожане не обращают серьезного внимания на окружающих, им часто безразлично, чем занимается человек, во что он одет, и какое у него настроение. Отчужденность проявляется в том, что горожанин самостоятельно борется за свое место под солнцем. Такая важнейшая черта городского образа жизни, как высокая плотность, стесненность населения,

[1] Горнова Г.В. Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск, 2011. С. 8.

вызывает у горожан рост агрессии, естественно повышает накал межличностных контактов для того, чтобы увеличить дистанцию с другими горожанами, показать готовность к борьбе за свое пространство[1]. Разобщенность и индивидуализм перестают быть личным делом каждого, из моральной проблемы они становятся факторами, питающими различные виды преступности.

Очевидно, что при таком стиле жизни жители городов при виде полицейского на улице ощущают уверенность в безопасности. Экипированный же специальными средствами защиты и огнестрельным оружием полицейский наоборот, вызывает у горожан беспокойство за происходящее вокруг их жилища. Применение оружия в условиях густонаселенного массива всегда создает опасность навредить случайным свидетелям.

Процесс урбанизации привел к концентрации полицейских сил во всех мегаполисах планеты именно с целью максимального контроля над преступностью, отмечают в своем исследовании особенностей охраны общественного порядка в мегаполисе Т.В. Голованова и С.В. Денисенко. По их мнению, именно в мегаполисах профессионализм полицейских требует высокого мастерства, вынуждает направить использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем именно на борьбу с преступностью. Все чаще в работе полиции больших городов используются камеры видеонаблюдения, размещенные повсеместно. Полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, не только при документировании обстоятельств совершения преступлений и происшествий, но и для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности. Нательные камеры стражей правопорядка, видеорегистраторы в автопатрулях[2], в помещениях госучреждений и коммерческих организаций с одной стороны фиксируют факт правонарушения и правонарушителя, обстоятельства и свидетелей происшествия, с другой, выполняют функции контроля за деятельностью полицейского. Эта гарантия информированности является неотъемлемым атрибутом противодействия преступности в мегаполисах.

Средства массовой информации отмечали летом 2016 года, что единственным исключением из общей мировой практики обеспечения правопорядка в мегаполисе можно назвать Лондон, где патрульные, за все время функционирования полиции традиционно не вооружались

[1] Горнова Г.В. Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск, 2011. С. 25.

[2] Голованова Т.В. Денисенко С.В. Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2. С. 48–52.

огнестрельным оружием, так как власти считали это излишним[1]. Все же, летом 2016 г., в ответ на серию террористических актов, произошедших в Европе, на патрулирование лондонских улиц было направлено дополнительно 600 вооруженных сотрудников. Глава полиции Бернард Хоган-Хоу сообщил, что с их помощью безопасность усиливается в местах туристических достопримечательностей и большого скопления людей. Остальные лондонские полицейские по-прежнему патрулируют улицы без оружия[2]. Два десятилетия XXI века указали на новые моральные проблемы мегаполисов, среди которых – удвоение среды реального обитания цифровой реальности, в которой наряду с потерей привычных социальных связей, растет киберпреступность.

Глобализированная современность бросает вызов российской полиции. Моральный фактор включенности и гражданской активности сотрудников полиции способствует снятию ряда моральных противоречий в напряженном пространстве мегаполисов. В исследовании специфики работы полицейского в мегаполисе Голованової Т.В. указаны неспецифические виды деятельности полиции. Наряду с узкоспециальными задачами, присущими правоохранителям в современных крупных городах, полиция разъясняет маршруты движения приезжим, участвует в массовых спортивных и культурных мероприятиях, присутвует в местах массового скопления людей, устанавливает личности горожан, разыскивает утерянные вещи, и выполняет многие другие обязанности, связанные с многочисленными межличностными контактами горожан[3].

Мониторинг восприятия обществом уровня защищенности и эффективности служебной деятельности полиции ведется на регулярной основе со стороны министерства внутренних дел и общественных организаций. В сопоставлении результатов социологических исследований проявляется роль морального фактора в эффективном противодействии преступности. Размещение материалов исследования на сайте министерства внутренних дел показывает данные за пятилетний период наблюдения. Данные свидетельствуют, что наибольший рост позитивных оценок приходится на 2020 г., когда проявилась активная социальная помощь полиции в период пандемии. Так, по сравнению с предыдущим 2019 г. зафиксирован рост уровня защищенности граждан от преступных

[1] В Лондоне стало больше вооруженных полицейских из-за угрозы террора. URL: https://www.bbc.com/russian/news-36961563?ocid=socialflow_twitter (дата обращения: 26.04.2021).

[2] Там же.

[3] Голованова Т.В. Денисенко С.В. Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2. С. 48–52.

посягательств (с 45,7% до 51,1%) и уровня защищенности граждан от преступных посягательств на объектах транспорта (с 45,2% до 51,6%)[1].

К сожалению единой ситуации с моральной оценкой на территории государства с большой территорией ожидать не приходится. В аналитических отчетах МВД РФ указано, что в период 2016–2020 гг. по показателю «Уровня виктимизации» благополучными регионами Российской Федерации являются: Кабардино-Балкарская Республика, Республика Башкортостан, Республика Марий-Эл, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Калмыкия, Астраханская, Самарская, Брянская и Рязанская области[2].

Признание влияния морального фактора помощи, одобрения на эффективность противодействия преступности состоит в общественной поддержке тех, кто борется с преступностью от лица государства. На это нацелены современные сотрудники правоохранительных органов, которые связывают своими усилиями моральную и государственно-правовую методологию противодействия преступности в единое глобальное пространство защиты безопасности жизни.

Ешеров Аубекир Газраильевич,
заместитель начальника Главного управления,
начальник Центра Главного управления МВД России
по Северо-Кавказскому федеральному округу,
полковник полиции

Голяндин Николай Петрович,
профессор кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Оперативная обстановка в Северо-Кавказском регионе по противодействию терроризму и экстремизму в настоящее время остается сложной, но стабильной. По результатам деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел субъектов Северо-Кавказского

[1] Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion (дата обращения: 14.05.2021).

[2] Там же.

федерального округа[1] в регионе за первый квартал 2021 года зарегистрировано 203 преступления террористического характера, что на 63,7% больше по сравнению с 2020 годом и составляет 56,1% от всех преступлений данной категории, совершенных в Российской Федерации – 362 (+13,8%).

В большинстве субъектов РФ в СКФО отмечен рост динамики преступлений данной категории в сравнении с показателями 2 месяцев 2020 года: в Республике Ингушетия – 10 преступлений, (+233,3% в сравнении с ПП), в Чеченской Республике – 36 (+157,1%), в Кабардино-Балкарской Республике – 12 (+100%), в Ставропольском крае – 13 (+85,7%) и в Республике Дагестан – 129 (+59,3%).

Динамика преступлений террористического характера не изменилась в сравнении с показателями аналогичного периода прошлого года в Республике Северная Осетия-Алания (2 преступления).

Снижение зарегистрировано только в Карачаево-Черкесской Республике – 1 (–90,9%).

При этом темпы нарастания динамики преступлений террористического характера на территории СКФО существенно (более, чем в 4,5 раза) опережают общероссийские показатели (+63,7% – в СКФО, +13,8% – в целом по России).

Результаты анализа статистических данных также свидетельствуют о росте удельного веса преступлений террористического характера, совершенных на территории СКФО, к общему объему зарегистрированных в Российской Федерации: по итогам 2019 года – 50,8%, 2020 года – 51%, двух месяцев 2021 года – 56,1%[2].

Динамика преступлений экстремистской направленности в сравнении с показателями 2 месяцев 2020 года сократилась, зарегистрировано 15 (– 2,3%), что составляет 10,1% от всех преступлений указанной категории, совершенных на территории Российской Федерации – 149 (+12,9%).

Значительно выросла динамика преступлений данной категории в Ставропольском крае - 5 преступлений (+400%), в Карачаево-Черкесской Республике – 2 (+200%) и в Кабардино-Балкарской Республике – 1 (+100 %).

В сравнении со статистическими данными 2020 года не изменилось количество преступлений экстремистской направленности в Республике Северная Осетия-Алания (преступлений не выявлено).

В двух субъектах СКФО отмечено снижение динамики: в Республике Дагестан – 6 (–71,4%) и в Республике Ингушетия – 1 (–66,7%). В Чеченской Республике преступлений экстремисткой направленности не выявлено.

---

[1] Далее по тексту – СКФО.

[2] Главный информационно-аналитический центр МВД России. Квартальная форма отчетности 282 – «Антитеррор». 2019–2021 гг. Доступ из локальной сети.

Вместе с тем вероятность осложнения оперативной обстановки на Северном Кавказе остается высокой.

Характер действий террористов и поступающая оперативная информация свидетельствуют об их нацеленности на дальнейшее противодействие нормализации ситуации в регионе.

Выявляются новые законспирированные ячейки международных террористических и религиозно-экстремистских организаций.

Кроме того, только за первые месяцы 2021 года выявлено 6 ячеек международных террористических и религиозно-экстремистских организаций, установлено 95 лиц, входивших в их состав (нейтрализовано – 33, задержано – 62).

Например, 20.01.2021 МВД по ЧР, УФСБ России по ЧР, 141 СМП 46 ОБРОН УФСВНГ России по ЧР в ходе отработки информации о вероятных местах укрытия и маршрутах передвижения членов МТО «Исламское государство» на северно-западной окраине н.п. Катар-Юрт Ачхой-Мартановского района ЧР обнаружен блиндаж, где были заблокированы 4 участники НВФ.

На предложение сдаться преступники оказали вооруженное сопротивление, и в ходе боестолкновения все были нейтрализованы, (двое совершили самоподрыв). Как было установлено в ходе последующих мероприятий все фигуранты причастны к совершению ряда тяжких и особо тяжких преступлений на территории РФ, в том числе к вооруженному нападению 04.12.2014 на объекты социальной сферы в г. Грозном.

При боестолкновении получили ранения различной степени тяжести 5 сотрудников органов правопорядка.

С места происшествия изъято: 3 автомата АК-74, 5 гранат «Ф-1», 60 патронов калибра 5,45 мм, 5 фрагментов самодельных взрывных устройств, фрагмент автомата АК-74 и 6 магазинов к автомату АК.

Кроме того, выявлены 4 приверженца радикальной идеологии (РД-1, СК-3), добровольно вступивших в состав международных террористических и экстремистских организаций.

Характер действий террористов и поступающая оперативная информация свидетельствуют об их нацеленности на дальнейшее противодействие нормализации ситуации в регионе.

Выявляются пособники незаконных вооруженных формирований, оказывающие ресурсное обеспечение террористической деятельности, в том числе снабжая огнестрельным оружием и боеприпасами.

Так, 19.02.2021 сотрудниками МВД по РД в домовладении гр. З., 1958 года рождения, обнаружен цех по переделке гражданского оружия под стрельбу боевыми патронами, при осмотре которого изъято:

1) пистолет кустарного производства калибра 9 мм;
2) пистолет кустарного производства калибра 5,6 мм;

3) пневматический пистолет «Вальтер ТПК» калибра 4,5 мм;
4) пневматический пистолет «654К» калибра 4,5 мм;
5) 156 патронов различного калибра;
6) слесарные инструменты, станки для работы с металлом, тиски;
7) самодельные кинжалы – 4 шт.

По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ.

Выявляются сторонники международных религиозно-экстремистских организаций, оказывающих пособническую помощь их членам и распространяющих радикальные религиозные воззрения среди населения.

Сотрудниками УУР МВД по РД во взаимодействии с УФСБ России по РД установлено, что следственно-арестованный гр. Р., 2002 г. р., по месту своего проживания путем уговоров и убеждений склонил следственно-арестованного гр. Ш. к участию в деятельности МТО «Исламское государство». 18.02.2021 СО УФСБ РФ по РД возбуждено уголовное дело по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Факты вербовочной деятельности выявляются также в уголовно-исполнительных учреждениях.

Например, сотрудниками ГУ МВД России по Ставропольскому краю во взаимодействии с УФСБ России по СК и УФСИН России по СК установлено, что гр. Л, 1995 г. р. (осужден 31.08.2018 Александровским районным судом СК по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ к 14 годам лишения свободы в ИК строгого режима), являясь участником МТО «Исламское государство», в августе 2020 года в процессе отбывания наказания в ФКУ ИК-11 УФСИН России по СК путем уговоров и призывов к религиозному единству склонил к вступлению в МТО «Исламское государство» осужденных по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ гр-н. А.А.Г. и А.М.А.

Остаются актуальными угрозы вхождения в состав террористических ячеек выходцев из СКФО, принимавших участие в боевых действиях на территории ближневосточного региона на стороне МТО.

04.02.2021 сотрудниками УУР МВД по РД задержана находившаяся в федеральном розыске гр-ка. К., 1966 г.р., которая с сентября 2014 г. выехала в Сирийскую Арабскую Республику, где вступила в состав МТО «ИГ» и принимала участие в боевых действиях.

Правоохранительными органами вскрываются новые стоянки боевиков, тайники и схроны с запасами оружия, боеприпасов и других средств террора.

Так, 17 февраля на окраине н.п. Тлибишо Ахвахского района РД обнаружен принадлежавший членам диверсионно-террористической группы «Цумадинская» (главарь группы Ш. Алиев нейтрализован 03.06.2018) тайник, из которого изъяты около 100 патронов различного калибра и разгрузочный жилет.

В ходе мероприятий, направленных на подрыв ресурсной базы НВФ, ликвидирован 1 блиндаж боевиков в Чеченской Республике, а также 9 тайников с оружием и боеприпасами (РД-6, РИ-2, РСО-1).

Из незаконного оборота изъято: 4 гранатомета и 26 выстрелов к ним, 125 единиц стрелкового оружия, 2 авиабомбы, 4 снаряда, 60 гранат, 2 СВУ и 10 кг компонентов для их изготовления, 3,3 кг взрывчатых веществ, а также 12876 патронов.

В целях воспрепятствования обнаружения мест базирования, члены НВФ, укрывающиеся в горно-лесистой местности, продолжают устанавливать мины-ловушки на вероятных маршрутах следования подразделений силовых структур. Например, 19 февраля в результате отработки полученной оперативной информации в лесном массиве в 2-х км западнее н.п. Аялизимахи Сергокалинского района РД под камнями обнаружено СВУ с выведенными проводами в виде металлической емкости со смесью аммиачной селитры с алюминиевой пудрой, усилено поражающими элементами.

Для пресечения деятельности незаконных вооруженных формирований, обеспечения правопорядка и безопасности в субъектах РФ в СКФО, сохраняется правовой режим контртеррористических операций на территории:

– Чеченской Республики – в Серноводском, Ачхой-Мартановском и Урус-Мартановском районах;

– Республики Дагестан – в г. Кизилюрт и Кизилюртовском районе, в г. Хасавюрт и Хасавюртовском районе;

– Республики Ингушетия – на части территорий Назрановского и Сунженского районов.

В ходе 1462 спецмероприятий нейтрализовано 5 боевиков в Чеченской Республике (в том числе 1 лидер).

Задержан 31 участник НВФ (в КБР – 1, в РД – 15, в СК – 3, в ЧР – 10, скрывающихся за пределами СКФО – 2), в Республике Дагестан склонено к явке с повинной 2 бандпособника.

В целях усиления контроля за перемещением по территории округа членов диверсионно-террористических групп, пресечения провоза ими на автотранспорте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств и иных средств террора, активизирована деятельность на объектах УЗС ВОГОиП МВД России.

За 2 месяца 2021 года на ФКПП, КПП и ОКПП, размещенных на территории субъектов РФ в СКФО, досмотрено 1 076 738 транспортных средств. Задержано 34 единицы автомобильного транспорта, находящегося в розыске (в том числе: в международном – 3, в федеральном – 26). Выявлено 158 транспортных средств с признаками изменения маркировки узлов (агрегатов) и 22 правоустанавливающих документа с признаками подделки.

Проверено 1 650 375 граждан, в пассажиропотоке выявлено 1 745 лиц, представляющих оперативный интерес. В органы внутренних дел

регионов, в которые направлялись объекты оперативной заинтересованности, разосланы инициативные информации в соответствии с указанием МВД России от 05.10.2015 № 392.

Задержано 128 лиц, находящихся в розыске (в том числе: в международном – 7, в федеральном – 58). В территориальные органы внутренних дел передан 41 иностранный гражданин, нарушивший правила пребывания на территории Российской Федерации.

Из незаконного оборота на объектах УЗС изъято: 336 единиц оружия (в том числе огнестрельного: боевого – 13, гражданского – 275), 18 гранат и выстрелов к гранатометам, 8 689 боеприпасов различного калибра (в том числе к боевому огнестрельному оружию – 7 229), 16 кг взрывчатых веществ, а также 5 кг 168,3 гр. наркотических средств и психотропных веществ.

Жарков Сергей Александрович,
доцент кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции

Тихонов Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры
физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
старший лейтенант полиции

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

Использование технических средств обучения в учебном процессе курсантов и слушателей по дисциплине «Физическая подготовка» является одним из важнейших направлений современной профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) сотрудников полиции. В ведомственных образовательных организациях системы МВД России современные технические средства обучения используются и применяются с различной степенью эффективности и прикладности. При этом многие специалисты отмечают их важность и значимость в учебном процессе[1].

[1] Садеков Р.Р. Профессионально-прикладная и спортивная подготовка сотрудников в вузах МВД России: моногр. М.: ИПУРАН, 2012. – 204 с.; Технические средства обучения: учеб. пособие для ин-в физ. культ. М.: Физкультура и спорт, 1990. – 80 с.

Под техническими средствами обучения понимаются – разнообразные инструменты, приборы, устройства, тренажеры, которые педагогические работники образовательных организаций используют для повышения качества и эффективности обучения занимающихся.

В практической деятельности ППФП технические средства обучения целесообразно делить на следующие группы. 1. Различные средства, с помощью которых осуществляется обмен, передача данных (интерактивные доски, рации и т.д. 2. Различные средства, с помощью которых происходит формирование теоретических знаний (проекторы, видеостенды и т. д.). 3. Различные средства, с помощью которых происходит формирование двигательных умений и навыков, приобретаемых в процессе практических занятий (киктестеры, гониометры и т. д.).

Выделяют понятия – технические устройства и тренажеры. Благодаря им на практических занятиях по физической подготовке можно моделировать разнообразные ситуации оперативно-служебной деятельности, повышать безопасность проведения занятий, избегать спортивного травматизма у занимающихся. В их технической основе лежат, как правило, протекающие различные процессы информационного, структурного (логического), механического или электрического плана. Но тренажеры должны быть сконструированы согласно технической документации, техническому паспорту и пройти при этом заводскую сертификацию. Технические устройства могут использоваться в зависимости от конструктивных предпочтений автора и без соответствующей технической документации. Но обязательное условие для обоих видов – это их безопасность для участников процесса.

К первой группе технических средств обучения относятся наглядные таблицы по обучению боевым приемам борьбы, диаграммы, графики, схемы, рисунки, рупоры, микрофоны, усилители и громкоговорители, телевизионные и плазменные панели и др.

С помощью второй группы средств технического обучения происходит качественное и эффективное формирование теоретических знаний по различным вопросам физического воспитания, при этом обеспечивается своевременная текущая оценка и объективизация педагогического контроля у обучающихся.

Технические средства обучения, относящиеся к третьей группе, должны быть достаточно легкими, безопасными, не громоздкими, с достаточно простыми средствами визуализации, звукового и цветового сопровождения, при этом не стеснять и не сковывать движения обучаемых. Они позволяют выявить биомеханические параметры движений и оптимизировать обмен информации между педагогами и занимающимися. Это различные гониометры, осциллографы, киктестеры, различные автоматизированные системы управления и т. д.

Исходя из вышеизложенного, дальнейшее изучение вопроса, связанного с проектировкой, изготовлением, модернизацией, применением и внедрением технических средств обучения в процесс профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации остается актуальным и требует своего дальнейшего разрешения. Ведь подготовка высококвалифицированных кадров является одной из главенствующих задач образовательных организаций системы МВД России.

Иванова Елена Сергеевна,
заместитель начальника методического отдела
управления учебно-методической работы
Санкт-Петербургского университета МВД России,
полковник полиции

Рязанцев Евгений Николаевич,
старший преподаватель кафедры
деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России,
подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

При расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности, которые отнесены уголовным законодательством к преступлениям против общественной безопасности, назначается большое количество судебных экспертиз. Их виды зависят от объектов, имеющихся в распоряжении следователя и задач, стоящих на различных этапах расследования.

Судебная экспертиза - это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу[1].

[1] О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ: федер. закон Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ. URL: https://fzrf.su/zakon/sudebno-ehkspertnaya-deyatelnost-73-fz (дата обращения: 12.05.2021).

Назначение судебной экспертизы обязательно в случаях, перечисленных в статье 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ). Однако практика показывает, что фактически ни одно преступление невозможно раскрыть и расследовать без проведения судебно-экспертного исследования. Преступления террористической направленности характеризуются обширной следовой картиной. Причем, разнообразие следов очень велико, что дает возможность органам предварительного расследования назначать судебные экспертизы различных родов и видов. Объекты, изымаемые с мест преступлений, весьма различны, что не дает представить в данной публикации единого алгоритма их изъятия. Представляется важным указать общие процессуальные требования и остановиться на тех объектах и их особенностях, которые представляют особые сложности для их грамотного изъятия и последующего исследования. Любое назначение судебной экспертизы состоит из нескольких процессуальных этапов, временные границы между первыми тремя весьма условны:

– подготовка объектов экспертного исследования;

– выбор экспертного учреждения или эксперта;

– вынесение мотивированного постановления о назначении экспертизы;

– ознакомление с ним обвиняемого, разрешение заявленных при этом ходатайств;

– исполнение постановления – направление его вместе с объектами исследования в экспертное учреждение или эксперту.

Стоит обратить внимание на тот факт, что правильная формулировка вопросов эксперту имеет огромное значение для избежания повторного назначения. Вопросы строятся конкретными, четкими и ясными, дабы не допускать неоднозначного толкования. При этом, вопросы должны относиться к исключительной компетенции эксперта. На разрешение эксперту не выносят вопросы правового характера. При подготовке постановления следователь может, а в отдельных случаях это просто необходимо, консультироваться с экспертом или специалистом соответствующей специальности.

Вместе с постановлением о назначении экспертизы в экспертное учреждение направляются изъятые объекты, образцы для проведения сравнительных исследований, а также процессуальные документы (материалы уголовного дела и другие документы), необходимые эксперту для производства исследования и дачи заключения).

Мы уточнили, что разнообразие объектов не дает возможности в данной работе обратить внимание на всех. Конечно, все изъятые с места преступления следы важны. Следовая картина преступлений против общественной безопасности таких, как террористический акт, массовые беспорядки, характеризуются большим количеством биологических

объектов. Следует уточнить, что в силу специфики указанных следов, исследуются именно они, а не их копии. Поэтому утрата или разрушение биологического объекта приведет к тому, что экспертное исследование не будет проведено.

В настоящее время разработаны методические рекомендации, придерживаясь которых практически любой объект при правильном изъятии возможно сохранить в той субстанции, которой требует та или иная экспертиза. Однако для достижения целей расследования и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности важны именно идентификационные экспертизы. И в большинстве случаев объектами для идентификационных экспертиз выступают так называемые личные образцы[1], для получения которых требуется точное соблюдение процессуального порядка их получения, что не исключает получение образцов личного характера в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятиях. Для получения образцов для сравнительного исследования необходимо провести грамотное планирование этого следственного действия с учетом бесконфликтности ситуации, характера получаемых образцов и стадии расследования. Учесть, что после ознакомления с постановлением о получении образцов для сравнительного исследования подозреваемый (обвиняемый) может отказаться от их предоставления. И несмотря на то, что законом дозволено получать образцы принудительно, необходимо помнить, что отдельные их виды таким образом получить не представляется возможным. В сложившихся обстоятельствах органам предварительного расследования стоит прибегнуть к получению сравнительного материала в ходе иных следственных действий, если порядок статьи 202 УПК РФ не позволил достичь ее цели. И в данном случае хотим обратить внимание на разработанный нами алгоритм. В случае отказа предоставить образцы для сравнительного исследования:

– получить необходимый сравнительный материал принудительно с учетом требований ч. 2 ст. 202 УПК РФ, т. е. не применяя методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство;

– если принудительно сравнительные образцы не получить (голос, почерк), то решить вопрос отыскания свободных образцов;

– если свободных образцов не получить, изысканы все процессуальные возможности их установления, решить вопрос о получении и использовании условно-свободных образцов. Для этих целей следователь может дать поручение оперативным работникам на получение образцов для сравнительного исследования в ходе оперативно-розыскных мероприятий и впоследствии ввести результаты оперативно-розыскных

[1] Иванова Е.С. Классификация образцов для сравнительного исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (84). 2019. С. 153–157.

мероприятий в уголовный процесс в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и ведомственных приказов.

На наш взгляд, выполнение описанных выше процессуальных действий позволит получить сравнительные образцы согласно предъявляемым к ним требованиям, предупредит процессуальные нарушения и будет способствовать достижению задач, стоящих перед экспертом, выполняющим определенное исследование.

Ингушев Черим Хашпагович,
доцент института педагогики,
психологии и физкультурно-спортивного образования
Кабардино-Балкарского университета
имени Х.М. Бербекова,
кандидат педагогических наук

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Одной из глобальных проблем современного общества является распространение идеологии терроризма и экстремизма, особенно в молодежной среде. Наращиванию потенциала террористических и экстремистских организаций способствуют негативные процессы: рост террористической активности в мире, культурно-нравственная деградация, политическая и экономическая напряженность в мире. Данные процессы оказывают сильное влияние на сознание общества, что способствует разрушению жизненных принципов и ценностей общества. В сложившихся условиях наиболее уязвимой категорией оказалась молодежь. Именно молодежь оказалась в большей степени подвержена воздействию экстремистской идеологии[1].

Среди молодежи необходимо сформировать среду, в которой приоритетными направлениями станут идеология толерантности, национально-культурных ценностей, сохранение конфессионального разнообразия и особенностей. В обществе необходимо формировать личность молодого человека, который обладает устойчивой гражданской позицией и может противостоять идеям экстремизма, терроризма, ксенофобии и национализма. Комплекс профилактических мер по предупреждению распространения экстремизма содержится в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской

[1] Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. С. 248–252.

деятельности». Важным элементом противодействия экстремизму является профилактическая работа. Профилактика экстремизма включает мероприятия по формированию условий для социального поведения, характерного для гражданского общества[1].

Антитеррористическая и антиэкстремистская политика включает ряд ключевых направлений:

— формирование у населения антитеррористического и антиэкстремистского мышления;

— создание института общероссийской социокультурной идентичности;

— функционирование комплексной системы ценностей современного российского общества.

Основной задачей профилактической работы в молодежной среде является воспитание молодежи, которая будет обладать антиэкстремистским и антитеррористическим мышлением.

Противодействие экстремизму базируется на системе нормативно-правового регулирования, которая включает Конституцию Российской Федерации, принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепцию внешней политики Российской Федерации, Военную доктрину Российской Федерации, Концепцию противодействия терроризму, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, которые направлены на совершенствование деятельности в данной сфере[2].

Концепция включает ряд основных задач по противодействию терроризму и экстремизму:

— проведение мероприятий по выявлению и нейтрализации факторов и условий, которые способствуют возникновению и распространению экстремизма;

— выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, которые занимаются экстремистской и террористической деятельностью;

— работа по выявлению, предупреждению и пресечению действий лиц и объединений, которые занимаются подготовкой актов экстремистского и террористического характера;

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— привлечение к ответственности субъектов, реализующих экстремистскую и террористическую деятельность в рамках действующего законодательства Российской Федерации;

— реализация работы по поддержанию в состоянии постоянной готовности к оперативному и эффективному применению соответствующих сил и средств, которые предназначены для пресечения экстремистской и террористической деятельности, а также минимизации негативных последствий проявления терроризма и экстремизма.

Противодействие экстремизму и терроризму – это комплексная политика с участием государственных органов, общественных организаций и иных институтов. Учитывая, что целевой аудиторией экстремистов является молодежь, важнейшую роль в политике противодействия терроризму и экстремизму играют образовательные организации.

Образовательная сфера выступает в качестве одного из важнейших элементов общественной жизни, соответственно, образовательные организации должны принимать активное участие в реализации мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму. Важнейшим нормативно-правовым документом в сфере регулирования образовательных и воспитательных процессов является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В законе обозначен принцип приоритета жизни и здоровья человека, прав и свобод. Данный принцип является базовым при реализации образовательной деятельности. Но наблюдается резонанс, в большинстве случаев фундаментальные компетенции образовательных стандартов и принципы образования не в полной мере отражают реальные потребности общества. В целом наблюдается такая тенденция, что темпы развития образовательной среды не соответствуют высоким темпам развития и трансформационных процессов в обществе. Это в определенной мере создает сложности в части эффективности функционирующей системы образования. Подтверждающим обстоятельством является развитие различных форм экстремизма и возникновение новых форм экстремизма, в том числе возникновение и развитие киберэкстремизма. По мнению ряда специалистов, одним из ключевых факторов развития экстремизма являются проблемы именно в сфере образования. Отмечено, что образование не в достаточной мере выполняет свои функции как социальный институт, который реализует воспитательные мероприятия в рамках профилактики терроризма и экстремизма. Именно образовательные организации должны решать задачи воспитания у молодежи неприятия идеологии экстремизма и терроризма. За последние годы количество молодых людей, вовлекаемых в организации террористического и экстремистского характера, резко возросло, также среди них учащиеся, студенты. Сложившаяся ситуация обозначает необходимость участия

образовательных организаций в мероприятиях по противодействию экстремизму и терроризму в рамках имеющихся полномочий и прав. Образовательные организации располагают достаточными ресурсами, применение которых позволит выработать у обучающихся ряд компетенций и качеств, позволяющих в дальнейшем противодействовать идеологии экстремизма и терроризма[1].

Компетенции, формируемые в образовательной организации у учащихся, можно разделить на три категории:

1) личностные компетенции, которые имеют непосредственное отношение к самому человеку в качестве личности, субъекта общения;

2) социальные компетенции, которые формируют модель социального взаимодействия человека и окружающей его среды;

3) компетенции, которые относятся к осуществляемой человеком деятельности.

Каждая из представленных категорий включает в себя ряд более конкретных компетенций.

Так, первая категория включает следующие компетенции:

- бережное отношение к своему здоровью;
- мировоззрение;
- ценностные ориентиры, интеграцию;
- формирование активной гражданской позиции;
- формирование навыков самосовершенствования,
- саморегулирование, саморазвитие;
- самосовершенствование, саморегулирование;
- определение своего смысла жизни;
- установка на активное профессиональное развитие; развитие культуры, нравственности, моральных ценностей.

Во вторую категорию входят такие компетенции, как формы и методы социального взаимодействия, виды общения в социуме. В третью группу входят компетенции: деятельность человека, его познавательная и профессиональная деятельность, владение информационными инструментами и технологиями.

Применение методики компетенций направлено на решение определенных задач в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Отметим наиболее существенные задачи, решение которых представляется возможным при данном подходе в образовательной среде:

- определение потенциальных лиц, которые занимаются подготовкой и совершением преступлений террористического и экстремистского характера;

[1] Балаева Д.Р Экстремизм в молодежной среде: современное состояние и проблемы профилактики: материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: Перспектива 2021. С. 132–136.

− предотвращение распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде.

В ведомственных образовательных организациях решается более широкий круг задач, которые носят более профессиональный характер. Система современного образования не в полной мере выполняет все функции воспитательного характера в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Необходимо совершенствование технологий разработки базовых компетенций. Новая система должна быть направлена на эффективное формирование мировоззрения обучающихся, которое не принимает идей экстремизма и терроризма. В целом функционирование такой системы создаст барьеры для экстремистов и террористов по привлечению в свои ряды молодежи.

Но борьба с терроризмом и экстремизмом в образовательных учреждениях должна осуществляться не только в контексте воспитания, но также и в учебном процессе. Представляется необходимым внести дополнения в курс «Безопасность жизнедеятельности» на всех ступенях образования разделами, темами по рекомендациям для обучающихся и преподавателей, учителей образовательных учреждений в случаях возникновения угроз террористического и экстремистского характера.

Очевидно, что необходима переоценка роли и значения образовательных учреждений и организаций в противодействии экстремизму и терроризму. Необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу по противодействию экстремизму и терроризму, корректируя участие в данной работе образовательных организаций и учреждений. В образовательных учреждениях и организациях следует выработать методологию по формированию антиэкстремистской и антитеррористической идеологии. Необходим пересмотр действующих федеральных государственных образовательных стандартов с учетом современных террористических и экстремистских угроз. Правоохранительные органы и органы управления образованием должны выстроить эффективную и оперативно действующую систему взаимодействия в целях предупреждения экстремизма, терроризма, реализации террористических актов.

Кальченко Наталья Викторовна,
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Реалии современного мира свидетельствуют о гипотетической возможности каждого государства столкнуться с террористической угрозой. В подобных обстоятельствах должен запускаться механизм противодействия терроризму, регламентированный национальным законодательством, сконструированным с учетом международно-правовых стандартов в области прав и свобод человека. В основе этого механизма априори будут заложены жесткие принудительные меры, применяемые как в отношении субъектов противоправной деятельности, так и лиц, находящихся на территории действия режима контртеррористической операции (далее – КТО).

Необходимость соблюдения прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов, к числу которых, собственно, относится и правовой режим КТО, не вызывает сомнений. Актуальность данного вопроса нашла отражение в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой в виде резолюции государствами-членами 8 сентября 2006 года. В тексте данного международного акта обращено внимание на то, что любые меры, предпринимаемые государствами в целях борьбы с терроризмом, должны соответствовать их обязательствам по международному праву, в частности, нормам в области прав человека, беженскому праву и международному гуманитарному праву[1].

Правовой режим КТО вводится в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства (ч. 1 ст. 11 закона РФ «О противодействии терроризму»[2]). Можно утверждать, что достижение этих целей возможно лишь с применением института ограничений прав и свобод человека.

Институт ограничения прав и свобод человека выступает традиционным элементом всего механизма государственного управления, однако в условиях экстраординарного характера его содержание будет

[1] Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2006. URL: http:// www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml (дата обращения: 01.04.2021).

[2] О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

однозначно ориентировано на быстрое и эффективное устранение угрозы правопорядку. В «недрах» данного института всегда присутствует латентная опасность перехода государством границы между «разумным» ограничением прав и свобод и ограничением чрезмерного характера, приводящим к выхолащиванию содержания права (свободы) и существенному умалению опосредованного им блага. Государство в подобных случаях, как правило, оправдывает свои действия стремлением к скорейшему устранению угрозы и утверждением необходимости признания в чрезвычайных обстоятельствах приоритета общественных интересов над частными. Однако права и свободы человека, отражающие сферу частных интересов, не должны утрачивать своей ценности в условиях особых правовых режимов, поэтому государству необходимо, как минимум, обеспечить, чтобы применяемые в режиме КТО ограничения:

– преследовали исключительно те цели, которые обозначены в ч. 1 ст. 11 закона РФ «О противодействии терроризму» (не использовались как инструмент репрессий со стороны органов власти);

– были соразмерны степени угрозы общественной безопасности и личной безопасности лиц, находящихся в пределах их действия;

– излагались в текстуальной форме, доступной для уяснения как правоприменителями, так и субъектами, чьи права и свободы они затрагивают;

– не принимали форму дискриминации личности по этническому, религиозному и т. п. признакам.

Последнее из названных условий означает, что субъекты противодействия терроризму должны сознавать недопустимость трансформации законных и обоснованных ограничительных мер в действия карательно-устрашающего характера, которые, как показывает практика, могут быть направлены в отношении супругов и близких родственников террористов, а также иных лиц, заподозренных в оказании террористам психологической поддержки.

Каждый акт терроризма вызывает большой общественный резонанс, сопровождаемый негативной оценкой в адрес организаторов и исполнителей преступления. Закономерно, что субъекты, обеспечивающие режим КТО, испытывают аналогичные эмоции, которые, как признали сотрудники Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, «…могут затуманить рассудок даже наиболее стойкому сотруднику полиции…»[1]. Между тем неприятие социумом идеологии и практики терроризма не означает, что субъекты противодействия ему

[1] Права человека в антитеррористических расследованиях: Практическое руководство для сотрудников правоохранительных органов. Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2014. URL: http://www.osce.org/ru/odihr/117891 (дата обращения: 01.04.2021).

получают некий карт-бланш, позволяющий выходить за установленные законом пределы ограничений прав и свобод и отступать от требований презумпции невиновности, которая в международных договорах по правам человека заявлена как одно из основных гражданских прав человека, лежащих в основе взаимоотношений государства и личности.

Одной из гарантий соблюдения прав и свобод человека в условиях режима КТО должна стать четкая законодательная регламентация ограничительных мер. Это требование, в первую очередь, касается времени действия режима. В соответствии с законом КТО считается оконченной в случае, если террористический акт пресечен (прекращен) и ликвидирована угроза жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам людей, находящихся на территории, в пределах которой проводилась КТО (фактическое основание). Таким образом, в условиях данных правоотношений действует принцип правоприменительного усмотрения, предполагающий субъективную оценку руководителя КТО формальным основанием отмены режима и сопровождающих его ограничений прав и свобод.

Исследователи отмечают, что чрезмерно длительное ограничение прав и свобод со ссылкой на контртеррористическую операцию противоречит взятым Российской Федерацией международным обязательствам, предлагая при этом законодательно установить максимально возможную продолжительность периода ее проведения[1]. Замечу, что режим чрезвычайного положения, который в соответствии с ФКЗ «О чрезвычайном положении»[2] может вводиться при наличии обстоятельств криминогенного характера, в том числе террористических актов, предусматривает жесткие сроки действия режима, а также устанавливает определенную процедуру его введения и продления. Очевидно, что в отсутствие законодательно установленного срока действия режима КТО ограничения прав и свобод, осуществляемые в течение длительного времени[3], могут считаться чрезмерными.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые ограничительные меры, предусмотренные для режима КТО, могут применяться и вне его, в условиях повседневной правоохранительной

---

[1] Нардина О.В. Является ли исключительным режим контртеррористической операции? Различия в конституционно-правовом регулировании в зависимости от ответа на поставленный вопрос // Legal Concept. 2011. № 5-14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-isklyuchitelnym-rezhim-kontrterroristicheskoy-operatsii-razlichiya-v-konstitutsionno-pravovom-regulirovanii-v (дата обращения: 01.04.2021).

[2] О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Как вариант, более 60 суток – по аналогии с режимом чрезвычайного положения, вводимым в отдельных местностях территории РФ.

деятельности: проверка документов, удостоверяющих личность; ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем; беспрепятственное проникновение в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки и др. Примечательно, что в условиях режима КТО для реализации этих мер не требуются основания, предусмотренные федеральным законом «О полиции» и иными федеральными законами, регулирующими деятельность правоохранительных органов вне особых правовых режимов. Примером может служить проверка документов, которая в условиях режима КТО может носить как выборочный, так и тотальный характер, в то время как законом РФ «О полиции»[1] в качестве основания предусмотрено наличие данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления или полагать, что оно находится в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении него дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для его задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Подобный подход представляется оправданным, соответствующим целям и задачам режима КТО как такового. В условиях четкого определения максимально возможной продолжительности периода действия режима КТО, а также жесткого механизма контроля органов прокуратуры за соблюдением субъектами, обеспечивающими данный режим, пределов своих ограничительных полномочий, указанные и иные меры можно признать приемлемыми.

Вместе с тем целесообразность условий реализации отдельных полномочий ограничительного характера, предусмотренных федеральным законом «О противодействии терроризму», может служить предметом дискуссии, поскольку препятствует полноценному использованию их потенциала в предупреждении и раскрытии терактов. Речь, в частности, идет о досмотре физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотре транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств. В соответствии с действующей редакцией п. 12 ч. 2 ст. 11 закона тотальное осуществление этой меры возможно лишь «при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории». Получается, что во всех иных случаях, если лицо не пересекает границы территории действия режима КТО, субъектам, обеспечивающим данный режим, осуществлять указанные виды досмотров возможно только при наличии оснований,

[1] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренных иными федеральными законами. Сотрудникам полиции, в частности, придется руководствоваться п. 16 ч. 1 ст. 13 Закона РФ «О полиции», то есть располагать данными о том, что гражданин имеет при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства и т. д.

Термин «данные» со всей очевидностью предполагает наличие информации в некой объективированной форме, что само по себе исключает возможность производства вышеназванных видов досмотра исключительно на основании субъективной оценки лица сотрудником полиции; эта оценка может основываться на особенностях поведенческой характеристики, мимики, внешних признаков нетипичного психологического состояния и т. п. Полагаем, что подобный законодательный подход не способствует эффективному противодействию терроризму. Если речь идет о достаточно большой площади территории действия режима КТО (например, часть территории субъекта РФ), то вероятность нахождения на ней пособников террористов, в том числе имеющих при себе запрещенные к обороту предметы, довольно высока; при этом вероятность того, что сотрудники полиции будут располагать точными данными об этом, гораздо ниже. В данном случае целесообразно предусмотреть возможность осуществления указанных ограничительных мер по аналогии с федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» (п. «г» ст. 12 закона), исходя из того, что действие особого правового режима – само по себе достаточное основание для производства досмотров.

Отечественный и зарубежный опыт в сфере противодействия терроризму свидетельствует о том, что поиск компромисса между эффективностью противодействия и стремлением обеспечить уважительное отношение к правам и свободам человека – это сложная задача, решение которой требует совместных усилий теоретиков и практиков.

Колбасина Елена Евгеньевна,
доцент кафедры
уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ «СДЕЛКИ С ПРАВОСУДИЕМ»

Несмотря на существенные изменения, внесенные в действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в части, касающейся функционирования современного состояния института досудебного соглашения о сотрудничестве, процессуальные проблемы реализации статуса лица, в отношении которого производство по уголовному делу было выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, положение данного участника уголовного судопроизводства, на наш взгляд, оставляет некую правовую недосказанность, иначе говоря правовую неопределенность.

Федеральным законом от 3 октября 2018 года № 376-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности в главу 8 под названием «Иные участники», была введена новая статья 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело было выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве»[1].

Данное изменение следует рассматривать как возможность совершенствования действующего более десяти лет уголовно-процессуального института в части, касающейся конкретизации статуса одного из участников производства по уголовному делу.

Однако разрешил ли обозначенную проблему данный законодательный момент, нам представляется не вполне ясным.

Кем является в действительности относительно новый участник уголовного процесса, обладающий столь противоречивым статусом? «Особым свидетелем»? «Лицом, свидетельствующим по соглашению»? «Заинтересованным свидетелем»?[2] «Обвиняемым, наделенным свидетельским иммунитетом»?

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.10.18. № 376-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Лазарева В.А. Лицо, в отношении которого... // Мировой судья. 2019. № 2. С. 15–19. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С момента введения института соглашения о сотрудничестве в российское законодательство в 2009 году у правоприменителя были определенные проблемы с реализацией правового статуса столь необычного участника.

В рамках производства по уголовному делу субъектам осуществления предварительного расследования предоставлялось номинальное право допрашивать, по сути, в качестве лица, обвиняемого в совершении преступления, при этом не обозначая в материалах расследуемого уголовного дела реальный статус данного участника.

В отдельных ситуациях следователь «рисковал» допросить соучастника преступления, в отношении которого уголовное дело было выделено в отдельное производство по правилам допроса свидетеля, делегируя ему права и обязанности, предусмотренные статьей 56 УПК РФ.

В настоящее время, с учетом изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, существует позиция, при которой лицо, заключившее с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве, допрашивается, с одной стороны, как свидетель с другой стороны - как обвиняемый, так как в рамках статьи 56.1 УПК РФ указанное лицо не может быть предупреждено об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Сомнительной, на наш взгляд, представляется и сама возможность включения в действующее законодательство лица, заключившего досудебное соглашение (при условии, что уголовное дело выделено из материалов основного уголовного дела в отдельное производство), в главу 8 УПК РФ, по сути, на паритетных правах со свидетелем (в данном случае, мы подразумеваем правовое наполнение главы 8 участниками, изначально предположительно не заинтересованными в исходе уголовного дела, а также нумерацию статей 56 и 56.1 УПК РФ).

Предложение о наделении рассматриваемого участника двумя статусами одновременно кажется нам более удачным[1], однако возможность осуществления одномоментно функции защиты и выполнения роли иного участника при производстве по уголовному делу говорит об имеющемся нарушении принципа состязательности сторон в российском уголовном процессе.

Примечательно также, что до настоящего времени на законодательном уровне не урегулирован процессуальный момент включения в часть 2 статьи 74 УПК РФ «Доказательства» в качестве источника доказательства показаний лица, статус которого закреплен в статье 56.1 УПК РФ, в свою очередь, изменения коснулись лишь статьи 281.1 с целью реализации возможности осуществления допроса и (или)

[1] Акулов Д.В. Особый свидетель – новая процессуальная фигура в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2020. №4. С. 7–10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оглашения показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, но уже в ходе судебного разбирательства по уголовному делу[1].

Вышесказанное позволяет предположить дальнейшие законодательные изменения рассматриваемого института в связи с его не вполне корректным существованием в существующей уголовно-процессуальной регламентации, а уж насколько кардинальными будут эти изменения, определит течение времени и правоприменительная практика.

Колесникова Елена Владимировна,
заместитель начальника отдела
Центра по противодействию экстремизму
МВД по Карачаево-Черкесской Республике,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

КОРНИ ЭКСТРЕМИЗМА. СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ (СЕКТЫ)

Экстремизм – одно из коварных проявлений в современной жизни. Как с ним бороться, ведь он многолик: этнополитический, религиозный... В повседневной жизни он имеет различные формы проявления: от бытовой неприязни до террористических актов, от кухонных разговоров до псевдонаучных публикаций. Каждый в какой-то степени сталкивался с проявлениями экстремизма, возможно, некоторые даже ловили себя на мысли, что где-то на эмоциально-психологическом уровне «разделяют» отдельные экстремистские лозунги. Что происходит с нашим обществом? Почему порой среди нас появляются сторонники экстремизма? Что мешает нашему обществу гармонично развиваться?

Частое употребление термина «экстремизм» в философской, научной и обыденной речи приучило воспринимающих его читателей и слушателей к мысли о том, что с данным явлением практически все ясно. Тем не менее, вопросы о природе, истории, сущности и значении экстремизма остаются открытыми и в настоящее время. Нельзя не сказать, что экстремизм как явление пользуется вниманием исследователей, и различные подходы к его определению отражены в научных изысканиях и нормативных актах.

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.10.2018. № 376-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Опасность экстремизма осознается на всех уровнях, отслеживаются все направления и виды угроз.

«Термин «экстремизм» употребляется в высказываниях о теории государства с середины XIX в.[1] В словаре иностранных слов отмечается, что это как «приверженность к крайним взглядам и мерам»[2], преимущественно в политике. А научный мир неоднозначно рассматривает понятие экстремизм.

Так, Н.Е. Макаров указывает, на то, что «как научное понятие термин «экстремизм» одним из первых использовал в начале XX в. французский юрист М. Лерой, который основным отличием таких политических течений назвал требование от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы. Примерами действовавших тогда на политической арене экстремистских политических сил М. Лерой назвал «красный экстремизм» большевиков и «белый экстремизм» монархистов»[3].

К.О. Никонов дает определение экстремизма в широком смысле следующим образом: «Экстремизм... есть проявление активности, деятельность, выходящая за рамки дозволенного и связанная с применением насилия или пропагандой его»[4]. Автор связывает понятие экстремизм с насильственными действиями.

По мнению И.Н. Сенина, «экстремизм – одна из форм индивидуального или группового нигилистического отрицания тех или иных явлений существующей действительности, с целью их дестабилизации и разрушения, на основе приверженности крайним идеям и действиям, характеризующимся насилием, или его угрозой, фанатизмом, неспособностью к толерантности»[5].

В.М. Галицкий полагает, что под «экстремизмом следует понимать приверженность отдельных физических лиц, больших и малых социальных групп, общественно-политических организаций, движений и т. п. к радикальным политическим, национальным, религиозным и др. взглядам, позициям и поведению, нелегитимно реализуемых в практике социальной, общечеловеческой деятельности и общении, в целях реформирования, изменения или устранения существующего конституционного строя, устоявшихся общественных отношений (межнациональных,

---

[1] См: Корнилов Т.А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.

[2] Новый словарь иностранных слов / глав. ред. В.В. Адамчик. М., 2005. С. 972.

[3] Макаров Н.Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. … канд. полит. наук. Чита, 2006. С. 13–14.

[4] Никонов К.О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. 2011. № 7. С. 42.

[5] Сенин И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2. С. 81.

межрелигиозных, религиозных и иных)»[1]. Здесь четко автором выделены такие признаки как политический радикализм, изменение существующего государственного строя.

Таким образом, можно сказать, что экстремизмом является насильственный захват власти, насильственное удержание власти, изменение конституционного строя.

Актуальной тенденцией сегодня является то, что экстремизм быстро распространяется через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет. В частности через информационные сети формируются закрытые группы, где ведется обработка (вербовка, рекрутирование) пользователей. С такими группами ведется борьба на международном уровне, но закрыть их полностью сегодня не удается.

В настоящее время в Российской Федерации участились случаи разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, за что предусмотрена уголовная ответственность, в соответствии с новой действующей на 2021 год редакцией по статье 282 УК РФ (действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет).

В зависимости от направленности умысла лица, распространяющего экстремистские материалы, преступление может быть так же квалифицировано по ст. 20.29 КоАП РФ.

Научная основа исследования деятельности сект и деструктивных культов разработана достаточно давно и неоднократно успешно применялась как партиями и движениями, так и государственными институтами. Превосходно дополняющие друг друга и тщательно разработанные теории известны еще с XIX века.

К.Маркс в газете «RheinischerBeobachter» сформулировал основные признаки религиозной организации, в том числе для секты, (культ сверхъестественных сущностей, деятельность по установлению контакта со сверхъестественными сущностями, специфическая культовая организация).

Каждая религиозная организация проходит несколько основных неизбежных закономерных стадий развития, от общины мистиков, объединенных верой, личными отношениями и сильнейшей привязанностью вместе с эмоциональной близостью через секту к церкви.

---

[1] Галицкий В. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Обозреватель-Observer. 2010. № 12. С. 18.

Секта – это закономерный этап развития религиозной организации, а не социальная неправильность. Важно понять, почему секты бывают столь эффективными. И здесь причина установлена. Секта существует на пределе. В секте присутствует процесс распределения финансовых средств всех ее членов, разделение форм деятельности, но еще нет бюрократии. Секта внушает уважение числом вышедших на улицы членов и сторонников, но в ней еще не появилась бюрократия, не утрачен личный, эмоционально окрашенный характер взаимоотношений между ее членами, нет отчуждения. В секте применимы различные формы и методы эффективного управления, но она еще не политическая организация.

Сектант даже психологически отличается от обычно верующего, приверженца привычных нам церковных конфессий (вероисповеданий). Церковь – это община верующих, спасающихся, а секта – это общество спасенных, стремящихся отделиться и изолироваться от внешнего мира. Сектант считает себя спасенным по факту принадлежности к секте, а верующего – лишь тщетно надеющимся на спасение. Отсюда и критика обычных верующих в недостатке веры, действительно религиозного чувства. Зная это, легко выстраивать коммуникацию с членами сект.

Механизм противодействия прост. Религиозная или политическая идеология весьма эффективны. Но обращение к таким существующим проблемам как жизнь и смерть, смысл жизни, вера и свободомыслие, свобода и рабство с применением технологий информационной войны позволяют ограничивать сознание любого сектанта. Вопрос лишь во времени и квалификации специалистов. Поэтому программа депрограммирования и перепрограммирования членов сект и приверженцев разрушительных культов – это реальность. При этом отпадает необходимость борьбы с сектами и сектантами. Воздействие на группы приверженцев деструктивных культов способно дезорганизовать как мировоззренческую основу единства секты, так и механизм внутренней пропаганды.

Противодействие любым формам экстремистской деятельности практически неизбежно ставит вопрос о стратегии противодействия. Проводимые мероприятия тактического уровня могут оказаться бесполезными. Выстраивание эффективной стратегии противодействия религиозному экстремизму немыслимо без понимания его природы и сущности.

Экстремизм как социальное явление существует на трех основных уровнях: всеобщем, особенном и единичном. Возникает большой соблазн для исследователя предполагать, что на уровне всеобщего можно говорить об экстремизме на уровне институциональных организаций, на уровне особенного – об экстремизме сект и деструктивных культов, а на уровне единичного – об экстремистском политическом поведении отдельных в «политический ислам» получает распространение среди криминальных

сообществ и маргинальных слоев в европейских обществах. Панисламисты в настоящее время играют в криминальном мире примерно ту же роль, что и арестованные и находящиеся в местах лишения свободы революционеры анархистской и социалистической ориентации.

В качестве примера можно привести действовавшую ранее общественную организацию «Свидетели Иеговы», которые отрицали учение о Троице, полагают, что Иисус Христос исполнял волю Иеговы, поэтому и был воскрешен. Члены этой организации использовали в качестве влияния на людей проповедь, а не пропаганду. Также организация принимала участие в сделках в сфере недвижимости, где суммы сделок превышали миллионы, соответственно активы секты превышали миллиарды долларов.

В результате проверки Министерством Юстиции общественной религиозной организации «Свидетели Иеговы», были выявлены грубейшие нарушения, в том числе Федерального закона от 25.07.2002 № 114 ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности». В 2017 году Верховный суд России признал данную организацию экстремисткой, ликвидировал и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации.

Кризис современных политических идеологий, ставший очевидным к началу текущего столетия, разочарование образованных людей в христианской религии вызвал живой интерес к изучению, как традиционных восточных философских систем, так и к изучению хиндуизма, буддизма и ислама. Любые идеологии незападного происхождения, включая пресловутый панисламизм («политический ислам», «джихадизм»), обрели реальную возможность выступить в качестве альтернативы политическому консерватизму в обращении к традиционализму, морализму и религиозному фундаментализму.

«Политический ислам» сегодня становится модным «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных целевых аудиторий и даже социальных групп, в том числе в странах Западной Европы и в США. Данное течение получает распространение среди криминальных сообществ и маргинальных слоев в европейских обществах. Панисламисты в настоящее время играют в криминальном мире примерно ту же роль, что и арестованные и находящиеся в местах лишения свободы революционеры анархистской и социалистической ориентации.

Осужденные к реальному сроку отбывания наказания находятся в изоляции вместе с осужденными исламскими радикалами, которые последними воспринимаются как «пострадавшие за идею». Это способствует повышению авторитета панисламистов среди других осужденных (верующих), усилению их влияния в местах отбывания наказания.

Фактором, объединяющим криминальную субкультуру и «политический ислам», является не только отрицательное отношение к государству и праву, но и собственные нормативные представления – «понятия» либо «шариат». Это создает почву не только для диалога и взаимного уважения, но и партнерства представителей преступного мира и радикального исламизма[1].

Мусульмане (не более 5% населения Великобритании) составляют 13% обитателей тюрем. Почти треть заключенных-мусульман приняли эту религию во время отбывания наказания[2]. В пенитенциарных заведениях Соединенного королевства непропорционально возросло влияние радикальных исламистских группировок, таких как «салафиты» («чистые, сторонники чистого ислама»), «джихадисты», сторонники организации «аль-Ихван аль-Муслимун» («братья-мусульмане»), а также сторонников неденоминированных радикальных сообществ исламской ориентации.

Радикализация мировоззрения заключенных в результате данных процессов серьезно беспокоит коллективы мест лишения свободы и вызывает опасения со стороны британских властей.

Рост доли мусульман среди заключенных в том числе является результатом прямого давления со стороны исламских экстремистов из числа криминальных «авторитетов», включая тех, которые осуждены за терроризм и связаны с «Аль-Каидой» и «Джабхат ан-Нусра», а также с террористической группировкой, известной как Исламское государство, запрещенными в России.

Правовых видов противодействия деятельности данных организаций не существует. Они осуществляют свою деятельность в качестве некоммерческих организаций и существуют официально, получают пожертвования от всех желающих помочь заключенным-мусульманам и их семьям, предлагают «духовную консультацию» от имамов, в том числе и представителей радикальных течений.

Так возможно ли противостоять экстремизму во всем богатстве и разнообразии его проявлений? Противодействие любым формам экстремистской деятельности практически неизбежно ставит вопрос о стратегии противодействия.

В рамках противодействия экстремизму существует еще целый ряд проблем, которые необходимо обсудить в дальнейшем. Поэтому прочная философская основа, строгий научный подход, последовательное применение достижений различных наук и современных избирательных, политических и коммуникативных технологий вкупе с выработкой четкой

---

[1] Селезнев И.А. Феномен радикального ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 44.

[2] Треть заключенных-мусульман Британии приняли ислам в тюрьме. URL: http://www.islamnews.ru/news-24729.html (дата обращения: 19.04.2021).

стратегии в отношении сект и разрушительных культов, налаживание устойчивого взаимодействия с институтами гражданского общества являются залогом успеха в противодействии экстремизму. Кроме того, необходимо постоянное совершенствование нормативно-правовой базы и внесение в нее соответствующих изменений.

Кашин Сергей Николаевич,
начальник кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
полковник полиции

Земляной Александр Иванович,
заместитель начальника кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
подполковник полиции

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Деятельность правоохранительных органов относится к профессиям смешанных видов, осуществляемая в специфических условиях с внешними осложнениями и требует от сотрудников как общей и специальной выносливости, так и высокой психологической устойчивости.

Сотрудникам полиции нужно овладеть теоретическими знаниями и сформировать практические навыки из отраслевых юридических дисциплин в целом и прикладных, в частности. Одной из составляющих служебной подготовленности сотрудников полиции является физическая готовность.

Физическая подготовка в правоохранительных органах должна обеспечивать сохранение здоровья, творческую и трудовую активность, всестороннее развитие физических качеств, профессионально важных умений и навыков сотрудников, необходимых для выполнения служебно-оперативных задач.

Однако уровень физической подготовки сотрудников полиции находится на недостаточно высоком уровне и этому существует много причин[1]:

– деятельность сотрудников осуществляется в условиях постоянно обновляющейся и меняющейся обстановки, а обучение и подготовка осуществляются с опозданием по неактуальным принципам, критериям и методическими рекомендациями;

– низкий уровень подготовки сотрудников полиции (физической, специальной, психологической, профессионально-прикладной);

– несоответствие уровня подготовки современным реалиям;

– недостатки профессионального отбора молодежи в право-охранительные органы;

– недостаточное практическое обоснование комплексного обучения тактико-специальной и физической подготовке, работа с оружием;

– низкий уровень мотивации к совершенствованию собственной профессиональной подготовленности и развитию физических и специальных качеств;

– анализ физической подготовленности сотрудников полиции на разных этапах контроля свидетельствует о недостаточности обязательных занятий в процессе обучения;

– низкий уровень подготовленности молодежи свидетельствует о том, что состояние организации профессионально-прикладной физической подготовки не соответствует современным требованиям и стандартам качества профессионального образования, которые недостаточно учитывают специфику целевой направленности производственной деятельности.

Проблема подготовки высококвалифицированных сотрудников, владеющих современными методами поиска, обработки и систематизации умений с целью повышения своей квалификации, приобретает все большую актуальность, так главной целью является способствование развитию у правоохранителей потребности самостоятельному получению собственных знаний, необходимых для профессиональной деятельности.[2] Это будет способствовать осуществлению процесса совершенствования навыков в течение всего периода службы в ОВД.

Занятия по физической подготовке предусматривают формирование и совершенствование в сотрудниках полиции: двигательных умений и

---

[1] Палецкий Д.Ф., Анищенко Е.В. О новых подходах к профессионально-прикладной физической подготовке курсантов – слушателей образовательных учреждений МВД России // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 10 (44). С. 79–82.

[2] Петренко Д.А., Кашин С.Н. Инновационные подходы повышения мастерства инструкторско-педагогических кадров // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 179–180.

навыков, необходимых в повседневной деятельности и в случае возникновения экстремальных ситуаций; выносливости, скоростных и силовых показателей, обеспечивающих возможность преследования правонарушителя и преимущество в силовом противостоянии во время его задержания, в частности с преодолением естественных и искусственных препятствий; навыков самоконтроля за физическим состоянием, состоянием здоровья в процессе выполнения физических упражнений; практических навыков применения приемов физического воздействия[1].

Занятия по физической подготовке должны быть практически направленными (не менее 90% общего учебного времени по этому виду подготовки). Это еще раз подтверждает необходимость усвоения теоретических и методических знаний и обеспечит существенное повышение целенаправленности и эффективности процесса физической подготовки сотрудников полиции.

Рассматривая целевую направленность, можно понять саму проблематику, которая заключается в формировании необходимого уровня профессиональной подготовленности сотрудников полиции и создать условия для функционирования целенаправленной системы физической подготовки в течение периода обучения. Такая система способствует успешному формированию у будущих сотрудников полиции высокого уровня профессиональных, морально-волевых качеств и физической подготовленности, позволяет существенно повысить эффективность выполнения оперативно-служебных задач.

Использование активных методов обучения, от пассивного восприятия материала перейдут в акцентированному направлению на творческое проявление профессионально-значимых качеств личности, что приведет к умению находить индивидуальный выход в экстремальных ситуациях.

С целью совершенствования физической подготовленности сотрудников полиции актуальным вопросом является формирование физических, профессионально-прикладных и психологических качеств с учетом специфики выбранного направления несения службы в правоохранительных органах, а также комплексного подхода к объединению физической, тактико-специальной и огневой подготовки, которые будут имитировать ситуации самозащиты, преследования и задержания правонарушителя. Необходимо привлекать специалистов и преподавателей административного и уголовного права с целью имитации

[1] Кашин С.Н., Петренко Д.А. Пути совершенствования физической самоподготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 257–259.

наиболее широко распространенных оперативно-служебных ситуаций, с одной стороны, а с другой реализацию собственной самозащиты[1].

Проведенные исследования по выявлению актуальных проблем, сложившихся в сфере физической подготовки сотрудников полиции, засвидетельствовали необходимость совершенствования существующей системы и внедрение инновационных подходов, которые положительно повлияют на их подготовленность.

Определено, что, во-первых, основной проблемой является низкий уровень физической подготовленности молодежи, вступающей в силовые структуры, это составляет определенные трудности при усвоении специальных и профессионально-прикладных навыков. Во-вторых, низкая мотивация молодежи к занятиям по физической подготовке.

Коломиец Сергей Николаевич,
преподаватель отдела обучения
и выставочной деятельности
учебно-методического центра ФКУ НПО
«СТиС» МВД России,
кандидат технических наук

Середин Александр Николаевич,
преподаватель отдела обучения
и выставочной деятельности
учебно-методического центра ФКУ НПО
«СТиС» МВД России,
кандидат технических наук

НЕОБХОДИМОСТЬ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СРЕДСТВА СКОВЫВАНИЯ ДВИЖЕНИЯ «НЕВОД», СОСТОЯЩЕГО НА ВООРУЖЕНИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Более 20 лет на вооружении органов внутренних дел Российской Федерации состоит средство сковывания движения биологических объектов «Невод». За время длительной эксплуатации выявлены его основные недостатки, влияющие на эффективность применения. К ним относятся: излишняя масса пускового устройства (1,3 кг), трудоемкость и длительное время необходимое для повторной укладки сети в устройство (более 30 мин), ненадежность раскрытия сети при последующем использовании.

[1] Петренко Д.А. Требования к инструкторско-педагогическим кадрам на современном этапе развития системы МВД РФ // Журнал гуманитарных наук. 2017. № 17. С. 37–39.

Предлагается создание средства сковывания движения (далее – ССД) конструктивно выполненного из двух частей: раструба однократного применения, изготовленного из прочного полимерного корпуса с уложенной в него сетью и находящегося внутри специального метательного патрона с электрическим инициатором (заводская сборка), а также прочного полимерного корпуса пускового устройства многократного использования, с электронным спусковым механизмом, питающимся от импульсного электромагнитного генератора.

Для выполнения возложенных обязанностей по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности законодатель наделил сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации правами применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Применение данных прав является эффективным средством принуждения лиц, однако очевидно, что в условиях дефицита времени для принятия решения в экстремальной ситуации наличествует высокий риск наступления тяжких и необратимых последствий.

В соответствии с п. 3 статьи 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее - Федеральный закон «О полиции») сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба[1].

В соответствии с п. 6 статьи 23 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции не имеют права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Применение служебного огнестрельного оружия является исключительно вынужденной мерой и может в дальнейшем повлечь многочисленные служебные проверки, направленные против самого сотрудника полиции, и это является суровой действительностью существующего законодательства. По этой причине применение сотрудниками полиции различных видов специальных средств нелетального воздействия в данной ситуации, является наиболее эффективным. В данном случае против одного правонарушителя или группы лиц может эффективно использоваться набрасываемая на них легкая прочная сеть.

Стоит отметить, что идея обездвижения противника при помощи сети не нова. Ее использовали еще в древние века, например в Древнем Риме на гладиаторских аренах. Бойцов-гладиаторов, которые были вооружены сетью, называли ретиариями. Естественно, в современных условиях никто не собирается набрасывать сеть вручную на человека.

[1] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 2020 год. М.: Эксмо, 2020. (Законы и кодексы). С. 33.

Для этого в конце 90-х годов прошлого века были разработаны специальные технические устройства – средства сковывания движения биологических объектов, которые могут быть использованы сотрудникам полиции, например для борьбы с зачинщиками беспорядков, агрессивно настроенными демонстрантами, болельщиками и в других случаях.

ССД – это достаточно эффективное и простое средство борьбы с нарушителями общественного порядка в современных городских условиях, при этом оно полностью безопасно при его применении для находящихся в непосредственной близости людей.

В настоящее время для решения подобных задач может успешно применяться состоящее на вооружении органов внутренних дел Российской Федерации ССД «Невод».

ССД «Невод» предназначено для набрасывания на объект мягкого поверхностного элемента – сети из прочных капроновых нитей или нитей из ароматических полиамидов «РУСАР», с целью временного лишения правонарушителя возможности совершать противоправные действия и рекомендуется для применения в случаях, когда использование огнестрельного стрелкового оружия из соображений безопасности окружающих лиц недопустимо. Диаметр сети может составлять до 5 метров.

ССД «Невод» было разработано в двух исполнениях: ССД-2м – устройство, применяемое по одиночному правонарушителю и ССД-2му – устройство с увеличенным размером раструба, применяемое по группе правонарушителей[1].

ССД «Невод» состоит из двух соединенных с помощью резьбы составных частей: метательного устройства и раструба с 16 направляющими стволиками, в которые установлены грузики, каждый из которых соединен с помощью строп с краями сети, выкроенной в виде круга. Сеть уложена во внутреннюю полость раструба и закрыта крышкой.

В качестве метательного устройства может использоваться либо сигнальный пистолет СП-81, с установленными в его ствольной части вкладышами, либо пусковое устройство, представляющее из себя ударно-спусковой механизм, с установленным в его передней части патронником-вкладышем, в котором размещен строительный патрон МПУ-1.

Для задержания правонарушителя с помощью ССД необходимо на ствол раструба накрутить патронник-вкладыш, в который требуется вставить строительный патрон МПУ-1, после чего накрутить раструб на пусковое устройство и произвести взведение ударно-спускового механизма (далее-УСМ). После наведения ССД на верхнюю часть туловища правонарушителя, необходимо нажать на кнопку-клавишу УСМ,

[1] Средство сковывания движений биологических объектов «Невод». Технические условия НПФТ.043000.000 ТУ.

в результате чего боек ударяет по капсуле-воспламенителю патрона и происходит срабатывание порохового заряда. Благодаря полученной кинетической энергии и заданным направлениям вылета, грузики (16 шт.) в полете расправляют сеть и доставляют ее к цели. Встречая на своем пути объект, грузики (массой 10 грамм каждый) с сетью охватывают его, перехлестываясь и запутываясь на нем.

Чем подвижнее объект в сети, тем сильнее он затягивается, увеличивая сковывающее действие[1].

Дальнейшее противодействие со стороны охваченных сетью объектов становится практически невозможным.

Неоспоримыми достоинствами ССД «Невод» являются – возможность использования в общественных местах при значительном скоплении граждан и безопасность применения (при условии правильно заправленной в раструб сети) против одного или группы правонарушителей.

Требуется отметить, что для правильной укладки сети в устройство, требуется подходящее для этого помещение. Подготовленному сотруднику требуется 30-40 мин для правильной укладки сети в раструб.

По отзывам действующих сотрудников полиции, правильно уложить сеть самостоятельно может лишь 1% пользователей, в то время как при неправильной укладке, не получится произвести эффективный выстрел, сеть просто не раскроется. Зачастую сотруднику полиции с учетом его значительной загрузки по основным должностным обязанностям, просто не хватает времени для переснаряжения данного устройства, и как следствие, многоразовая сеть фактически используется только один раз.

Кроме этого, при отстреле сети она часто падает в грязь, листву, пыль, высокую траву и получает значительные загрязнения или запутывается. В дальнейшем может потребоваться продолжительное время для восстановления ее целостности. Данная операция может быть выполнена самостоятельно только в подходящих для этого условиях. Укладка сети, выполненная недостаточно квалифицированным сотрудником, не гарантирует надежность ее раскрытия при вылете из раструба ствола, а значит, сеть может раскрыться лишь частично или вообще не раскрыться. Тогда вся масса грузиков вместе с комком сети может нанести правонарушителю различного рода травмы или ранения. Напомним, что в соответствии с п. 2 статьи 18 Закона «О полиции», при соблюдении ограничений, обозначенных в документации на ССД, они не должны наносить чрезмерно тяжелых ранений или служить источником неоправданного риска[2]. Кроме этого, длительный процесс укладки сети

[1] Средство сковывания движений биологических объектов «Невод». Паспорт НПФТ.043000.002 ПС.

[2] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 2020 год. М.: Эксмо, 2020. (Законы и кодексы). С. 32.

неприемлем, так как требует существенных затрат времени для повторного ее применения.

По этой причине учитывая многочисленные отзывы сотрудников органов внутренних дел, данное устройство является недостаточно эффективным по следующим основным причинам:

значительная масса (1,3 кг);

трудоемкость и длительное время необходимое для повторной укладки сети (от 30 до 40 мин);

отсутствие подсумка для переноски;

необходимость периодического комплектования патронами МПУ-1;

наличие специального помещения для укладки сети;

необходимость обучения сотрудников навыкам укладки сети;

необходимость технического обслуживания устройства и сети (каждые 5–6 месяцев для исключения слеживаемости сети);

необходимость учета как материального средства многоразового использования.

На основании вышеперечисленного, одним из перспективных направлений совершенствования ССД для органов внутренних дел Российской Федерации, является создание средства сковывания движения одноразового применения, либо комбинированная конструкция, сочетающая в себе однократно используемый раструб с уложенной внутри него сетью с метательным патроном и корпуса пускового устройство многократного использования.

При этом, наиболее интересным по мнению авторов, является устройство ССД, конструктивно выполненное из двух частей:

раструба однократного применения с уложенной внутри сетью, изготовленного из прочного полимерного корпуса с направляющими (стволиками) и находящимися внутри резиновыми шариками, прикрепленными через стропы к концам сети, а также находящегося внутри корпуса, специального метательного патрона с электрическим способом инициирования (заводская сборка);

прочного полимерного корпуса пускового устройства многократного использования, со спусковым устройством с электрической схемой инициирования заряда.

Предполагается, что раструб для сети будет изготовлен из достаточно прочного стеклонаполненного полиамида, методом литья под давлением. По этой причине сам раструб будет иметь невысокую стоимость в изготовлении. При этом учитывается, что изделие раструб, с уложенной в нем сетью будет однократного использования. В качестве метательного патрона предлагается использование специального патрона с электрическим воспламенением, по аналогии конструкции патрона 18,5-мм к пистолету ПБ-4СП.

В качестве метаемых грузиков предлагается использование резиновых, (травмобезопасных) шариков диаметром 12–13 мм, соединенных со стропами сети, в отличии от ССД «Невод», в котором используются тяжелые (10 г.) металлические, потенциально травмоопасные грузики.

Пусковое устройство может быть многократного использования и иметь корпус из прочного стеклонаполненного полиамида с электронным спусковым механизмом питающегося от импульсного электромагнитного генератора (электрическая схема инициирования), имеет сходство по аналогии с конструктивной схемой спускового механизма пистолета ПБ-4СП.

В специальном подсумке на поясном ремне сотрудник полиции сможет иметь в своем снаряжении одно ССД с сетью всегда готовое к производству выстрела, а также один запасной раструб с сетью заводской укладки.

Предполагаемая общая масса устройства, находящегося в подсумке и одного запасного раструба с сетью может составить не более 0,8 кг.

В случае необходимости сотрудник полиции сможет быстро достать ССД из подсумка и без подготовки произвести отстрел сети, простым нажатием на спусковой (инициирующий) механизм. При этом, не требуется дополнительных затрат времени для предварительного взведения вручную спускового механизма ударникового типа как у изделия «Невод» (до 3 сек). В случае повторного использования ССД, сотруднику полиции потребуется лишь присоединить к пусковому устройству новый раструб с уложенной в него сетью и произвести очередной отстрел по нарушителю. При этом время на сброс использованного раструба и присоединение нового с сетью может занять у подготовленного сотрудника 5–6 сек.

Предполагаемая дальность стрельбы сетью для проектируемого ССД может составить 5–6 м, при этом учитываются отзывы по многолетнему использованию ССД «Невод» сотрудниками подразделений органов внутренних дел Российской Федерации применительно для городских условий.

Предлагаемые технические характеристики для сети могут составить:

диаметр сети для захвата объекта – 4 м;

размер ячейки сети – 120×120 мм;

усилие нити на разрыв - не менее 8 кг/см^2.

Данное ССД может успешно применяться как при задержании вооруженного холодным оружием преступника в городских условиях, а также и в других случаях (например, для отлова опасных животных и др.).

Возможность использования ССД с раструбом с сетью однократного применения по предлагаемой конструктивной схеме, позволит значительно

повысить его эффективность и безопасность при использовании в городских условиях, даже при условии значительного скопления людей (общественные места). При этом для окончательной сборки ССД данной конструкции не потребуется специального помещения, а также дополнительного времени для снаряжения устройства и приведения его в боеготовое состояние (например, после сдачи дежурства сотрудником полиции и последующей передачи ССД другому сотруднику, заступающему в суточный наряд для несения службы).

Авторами предложено основным ведущим предприятиям-изготовителям по данным направлениям ООО «НПФ Технофарм» (г. Дзержинск изделие «Невод») и «ФНПЦ «НИИ прикладной химии» (г. Сергиев Посад, Московская обл. изделие ПБ-4СП) совместно разработать данное ССД.

Конопляникова Марина Викторовна,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ИЛИ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

По данным Генеральной Прокуратуры РФ, количество лиц, на момент совершения преступления находившихся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, за 2020 г. составило 288 361 человек, а вызванном употреблением наркотических средств – 6 787 человек (в 2019 г. – 298 432 и 8 117, в 2018 г. – 326 269 и 11 998 соответственно)[1]. При общем снижении количества лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, по-прежнему наблюдается высокий уровень «пьяной» и «наркоманной» преступности, особенно среди несовершеннолетних. Сказывается разлагающее влияние низкой общественной нравственности на воспитание подрастающего поколения.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует полноценный механизм профилактики правонарушений,

[1] Показатели преступности России. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.04.2021).

совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, на государственном уровне, на федеральном уровне и в подавляющем большинстве регионов не существует программ, посвященных борьбе с алкоголизмом и наркоманией. Однако в тех регионах, где такие программы реализуются, уровень потребления алкоголя и наркотических средств, особенно молодежью, по-прежнему остается достаточно высоким.

В этой связи особую актуальность приобретает профилактика злоупотребления спиртными напитками и наркотическими средствами, под которой следует понимать процесс формирования ресурсов личности и среды, а также эффективного личностно-средового взаимодействия[1].

Первоочередными целями государственной политики противодействия росту преступности среди лиц, злоупотребляющих алкоголем и (или) наркотиками должно стать:

– создание в обществе ситуации, препятствующей злоупотреблению алкоголем и наркотиками и снижающей вред от их употребления;

– распространение информации о причинах, формах и последствиях злоупотребления алкоголем и наркотическими средствами;

– формирование у граждан навыка анализа и критической оценки информации, получаемой об алкоголе и наркотиках, и умения принимать правильные решения.

Одной из самых важных составляющих в профилактике вредных привычек является работа с семьей. В целях выявления детей «группы риска», склонных к употреблению табака, алкоголя, наркотических средств сотрудниками ПДН и участковыми уполномоченными полиции должны проводиться беседы с родителями «Как распознать признаки употребления ребенком наркотических или психоактивных веществ», «Основы профилактики психических расстройств у детей и подростков», общешкольные родительские собрания по темам: «Формирование позитивных установок в профилактике употребления ПАВ», «Роль семьи в воспитании здорового образа жизни у ребенка».

Органами и учреждениями системы профилактики совместно должны организовывать семинары «Практика работы с семьями, находящимися в социально опасном положении», что позволяет педагогическим, медицинским работникам и представителям правоохранительных органов получить методическую и практическую помощь в организации и проведении профилактической работы с несовершеннолетними и семьями «группы риска».

Особое внимание в организации деятельности по профилактике алкоголизма и наркомании, должно уделяться работе по развитию

[1] Фетисова Т.С., Велашку Э.П., Тюрикова Г.Н. Профилактика алкоголизма и наркомании среди подростков как эффективный способ борьбы социально обусловленными болезнями общества // Актуальные проблемы естественнонаучного образования, защиты окружающей среды и здоровья человека. 2015. Т. 1. № 1.

волонтерского движения. Необходимо проведение семинаров-тренингов, мастер-классов по подготовке добровольцев из числа молодежного актива для работы по профилактике алкоголизма и наркомании в среде сверстников, для учителей, педагогов-психологов, социальных работников по вопросам формирования здорового образа жизни, раннего выявления лиц, употребляющих алкоголь и наркотики.

Наиболее часто встречающимися формами профилактической работы являются: наружная реклама, плакаты, открытки, антиалкогольная и антинаркотическая реклама в средствах массовой информации, тематические программы на телевидении, лекции в учебных заведениях, буклеты и брошюры о наркотиках. Наиболее интересной и при этом одной из самых редких форм профилактической работы можно назвать специальные концерты, фестивали, пропагандирующие здоровый образ жизни.

На современном этапе развития общества для противодействия росту правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, может использоваться так называемая социальная реклама. Реклама влияет на многочисленные процессы и явления современного общества, такие как потребление, стиль жизни, глобализация, бытовая культура, в том числе и на правовую культуру.

Социальная реклама должна быть нацелена на определенную аудиторию, а при возможности – на конкретную группу зрителей. В основном, социальная реклама направлена на ту часть несовершеннолетних, которая менее всего может самостоятельно, без посторонней помощи изменить свой образ жизни. Подростки учатся на рекламе, узнают новые идеи и образы, тем самым проявляется образовательный аспект социальной рекламы. Но для достижения цели противодействия росту преступности несовершеннолетних, социальная реклама должна побуждать к действию. В социальной рекламе, призванной снизить количество употребления алкоголя и наркотиков, делается акцент именно на чувстве страха, например, изображая страшные последствия. Эффективной может быть и реклама, вызывающая у подростков чувство стыда.

В целом, деятельность в сфере первичной профилактики употребления алкоголя и наркотиков носит системный характер, и требует дальнейшей скоординированной работы в рамках реализуемых комплексных целевых программ, с активным привлечением общественных организаций, отрядов волонтеров, а также с использованием грантовой поддержки проектов, направленных на формирование здорового образа жизни.

В целях организации более эффективной профилактической работы по снижению потребления спиртных напитков и наркотических веществ, необходимо обеспечить непрерывность информационно-просветительской

и образовательной деятельности по формированию здорового образа жизни и навыкам отказа от рискованного поведения. Необходимо продолжить планомерное государственное финансирование профилактической и информационно-просветительской работы, проводимой для всех возрастных групп. Следует динамичнее использовать возможности социальной рекламы и электронных ресурсов антиалкогольной и антинаркотической направленности в информационной деятельности, направленной на формирование общественного мнения о неприятии наркопотребления.

Для достижения положительных результатов по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, необходимо направить совместные усилия участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на формирование «правильных» жизненных приоритетов, таких как: здоровый образ жизни, уважение прав и свобод других граждан, осознание ответственности перед обществом и государством и др.

Кроме того, в деятельность по противодействию роста «алкогольной» и «накроманной» преступности необходимо повсеместно вовлекать институты гражданского общества. Именно они, будучи наиболее приближенными к гражданам, способны оказать должное воздействие на формирование правомерного поведения граждан.

Таким образом, необходима постоянная, целенаправленная, лишенная формализма, с использованием различных форм правового воспитания пропаганда вреда алкоголя и наркотиков, работа среди граждан и совершенствование правовой практики в окружающей жизни.

В заключении отметим, что алкоголизм и наркоманию в обществе невозможно ликвидировать немедленно. Это сложный процесс, который может занять не один год. Однако при реализации разработанного государством комплекса мер, направленных на решение рассматриваемой проблемы, в обозримом будущем, возможно, она перестанет носить глобальный и массовый характер.

Корзун Ирина Григорьевна,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Преступность присутствовала в жизни всех без исключения государств, приспосабливаясь, изменяясь от века к веку, от эпохи к эпохе. Еще в первобытном обществе существовала преступность в виде кражи, убийства, но тогда не было таких понятий, как «уголовное право» и «наказание за преступление».

В средние века за убийство простолюдина не предполагалось назначение наказания. Убийца мог откупиться, заплатив родственникам убитого определенную денежную сумму. Преступление против людей, стоящих сословием выше, считалось тяжким преступлением. Очень популярна была и кровная месть.

Преступники существовали и в Древней Руси, но они не отличались особой организованностью. В основном они занимались грабежами на дорогах, конокрадством, кражей вещей, продовольствия. Преступники иной раз сбывали награбленное на рынках. Если их ловили с поличным, наказание не заставляло себя ждать – хозяин краденых вещей мог убить преступника без суда и следствия. А вот с конокрадами поступали иначе: они лишались права жить в общине и выгонялись с позором. Причем поисками преступника занималась община, а судил князь. Такая система вскоре потеряла актуальность.

Преступники были не только на суше, но и на море. Пиратство было очень распространено. Они промышляли грабежом кораблей торговцев, грабили соседние города, земли. Пиратская деятельность прекратила свое существование в XV веке.

Во времена правления Петра I процветала деятельность воров-карманников. Начала расти параллельно и городская преступность.

Организованная преступность во время гражданской войны 1917 г. получила широкое распространение[1]. Бандитизм процветал и правительству приходилось принимать меры по борьбе с ним. Тогда и

[1] Султанов А.Х. Полиция России в борьбе с преступностью в конце XIX в. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 2 (76). С. 7–11.

появились первые исправительные лагеря и колонии, где преступников наказывали принудительными работами[1].

Изменялась Россия, затрагивая все сферы государственной власти. Не обошли вниманием эти изменения и правоохранительных органов. Обеспечение безопасности граждан стало приоритетной задачей. Но это было возможно только в сотрудничестве полиции с обществом.

Для того, чтобы государство эффективно функционировало, необходимо усилить взаимодействие всех его составляющих. Это и определяет целостность государства. В деятельности правоохранительных органов важнейшее место занимает взаимодействие с обществом.

В последнее время участие граждан в борьбе с преступностью не считают значимым, что является ошибочной позицией. Общество было приучено к тому, что в осуществлении деятельности правоохранительных органов не нужно принимать никакого участия и, следовательно, снизилась в разы активность общества. В зарубежных странах ведется активная работа по вовлечению общества во взаимодействие с полицией. Современная Россия тоже ставит цель наладить совместную деятельность общества и полиции. Для этого такую деятельность закрепляют на законном основании. По словам президента РФ, это будет способствовать снижению преступности в общественных местах, улицах, дворах, парках. Это должно быть грамотное сочетание форм, методов, принципов и задач по осуществлению сотрудничества полиции и общества. Работа ведется, а в ряде субъектов достаточно активно[2].

Взаимодействие полиции с обществом должно придерживаться некоторых принципов:

– сотрудничество со стороны общества осуществляется на добровольной основе в вопросах, охраны общественного порядка во время проведения спортивных, культурно-досуговых и других мероприятий;

– четкое следование букве закона, т.е. работа полиции должна осуществляться не ущемляя права и интересы общества, также сами граждане не могут нарушать законы РФ;

– права и защита членов общества должны стоять во главе угла;

– право гражданина общества на собственную защиту в случае проявления нарушителем противоправных действий, но только в рамках закона;

---

[1] Ефремова О.С. Роль и место общественности в борьбе с преступностью на уровне субъекта Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 11–15.

[2] Каракулин М.В. Некоторые особенности участия общественности в охране правопорядка и борьбе с преступностью в России в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. С. 131–134.

– осуществление поддержки граждан общества со стороны правоохранительных органов, местного самоуправления в соответствии с законодательством РФ;

– четкое разъяснение населению о недопустимости подмены полномочий полиции, т.е. граждане не вправе осуществлять свою деятельность, выдавая себя за сотрудника правоохранительных органов. Также нельзя вовлекать общество в мероприятия, представляющие для них опасность угрозы жизни и здоровья.

Во взаимоотношениях полиции и общества должны присутствовать демократизм, адекватность, преемственность[1].

Для нормального функционирования работы правоохранительных органов необходима правовая база, где четко указано, что проведение опасных для жизни мероприятий – это работа полиции и население не может принимать в ней участие.

Как представитель волеизъявления населения, местное самоуправление должно принимать самое активное участие в сотрудничестве с полицией.

Одним из видов помощи правоохранительным органам является воссоздание ранее существовавших Народных дружин, которые эффективно помогали бороться с различными видами уличной преступности, такими как хулиганство, пьянство и т. д.

Особое внимание стоит уделить работе по профилактике правонарушений среди подростков. Для этого необходимо активизировать работу участковых уполномоченных, в обязанности которых входит знание своего участка на предмет проживания в нем лиц, ведущих аморальный, асоциальный образ жизни. Также необходимо проводить беседы с несовершеннолетними жителями с целью профилактики и предупреждения преступлений, призывать их к помощи правоохранительным органам в поддержании правопорядка на участке.

К работе сотрудничества с полицией необходимо привлекать специалистов различных отраслей. К примеру, положительных, опытных водителей в помощь сотрудникам ДПС, профессиональных строителей в проверке объектов на пожарную безопасность и т.д.

Нельзя не упомянуть и значение средств массовой информации в деле борьбы с преступностью и сотрудничества общества с полицией. Они могут сыграть важную роль в осведомлении населения о различных способах предупреждения преступлений, о том, как действовать в той или иной ситуации, если человек попал в опасную ситуацию, о том, как важна работа общественности в деле профилактики и предупреждения нарушений. Во время существования советской власти СМИ не могли

[1] Алексеева А.П. Деятельность Российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4 (19). С. 62–65.

выражать свободу слова, не имели право предавать гласности работу государства. Да и сами правоохранительные органы не стремились проявить открытость, не позволяя освещать свою работу. Сейчас, благодаря демократизации, полиция стала в большей степени освещать свою работу, стали открытыми обществу[1].

СМИ могут оказать поддержку правоохранительным органам в таких вопросах, как: поиск без вести пропавших; размещения лиц, числящихся в розыске; поиск свидетелей ДТП или ряда других преступлений. Также при помощи СМИ можно предостеречь население в случае опасности стать жертвой преступления. Подобная виктимологическая пропаганда крайне важна в сегодняшних реалиях.

Предоставляя нужную информацию работникам СМИ, сотрудничая и взаимодействуя с ними, можно повысить престиж и авторитет полиции в целом.

Кроме этого органам полиции целесообразно создавать горячие линии, телефоны доверия для связи с общественностью[2]. С их помощью можно и предотвратить совершение преступления, что крайне немаловажно. Здесь необходимо приложить усилия, чтобы все эти факторы начали эффективно «работать», а не давали сбой, превращаясь в показную деятельность и ненужную шумиху.

Также нужно учитывать, что люди со времен существования Советского Союза изменились, менталитет народа кардинально другой. Современное общество готово помогать полиции в случае какого-либо поощрения. Этот вопрос один из самых обсуждаемых сейчас.

Толчком к осуществлению успешного взаимодействия может стать принцип государственного поощрения. Поощрения могут быть различными:

– денежное поощрение;

– поощрение в виде Почетной грамоты, медали, объявления благодарности;

– задействование средств массовой информации в публикациях о помощи общественной организации или отдельного лица.

Избавление общества от преступности невозможно без сотрудничества. Правоохранительные органы не могут осуществить столь объемную работу, не имея обратной связи с населением.

Различные общественные организации существуют за счет финансирования субъектов Российской Федерации, работая в регионально-правовом поле.

---

[1] Майоров В.И. Управление отделом полиции с ориентацией на общественность // Полицейское право. 2007. № 1 (9). С. 209–211.

[2] Шитова Т.В., Пранничук М.В. основные сферы сотрудничества органов полиции и общественности: организационно-правовые установления // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 277–281.

Существуют как сторонники, так и противники такого взаимодействия полиции и общества. Противники взаимодействия не понимают одного: невозможно одержать победу над преступностью силами одних лишь правоохранительных органов. Нельзя игнорировать и тот факт, что граждане, оказывающие помощь и содействие полиции, нуждаются в защите государства.

Правоохранительным органам нужно также тесное сотрудничество с местным самоуправлением. Законодательством предусмотрено его участие, т. к. в обязанности местного самоуправления входят охрана безопасности населения во всех общественных местах, а также на улицах. Финансирование деятельности полиции, обеспечение материально-технической базы, создание всех необходимых условий для работы полиции - обязанность органов местного самоуправления, а также помогать в обеспечении безопасности и охране граждан.

Население может и должно обращаться к местному самоуправлению в вопросах личной безопасности, также участвовать в собраниях и референдумах, организованных органами местного самоуправления. Также необходимо создание комиссий по делам несовершеннолетних.

Не хочется обходить вниманием то, что в работе взаимодействия общества и полиции немалый вклад могут внести и ветераны полиции. Используя их опыт, создавая различные общественные организации во главе с ними могут оказать значительную помощь в сотрудничестве. Также им можно поручить и воспитание молодых специалистов правоохранительных органов.

В России сейчас непростая криминологическая обстановка, требующая нового подхода и принятия кардинальных решений по борьбе с преступностью[1].

И в заключении хотим отметить, что достижение эффективности в сотрудничестве правоохранительных органов и обществ возможно, соблюдая вышеперечисленные аспекты, так как их взаимодействие-это ключ к созданию благоприятных условий в деятельности любого правового государства.

Влияние человеческого фактора на полицию велико, поэтому общество и правоохранительные органы должны действовать как единый организм.

[1] Глазкова Л.В. Некоторые вопросы участия общественности в предупреждении преступности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1. С. 43-45.

Косовский Владислав Борисович,
преподаватель кафедры
специальных дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции

Мартынюк Сергей Николаевич,
преподаватель кафедры
специальных дисциплин
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИНА

В настоящее время система образования в Российской Федерации принимает меры по организации образования в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В условиях сложной эпидемиологической обстановки ведомственные вузы системы Министерства внутренних дел Российской Федерации переходят на дистанционное обучение. Закрытие вузов и экстренный переход слушателей и курсантов на дистанционное обучение, привело к ряду проблем, таким как, недостаточное техническое оснащение, слабая подготовка слушателей и курсантов к работе в новых условиях обучения.

На сегодняшний день, Министерством внутренних дел Российской Федерации большие требования предъявляются к профессиональной и физической подготовке сотрудников органов внутренних дел. К одним из наиболее важных разделов профессиональной подготовки можно отнести огневую подготовку, так как в настоящее время сотрудники полиции при выполнении различных оперативно-служебных задач, часто подвергает себя к опасности. Ведь от того насколько сотрудник полиции будет подготовлен морально, физически и профессионально к действиям, связанным с применением оружия в экстремальной ситуации может зависеть его жизнь и здоровье. Все эти азы и тонкости сотрудники полиции получают с первых дней службы, находясь в ведомственных вузах образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Наиболее распространенной формой обучения в образовательных организациях МВД России сегодня, является – традиционная форма, но с переходом на дистанционное обучение слушателям и курсантам предстоит

изучить курс огневой подготовки самостоятельно с использование современных технических средств. Обучение огневой подготовки представляет собой изучение теоретического и практического раздела с обязательной практической отработкой Курса стрельб, только при непосредственном присутствии преподавателя – руководителя стрельб. В данной статье мы рассмотрим модель электронного учебного курса по огневой подготовке в условиях карантина.

В процессе обучения слушатели и курсанты учебных заведений МВД России активно используют систему дистанционного обучения «Moodle», в которой находятся учебно-методические комплексы изучаемых дисциплин по основным программам обучения. С помощью данной системы, обучающиеся самостоятельно изучают указанный преподавателем материал по огневой подготовке. В ходе изучения материала слушателям и курсантам на первоначальном этапе обучения предстоит изучить организацию огневой подготовки, основные нормативные правовые акты, регламентирующие огневую подготовку сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание уделить приказу МВД Российской Федерации от 23.11.2017 года № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»[1] и приказу МВД Российской Федерации от 05.05.2018 года № 275 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»[2]. А также особое внимание необходимо уделить знаниям и неукоснительному соблюдению мер безопасности при обращении с оружием и боеприпасами.

На следующем этапе дистанционного обучения слушателям и курсантам предстоит изучить назначение, тактико-технические характеристики, устройство 9-мм пистолета Макарова, 5,45-мм автомата Калашникова и АКС 74-У и других видов оружия согласно программам обучения. С помощью конспектов лекций, презентаций, плакатов, различных видео лекций и видео роликов, обучающимся предстоит самостоятельно разобраться с принципом работы оружия, а при необходимости обратиться к преподавателю по видеосвязи за консультацией. Отсутствие живого общения с преподавателем и учебного оружия существенно затрудняет обучение слушателей и курсантов в процессе изучения дисциплины «Огневая подготовка». После освоения

[1] Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД Российской Федерации от 23.11.2017 года № 880 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД Российской Федерации от 05.05.2018 года № 275 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теоретического раздела огневой подготовки слушателям предстоит сдать зачет в системе СДО «Moodle».

После успешной сдачи зачета, обучающиеся допускаются к практическому разделу огневой подготовки, который включает в себя отработку выполнения нормативов и упражнений «Курса стрельб» приказа МВД Российской Федерации от 23.11.2017 года № 880. Что в условиях дистанционного обучения практически невозможно, так как умения и навыки работы с оружием необходимо регулярно отрабатывать в специально оборудованных тирах в образовательных организациях МВД России в присутствии преподавателя – руководителя стрельб.

В своих работах В.Б. Косовский, считает, что профессиональная подготовка сотрудников ОВД должна включать в себя отдельные, взаимосвязанные между собой элементы: технический (обучение быстрому и точному поражению цели); психологическая подготовка (формирование психологической устойчивости и способности применения оружия на поражение); правовая подготовка (для мгновенной оценки сложившейся обстановки и принятия правильного решения на применение табельного оружия), которые невозможно сформировать у слушателей и курсантов в условиях дистанционного обучения[1].

В связи с этим с целью совершенствования огневой подготовки в условиях карантина отделу организации служебной и огневой подготовки рекомендуется разработать программу выполнения практических упражнений «Курса стрельб», с возможностью имитации стрельбы из ПМ в очках виртуальной реальности, с использованием различных тренажеров и в различных условиях оперативной обстановки. Предусмотреть создание специализированных классов, электронных тиров в территориальных подразделениях МВД России, для обучения слушателей и курсантов в условиях карантина с соблюдением социальной дистанции. Разработанная модель дистанционного обучения огневой подготовки для учебных заведений МВД РФ позволит создать благоприятные условия для процесса обучения, предоставит возможность обучающимся иметь доступ ко всему необходимому учебному материалу.

Подводя итог, можно констатировать, что в процессе дистанционного обучения, слушатели и курсанты ведомственных образовательных организаций МВД России в условиях карантина получают только минимальные теоретические знания об организации огневой подготовки в системе МВД России. Отсутствие практики

[1] Косовский В.Б. Совершенствование навыков стрельбы из пистолета сотрудников органов внутренних дел на начальном этапе обучения // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 17 февраля 2020 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 117–121.

выполнения упражнений «Курса стрельб», а также отработки нормативов с учебным оружием, существенно снижает уровень профессиональной подготовки сотрудника в целом. Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что обучение слушателей и курсантов практическому разделу огневой подготовки, необходимо реализовывать только в специализированных тирах в образовательных организациях МВД России с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований к условиям и организации обучения.

Кочиев Дмитрий Григорьевич,
первый заместитель начальника,
начальник криминальной милиции
УВД Цхинвальского района
Республики Южная Осетия,
подполковник милиции

Макиев Таймураз Юрьевич,
начальник тыла
УВД Цхинвальского района
Республики Южная Осетия,
майор милиции

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Незаконный оборот наркотических средств является серьезной проблемой всего мирового общества, которая затронула каждую страну. Последствия наркопреступности оказывают существенное влияние на демографическую ситуацию в стране, нарушают нормальное течение экономической жизни, причиняют вред здоровью людей, что требует безотлагательного решения указанной проблемы на всех уровнях[1].

Непростая ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков складывается на территории Республики Южная Осетия, где при снижении количества уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного оборота наркотиков, в 2020 году отмечался рост количества лиц, употребляющих их. При этом основным потребителем наркотических средств является молодежь в возрасте от 22 до 30 лет, что не может не вызывать опасения, поскольку именно за молодежью будущее республики. Весьма большую роль в росте наркопреступности сыграла пандемия, охватившая весь мир в

[1] Аккаева Х.А. Общесоциальные и индивидуальные меры противодействия незаконному обороту оружия // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 127–129.

2020 году. В результате нее количество безработных граждан значительно выросло, а это означает, что многие потеряли легальный способ заработка.

Рост наркопреступности свидетельствует об общем социальном и духовном неблагополучии современного общества[1]. Однако следует отметить, что показатели зарегистрированной преступности, в том числе и показатели, касающиеся незаконного оборота наркотиков, не в полной мере отражают реально сложившуюся ситуацию, так как, к сожалению, не все совершаемые преступления и лица, их совершившие, находят отражение в статистической отчетности[2].

Обозначенные обстоятельства указывают на сохранение негативных тенденций в сфере незаконного оборота наркотиков, что оказывает существенное влияние на экономику Республики, правопорядок в стране, социально-психологическую атмосферу в обществе, здоровье населения, а также на безопасность граждан. Одной из приоритетных задач республики на сегодняшний день выступает воспрепятствование распространению наркопреступности в государстве. Для этого необходимо проводить предупредительные и профилактические мероприятия, направленные на повышение активности и эффективности борьбы с наркоманией, недопущению и устранению социально опасных последствий данного явления.

В Республике Южная Осетия противодействие незаконному обороту наркотических средств регламентируется нормами Закона РЮО «О наркотических средствах и психотропных веществах», в соответствии с которыми запрещается потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, а организация такого противодействия осуществляется на основе соответствующих целевых программ.

Говоря о предупреждении преступности, принято выделять общесоциальные и специальные меры. Общесоциальные меры заключаются в предупреждении преступности методом улучшения качества жизни граждан, создают своего рода спокойную атмосферу, помогают в создании предпосылок, направленных на успешную реализацию мер, оказывающих воздействие непосредственно на саму преступность[3]. К такого рода мерам относят меры: политические, экономические и социальные. Меры общесоциального характера, направленные непосредственно на предупреждение преступлений,

---

[1] Жигарев Е.С. Сущность общесоциального предупреждения преступности: прошлое и настоящее (критический взгляд криминалиста) // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4.

[2] Ахмедов А.Г., Бозиев Т.О. Получение первичной информации о фактах преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 1.

[3] Жигарев Е.С. Там же.

связанных с наркотическими средствами, тесно взаимосвязаны с механизмом всеобщего предупреждения преступности.

На сегодняшний день в РЮО мерами противодействия распространению незаконного оборота наркотиков являются меры медицинского, административного, социального и иного характера, реализуемые в комплексе для предотвращения ухудшения наркоситуации в стране. Однако представляется необходимым усилить организационные меры, которые противодействовали бы незаконной продаже и перевозке наркотических средств. С этой целью нужно усилить контроль за аптечными работниками, провизорами, работниками таможенных служб.

В настоящее время большое внимание в Республике уделяется предупреждению и профилактике наркопреступлений на начальной стадии. С физическими лицами профилактику распространения и потребления наркотиков проводят как индивидуально, так и для групп лиц. Особенно выделяют лиц группы риска, с которыми ведется активная работа по предупреждению потребления наркотических средств. Предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в отношении физических лиц имеет целью предупреждение потребления ими наркотических веществ при отсутствии на то медицинских показаний. Пропагандируется здоровый образ жизни, разъясняется вред от потребления наркотических веществ, что оказывает определенный эффект – за 2020 год не выявлено ни одного несовершеннолетнего, употребляющего наркотические средства. Предупредительные меры применяются и в отношении юридических лиц, деятельность которых связана с оборотом наркотических средств в рамках указанного выше закона, посредством регламентирования работы по инвентаризации наркотических веществ.

Вместе с тем полагаем, что наиболее эффективными мерами в борьбе с незаконным оборотом наркотиков являются следующие:

1. Усиление мер уголовно-правового воздействия, осуществляемое посредством увеличения срока лишения свободы за сбыт наркотических средств и психотропных веществ в крупном и особо крупном размере до максимально возможного;

2. Активизация пограничного и таможенного контроля, направленная на выявление и пресечение незаконного оборота наркотиков;

3. Ужесточение контроля за реализацией программ, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, введение мер ответственности для уполномоченных лиц за отказ от реализации указанных программ;

4. Организация более слаженной работы правоохранительных органов, усиление их взаимодействия друг с другом по вопросам предупреждения и противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков;

5. Блокировка сайтов в сети Интернет, посредством которых происходит распространение наркотических средств, ограничение возможности доступа в системы анонимайзеров.

Следует отметить, что наиболее действенными мерами профилактики и противодействия незаконному обороту наркотиков являются индивидуальные меры[1]. На сегодняшний день индивидуальное предупреждение заключается:

– в выявлении лиц, непосредственно злоупотребляющих наркотиками, а также имеющих особую склонность к совершению преступлений под наркотическим опьянением;

– в устранении причин и условий, побуждающих личность к совершению антиобщественных и противоправных действий;

– в устранении обстоятельств, которые непосредственно приводят к желанию у личности (стоящей на особом учете) начать употреблять наркотические средства, психотропные вещества;

– в осуществлении контроля за поведением и образом жизни лиц, злоупотребляющих наркотиками;

– в применении мер воспитательного, медицинского, правового и иного характера к лицам, склонным к противоправному поведению в состоянии наркотического опьянения.

Подводя итог, следует отметить, что незаконный оборот наркотиков создает большую угрозу здоровью населения, подрывает его экономический потенциал, негативно влияет на социальную сферу, на демографическую ситуацию. Именно поэтому противодействие незаконному обороту наркотиков должно осуществляться непрерывно, направленно и интенсивно. А решение глобальной проблемы наркопреступности должно осуществляться системно – от пропаганды здорового образа жизни до государственной политики предупреждения и пресечения преступлений в рассматриваемой сфере.

[1] Аккаева Х.А. Общесоциальные и индивидуальные меры противодействия незаконному обороту оружия // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2.

Крыжановский Юрий Степанович,
заместитель начальника кафедры
огневой и физической подготовки
Международного межведомственного центра
подготовки и переподготовки специалистов
по борьбе с терроризмом и экстремизмом
ВИПК МВД России,
полковник полиции

Кан Лаврентий Васильевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки
Международного межведомственного центра
подготовки и переподготовки специалистов
по борьбе с терроризмом и экстремизмом
ВИПК МВД России,
кандидат педагогических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БАЗОВЫМ ОСНОВАМ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

Готовность сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием зависит, прежде всего, от полноты сформированного образа тактико-технических действий по отношению к вероятной неопределенности действий правонарушителя. Для успешного выполнения служебных задач с пистолетом требуются уверенные навыки владения базовыми основами работы с огнестрельным оружием. Базовые основы формируются на начальном этапе обучения, они необходимы для безопасной и эффективной работы с огнестрельным оружием.

Уверенное владение базовыми основами позволит сотрудникам органов внутренних дел выполнять служебные задачи с огнестрельным оружием безопасно и эффективно. Отсутствие у сотрудников органов внутренних дел базовых основ, будет приводить к нарушению мер и правил безопасности при работе с огнестрельным оружием.

Авторы на основании анализа подготовки полицейских территориальных органов внутренних дел и опыта преподавателей образовательных организаций МВД России, проходящих повышение квалификации в ВИПК МВД России, выявили необходимость качественного обучения базовым основам работы с огнестрельным оружием.

Целью написания статьи является необходимость разработки методики, позволяющей обучать сотрудников органов внутренних дел не только стрельбе из пистолета, а готовить к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием.

Под готовностью сотрудника органов внутренних дел к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием подразумевается способность к эффективным и безопасным действиям с оружием в любой сложившейся ситуации, при обязательном условии того, что действия сотрудника с оружием в сложившейся ситуации не должны выходить за рамки правового поля.

Базовые основы – это комплекс теоретических знаний и практических навыков, необходимых сотрудникам органов внутренних дел для безопасной и эффективной работы с огнестрельным оружием при выполнении служебных задач.

Методика подготовки сотрудников органов внутренних дел базовым основам, необходимым для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием – это система обучения, которая включает в себя:

– теоретический раздел специфики выполнения служебных задач с огнестрельным оружием (пистолетом);

– методические рекомендации обучения технике стрельбы в рамках алгоритма действий сотрудников с огнестрельным оружием;

– комплекс обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием, требующийся для выработки уверенных практических навыков работы с пистолетом.

Теоретические основы базовой подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием (пистолетом) являются тем необходимым объемом знаний, который дает возможность обучающимся получить представления о кардинально важных основах подготовки к работе с огнестрельным оружием. Без знаний такого рода сложно получить представления о специфике действий с огнестрельным оружием при выполнении служебных задач.

Однако, одних теоретических знаний и методических рекомендаций обучения технике стрельбы в рамках алгоритма действий сотрудников с огнестрельным оружием, недостаточно для приобретения уверенных практических навыков. Поэтому уровень подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием будет зависеть еще и от качества практических занятий, которые должны в обязательном порядке включать в себя специальные обучающие и тренировочные упражнения с учебным оружием.

Для формирования у сотрудников органов внутренних дел базовых основ, необходимых для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием, необходимо разрабатывать и использовать комплекс специальных тактико-технических упражнений с учебным оружием.

Использование такого комплекса упражнений в процессе обучения позволяет значительно повысить эффективность подготовки и выработать у сотрудников органов внутренних дел устойчивые профессиональные навыки, необходимые для работы с огнестрельным оружием. Целью отработки упражнений является обучение сотрудников технике и последовательности действий с огнестрельным оружием. Все упражнения должны отрабатываться учебным пистолетом.

Комплекс тактико-технических специальных обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием в обязательном порядке необходимо включать в процесс обучения, как отдельным видом подготовки, так и перед учебно-тренировочными стрельбами.

Одним из важнейших принципов эффективности процесса обучения, является качественная подготовка сотрудников органов внутренних дел, без дальнейшего переучивания. Процесс переучивания сам по себе всегда очень сложный и трудоемкий, а при работе с огнестрельным оружием малоэффективный и небезопасный. Кроме того, порядок организации процесса обучения должен быть ориентирован на область практического применения оружия.

Для чего в процессе обучения должно использоваться контрольное тренировочное упражнение с учебным оружием, которое является точной моделью действий сотрудника с огнестрельным оружием при выполнении служебных задач.

Последовательность построения процесса обучения базируется на отработке специальных обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием. Которые по сути являются комплексом упражнений, используемых для подготовки обучаемых к выполнению контрольного тренировочного упражнения.

Изучение и отработка комплекса специальных обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием позволяет в процессе тренировок получать определенные кожно-мышечные чувства. При многократных повторениях упражнений кожно-мышечные чувства формируются в систему мышечной памяти, которая в дальнейшем трансформируется в профессиональные навыки необходимые для работы с огнестрельным оружием.

Выполнение специальных обучающих и тренировочных упражнений в рамках алгоритма необходимого для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием, позволяет отрабатывать технические аспекты с оружием, соблюдая строго определенную последовательность в действиях.

Для того чтобы процесс стрельбы был успешным (все пули попадали в мишень) сотрудники органов внутренних дел должны уметь выполнять элементы техники стрельбы из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления.

Элементы техники стрельбы из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления – это комплекс определенных технико-тактических действий, выполняемых сотрудниками органов внутренних дел, как в процессе работы с оружием, так и в процессе стрельбы.

Техника стрельбы из пистолета в неограниченное время имеет определенные различия с техникой стрельбы из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления. Работа с оружием в ограниченное время представляет собой комплекс тактико-технических действий, необходимых для выполнения служебной задачи. Реализация комплекса обусловлена определенными временными рамками и строгим соблюдением алгоритма работы с огнестрельным оружием.

Поэтому отработка элементов техники стрельбы из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления должна осуществляться в рамках алгоритма работы с огнестрельным оружием, необходимого для выполнения с ним служебных задач.

В ситуациях с необходимостью применения огнестрельного оружия действия сотрудника начинаются с извлечения пистолета из кобуры, приведения его в боевое состояние и формирования хвата. Поэтому после изучения и отработки обучаемыми хвата оружия, будет нецелесообразно обучать их выносу пистолета в сторону мишени, прицеливанию и обработке спуска курка, потому что:

Во-первых, такая последовательность действий идет вразрез с алгоритмом действий сотрудника с огнестрельным оружием при выполнении служебных задач.

Во-вторых, у обучаемых еще не сформировался навык выполнения грамотного хвата пистолета, который является важнейшим техническим элементом, обеспечивающим контроль оружия и безопасность при работе с ним. Следовательно, отработка элементов техники стрельбы из пистолета, который сотрудник в полной мере не контролирует, будет являться неэффективной и небезопасной.

В-третьих, даже если сотрудник обучен грамотной обработке спуска курка, но не обучен технике быстрого извлечения оружия из кобуры с приведением его в боевое состояние и формированием хвата, то в определенных экстремальных ситуациях он не сможет воспользоваться своим пистолетом.

Начальным основным элементом тренировочных упражнений с учебным оружием (после изучения и отработки хвата), является техника быстрого извлечения пистолета из кобуры с приведением его в состояние боевой готовности и формированием хвата. Обучение технике быстрого приведения пистолета в боевую готовность проводится в два этапа:

– на первом этапе отрабатывается подготовительное упражнение, необходимое для освоения действий, требующихся для быстрого извлечения пистолета из кобуры;

– на втором этапе подготовки отрабатывается упражнение в целом, с извлечением оружия, «досыланием патрона в патронник» и формированием хвата.

Отработка упражнения начинается только после ознакомления сотрудников с правилами укладки пистолета в кобуру. Формирование у сотрудников органов внутренних дел алгоритма практических действий, необходимого для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием (пистолетом), начинается с обучения технике извлечения пистолета из кобуры.

Все упражнения отрабатываются с учебным пистолетом, особое внимание при выполнении упражнения должно обращаться на соблюдение последовательности и согласованности в действиях по извлечению оружия.

При извлечении пистолета взгляд сотрудника не должен быть направлен на кобуру, так как эти действия приводят к потере визуального контроля за «оперативной» обстановкой. В процессе тренировки сотрудники вырабатывают навыки, необходимые для быстрого приведения оружия в боевое состояние с последующим его контролем.

Отсутствие практического навыка быстрого приведения оружия в боевую готовность лишает сотрудников органов внутренних дел возможности контролировать заряженное оружие с того момента, как только патрон оказался в патроннике. Это выражается в том, что сотрудники в процессе работы с оружием, еще не сформировав хват, начинают накладывать указательный палец на спусковой крючок. Такая последовательность в действиях, принимая во внимание, что в патроннике пистолета находится патрон, является нарушением мер и правил безопасности.

Если сотрудники органов внутренних дел на начальном этапе подготовки обучены навыкам «контроля заряженного оружия», то в дальнейшем не будут вызывать затруднений вопросы отработки различных вариантов исполнения хвата, например, быстрое формирование хвата в «конечной точке выноса оружия» в сторону мишени. Такой вариант выполнения хвата является сложным по технике исполнения, ввиду того, что он требует выработку согласованности в нескольких действиях, выполняемых одновременно.

В процессе формирования у сотрудников органов внутренних дел базовых основ, необходимых для работы с огнестрельным оружием, следует учитывать обозначенные особенности. Умения и навыки, первоначально приобретенные сотрудниками на начальном этапе обучения, являются устойчивыми. Поэтому процесс формирования первоначальных навыков должен соответствовать области практического применения оружия.

Практический опыт преподавательского состава образовательных организаций МВД России, прошедших повышение квалификации в ВИПК МВД России, показывает, что при выполнении упражнений стрельб из пистолета в ограниченное время большинство сотрудников тратят на производство первого выстрела от пяти до семи секунд. При выполнении, например, упражнения № 4 КС занимает 50% времени, отведенного на выполнение упражнения. Результатом производства первого выстрела в такое длительное время является алгоритм действий с оружием, не отвечающий требованиям техники работы с пистолетом в ограниченное время.

Обучение технике выполнения элементов подготовки и производства первого выстрела из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления является важным этапом в процессе подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач с использованием огнестрельного оружия.

Практический опыт проведения учебных стрельб показывает, что большинство сотрудников использует определенный алгоритмом работы с оружием. Этот алгоритм выглядит следующим образом: после досылания патрона в патронник стрелок, не успевая сформировать хват, выносит руки с оружием вперед и прицеливается.

Таким образом, находясь под воздействием психологического фактора, сотрудник пытается выполнить одновременно несколько действий: сформировать хват, вынести пистолет в сторону мишени, положить указательный палец на спусковой крючок, выбрать свободный ход спускового крючка и прицелиться.

Начинать процесс подготовки сразу с выполнения сложно-координационных действий будет неэффективно и небезопасно, так как это ведет к нарушению принципа последовательности в процессе обучения. Сотрудник в экстремальной ситуации без специальной подготовки не способен грамотно выполнить несколько действий одновременно за короткий промежуток времени.

Следовательно, для того чтобы не допускать ошибок в процессе работы с оружием, следует выполнять необходимые действия в строго определенной последовательности. Таким образом, выстраивается алгоритм практических действий с огнестрельным оружием, необходимый для безопасного, быстрого и точного производства первого выстрела в ограниченное время, который включает в себя следующую последовательность действий:

1. Извлечение оружия из кобуры, приведение его в боевое состояние с формированием хвата и контролем указательного пальца на спусковой скобе.

2. Вынос оружия в сторону мишени.

3. Перенос указательного пальца на спусковой крючок и выбор свободного хода спускового крючка.

4. Прицеливание и обработка спускового крючка с отметкой выстрела.

Соблюдение указанной последовательности изучения и отработки комплекса, обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием позволит повысить эффективность выработки практических навыков, необходимых для работы с огнестрельным оружием.

Качественная подготовка сотрудников органов внутренних дел базовым основам, необходимым для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием позволили решать следующие задачи:

– раскрыть специфику выполнения служебных задач с огнестрельным оружием;

– дать понятия, определения и формулировки, необходимые для понимания специфики особенностей, возникающих при работе с огнестрельным оружием;

– обозначить особенности форм контроля практических действий сотрудника с оружием и раскрыть его составляющие, необходимые для профессионального выполнения служебных задач;

– раскрыть алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел с огнестрельным оружием в процессе выполнения служебных задач;

– освоить сотрудником порядок действий с огнестрельным оружием при выполнении служебных задач;

– изучить и отработать элементы техники стрельбы из пистолета в ограниченное время с использованием прицельного приспособления, в рамках алгоритма действий с огнестрельным оружием.

Без использования в процессе подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач с огнестрельным оружием учебных пистолетов (либо массогабаритных макетов способных имитировать работу частей и механизмов) сложно добиться эффективных результатов обучения. Отработка комплекса специальных обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием, по нашему мнению, позволит вырабатывать у сотрудников органов внутренних дел устойчивые навыки, необходимые для выполнения служебных задач с огнестрельным оружием.

Преподаватели и сотрудники, отвечающие за обучение личного состава, в том числе и территориальных органов внутренних дел, используя комплекс специальных обучающих и тренировочных упражнений с учебным оружием, смогут проводить занятия по огневой подготовке максимально эффективно.

Кузнецова Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки
ВФ ФГКУО ВО РЮИ МВД России,
подполковник полиции

Грунин Дмитрий Александрович,
заместитель начальника кафедры
ТСОиФП ЛОФ СПбУ МВД России,
полковник полиции

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Возникновение экстремизма и терроризма обусловились процессами глобализации общества, явив миру одну из самых значимых проблем современности. Причем в самые короткие сроки, данные явления приняли статус международного, поставив своей целью распространение угрозы выживания человечества. Отсюда, следует понимать, что в числе наиболее значимых объектов, подвергаемых экстремистско-террористическим атакам, входит личная и общественная безопасность[1]. При этом, агрессивные проявления, направленные в сторону запугивания, как отдельных личностей, так и целых народов, происходит посредством игнорирования демократических принципов[2], устоявшихся в правовом обществе и государстве.

Глобализация ознаменовала слияния информационных и коммуникационных технологий, посредством которых оптимизировались процессы обработки, накопления и передачи информации. Данные технологии явились движущей силой для политических, экономических, социальных и культурных преобразований в обществе и обусловили интенсификацию социальных отношений, основной целью которых явилось установление конструктивного взаимодействия между странами и народностями. Однако данный процесс ушел немного в другое русло, где глобализация, явившись, как реальной, так и потенциальной угрозой противоправной деятельности в информационном пространстве явила

[1] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83–86.

[2] Берснакаева Т.М. Процесс глобализации: негативный и положительный аспекты // В сборнике: Роль и место информационных технологий в современной науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 115–117.

миру еще один побочный эффект – появление такого феномена, как «экстремизм» и «терроризм», борьба с которыми стала приоритетной в мире[1]. Сюда же наслоился и мировой кризис, который обусловился социально-экономическими, политическими, экономическими, демографическими, экологическими и гуманитарными проблемами. Под угрозой оказалось существование жизни вида Homo sapiens на планете в целом. Современный человек достиг предельно допустимых значений дисбаланса с окружающей средой, игнорируя морально-этические нормы и ценности[2].

Таким образом, глобальная сеть, которая создавалась в целях улучшения жизнедеятельности людей, в контексте расширения международной коммуникации, обеспечения комфорта при достижении мирового согласия и взаимопонимания между пользователями, стала также объектом корысти и противозаконных действий. Этой проблемой стали озадачены правоохранительные структуры большинства государств. В результате ее обсуждение было вынесено на решение, а в декабре 2019 года Генеральная Ассамблея ООН впервые одобрила идею разработке международной конвенции о противодействии использования всемирной компьютерной сети в преступных целях. Этот документ предположительно должен был способствовать координации действий государств в данной сфере[3].

В ответ Российская Федерация отметила, что указанная проблема давно носит глобальный характер и затрагивает все страны без исключения. Сегодня мир не обладает универсальным инструментом решения этого вопроса. На международном уровне ситуация осложнилась отсутствием единой терминологической базы и всеобъемлющего международно-правового регулирования. Вместе с тем, было заявлено, что предложение ряда стран в качестве возможного решения Конвенции Совета Европы о киберпреступности невозможно принять, ввиду ее недостаточности. И что еще делает ее неприемлемой – допущение возможности нарушения принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

---

[1]Гедугошев Р.Р. Контрпропаганда экстремистских идей в социальных сетях и на других интернет-ресурсах // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 64–66.

[2] Коркмазов А.В., Ковтун Н.А. Основные методы распространения идеологии терроризма через интернет, использование социальных сетей экстремистскими группировками // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 108–111.

[3] Тарчоков Б.А., Шогенов Т.М., Бураева Л.А. Об актуальных вопросах обеспечения информационной безопасности на современном этапе // В сборнике: Лучшая научная статья 2020: сб. статей XXXVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза. 2020. С. 42–44.

Наше государство поощряет разработку универсальных принципов и норм, обеспечивающих заинтересованные стороны для эффективного международного сотрудничества в борьбе с криминализацией всемирной информационно-коммуникационной сети.

Напрашивается вывод, что любые инновации в интернет пространстве создают предпосылки для расширения сферы ее криминализации. Возникли сложности и у представителей правоохранительных структур в расследовании таких дел, так как высокая анонимность глобального пространства позволяет виртуальному преступнику не оставлять следов преступления, в результате чего его обнаружение и нейтрализация практически невозможны[1].

Важно также отметить относительную ненаказуемость и высокий уровень латентности данного вида преступлений, которые только повышают их привлекательность как вид деятельности.

Осуществляя противодействие экстремизму и терроризму правоохранители в своей деятельности используют стереотипные методы и приемы, не учитывающие особенности новых видов преступлений. Также сбивающим фактором выступает отсутствие наработанных методик противодействия криминализации глобальной сети и несовершенство нормативно-правового регулирования. А исследуя масштабы, до которых разросся экстремизм и терроризм в глобальном пространстве, вполне объяснима тревога правоохранительных структур практически всех государств. Для достижения результатов в вопросах противодействия данному феномену необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование данного феномена на законодательном уровне в условиях глобализированного информационного пространства невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права. В этом направлении на сегодняшний день удалось реализовать ряд мероприятий. Так, генеральная Ассамблея ООН:

– 5 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», состоящей из правил, норм и принципов ответственного поведения государств в виртуальном пространстве;

– 17 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/187 «Противодействие использованию ИКТ в преступных целях», в которой содержится план запуска открытого политического дискурса по противодействию киберпреступности, с целью выработки конкретных практических решений в условиях отсутствия действенных международно-правовых инструментов противодействия данному явлению.

[1] Шхагапсоев З.Л. Радикализм и экстремизм как реальная угроза безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 23–26.

На законодательном уровне в Российской Федерации следует последовательно и динамично развивать накопленный зарубежными правоохранителями практический опыт, а именно:

– совершенствовать современную систему идентификации пользователей информационного контента, не подлежащего разглашению;

– консолидировать правовые нормы, отвечающие национальным интересам России и регулирующие деятельность пользователей в глобальном пространстве.

Лакомская Марта Юрьевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОЙ ФОТОГРАФИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ

В рамках данной статьи автор исследует применение на современном этапе развития общества и государства судебной фотографии, а также возможность ее применения при производстве осмотра места происшествия. Судебная фотография вызывает все больший интерес у исследователей, поэтому в научной и учебной литературе ее применению уделяется все большее внимание. Однако применение судебной фотографии при проведении осмотра места происшествия обладает определенными особенностями, которые будут раскрыты в данной статье. Также на практике нередко допускаются процессуальные и тактические ошибки при фотографировании на месте происшествия, что влечет определенные негативные последствия, что сказывается на ходе уголовного судопроизводства.

Изначально отметим, что судебную фотографию еще также называют криминалистической фотографией, которую активно используют на практике при производстве ряда следственных действий, включая проведение осмотра места происшествия. Судебная фотография является важным способом фиксации следов и обстановки места происшествия, которая применяется вместе с видеосъемкой, графиками и чертежами места происшествия, а также прикладывается к протоколу осмотра места происшествия.

Однако процесс фотографирования места происшествия обладает определенными спецификами в плане использования технических средств

и операторских приемов. На данный аспект еще в 2012 г обращали внимание Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др.[1]

При изучении вопроса использования и применения судебной фотографии при проведении осмотра места происшествия важно обратить внимание на возможные ошибки, которые на практике часто встречаются и допускаются при фотографировании. Наиболее чаще встречаются ошибки фотофиксации, связанные с композицией кадра (объект запечатлевается частично), настройкой экспозиции и фокуса (нерезкие, мутные или засвеченные изображения). Помимо этого, изымаемые объекты в ходе осмотра фотографируются уже после извлечения, а не в изначальном положении на месте их обнаружения, что также является упущением. Проиллюстрируем данный момент примером. В ходе осмотра места очага пожара, произошедшего в помещении жилого дома, была обнаружена часть корпуса зажигалки. Однако в фототаблице отсутствовала фотография исходного положения зажигалки в очаговой зоне[2].

Целостность пластикового корпуса зажигалки свидетельствовала о том, что он не подвергся длительному термическому воздействию, характерному для очаговой зоны.

Таким образом, возникали сомнения в причастности данного зажигательного устройства к возникновению пожара.

В составляемых фототаблицах зачастую отсутствуют указания на точки съемки, что не позволяет установить направление съемки и положение фотографируемого объекта и существенно снижает информационную ценность фотоматериалов. Лишь в редких случаях к фототаблице прилагается план объекта с указанием точек и направлений съемки отдельных снимков. Также практически не фотографируется упаковка изымаемых объектов, что позволило бы контролировать ее целостность и неизменность[3].

На сегодняшний день необходимо стараться использовать цифровую фотосъемку, так как она обладает рядом следующих преимуществ:

– высокое разрешение;
– быстрота и экономичность процесса фотографирования;
– отсутствует необходимость создания аналогового изображения;
– не требуются специальные условия хранения;
– возможность редактировать и иными способами воздействовать на изображение, используя современные технологии.

---

[1] Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова и др. / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. – 544 с.

[2] Аверина К.Н., Подкатилина М.Л., Шамаев Г.П. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Холопов А.В. Инновационные средства и методы фотографической фиксации места происшествия // Законность. 2019. № 8. С. 25–29.

Отметим, что есть категории дел, по которым фотофиксация применяется чаще. Например, фотографирование всегда производится при совершении преступления в сфере безопасности дорожного движения, что имеет большую доказательственную силу. Также судебная фотография применяется при обнаружении трупа на месте происшествия, так как очень важно зафиксировать расположение трупа на месте происшествия, его позу, одежду, обстановку вокруг трупа. Данные обстоятельства помогают построить первоначальные и последующие следственные версии совершения преступления.

Упрощенная схема применения цифровой фотосъемки – самая распространенная в следственной практике. Часто она применяется наряду с обычной судебной фотографией специалистами ЭКЦ, которые к применению цифрового фото подходят осторожно. Это бывает тогда, когда цифровая фотосъемка применяется в ходе следственного действия для наглядности и удовлетворения факта:

– проведения следственного действия;
– фиксации обстановки на месте происшествия;
– в ходе проверки показаний на месте;
– следственном эксперименте;
– в качестве конечной цели преследует приобщение полученных фотоснимков как приложения к протоколу осмотра места происшествия или к протоколу любого иного следственного действия[1].

И следствие не опасается, что исходный цифровой материал может быть признан недопустимым доказательством, так как приложение к протоколу следственного действия не порочит протокол следственного действия.

Таким образом, анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что на сегодняшний день при проведении осмотра места происшествия активно применяется судебная (криминалистическая) фотография. Данное обстоятельство связано с тем, что фотография является универсальным способом фиксации места происшествия, обстановки, следов, расположения предметов и т. п., что может иметь важное доказательственное значение. На сегодняшний день преимущественно стараются использовать цифровую фотографию, что обусловлено развитием современных технологий.

Однако анализ доктрины также позволил прийти к выводу, что на сегодняшний день при фотографировании на месте происшествия допускается множество ошибок, что приводит к утрате фотографией своего доказательственного значения. При фотографировании на месте происшествия должны соблюдаться определенные правила фотографирования, которые должны применяться не только в целом к

[1] Холопов А.В. Инновационные средства и методы фотографической фиксации места происшествия // Законность. 2019. № 8. С. 25–29.

месту происшествия, а также к фотографированию отдельных предметов, обнаруженных на месте происшествия.

Также на практике могут возникнуть процессуальные ошибки, но они возникают реже. Отметим, что проведение осмотра и применение технических средств регламентировано нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1]. Например, следователь может не указать в протоколе осмотра места происшествие на факт использования специальных технических средств – фотоаппарата. Однако такие ошибки процессуального характера допускаются на практике значительно реже, чем ошибки криминалистического характера. Именно поэтому в криминалистике уделяется повышенное внимание тактике криминалистического фотографирования.

Леванов Дмитрий Александрович,
заместитель начальника отдела
специальных экспертиз,
начальник отделения
инженерно-технических экспертиз
ЭКЦ УМВД России по Рязанской области,
подполковник полиции

Стенина Татьяна Валериевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
майор полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ АВТОТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Жизнь человека на современном этапе развития общества неразрывно связана с использованием различных транспортных средств. Быстрый темп роста количества автотранспорта закономерно приводит к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в ДТП[2]. В большинстве случаев дорожно-транспортное происшествие является результатом нарушения правил дорожного движения водителями,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 08.03.2021) // Ведомости Федерального Собрания РФ. 01.01.2002. № 1. Ст. 1.

[2] URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 24.04.2021).

пешеходами, а также следствием плачевного состояния дорожного покрытия и организации дорожного движения.

При расследовании дорожно-транспортного преступления одной из первостепенных задач является установление степени виновности водителя транспортного средства. Не всегда возможно определить виновника аварии на месте дорожно-транспортного происшествия, и тогда данные собранные во время осмотра места происшествия (схемы, фото таблицы, видимые критерии, например, длина тормозного пути) ложатся в основу судебно-экспертного исследования. С целью повышения качества расследования уголовных дел по фактам ДТП, предотвращения следственных ошибок, назначаются дорожно-транспортные экспертизы, являющиеся одними из наиболее востребованных видов судебных исследований. Целью проведения автотехнической экспертизы является установление механизма развития дорожно-транспортной ситуации и причин дорожно-транспортного происшествия. ЭКЦ УМВД России по Рязанской области проводятся автотехнические экспертизы и исследования по четырем видам экспертных специальностей. За двенадцать месяцев 2020 года выполнено 1272 экспертиз и 273 исследования за три месяца 2021 года, 231 экспертиза и 80 исследований по следующим экспертным специальностям:

1. «Исследование обстоятельств ДТП».
2. «Исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств».
3. «Исследование следов столкновения на транспортных средствах и месте ДТП».
4. «Исследование маркировочных обозначений транспортных средств».

Так судебная экспертиза «Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия» подразумевает экспертное исследование дорожно-транспортных ситуаций (ДТС), расчет параметров движения транспортных средств, пешеходов и иных объектов в процессе развития ДТП, а также анализ действий и бездействия его участников. Предметом исследования становятся фактические данные об обстоятельствах произошедшего, данные о покрытии автодороги, ее состоянии. Объектами, исследуемыми при производстве данного вида автотехнических экспертиз, являются данные содержащиеся в материалах уголовного дела, относящиеся к предмету экспертизы и не требующие правовой оценки, фотографии места ДТП, видеозаписи развития дорожно-транспортной ситуации. Особая роль в предоставлении данных о дорожно-транспортной ситуации, предшествующих ДТП, действиях участников дорожно-транспортного происшествия, режимах движения ТС (тяговый, торможение, накатом, с потерей устойчивости), скоростях ТС и темпах движения пешеходов, наличию и расположению следов на дороге, их виде,

режиме работы светофорных объектов, сигналах светофоров, на который двигались участники ДТП, а также дислокации дорожных знаков и дорожной разметки и др., отводится криминалистической экспертизе видеозаписей. Именно используя методы данного вида экспертизы, по результатам видеосъемки камер наружного наблюдения и видеорегистраторов, можно установить данные, зачастую отсутствующие в материалах дела, но необходимые для решения поставленных перед экспертом задач.

Судебная экспертиза «Исследование следов столкновения на транспортных средствах и месте ДТП», это комплексное трасолого-автотехническое исследование транспортного средства, целью которого является определение траекторий и характера движения транспортных средств на стадии схождения и расхождения, их взаимного расположения, а также расположения транспортных средств относительно пешеходов и других объектов на дороге до столкновения (наезда), установление координат места столкновения (удара), наезда, опрокидывания. Такой вид судебной автотехнической экспертизы, как «Исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств» подразумевает экспертное исследование технического состояния транспортных средств, их систем, агрегатов, механизмов, узлов и деталей в целях установления их работоспособности, причин и времени возникновения неисправностей, а также возможности их обнаружения. Следующим видом судебных автотехнических экспертиз является судебная экспертиза: «Исследование маркировочных обозначений транспортных средств». В ходе производства экспертизы проверяются на подлинность маркировочные обозначения транспортных средств, нанесенные на несъемные элементы кузова, раму автомобиля (при наличии), сверяются индивидуальные номера элементов комплектации, проверяются маркировочные таблички и электронные носители информации. Перед экспертами – автотехниками стоит задача выяснить, были ли изменены маркировочные обозначения, нанесенные на отдельно взятое транспортное средство, и, если да, то каков первоначальный идентификационный номер.

Результативность каждого из вышеперечисленных видов судебных экспертиз напрямую зависит от правильности и полноты подготовки материалов для назначения автотехнической экспертизы, которая включает в себя такие элементы как формулировка задач экспертизы, определение материалов дела, содержащих исходные данные для экспертизы, отбор объектов экспертизы, составление постановления о назначении судебной экспертизы.[1] От того насколько полно будут проведены вышеперечисленные действия зависит качество проведенного

[1] Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2003. С. 310.

исследования, а также сроки его проведения. Анализ экспертной практики назначения и производства судебных автотехнических экспертиз показывает, что имеются серьезные недостатки, связанные с недостаточной осведомленностью инициаторов о возможностях данного рода экспертиз и как следствием возникающих затруднениях при формулировке вопросов эксперту. При постановке вопросов перед экспертом не учитываются фактические исходные данные, а точнее их отсутствие, что делает невозможным решение задач, поставленных перед экспертом. Отсутствие исходной информации для производства автотехнической экспертизы напрямую связано с наиболее распространенной проблемой, встречающейся при расследовании и раскрытии данного вида преступлений - низким качеством осмотров мест ДТП. На наш взгляд основной причиной этого является отсутствие должного взаимодействия между следователем и специалистом в ходе проведения данного следственного действия. В ходе осмотра места происшествия специалист может оказать квалифицированную помощь следователю не только в выявлении, фиксации, изъятии следовой информации, но и дать консультацию по определению наиболее эффективного использования обнаруженных следов при расследовании дорожно-транспортного преступления. Однако практика показывает, что при оформлении документов в ходе осмотра далеко не всегда полностью фиксируются и описываются обнаруженные следы и их признаки, не обеспечивается их надлежащая привязка, относительно элементов дороги и друг друга, не выявляется характер образования обнаруженных следов. Очень часто при ДТП невозможно провести полный осмотр транспортного средства, и возникает необходимость в буксировке поврежденных ТС с целью проведения дополнительных осмотров в оборудованных для этих целей боксах. Неосторожная буксировка транспортного средства с места ДТП является частой ошибкой, влияющей на результативность автотехнической экспертизы, это делает проведение дополнительного осмотра транспортного средства бессмысленным, так как разрушенные детали транспортного средства получают дополнительные повреждения, что делает невозможным установление причин их первоначального повреждения. Инициаторы назначения экспертиз и исследований не всегда с должным пониманием относятся к обеспечению эксперта необходимыми исходными данными, выносятся постановления без предоставления достаточного количества фактических данных для производства экспертизы. Эта проблема также может быть решена привлечением специалиста для оказания им консультативной помощи, который изучив информационное содержание следов, может дать им криминалистическую характеристику и помочь следователю определить перспективу исследования тех или иных объектов, обнаруженных на месте происшествия. В некоторых случаях, даже по ходатайству эксперта,

инициаторы не предоставляют эксперту исходные данные, которые можно получить только следственным путем, а именно путем проведения следственных экспериментов, при проведении которых также необходимо прибегать к помощи специалистов.

Наблюдается устойчивая тенденция по переадресации эксперту значительной части работы, которую должен делать следователь, перед тем как назначить автотехническую экспертизу. Так, например, в постановлении о назначении экспертизы должна быть подробно описана дорожная обстановка в районе места происшествия. Дорожная обстановка – это совокупность, связанных с участком происшествия обстоятельств, которые должен был учитывать водитель при выборе режима и полосы движения транспортного средства, а также приемов управления им. Она определяется дорожными условиями, видимостью, обзорностью, интенсивностью и характером движения транспортных средств и пешеходов, наличием неподвижных препятствий, особенностями и техническим состоянием транспортного средства, его скоростью, а также факторами, относящимися к организации движения на данном участке (шириной проезжей части и линиями разметки, дорожными знаками и сигналами светофоров или регулировщиков, наличием перекрестков и закруглений дороги и т. д.). Однако следователи в постановлении о назначении экспертизы зачастую ограничиваются кратким описанием того, что произошло на конкретном участке дороги. Подробное же описание того, кто в каком направлении и с какой скоростью двигался, кто, кому и в какой момент создавал опасность для движения, как располагались участники ДТП в момент возникновения опасности, применяли ли водители торможение или маневр, подавали ли они при этом какие-либо сигналы и т.д., в постановлении о назначении экспертизы отсутствует. Эксперту направляются материалы уголовного дела в полном объеме, тем самым следователь вынуждает эксперта обращаться к материалам уголовного дела и самостоятельно выбирать данные, необходимые для решения, поставленного перед ним вопроса, что противоречит требованиям ст. 57 УПК РФ. Так же стоит отметить как один из недочетов, встречающихся при вынесении постановления о проведении автотехнической экспертизы, избыточность вопросов, поставленных перед экспертом, а также их формулировка с «обвинительным» уклоном.

С нашей точки зрения, вышеперечисленные проблемные вопросы возможно решить посредством тесного сотрудничества экспертов, занимающихся производством автотехнических экспертиз с инициаторами данных исследований, с целью оптимизации сроков их выполнения, соблюдения границ компетентности экспертов, определения достаточности представленных материалов для объективного и научно-обоснованного решения поставленных перед ними вопросов. Так же необходимо на регулярной основе проводить занятия со следователями по

вопросам, связанным с проведением осмотров мест ДТП и порядком назначения судебных автотехнических экспертиз. Нам видится, что данные меры позволят избежать следственных ошибок и будут способствовать повышению эффективности первоначальных осмотров мест происшествия при совершении ДТП.

Лопатин Дмитрий Александрович,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
подполковник полиции

ПРОЦЕСС ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение материалов служебных расследований, а также результатов инспекторских проверок, проводимых подразделениями аппарата МВД России для принятия мер по предотвращению случаев гибели и ранений сотрудников, находящихся при исполнении служебных обязанностей, свидетельствует о том, что в ряде случаев многие сотрудники в экстремальных условиях задержания либо самозащиты имеют слабую профессионально-психологическую подготовленность.

В различных документах Департамента государственной службы и кадров МВД России особое внимание уделяется вопросам повышения уровня организации психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава ОВД. В них предлагается осуществлять подбор и расстановку сотрудников в подразделениях при выполнении служебных задач с учетом их индивидуально-психологических особенностей, уровня их профессиональной подготовленности и психологической устойчивости.

В процессе занятий по физической подготовке и, в частности, боевых приемов борьбы, особое значение приобретает формирование у сотрудников психофизической устойчивости к успешным действиям в различных условиях.

В этой связи весьма актуальной становится проблема, касающаяся взаимосвязи процесса физической и психологической подготовки в процессе обучения сотрудников ОВД и ее значения в обеспечении личной безопасности[1].

[1] Спецкурс «Психологические аспекты профессиональных действий сотрудников полиции по охране общественного порядка в условиях проведения массовых спортивных мероприятий»: учебное пособие / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М.: ДГСК МВД России, 2018. – 94 с.

Анализ научно-методической литературы по вопросам психологической подготовки в спорте свидетельствует о наличии многочисленных исследований в этой области, в основном направленных на подготовку спортсменов для выступления на соревнованиях различного уровня.

Однако это касается спортсменов, которым нужно выступать на соревнованиях, другое дело – сотрудник правоохранительных органов, которому не с кем соревноваться, при этом он должен быть в такой же спортивной форме, что и спортсмен, а по уровню целого ряда интеллектуальных возможностей и личностных качеств – еще выше предполагаемых противников[1]. Хотелось бы отметить тот факт, что у спортсмена всегда рядом находится тренер, а сотруднику в критической ситуации некому подсказать, каким будет развитие событий или как действовать в той или иной ситуации. Все это указывает на необходимость обобщения опыта спортивно-психологической подготовки в целях его переосмысливания в соответствии с задачами практической деятельности сотрудников правоохранительных органов. Для этого требуется сделать процесс обучения, и, в частности, психологической подготовки, более адекватным, применительно к реальным условиям практической деятельности сотрудников ОВД[2].

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в экстремальных условиях победа или поражение во многом зависит от психологической подготовки человека, а не от боевого искусства или техники, которую он знает. Если техничный боец не управляет своими эмоциями, его легко победит более решительно настроенный противник, который, вероятно, и не владеет техникой вообще.

Если перед лицом опасности невозможно контролировать свое психологическое состояние, то способность атаковать или защищаться останется теоретической. В жизни справедливо подмечено, что хороший садовник сначала готовит почву для посадки, а потом, с учетом климата и своих возможностей, выбирает, что посадить. Точно так же хороший инструктор по самозащите должен дать своим ученикам общую физическую и психологическую подготовку до того, как начинать учить их технике, – той технике, которая соответствует индивидуальным особенностям и конкретным условиям.

---

[1] Актуальные проблемы профессионально-психологического отбора кандидатов на службу (учебу): учеб.-практ. пособие / К.В. Злоказов, Р.И. Степанов, Е.В. Чернышева. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2014. – 176 с.

[2] Кельдасов Т. Д., Ошурков Д.В., Лопатин Д.А. Влияние физической подготовки на процесс морально-психологического воспитания сотрудника правоохранительных органов / Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник статей. Орел, 2017. С. 123–126.

Неважно, какого пола человек, в любом случае физические возможности, в том числе в применении технико-тактических действий самозащиты, будут завесить от особенностей строения тела и проявляться через свойства личности, черт характера и темперамент.

В психологии для характеристики человека используются два понятия: «индивид» и «личность». Индивид – биосоциальное определение человека как представителя вида homosapiens (принадлежащего к человеческому роду). Понятие «индивид» указывает на связь человека с природой[1].

В психологии физического воспитания под термином «личность» подразумевается совокупность свойств психики конкретного обучаемого, управляющая его физической активностью. При изучении его личности преподаватель обращает внимание на его физическую и моральную подготовленность к нагрузкам, на мотивы и установки, закрепленные у него в качестве фундаментальных особенностей личности.

Ответы на эти вопросы помогают ему выяснить мотивацию деятельности индивидуума. Таким образом, мотивация, способности и особенности личности взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В процессе физического воспитания, так же, как в любом виде педагогической деятельности, необходимо учитывать, что каждый человек обладает комплексом черт характера, подчас противоречивых, которые определяют тип личности. Поведение личности определяется совокупностью устойчивых свойств психики, которые называются темпераментом.

Вот почему при осуществлении процесса психологической подготовки целесообразно изучать и знать типы темперамента своих подопечных и не противопоставлять их друг другу. Это объясняется тем, что каждый из них имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Зная типы темперамента, опытный педагог может умело направлять работу на преодоление отрицательных или развитие положительных черт характера. Однако не следует стремиться к изменению типа темперамента своих обучаемых.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что краткая характеристика некоторых аспектов процесса физического воспитания и физической культуры, связанная с психологическими особенностями личности, свидетельствует о наличии целого ряда взаимосвязанных вопросов, которые необходимо учитывать и решать во время обучения различным видам двигательной активности как самим занимающимся, так и их наставникам, а также организаторам этой деятельности.

---

[1] Общая и спортивная психология: учебник для высших физкультурных учебных заведений / под ред. Г.Д. Бабушкина. Омск: Си6ГУФК, 2004. – 400 с.

Максимов Павел Викторович,
заместитель начальника кафедры
уголовного права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
полковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА БАНДИТИЗМ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В первые годы советской власти в уголовном нормативно-правовом регулировании отсутствовали кодифицированные акты и ответственность за общественно опасные деяния, в частности бандитизм, предусматривались отдельными актами законодательных или исполнительных органов РСФСР. Складывающаяся в этот период сложная социально-политическая и экономическая ситуация требовала официального регулирования ответственности за антиобщественные деяния, к которым и относится бандитизм. Такое преступление как бандитизм в советском уголовном законодательстве впервые нашло отражение в Декрете совета народных комиссаров РСФСР от 20 июля 1918 года «О Суде»[1]. При этом не было достаточно объективно отражено его понятие. Посредством данного акта за Местными Судами закреплялось «рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках»[2], за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции. Позже принятие Декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР от 20 июня 1919 года «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» регламентировало бандитизм как «… участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, а также пособничество и укрывательство такой шайки»[3].

В дальнейшем посредством принятия Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 19 февраля 1920 года «О борьбе с бандитизмом» устанавливалась «передача суду военно-революционного трибунала лиц, участвовавших и обвиненных в вооруженных грабежах, разбойных нападениях и налетах»[4].

---

[1] О суде: декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 г. № 3 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

[2] Там же.

[3] Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет ВЦИК от 20.06.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

[4] О борьбе с бандитизмом: декрет СНК РСФСР от 19.02.1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 71.

Первым кодифицированным актом уголовного характера Советского государства, который содержал нормы, регулирующие ответственность за различные посягательства общественно опасного характера на социалистический порядок и безопасность, выступил Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Однако он не содержал нормы об уголовной ответственности за бандитизм, и на законодательном уровне было определено, что данное общественно опасное деяние целесообразно включить в число государственных преступлений. Наказание за данные преступления отличались своей суровостью. Вместе с тем напряженная политическая и экономическая обстановка вкупе с низким уровнем юридической техники не способствовала грамотному составлению текстов, ввиду чего наблюдаются противоречия при определении признаков бандитизма. Несмотря на это, советская власть все больше акцентировала внимание на вопросах противодействия и исполнения наказаний за бандитизм.

В свете изложенного мы видим, что советское уголовное законодательство развивалось бессистемно. На основе принятых декретов, актов и кодексов развивалась в дальнейшем вся законодательная концепция, которая наиболее ярко выразилась в формировании административно-командной системы, неотъемлемым атрибутом которой выступили политические репрессии. В 1927 году Центральной исполнительной комиссией СССР было утверждено Положение о преступлениях государственных, в котором была осуществлена попытка снизить ответственность за бандитизм ввиду исключения обязательной дополнительной квалификации – убийств и ограблений, совершенных бандой, - что в реальности было лишь декларацией. Это объяснялось тем, что развертывание новой экономической политики (НЭП) либерализовало экономические отношения, что обусловило снижение уровня преступлений против личности и собственности.

Позднее (1930-е годы) на фоне негативного отношения Сталина к крестьянам-собственникам произошел поворот во внутренней политике советского государства, в результате которого НЭП был завершен и открылся путь к процессу коллективизации и индустриализации, проводимой в принудительном порядке.

Следствием данного подхода стал рост недовольства среди «кулаков», в результате переросший в новую волну сопротивления и расцвет бандитизма. В указанной связи советская власть усилила «классовую борьбу», начала применять еще более жесткие меры к правонарушителям уголовно-правового характера. Однако примечательно, что в нормах законодательства как цели бандитизма, так и основной состав этого вида преступлений остались неизменными. Ситуация осложнилась тем, что повсеместно стали происходить разбойные нападения, преимущественно связанные с кражей и убоем скота. Данные

преступления разрослись до таких масштабов, что советская власть инициировала принятие Постановления Центральной исполнительной комиссии и Совета народных комиссаров СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота»[1]. Основная мысль данного акта состояла в объявлении данных деяний одним из способов умышленного вредительства со стороны «кулаков», направленных на подрыв коллективизации, что самым прямым образом препятствует подъему сельского хозяйства. Следовательно, в целях прекращения этих вредительских действий районные исполнительные комитеты следует уполномочить к лишению таких «кулаков» права пользования землей, а также конфисковать у них скот и сельскохозяйственный инвентарь; одновременно их необходимо привлекать к уголовной ответственности путем назначения лишения свободы сроком до двух лет с выселением из данной местности[2].

Впоследствии 7 августа 1932 года был принят печально известный Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в преамбуле которого звучало «об участившихся жалобах рабочих и колхозников на хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, хищение кооперативного и колхозного имущества со стороны антиобщественных элементов, а также на насильственные действия и угрозы их совершения в отношении колхозников, не желающих выйти из колхоза, со стороны «кулаков»[3]. Отсюда, мы видим, что советская власть, проникшись идеей коллективизации, начала считать государственную, колхозную и кооперативную собственность общественной, составляющей основу советского строя и обладающей неприкосновенностью. При этом людей, покушающихся на нее, объявляли во всеуслышание врагами народа, и применяли к ним единственную меру судебной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок не менее десяти лет с конфискацией имущества[4].

Как мы видим, в довоенный период институт наказания имел два концептуальных подхода, один из которых заключался в политической

---

[1] О мерах борьбы с хищническим убоем скота: постановление ЦИК и СНК СССР от 16.01.1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 6.

[2] О разрешении ВЦИК установить за незаконный убой и умышленное изувечение лошадей меры социальной защиты, соответствующие законодательству РСФСР: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.03.1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 19.

[3] Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62.

направленности на подавление контрреволюции, а второй – в воспитательной направленности. Окончательное формирование уголовного законодательства (принятие УК РСФСР в 1922 г.) обусловило и окончательное формирование данного института, однако политико-идеологический аспект хоть и отражался в меньшей степени, но все равно присутствовал вплоть до принятия Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1958 г. Однако не следует забывать, что противоречивость института наказания, как мы выше указывали, была продиктована напряженным, как внутриполитическим, так и социально-экономическим положением, которые также оправдывают суровость применяемого законодательства.

Вместе с тем хотим обратить внимание, что многих недостатков вполне можно было бы и избежать, если бы советская власть принципиально не отторгала теоретические аспекты правового регулирования и практическую направленность в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний периода империи, где уже была сформирована система уголовного и уголовно-исполнительного права. Провозгласив уничтожение страрорежимных методов правового регулирования, советская власть наделила небывалым могуществом НКВД СССР, который практически подчинил себе всю систему исполнения наказаний.

Подытоживая данное исследование, отметим, что советское уголовное законодательство развивалось бессистемно, и ужесточение наказания за бандитизм в довоенное время тенденциозно было направлено на усиление уголовных репрессий ввиду таких факторов, как коллективизация и индустриализация, призванных обеспечить советский народ новой (социалистической) формой собственности в виде государственной кооперативно-колхозной. Складывающаяся в этот период сложная социально-политическая и экономическая ситуация требовали официального регулирования ответственности за антиобщественные деяния, самым наказуемым из которых выступал бандитизм. При этом реализация важнейшего направления государственно-правовой политики в сфере борьбы с бандитизмом должна была состоять в установлении конкретных видов наказаний и условий его исполнения сообразно тяжести причиненного вреда. На деле, конечно, этого не произошло – меры наказания за бандитизм за весь период советского государства отличались суровостью и жестокостью. И как мы указывали выше, напряженная политическая и экономическая обстановка вкупе с низким уровнем юридической техники не способствовала грамотному составлению текстов, ввиду чего наблюдались противоречия при определении признаков бандитизма.

Малахов Александр Сергеевич,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

Бедарев Константин Викторович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ПОМОЩИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В современных условиях противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности приобретает особое значение. Согласно статистическим данным в 2020 г. зарегистрировано 2 342 преступления террористического характера (+29,7%) и 833 преступления экстремистской направленности (+42,4%). Несмотря на то, что преступления этой категории в отдельных случаях носят латентный характер и выявляются путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, увеличение числа криминальных деяний в этой сфере повышает актуальность их выявления. Предметом нашего внимания выступают правовые аспекты выявления преступлений экстремистской и террористической направленности при помощи сети Интернет.

Выявление преступлений является одной из форм оперативно-розыскной деятельности, традиционно выделяемых исследователями в ее структуре и одновременно одной из задач оперативно-розысной деятельности, определенных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). В то же время, контент-анализ ст. 7 указанного закона позволяет заключить, что для выявления преступлений экстремистской и террористической направленности предусмотрены лишь «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения…». Это создает некоторую правовую неопределенность относительно источников сведений о подготовке преступления террористической и экстремистской направленности. Интервьюирование сотрудников оперативных подразделений полиции, осуществляющих противодействие преступлениям

данной категории, свидетельствует, что при проведении мероприятий в информационно-телекоммуникационной сети Интернет данное основание используется для осуществления мониторинга информационных потоков, выявления наиболее значимой информации, в том числе признаков совершенных, подготавливаемых и совершаемых преступлений. Обращает на себя внимание, что по своему содержанию данное основание проведения оперативно-розыскного мероприятия предполагает наличие у сотрудника оперативного подразделения сведений, полученных им ранее из иных источников. Очевидно, это противоречит содержательной стороне деятельности по выявлению преступлений, предполагающей поиск новых, ранее не известных сведений о подготовке и совершении преступлений.

ФЗ «Об ОРД» в ч. 1 ст. 7 содержит основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий. К рассматриваемой ситуации наиболее подходит основание, предусмотренное п. 1 и 2 ч. 1: «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»[1]. Сотрудник оперативного подразделения попадает в ситуацию, когда он вынужден создавать формальные основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий и придавать им документальную форму, что может приводить к нарушению принципа законности.

В данном контексте, в качестве положительного примера, считаем целесообразно обратиться к проекту Оперативно-разыскного кодекса, в котором статья 14 «Наступательность», определяет, что оперативно-разыскные органы в пределах своей компетенции инициативно проводят мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению угроз государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности, по выявлению и предупреждению преступлений, а также выявлению лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, контролируют осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы[2].

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что понятие «мониторинг сети Интернет», активно используемое как в профессиональной среде сотрудников оперативных подразделений полиции, так и при проведении научных исследований проблем оперативно-розыскной деятельности, не имеет закрепления в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Анализ оперативно-розыскного законодательства

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.95. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995. № 33. Ст. 3349. Статья 7.

[2] Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс РФ: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. С. 22.

стран СНГ показывает, что некоторые из них (например, Республика Казахстан, Республика Киргизия) предусматривают нормативное закрепление понятий «оперативный поиск в сетях связи» (негласные действия по обнаружению признаков противоправной деятельности в информации, передаваемой по сети связи)[1]; «оперативный поиск в сетях связи» (конспиративные действия по выявлению признаков противоправной деятельности в информации, передаваемой по сети связи, осуществляемые с помощью специальных технических средств)[2].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что ряд спорных правовых аспектов имеет на практике проведение оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», в первую очередь касающихся изъятия различных предметов в ходе его проведения. Следует обратить внимание, что нормативное правовое регулирование этого вопроса было частично усовершенствовано принятием специальной ведомственной инструкции[3]. Вместе с тем считаем необходимым отметить, что реализованный подход к правовой регламентации данного оперативно-розыскного мероприятия преимущественно касается деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Относимость рассматриваемого мероприятия к выявлению преступлений экстремисткой или террористической направленности нормативно не закреплена. В этой связи нами предпринята попытка обосновать возможность проведения данного оперативно-розыскного мероприятия в отношении объектов, не указанных в его названии.

На вопрос «Представляет ли для Вас сложность изъятие электронных носителей информации?» только 32% сотрудников ответили положительно, а 68% – отрицательно. Респонденты считают, что основные проблемы, возникающие при изъятии электронных носителей информации, связаны со следующими факторами: недостаточной правовой регламентацией процедуры изъятия – 30%, слабой теоретической подготовленностью оперативных сотрудников – 30%, отсутствием необходимого методического обеспечения – 25%, отсутствием у

---

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15.09.1994. № 154-XIII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_http (дата обращения: 13.05.2021).

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: закон Кыргызской Республики от 16.10.1998. № 131. URL: https://law.kgz/86654_http (дата обращения: 13.05.2021).

[3] Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199.

оперативных сотрудников соответствующих умений и навыков – 23%[1]. На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что требуется совершенствование нормативного правового регулирования порядка изъятия указанных объектов и что чаще всего это происходит при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Следует отметить, что к данным сведениям должен быть свободный доступ, то есть ее может скопировать и изъять любой пользователь и привлечение для ее получения сотрудников оперативно-технических подразделений не требуется. По мнению С.В. Баженова, это главный критерий отграничения от оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» (далее – ПКИ), которое осуществляется только негласно[2].

В отличие от других оперативно-розыскных мероприятий ПКИ отражает не способ получения оперативно-розыскной информации, а форму, в которой эта информации представлена. Именно этим ПКИ отличается от схожих с ним оперативно-розыскных мероприятий.

В ходе исследования нами было установлено, что среди оперативных сотрудников различных регионов Российской Федерации отсутствует единый подход к оформлению основного оперативно-розыскного мероприятия, направленного на фиксацию и изъятие содержимого web-страниц, которое впоследствии направляется на исследование. Так, в ходе изучения дел оперативного учета в четырех субъектах РФ: Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях и Омской области установлено, что в 4% случаев данное мероприятие оформлялось актом осмотра, в 21% изученных дел оперативного учета составлялся акт сбора образцов для сравнительного исследования, в 75% – протокол сбора образцов для сравнительного исследования. Налицо недостаточно точное понимание сущности проводимого мероприятия и, как следствие, неверное документальное оформление результатов и возможное признание доказательств недопустимыми.

Требования к оформлению некоторых результатов оперативно-розыскных мероприятий отражены в ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД», где предусмотрено, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных ОРМ должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-

[1] Общая сумма цифр превышает 100%, так как респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответа.

[2] Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. Омск, 2017. № 2 (65). С. 39.

процессуального законодательства[1]. Исследуемые нами объекты не указаны в этой статье закона, однако следует предположить, что изображения со страницы аккаунта подозреваемого должны быть оформлены аналогично.

В целях аргументации нашей точки зрения, обратим внимание на то, что в проекте Оперативно-разыскного кодекса РФ, который подготовил профессор кафедры ОРД ОВД Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации В.Ф. Луговик, предусмотрена статья 51 «Протокол оперативно-разыскного мероприятия»[2], регламентирующая условия и порядок его составления. Проведенный анализ данного проекта дает основания заключить, что, предлагаемый автором протокол оперативно-разыскного мероприятия является наиболее распространенным способом оформления результатов ОРМ.

В связи с изложенным считаем целесообразным внесение изменений в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», включающих правовые основания для осуществления мониторинга сети Интернет в целях выявления преступлений террористической и экстремистской направленности. Следует отметить, что практика нормативного регулирования данного вопроса и проведенные ранее научные исследования свидетельствуют о сложности окончательного разрешения данного противоречия.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995. № 33. Ст. 3349.

[2] Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс РФ: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. С. 62.

Малофей Александр Олегович,
профессор кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат технических наук, доцент,
полковник полиции

Москвин Михаил Михайлович,
преподаватель кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ЧАСТИ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Согласно действующему законодательству Российской Федерации права и свободы человека являются высшей ценностью государства, которые оно в свою очередь обязуется охранять и защищать всеми доступными способами.

Основой обеспечения таких прав и свобод является правоохранительная система России в общем и органы внутренних дел, в частности.

Государство, дабы исполнить свои обязательства, даже предоставило право сотрудникам полиции в исключительных случаях применять оружие. Но при этом выдвинуло высокие требования, как к личностным качествам полицейского, так и к вопросам его профессионального обучения, что в частности отражено в ФЗ № 3 «О полиции».

Очевидно, что далеко не каждый сотрудник столкнется с необходимостью применения оружия на протяжении всей своей службы, но это не дает ему право халатно относиться к изучению такой жизненно-важной дисциплины, как «Огневая подготовка». Поэтому в данной статье основное внимание будет уделено вопросам овладения навыками ведения огня из табельного оружия.

Получение образования по любому направлению деятельности является сложным, многогранным процессом. Одной из основных и наиболее важных проблем образования является проблема эффективности педагогической деятельности и продуктивности проводимых учебных занятий. Таким образом, возникает главный вопрос о применении наиболее практичных методов обучения в целях качественного усвоения

материала и получения знаний и умений на практике. Ключевым моментом является необходимость понимания главной задачи учебного процесса, которая видится в подготовке профессионала, способного осуществлять свою деятельность в полном объеме непосредственно сразу после завершения обучения.

Таким образом, для достижения поставленной задачи необходимо четко сформулировать цель такового, т. е. к чему его готовят, какие результаты он должен показать в ходе осуществления своей профессиональной деятельности.

В данном исследовании, с учетом выше изложенного, предлагается обратить внимание на вопросы, связанные с огневой подготовкой сотрудников полиции.

Значимость общественной роли, которую играют правоохранительные органы в целом и полиция в частности, сложно переоценить. Достаточно представить, что всего лишь на один день они прекратят свою деятельность. Даже страшно представить к каким разрушительным последствиям, это может привести. Не вызывает сомнения необходимость соответствия полицейского самым высоким квалификационным требованиям, как должностному лицу, находящемуся на острие противодействия преступности и обеспечения законности в целом.

Широкий круг вопросов, решаемых органами внутренних дел определяет различные направления деятельности, от повседневных обеспечивающих задач до проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий и даже специальных операций, вплоть до физического уничтожения преступников применив огнестрельное оружие.

Сложно представить человека способного овладеть всеми профессиями сразу и работника тыла, и следователя, и оперативника, и сотрудника подразделения специального назначения и т. д.

Очевидно, что в каждом направлении деятельности есть своя специфика, но и общего немало. Прежде всего, это исполнение возложенных обязанностей в строгом соответствии с действующим законодательством.

Особое внимание здесь заслуживает вопрос, связанный с возможностью применения огнестрельного оружия и открытия огня на поражение в случае необходимости. Исходя из этого, особое внимание хотелось бы уделить дисциплине «Огневая подготовка», преподаваемой в специализированных вузах, а именно в вузах, Министерства внутренних дел России.

Основным нормативно-правовым актом, определяющим порядок изучения учебной дисциплины «Огневая подготовка» в настоящее время является Приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880, утверждающий «Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел РФ».

Дисциплина «Огневая подготовка» всегда сопряжена с определенными рисками и повышенной опасностью, в виду использования на занятиях боевого огнестрельного оружия и боеприпасов. Оружие используется как для изучения его материальной части, тактико-технических характеристик, боевых свойств, так и для отработки различных нормативов, практических тренировок удержания оружия и производства выстрелов вхолостую, предшествующих учебным стрельбам[1].

Количество часов, выделяемых на огневую подготовку различается в зависимости от обучаемой категории. Рассмотрим огневую подготовку на примере категорий рядового, младшего начальствующего состава, она занимает всего 90 часов; из них теоретические занятия лекционного типа 6 часов, практические занятия 60 часов (назначение, боевые свойства, устройство пистолета Макарова 6 часа, приемы и правила стрельбы из пистолета 4 часа, учебные стрельбы из пистолета 50 часов, учебные стрельбы из автомата 4 часа);

Таким образом, на практические стрельбы выделяется недостаточно часов, порядка 40% учебного времени. В действительности еще присутствует ряд факторов, существенно снижающий объем времени, потраченный реально на выполнение практических упражнений по стрельбе[2].

Сюда входят: организационные вопросы занятия, такие как приветствие, сверка наличия присутствующих, доведение темы занятия и порядка его проведения, инструктаж по мерам безопасности, заполнение документации, связанной с расходованием боеприпасов, выдача боеприпасов, снаряжение магазина, смена мишеней, осмотр мишеней, сбор гильз, ответы на интересующие вопросы слушателей, выставление оценок и т. д. Также необходимо отметить пагубное влияние на процесс обучения огневой подготовке и в период пандемии, связанной с распространением коронавируса в мире. Изоляция обучаемых противоречит самой сути практического обучения, когда слушатель не имеет возможности подержать в руках оружие.

Кроме того, вспомним о высокой степени наполняемости групп в количестве 20–30 человек. Соответственно с учетом условий тира упражнения выполняются в группах по 4–5 человек. За одно занятие с учетом всех требований наставления об организации стрельб, обучаемый

---

[1] Москвин М.М. Фактор доверия в коммуникативной системе «преподаватель – студент» в специализированных учебных заведениях // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 154–157.

[2] Гоннов Р.В., Малофей А.О. К вопросу особенностей огневой подготовки курсантов и слушателей учебных заведений МВД России // В сборнике: Актуальные вопросы огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации: сб. науч. статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары. Новое время. 2020. С. 54–59.

успевает стрелять практически 2 раза. Время на выполнение к примеру упражнения 2А не более 10 секунд, т. е. за все двухчасовое занятие стрельба занимает 20 секунд.

Таким образом, из 50 аудиторных часов практических занятий непосредственно стрельба ведется не более 20 минут, и это за 4-6 месяцев обучения. Это при том, что на выполнение упражнений, связанных с ведением огня из автомата, выделяется всего-навсего 60 патронов. Выводы напрашиваются сами собой. Одним из способов повышения эффективности обучения явилось снижение количества обучаемых в группе, но это в данное время все же обусловлено распространением коронавирусной инфекции. Дабы локализовать возможное заражение слушателей и исключить дальнейшее ее распространение.

На занятиях по огневой подготовке основной акцент в практических стрельбах делается на выполнение упражнения № 2А «Скоростная стрельба с места по неподвижной цели с заданной зоной поражения». Расстояние до цели 10 метров, количество патронов 4 шт., время на стрельбу не более 10 секунд, положение для стрельбы «стоя». То есть, вполне комфортные условия, при которых для получения удовлетворительной оценки на итоговом экзамене необходимо поразить цель хотя бы двумя пулями[1].

Но в реальной служебной деятельности каждого сотрудника таких комфортных условий может и не быть. Ведь могут возникнуть ситуации, когда сотруднику необходимо применить оружие по движущейся или малогабаритной цели, или вообще открывать и вести огонь в движении. Отсюда и напрашиваются выводы о неполноценном подходе в обучении полицейских огневой подготовки. Ведь при данном подходе к обучению они не получают достаточного уровня подготовки к применению оружия.

Каждый полицейский, вне зависимости от занимаемой должности, обязан в совершенстве знать нормативно-правовую базу по данному направлению деятельности и безукоризненно владеть оружием в самом широком понимании данного слова.

Непосредственно основания, условия и порядок применения огнестрельного оружия полицейским рассматривает Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Статья 18 регламентирует право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

---

[1] Гоннов Р.В., Малофей А.О. Проблемы подготовки сотрудников полиции к несению службы // В сборнике: Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры: сб. науч. статей преподавателей, обучающихся вузов, научно-практических работников. Ставрополь: Северо-Кавказский социальный институт. 2018. С. 100–105.

Далее п. 8. сообщает, что превышение сотрудником полиции полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Статья 19. обязывает сотрудника полиции стремиться к минимизации любого ущерба, что практически лишает его возможности применять оружие, так как встает вопрос о виде и размере допустимого ущерба, о полном, достаточном, неоспоримом комплексе мер, который должен предпринять полицейский перед тем, как применить оружие[1].

В статье 23, 24 ФЗ «О полиции» подробно закреплены вопросы применения оружия.

Однако применение оружия сотрудником согласно вышеуказанных статей не может гарантировать попадание при каждом выстреле в преступника, тем более во время погони, в движении. И в случае промаха, пуля может поразить не виновного гражданина, за что сотрудник понесет ответственность.

Возвращаясь к главному вопросу нашего исследования, выясним, чему же все-таки должен быть обучен сотрудник полиции в части, касающейся применения оружия.

Задачи огневой подготовки сформулированы в «Наставлении по ее организации», это знание материальной части оружия и боеприпасов, их тактико-технических характеристик, мер безопасности, умений и навыков правомерного применения оружия, ведения огня в различной обстановке, быстрого обнаружения цели и определения исходных установок для стрельбы, умелых действий с оружием во время стрельбы.[2] Все верно, но в рамках действующей учебной дисциплины, в частности выполнением упражнения 2А, они не решаются. В определенной степени к практическому применению оружия более приближен был «Комплексный практикум по огневой и физической подготовке», который вплоть до 2017 г. имел место в рабочей программе подготовки рядового и младшего начальствующего состава, принимаемых на должность «Полицейского».

Суть его сводится к выполнению упражнений, не предусмотренных «Наставлением», но имитирующих ситуации, которые могут сложиться при выполнении служебных обязанностей, в частности при охране общественного порядка. В настоящее время данный практикум заменен «Актуальными вопросами деятельности подразделений», которые не

---

[1] Малофей А.О., Гоннов Р.В. Нормативно-правовые вопросы применения оружия сотрудниками полиции // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов при выполнении оперативно-служебных задач. 2019. С. 98–104.

[2] Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел РФ: утв. приказом МВД России от 23.11.2017 г. № 880 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусматривают практических стрельб в различных имитирующих ситуациях. А ведь обучение должно основываться на требованиях законодательства, то есть необходимо учить не только стрелять, но и попадать в конечности человека, в том числе во время движения.

Несомненно, практические сотрудники органов внутренних дел, да и большинство преподавателей ведомственных учебных заведений усомнятся в возможности достижения за предусмотренный период обучения такого высокого уровня огневой подготовки слушателей. Однако мы, как представители исполнительной власти лишь можем высказать свое мнение, или даже обратиться к законодательству со своими предложениями, но при этом обязаны выполнять требования закона.

Подводя итоги, можно сделать выводы о необходимости переработки «Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел», соответственно учебных и рабочих программ, в части разработки новых видов мишеней, с переносом заданной областью поражения с грудной клетки на конечности, переработки имеющихся упражнений, разработки новых, выполняемых в здании, помещении, сооружении, с использованием автотранспорта и т. д.

Итогом обучения видится целесообразным определить форму контроля с выполнением упражнений приближенных к возможному применению оружия в реальных условиях и обстановке.

В случае реализации названных предложений придется координально менять методику обучения. Прежде всего, потребуется внедрение индивидуального подхода к организации и проведению занятий по огневой подготовке в ОВД. В частности, уменьшение количества слушателей в учебных группах. При подготовке спортсменов это 4–6 человек. С учетом вопросов финансирования, обустройства тиров, численности профессорско-преподавательского состава кафедры и прочих условий.

В случае выполнения данного предложения увеличится объем времени, отводимый на совершенствование навыков стрельбы. Соответственно преподаватель максимально полно и доступно сможет передать обучаемому необходимые знания и проконтролирует правильность выполнения стрелковых упражнений, а также будет исключена возможность несоблюдения мер безопасности.

Пеструилов Андрей Сергеевич,
начальник кафедры
гуманитарных, социально-экономических
и информационно правовых дисциплин
ФГКОУ ВПО
Краснодарский университет МВД России
(Новороссийский филиал),
кандидат исторических наук, доцент,
полковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Глобализация и развитие информационных технологий очень сильно повлияли на трансформацию преступности. Все более распространенными преступлениями становятся мошенничества и хищения с использованием сети Интернет. Все большую опасность приобретают информационно-технические способы вовлечения в преступную, экстремистскую, террористическую деятельность, популяризации употребления наркотических и психотропных средств и т. д. В этих условиях точечное, по своей сути, привлечение отдельных лиц к уголовной ответственности в качестве основного способа борьбы с преступностью становится все менее эффективным. Это обуславливается, во-первых, растущей массовостью указанных явлений, а во-вторых, сложностью привлечения интернет-преступников к ответственности. Ведь это как правило связано с многосторонним международным сотрудничеством, что при современной политической обстановке многократно затрудняет, а порой делает невозможным наказание виновных.

В связи с изложенным, все более очевидной становится мысль о том, что основной формой противодействия преступности должно стать правовое воспитание населения. Выработка у него «иммунитета» к подобным проявлениям. Поэтому об эффективном противодействии преступности в условиях глобализации на современном этапе можно говорить только при наличии развитой государственной системы правового воспитания. К сожалению, до настоящего времени ничего подобного в России не создано. Имеются отдельные шаги в этом направлении, но им не хватает системности, наступательности, комплексности, научной проработанности.

ОВД по своей сути наиболее массовый и приближенный к населению орган государственной власти, который должен занять в системе государственного правового воспитания одно из центральных мест. Но он до сих пор сохраняет свою карательную направленность и деятельность по правовому воспитанию населения далеко не его главная

функция. Для того, чтобы сделать полицию «застрельщиком» в деле правового воспитания, необходим научный анализ особенностей организации подобной деятельности в ОВД. Этим и обусловлена актуальность избранной темы.

Организация любого вида целенаправленной осознанной деятельности, в том числе и правового воспитания, подразумевает наличие методологии, то есть методов, принципов, а также временной ее организации (деление на стадии или этапы).

Метод правового воспитания – это система приемов, путей, способов достижения поставленных задач, призванных помочь человеку сформировать необходимые личностные качества. Перечислить все методы, которые отражают различные нюансы воспитательного процесса, наверное, невозможно, так как это вопрос, во-первых, субъективный, а во-вторых бесконечный в развитии. Но базовых методов не так и много. Например, Л.И. Новикова выделяет всего 12 методов и делит их на 4 группы[1].

Первая группа – методы формирования сознания:

убеждение – способ словесного воздействия на разум, чувства, волю человека (беседа, рассказ, диспут);

внушение – психологическое воздействие на сознание человека, при котором происходит некритическое восприятие им убеждений и установок (прямое, косвенное, самовнушение);

метод проблемных ситуаций – это моделирование человеческих отношений на основе конкретной противоречивой ситуации (аналитические, оценочные, прогностические, альтернативные).

Вторая группа – методы формирования поведения:

инструктаж – сочетание объяснения с показом образцов деятельности и поведения;

упражнение – многократное повторение ценных способов деятельности по образцу;

метод примера – предъявление образца поведения и деятельности (личный, авторитетный, обобщенный).

Третья группа – методы педагогического стимулирования:

метод перспективы – выдвижение цели, способной вовлечь воспитанников в совместную деятельность;

поощрение – способ выражения положительной оценки деятельности, признания заслуг (моральное, материальное);

педагогическое требование – способ указания воспитаннику или коллективу что и как надо делать (прямое, косвенное).

---

[1] Новикова Л.И., Актуальные вопросы методики правового воспитания и обучения [Электронный ресурс]: учеб.-метод. пособие. – Электрон. текстовые данные. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. – 164 с. – Режим доступа URL: http://www.iprbookshop.ru/74149.html (дата обращения: 19.03.2021).

Четвертая группа – методы педагогической коррекции:

замена интереса (доминанты) – преобразование установки, актуальной потребности личности для переключения внимания и формирование нового стереотипа поведения;

критика – оценка проступка с помощью негативного суждения о нем (прямая или косвенная (юмор, ирония);

наказание – способ коррекции негативных проявлений личности с помощью отрицательной оценки ее поступков, выраженной в негативных последствиях для нее.

Безусловно, каждая форма осуществления правового воспитания подразумевает свои методы, поэтому к этому вопросу необходимо вернуться в процессе их рассмотрения. Но все эти методы применимы в деятельности сотрудников ОВД и, на наш взгляд, они могли бы дать огромный эффект при правильном их внедрении в процессе вовлечения населения в работу по противодействию правонарушениям, которая должна стать основной, приоритетной для всех полицейских.

К основным этапам правового воспитания чаще всего относят: подготовку, реализацию, закрепление, контроль, мониторинг, оценку эффективности, коррекцию. Но необходимо учитывать специфику статуса ОВД. Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения является частью правового воспитания как систематической деятельности государства, его органов, должностных лиц, общественных объединений и граждан по распространению юридических знаний, правового опыта, правовой культуры, формированию устойчивого позитивного правового и криминологического мышления, правомерного и безопасного поведения граждан. Без четкого общегосударственного руководства, разграничения полномочий, постановки и конкретизации задач, отработки взаимодействия и т. д., правовое воспитание всех органов, в том числе и ОВД будет иметь минимальную эффективность. Тем более, что правовое воспитание органами внутренних дел осуществляется в открытой информационной среде, где, наряду с деятельностью сотрудников полиции, имеет место информационное воздействие на граждан из массы иных источников, которые можно охарактеризовать как имеющие негативную окраску, стимулирующие различные формы деликвентного и правонарушающего поведения, и никак не способствующие правовому воспитанию.

Правовое воспитание, которое осуществляют органы внутренних дел, преследует правоохранительные цели: профилактику преступлений, иных правонарушений, антиобщественного поведения и иных негативных социальных явлений (безнадзорности и беспризорности, потребления алкоголя и наркотиков, бродяжничества и попрошайничества, проституции).

Правовое воспитание, осуществляемое органами внутренних дел, представляет собой целенаправленный процесс, организуемый специально для достижения правоохранительных целей.

Основными принципами правового воспитания, осуществляемого органами внутренних дел, на наш взгляд, являются:

законность и демократизм;

направленность на решение правоохранительных проблем, стоящих перед полицией;

систематичность, комплексность и непрерывность.

Общими объектами деятельности органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения являются:

неопределенный круг лиц, проживающих на обслуживаемой территории;

лица определенной социальной группы, выделяемой по демографическим, территориальным, правоохранительным и иным признакам (несовершеннолетние, молодежь, пенсионеры, инвалиды и другие категории лиц);

малые социальные группы (учебные и трудовые коллективы, некоммерческие организации и т. п.);

конкретный человек и его социальное окружение (семья).

Субъектами правового воспитания являются практически все сотрудники, работающие в ОВД, ведь каждый из них своим поведением задает модели для граждан, консультирует по тем или иным вопросам. Но наибольшая нагрузка, безусловно, ляжет на участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, сотрудников подразделений ГИБДД, патрульно-постовой службы, дежурных частей, сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания, подразделений информации и общественных связей, профессорско-преподавательский состав образовательных организаций МВД России и некоторых других.

Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения образует систему, состоящую из объектов и субъектов правового воспитания. Она направлена на правоохранительные проблемы, которые могут быть разрешены (минимизированы) органами внутренних дел посредством правового воспитания и просвещения населения.

К ним относятся:

обеспечение личной безопасности граждан от преступных посягательств;

обеспечение имущественной безопасности граждан от преступных посягательств;

профилактика правонарушающего поведения отдельных категорий граждан;

профилактика негативных социальных явлений, связанных с преступностью;

ситуативное и постоянное участие гражданина в правоохранительной деятельности;

иные задачи, ориентированные на решение правоохранительных задач, стоящих перед органами внутренних дел.

Безусловно, перечень обозначенных задач не полон. Формирование единого механизма государственного правового воспитания позволит гораздо шире посмотреть на обозначенную проблему и эффективней использовать возможности ОВД.

Петренко Дмитрий Андреевич,
доцент кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
полковник полиции

Смоляков Евгений Викторович,
доцент кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К УРОВНЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Пресечение преступлений, административных правонарушений и охрана общественного порядка относятся к приоритетным направлениям служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. В соответствии с законом «О полиции»[1], полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия

[1] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 19.03.2021).

преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности. В обязанности полиции входит: обеспечивать общественный порядок на улицах, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах и других общественных местах. Полиция имеет право применять меры государственного принуждения, в том числе физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, в пределах, установленных федеральным законом. Сотрудник полиции перед применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия обязан предупредить о намерении их применения, предоставив лицам, в отношении которых предполагается применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, возможность выполнить законные требования сотрудника полиции и время для их выполнения.

Сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия обязан стремиться, исходя из обстоятельств, к минимизации любого ущерба. Сотрудник полиции обязан оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, первую помощь, а также принять меры по предоставлению ему медицинской помощи в возможно короткий срок.

В соответствии с новым законодательством в области физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, к ним предъявляются повышенные требования к уровню физической подготовленности. Современному сотруднику полиции необходимо быть сильным, быстрым, ловким и выносливым, в совершенстве и умело владеть техникой и тактикой применения приемов задержания правонарушителей, также применением палки резиновой, наручников, подручных средств, при пресечении административных правонарушений, преступлений и противоправных действий в различных ситуациях и условиях. Кроме того, современный полицейский должен умело оказывать первую медицинскую помощь, мотивированно, своевременно и грамотно составлять и вести документацию.

Таким образом, физическая подготовленность сотрудника полиции складывается не только из уровня развития отдельных физических качеств. Наличие их в удовлетворительном состоянии у каждого сотрудника присутствует по умолчанию. В современных условиях возрастают требования к их комплексному (интегрированному) применению и использованию в профессиональной деятельности[1]. Физически и психологически слабый сотрудник при использовании принудительных

[1] Земляной А.И., Смоляков Е.В., Касьянов С.В. Актуальные проблемы организации обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России боевым приемам борьбы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 141–144.

мер будет изначально использовать их с достаточным «запасом прочности». Например, вместо силового выполнения приема задержания будет применять специальные средства или огнестрельное оружие. Вместо того чтобы догнать правонарушителя преследованием – будет стрелять. Все вышесказанное дает право утверждать о коренном пересмотре всего процесса профессионального обучения сотрудников ОВД. В первую очередь это касается научного переосмысления подходов к формированию профессиональной компетенции инструкторско-педагогических кадров ОВД, отвечающих за физическую подготовленность личного состава полиции.

На основе теоретических и экспериментальных исследований Т.Р. Фахрисламов формулирует положение о том, что этапность физической подготовки является важным направлением дальнейшего совершенствования физического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России[1]. Позже на обсуждение специалистов было вынесено два варианта концепции построения физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России.

Первый вариант предусматривал дифференцированное, поэтапное формирование физической готовности курсантов образовательных организаций МВД России к служебно-боевой деятельности с учетом специфики организации профессиональной подготовки и особенностей влияния уровня физической подготовленности на эффективность их профессиональной деятельности.

Во втором варианте дополнительно предлагалось учитывать служебное назначение сотрудников ОВД, а вместо специфики организации профессиональной подготовки нужно учитывать специфику самой подготовки.

Вариант, предложенный С.Л. Леньковым, Н.Е. Рубцовой, можно рассматривать как разновидность первой концепции, так как он предусматривает поэтапное формирование и поддержание физической готовности курсантов образовательных организаций МВД России к служебной деятельности[2].

---

[1] Фахрисламов Т.Р. Физическое воспитание курсантов МВД России в современных социально-политических условиях Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 259–260.

[2] Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел // В сборнике: Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы Сборник научных трудов II Международной конференции. Рецензенты: И.Н. Медведев, А.С. Осипова. 2018. С. 314–318.

В процессе работы А.Г. Галимовой, К.В. Лебедевой, Э.В. Якушевым[1] были сформулированы основные научные направления совершенствования системы физической подготовки. К ним относятся:

научное обоснование необходимости выделения ведущих полицейских специальностей;

повышение значимости физической подготовки офицерского состава;

конкретизация критериев специальной направленности;

дальнейшее совершенствование организационной структуры системы физической подготовки;

оптимизация процесса физической подготовки;

повышение стимулирующего влияния системы проверки и оценки эффективности процесса физической подготовки;

преемственность содержания, контрольных упражнений и нормативных требований по физической подготовке;

повышение эффективности использования средств физической подготовки в интересах коллективного взаимодействия и объединения курсантов образовательных организаций МВД России.

Объединив в единый комплекс результаты данных исследований, можно сформулировать некоторые пути совершенствования современной системы физического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России. Наиболее важные из них:

подготовка руководящих кадров всех степеней за счет систематического проведения методической практики на учебных занятиях, специально направленных учебно-методических занятиях в процессе профессионального обучения с последующими показательными и инструкторско-методическими занятиями в процессе профессиональной подготовки;

формирования у ответственных командных и организаторско-методических навыков в зависимости от их сложности необходимо проводить в пять этапов, несовпадающих по времени с этапностью, ориентированной на квалификацию и должностное назначение специалиста:

первый этап – это формирование элементарных методических навыков и понимания у слушателей учебных центров – в течение первого месяца обучения, курсантов высших учебных заведений – 1–3-го семестров обучения;

второй этап – формирование основных методических действий на занятиях у слушателей учебных центров – в течение 2–4-го месяцев

[1] Галимова А.Г., Лебедева К.В., Якушев Э.В. Физическое воспитание курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России // Научный журнал Дискурс. 2019. № 6 (32). С. 7–14.

обучения, курсантов высших учебных заведений – 2–4-го семестров обучения;

третий этап – формирование сложных методических навыков и умений у слушателей учебных центров – в последний месяц обучения, курсантов высших учебных заведений – в течение 4–6-го семестров обучения;

четвертый этап – обучение методике проведения и обеспечения всех форм физической подготовки у курсантов высших учебных заведений – в течение 4–8-го семестров обучения;

пятый этап – формирование навыков руководства физической подготовкой у курсантов высших учебных заведений – в течение 7–8-го семестров обучения[1].

Следовательно, важными в совершенствовании современной системы физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России являются поиски решений в вопросах формирования организационно-методических знаний и умений, организаторских способностей, как важных элементов повышения теоретической и методической подготовленности будущих руководителей занятий (инструкторов) по физической подготовке.

Прокофьева Елена Васильевна,
доцент кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат физико-математических наук,
капитан полиции

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ КРОВИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Следы биологического происхождения, в том числе, и следы, похожие на кровь, достаточно часто можно обнаружить при осмотре места происшествия. Изъятые следы подлежат направлению на судебно-медицинскую экспертизу для подтверждения факта, что они действительно образованы человеческой кровью, и для ответа на другие вопросы, поставленные следствием. Однако, прежде чем изымать любые следы, в том числе и следы крови, необходимо их зафиксировать, с соблюдением

[1] Касьянов С.В., Земляной А.И. Некоторые вопросы организации практических занятий с сотрудниками органов внутренних дел по физической подготовке // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 1 (76). С. 186–193.

всех правил, установленных уголовно-процессуальной нормой[1]. Следы крови фиксируются тремя известными способами: фотофиксацией, протоколированием, нанесением на план/схему.

Следы крови фотографируются по правилам судебной фотографии, выполняется ориентирующая, узловая и детальная фотосъемка[2]. Производится измерение размеров следов, описываются их морфология (форма, размеры, характер поверхности следа по краям пятна и в центре, наличие и характер посторонних включений и иные параметры для данного конкретного случая и т.п.) в протоколе осмотре места происшествия все следы привязываются по нескольким неподвижным ориентирам и наносятся на планы/схемы места происшествия определенного вида.

Необходимо все следы, следы крови не являются исключением, изымать вместе с предметом-следоносителем или с его частью. Если такой возможности нет, высохшие следы соскабливают и помещают в чистый конверт из белой бумаги либо делают смыв, высушивают при комнатной температуре, и также упаковывают в бумажный конверт. Для контрольного исследования делается смыв поверхностного слоя предмета-следоносителя, который помещают в отдельный бумажный конверт. Это необходимо для производства контрольных исследований с материалом предмета-носителя. При отсутствии таких исследований нельзя признать результаты экспертизы полноценными. Упаковочные материалы, существующие сегодня для изъятия следов крови, достаточно разнообразны. Так, например, конверты для упаковки объектов из манильской пеньки, представляющие собой сверхпрочные конверты с расширением, на обратной стороне которых напечатаны бланки для записи необходимых данных. Или, например, конверты из пергамина для упаковки объектов – воздухопроницаемые, прозрачные конверты, не образующие статического электричества. Следует отметить, что изъятие биологических следов строго воспрещается в полиэтиленовые пакеты.

Время между изъятием вещественного доказательства и направлением его в судебно-биологическое отделение должно быть сокращено до минимума – это в значительной степени поможет обеспечить сохранность следов и тем самым позволит эксперту добиться объективных результатов[3]. Для изъятия следов крови вместе с предметом-следоносителем или с его частью подойдут коробки из крафтовой бумаги

---

[1] Фиксация и изъятие следов крови. URL: https://lektsii.org/6-86032.html (дата обращения: 04.05.2021).

[2] Настольная книга следователя: такт. приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различ. категории: науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М.: Экзамен, 2006. – 637 с.

[3] Богданов Б.Е., Васильев А.Н., Колдин В.Я. и др. Криминалистика: учеб. / отв. ред.: Васильев А.Н. М.: Моск. ун-та, 2010. –564 с.

для упаковки объектов, предназначенные для хранения и транспортировки объектов, которым требуется воздухопроницаемость.

Правильная работа со следами крови при осмотре места происшествия, соблюдение всех правил изъятия в полной мере обеспечит сохранность следов для процесса расследования и повысит эффективность экспертного исследования.

При осмотре места происшествия обнаруженные подозрительные пятна, похожие на кровь, нередко подвергаются предварительному исследованию.

Ориентировочные пробы используются для предварительной верификации следов крови, способствуя выявлению следов, похожих на кровь, однако следует помнить, что предварительные пробы не являются специфичными, так как могут давать положительную реакцию с другими биологическими объектами. В тоже время не исключена возможность и негативной реакции с кровью. Ориентировочные пробы не доказывают присутствия крови, поэтому положительный результат должен всегда оцениваться критически, а отрицательный не должен быть основанием для отказа от дальнейшего поиска кровяных следов[1].

Наиболее распространены следующие химические реакции, пробы просты по выполнению[2]: с 3% раствором пероксида водорода; бензидиновая проба; бензидиновая проба в модификации Воскобойникова; проба с люминалом; азопирамовая проба.

На сегодняшний день для облегчения проведения предварительного исследования в условиях осмотра места происшествия используют экспресс тесты, которые удобны и просты в использовании, но в некоторых случаях специалист вынужден прибегнуть к применению проверенных химических методов. Известны тест-полоски «Гемофан» («HEMOPHAN»), предназначенные для определения крови в моче. Характерное синеватое окрашивание свидетельствует о наличии крови. Тест «Hemastix» состоит из пластиковых полосок с нанесенным на конце полоски специальным реагентом, показывающим реакцию гемоглобина с веществом подобно перекиси водорода. При взаимодействии тест-полоски с исследуемым веществом зеленое окрашивание свидетельствует о присутствии гемоглобина, однако «Hemastix» не определяет разницу между человеческой кровью и кровью животного. Экспресс-тест на наличие крови человека «ХЕМАтестКровь» предназначен для быстрого обнаружения антигена крови человека (гемоглобина), действие набора основано на принципе иммуно-хроматографического анализа, когда антигены гемоглобина человека связываются специфическими антителами, нанесенными на тест-полоску и на поверхность окрашенных микрочастиц.

---

[1] Судебно-медицинское исследование крови. URL: http://mylektsii.ru (дата обращения: 12.05.21).

[2] Левин Д.Г. Судебная медицина. Конспект лекций. М.: Эксмо, 2007. – 160 с.

В результате их взаимодействия образуется комплекс, видимый в форме цветной линии. Тест на кровь «RSIDBLOOD» – «RapidStainIdentification» предназначен для обнаружения следов крови человека методом иммунохроматографии. Результаты теста RSID BLOOD хорошо коррелируют с интенсивностью профиля STR[1] маркеров при проведении дальнейшего молекулярно-генетического исследования. Тест «SERATEC HemDirect» позволяет быстро подтвердить наличие следов гемоглобина человека при проведении судебно-биологической экспертизы. Подтверждение наличия гемоглобина человека происходит путем иммунохимической реакции. Результат реакции – наличие (при положительном результате) или отсутствие (при отрицательном) цветной полосы результата. Тест на определение наличия крови человека «HexagonObti» – экспресс-тест для определения, является ли пятно крови на месте происшествия человеческого происхождения. Положительный результат теста означает, что существует очень большая вероятность того, что протестированный образец является человеческой кровью. Тест «HexagonObti» определяет наличие крови в растворе 1:1 000 000. Для положительного результата требуется всего 500 красных клеток.

Преимущества экспресс тестов на кровь: высокая скорость получения результатов исследования крови, возможность проведения анализа непосредственно при ОМП и во многих других ситуациях. Однако экспресс тесты на кровь могут носить не только диагностический характер, отвечая на вопрос: «кровь или не кровь», но и обладают способностью сообщить специалисту (исследователю) индивидуальные особенности человека, чья кровь подверглась экспресс-анализу. Так, для определения наличия сахара в крови (установления наличия диабета) с помощью реактивной бумаги «Декстронал» потребуется всего 60 секунд. Подобные исследования при ОМП позволят определить у возможного подозреваемого превышение сахара в крови, что в значительной степени сузит весь круг подозреваемых.

На сегодняшний день свое широкое применение находят новые реагенты. Например, набор «BLUESTAR», предназначенный для поиска следов крови. Данный реагент аналогичен люминолу, но разница в том, что у него чувствительность к крови больше и позволяет установить наличие крови даже в концентрации 1:10 000. Еще одним положительным свойством реактива является то, что его использование не требует полной темноты для визуализации крови, а также дает возможность провести последующий анализ ДНК, так как не изменяет состав пятен крови. Существуют также модификации набора «BLUESTAR»: набор

[1] В процессе теста специальных ДНК-маркеров последовательность оснований в них повторяется множество раз (это называется «коротким тандемным повтором» (англ. Short Tandem Repeat)).

«BLUESTAR Магнум», набор «BLUESTAR-8», отличающиеся спецификой обнаружения мельчайших следов крови[1].

Существующие вышеописанные тесты можно разделить на два вида, одни способны выдавать достоверный результат (экспресс-тест «RSID BLOOD» – «RapidStainIdentification» и др.), другие только вероятностный (экспресс-тест «HexagonObti» и др.), что протестированная проба является кровью человека.

Необходимо отметить, что средства экспресс-методов это не только экспресс-тесты, но и сами методы, позволяющие в кратчайшие сроки ответить на важные вопросы при осмотре места происшествия. При поиске, например, крови в следах на вещественных доказательствах используются высокочувствительные методы исследования, позволяющие обнаружить ее в старых замытых пятнах, в том числе малой величины и насыщенности. Используя совокупность различных методик можно практически всегда положительно решить вопрос о наличии крови.

Пхешхова Ирина Муаедовна,
адъюнкт кафедры уголовной политики
Академии Управления МВД России,
оперуполномоченный по особо важным делам ЦПЭ
МВД по Карачаево-Черкесской Республике,
старший лейтенант полиции

СОЦИАЛЬНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТАТЬИ 207.1, 207.2 УК РФ)

Под социальными предпосылками криминализации следует понимать социальную обусловленность устанавливаемых законодателем уголовно-правовых запретов на совершение тех или иных деяний под угрозой уголовного наказания, то есть наличие общественно важных факторов, делающих криминализацию деяния допустимой, возможной, целесообразной, необходимой[2].

Из этого следует вывод, что закон целесообразен и эффективен лишь тогда, когда в его существовании есть объективная заинтересованность или потребность общества, возникшая в связи с необходимостью защиты определенной группы общественных интересов.

[1] Каталог Krim-Market. 2019–2020. 2020. С. 97.

[2] См.: Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. URL: https://isfic.info/hatecrim/borisov03.htm (дата обращения: 19.03.2021).

Однако следует понимать, что процесс криминализации деяния помимо социальных предпосылок должен обладать и иными основаниями, в противном случае все социально-значимые правоотношения регулировались бы нормами уголовного законодательства.

Важнейшим основанием криминализации является наличие такого признака как общественная опасность. Первостепенное значение данного признака подчеркивается большинством исследователей.

Так, например, Н.А. Лопашенко выделяет общественную опасность в качестве единственного основания криминализации деяния.

В своей работе «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккария наряду с принципом общественной опасности выделяет еще один – принцип экономии репрессии[1].

Основные положения криминализации деяний находят свое отражение и в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, что придает им нормативный характер.

Среди базовых оснований криминализации деяний выделяют высокую степень общественной опасности и невозможность противодействия соответствующим деяниям при помощи иных правовых средств.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации сводится к тому, что «уголовное законодательство является по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности»[2].

В научной доктрине принято считать, что общественная опасность определяется двумя показателями – характером и степенью деяния.

Характер посягательства (деяния) позволяет ответить на вопрос о наличии либо отсутствии общественной опасности в совершаемом деянии в принципе.

Степень определяет, какие именно меры правового воздействия применимы к правонарушителю (меры, предусмотренные какой именно отраслью права).

---

[1] См: Основания и условия криминализации. URL: https://vuzlit.ru/1064002/ osnovaniya_usloviya_kriminalizatsii (дата обращения: 20.03.2021).

[2] По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П. URL: https://legalacts.ru/sud/ postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022017-n-2-p (дата обращения: 19.03.2021).

Зададимся вопросом, а существуют ли такие деяния, степень общественной опасности совершения которых сразу бы предрешала применение именно уголовно-правовых мер воздействия.

Однозначно они существуют, например, к их числу можно отнести преступления, посягающие на жизнь (как самый главный объект уголовно-правовой охраны), на половую неприкосновенность и другие. За совершение подобных деяний не может быть установлено никакой иной, кроме как уголовной, ответственности[1].

Но всегда ли законодателю, да и всем нам легко определить степень общественной опасности того или иного деяния? Всегда ли мы можем однозначно сказать какой именно отраслью права целесообразнее регулировать ту или иную группу общественных отношений? Очевидно, что нет. Эта задача представляется достаточно сложной и оттого, безусловно, очень ответственной.

Всем нам известно о том, что с 1 апреля 2020 года в уголовный кодекс введено два новых состава преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации. Это нормы ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Но, прежде чем давать им какую-либо характеристику, постараемся разобраться в специфике взятой под контроль сферы общественных отношений – сферы, связанной с информационным «оборотом».

Нам довелось жить в век информационных технологий, когда мы в буквальном смысле погружены в информационную среду. Реалии современной жизни вынуждают нас признавать ценность информации как важнейшего ресурса. Мы осознанно и бессознательно поглощаем ее в неограниченных количествах и совершенно разнообразного качества. Мы производим ее, мы делимся ею и этот процесс непрерывен. Но наряду с неоспоримой пользой, которую мы получаем вместе с информацией, не стоит забывать и о том, какое сильное влияние она оказывает на нас.

Было совершенно очевидно, что рано или поздно появится необходимость в законодательном регулировании информационных потоков, поступающих из различных ресурсов, с целью минимизировать попытки ее искажения.

Искаженная или, говоря современным языком, «фальшивая новость» (fake news) изначально обозначала новость, составленную и сфабрикованную для обмана читателя с целью увеличения трафика и прибыли. Но сегодня целью «производителей фейковых новостей» является не только и не столько финансовое обогащение, сколько управление человеческим сознанием, формирование определенных установок, мировоззрений, отношения к обществу, к государству и к

[1] См.: Прозументов Л.М. Основания криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.

самому себе. Востребованность информации сегодня с учетом ряда обстоятельств, например, провозглашенной свободы слова, свободного доступа к ней, отсутствия цензуры и т. д., играет на руку недобросовестным людям или группам людей, заинтересованных в дестабилизации общественного порядка. Это тот ресурс, который в короткое время способен посеять панику и страх, развязать войну, организовать массовые беспорядки. Такое же негативное воздействие, недостоверная информация способна оказать и на конкретного человека, дезориентируя его, вводя его в заблуждение, а в определенных случаях и нанося вред здоровью.

Законодательный запрет на распространение ложной информации обсуждался довольно давно, однако свою особую актуальность эта тема приобретала в ситуациях, способных вызвать широкий общественный резонанс и негативные последствия массового характера, такие, как возникновение чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, эпидемий, эпизоотий и т. д.

В 2008 году член Совета Федерации Г.М. Нагинский обратил внимание на проблему, связанную с распространением заведомо ложной информации о чрезвычайных происшествиях и ситуациях, и предложил установить уголовную ответственность за совершение таких действий. Причиной этому послужили несколько случаев паники из-за сообщений об авариях на объектах атомной энергетики[1].

Но одной из основных предпосылок к принятию законов о фейковых новостях, стала трагедия, произошедшая в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово, а точнее сказать, аморальный поступок украинского блогера, который, сразу после трагедии позвонил в морг и сообщил о необходимости готовиться к принятию 300 тел погибших.

СК России заочно предъявил обвинение в призывах к терроризму и возбуждении вражды Никите Кувикову («Евгений Вольнов»), однако на лицо было несоответствие диспозиции ст. 205.2 и 282 УК РФ фактически содеянному, что заставило задуматься о необходимости создания инструмента противодействия распространению ложной информации, и уже в декабре 2018 года законопроект о «фейковых новостях», был внесен на рассмотрение в Совет Федерации.

Тогда, как мы помним, ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации была введена в административное законодательство, речь идет о ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ.

Однако, вероятно с учетом объективных обстоятельств, с которыми пришлось столкнуться в начале весны 2020 года, а именно в период

[1] См.: Сенатор предлагает ввести уголовную ответственность за ложную информацию о ЧС на АЭС. URL: https://www.allsbor.net/forum/showthread.php?t=4308 (дата обращения: 19.03.2021).

массового распространения коронавирусной инфекции, законодатель решил, что административно-правовых мер для борьбы с распространением недостоверной информации недостаточно и принял решение взять под контроль эту сферу, но уже при помощи уголовно-правовых мер воздействия.

Пандемия стала своего рода катализатором при принятии новых запретов, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2.

Действия законодателя вызвали и продолжают вызывать немало возмущений как среди научного сообщества, так и среди граждан, но осуждать легче всего, гораздо сложнее понять, что решение о криминализации данного деяния принималось в очень сложных условиях, когда государство вынуждено было бороться не только с пандемией, но и с совершенно новым явлением, так называемой «инфодемией», которая по своим масштабам и скорости распространения не уступала коронавирусной инфекции и была способна причинить колоссальный вред обществу.

Достаточно вспомнить о том, как на территории российских городов, в самый разгар пандемии выходили толпы людей, отрицавшие существование вируса и призывавшие не подчиняться ограничениям, несогласные с требованиями и запретами властей. В итоге это приводило к массовому заражению и колоссальной нагрузке медицинских служб. Поэтому нельзя отрицать тот факт, что реакция законодателя была оперативной и своевременной. И рассуждать о том, к какой же отрасли права отнести данное деяние, к административной или уголовной, у него попросту не было достаточного ресурса времени.

Но теперь, спустя определенное время, когда ситуация, пусть не до конца, но все же относительно стабилизировалась, мы можем спокойно рассуждать о том, насколько целесообразно присутствие в уголовном законе норм, предусматривающих запрет на распространение заведомо ложной информации, лишь теперь мы можем разграничить что, безусловно, является преступным, а что должно рассматриваться как правонарушение.

Подчеркну, что социальная обусловленность норм, регулирующих информационные потоки в условиях современности неоспорима, кроме того, большинство исследователей понимают их смысл и предназначение, как, например, А.Г. Кибальник, который пишет «глубинная сущность этих уголовно правовых запретов состоит в недопущении распространения в обществе состояния тревоги и страха, потенциально способных привести к самым серьезным последствиям – вплоть до паники, массовых волнений и

беспорядков, которые с вероятностным итогом чреваты человеческими жертвами»[1].

Однако, понимая это, ряд исследователей остаются не согласными с отнесением данного деяния к разряду преступного, во всяком случае когда оно не повлекло негативных последствий.

В частности, эта точка зрения отражена в работе С.В. Дубовиченко и В.П. Карлова, которые пишут о неуверенности в эффективности уголовно-правовых механизмов, считая вполне достаточным использование административно-правовых средств контроля за распространением недостоверной информации»[2].

Соглашусь с тем, что не во всех случаях за распространение недостоверной информации должна наступать уголовная ответственность, но для того, чтобы наглядно это увидеть и понять, необходимо провести сравнительный анализ ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ.

Начнем с того, что данные составы размещены в Разделе 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», из чего следует вывод о том, что общим объектом преступных посягательств, предусмотренных в этих статьях является – общественная безопасность.

Статья 207.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

Толкование понятия таких обстоятельств дается в примечании к данной статье.

По своему содержанию данное определение практически идентично определению чрезвычайной ситуации (ст. 1 ФЗ от 11.01.1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), за исключением одного дополнения, внесенного в него ФЗ от 31.03.2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», в котором в качестве источника ЧС предусмотрено «распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих».

Что же касается мер, принимаемых для обеспечения безопасности населения и территорий, приемов и способов защиты от указанных

---

[1] См.: Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию. Законность. 2020. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 3. Т. 1. С. 154–162.

обстоятельств, то к ним следует относить любые меры организационно-контрольного, политического, экономического и правового характера. В качестве примеров можно привести: введение режима чрезвычайной ситуации на определенной территории или ее части; введение карантинных ограничений, комендантского часа; запрет на передвижение внутри государства и за его пределами, запрет на покидание жилища и т. д.

Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, возникающие в связи распространением информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Объективная сторона выражается в активных действиях, связанных с публичным распространением ложных сведений об обстоятельствах, перечисляемых в диспозиции статьи.

Состав данного преступления формальный, то есть для наступления уголовной ответственности достаточно совершения любого из действий, указанных в диспозиции ст. 207.1 УК РФ, а поскольку важнейшим признаком данного преступления является публичность, то преступление будет считаться таковым только при условии наличия реальной возможности доступа к такой информации и ознакомления с ней неопределенного круга лиц (не менее 2-х).

Субъект данного преступления общий, то есть им является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, то есть лицо должно осознавать свои действия и желать их совершить.

Помимо этого необходимым элементом объективной стороны, позволяющим прилечь лицо к ответственности, является наличие у субъекта заведомого знания о ложном характере распространяемой информации.

С.В. Дубовиченко и В.П. Карлов в своей работе выделяют три признака, которыми должна обладать информация, за распространение которой предусматривается уголовная ответственность:

– заведомо ложный характер;
– форма распространения информации под видом достоверной;
– требования к содержанию информации.

Согласно первому признаку, информация должна быть несоответствующей действительности и виновное лицо должно быть об этом осведомлено, поскольку добросовестное заблуждение исключает возможность привлечения к уголовной ответственности.

Согласно второму признаку, информация должна доводиться «под видом достоверных сведений», то есть лицо, осознавая ложный характер информации, умышленно придает ей «правдивый» характер, возможно ссылаясь на вымышленных экспертов, очевидцев и т. д.

Согласно третьему признаку, по своему содержанию эта информация должна касаться определенного круга сведений.

Однако, как правильно подчеркивает А.Г. Кибальник, распространяемые сведения не должны носить оценочный характер, а должны подаваться как утверждения и факты[1].

Что касается мотивов и целей субъекта, то в законе они не указаны, однако в Обзоре судебной практики ВС от 30.04.2020 г. в качестве цели указывается – доведение заведомо ложной информации до сведения других лиц.

Теперь перейдем к рассмотрению ст. 207.2 УК РФ, конструктивно состоящей из двух частей, первая из которых предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью, а вторая – за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

В диспозиции статьи речь идет о распространении заведомо ложной общественно значимой информации. Но что под этим следует понимать? Никаких пояснений по этому поводу законодатель не дает. И лишь обзор судебной практики ВС от 21.04.2020 г. отсылает нас к ч. 11 ст. 153 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 3 апреля 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, возникающие в связи с распространением общественно значимой информации.

Помимо непосредственного объекта состав предусматривает наличие дополнительного объекта – здоровья другого человека; и факультативного объекта – жизни другого человека, нормальной деятельности органов управления, отношений собственности.

Как видно из анализа данной уголовно-правовой нормы, является материальным, что принципиально отличает ее от ст. 207.1 УК РФ.

В качестве одного из последствий законодатель называет причинение по неосторожности вреда здоровью человека, однако нет конкретизации о какой степени причиняемого вреда идет речь, о легкой, средней или тяжкой? Вспомним, что в ФЗ от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ было декриминализировано причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, а это значит, что речь в данной норме может идти лишь о причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью.

---

[1] См.: Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию. Законность. 2020. № 5. С. 158. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Еще одним отличительным признаком данной нормы от ст. 207.1 УК РФ выступает особенность субъективной стороны преступления, которая характеризуется неосторожной формой вины.

Субъект преступления по прежнему общий.

Как мы видим из анализа вышеназванных составов преступлений, их принципиальное различие в том, что в первом случае деяние хоть и совершается намеренно, но последствий не влечет, а во втором, хоть и без умысла, но влечет за собой последствия. И тут возникает вопрос, а насколько целесообразно наличие двух самостоятельных составов преступлений в том виде, в котором они существуют в настоящее время? Не будет ли целесообразным оставить в уголовном законе лишь материальную норму (ст. 207.2 УК РФ), дополнив перечень последствий, которые наступают в результате совершения преступления, такими, например, как: организация несанкционированных массовых мероприятий, создавших помехи функционированию объектов жизнеобеспечения; организация массовых беспорядков и т. д. То есть иными словами, сделать так, чтобы к уголовной ответственности привлекались лишь те, чьи действия причинили реальный ощутимый, а не потенциальный вред общественным интересам.

Ведь совершенно очевидно, для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ за распространение фейковой новости принципиально важно установить его умысел на распространение заведомо ложной информации. Но зачастую решение этой задачи не представляется возможным. Мы просто не знаем и не можем знать, насколько искренне человек верит тому, что он распространяет, ведь в силу уровня образования, кругозора, особенностей психического развития и других обстоятельств, мы все отличаемся друг от друга и то, во что поверит один, другой будет считать абсурдным, и наоборот.

Наличие в уголовном законе формальной нормы, предусмотренной ст. 207.1 УК РФ создаст сложности в практической деятельности еще и в силу затруднений в отграничении преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КОАП РФ, при условии совершения этого деяния физическим лицом, т.к. четких критериев отграничения этих составов нет. Поэтому, пока существуют неразрешенные вопросы и сомнения, они должны толковаться в пользу обвиняемого, то есть в пользу менее строго наказания.

Если игнорировать очевидные вещи, на практике может сложиться две ситуации, при первой правоприменители будут злоупотреблять своим правом возбуждать уголовные дела, а при второй, наоборот, норма ст. 207.1 УК РФ не будет востребована, то есть по своей сути будет «мертвой» нормой. Ни то, ни другое не является желательным, так как не позволит достичь задач, стоящих перед уголовным правом.

Здесь согласимся с мнением О. Капинус о том, что «уголовное право – это крайнее, исключительное средство реагирования на факты противоправного поведения, причем средство весьма несовершенное»[1].

Действительно, только лишь введением уголовной ответственности за те или иные деяния искоренить проблему нельзя. Кроме того, если норма введена без достаточных оснований, то она может не только не решить проблемы, но и создать новые, как связанные с применением права, так и способные вызвать общественные недовольства.

Сизова Виктория Николаевна,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, докторант

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Криминологический взгляд на современную сферу противодействия преступности в России показывает те криминогенные и антикриминогенные свойства, которые оказывают негативное воздействие на существующую систему безопасности. На это обращают внимание и ученые, непосредственно занимающиеся изучением вопросов, связанных с противодействием криминальным угрозам[2].

Следует отметить, что создание условий для обеспечения безопасности личности, обществу и государству представляет собой важнейшее направление российской уголовно-правовой политики. Россия перманентно подвергается многочисленным опасностям во всех общественных сферах: в сфере информационной безопасности, в сфере экологической и экономической безопасности и др. Актуальность данного направления особо очевидна с учетом происходящих кризисных явлений в экономической сфере.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о необходимости включения в российское уголовное законодательство положений,

[1] См.: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4.

[2] Воронов А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012; Устинов В. Наша главная задача – защита человека // Российская газета. 2012. С. 10–13 и др.

регламентирующих возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, учитывая степень важности и значимости насущной необходимости в выработке эффективных путей защиты общественных отношений, складывающихся на современном этапе.

Также следует отметить, что увеличение числа совершаемых сегодня преступных деяний определенных видов является подтверждением того, что особое внимание в вопросе предупреждения преступности необходимо уделять нормативно-правовому регулированию возможности привлекать к уголовной ответственности, в том числе и юридических лиц. Дискуссионность и злободневность этого вопроса не вызывает сомнений и становится центральным аспектом в обсуждениях на различных уровнях.

Приступая к исследованию заявленного вопроса, прежде всего хотелось бы указать на то обстоятельство, что преемственность изучаемого института уголовной ответственности берет свои истоки еще в рамках американской доктрины права. Речь идет о знаменитом антитрестовском законодательстве, в том числе законах Шермана. Данные законодательные акты стали орудием в противодействии проявлениям монополизма, являющегося пагубным элементом для развития рыночной экономики, и предусматривали возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение действий, направленных на ограничение конкуренции в торговой или промышленной сферах и устанавливали за совершение подобных действий значительные штрафы, делая тем самым крайне невыгодным нарушение корпорациями имеющихся запретов. И уже вскоре данные законодательные установления приняли многие страны, уголовно-правовые системы которых базировались на романо-германской правовой семье[1].

Что касается включения института уголовной ответственности юридических лиц в систему современного уголовного законодательства Российской Федерации, то следует отметить доводы противников такого нововведения, основным аргументом которых является научная позиция, сформулированная профессором Н.Ф. Кузнецовой. Суть данной позиции заключается в том, что включение подобного института в систему уголовного законодательства будет противоречить принципу личной и

[1] Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3; Наумов А.В. Несколько возражений как противникам, так и сторонникам концепции уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право и современность: сб. науч. ст. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есаков. М.: Проспект, 2014. С. 26–31; Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М., 1994. С. 50–60; Никифоров А.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 43–49.

виновной ответственности, поскольку вина представляет собой психическое отношение лица к своему деянию, а такой вины у юридического лица нет и не может быть[1].

Автор отмечает, что действительно, принцип личной виновной ответственности является классическим принципом уголовного права, как указывает в своих работах А.В. Наумов[2], впервые нашедшим свое отражение в УК Франции 1810 г. и отменившим понимание уголовной ответственности как ответственности, привлечение к которой возможно в случае наступления любых преступных последствий. При этом в соответствии с еще одой точкой зрения на исследуемую проблему, этот принцип определенно представляет собой важнейшее событие в деле формирования прогрессивной и демократичной уголовно-правовой системы, однако уголовная ответственность юридических лиц может удачно совмещаться с принципом личной виновной ответственности, дополняя его[3].

Также уместно отметить справедливое замечание А.В. Федорова о том, что, если юридическое лицо признается субъектом административного правонарушения, остается открытым вопрос о том, почему это лицо не может выступать субъектом совершаемых преступных деяний, одновременно соответствуя всем признакам субъекта уголовной ответственности, поскольку в данном случае целесообразно учитывать принципиальное положение, гласящее, что и административно-правовой деликт и преступное деяние законодательно являются виновными. Далее автор, указывая на универсальность общего принципа юридической ответственности, уточняет, что с учетом возможности привлечения юридических лиц к гражданской, административной ответственности, вполне вероятно их привлечение и к уголовной в случае установления виновности[4].

Вместе с тем, автор согласен с положением о том, что какого-либо общего понимания институтов ответственности физических и юридических лиц быть не должно, так как в случае, когда речь идет признании виновным физического лица, актуализируются теоретические положения психологической концепции вины. Если же речь идет о признании виновным юридического лица, следует исходить из других

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм хозяйственных преступлениях // Вест. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1993. № 4. С. 12–21.

[2] Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3; Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28 и др.

[3] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2010. С. 17.

[4] Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // IX Ежегодные научные чтения памяти профессора С.Н. Братуся. Журнал российского права. 2015. С. 55–63.

положений, а именно социальной концепции вины[1]. Важно отметить, что подобная регламентация вины присутствует в административно-правовом поле, о чем свидетельствует детальный анализ положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 1-П, в которых достаточно подробно разъясняются ситуации виновности юридического лица в совершенном им административном правонарушении, что в большинстве случаев выступает в качестве следствия виновности в совершенном деянии сотрудников этого юридического лица (физических лиц)[2].

Более того, в рамках осуществляемого исследования, нельзя не отметить, что на современном этапе очевидным становится рост количества ратующих за включение института уголовной ответственности юридических лиц в систему действующего российского уголовного законодательства, учитывая, в том числе, негативные элементы, касающиеся проблемы привлечения их к административной ответственности, детальное рассмотрение которой дает основания для следующих выводов:

– в случае, когда происходит рассмотрение дел, связанных с административными правонарушениями, вряд ли можно рассчитывать на исчерпывающее комплексное расследование однотипного уголовного дела, поскольку сущностное значение административного процесса состоит в том, чтобы привлечь лицо к ответственности за совершенное административное правонарушение, которое по существу представляет собой деяние гораздо менее общественно опасное нежели преступление;

– подобные дела, как правило, рассматриваются при упрощенной процедуре, обусловливая обоснованно возникающие вопросы о всесторонности и объективности оценки, осуществляемой мировым судьей деяния, которое совершено юридическим лицом;

– отсутствие объективных возможностей осуществления ОРМ в связи с совершенным административным правонарушением, что в целом существенно понижает результативность работы в данном направлении;

– возможность привлечь юридических лиц к уголовной ответственности в большинстве случаев появляется лишь только после завершения процесса в отношении физических лиц, предоставляя значительные шансы уклонения от уголовной ответственности юридическим лицам.

---

[1] Георги Рупчев (эксперт Совета Европы): технический документ: Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности. 2015. С. 21.

[2] По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 1-П URL: garant.ru/7029995base4 (дата обращения: 23.11.2020).

Кроме того, существенным фактором является то, что обнаруживаются правонарушения, субъектом которых являются юридические лица, как правило, в связи с осуществляемым процессом расследования уголовных дел, субъектом по которым является физическое лицо, которое совершило то или иное преступление, действуя с ведома либо от имени юридического лица, что ставит вопрос о целесообразности единой процедуры расследования дел данной категории[1].

Немаловажным выступает и то обстоятельство, что на сегодняшний день, как правило, не осуществляется сотрудничество в международном формате, когда речь идет о совершении административного правонарушения, с учетом направленности международных правовых норм в первую очередь на ситуации совершения преступных деяний.

С учетом изложенного необходимо отметить обоснованность и важность принятия соответствующего законодательного решения о включении института уголовной ответственности юридических лиц в систему действующего УК РФ, принимая во внимание высокий уровень развития общественных отношений в сфере экономики при обязательном учете положений международно-паровых актов, регламентирующих данный институт в зарубежных странах.

В качестве вывода необходимо указать на следующее:

1. На сегодняшний день совершенно очевидно, что тот арсенал средств, которые наличествуют у административно-правовой ответственности, если речь идет о юридических лицах, которые совершили противоправные деяния, является по всей очевидности не вполне достаточным. Такое положение дел с необходимостью обусловливает вопрос, связанный с возможностью привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, исходя из того, что административно-правовые меры не являются в достаточной степени эффективными. Одновременно с этим нельзя исключать и гражданско-правовую ответственность юридических лиц.

2. Необходимо относить институт уголовной ответственности юридических лиц к общезначимым и многогранным явлениям, не обусловленным специфическими особенностями правовой системы и правового устройства какой-либо отдельно взятой страны. Особую актуальность сегодня приобретает данный вопрос для российской уголовно-правовой системы, поскольку противоправные действия со стороны корпораций могут оказаться не охваченными административными или гражданско-правовыми нормами либо действие указанных норм может быть недостаточно эффективным.

---

[1] Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // IX Ежегодные научные чтения памяти профессора С.Н. Братуся. Журнал российского права. 2015. С. 55–63.

3. Необходимо также отметить важность нормативно-правового закрепления возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц с учетом соответствующих положений российского административного права и зарубежного опыта и в целях целенаправленной и эффективной реализации отдельных положений российской уголовной политики, направленных на противодействие криминальным угрозам личности, обществу и государству.

4. Включение уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность юридических лиц, в систему действующего российского уголовного законодательства не должно идти вразрез с уже сложившимся структурным построением Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушая его и без того нуждающуюся в качественной переработке системность положений.

Сотников Константин Иванович,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации

О ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К СОЗДАНИЮ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистика как наука и прикладная дисциплина обеспечивает поисково-познавательную деятельность в уголовном судопроизводстве. Назначение криминалистики заключается в научно-методическом обеспечении процесса раскрытия и расследования преступлений. Конечным результатом выступают частные методики расследования отдельных видов преступлений. В частных методиках расследования предлагается алгоритм действий следователя, дознавателя и оперативно-розыскных подразделений с учетом специфики различных видов преступлений. Как отмечал проф. И.А. Возгрин, общей задачей криминалистической методики расследования преступлений является оказание своими частно-методическими разработками эффективной помощи органам дознания, следствия и суду в установлении истины по уголовному делу[1].

Научные разработки частных криминалистических методик расследования ориентируются на действующий уголовный кодекс,

[1] Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 1. СПб.: ЮИ МВД России, 1992. С. 80.

учитывают изменяющееся законодательство, следуют за правовыми новеллами. В этой связи перед криминалистикой стоит важнейшая задача разработки частных методик расследования преступлений, отвечающих динамике и качественным изменениям преступности, учета реальных потребностей практики по ее противодействию. Только стабильное уголовное законодательство и судебно-следственная практика могут служить эмпирической основой для создания качественных и востребованных частных криминалистических методик расследования преступлений.

В последние годы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство вносятся многочисленные дополнения и изменения. Законодателем формулируются совершенно новые составы преступлений по различным направлениям общественных, социальных и экономических отношений. Коренным образом пересматриваются составы преступлений, как правило, в сторону их усложнения и добавления квалифицирующих обстоятельств. Имеет место декриминализация некоторых видов преступлений, внесены предложения о введении понятия уголовный проступок, к нему будут отнесены десятки составов преступлений небольшой тяжести.

Серьезным изменениям подверглись нормы Особенной части УК РФ о коррупционных преступлениях, терроризме, экстремизме, некоторым видам преступлений экономической направленности, в сфере компьютерной информации и др. Так, пересмотрено уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за дачу-получение взятки. Вернулся в УК РФ состав преступления о посредничестве во взяточничестве, выделана в отдельный состав «мелкая взятка», введены как вид наказания «кратные штрафы». В 2012 году законодатель раздробил на отдельные виды составов преступлений ст. 159 УК РФ (мошенничество), предусмотрев мошенничество в зависимости от сферы его совершения. А в 2016 году исключил ст.159.4 УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательства), перенеся ее положения в ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Надо сказать, что ученые-криминалисты в последние годы довольно активно включились в разработку частных криминалистических методик расследования современных видов преступлений. По указанной тематике учеными подготовлены десятки учебных пособий, защищены сотни диссертаций на соискание ученых степеней. Следует отметить, что большинство частных методик создается в форме диссертационных исследований. Так, автор диссертационного исследования С.Ю. Косарев отметил, что им было изучено свыше 700 полноструктурных методик расследования различных категорий преступлений[1]. Не будет

[1] Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: Дисс. …докт. юрид. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005.

преувеличением сказать, что в последние годы защищено десятки диссертаций именно по частным методикам расследования преступлений. Это объясняется тем, что при выборе диссертационного исследования соискатели и их научные руководители отдают предпочтение частным методикам, поскольку они, как правило, исполняются по типовой схеме: раскрытие криминалистической характеристики, изложение типовых ситуаций на первоначальном этапе расследования и тактики проведения отдельных следственных действий. Мотивируется такой выбор возможностью использования унифицированных и принятых в науке подходов, требуется лишь корректировка с учетом особенностей изучаемого вида преступления.

Наблюдается создание многостраничных и объемных частных методик расследования по отдельным узким направлениям, квалифицирующим обстоятельствам, обстановке, статусу правонарушителя, т. е. дробление методик в рамках одного состава преступлений. Так, в последние годы применительно к мошенничеству были защищены диссертации по таким темам: особенности первоначального этапа расследования мошенничеств, причинивших ущерб в особо крупных размерах; мошеннические посягательства, совершенных группой лиц; мошенничества, совершенные военнослужащими с использованием служебного положения и т. д. Подчеркиваю, что мной не ставится под сомнение полнота этих исследований. Не исключаю их определенной ценности в целом для развития науки криминалистики. Очевидная проблема заключается в их дальнейшей реализации, внедрении в практику расследования.

Иными словами, создается множество частных методик, направленных на обеспечение раскрытия преступлений, однако результат почти нулевой. Согласно официальным данным МВД России, в 2020 году зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений, не раскрыто из них почти половина – 963,8 тыс. преступлений. В частности, зарегистрировано более 335 тысяч фактов мошенничества, из которых большинство совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет[1]. В суды поступило лишь 34 968 мошенничеств[2], т. е. 90% дел этой категории остается нераскрытыми. И эти показатели сохраняются на указанном уровне из года в год. Причем основной объем нераскрытых преступлений составляют кражи, грабежи, преступления, связанные с причинением вреда здоровью, т. е. традиционные преступления, по которым разработаны и многократно переработаны частные методики, они

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/9338947 (дата обращения: 15.05.2021).

[2] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=5 (дата обращения: 15.05.2021).

глубоко изучаются в вузах в рамках учебной дисциплины криминалистики, специально выделенных курсов по методике расследования отдельных видов преступлений.

Криминалистика – довольно консервативная наука, по большей части ориентирована на обеспечение раскрытия именно с классических видов преступлений (убийства, кражи, грабежи, незаконный оборот наркотических средств и т. п.). Однако для современного этапа развития общества в условиях глобализации экономики, внедрения информационных технологий, возникновения экологических проблем, усложнения межгосударственных отношений актуализируются задачи защиты принципиально новых отношений и интересов. Поэтому законодателем формулируются новые составы преступлений против собственности, в сфере экономики, защиты финансово-банковской системы, в сфере информационных технологий, преступлений коррупционной направленности.

В силу специфики новые виды преступлений достаточно сложны и трудоемки в раскрытии и полноценном расследовании. Криминалистика не всегда способна обеспечить методическое обеспечение раскрытия и расследования современных видов преступлений. Правоохранительные органы не готовы к полноценному раскрытию этих преступлений и привлечению к ответственности виновных лиц. Следственная практика сталкивается с трудностями по выявлению и расследованию хищений бюджетных средств, широкомасштабной коррупции, ухода от уплаты налогов, преступлений с использованием телекоммуникационных технологий и сети Интернет и т. п. До настоящего времени отсутствуют отечественные методические разработки по поиску и возврату похищенных активов по делам о коррупционных преступлениях, масштабных хищениях и выводе денежных средств из России.

В связи этим перед учеными криминалистами и практиками стоит задача по совершенствованию научно-технических средств, методов и приемов противодействия современной преступности, их своевременному внедрению в правоприменительную деятельность и уголовное судопроизводство. Требуется модернизация сложившихся криминалистических методик, необходим отказ от чрезмерной разбивки частных методик в рамках одного вида преступления на подгруппы по несущественным основаниям. С перспективой стабильности уголовной политики должен решаться вопрос о создания новых криминалистических методик, обусловленных изменениями в уголовном законодательстве.

На наш взгляд, криминалистика вступает в новый этап развития частных криминалистических методик, этап создания принципиально новых комплексов методико-криминалистических рекомендаций, полнее учитывающих изменения законодательства и потребности практики.

Потребуется более строго подходить к учету закономерностей в расследовании больших групп преступлений (в экономике, кредитно-финансовой и налоговой сферах, противодействии коррупционным преступлениям, хищениям государственных средств), создания на этой групповых частных методик расследования преступлений, доступных и реализуемых в практической деятельности. Необходимо прогнозировать потребности практики на современном этапе социально-экономического развития общества.

Важнейшим резервом повышения эффективности органов следствия и дознания может быть цифровизация предварительного расследования, внедрение в практику расследования электронных уголовных дел. Необходимо создавать программные комплексы на основе цифровых и информационных технологий, которые обеспечат автоматизированные рабочие места (АРМ) следователей (дознавателей). Следует подчеркнуть, что обеспечение следователей электронными частными методиками в виде компьютерных программ не решит проблему раскрытия преступлений, повышения эффективности расследования. Сохранится так называемый человеческий фактор: уровень общей и профессиональной подготовки; умение самостоятельно мыслить, умение принимать обоснованные решения, умение организовать и планировать работу и т. п.

Потребуется соответствующее техническое оснащение, подготовка следователей и дознавателей, внесение корректив в учебные программы юридических и ведомственных вузов. Представляется, что стоящие перед наукой криминалистики задачи будут решаться стихийно, по мере нарастания остроты проблемы, формирования судебно-следственной практики. Важно ориентировать научные исследования и разработки на методику расследования наиболее актуальных видов преступлений. Практическая направленность, только практика должна являться критерием ценности частной методики расследования преступлений. А теория должна отражать практику, следовать за правоприменительной деятельностью.

Тарасова Людмила Яковлевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук,
подполковник полиции

СТАТЬЯ 205.6 УК РФ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Терроризм – это угроза всему миру, а не отдельному человеку или отдельной стране. Поэтому и борьба с данным явлением проводится всеми возможными способами. В РФ предпринимаются все меры для того, чтобы не было масштабных последствий, которые имеют место быть в некоторых странах мира. Размах терроризма достиг таких размеров, что для него не существует государственных границ между странами. Последствия терроризма прослеживаются во всех областях жизнедеятельности населения планеты, начиная с экономических потерь, включая политические и сильное психологическое воздействие на население. Россия принимает все возможные меры борьбы с терроризмом, в том числе и уголовно-правовыми методами.

В 2016 году Федеральным законом № 375-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 205.6 «Несообщение о преступлении». С момента ее принятия возникло множество вопросов как теоретических, так и практических хотя без всяких сомнений она способствует противодействию терроризма. Конституционный суд РФ в своем решении отметил, что данная статья не содержит неопределенности, то есть лицо несообщая о преступлении, способно осознавать характер совершаемых действий, предвидеть последствия и нести ответственность за совершение наказание. Также в решении отмечается, что содержание нормы не затрагивает понятие презумпции невиновности[1].

Спорные вопросы вызывает название статьи и ее диспозиция. Название «Несообщение о преступлении» носит общий характер по отношению ко всем преступлениям, включенным в УК РФ, а в диспозиции перечислены конкретные статьи, носящие террористический характер. Таким образом, название статьи шире, чем ее содержание. Можно согласиться с авторами, которые предлагают изменить название на

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паталиева Магомеда Сайфудиновича на нарушение его конституционных прав статьей 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 17.07.2018 № 1996-о. URL: https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1996-o (дата обращения: 21.04.2021).

«Несообщение о преступлении террористической направленности»[1]. В связи с этим, необходимо не ограничиваться сообщением о лице (лицах), а указать несообщение любой информации о совершаемом или совершенном преступлении, указанном в диспозиции нормы. В подтверждение данного заключения можно привести приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан в отношении Магомедова Г.З.., к которому в сентябре 2017 года обратились не являющиеся ему родственниками Аджиниязов Д.Н. и Юсупов Ш.А., проповедуя радикальное течение ислама «Религиозный экстремизм», выполняя поставленные перед собой задачи по функционированию НВФ, с просьбой вступить в состав созданного ими незаконного вооруженного формирования, лидером «Амиром» которого был объявлен Аджиниязов Д.Н., осведомив его об их намерениях совершить убийство сотрудников пограничной службы, дислоцированных на острове Чечень и сотрудника полиции – участкового уполномоченного. Магомедов Г.З., заведомо зная о существовании данного незаконного вооруженного формирования, созданного указанными лицами, сокрыл данный факт, не сообщил в соответствующие органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении. Аджиниязов Д.Н. и Юсупов Ш.А. совершили преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 208 УК РФ, – «Создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием»[2]. Таким образом, Магомедов не сообщил не только о лицах, но и о готовящихся преступлениях (убийство сотрудника пограничной службы и сотрудника органов внутренних дел). Если следовать точному толкованию статьи 205.6 УК РФ, то уголовно наказуемым деянием будет несообщение сведений о лице (лицах), а если человек обладает сведениями о готовящихся, совершаемых, совершенных преступлениях, то привлечь к уголовной ответственности по указанной статье невозможно. В этой связи интересно мнением М.С. Кириенко в том, что с учетом редакции рассматриваемой нормы действия, выразившиеся в несообщении достоверных знаний о готовящемся или совершенном преступлении в последнем случае, могут влечь лишь моральное порицание и не охватываются ст. 205.6 УК РФ[3].

Объективная сторона рассматриваемой нормы состоит в бездействии. То есть, несмотря на установленные законом обязанности,

---

[1] Бекназарян Б.О. Несообщение о преступлении: проблемы применения данной нормы в современной России // Международный исследовательский конкурс МЦНС «Наука и просвещение». С. 149–153.

[2] Приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан в отношении Магомедова Г.З по уголовному делу № 1-68/2018 года. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/?vsrf (дата обращения: 21.04.2021).

[3] Кириенко М.С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях // Адвокат. 2016. № 7. С. 10.

лицо не сообщает в органы власти о действиях лиц (лица) о готовящемся, совершаемом, совершенном преступлении, указанном в диспозиции ст. 205.6 УК РФ. В литературе встречается мнение о том, что объективная сторона может выражаться как в полном, так и в смешанном бездействии. Авторы научно-практического комментария к УК РФ смешанным бездействием признают те ситуации, когда лицо, сообщившее в уполномоченные органы власти о совершенном преступлении, одновременно с этим скрывает по тем или иным причинам информацию о лице, его совершившем. При этом состав преступления исключается, если лицо не только обратится в органы власти с соответствующим заявлением в установленной законом форме, но и сообщит устно информацию о виновном в совершении преступления лице[1]. Так Али Зим-Алиевич, обладая достоверной информацией об участии Р.М. и М.Р., в незаконном вооруженном формировании, действующем на территории Сирийской Республики, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, а именно совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, действуя с прямым умыслом, осознавая общественно-опасный и преступный характер своих действий, исходя из ложного чувства товарищества, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желая их наступления, имея побуждения личного характера, связанное с нежеланием сообщить в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщение о преступлении, о лицах, которые по достоверно известным сведениям совершают преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, путем бездействия, имея реальную возможность, не сообщил в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщение о преступлении, о лицах, которые участвуют в незаконном вооруженном формировании, действующем на территории Сирийской Республики, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, то есть о совершении Р.М. и М.Р. преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ[2].

Рассматривая вышеуказанную норму как дополнительную меру противодействия терроризму, считаем необходимым отразить следующее. Существует мнение о том, что донесение на близких людей, коллег, друзей

[1] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект. 2019. С. 76.

[2] Приговор Шелковского районного суд Чеченской Республики в отношении Али Зим-Алиевича по уголовному делу № 2 от 2 июля 2020 года. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FiPMFOUiIcYu/?regular (дата обращения: 21.04.2021).

выглядит кощунственно со стороны морали[1]. Что может служить инструментом для сведения личных счетов с другими людьми[2].

Полагаем, что в целях предупреждения совершения новых преступлений террористической направленности (готовящихся и совершенных) введение данной нормы законодательно обосновано. Однако требует дополнительной доработки с учетом конструирования уголовно-правовых норм.

Теунов Мурат Касимович,
эксперт
Кабардино-Балкарского регионального отделения
Российского военно-исторического общества,
кандидат исторических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «АТ-ТАКФИР ВАЛЬ-ХИДЖРА» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современных условиях мировой глобализации продолжается активизация суннитских организаций ультрарадикального толка, обосновывающих свою религиозную исключительность с позиции очищения Ислама от чуждых с их точки зрения нововведений, выступающих за повсеместное введение норм шариата и ставящих во главу угла установление «нового исламского миропорядка».

Среди них особое место занимает, основанное в 1971 году одним из идеологов египетской организации «Братья-мусульмане» Мустафой Шукри, международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» (в переводе с арабского «Обвинение в неверии и переселение»). Основной принцип идеологии данного объединения базируется на трактовках радикальных исламских богословов – Ибн Таймийи и Сейида Кутба, давших теологическое обоснование правомерности силовых методов для достижения конечной цели объединения – создание единого исламского государства («мирового халифата») по всему миру (в том числе и в России). При этом его адепты отличаются крайним

[1] Помнина С.Н., Лаврушкина А.А. К вопросу о целесообразности криминализации деяния, предусмотренного статьей 205.6 УК РФ. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457918_42472512.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

[2] Кибальник А.Г. Криминализация несообщения о преступлении : вперед в прошлое? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М.: Оригинал-макет, 2017. С. 426.

консерватизмом мировоззрения и буквально интерпретируют положения Корана и сунны (совокупности хадисов о высказываниях и делах пророка Мухаммеда).

Идеологическая основа религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» базируется на двух краеугольных концепциях: такфира – обвинения всех, не разделяющих их взглядов мусульман «неверными» (кафирами) и хиджры – переселения (исхода) из так называемых джахилийских (невежественных) светских обществ в «чистое исламское общество».

Несмотря на всю иллюзорность этих идей, данное религиозное объединение смогло собрать вокруг себя тысячи последователей по всему миру, в том числе и в России, где оно представляет собой не столько четко структурированное объединение, сколько определенный сегмент общественных настроений российской «уммы». Достаточно активное распространение настроений такого рода является, видимо, следствием увеличения количества приверженцев так называемого «чистого» ислама, слабо разбирающихся в богословии и пытающихся трактовать коранические положения буквально.

Идеологи «Ат-Такфир Валь-Хиджра» считают светское законодательство нелегитимным, демонстрируя приоритет шариата над ним, не признают институты гражданского общества и допускают возможность применения насилия в отношении лиц, не разделяющих их религиозных убеждений. По причине крайней опасности данной идеологии, угрожающей конституционным основам российского государства, решением Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 года № ГКПИ10-848 деятельность международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» была признана экстремистской и запрещена на территории России[1].

Вместе с тем, наивно было бы полагать, что данное экстремистское объединение откажется от своей конечной цели, в качестве основного средства достижения которой выдвигает концепцию вооруженной борьбы с «неверными» («джихада меча»), не исключая при этом и применение насильственных методов в отношении врагов Ислама.

С тех пор как объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» было признано экстремистским, его предполагаемые участники неоднократно задерживались в ряде субъектов Российской Федерации (Татарстане, Крыму, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Санкт-Петербурге, Москве и Подмосковье).

С чем же связан в последние годы такой бурный всплеск активности данного экстремистского объединения в России?

[1] Текст решения официально опубликован не был. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193 (дата обращения: 19.03.2021).

Представляется, что в этом весомое влияние оказал так называемый «внешний фактор», заключающийся в фактическом прекращении существования террористической организации «Имарат Кавказ» и ослаблении «Аль-Каиды» и, наоборот, появлении и резком укреплении так называемого «Исламского государства», подконтрольная территория которого в Сирии наряду с Вазиристаном[1] считалась «такфиристами» «территорией ислама». Известны случаи, когда «такфиристы» под видом «умеренных салафитов» уезжали в Сирию с тем, чтобы примкнуть к таким исламистским вооруженным группировкам как «Аджнад аль-Кавказ», «Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар» и «Хайат Тахрир аш-Шам». Иногда выезжали целыми семьями. То есть, по сути совершали хиджру для того чтобы жить в «идеальном исламском государстве».

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра» выступает в качестве вербовщика кадровых ресурсов для международных террористических организаций, действующих на Ближнем Востоке и стремящихся распространить свою деятельность на территорию России. Вместе с тем, данное объединение способно выступать в качестве инструмента воздействия на общественно-политическую ситуацию в нашей стране посредством внесения раскола в исламское общество России и стимулирования его протестной активности, чреватой экстремистскими проявлениями.

В этом смысле, «такфиристы» призывают мусульманскую молодежь молиться в частных домах или квартирах, не совершать религиозных обрядов в мечетях, считая их «кафирскими», а также заявляют о некомпетентности официальных духовных лиц в вопросах толкования догм Ислама. Стремясь к строгому соблюдению норм шариата, «такфиристы» так или иначе вступают в противоречие с российским законодательством, вследствие чего, они все чаще стали фигурировать в криминальных сводках.

Вместе с тем, как показывает скрупулезный анализ материалов ряда уголовных дел экстремистской направленности, уровень проведения предварительного следствия по ним вызывает еще множество вопросов.

Здесь небезынтересным будет напомнить комментарий руководителя Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований Елены Супониной «Русской службе «Би-Би-Си» по факту задержания 27 ноября 2013 года в Москве 15 радикальных исламистов, входивших по версии МВД в ячейку объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» и подозревавшихся в подготовке теракта в московском кинотеатре «Киргизия». Тогда эксперт, усомнившись в принадлежности задержанных к данному экстремистскому объединению, предположила,

[1] Регион на границе между Афганистаном и Пакистаном подконтрольный Талибану и до последнего времени считавшийся «такфиристами» «территорией ислама».

что они, вероятнее всего, входили в другую независимую группу и лишь прикрывались «раскрученным брендом»[1].

За два с половиной года следствия «дело пятнадцати», как окрестили его либеральные журналисты и правозащитники, прошло множество инстанций и ведомств, а вынесенный судом суровый приговор сразу же вызвал широкий общественный резонанс. Так, эксперт по исламскому экстремизму, член совета Правозащитного центра «Мемориал» Виталий Пономарев счел обвинение голословным и выразил сомнение в самом существовании экстремистской ячейки. Он в частности отметил, что «она не имеет ни устава, ни манифеста, ни какой-либо организационной структуры, а доводы суда основываются лишь на неназванных источниках, достоверность которых не ясна и вызывает сомнения»[2]. При этом никто из осужденных по данному уголовному делу вины своей так и не признал.

Более того, адвокат Тажиба Махмудова, которого следствие посчитало руководителем экстремистской ячейки, обратился в Европейский суд по правам человека с жалобой на чрезмерную длительность досудебного содержания своего подзащитного. Российское правительство, в свою очередь, ходатайствовало о прекращении рассмотрения жалобы, но Европейский суд ходатайство отклонил и 1 декабря 2016 года вынес решение о компенсации Махмудову за моральный ущерб суммы в размере трех тысяч евро[3], наложив тем самым значительное финансовое бремя на федеральный бюджет.

В свою очередь, Правозащитный центр «Мемориал» после окончательного вступления приговора в законную силу признал 17 мая 2017 года осужденных по данному делу политзаключенными, выставив, таким образом, российскую судебную систему в неблаговидном свете.

В этой связи, необходимо понимать, что выдача обычных криминальных и иных группировок, прикрывающих свою деятельность религиозной оболочкой, за «хорошо законспирированные» экстремистские ячейки абсолютно не решает сути проблемы, так как такая подмена понятий отвлекает оперативные силы и средства от выявления истинных экстремистских организаций и создает ложное впечатление спокойствия в обществе. С целью недопущения такого рода явлений необходимо четко расставлять приоритеты и своеобразную «шкалу ценностей», избегать кампанейщины в процессе противодействия религиозному экстремизму.

---

[1] МВД сообщает о задержании 15 радикальных исламистов. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/11/131127_moscow_islamists_arrests (дата обращения: 27.11.2013).

[2] Муртазин И. Как матрос превратился в «исламского террориста» и почему настоящих смертников никто не ищет // Новая газета. 2015. № 63. 19 июня.

[3] ЕСПЧ присудил компенсацию «организатору теракта» из «Ат-Такфир Валь-Хиджра». URL: http://www.rufront.ru/materials/586634684B828.html (дата обращения: 30.12.2016).

Иначе вокруг вышеназванных осужденных и им подобных невольно создается некий ареол мучеников за веру, поднимая их авторитет в глазах наиболее набожной части мусульманского населения и тем самым нивелируя другие обстоятельства их противоправной деятельности, выражавшиеся, в частности, в незаконном обороте оружия и боеприпасов.

Из вышесказанного следует, что тщательный сбор доказательной базы в отношении «такфиристов» по своей важности нисколько не уступает оперативной составляющей этого процесса.

Действительно, доказать причастность исламистов к экстремистскому объединению «Ат-Такфир Валь-Хиджра» весьма проблематично. В сравнении, скажем, с последователями так называемого «Исламского государства» или той же «Аль-Каиды», которые в большинстве случаев, публично через видеообращение присягают главарям этих террористических организаций и активно проводят агитационно-пропагандистскую работу в сети Интернет, «такфиристы» такой практики не придерживаются. Пытаясь завуалировать свои религиозные воззрения, последние действуют в условиях строжайшей конспирации, полностью исключив методы открытой пропаганды и выхолащивание своей атрибутики, что в свою очередь, существенно затрудняет их идентификацию и оперативную разработку.

В такой ситуации сотрудникам правоохранительных органов через имеющиеся агентурно-оперативные возможности необходимо сосредоточить усилия на выявлении отличительных поведенческих признаков, присущих исключительно адептам объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра». Ниже представлен примерный перечень таких признаков, составленных членами межрегиональной общественной организации ветеранов подразделений специального назначения «Вымпел-В»:

– ношение беспорядочной бороды (хотя и не всегда), к тому же усы практически отсутствуют;

– ношение жилета без рукавов с множеством карманов поверх, не заправленной рубашки и головных уборов без козырьков;

– восхваление Аллаха шепотом, сопровождаемое имитированием перебирания четок, которых, в действительности в руках нет;

– частое оперирование религиозными постулатами идеологов «такфиризма» даже во время разговоров на бытовые темы;

– транслитерация собственных имен на арабский лад;

– соблюдение института многоженства[1].

При выявлении и обстоятельном исследовании совокупности вышеуказанных признаков сотрудниками правоохранительных органов и привлекаемыми экспертами из числа религиоведов и психологов,

[1] Ат-Такфир-Валь-Хиджра. URL: http://vimpel-v.com/security/sec_terror/ter_org/996-at-takfir-val-hidzhra.html (дата обращения: 27.11.2013).

вероятность разоблачения адептов экстремистского объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» вполне себе реалистична. И, как показывает практика, данные усилия вполне себя оправдывают.

Одним из показательных примеров этого служит обвинительный приговор, вынесенный 29 августа 2019 года Адыге-Хабльским районным судом Карачаево-Черкесской Республики, восьмерым местным жителям, которым вменялось в вину участие в деятельности экстремистского объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра». К тому же, изъятое в их домовладениях огнестрельное оружие, лишний раз подтверждало далеко немиролюбивый характер их намерений по «созданию на территории Северокавказского региона государства с шариатской формой правления».

По информации пресс-службы республиканского УФСБ, все фигуранты уголовного дела раскаялись, полностью признали свою вину и активно сотрудничали со следствием. В результате судебный процесс проходил в особом порядке, и с учетом всех обстоятельств дела суд принял решение назначить обвиняемым наказание в виде лишения свободы сроком на три года условно[1].

Участившиеся в последнее время факты пресечения деятельности ячеек экстремистского объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» выбили почву из-под ног его адептов и по существу поставили крест на дальнейшем привлечении ими новых сторонников. Как ни странно, этому обстоятельству невольно способствовала и активная пропаганда, осуществляемая в наиболее популярных социальных сетях и интернет-форумах другими исламистскими организациями, такими как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», по привлечению в свои ряды новых сторонников, что в итоге привело к резкому сокращению целевой аудитории «такфиристов» из числа радикально настроенной мусульманской молодежи. Для «такфиристов» же пропаганда в сети Интернет является лишь вспомогательным средством вербовки и ведется достаточно слабо.

Немаловажным фактором является и то, что, по мнению ряда аналитиков, на Северном Кавказе нет идеологических лидеров экстремистского объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра», способных по своим морально-психологическим качествам и финансовым возможностям организовывать широко разветвленную сеть подконтрольных ячеек[2].

Исходя из этого можно предположить, что в ближайшее время вряд ли стоит ожидать существенного роста числа сторонников объединения

---

[1] Ларинцева А. Члены ячейки «Ат-Такфир Валь-Хиджра» получили условные сроки. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4119732 (дата обращения: 30.08.2019).

[2] Меренкова Л. «Наукам – нет, в мечети – нельзя, с джихадом потерпите». Призрак «Ат-Такфир валь-хиджра» на Северном Кавказе // URL: https://www.kavkazr.com/a/30940267.html (дата обращения: 20.11.2020); Смирнова А. «Обезглавленные» банды: с кем продолжают бороться силовики Кавказа // URL: https://www.gazeta.ru/social/2021/03/12/13509260.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

«Ат-Такфир Валь-Хиджра» и широкого распространения его идеологии среди населения России. Этому способствуют три весьма важных обстоятельства.

Во-первых, подавляющая часть радикально настроенной мусульманской молодежи в свое время выехала в Сирию для участия в боевых действиях на стороне исламистских вооруженных группировок, и скорое возвращение в Россию тех из них, кто все же уцелел в этой кровопролитной войне, практически сведена к нулю.

Во-вторых, в настоящее время популярность объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра», не имеющего в России какого-либо координирующего центра, постепенно падает, особенно среди населения Чечни, Ингушетии и Дагестана, где в последнее времязначительно активизировались влиятельные суфийские тарикаты, религиозные постулаты, которые в корне противоречат идеологии «такфиризма» (слово «суфий» последними воспринимается, не как иное, как ругательство).

Ну и в-третьих, отсутствует хорошо налаженная финансовая подпитка из-за рубежа, что в свою очередь, вынуждает многих «такфиристов» зачастую заниматься обычной уголовщиной (кражами, грабежами, продажей запрещенных курительных смесей и т. д.), тем самым дискредитируя себя в глазах даже радикально настроенной части «молящихся» мусульман.

Но при этом нельзя не учитывать одного принципиального момента. Стратегия международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» характеризуется поэтапностью действий и для достижения поставленных целей терпение считается одним из обязательных его элементов. И как выразился в свое время обозреватель «Известий» Орхан Джемаль, «эта загадочная организация время от времени исчезает, а потом возникает из небытия»[1]. Именно в этом и заключается феномен классического «такфиризма».

Не следует забывать и о том, что в зарубежных мусульманских учебных заведениях, в том числе и откровенно исламистской направленности, продолжают учиться сотни, если не тысячи, молодых россиян, несомненно знакомых с идеологией международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра». На родине их, безусловно, могут ждать те, кто делает ставку на дальнейшее продвижение идей «такфиризма» в сознание наиболее пассионарной части мусульманской молодежи.

[1] Орхан Джемаль о том, кто такие члены «Ат Такфир валь-Хиджра», задержанные сегодня в Москве с «поясом шахида» и взрывчаткой. URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/orhan_dzhemal_o_tom_kto_takie_chleny_at_takfir_val_hidzhra_zaderzhannye_segodnja_v_moskve_s_pojasom_shahida_i_vzryvchatkoj-357636/ (дата обращения: 27.11.2013).

Таким образом, проблемы противодействия экстремистской деятельности международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» и подобных ему организаций в России, несмотря на очевидные успехи российских спецслужб, продолжают оставаться актуальными. Наметившаяся в последнее время трансформация противоправной деятельности с их стороны чревата формированием новых рисков и угроз национальной безопасности государства. Пути решения по нейтрализации этих негативных процессов, несомненно, требуют мобилизации интеллектуальных усилий всех заинтересованных институтов государства и гражданского общества.

Толгурова Зухра Хусейновна,
доцент кафедры
специальных дисциплин
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук

Уянаева Халимат Борисовна,
научный сотрудник отдела
Экономика знаний и опережающее региональное развитие
института информатики и проблем
регионального управления КБНЦ РАН
(ИИПРУ КБНЦ РАН),
кандидат экономических наук

ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

На сегодняшний день самым опасным явлением для людей и для культуры является терроризм, который получил свое начало еще в глубокой древности и, к сожалению, остается с нами по настоящее время. Что такое терроризм и однозначное его значение, еще так и никто не определил окончательно. В литературе имеется много определений к термину «терроризм» и он все чаще рассматривается в аспектах экономики, политики, социологии и др., но классического определения все еще не существует.

Террор (лат.terror-страх, ужас) – устрашение своих политических противников или населения, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения.

«Насилие», «устрашение», «запугивание» – все эти слова можно назвать синонимами слова «террор».

Сегодня вопросами терроризма занимаются ученые разных специальностей – это и социологи, и историки, и экономисты и многие другие.

К сожалению, мы не смогли полностью изучить вопрос терроризма и степени его влияния на туризм, нам необходимо его дальнейшее исследование. Всегда и везде терроризм имеет отрицательное влияние на развитие туризма как на микроуровне, где постепенно развивается туристический бизнес и адаптируются все представители рынка, так и на макроуровне.

Далее необходимо говорить о высокой значимости международного туризма, построении диалога с международными специалистами для ускорения борьбы с терроризмом как внутренним, так и международным.

Туризм так же может явиться причиной разжигания различных конфликтов (политические, культурные, социально-экономические и т. д). Этот сектор будет активно развиваться только тогда, когда будет обеспечена максимальная безопасность туристов и будет повышено качество обслуживания на местах туристического потока. Мы знаем, что туризм является одной из основ экономики государства. Руководители стараются оказывать поддержку этой отрасли путем обеспечения безопасности туристов. А теракты, которые устраиваются на объектах туристической индустрии являются способом террористов донести свои послания до руководителей высшего звена и привлечь к себе внимание.

Рассмотрим виды терроризма. Его можно разделить так:

1. Государственный терроризм.
2. Внутренний терроризм.
3. Международный терроризм.

Так же существуют цели терроризма:

1. Политически-обусловленный, который дестабилизирует политическую ситуацию в стране.

2. Культурно-мотивированный. К этому виду мы относим теракты, которые уничтожают историческую память и культуру.

3. Бизнес-ориентированный. Целью является получение финансовой выгоды для себя и влиять на экономику страны.

Сегодня терроризм оказывает негативное влияние на развитие туристической отрасли, которая является одной их важных и развивающихся отраслей экономики не только России, но и во многих странах мира. Туризм как отрасль обусловливает диверсификацию экономики, улучшает инфраструктуру, создает новые рабочие места для граждан, обеспечивает приток валюты, помогает в развитии новых экономических отраслей, которые сопряжены с туристической сферой, тем самым повышает уровень жизни граждан.

Туризм, к сожалению, так же привлекает внимание террористов и для этого есть множество причин. Рассмотрим некоторые из них:

1. Для многих стран самой важной составляющей основой экономики является туризм, так же он является главным источником иностранной валюты.

2. Террористы, путем проведения террористических актов на популярных туристических объектах хотят донести послания до средств массовой информации, т.к. туризм ориентирован на широкие массы людей и при помощи его легко обратить на себя внимание.

3. В туристической отрасли с большой осторожностью принимаются меры безопасности. Иногда такие меры могут оказать и отрицательное воздействие на удобство самих туристов.

Если говорить о том, где чаще происходят террористические акты, то однозначного ответа мы дать не сможем. К сожалению, в равном количестве такие акты угрожают жизни людей во всех направлениях - на воде, на земле и в воздухе. У террористов главная задача – вызвать у туристов страх к перелетам и к путешествиям в целом. Это все негативно сказывается и на туристической привлекательности отдаленных регионов[1].

В России проблема терроризма и борьба с ним резко обострилась в 90-х годах и продолжилась в 21 веке[2]. Трагические события, широко освященные средствами массовой информации, не давали развиваться активному туризму в нашей стране, отпугивая иностранных туристов и формируя негативный взгляд общества на уровень безопасности на отечественных туристических направлениях, что существенно снизило количество туристов[3]. Влияние фактора безопасности можно проследить на примере Северо-Кавказского федерального округа, где проблемы, связанные с обеспечением безопасности, оказывают сдерживающее влияние не только на развитие туристской отрасли, но и на комплексное развитие всего региона в целом.

Очевидно, что отмеченный «негативный имидж» Северного Кавказа в сознании потенциальных туристов во многом складывается под влиянием деструктивной антигосударственной и антиобщественной деятельности террористического подполья, имеющего значительный информационный резонанс.

---

[1] Безопасность жизнедеятельности: учебник для бакалавров / под ред. Е.И. Холостовой, О.Г. Прохоровой, В.О. Евсеев, И.Н. Маяцкая, О.Г. Прохорова и др. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашкови К», 2019. (2-е изд.). – 456 с.

[2] Skryl T. Modern Trends Of Industrial Policy and Its Impact on Russian Economic System // ЦИТИСЭ. 2017. № 1 (10). С. 3.

[3] Osipov V.S., Skryl T.V., Gregoric M. Public Administration System: Crisis In Leadership And The Need Of Institutional Reforms In Russia // Journal of Business Paradigms. 2017. Т. 2. № 1. С. 64–68.

Не вызывает сомнения, что современная конъюнктура развития Северного Кавказа имеет свою особую специфику, которая основывается на инклюзивных политических, исторических предпосылках. Одно из определяющих значений в этом контексте по сей день играет террористическая угроза. Известно, что ухудшение макро-криминогенной обстановки на Северном Кавказе обусловлено стремительными геополитическими переменами на территории бывшего СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Ключевое значение на этом фоне сыграл так называемый «чеченский конфликт» и его последствия.

Рассмотрим трансформации террористической активности на Северном Кавказе за последнюю четверть века с 1990 по 2016 г.

1990–1994 – носит исключительно криминально-этнический характер: теракты, похищения, убийства, финансовое мошенничество, этнические чистки в Чечне, грабежи и т. д. Данные процессы протекают на фоне коррозии центральной власти.

1994–1996 – под влиянием пропаганды и боевых действий усиливается значение этнического фактора. На микроуровне замечаются признаки криминального, религиозного терроризма, усиливается их роль на макроуровне.

1996–1998 – межвоенный период характеризуется кардинальными переменами, в ходе которых религиозная составляющая становится определяющей в структуре террористических формирований.

1999–2000 – открытая попытка эскалации чеченского конфликта на сопряженные регионы (вторжение боевиков в Дагестан), окончание активных боевых действий в Чечне, рост террористической активности в других регионах Северного Кавказа.

2000–2009 – активные столкновения бандформирований с силовиками на территории всего Северного Кавказа, в ходе которых значительно сокращается численность незаконных вооруженных формирований. Создается подполье среди мирных граждан.

2009–2016 – террористическая активность подпольных бандформирований постепенно снижается, но по-прежнему остается относительно высокой. Религиозный терроризм сопряжен с этническим и идеологическим. Структурный анализ террористического движения не представляется возможным в силу многих объективных причин.

Как можно заметить, за более чем 25-летний период терроризм на Северном Кавказе сильно трансформировался и сместился в плоскость подпольного противостояния органам государственной власти. Вместе с тем изменились мотивы и причины, побуждающие к совершению преступлений террористического характера. В настоящее время данные процессы обусловлены сложной социально-экономической обстановкой в регионе и высоким уровнем безработицы по Северо-Кавказскому

федеральному округу[1], на фоне которых религиозный фактор представляется лишь поверхностным проявлением.

Важно отметить, что сегодня Россия – это единственная страна в мире, которая открыто бросает все свои силы и средства на борьбу с терроризмом, не только в рамках безопасности и мира своей страны. И это дает определенные положительные результаты.

Современная индустрия туризма и гостеприимства крайне привлекательна для организаций экстремистской деятельности и является уязвимым экономическим звеном. На наш взгляд, поднятая проблема разрешима только в том случае, если все страны объединятся для ее решения.

Они должны рассматривать противодействие терроризму в качестве одной из основных общегосударственных задач. Необходимо усовершенствовать правовую базу, усилить взаимодействие между специальными органами, оказать давление на страны, где поддерживается терроризм, повысить качество подготовки сотрудников правоохранительных структур, их оснащенности и т. д.

Для повышения уровня безопасности туристов и сведения к минимуму угроз террористических актов в туристических зонах необходимо:

– создание коалиции из стран, где туристический бизнес занимает весомую нишу в экономике, для проведения единой межгосударственной политики, основной задачей которой будет разработка мероприятий по созданию условий безопасности мест пребывания туристов, недопущение актов террора;

– введение особых стандартов безопасности и жесткий контроль над их исполнением;

– организация специального обучения для всех работников сферы обслуживания с целью формирования умений оперативно действовать в чрезвычайных ситуациях и находить рациональные решения проблем;

– изучение и использование опыта стран, имеющих успех в антитеррористической деятельности;

– создание единой информационной системы для туристов (контакты экстренных служб, инструктаж по антитеррористической безопасности и др.);

– использование инновационных технических средств безопасности туристов;

– расширение перечня страховых услуг в туризме, в том числе, применение новых видов страхования.

[1] Кошкин А.П., Горин Д.Г., Евсеев В.О. Политика и практика противодействия экстремизму: моногр. М.: ООО «Белыйветер», 2017. – 394 с.

Терроризм как внутренний, так и международный, является фактором риска для туристической отрасли мира. На сегодняшний день вопрос обеспечения безопасности в международном туризме становится все более актуальным из-за увеличения путешествующих и расширением географии турпоездок. Необходимо глубоко и детально изучать эти явления для прогнозирования и предотвращения отрицательных последствий, таких как: снижение туристического потока, угроза для жизни, уничтожение собственности и т. д.

Очевидно, что главным условием выполнения поставленной задачи является консолидация усилий всех уровней государственного и муниципального управления, правоохранительных органов, профессионалов туристической индустрии, социально ответственного бизнеса, средств массовой информации и в целом широкой общественности на магистральном направлении – обеспечении базового принципа развития туризма, каковым, без сомнения, является безопасность.

Федорченко Алексей Васильевич,
заместитель начальника
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД России
по Ульяновской области,
соискатель ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
полковник полиции

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Безопасность экономической системы любого государства во многом определяется состоянием промышленности. Металлургический комплекс Российской Федерации является одной из базовых сфер экономики России и представляет собой совокупность связанных между собой отраслей[1] и стадий производственного процесса от добычи сырья до выпуска готовой продукции – черных и цветных металлов и их сплавов[2]. Он подразделяется на черную и цветную металлургию.

[1] Отрасль промышленности — объективно обособившаяся часть промышленности, объединяющая предприятия, производящие однородную, специфическую продукцию, имеющую однотипные технологии и ограниченный круг потребителей.

[2] Сплав – макроскопически однородный металлический материал, состоящий из смеси двух или большего числа химических элементов с преобладанием металлических компонентов. Наибольшее значение имеют сплавы на основе железа и алюминия. В технике применяется более 5 тыс. сплавов.

Черная металлургия – это производство металлов, основу которых составляет железо (чугун, сталь, ферросплавы[1]), а также марганца и хрома.

Основным исходным сырьем для получения черных металлов являются железная руда, коксующиеся угли и руды легирующих металлов. Черная металлургия – основа для развития машиностроения.

Цветная металлургия – отрасль металлургии, которая включает добычу, обогащение руд цветных металлов, выплавку цветных металлов и их сплавов. Она включает производство более 70 видов металлов, обладающих ценными свойствами (меди, алюминия, свинца, цинка и т. д.).

В состав цветной металлургии России входят различные отрасли, обособляющиеся в зависимости от вида выпускаемой продукции, а также золото- и алмазодобывающая.

Доля цветной металлургии в ВВП страны составляет около 2,3%, промышленном производстве – 3,8%, экспорте – 3,6%.

Под ломом черных и цветных металлов понимаются пришедшие в негодность или утратившие свои потребительские свойства изделия из цветных металлов и их сплавов, отходы, образовавшиеся в процессе производства изделий из черных и цветных металлов и их сплавов, а также не подлежащий исправлению брак, возникший в процессе производства указанных изделий[2].

В единый металлургический комплекс как черной, так и цветной металлургии входят десятки переделов, начиная от добычи руды, получения металлов и сплавов и заканчивая производством различных видов металлургической продукции (например, прокат, трубы, метизы, катанка и другие).

Металлургия включает свыше 3,5 тысяч предприятий различных форм собственности, в том числе около 800 крупных и средних. В состав металлургического комплекса входят 9 подотраслей черной металлургии и 15 подотраслей цветной металлургии с общей численностью занятых более 1,4 млн. человек (8,9% всех занятых в промышленности). В общем объеме промышленного производства России металлургия занимает 16%, в общемировом производстве металла – 10%, 10% занятого в промышленности населения.

---

[1] Ферросплавы – сплавы железа с другими элементами (Cr, Si, Mn, Ti и др.), применяемые главным образом для раскисления и легирования стали (напр., феррохром, ферросилиций). Получают из руд или концентратов в электропечах или плавильных шахтах (горнах).

[2] Термины – отходы металлов, вторичные металлы, металлический лом, оборотный лом, лом, стружка и другие термины, применяемые в подготовке и использовании лома черных и цветных металлов для переплава в металлургическом производстве, рассматриваются как металлический лом (далее – металлолом).

По объему выпуска основных видов металлургической продукции Россия входит в число пяти ведущих государств. Продукция металлургии одна из основных статей экспорта России.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере металлургической промышленности, осуществляет Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России) и его структурные подразделения, департаменты по основным направлениям деятельности[1].

Как и в других отраслях хозяйственного комплекса Российской Федерации, в металлургическом комплексе нередко совершаются экономические преступления. Выборочное изучение 68 уголовных дел показало, что в сфере металлургии совершаются довольно разнообразные преступления экономической направленности, в частности:

преступления против собственности – 36,8% от общего количества изученных уголовных дел;

налоговые преступления – 30,9%;

незаконное предпринимательство – 14,7%;

незаконный оборот драгоценных металлов – 5,9%;

другие виды преступлений – 11,7%.

Как видно из представленных данных, наибольшее количество преступлений совершается против собственности. Среди этих преступлений 80% от общего количества преступлений против собственности возбуждается по различным частям ст. 159 УК РФ, по ст. 160 – 8%, 158 – 4%, 165 – 8%.

Данные преступления являются достаточно разнонаправленными. Условно их можно разделить на 4 подгруппы:

хищения, связанные с уклонением от уплаты НДС;

хищения, совершаемые при купле-продаже лома черных и цветных металлов;

хищения, совершаемые при осуществлении договора поставки металлопродукции;

хищения, совершаемые при осуществлении других операций и сделок.

Хищения первой подгруппы преступлений против собственности составили 28% от всех преступлений против собственности. Так, Ш. совместно с другими лицами осуществлял управление группой взаимозависимых организаций, основной деятельностью которых являлось

[1] См.: Фролова Н.В. Правовая организация отраслевых промышленных комплексов: теоретические основы исследования и практика правового регулирования (на примере нефтедобывающего комплекса). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 9.

производство ферросплавов, добыча руд цветных металлов, оптовая торговля ломом, металлами и металлическими рудами.

В указанный период времени Ш., не имея намерения осуществлять деятельность вышеуказанных организаций по производству ферроникельхрома и его экспорту, в целях хищения денежных средств из бюджета Российской Федерации путем незаконного возмещения НДС организовал изготовление хозяйственных документов, содержащих заведомо ложные сведения о хозяйственных операциях ООО с организациями, имеющими признаки фиктивности и влекущими заведомо незаконное право на возмещение НДС из бюджета.

Фактически Ш. приобретение ООО в проверяемом периоде облагаемого НДС сырья в адрес других организаций не осуществил, выручку от иностранного контрагента за реализацию ферроникельхрома не получил, а в целях обмана сотрудников налогового органа предоставил в ИФНС России по г. Орску налоговую декларацию от ООО по НДС, в которой отразил заведомо ложные сведения, якобы дающие основания к возмещению НДС из бюджета на сумму свыше 70 млн рублей.

Хищения, совершаемые при купле-продаже лома черных и цветных металлов, составили 20% от общего количества преступлений против собственности. Эти преступления совершаются при приеме лома от сдатчиков. При этом в одних случаях злоумышленник оформлял поддельные приемосдаточные акты, содержащие заведомо ложные сведения, о, якобы, принятом ломе металла по специальной цене, и вместе с копиями паспортов, на которые были оформлены поддельные приемосдаточные акты, представлял в бухгалтерию для составления платежной ведомости и расходного кассового ордера, расписывался в актах и платежной ведомости от имени лиц якобы сдавших лом металла по специальной цене, полученные средства от разницы между суммой неофициального принятого лома металла по ценам прайс-листа и официального принятого того же лома металла по специальной цене на основании подложных приемосдаточных актов присваивал.

В другом случае начальник промышленной площадки ООО «Втормет» (сфера деятельности: прием лома черных и цветных металлов) Б., действуя из корыстных побуждений, с целью хищения денежных средств, предназначенных на выплату вознаграждений сдатчикам лома металла, вносил в оборотные бухгалтерские документы организации недостоверные сведения. Используя свое служебное положение, Б. в период с марта по август 2019 года систематически создавал фиктивные записи о фактах приемки, завышал количество принятого вторсырья и объемы произведенных ломосдатчикам выплат, а разницу денежных средств присваивал. Сумма ущерба, причиненного ООО «Втормет» неправомерными действиями Б., составила свыше 6 млн рублей. В отношении Б. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Хищения, совершаемые при осуществлении договора поставки металлопродукции, составили 20% и связаны в основном с хищением денежных средств, принадлежащих металлургическому предприятию, путем представления заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений о наличии полномочий по решению вопросов о выборе поставщика, неуплатой денежных средств за поставленную металлопродукцию либо непоставкой продукции при получении предоплаты.

Например, руководство одного ООО (г. Вологда), имея умысел на хищение чужих денежных средств и не имея намерений исполнять взятые на себя обязательства по исполнению условий договора, путем обмана убедило представителя ООО «Нефтегазоборудование» подписать договор поставки, согласно условиям которого ООО обязалось произвести и поставить металлоконструкции в адрес ООО «Нефтегазоборудование», а последнее приняло на себя обязанность принять и оплатить товар.

26 сентября 2019 года ООО «Нефтегазоборудование» в адрес ООО произвело предоплату 70% стоимости, в размере свыше 15 млн рублей. Однако руководство ООО свои обязательства по исполнению условий договора поставки не исполнило, денежные средства, поступившие от ООО «Нефтегазоборудование» в счет предоплаты по договору, не вернуло, распорядилось ими по своему усмотрению, чем причинило ООО «Нефтегазоборудование» значительный материальный ущерб на сумму свыше 15 млн рублей.

Последняя подгруппа преступлений составляет 32% от общего количества преступлений против собственности. В эту подгруппу входят разнообразные преступления, связанные с совершением различных операций и сделок, в частности, здесь имеет место: завладение имуществом путем представления сотрудником других предприятий и использования поддельных документов и печатей; оплата в рамках государственных контрактов фиктивной разработки по ранее запатентованной технологии; использование договора аренды нежилого помещения, принадлежащего металлургическому предприятию; продажи объектов недвижимого имущества, принадлежащего металлургическому предприятию, выходя за пределы своей компетенции; демонтаж металлического трубопровода, в результате чего собственнику причинен материальный ущерб, и др.

Значительное распространение в металлургическом комплексе получили кражи, которые в большинстве случаев относятся к подследственности уголовного розыска. В то же время имеют место и кражи, совершаемые материально ответственными лицами и относящиеся к подследственности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Вторая группа преступлений связана с *налоговыми преступлениями*. По результатам исследования в этой группе их два вида:

уклонение от уплаты налогов, квалифицируемое по ст. 199 УК РФ, которые по результатам исследования составили 71,4% от общего количества изученных уголовных дел по налоговым преступлениям;

сокрытие денежных средств либо имущества, необходимых для взыскания недоимки по налогам и (или) сборам, квалифицируемые по ст. 199.2 УК РФ. Этот вид преступлений составил 28,6%.

Первый вид налоговых преступлений совершается путем:

а) завышения суммы налогового вычета по НДС, посредством ведения единого учета НДС по операциям, облагаемым и необлагаемым НДС, а также завышения суммы прямых расходов по налогу на прибыль организаций с предоставлением в инспекцию налоговых деклараций с включенными заведомо ложными сведениями;

б) неправомерного завышения суммы расходов по закупке лома металлов у подконтрольных организаций и физических лиц;

в) заключения фиктивных договоров поставки с фирмами-однодневками, используя реквизиты которых вносятся заведомо ложные сведения в бухгалтерскую и налоговую отчетность организации и представления их в налоговый орган. Так, С., являясь генеральным директором АО, имея умысел, направленный на уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере, используя реквизиты фиктивных организаций и аффилированных юридических лиц, отразил в регистрах текущего бухгалтерского учета АО, а также в налоговых декларациях по налогу на добавленную стоимость и налога на прибыль организации за 2020 год ложные сведения и предоставил данные налоговые декларации в ИФНС России;

г) неотражения в бухгалтерских документах и отчетности всего объема произведенной продукции;

д) фальсификации данных бухгалтерского учета;

е) занижения выручки путем отнесения на себестоимость затрат, не относящихся к затратам на производство реализованной продукции.

Для сокрытия денежных средств либо имущества, необходимых для взыскания недоимки по налогам и (или) сборам, используются следующие приемы:

а) сокрытие денежных средств, минуя свой расчетный счет и используя расчетный счет подконтрольного юридического лица;

б) сокрытие денежных средств путем использования расчетных счетов третьих лиц посредством подготовки и направления распорядительных писем. Например, О., являясь генеральным директором одного ООО, осуществляя финансово-хозяйственную деятельность в сфере производства строительных металлических конструкций, изделий и их частей, имея просроченную задолженность перед бюджетом по налогам и

сборам, в нарушение ст. 57 Конституции РФ, п. 1.1 ст. 23, п. 1 ст. 45 Налогового кодекса РФ путем использования расчетных счетов третьего лица – ООО, посредством подготовки и направления распорядительных писем сокрыла денежные средства на сумму свыше 28 млн рублей, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам.

Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) является одним из наиболее распространенных преступлений в сфере металлургии и, как правило, связано с оборотом лома цветных и черных металлов. Предприятия вторичной переработки сырья (Вторчермет), а также иные организации, в том числе и частные, имеющие соответствующие лицензии, собирают промышленный и бытовой лом и после надлежащей подготовки поставляют его на металлургические заводы[1].

Относительно легкая возможность сбыта металлического лома, высокая закупочная цена, достаточные ресурсы повлекли за собой увеличение организаций, предприятий и частных предпринимателей, занимающихся сбором металлолома[2]. В связи с этим здесь совершаются преступления, связанные с незаконным использованием прав на осуществление предпринимательской деятельности.

Сфера заготовки, переработки и реализации лома черных и цветных металлов продолжает оставаться неблагополучной не только в плане незаконного предпринимательства, но и сокрытия полученных доходов с целью уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей, о чем было сказано выше.

Для совершения этих преступлений используются такие приемы, как:

а) незаконный прием, переработка и реализация лома черных и цветных металлов физическими и юридическими лицами, не имеющими лицензии на данный вид деятельности. Это наиболее распространенный прием совершения незаконного предпринимательства;

б) незаконный прием, переработка и реализация лома черных и цветных металлов физическими и юридическими лицами, не имеющими собственной производственной площадки.

Хищения и незаконный оборот драгоценных металлов совершаются в основном на предприятиях, осуществляющих производство никеля, кобальта, платины, меди и другой продукции. К таким предприятиям

---

[1] Белозерова И.И. Расследование преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью и неуплатой налогов в сфере малого бизнеса. Дис…канд. юрид. наук. М., 2000. С. 61.

[2] Колесников П.М. Расследование незаконного предпринимательства. Дис…канд. юрид. наук. М., 2007. С. 50–51; Петросян Д.А. Незаконное предпринимательство в сфере оборота черных металлов // Российский следователь. 2008. № 9. С. 16–17.

относится, например, Норильский горно-металлургический комбинат, где имеются цех электролиза никеля, цех электролиза меди, металлургический цех и другие технологические участки. На этих участках в процессе переработки руды и производства никеля, меди и других материалов образуются золотосодержащие продукты, которые затем порой изымаются из технологических процессов, укрываются в тайниках на территории цехов и участков, затем выносятся за пределы предприятия и сбываются различным лицам[1].

Среди других видов преступлений, совершаемых в металлургическом комплексе, встречаются достаточно разнообразные преступления. Это контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере. В частности, на автомобильном пункте пропуска, задержано автомобильное транспортное средство, перевозящее в Литву под видом лома электронных плат более 10 тонн незадекларированного керамического порошка из автомобильных катализаторов, содержащего драгоценные металлы платиновой группы (платина, палладий, родий) общей стоимостью свыше 13 млн рублей.

Имеют место совершение валютных операций с предоставлением в кредитные учреждения подложных документов, квалифицируемых по ст. 193.1 УК РФ, незаконное использование документов для образования юридического лица, использование чужого товарного знака. Например, организованная группа, заранее объединившаяся для извлечения дохода за счет реализации товаров с незаконным использованием чужого товарного знака, наладила производство металлических профилей для монтажа гипсокартона, на которые наносились надписи и иные маркировки, свидетельствующие о производстве указанной продукции компанией «КНАУФ». Согласно заключению, предоставленному компанией «КНАУФ Гипс КГ», представленные для исследования металлические профили, приобретенные в ходе ОРМ «проверочная закупка», не могли быть изготовлены на производстве предприятия.

Также совершаются преступления по отмыванию преступных доходов, незаконной банковской деятельности и др.

Таким образом, в металлургическом комплексе совершаются достаточно разнообразные виды преступлений экономической направленности, основными из которых являются преступления против собственности, налоговые преступления и незаконное предпринимательство

[1] Подробнее об этом см.: Ларичев В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых при добыче, производстве, использовании и обращении драгоценных металлов: научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012; Ларичев В.Д., Серов П.М., Лиханов И.В. Предупреждение и пресечение преступлений на предприятиях, осуществляющих добычу и переработку драгоценных металлов: учеб.пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2005.

Чернышев Дмитрий Борисович,
преподаватель кафедры
уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
майор полиции

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) представляет повышенную общественную опасность в связи с тем, что объектом преступного посягательства помимо собственности выступает также общественная безопасность. Это обосновывает актуальность криминологического исследования данного явления.

В связи с тем, что данные о реальном состоянии преступности в сфере ЖКХ в официально издаваемых сборниках и отчетах ГИАЦ МВД России не публикуются, полученные нами по запросу актуальные сведения представляют значительный интерес для исследователей[1]. Нами были получены сведения за период с 2019 по 2020 годы, а также за 6 месяцев 2020 года.

В результате изучения было установлено следующее:

Состояние преступности в сфере ЖКХ в 2015 году составило 2 751 преступление, в 2019 году –1 642 преступления, а за 6 месяцев 2020 года совершено 1 496 преступлений. Всего за 5 лет зарегистрировано 10 735 преступлений, совершенных в сфере ЖКХ. Среднеарифметический показатель за период с 2015 по 2019 годы составляет 2 147, что свидетельствует о тенденции к снижению.

Коэффициент преступности в сфере ЖКХ из расчета на 100 тыс. человек на территории России в 2015 году составляет 1,880 (при численности населения на 01 января 2016 года –146 267 288 человек[2]), а в 2019 году, при численности населения на 01 января 2020 года в 146780720 человек[3], составляет 1,118. При увеличении в период с 2015 по 2019 год числа граждан, проживающих на территории России на 513 432 человека, коэффициент преступности имеет тенденцию к снижению на 0,762.

---

[1] Письмо ФКУ ГИАЦ МВД России от 30.10.2020 «Статистические сведения о преступлениях, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства, за 2015–2019 годы и январь-июнь 2020 года в разрезе субъектов Российской Федерации»

[2] Численность населения Российской Федерации по муниципальным образования на 1 января 2016 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gsk.ru (дата обращения: 03.05.2021).

[3] Численность населения Российской Федерации по муниципальным образования на 1 января 2020 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gsk.ru (дата об-ращения: 03.05.2021).

Динамика абсолютного количества преступлений, совершенных в сфере ЖКХ, в период с 2015 по 2019 годы, также характеризуется спадом. Так, в 2015 году было зарегистрировано 2 751 преступление, в 2016 году – 2 321 (снижение на 15,7%), в 2017 году – 2 159 (снижение на 7%), в 2018 году – 1 862 (снижение на 13,88%), в 2019 году – 1 642 (снижение на 11,9%). Так, за 5 лет количество зарегистрированных преступлений сократилось в 1,6 раз.

Несмотря на постоянно снижающееся количество регистрируемых на территории России преступлений, удельный вес преступности в сфере ЖКХ в структуре всей преступности на территории России неуклонно уменьшался. Так, на протяжении 5 лет наблюдается стабильная динамика – сохранение темпа снижения удельного веса преступности в сфере ЖКХ на 0,01% ежегодно. Наблюдается также постоянное снижение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, совершенные в сфере ЖКХ. Так, если в 2015 году данный показатель составил 1 247, то в 2016 году – 1 159 (снижение на 7,1%), в 2017 году – 1 010 (снижение на 12,9%), в 2018 году – 952 (снижение на 5,8%), в 2019 году – 877 (снижение на 7,9%). Наибольший показатель среднего коэффициента преступности (за 5 лет наблюдений – с 2015 по 2019 год) зафиксирован у Северо-Кавказского Федерального округа, и составил 1,949, далее с небольшим отставанием идет Южный Федеральный округ (значение – 1,933), далее следуют Приволжский Федеральный округ (1,731), Северо-Западный Федеральный округ (1,694), Дальневосточный Федеральный округ (1,501), Уральский Федеральный округ (1,437), Центральный Федеральный округ (1,099), наилучшие показатели у Сибирского Федерального округа (0,918).

В целях установления криминогенных факторов, которые могут обуславливать высокий уровень преступности в сфере ЖКХ на территориях с наибольшим коэффициентом (Северо-Кавказский Федеральный Округ), необходимо сравнить их с основными социально-экономическими показателями. Согласно полученных данных, Северо-Кавказский регион показывает наихудшие результаты в сравнении с другими регионами по всем основным позициям: уровню занятости населения (55,5%), уровню безработицы (10,5%), среднедушевым денежным доходам населения в месяц (23253 р.), числу собственных легковых автомобилей на 1 000 населения (230,7), численности студентов Высших учебных заведений на 10 000 населения (217), численности зрителей театров и числу посещений музеев на 1 000 человек (364), валовому региональному продукту на душу населения (190 258,1 р.), обороте розничной торговли на душу населения (157 308 р.), объему

платных услуг на душу населения (43 096 р.), объему коммунальных услуг на душу населения (8 887 р.)[1].

В сравнении с упомянутым регионом, Центральный Федеральный округ, имеющий один из наименьших средних коэффициентов преступности (1,099), наоборот, имеет наилучшие средние показатели социально-экономического развития. Сопоставление таким образом данных криминальной статистики, данных изучения социально-экономического положения территории страны, позволяет сформулировать тезис о том, что количество преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере ЖКХ, находится в зависимости от ключевых социально-экономических показателей соответствующих территорий, в частности уровня жизни, культурного развития населения.

Преступность в сфере ЖКХ является корыстной, соответственно цена преступности измеряется в совокупном причиненном имущественном ущербе. В рассматриваемый период (с 2015 по 2019 годы) данный показатель демонстрировал значительные колебания. Так, в 2015 году он составил 6 505 349 тыс. рублей, в 2016 году – 6 293 123 тыс. рублей, в 2017 году – 4 926 383 тыс. рублей, в 2018 году – 11 122 016 тыс. рублей, в 2019 году – 3 843 455 тыс. рублей. За 6 месяцев 2020 года размер причиненного ущерба составил 6 575 454 тыс. рублей. Однако если посчитать общий совокупный ущерб, причиненный данными преступлениями за весь рассматриваемый период (2015–2019 годы, 6 месяцев 2020 года), который составляет 39 265 780 рублей, и вычислить среднее значение ущерба на одно зарегистрированное преступление (учитывая, что за тот же период совершено 12 231 преступление), мы приходим к выводу, что в среднем одно преступление в сфере ЖКХ причиняло имущественный ущерб в размере около 3 210 тыс. рублей, который, применительно к нормам УК РФ, является особо крупным и требует квалификации по наивысшей части вменяемой статьи.

Также, оценивая совокупный ущерб от преступлений, совершенных в сфере ЖКХ за указанный период в общей массе ущерба, причиненного за тот же период всеми преступлениями, зарегистрированными на территории России (данный показатель составляет 2 891 089 601 тыс. рублей), мы видим, что он занимает 1,36%, что более чем в 13 раз превышает удельный вес количества совершенных в сфере ЖКХ преступлений (в среднем около 0,1%). Таким образом, говоря о характере преступности в сфере ЖКХ, можно сделать вывод о том, что преступления преимущественно посягают на собственность, причиняя имущественный ущерб в особо крупном размере.

[1] Федеральная служба государственной статистики. Регионы России: социально-экономические показатели в 2019 г. Официальное издание. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vUqE8bzY/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что уровень преступности в сфере ЖКХ имеет устойчивую тенденцию к снижению, однако средний причиненный преступлениями ущерб, напротив, возрастает, превышая порог особо-крупного. При этом уровень преступности имеет прямую зависимость от основных социально-экономических показателей региона.

Черкашин Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В настоящее время наблюдается динамичное развитие различных направлений науки, промышленности, образования. Сфера технических инноваций также подвержена постоянным трансформациям, и продукты научных изысканий поступают на службу государству и обществу. Наряду с развитием телекоммуникационных сетей, появились новые виды преступности, в т.ч. терроризма, а также способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, осложняя задачу правоохранительным органам тем, что зачастую субъекты противоправных деяний находятся за рубежом.

В Российской Федерации вопросы международно-правового сотрудничества в сфере обеспечения безопасности в информационной среде регулировались нормативно-правовым актом, принятым в 2013 г., «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года»[1]. Несмотря на то, что срок действия данного документа был ограничен 2020 г., на сегодняшний день не принято нового подобного акта, регулирующего вопросы международного сотрудничества в части обеспечения информационной безопасности. В частности, не выработаны единые подходы в определении понятий информационной безопасности, критерии оценки, классификатор. Существует ряд доктрин и иных правовых актов, регулирующих некоторые вопросы взаимодействия стран, единообразия противодействия, например, определение угрозы информационной

[1] Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

безопасности и некоторые способы противодействия содержатся в Доктрине об информационной безопасности[1], но этого объективно недостаточно.

Нельзя не отметить, что в законодательном аспекте предпринимались определенные шаги, в частности, в 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации[2], введена статья 274.1, положениями которой предусматривается уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, что в некотором плане положительно сказалось на правоприменительной деятельности, предоставив возможность квалификации целой группы противоправных деяний.

Однако, практика внедрения информационных технологий без взаимодействия с обеспечением информационной безопасности существенно повышает вероятность проявления информационных угроз, поэтому необходим комплексный, и, в то же время, единообразный подход к прогнозированию и решению данных проблем, в том числе в рамках международно-правового сотрудничества.

Несомненно, что для результативного противодействия указанным видам вызовов и угроз необходима эффективная организация данного направления деятельности. Как справедливо отмечается М.Н. Алиевой, только принятие скоординированных и взаимодополняющих мер на двустороннем, региональном и международном уровнях позволит адекватно противостоять современным вызовам и угрозам безопасности в информационной сфере[3].

Проанализируем Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации»[4] (далее – Стратегия развития). Стоит отметить, что перед принятием данный акт был вынесен на общественное обсуждение, и задавалась цель его положений – иметь стратегически решающее значение в вопросах обеспечения информационной безопасности. Однако в самой Стратегии развития обозначена только цель – создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. О международном сотрудничестве в данном акте

---

[1] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Алиева М.Н. Проблемы международно-правового сотрудничества в сере информационной безопасности // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 24. № 4. С. 100.

[4] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

упоминается лишь косвенно. Во II параграфе отмечается, что международно-правовые механизмы, позволяющие отстаивать суверенное право государств на регулирование информационного пространства, не установлены. Государства-участники вынуждены ситуативно адаптировать государственно-правовое регулирование к новым обстоятельствам[1].

Таким образом, данный акт лишь констатирует некоторые проблемные вопросы международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Из механизмов реализации Стратегии развития можно отметить упоминание об установлении культурных и образовательных связях с иностранными гражданами, однако, как это прямо будет влиять на обеспечение информационной безопасности, трудно представить.

В ст. 36 Стратегии развития указаны направления развития информационных технологий в целях получения технологических преимуществ, тем не менее речь идет больше о конкурентоспособности Российской Федерации на мировой арене, а не о способах взаимодействия с другими странами.

Также стоит заметить, что на сегодняшний день еще не выработан правовой механизм защиты граждан от информационных угроз, которые связаны с негативным воздействием на информационную среду. Кроме перечисленного, значимым препятствием налаживания продуктивных отношений является некое «информационное неравенство между развитыми и развивающимися странами» и одним из направлений сотрудничества послужило бы преодоление указанного условного барьера.

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что действующая нормативно-правовая база по вопросам международно-правового сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности достаточно формальна и не содержит конкретных способов и методов взаимодействия, а также эффективных гарантий защиты граждан.

Таким образом, нами предлагается создание единого международного акта, при помощи которого предполагается определить унифицированные подходы к понятиям цели, задач сотрудничества; основные угрозы информационной безопасности; обозначить основные направления международного сотрудничества, а также механизм их реализации, а также содержать положения об ответственности государств в международном информационном пространстве. По нашему мнению, урегулированность вопросов международного сотрудничества в части нейтрализации информационных угроз, прозрачность действий, качественно повысят эффективность обеспечения безопасности в данной сфере.

---

[1] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Ураков Дмитрий Игоревич,
доцент кафедры
огневой подготовки
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, майор полиции

Сидякова Татьяна Алексеевна,
курсант 308 учебной группы
Нижегородской академии МВД России,
рядовой полиции

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ К ПРИМЕНЕНИЮ ОРУЖИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Практически во всех странах сотрудниками правоохранительных органов применяется физическая сила, специальные средства и огнестрельное оружие. Огнестрельное оружие имеет большой риск применения, от чего зависит здоровье и жизнь, как населения, так и самого сотрудника. Поэтому законодательные акты, регулирующие применение огнестрельного оружия, особенно важны для сотрудников органов внутренних дел, и использовать оружие возможно лишь на законных основаниях, соблюдая меры безопасности. Но в реальной жизни происходят ситуации, когда перед представителями правопорядка ставятся задачи повышенной сложности и для их успешного разрешения необходим высокий уровень подготовленности, как в физическом, так и психологическом плане.

В средствах массовой информации широко освещаются события, в которых происходит нападение на сотрудников полиции. К сожалению, такие факты действительно имеют место быть, и они приводят к печальным последствиям.

Говоря об актуальности темы, в первую очередь хочется отметить, что действующее Наставление по организации огневой подготовки в ОВД не в полной мере способствует подготовке сотрудника полиции к правомерному применению оружия, так как во время действительного огневого контакта сотрудник будет вынужден перемещаться, а не стоять на месте в статичном положении, цель также не будет находиться неподвижно в ожидании ее поражения.

Правовые основы применения оружия, гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника изучаются в ходе освоения теоретического раздела огневой подготовки, а вот при выполнении каких стрелковых упражнений их закреплять на практике, совершенно другой вопрос и не всем может быть понятен.

В Нижегородской академии МВД России вопросы правомерности и тактики применения огнестрельного оружия рассматриваются с курсантами при изучении дисциплин «Огневая подготовка», «Основы профессиональной деятельности» и «Основы личной безопасности». Со слушателями факультета профессиональной подготовки в рамках прохождения факультативной дисциплины «Совершенствование стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия и метания ручных осколочных гранат».

При проведении занятий используется метод моделирования возможных ситуаций, связанных с применением огнестрельного оружия при несении службы. При этом проводить занятие можно как с распределением ролей между учащимися, так и при помощи различных интерактивных тренажеров. В частности, в НА МВД России установлены комплект «Стрелковый дом + панорамный интерактивный тир», а также аппаратно-программный комплекс для обеспечения огневой подготовки с элементами дистанционных образовательных технологий «ИСКРА-9Д» с использованием боевого оружия и лазерных тренажеров, при помощи которых и отрабатываются элементы правомерности и тактики применения огнестрельного оружия.

Для устранения проблемы проявления отрицательных психологических аспектов, например, чрезмерная активность, эмоциональность, особенно в ситуации стресса, переживания во время стрельбы. Все это порождает ряд ошибок, которые отрицательно сказываются на точности и эффективности, а в будущем могут стоить жизни. Наиболее разработанную концепцию профессионально-психологической подготовленности к действиям в опасных ситуациях предложил А.И. Папкин[1]. По его мнению, она включает формирование ряда необходимых элементов: индивидуальной концепции сотрудника субъективно-личностного видения поведения в экстремальной ситуации, морально-психологических качеств, познавательных и интеллектуальных качеств, эмоционально-волевых свойств личности, коммуникативных качеств. Формирование морально-психологической устойчивости необходимо для курсантов, так как оно позволяет контролировать значительное нервно-психическое напряжение и минимизировать негативные эмоции.

Стоит отметить тот факт, что сотрудники полиции Российской Федерации имеют гораздо меньше прав, чем зарубежные коллеги. Данные основания для использования огнестрельного оружия закреплены в каждой стране и имеют между собой некоторые отличия, в каких-то странах эти отличия достаточно существенные. Если сравнивать Российскую

[1] Папкин А.И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. М.: РИПК МВД России, 1996. – 34 с.

Федерацию с Республикой Беларусь и Соединенными Штатами Америки, то можно сделать вывод, что условия, при которых сотрудники могут применить огнестрельное оружие в данных странах гораздо шире, чем в нашем государстве. В данных странах выше, чем в России, гарантии личной безопасности вооруженных сотрудников, что положительно для правоохранительных органов, но имеет негативную оценку среди граждан. А вот Великобритания относится к тем странам, в которых полицейские при несении службы по охране общественного порядка не вооружены огнестрельным оружием. По статистическим (отчетным) данным большая часть жителей Великобритании считает, что вооружить полицию – значит нарушить главные принципы ее работы. Долг полицейских в Великобритании – перед гражданами, а не перед государством. Одной из основных целей полиции является защита и соблюдение основных прав и свобод человека в том виде, в котором они закреплены в международных нормативных правовых актах, в частности в Европейской конвенции о правах человека[1].

Таким образом, необходимо сказать о единстве и различии законодательства, регламентирующего применение оружия полицейскими. При этом также стоит подчеркнуть, что законодательство является динамичным и конечно претерпевает определенные изменения со временем.

На данный момент в России насчитывается немало примеров применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Необходимо отметить тот факт, что в отличие от законодательства США, в УК РФ зафиксирован более широкий спектр обстоятельств привлечения к уголовной ответственности сотрудников полиции за незаконное применение огнестрельного оружия. Ответственность за его неправомерное применение по законодательству России закреплена в ст. 38, 39, 41, 108, 114, 286 УК РФ, тогда как в США всего лишь 2 статьи устанавливают ответственность за незаконное применение огнестрельного оружия – 1.8.1 «Убийство», 1.8.2 «Причинение телесных повреждений»[2]. Но зачастую в нашей стране сами сотрудники привлекаются к уголовной и дисциплинарной ответственности, за неправомерное применение огнестрельного оружия. Это влечет к тому, что уровень применения огнестрельного оружия на практике не высокий, так как сотрудники не хотят лишний раз, без особой необходимости рисковать.

---

[1] Европейский Кодекс полицейской этики. Рекомендация Rec. (2001)10. Принят Комитетом Министров Совета Европы 19 сентября 2001 года. URL: http://www.os.x-pdf.ru/20yuridicheskie/542467-1evropeyskiy-kodeks-policeyskoy-etiki-rekomendaciyarec 200110-prin.php (дата обращения: 19.03.2021).

[2] California Penal Code. Online legal research system FindLaw Codes. URL: http://codes.findlaw.com/ ca/penal-code (дата обращения: 04.04.2021).

Примером правомерного применения огнестрельного оружия служит недавняя ситуация, которая произошла 23 мая 2021 года в Кирове, где сотрудниками полиции применено табельное оружие для остановки транспортного средства. Наряд ДПС заметил автомобиль «Шевроле Нива». На требования полицейских об остановке водитель не реагировал и продолжал движение, в следствии чего началось преследование данного автомобиля. С помощью громкоговорящего устройства инспекторы неоднократно требовали остановить транспортное средство, однако лицо управляющее транспортным средством требование игнорировало. Сотрудники полиции приняли решение о применении огнестрельного оружия, о чем с помощью громкоговорящего устройства предупредили правонарушителя. Остановить водителя удалось после того, когда на его автомобиле прострелили колеса. В результате преследования пострадавших нет[1].

Как итог можно сказать, что необходимо проводить дополнительное обучение в рамках повышения квалификации по правомерности применения огнестрельного оружия, которое не должно сводиться к банальному заучиванию норм ФЗ «О полиции». Для формирования навыков профессионально грамотного сотрудника ОВД, в процесс обучения необходимо включить тренинги, обсуждение и разбор реальных ситуаций, в которых сотрудники полиции вынуждены применять огнестрельное оружие, а также отработку действий сотрудника полиции по применению оружия при возникновении внештатных ситуаций.

Фишер Иван Владимирович,
старший преподаватель кафедры
огневой подготовки ТИПК МВД России,
подполковник полиции

ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА СЛУШАТЕЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Современное российское общество предъявляет новые повышенные требования к деятельности органов внутренних дел, связанной с защитой законных прав и интересов граждан, выявлением и пресечением преступных проявлений, задержанием правонарушителей и привлечением их к установленной законом ответственности.

Инструментами реализации поставленных задач является проводимая модернизация системы МВД, изменения законодательных

[1] URL:http://m.vkirove.ru/news/2021/05/24/strelba_po_kolesam_v_kirove_na_pavla_korchagina_23_maya.html (дата обращения: 24.05.2021).

основ и нормативного регулирования ее деятельности. В частности, вступивший в силу закон «О полиции» наделяет сотрудников правом на применение огнестрельного оружия при исполнении служебных обязанностей и достаточно четко определяет такие случаи и порядок действий полицейского.

При этом основными задачами огневой подготовки являются:

– приобретение сотрудниками знаний материальной части оружия и боеприпасов, их тактико-технических характеристик, мер безопасности при обращении с ними, теоретических основ стрельбы;

– формирование у сотрудников необходимых умений и навыков правомерного применения оружия, ведения огня в различной обстановке, быстрого обнаружения цели и определения исходных установок для стрельбы, умелых действий с оружием во время стрельбы[1].

Между тем базовая огневая подготовка сотрудников всех практических подразделений ОВД должна включать следующие разделы:

1) правовые основы применения огнестрельного оружия;

2) меры безопасности при обращении с огнестрельным оружием и боеприпасами;

3) материальная часть оружия;

4) приемы и правила стрельбы;

5) учебные и контрольные стрельбы из огнестрельного оружия.

Порядок и условия выполнения нормативов по огневой подготовке и упражнений Курса стрельб Отработка нормативов по огневой подготовке относится к практическим тренировкам с оружием и является частью практического раздела. Кроме этого, выполнение норматива обязательно для определения индивидуальной оценки сотрудника полиции по огневой подготовке.

Анализ применения правоохранительными органами табельного оружия показывает, что в большинстве случаев оно применяется в темное время суток, в условиях ограниченной видимости и освещенности. Кроме того, как правило, стрельба ведется в ограниченное время, когда у сотрудников полиции нет возможности спокойно и тщательно прицелиться. Очень часто стрельба ведется «навскидку», опережая нападающих правонарушителей и, как правило, с небольших расстояний до десяти метров. И только в ситуациях преследования (задержания) правонарушителей и остановки автотранспорта стрельба ведется с расстояний от десяти до двадцати пяти метров. На практике сотрудник органов внутренних дел, выполняя служебную задачу, должен метко стрелять из различных положений, в которых его может застигнуть необходимость применить оружие и тем способом, к которому вынудили обстоятельства. Тем более, что при стрельбе прицеливание может

[1] Щипин А.И., Ковшов Н.В., Шестопалова Е.В., Дьякова Е.Ю. Огневая подготовка в органах внутренних дел: учеб.-метод. пособие. М., 2007.

выполняться не только с помощью мушки и целика, но и по стволу (при стрельбе «навскидку») или по плоскостям (при стрельбе от пояса)[1].

Важной задачей является и соответствие требованию минимизации причиняемого вреда при применении огнестрельного оружия.

С учетом анализа реальной практики, эффективности, условий и дистанций производства выстрелов, можно выделить основные факторы, затрудняющие прицельную стрельбу. Это:

– ограничение времени;
– наличие групповой цели;
– ограничение видимости;
– физическая нагрузка;
– задержки при стрельбе;
– смена магазина;
– наличие посторонних граждан в секторе обстрела;
– стрельба на опережение;
– противодействие со стороны правонарушителей.

Также можно констатировать, что в реальной практике стрельба, как правило, предусматривает быстротечность огневого контакта, при этом сотрудник еще должен точно оценить ситуацию и принять правильное решение о правомерности применения оружия.

При применении оружия сотрудником полиции немаловажную роль в качестве стрельбы играют экстремальные, стрессовые нагрузки, вызванные определенными факторами, к которым можно отнести следующие:

– шок от нападения преступника, проявляющийся в дрожании колен, рук, появлении паралича и т. д.;
– невозможность выполнения сложных движений, отказ моторных функций;
– частичная глухота;
– «туннельное видение», восприятие только событий, развивающихся перед сотрудником;
– повышение границы восприимчивости к боли;
– страх перед последствиями от применения огнестрельного оружия.

Процесс ведения огня (стрельбы) складывается из объединения следующих элементов: хватки, изготовки, прицеливания и спуска. При подготовке сотрудника полиции их рассматривают отдельно, но необходимо помнить, что все вышеназванные части неразрывно взаимосвязаны и недостаточное внимание к отработке любой из них негативно влияет на весь процесс в целом.

Учитывая, что незамеченные ошибки начинающего стрелка могут стать для него вредными навыками, руководитель стрельб должен сам

[1] Торопов В.А. Огневая подготовка: учеб. / под. общ. ред. В.П. Сальникова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004.

проверить каждого сотрудника на тренировке без патрона, а на первых стрельбах проследить за каждым выстрелом. Исправляя замеченные ошибки, руководитель должен установить причины, побуждающие стрелка к этим ошибкам, так как без устранения причины, вызывающей определенную ошибку, нельзя исправить и саму ошибку.

Приведенные сведения характеризуют особенности так называемой «полицейской стрельбы» и являются исходными для современной системы огневой подготовки сотрудников полиции, обучающихся по программам профессионального обучения. Руководителям стрельб и преподавателям необходимо строить процесс обучения по различным разделам огневой подготовки с учетом современных требований и реальной практики его применения сотрудниками полиции[1].

Огневая подготовка в системе обучения сотрудника полиции является важным элементом формирования и развития его профессиональных качеств и направлена на эффективное и правомерное применение огнестрельного оружия в процессе их служебной деятельности.

Хадисов Магомед-Рамзан Бувайсарович,
декан факультета
технологии и менеджмента в образовании ФГБОУ ВО
Чеченский государственный педагогический университет,
кандидат экономических наук, доцент

Краснослободцев Алексей Александрович,
Магистрант института цифровой экономики
и технологического предпринимательства ФГБОУ ВО
Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Экономическая безопасность входит в структуру национальной безопасности страны. Поэтому исследование этого термина экономической безопасности целесообразно начинать с понятия национальной безопасности как более общего понятия.

Термин национальной безопасности исследуется в рамках как международного права, так и национальных отраслей права внутри

[1] Бойцов В.Г., Ланин С.Г. Огневая подготовка: Материалы к экзамену: учеб.-метод. пособие. Брянск: БФ МосУ МВД России, 2006.

каждого государства. В случае исследования национальной безопасности в рамках теории международных отношений следует учитывать, что оно проистекает из более общего понятия международной безопасности.

Термин «международная безопасность» в теории международных отношений является одним из объектов регулирования норм международного права, при этом он определяется как состояние мира и отсутствие войны. То есть в международном праве понятие международной безопасности имеет милитаризированный оттенок и понимается в военном смысле.

Международная безопасность понимается в широком смысле как отсутствие масштабных межстрановых войн и в региональном понимании. На мировом уровне имели место всего две мировые войны, все остальное известное время постоянно имеют место быть вооруженные столкновения регионального или локального характера, – яркий пример – развязавшаяся локальная война в Нагорном Карабахе в сентябре 2020 года.

Основной международной организацией в области обеспечения безопасности является Организация Объединенных Наций (ООН), в Уставе которой содержится правовой статус специального органа в области безопасности – Совета Безопасности ООН[1].

Основы послевоенного построения международных отношений и международной безопасности были закреплены в Уставе ООН. В п. 1 ст. 1 Устава ООН определена одна из главных целей ООН: «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»[2].

Соответственно, под правом международной безопасности следует понимать систему норм и принципов, которые регулируют военно-политические отношения государств в целях обеспечения мира и международной безопасности[3].

Итак, международная безопасность, которая определяется как состояние мира и отсутствие войны. То есть в международном праве понятие международной безопасности имеет милитаризированный оттенок и понимается в военном смысле.

В структуре международной безопасности выделяется национальная безопасность, понятие которой синхронизируется с термином

---

[1] Толстых В.Л. Курс международного. М.: Волтерс Клувер, 2019. С. 588.

[2] Устав Организации Объединенных Наций // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Международное публичное право / отв. ред. К. А. Бекяшев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2020. С. 391.

государственной безопасности, то есть такого состояния, при котором государство находится в состоянии защищенности от внутренних и внешних военных, экономических и социальных угроз. Понятие национальной безопасности дается разными авторами по-разному. Так, А.П. Герасимов понимает состояние отсутствия угроз геополитическому, социальному и экономическому благополучию государства, обеспеченное отсутствием внешних и внутренних угроз[1].

Другой автор, Э.И. Скакунов, под национальной безопасностью понимал симбиоз общественной и государственной безопасности, при этом общественная безопасность – это цель, а государственная безопасность – есть средство ее обеспечения в целях защиты прав и интересов граждан страны[2].

Национальная безопасность тесно связана с международной безопасностью, поскольку войны на международной арене всегда захватывают несколько стран (минимум две), то есть при наличии угроз международной безопасности всегда имеется угроза и национальной безопасности отдельно взятых государств.

В настоящее время угрозами национальной безопасности являются множество факторов как внутреннего, так и внешнего свойства, начиная от социальных конфликтов, заканчивая основной угрозой международной безопасности современности – распространения вируса COVID-2019.

Для национальной безопасности как категории международного права можно выделить несколько сущностных признаков, которые позволяют понять и идентифицировать ее природу с теории международных отношений:

– состояние национальной безопасности – есть ключевая цель каждого государства в мире;

– состояние национальной безопасности должно быть нормальным состоянием для каждого современного государства;

– состояние национальной безопасности достигается не столько ликвидацией внутренних и внешних угроз, сколько посредством их контроля и управления механизмом защиты общества и государства от их воздействия;

– национальная безопасность определяется, прежде всего, в отношении граждан, поскольку государство должно служить интересам общества, а не наоборот;

– уровень обеспеченности национальной безопасности может быть определен посредством количественных и качественных измерений по

---

[1] Герасимов А.П. Роль государства и права в обеспечении социальной безопасности. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 2016. С. 87.

[2] Скакунов Э.И. Всеобъемлющая безопасность: модель перестройки международных отношений // Государство и право. 2018. № 5. С. 104.

системе параметров, отражающих политико-правовое и социально-экономическое состояние государства[1].

Итак, национальная безопасность входит в понятие международной безопасности и является ее частным необходимым условием. Национальная безопасность – есть состояние защищенности в рамках отдельно взятого государства, тогда как международная безопасность – есть отсутствие войны между странами. Под национальной безопасностью следует понимать такие состояние взаимодействия внутренних и внешних факторов существования государства, при котором обеспечен минимальный уровень социально-экономической и военной защищенности государства от внутренних и внешних угроз. Национальная безопасность – есть цель и основной вектор деятельности государственного аппарата, поскольку государство призвано служить обществу, своему населению и обеспечивать его безопасное и достойное существование.

Необходимость формирования механизма экономической защищенности какой-либо структуры – критерий ее вхождения в систему рыночных отношений, поскольку определенный уровень рыночности хозяйствующей структуры требует соответствующего уровня развитости механизма безопасности[2].

Экономическая безопасность страны может быть определена как совокупность индивидуальной экономической безопасности отдельных регионов и их стабильного развития. Экономическая безопасность региона может быть определена как автономия или экономическая независимость, которая проявляется при осуществлении контроля над ресурсами региона и максимизации конкурентных преимуществ[3].

Экономическая безопасность государства – это, прежде всего, его независимость от влияния неблагоприятных внешних и внутренних воздействий, которые приводят к ухудшению экономического положения страны до критического уровня. А следовательно, возникает острая потребность формирования механизмов экономической защищенности на уровне различных структур[4].

Традиционно экономика привлекала внимание в аспекте безопасности тем воздействием, которое она оказывала на финансирование оборонного потенциала и обеспечение функционирования инновационной и эффективной военной промышленности, а также с точки зрения

---

[1] Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб, 2019. С. 27.

[2] Экономическая безопасность России: Общий курс / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2020. – 896 с.

[3] Акбердина В.В., Смирнова О.П. Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 8 (455). С. 1506–1517.

[4] Шубина Н.В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. № 2. С. 288–307.

использования экономических санкций или других невоенных инструментов.

Экономическая безопасность связана с доступом к ресурсам, финансам и рынкам, необходимым для поддержания приемлемого уровня благосостояния и власти в регионе. Кроме того, концепция экономической безопасности относится к долгосрочной безопасности доступа к экономическим возможностям на рынках и ресурсам, таким как люди (человеческий капитал), финансы, энергия, вода, технология и образование. Эта концепция имеет решающее значение для наций, так, как только свободные люди могут строить свободное общество, и их свобода опирается на экономическую безопасность.

Долгосрочная внутренняя стабильность каждого региона является ключевым фактором экономической безопасности. Однако без экономического роста и возможностей для физических лиц свободно выбирать экономическую деятельность не может быть стабильности.

Промышленность считается одной из основных структур хозяйственного комплекса всех современных развитых и развивающихся государств[1].

Вопросы обеспечения и усиления экономической безопасности регионов России рассматривались многими исследователями.

С макроэкономической точки зрения проблема касается бюджета и сокращения дефицита. Микроэкономическая перспектива направлена на обеспечение общих условий благосостояния народонаселения и поддержку других компонентов экономической безопасности. Экономика предлагает средства, человеческие ресурсы, капитал, продукты.

Региональная экономика, в свою очередь, основывается на бюджетно-финансовой, правительственной, денежно-кредитной и промышленной политике, качестве и объеме людских ресурсов, прогрессе, достигнутом в области науки и техники, торговли и международных потоков капитала.

Кроме того, экономическая безопасность – это наличие необходимых средств и возможностей для обеспечения собственного благосостояния в рамках динамичной, доступной и неуклонно растущей экономической системы.

Таким образом, рост глобальной взаимозависимости приводит к повышению уязвимости экономики, в то время как более высокая экономическая специализация, вызванная торговлей (на основе принципа сравнительных преимуществ), иногда подразумевает болезненную адаптацию со стороны работников, что неизбежно приводит к отсутствию безопасности. Кроме того, наблюдается значительное увеличение потоков капитала, ставших более неустойчивыми.

---

[1] Акбердина В.В., Смирнова О.П. Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 8 (455). С. 1506–1517.

Яицкая Елена Александровна,
доцент кафедры
товароведения, туризма и права
ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарского ГАУ
имени В.М. Кокова,
кандидат экономических наук

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Характеризуя современный этап развития общества, первое, на что хочется обратить внимание, это технологический прогресс, который проник во все сферы человеческой жизнедеятельности. В глобальном информационном пространстве сегодня создается, передается и хранится необыкновенно большое количество информационного ресурса радикального содержания, который может нанести непоправимый ущерб государственной и общественной безопасности[1]. В глобальной сети радикальные группировки без всякого стеснения занимаются насаждением своей идеологии и вербовкой в свои ряды новых членов. И что примечательно, у пользователей глобального пространства данный факт не вызывает особого отторжения.

Доступность и анонимность глобального информационного пространства играет на руку, как приверженцам радикалистских движений, так и потребителям транслируемого ими контента. В результате можно наблюдать неуклонный рост материалов радикального содержания в глобальном пространстве и числа потребителей этого материала.

Таким образом, радикализм сегодня вырос в одну из острейших проблем современного государства.

Относительно российского радикализма хотим отметить его характерную черту – вовлечение в данную идеологию преимущественно молодежной публики возрастной категории от 14 до 30 лет. Как известно, именно молодежь, являясь особой социально-демографической группой, демонстрирует готовность попасть под влияние деструктивных идеологий и стать антиобщественными элементами с деформированным сознанием. Молодые люди в большой массе своей выражают желание и готовность совершить противоправные действия радикальной направленности[2].

Такое положение вещей сложилось под влиянием возрастающей зависимости людей от глобального информационного пространства, и в

[1] Вихрян А.П. Радикализация сознания молодежи как питательная среда для проявлений экстремизма и терроризма: проблемы противодействия // В сборнике: Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О.И. Чердакова. 2017. С. 89–95.

[2] Там же.

частности социальных сетей, где пользователи создают свои группы и сообщества по интересам, мировоззрению и ценностным установкам. Слабый контроль глобального пространства со стороны правоохранительных органов еще более усугубил процессы распространения радикальных идеологий.

Глобальное информационное пространство является основным каналом насаждения и транслятором радикальных идеологий, призывающих к агрессивным формам поведения, общения и противостояния, оправдывая при этом совершаемые преступления и террористические атаки, позиционируя их как единственно эффективные в складывающихся обстоятельствах.

Все сказанное отчетливо свидетельствует о необходимости наращивания способов и методов борьбы с данным явлением. А для этого следует устранить основные социально-психологические причины вовлечения молодежи в деструктивные группировки.

Радикализация молодежи посредством сети Интернет является сегодня одной из актуальных. Доступность сети Интернет и мобильной связи только лишь добавили проблем, обусловив возникновение и развитие скрытых каналов пропаганды преступной деятельности[1].

Интернет представляет собой идеальное поле для пропаганды практически любой радикальной деятельности благодаря высокой скорости распространения информации, возможности охватить широкую аудиторию (в особенности молодежную), размещать контент анонимно, без каких либо значительных материальных затрат создать собственный контент, использования злоумышленниками лазеек в несогласованности в законодательствах мира и т. д.

Результатом разрастания конфликтов в странах с нестабильной политической обстановкой и высоким уровнем террористической угрозы стала активизация деятельности по вербовке новых членов в международные террористические и экстремистские организации. Наибольший интерес данный феномен вызвал у молодых людей, чьи социальная позиция, политические и религиозные взгляды не сформированы. Как мы отмечали, сеть Интернет предоставляет большие возможности для распространения пропагандистских материалов и привлечения в ряды радикальных организаций новых сторонников. Преступные организации имеют возможность беспрепятственно,

[1] Лощаков Д.Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35–39.

обезличенно и трансгранично осуществлять координацию своей деятельности, при этом эффективно скрывая следы[1].

Сегодня наибольшую опасность для России представляют бандформирования, участвующие в вооруженном конфликте на территории Сирийской Республики за идею создания Исламского государства (ИГИЛ). Эти лица, имея опыт ведения боевых действий и обладая связями с международными террористическими организациями, по возвращении в Россию ведут работу по распространению радикальной идеологии, создают подпольные экстремистские ячейки и вербуют новых членов для подготовки к совершению террористических актов.

Известно, что в онлайн-пространстве военная кампания ИГИЛ самая масштабная по своей пропагандистской деятельности. В сети транслируются боевые действия, выкладываются снимки жертв, продвигаются в чужие аккаунты нужные хештеги, что привлекает дополнительную аудиторию в лице молодежи, которая ищет способы самовыражения и воспринимает насилие как один из нормальных способов достижения цели[2].

Таким образом, главным оружием радикально настроенных сообществ выступает пропаганда их идей посредством глобального информационного пространства.

Вместе с тем идеологическая информационная кампания, проводимая экстремистами, может также оказывать запугивающее влияние на массы и менять их модели поведения. Этому вызову необходимо противопоставить четко скоординированную и слаженную работу государства и общественности, которую можно разделить на два направления:

– ограничение доступа к запрещенному контенту;

– проведение информационно-просветительских мероприятий[3].

В первом случае Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет осуществляет постоянный мониторинг информационного пространства с целью выявления запрещенных ресурсов, пропагандирующих радикальные идеи. Данная работа актуализируется путем привлечения активистов гражданского сообщества, которые оставляют на соответствующих горячих линиях сообщения об обнаруженных ими материалах радикального содержания. Эти материалы

---

[1] См.: Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117–120.

[2] Там же.

[3] Останина Е.А. Радикализация взглядов современной молодежи // В сборнике: Сборник эссе студентов и учащихся школ по итогам Международных конкурсов эссе от 10.10.2020. Сборник эссе, 2020. С. 82–83.

обрабатываются специалистами, затем передаются в правоохранительные органы для ограничения доступа к ним или удаления.

Что касается информационного противодействия радикальным идеям, то здесь аудитория делится на три группы – те, кто за, те, кто против и колеблющиеся. Именно на колеблющихся и направляют свои усилия приверженцы радикализма. Молодежь, которая живет по принципу «запретный плод сладок», направляет свои устремления в сторону радикализации, чтобы проверить насколько это плохо. По этой причине усилия общественности необходимо направить на пассивные методы воздействия на целевую аудиторию, в числе которых создание баз знаний, методических разработок, иллюстрированных изданий по тематике противодействия радикализму. Подобные мероприятия позволят молодежи получить в любое время информацию о том, что такое радикализм, экстремизм, терроризм, и как противостоять этим явлениям[1].

В заключение отметим, что радикализация молодежи является одной из серьезных угроз безопасности Российского государства, ввиду чего в стране была создана многоуровневая система противодействия данному феномену[2]. Так, на первом уровне были актуализированы федеральные нормативно-правовые акты по вопросам противодействия терроризму и экстремизму; на втором уровне обозначена работа региональных органов власти по профилактике и локализации терроризма и экстремизма; на третьем уровне реализуется административно-правовая работа по выявлению лиц, совершающих административные правонарушения экстремистского содержания в сети Интернет; на четвертом уровне происходит блокировка контента радикального содержания; на пятом уровне выявляются и раскрываются экстремистские преступления в сети Интернет; на шестом уровне реализуются профилактические мероприятия (лекции, семинары, встречи) по противодействию радикализации молодежи[3].

[1] Столяренко Е.В., Столяренко Л.Д. Тенденции молодежного радикализма в современной России: моногр. М.: ООО «Издательство «КноРус». 2017. – 136 с.

[2] Салимов Ф.Н. Противодействие радикализации молодежи как инструмент обеспечения стабильности в обществе // Вестник Таджикского национального университета. 2019. № 2. С. 41–47.

[3] Там же.